

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**This is an authorized facsimile
of the original book,
and was produced in 1975 by microfilm-xerography
by Xerox University Microfilms,
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.**

Тихонравову, Н. С.

ЛѢТОПИСИ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ДРЕВНОСТИ.

ИЗДАВАЕМЫЯ

НИКОЛАЕМЪ ТИХОНРАВОВЫМЪ.

ТОМЪ V.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГРАЧЕВА И КОМЪ.

1863.

Handwritten numbers and scribbles, possibly a library stamp or inventory mark.

PG 3200
T 544
v. 5

Дозволено ценсурой. Москва. Октября 24 дня, 1863 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТАГО ТОМА.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

страни.

Сравнительная мнѳологія *Макса Мюллера*. Переводъ съ англійскаго *И. М. Живаго* 3

II. МАТЕРІАЛЫ.

Новыя свѣдѣнія о *Н. И. Новиковѣ* и членахъ Компаніи типографической. Сообщены *Д. И. Иловайскимъ*. Съ предисловіемъ *Н. С. Тихонравова* 3

Записка *И. Г. Шварца* объ отношеніяхъ къ нему *И. И. Мелеспно* 96

Исторія о вѣрѣ и челобитная о стрѣльцахъ *Саввы Романова*. 111

Плачь городецкихъ раскольниковъ при постройкѣ единовѣрческой церкви. Сообщено *А. С. Павловымъ* . . . 149

Обличеніе на *Иконона патриарха*, написанное для царя *Алексея Михайловича*. 153

III. СМѢСЬ.

Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ. Сообщены *Б. П. Побѣдоносцевымъ* 3

Элегія *Феофана Прокоповича* и отвѣтъ на нее *А. Д. Кантемира*. 37

Раскольниковья сатира прошлаго вѣка 42

Извѣстіе о профессорѣ *Мельманѣ*. Сообщено *Д. И. Иловайскимъ* 44

Два стихотворенія *Марина*. Сообщены *А. Н. Аванасьевымъ*. 45

Опись библіотеки іеромонаха *Евѳимія*. Сообщена *А. Е. Викторовымъ* 50

	стр.
Опись библиотеки графа Андрея Артамоновича Матвѣева и графини Матвѣевой	57
Духовные стихи раскольниковъ. Сообщены <i>А. С. Павловымъ</i> .	80
Для опредѣленія иностранныхъ источниковъ повѣсти о муть-япскомъ воеводѣ Дракулѣ <i>Ф. Ш. Буслая</i>	84
Повѣсти о мудрыхъ женахъ. Сообщены <i>А. Н. Аванасьевымъ</i> .	86
Повѣсть о скверномъ бѣсѣ. Сообщена <i>А. С. Павловымъ</i>	89
Пять древнерусскихъ поученій.	90
Путешествіе пнока Михаила во св. мѣста. Сообщено <i>А. С. Павловымъ</i>	103
Заговоръ отъ укушенія змѣи. Сообщенъ <i>П. Ш. Барсовымъ</i> .	105
Два раскольничьи стиха. Сообщены <i>Н. Ш. С-нымъ</i>	106
Нѣсколько народныхъ заговоровъ.	111
О напастованіи протопопа Аввакума.	113
О заточеніи діакона Феодора	117
Замѣтка для біографіи Сильвестра Медвѣева. <i>Н. Е. Забѣлина</i>	120
Къ матеріаламъ для исторіи Стоглава и его времени. <i>Н. Ш. С-на</i>	126
Замѣтка для исторіи Стоглава. <i>Н. С. Тихонравова</i>	137
Слово о злыхъ женахъ	145

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

I

RESEARCH

СРАВНИТЕЛЬНАЯ МИТОЛОГИЯ.

МАКСА МЮЛЛЕРА.

(Из Oxford Essays, 1856.)

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО И. М. ЖИГАРО.

Федръ. Видишь ли ты этотъ высокій платанъ?

Сократъ. А что?

Федръ. Подъ нимъ есть и дѣнь съ умѣренной прохладой, есть и трава, чтобы есть или прилечь, если захочешь.

Сократъ. Такъ веди туда.

Федръ. Скажи, Сократъ, не здѣсь ли гдѣ-то, на берегахъ Нансса, Оритія, какъ говорятъ, была похищена Борсея?

Сократъ. Да, говорятъ.

Федръ. Не съ этого ли именно мѣста? здѣсь, кажется, воды такъ чисты и прозрачны, и все такъ удобно для дѣвчиныхъ игръ.

Сократъ. Нѣтъ, на двѣ или на три стадіи ниже, тамъ, гдѣ переходъ къ храму Агры; тамъ еще гдѣ-то есть и жертвенникъ Борсею.

Федръ. Я этого не знаю; но скажи, Сократъ, ради Зенса, вѣришь ли ты въ истину этого сказанія?

Сократъ. Неудивительно было бы, если бы я, заодно со всеми мудрыми людьми, сталъ отвергать это сказаніе; тогда бы и я сталъ мудрствовать и говорить, что Оритію унесло порывомъ сѣвернаго вѣтра съ одной изъ близъ лежащихъ скалъ, гдѣ она играла съ своей подругой Фармаксеей; а потомъ, когда она такимъ образомъ погибла, стали говорить, что она была похищена Борсеей отсюда или съ холма Ареса: потому что существуетъ еще другое сказаніе, будто похищеніе совершилось съ того холма, а не отсюда. Но, Федръ, хотя я и признаю всю заманчивость подобныхъ объясненій, я думаю однако, что они требуютъ человека съ особенной энергіей мысли и

способностью къ усиленному труду, и притомъ едва ли участь такого человѣка была бы завидна, потому уже, что, покончивъ съ этимъ мифомъ, онъ бы долженъ былъ тѣмъ же самымъ путемъ возстановить первоначальный смыслъ Иппокентавровъ, потомъ Химеры, а тѣмъ нахлынуть цѣлый сонмъ всѣхъ этихъ Горгонъ, Пегасовъ и другихъ необъяснимыхъ и по большей части нелѣпо-баснословныхъ существъ. Много нужно досуга тому, кто, не вѣря въ дѣйствительное бытіе всѣхъ этихъ существъ, захотѣлъ бы путемъ не очень тонкихъ уместованій, принесть для каждаго изъ нихъ правдоподобное объясненіе. Что до меня касается, то у меня совѣтъ итъ на это времени, по той причинѣ, другъ мой, что до сихъ, цорь я не успѣлъ еще, по изреченію дельфійскаго оракула, узнать самого себя: вотъ почему, мнѣ кажется, было бы странно, еслибы, не узнавъ тѣснаго этого, я взялся за другое, постороннее. Потому, устранивъ отъ себя всѣ такіе вопросы, и сдѣлавъ на этотъ счетъ общепринятыя изреченія, и самъ, какъ сейчасъ сказалъ, размышляя не объ этомъ, а о самомъ себѣ: что и такое? звѣрь ли какой, быть можетъ, сложнѣе и неукротимѣе самаго Гифона? или же существо болѣе кроткое и простое, которому природа назначила благородный и скромный удѣлъ? Но, другъ, не это ли то самое дерево, къ которому лежалъ нашъ путь?

Федръ. То самое.

Это мѣсто изъ вступленія къ *Федру* Платона было не разъ приводимо для того, чтобы показать, какъ мудрѣйшій изъ Грековъ думалъ о рационалистахъ своей эпохи. Въ то время въ Аѳинахъ, какъ вездѣ и во все времена, были люди, которые, утративъ вѣру въ чудесное и сверхъестественное, не имѣли достаточно нравственнаго мужества, чтобы безусловно отрицать то, вѣрить чему они не могли себя заставить, и потому старались найти объясненіе, которымъ бы легенды, дошедшія по преданію и освященныя религиозными обрядами и авторитетомъ закона, примирялись съ требованіями разума и съ законами природы. Что Сократъ, хотя и самъ приговоренный къ смерти за невѣріе, имѣлъ не очень высокое мнѣніе о такихъ мыслителяхъ, что онъ считалъ ихъ объясненія нелѣпыми и невѣроятными болѣе самыхъ невѣроятныхъ вымысловъ греческой мифологіи, и даже въ извѣстную пору своей жизни смотрѣлъ на эти попытки истолкованія мифовъ, какъ на профанацію святыни — это ясно какъ изъ приведеннаго отрывка, такъ и изъ многихъ другихъ мѣстъ, встречающихся у Ксенофонта и у самого Платона. Но когда Гротъ въ своей классической „Исторіи Греціи“ пользуется этимъ мѣстомъ и другими сходнаго содержа-

нія, какъ бы для того, чтобы приравнять Сократа къ историкамъ и критикамъ нашего времени, когда онъ свидѣтельствомъ Сократа хочетъ доказать всю бесполезность „доискиваться въ мнѣяхъ греческаго міра небывалой въ нихъ реальной, истинной основы;“ то нѣтъ сомнѣнія, что знаменитый историкъ хочетъ видѣть въ словахъ греческаго философа болѣе того, что въ нихъ дѣйствительно заключается. Цѣль, которую мы имѣемъ при изученіи мѣвовъ какъ Грековъ, такъ и всякаго другаго народа древняго міра, такъ далека отъ той точки зрѣнія, на которой стоялъ Сократъ, что едва ли сказанное имъ въ укоръ современнымъ ему аѳинскимъ раціоналистамъ можетъ быть примѣнено къ намъ. Напротивъ, мы думаемъ, можно доказать, что съ нашей точки зрѣнія изученіе мѣвовъ составляетъ часть той самой задачи, въ разрѣшеніи которой Сократъ полагалъ единственную достойную цѣль философіи. Ибо чтѣ въ настоящее время заставляеть насъ задавать себѣ вопросъ о происхожденіи греческихъ мѣвовъ? Зачѣмъ люди изучаютъ древнюю исторію, мертвые языки, зачѣмъ разбираютъ загадочныя надписи? Что заставляеть ученыхъ интересоваться литературными памятниками не только Греціи и Рима, но и древней Индіи, Персіи, Египта и Вавилона? Отчего младенческія и часто весьма неизящныя преданія дикихъ племенъ привлекають вниманіе ученаго и занимають его мысль? Развѣ мало было говорено, что въ одномъ номерѣ Теймса болѣе мудрости, чѣмъ въ цѣломъ Фукидидѣ? Развѣ романы Вальтеръ-Скотта не занимательнѣе Аполлодора? И сочиненія Бэкона не поучительнѣе ли космогоніи индійскихъ Пуранъ? Что же даетъ жизнь изученію древняго міра? Что же въ нашъ дѣловой, практической вѣкѣ заставляеть людей жертвовать своимъ досугомъ для занятій, которыя, повидимому, такъ непривлекательны и бесполезны,—что иное, какъ не убѣжденіе, что, если мы, по совѣту дельфійскаго оракула, хотимъ узнать, что такое человекъ *есть*, мы должны напередъ узнать, *чѣмъ онъ былъ*? Отъ такого воззрѣнія Сократъ былъ такъ же далекъ, какъ и отъ всѣхъ началъ индуктивной философіи, съ помощію которыхъ люди подобные Колумбу, Леонардо-да-Винчи, Копернику, Кеплеру, Бэкону и Галилею, возродили и утвердили умственную жизнь новой Европы. Соглашаясь вмѣстѣ съ Сократомъ, что главная цѣль философіи есть самопознаніе, мы едва ли можемъ признать средства, предлагаемыя Сократомъ для достиженія этого познанія, вполне соответствующими столь возвышенной цѣли. Сократъ видѣлъ въ человекѣ по преимуществу инди-

видуумъ, человѣческую душу саму по себѣ (an sich), не принимая въ соображеніе того, что каждый человѣкъ есть отдѣльное проявленіе одной общей силы, или, какъ бы выразился Сократъ, единой идеи, которая осуществляется въ безконечномъ разнообразіи человѣческихъ душъ. Сократъ пытается разгадать тайну человѣческой природы, постоянно углубляясь въ собственный духъ, наблюдая таинственныя движенія души, анализируя познавательныя способности, стараясь опредѣлить точныя границы, въ которыхъ совершается дѣятельность каждой изъ нихъ: такимъ путемъ окончательный выводъ, къ которому философія приводила Сократа, былъ тотъ, что онъ знаетъ только, что ничего не знаетъ. Для насъ человѣкъ уже не есть болѣе это изолированное, законченное и находящее удовлетвореніе въ самомъ себѣ существо: для насъ человѣкъ — братъ въ семьѣ братьевъ, членъ цѣлой расы и потому можетъ быть постигнутъ только въ совокупности всѣхъ ему подобныхъ. Для древнихъ самая земля наша была загадкой, потому что они видѣли въ ней нѣчто единственное въ своемъ родѣ, нѣчто, не имѣющее ничего подобнаго себѣ во всемъ мірозданіи; но эта самая земля получила настоящее и новое значеніе, какъ скоро человѣкъ научился видѣть въ ней одну изъ множества планетъ, которыя всѣ управляются общими законами и обращаются вокругъ одного общаго центра. То же самое и относительно духовной природы человѣка: она представляется намъ въ совершенно иномъ свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сталъ сознавать и чувствовать себя членомъ единой великой семьи — какъ бы одну изъ мириадъ подвижныхъ звѣздъ, которыя всѣ повинуются однимъ общимъ законамъ, обращаются вокругъ одного общаго центра и заимствуютъ свѣтъ изъ одного общаго источника. Всемирная или, какъ ее обыкновенно называютъ, „всеобщая“ исторія проложила новые пути для мысли, обогативъ нашу рѣчь новымъ словомъ, котораго не произносили уста Сократа, Платона и Аристотеля. Это слово: **человѣчество**. Гдѣ Грекъ видѣлъ варваровъ, мы видимъ братьевъ; гдѣ Грекъ видѣлъ героевъ и полубоговъ, мы видимъ родичей и предковъ; гдѣ Грекъ видѣлъ отдѣльныя народности (*ἔθνη*), тамъ мы видимъ одно **человѣчество**, которое живетъ, борется и страдаетъ, разлученное океанами, раздѣленное языкомъ и народными распряями, но тѣмъ не менѣе неуклонно, подъ Божественнымъ верховодствомъ, стремящееся къ осуществленію тѣхъ неповѣ-

данныхъ цѣлей, для которыхъ созданъ міръ и среда его поставленъ человекъ; являющій на себѣ образъ и подобіе божіе. Потому-то великая книга исторіи, съ ея листами покрытыми пылью и плесенью вѣковъ, священна для насъ, такъ же, какъ и книга природы. Мы читаемъ яля по крайней мѣрѣ пытаемся читать, въ ней отраженіе вѣчныхъ законовъ. Какъ въ природѣ мы не признаемъ уже дѣйствія демоническихъ силъ или присутствія злаго начала, такъ и въ исторіи мы отвергаемъ безсмысленное стеченіе случайностей или произвольнаго рока. Мы убѣждены, что въ исторіи и въ природѣ нѣтъ ничего неразумнаго и что въ обихѣ человекъ призванъ познавать и чтить проявленія Божественной Силы. Вотъ почему самыя вѣтхія и поближшая страницы преданій такъ дороги намъ, быть можетъ, дороже наиболѣе обильныхъ содержаніемъ главъ въ исторіи новаго времени. Исторія этихъ отдаленныхъ вѣковъ и людей, стоящихъ чуждыхъ, по видимому, нашимъ современнымъ интересамъ, пользуется высокою прелестью при мысли, что она открываетъ намъ исторію нашего собственнаго рода, нашей родной семьи, скажемъ болѣе исторію насъ самихъ. Таки иной разъ, — когда намъ случится, заглянувъ въ ящикъ письменнаго стола, который мы не открывали въ теченіи многихъ лѣтъ, перечитать письма, которыхъ мы въ теченіи многихъ лѣтъ не брали въ руки, — мы начинаемъ читать равнодушно, и хотя увидимъ свой собственный почеркъ, хотя и встрѣчаемъ имена, когда-то близкія нашему сердцу; однако трудно вѣрится намъ, что мы писали эти строки, мы чувствовали эти страданія, мы радовались эти радости.... Но вотъ мало по малу прошедшее, какъ будто придвигается къ намъ, мы сами какъ будто идемъ на встрѣчу этому прошедшему, сердце наше начинаетъ согреваться, и мы снова переживаемъ то, что чувствовали когда-то, давно, и вѣримъ, что эти письма дѣйствительно наши. Нѣчто подобное испытывается нами при чтеніи древней исторіи: сперва она кажется намъ какъ будто чуждой и странной; но чѣмъ пристальнѣе мы вчитываемся, тѣмъ болѣе увлекаемся, и исторіи этихъ древнихъ, такъ давно отжившихъ поколѣній становится какъ бы исторіею нашего собственнаго прошедшаго — ихъ страданія нашими страданіями, ихъ радости нашими радостями. Безъ этого сочувствія къ прошедшему исторія — мертвая буква, и не жадъ

было бы съечь и забыть ее лѣтописи; но, оживленная этимъ чувствомъ симпатіи, исторія становится дорога не только для археолога, но и для всякаго живаго человѣка. Мы видимъ себя на сценѣ, на которой до нашего появленія уже сошло нѣсколько дѣйствій, и на которой мы въ свою очередь призваны играть. Чтобы узнать эту доставшуюся на нашу долю роль, мы должны предварительно познакомиться съ тѣми, кого намъ суждено занять на сценѣ исторіи. Мы видимъ, что одна общая идея должна проходить чрезъ всю великую драму человѣчества. Поэтому естественно оглянуться назадъ, на тѣ явленія, на которыя уже опустилась завѣса прошедшаго. Тутъ приходитъ на помощь историческая наука и вручаетъ намъ путеводную нить, соединяющую прошедшее съ настоящимъ. Многія явленія прошедшаго исчезли невозвратно, и самыя любопытныя изъ нихъ, тѣ, которыми открывается младенчество человѣческаго рода, извѣстны намъ только въ скудныхъ обломкахъ. Вотъ почему, когда археологу удается открыть какой-нибудь новый останокъ этой отдаленной поры, онъ хватается за него съ жадностью біографа, которому печально попался въ руки клочокъ, исписанный его героемъ еще въ дѣтствѣ — когда онъ былъ еще вполне самимъ собою, когда жизнь еще не успѣла наложить на его чело свою тѣнь. Вотъ отчего каждое слово, каждая строка, на какомъ бы ни было языкѣ, такъ дороги намъ, если онѣ носятъ отпечатокъ раннихъ дней человѣчества. Вотъ отчего мы такъ тщательно собираемъ въ нашихъ музеяхъ безыскусственные игрушки, занимавшія младенчество нашего героя, стараясь въ ихъ колоссальныхъ чертахъ угадать тѣ думы, символомъ которыхъ онѣ нѣкогда служили. Многое до сихъ поръ остается необъясненнымъ и гіероглифическій языкъ древности только вползину выдаетъ первоначальныя безсознательныя стремленія челоуѣческаго духа. Не смотря на то, подъ какимъ то небомъ мы ни встрѣчали человѣка, мы убѣждаемся болѣе и болѣе, что искони его нравственный образъ былъ благороденъ и свѣтелъ; самыя его ошибки и сновидѣнія получаютъ смыслъ въ нашихъ глазахъ. На всемъ пространствѣ, на какомъ мы можемъ прослѣдить путь человѣчества въ глубину прошедшаго, даже на самыхъ низкихъ ступеняхъ исторіи, мы видимъ, что божественный лучъ разума былъ искони присущъ челоуѣку,

и въ настоящее время невозможна, болѣе мысль, что человечество, для того, чтобы достигнуть своей настоящей высоты, должно было медленно и постепенно подниматься изъ состоянія грубой животности. Языкъ, первое созданіе творческаго духа чловѣка, не только превосходящее древностью самыя раннія памятники письменности, но предвѣщающее даже первый лепетъ преданія, составляетъ непрорывную цѣпь, которая тянется отъ перваго разсвѣта исторіи до нашихъ дней. Мы говоримъ языкомъ, которымъ говорили первые родоначальники нашего племени; и этотъ языкъ съ его дивнымъ строеніемъ представляетъ неопровержимое свидѣтельство противъ такой грубой клеветы. Происхожденіе языка, образованіе корней, постепенное опредѣленіе значенія словъ, систематическая выработка грамматическихъ формъ, весь этотъ процессъ, который мы еще можемъ прослѣдить подъ поверхностью нашего слова, свидѣтельствуетъ, что въ чловѣкѣ искони жила и дѣйствовала разумная душа: по достоинству творенія мы судимъ о самомъ художникѣ.

Періодъ, въ продолженіе котораго, такъ сказать, отчеканивались выраженія для самыхъ необходимыхъ понятій, каковы мѣстоименія, предлоги, числительныя и слова, относящіяся къ обиходу самой простой и безыскусственной домашней жизни — періодъ къ которому должны быть отнесены первая начала грамматики, не органической, а еще только агглютинативной, (еще незапятнанной народными и индивидуальными особенностями, но уже заключающей въ себѣ зародыши всѣхъ туранскихъ, арійскихъ и симитическихъ формъ языка): — это есть первый періодъ въ исторіи человечества, первый по крайней мѣрѣ, до котораго можетъ проникнуть самый зоркій глазъ антикварія и философа — мы назовемъ его періодомъ образованія словъ (thematic period).

За этимъ періодомъ необходимо предположить второй, въ теченіе котораго по крайней мѣрѣ двѣ семьи языковъ оставили первую степень, степень агглютинаціи, и приняли тотъ особый характеръ формаціи, который мы доселѣ встрѣчаемъ во всѣхъ нарѣчіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ языковъ симитическихъ и арійскихъ, въ отличіе отъ языковъ туранскихъ, которые гораздо долѣе сохраняли и въ нѣкоторыхъ случаяхъ и теперь еще сохраняютъ эту способность образованія словъ путемъ агглютинаціи, что дѣлаетъ невозможной или по крайней мѣрѣ знач-

чительно затрудняетъ всякую опредѣленную систему грамматики! Потому въ туранскихъ языкахъ, разсѣянныхъ отъ Китая до Пиреней, отъ мыса Коморина чрезъ кавказскія горы до Лапландіи, мы не находимъ этого семейнаго родства, на основаніи котораго мы признаемъ языки нѣмецкій, славянскій, кельтскій, италійскій, греческій, иранскій и индусскій съ одной, и языки: арабскій, арамейскій и еврейскій съ другой стороны— за видоизмѣненія двухъ главныхъ основныхъ формъ языка, въ которыхъ очень рано и подъ вліяніемъ чисто-политическихъ, если даже не индивидуальныхъ личныхъ условій, колеблющіеся грамматическіе элементы установились и приняли характеръ амальгамы вмѣсто прежней агглютинаціи. Этотъ второй періодъ можно назвать періодомъ образованія діалектовъ, нарѣчій (*dialectical period*).

Послѣ этихъ двухъ періодовъ, но еще до появленія первыхъ памятниковъ народной литературы, идетъ еще періодъ, вездѣ ознаменованный одними общими характеристическими чертами: этотъ періодъ называютъ мноюпенескимъ или періодомъ происхожденія мнѳовъ. Этотъ періодъ, который всего труднѣе объяснить себѣ въ исторіи человѣчества, всего болѣе способенъ потрясти въру въ правильный прогрессъ человѣческаго разума.

Мы можемъ составить себѣ довольно ясное понятіе о происхожденіи языка, о постепенномъ образованіи грамматики, о неизбежномъ раздѣленіи языковъ и нарѣчій. Мы можемъ объяснить себѣ первоначальное происхожденіе политическихъ обществъ, установленіе законовъ и обычаевъ, происхожденіе религій и поэзій. Но между этими двумя періодами лежитъ бездна, наполнить которую, кажется, не въ состояніи никакая философія. Этотъ періодъ называютъ мнѳическимъ, и мы не можемъ привыкнуть къ мысли, что напримѣръ тѣмъ Грекамъ, какихъ мы знаемъ изъ поэмъ Гомера, — Грекамъ, такъ много успѣвшимъ въ изящныхъ искусствахъ, уже знакомымъ съ тѣми удобствами жизни, какія мы находимъ напримѣръ въ дворцахъ Алкиной и Менелая, съ народными собраніями и гражданскимъ краснорѣчіемъ, съ зрѣлой мудростью Нестора и предпріимчивой хитростью Одиссея, съ такими идеалами женственной прелести, какъ Елена и Навсикая, — могло предшествовать поколѣніе людей,

находившихъ удовольствіе въ изобрѣтеніи нелѣпныхъ басенъ о боггахъ и другихъ невѣроятныхъ существахъ, — покаяніе людей, на могилѣ которыхъ эпитагія о Биттонѣ и Фазидѣ была бы самой умѣстной надписью, какую бы только могъ начертать историкъ. Хотя бы позднѣйшіе поэты могли нѣкоторымъ изъ этихъ басенъ придать предельную поэзію и заставить насъ видѣть въ нихъ не болѣе какъ вымыслъ творческой фантазіи, тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что, взятыя сами по себѣ, въ своемъ буквальномъ значеніи, эти древніе мифы оказываются болѣею частію крайне нелѣпными и очень часто находятся въ прямомъ противорѣчій съ тѣми основными началами разума, религіи и нравственности, которыя признавались Греками уже въ самую раннюю пору, какъ только они появляются на зарѣ мифическаго періода исторіи. Къѣмъ же изобрѣтены эти сказанія, сказанія — замѣтимъ это разъ навсегда — отмѣченныя общими чертами и по формѣ и по характеру вездѣ, гдѣ бы мы ихъ ни встрѣчали — на индусской, персидской, греческой, римской, славянской или германской почвѣ? Неужели можно допустить въ исторіи человѣчества періодъ временнаго умопомѣшательства и притомъ такого, которое представляется въ тѣхъ же самыхъ существенныхъ чертахъ на югѣ Индіи и на отдаленномъ сѣверѣ Исландіи? Какъ повѣрить, чтобы народъ, изъ котораго уже въ періодъ младенчества мысли вышли такіе люди, какъ Фалесъ, Гераклитъ, Пифагоръ, едва за нѣсколько столѣтій до этихъ философовъ состоялъ изъ празднословныхъ мечтателей? Если даже взять только тотъ отдѣлъ мифологіи, который относится собственно къ религіи, въ нашемъ смыслѣ этого слова, если взять напримѣръ мифы, связанные съ высшими проблемами философіи, каковы происхожденіе міра, отношеніе человѣка къ Божеству, жизнь и смерть, добро и зло — мифы вообще позднѣйшаго происхожденія; то увидимъ, что даже эта малая доля, въ которой бы можно было предположить нѣсколько здравыхъ понятій, нѣсколько чистыхъ и возвышенныхъ идей, даже эта доля оказывается недостойною поколѣній, которыя были предками гомерическихъ пѣвцовъ или іонійскихъ философовъ. Читая, какъ говорятъ о божествѣ свинопасъ Эвмей, быть можетъ, непосвященный во всѣ подробности многосложной системы олимпійской мифологіи, мы чувствуемъ,

что такъ могъ бы говорить каждый изъ насъ: „вкуси“ говорить оны: Одиссею „и насладись тѣмъ, что предложено; Богъ одно даетъ, другаго лишаетъ, какъ ему угодно, ибо все въ его власти“¹⁾). Таковы, можно думать, были понятія простыхъ людей и во времена Гомера — понятія чистыя и возвышенныя, въ сравненіи съ тѣмъ, что долгое время считалось однимъ изъ самыхъ величавыхъ образовъ греческой мифологіи. Я разумѣю то мѣсто Илиады, гдѣ Зевсъ, чтобы въ полномъ блескѣ изобразить свое всемогущество, обращаясь къ остальнымъ богамъ и богинямъ, говоритъ:

Или держайте, извѣдайте боги, да всѣ убѣдитесь:

Цѣпь золотую теперь же спустивъ отъ высокаго неба,

Всѣ до послѣдняго бога и всѣ до послѣдней богини

Свѣсьтесь по ней; но совлечь не возможете съ неба на землю

Зевса, строптеля вышняго, сколько бы вы ни трудились.

Можно ли представить себѣ что-нибудь смѣшнѣе сказанія о томъ, какъ Девкалионъ и Пирра сотворили родъ человѣчскій, кидая за себя камни (мнѣзъ, своимъ происхожденіемъ обязанный единственно смѣшенію двухъ понятій: *λάος* — народъ и *λίθος* — камень); между тѣмъ съ другой стороны трудно вообразить для язычниковъ болѣе глубокомысленное представленіе объ отношеніи человѣка къ божеству, какъ то, которое выражено въ изреченіи Гераклита: „люди — смертныя боги, боги — безсмертныя люди“.

Вспомнимъ о времени, которое произвело на свѣтъ Ликурга и Солона, которое основало ареопагъ и олимпійскія игры: какъ согласить съ этимъ, что за нѣсколько поколѣній передъ тѣмъ высшія представленія Грековъ о божествѣ нашли выраженіе въ мнѣзъ о томъ, какъ Кроносъ изуродовалъ Урана, или пожиралъ своихъ собственныхъ дѣтей, проглотилъ камень, подсунутый ему Реей и наконецъ живьемъ извергнувъ свое собственное, поглощенное имъ потомство?!

¹⁾ Od. X. 143.

Ἔστιν δὲ θαυμάσιον εἶναι, καὶ τέρατος τοῖσδε

ὅτι πάντα τὰ θεῶν οἷα πάροισι; θεὸς δὲ τὸ μὲν δῶσει τὸ δ' αἰείσει, ὅτι πάντα τὰ θεῶν οἷα πάντα τὰ θεῶν ἐπέλατ. δύναται γὰρ ἅπαντα.

Безобразны и отвратительны: этого едва ли найдется что-нибудь даже у племенъ Африки и Америки, находящихся на самой низкой ступени умственного и нравственного развитія! Утверждать съ Протомъ, что вся эта миеология „прошедшее, никогда не бывшее настоящимъ“, значить (сознательно отвращать глаза отъ затрудненій, которыя глядятъ намъ въ лицо. Видѣть въ этихъ миеахъ изычства непонятые и искаженные отрывки дарованнаго некогда цѣлому человечеству божественнаго откровенія — кажется намъ богохульствомъ, хотя такой взглядъ можно очень часто встрѣтить въ теологическихъ сочиненіяхъ. Эти миеы созданы человѣкомъ въ извѣстный періодъ его исторіи. Была эпоха, которая произвела на свѣтъ эти миеы, эпоха, составляющая переходъ отъ *періода діалектическаго*, въ которомъ совершался процессъ постепеннаго раздѣленія человечества на различные народы и языки, къ *періоду народностей*“, который представляетъ намъ самыя раннія черты народности въ языкъ и литературу. Индусовъ, Персовъ, Грековъ, Итальянцевъ и Германцевъ.

Фактъ на лицо и мы должны или объяснить его, или допустить въ исторіи человѣческаго духа, внезапные перевороты подобныя тѣмъ, которые участвовали въ образованіи земной коры—перевороты, нарушавшіе правильную постепенность въ развитіи человечества и производившіе въ его духовной жизни судорожные перерывы и колебанія.

Мы много выиграемъ, если, не прибѣгая къ такой насильственной теоріи, будемъ въ состояніи объяснить происхожденіе миеовъ путемъ болѣе естественнымъ. Распространеніе и существованіе миеовъ въ позднѣйшее время, хотя во многихъ отношеніяхъ странное, объясняется гораздо легче. Человѣку врождено уваженіе къ прошедшему; благоговѣніе къ религіознымъ преданіямъ въ человѣкѣ взросломъ исходитъ изъ того же самаго естественнаго источника, изъ какого въ ребенкѣ почтеніе къ родителямъ. Какъ бы ни казались странными, дикими, иногда даже безнравственными или нелѣпыми преданія старинныя, тѣмъ не менѣе каждое новое поколѣніе принимаетъ ихъ снова, только измѣняя и приспособляя ихъ къ степени своего развитія, на столько, что они могутъ продолжать свое существованіе и даже, въ этомъ измѣненномъ видѣ, получаютъ болѣе чистый и

глубокій смыслъ. Найдется много природныхъ Индусовъ, которыя не смотря на основательное знакомство съ европейской наукой и съ началами чистаго естественнаго богопознанія, продолжаютъ однако преклонять колѣна предъ изображеніями Вишну и Шивы. Они знаютъ, что эти изображенія бездушный камень: они не скрываютъ, что ихъ нравственное чувство возмущается противъ всего нечистаго, что приписывается ихъ богамъ тѣми самыми книгами, которыя они привыкли называть своимъ священнымъ писаніемъ; между тѣмъ есть честные брашны, совершенно искренне готовые утверждать, что въ этихъ сказаніяхъ заключается болѣе глубокое значеніе; что такъ какъ ничто безнравственное несогласимо съ повятіемъ о божествѣ, то въ этихъ освященныхъ временемъ сказаніяхъ *необходимо* предположить сокровенный таинственный смыслъ, въ который можетъ проникнуть духъ, благоговѣнно испытующій. Мало того, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность христіанскихъ проповѣдниковъ увѣнчивалась успѣхомъ, когда чистое христіанское ученіе одерживало побѣду надъ сердцемъ язычника и дѣлало для него невыносимыми нелѣпыя бредни Пуранъ, даже тогда вѣра дѣтства продолжаетъ въ обращенномъ таиться, въ глубинѣ его души, и при случаѣ, въ минуту увлеченія, всплываетъ на поверхность, подобно тѣмъ мнѣямъ языческой древности, которые закралась въ священныя легенды римской церкви ¹⁾. Въ древней исторіи мы не рѣдко встрѣчаемъ указанія на то, что нѣкоторыя изъ греческихъ сказаній о богахъ смущали самихъ Грековъ, но такъ какъ даже въ наше время вѣра большей части людей основана не на сознаніи, а на авторитетѣ другихъ, то намъ становится понятно, отъ чего даже люди подобные Сократу, не охотно разставались съ вѣрою въ то, чему вѣрили ихъ отцы. Но мѣръ того, какъ ихъ представленія о божествѣ очищались, они чувствовали, что идеалъ совершенства, нераздѣльный съ представленіемъ о высшемъ существѣ, исключаетъ возможность боговъ безнравственныхъ. Пиндаръ, какъ указалъ Отфридъ Мюллеръ ²⁾, измѣняетъ многіе

¹⁾ См. введене къ Deutsche Mythologie Гримма.

²⁾ См. превосходное сочиненіе Отфра. Мюллера Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Mythologie 1825, стр. 87.

мины, которые, какъ не соответствующіе его собственнымъ, болѣе чистымъ представленіямъ о нравственномъ достоинствѣ боговъ и героевъ, по его мнѣнію, непременно *должны* быть ложны. Въ томъ же духѣ разсуждаетъ Платонъ, разбирая различные варианты мифа объ Эротѣ, а въ „Пирѣ“ мы видимъ, что каждый изъ собесѣдниковъ признаетъ истиннымъ единственно то сказаніе объ Эротѣ, которое всего болѣе подходитъ къ его собственнымъ представленіямъ о существѣ этого бога: такъ Федръ называетъ его древнѣйшимъ, Агатонъ напротивъ младшимъ изъ боговъ, и между тѣмъ оба ссылаются на авторитетъ древняго сказанія ¹⁾. Такъ люди, имѣвшіе самое ясное понятіе о всемогуществѣ и вездѣсущиіи верховнаго божества, какое только можетъ открыть естественная религія, не переставали называть его Зевсомъ, забывая въ немъ развратнаго волокиту и отцеубійцу.

Ζεὺς ἀρχῆ, Ζεὺς μέσσα, Διὸς δ' ἐκ πάντα τέτυκται

„Зевсъ началу, Зевсъ средина, отъ Зевса все произошло“— изреченіе орыическое, но весьма древнее, если, какъ полагаетъ Гротъ, намекъ на него встрѣчается еще у Платона ²⁾. Поэты въ минуты истинно-молитвеннаго настроенія, когда въ сердцахъ чувствовались потребность въ божественной помощи, обращались къ Зевеу, забывая, что этотъ самый Зевсъ былъ некогда побѣжденъ Титаномъ и своимъ освобожденіемъ обязанъ помощи Гермеса ³⁾. Такъ Эсхиль говоритъ: „Кто бы ни былъ Зевсъ, этимъ именемъ я призываю его, если только угодно ему, когда его зовутъ этимъ именемъ! Взвѣсивъ все, никого я съ Зевсомъ не могу поставить наравнѣ (т. е. я не знаю никого, къ кому бы можно было прибѣгнуть съ такимъ успѣхомъ), когда заботъ напрасныхъ бремя съ души желаетъ скинуть“ ⁴⁾.

¹⁾ Symp. 178. C. ὅπως πολλαχίδεν ἡμολογεῖται ὁ Ἑρως ἐν ταῖς πρεσβυτάτοις εἶναι. πρεσβυτάτος δὲ ὦν μεγίστων ἀγαθῶν ἡμῖν αἰτίος ἐστίν. 195 A. ἔστι δὲ κάλλιστος ὦν τριεῖδε. πρῶτον μὲν νεώτατος θεῶν, ὦ Φαίδρε.

²⁾ Lobeck, Aglaorph. p. 523.

Ζεὺς κεφαλῆ, Ζεὺς μέσσα, Διὸς δ' ἐκ πάντα τέτυκται.

См. Преллера греч. миеолог. 1854, стр. 99.

³⁾ Apollod. I, 6, 3. Grote, H. G. p. 4.

⁴⁾ Предлагаемъ подлинный текстъ, такъ какъ онъ переводится столь различно:

Нѣтъ, не въ сохраненіи этихъ мифическихъ именъ, не въ долговѣчной жизни этихъ вымысловъ, не въ томъ, что они удовлетворяли религіознымъ, поэтическимъ и нравственнымъ потребностямъ цѣлаго ряда поколѣній, заключается трудность объясненія мифовъ. Прошедшее имѣетъ свое обаяніе; а преданіе встрѣчаетъ могущественнаго союзника въ языкѣ. Мы до сихъ поръ говоримъ, что солнце *восходитъ* и *заходитъ*, *встаетъ* и *садится*, говоримъ о громовыхъ *стрѣлахъ* и т. п., потому только, что эти выраженія освящены употребленіемъ въ языкѣ. Мы употребляемъ ихъ, хотя и не вѣримъ въ ихъ буквальное значеніе. Весь вопросъ въ томъ, какимъ образомъ въ духѣ чело-вѣка могли родиться такіе вымыслы, какъ возникли эти имена и представленія, и до тѣхъ поръ, пока мы не въ состояніи удовлетворительно разрѣшить этого вопроса, мы должны отказаться, какъ отъ ложной теоріи, отъ вѣры въ правильное и послѣдовательное развитіе чело-вѣческаго разума всегда и вездѣ.

Нельзя сказать, чтобы мы были въ совершенномъ невѣдѣніи о томъ періодѣ, въ продолженіе коего еще нераздѣленные аріійскіе народы, которыхъ мы главнымъ образомъ имѣемъ въ виду, создавали свои религіозные мифы. Если обратимъ внима-ніе на глубокой мракъ, который лежитъ на духѣ Грековъ въ са-момъ началѣ ихъ политической и литературной исторіи, то мы можемъ отсюда сдѣлать заключеніе о дѣйствительномъ харак-терѣ того вѣка, который долженъ былъ предшествовать перво-му разсвѣту народной литературы въ Греціи. Отърихъ Мюл-леръ ¹⁾, хотя ему былъ неизвѣстенъ новый свѣтъ, который сравнительная филологія проливаетъ на этотъ первоначальный аріійскій періодъ, говоритъ: „Мифическій способъ представленія, превращающій все существа въ личности, все отношенія въ дѣйствія, заключасть въ себѣ такъ много особаго и отличнаго, что мы его происхожденіе и развитіе должны отнести къ осо-

Ἰεὺς, ἕσπερ' ἔστιν, εἰ τὸδ' αὖ —
 τῷ φίλῳ κεκλημένῳ,
 τοῦτό νιν προσεπέπω.
 οὐκ ἔχω προσελάσαι,
 πάντ' ἐπισταθμώμενος
 πλὴν Διὸς, εἰ τὸ μάταν ἀπὸ φροντίδος ἄχθος
 χρὴ βαλεῖν ἐτητύμος.»

¹⁾ Prol. Myth. 78

бому періоду въ цивилизаціи каждаго народа⁴. Съ тѣхъ поръ сравнительная филологія успѣла цѣлый этотъ періодъ сдѣлать доступнымъ достовѣрному историческому знанію. Она дала намъ въ руки такой телескопъ, съ помощію котораго тамъ, гдѣ прежде намъ видѣлись одни туманные облака, мы теперь открываемъ опредѣленные образы и очертанія; мало того она указала намъ какъ бы современные памятники—свидѣтели этой отдаленной, доисторической поры, открывъ намъ состояніе мысли, языка, религіи и цивилизаціи въ періодъ, когда санскритскій языкъ еще не былъ санскритскимъ, греческій греческимъ, но когда и тотъ и другой вмѣстѣ съ латинскимъ, германскимъ и другими арійскими языками составляли одинъ нераздѣльный языкъ, въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ можно сказать, что языки французскій, итальянскій и испанскій составляли нѣкогда одинъ нераздѣльный языкъ латинскій.

Сказанное нами требуетъ краткаго объясненія. Если бы мы ничего не знали о существованіи латинскаго языка, если бы всѣ историческіе памятники, ранѣе XV столѣтія, были утрачены, если бы самое преданіе умолчало о существованіи римской имперіи: то одно простое сравненіе шести романскихъ нарѣчій между собою указало бы намъ, что нѣкогда долженъ былъ существовать языкъ, который былъ общимъ источникомъ для всѣхъ этихъ нарѣчій; ибо только съ помощію такого предположенія могутъ быть объяснены явленія, представляемыя этими нарѣчіями. Взглянемъ для примѣра на спряженіе вспомогательнаго глагола. Мы находимъ слѣдующее:

	Итальян.	Валлашс.	Ретіе.	Испан.	Португ.	Французск.
я есмь	sono	sum(sunt)	sunt	soy	sou	suis
ты еси	sei	es	eis	eres	es	es
онъ есть	e	é (este)	ei	es	he	est
мы есмы	siamo	süntemu	essen	somos	somos	sommes
вы есте	siete	sünteli	esses	sois	sois	êtes (estes)
они суть	sono	sünt	eân (sun)	son	são	sont

Самый бѣглый обзоръ этихъ формъ показываетъ во-первыхъ что всѣ они суть видоизмѣненія одного общаго типа; во-вторыхъ, что ни одну изъ этихъ формъ нельзя признать за первообразъ, отъ котораго бы можно было произвести всѣ остальные. Къ этому можно прибавить въ третьихъ, что ни въ одномъ

изъ нарѣчій, которымъ принадлежать эти глагольные формы, мы не находимъ составныхъ элементовъ, изъ которыхъ эти формы сложились. Элементы, изъ которыхъ образовалось напиримѣръ французское: j'ai aimé, до сихъ поръ существуютъ во французскомъ языкѣ; то же самое можно сказать о такихъ грамматическихъ соединеніяхъ, какъ: j'aimerai, т. е. je-aimer-ai и т. п. Но переходъ отъ je suis къ tu es средствами одной только французской грамматики объяснить нельзя. Эти формы не могли, такъ сказать, возникнуть на французской почвѣ; онѣ были перенесены на нее, какъ останки періода болѣе древняго — онѣ должны были образоваться въ языкѣ, который существовалъ въ пору, когда еще не было ни одного изъ романскихъ нарѣчій. Въ этомъ случаѣ мы къ счастью опираемся не на одинъ умозрѣнія, но, зная латинскій глаголь, можемъ доказать, что каждая изъ приведенныхъ нами формъ есть мѣстное видоизмѣненіе основной латинской формы, образовавшаея путемъ звуковыхъ искаженій и невѣрныхъ аналогій.

Возьмемъ новый рядъ примѣровъ:

	Санскр.	Литов.	Зенд.	Дорич.	Церк. слав.	Латин.	Готск.	Армянск.
я есмь	ásmi	esmi	ahmi	ásmi	ЮСМЬ	sum	im	em
ты еси	ási	essi	ahi	ási	ЮСН	es	is	es
онъ есть	ásti	esti	asti	ásti	ЮСТЬ	est	ist	ê
мы (двое) есмы	'avás	esva	..	..	ЮСКЛ	..	siju	..
вы (двое) есте	'sthás	esta	stho?	ásti	ЮСТЛ	..	sijuts	..
они (двое) суть	'stás	(esti)	sto?	ásti	ЮСТЛ	..	..	..
мы есмя	'smás	esmi	hmahi	ásti	ЮСММ	sumus	sijum	emq
вы есте	'sthá	este	stha	ásti	ЮСТФ	estis	sijudh	êq
они суть	ánti	(esti)	hñti	ásti	ЮСТЬ	sunt	sind	en.

Тщательный анализъ этихъ формъ приводитъ насъ къ тѣмъ же самымъ заключеніямъ: а именно во 1-хъ, всѣ онѣ суть видоизмѣненія одного общаго типа; во 2-хъ, ни одну изъ нихъ нельзя признать за первообразъ, отъ котораго произошли всѣ остальные; въ 3-хъ, и въ этомъ случаѣ элементы, изъ которыхъ образовались эти глагольные формы, не находятся ни въ одномъ изъ языковъ, которымъ эти формы принадлежать. Что санскритъ не можетъ быть признанъ за первообразъ, отъ котораго произошли всѣ остальные языки (какъ въ былое время думали нѣкоторые ученые): это ясно изъ того, что

греческій въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохранилъ болѣе перво-бытныя или, какъ принято говорить, болѣе органическія формы, чѣмъ санскритъ. Γ-μς не можетъ быть произведено отъ санскритскаго *smas*, потому что *smas* утратило коренной звукъ *s*, уцѣлѣвшій въ греческомъ, ибо корень здѣсь *as*, тас окончаніе—мы. Равнымъ образомъ и греческій не можетъ быть признанъ за первоначальный языкъ, отъ котораго произошли другіе, ибо даже латинскій не можетъ быть названъ отраслью греческаго, на томъ основаніи, что языкъ Рима сохранилъ нѣкоторыя формы, которыя превосходятъ древностью соответствующія имъ формы греческаго языка; напримѣръ: *sunt* вм. *ēvnti* или *ēvnti*. Здѣсь греческій языкъ совершенно утратилъ коренной слогъ, *as*, ибо *ēvnti* замѣняетъ *ēsevnti*, между тѣмъ какъ латинскій, подобно санскриту, въ формѣ: *sunt*=*santi*, сохранилъ хотя коренной звукъ *s*.

Такимъ образомъ все эти діалекты указываютъ на языкъ древнѣйшій, который былъ для нихъ тѣмъ же, чѣмъ для романскихъ нарѣчій былъ языкъ латинскій, — съ тою только разницею, что въ тотъ отдаленный періодъ не было еще литературы, для того, чтобы сохранить намъ какіе-нибудь остатки этого праязыка, который угасъ, породивъ повѣйшіе арійскіе языки, каковы: санскритъ, zendъ, греческій, латинскій, готскій, славянскіе и кельтскій. Если признать и въ этомъ случаѣ вѣрность заключенія по наведенію, то языкъ этотъ былъ некогда живымъ нарѣчіемъ, которымъ говорило въ Азіи небольшое племя или еще прежде небольшая семья, жившая подъ одной кровлей подобно тому, какъ и языкомъ Камознса, Сервантеса, Вольтера и Данта некогда говорили немногочисленные поселяне, построившіе свои хижины на семи холмахъ у береговъ Тибра. Изъ сравненія двухъ приведенныхъ нами таблицъ оказывается, что между языкомъ Ведъ и нарѣчіемъ, которымъ теперь говоритъ литовскій рекрутъ въ Берлині, гораздо больше сходства, чѣмъ между французскимъ и итальянскимъ. Теперь, когда Бопиова „Сравнительная Грамматика“ доведена до надлежащей степени полноты, нельзя не убѣдиться, что все существенныя формы грамматики успѣли вполне выработаться и установиться прежде, чѣмъ совершилось первое раздѣленіе арійской семьи народовъ.

Но гораздо болѣе узнаемъ мы объ умственной жизни первобытной и еще нераздѣленной семьи арійскихъ народовъ, благодаря матеріаламъ, доставляемымъ намъ сравнительною филологією: и здѣсь опять романскія нарѣчія укажутъ намъ путь къ архивамъ древнѣйшей эпохи арійскаго племени. Встрѣчая во всѣхъ романскихъ нарѣчіяхъ слово подобное французскому pont, въ итальянскомъ ponte, въ испанскомъ puente, въ валлашскомъ pod, слово общее всѣмъ нарѣчіямъ, и, приходя въ соображеніе особая измѣненія, которыя это слово испытало у различныхъ народовъ, мы въ правѣ сказать, что слово, обозначающее *мостъ* было извѣстно до раздѣленія этихъ языковъ, изъ чего необходимо слѣдуетъ, что въ ту эпоху было уже извѣстно и самое искусство строить мосты. На этомъ же основаніи, даже ничего не зная о латинскомъ языкѣ и о Римѣ, мы могли бы утверждать, что по крайней мѣрѣ уже ранѣе X-го столѣтія книги, хлѣбъ, вино, дома, села, города, башни, ворота и т. п. были извѣстны тѣмъ народамъ, — какіе бы они впрочемъ ни были, — отъ которыхъ ведутъ свое начало новѣйшія нарѣчія южной Европы. Правда, мы не могли бы представить полной картины умственнаго состоянія римскаго народа, если бы пришлось строить его исторію при помощи такихъ скудныхъ матеріаловъ, тѣмъ не менѣе это дало бы намъ по крайней мѣрѣ возможность доказать, что такой народъ дѣйствительно существовалъ и, при отсутствіи всякихъ другихъ свѣдѣній, даже такія случайныя указанія были бы не бесполезны. Но, съ полнымъ успѣхомъ пользуясь этимъ методомъ въ смыслѣ положительномъ, мы должны сознаться въ его неприменимости въ смыслѣ отрицательномъ. Изъ того, что каждое изъ романскихъ нарѣчій имѣетъ для нѣкоторыхъ предметовъ особое названіе, не повторяющееся въ другихъ, еще не слѣдуетъ, чтобы самые предметы не были извѣстны родоначальникамъ романскихъ племенъ. Бумага была извѣстна въ Римѣ, между тѣмъ по-итальянски она называется *carta*, а по-французски *papier*.

Такъ какъ мы ничего не знаемъ объ арійскомъ племени до его раздробленія на различныя народности: индійскую, германскую, греческую, римскую, славянскую, тевтонскую и кельтскую, то этотъ методъ извлекать исторію древнѣйшей эпохи изъ самаго языка получаетъ великую цѣну, вводя въ область

исторической дѣйствительности тотъ періодъ въ исторіи чело-
вѣческаго рода, самое существованіе котораго было подвержено
сомнѣнію, — тотъ самый періодъ, въ которомъ хотѣли видѣть
„прошедшее, никогда не бывшее настоящимъ“. Мы не должны
ожидать полной исторіи цивилизаціи, представляющей во всей
подробности картину той эпохи, когда еще не существовалъ
языкъ Гомера и Ведъ. Однако нѣкоторыя мелкія, но тѣмъ не
менѣе многозначительныя черты свидѣлствуютъ намъ о томъ,
что въ исторіи челоувѣческаго духа дѣйствительно былъ такой
ранній періодъ, который по нѣкоторымъ соображеніямъ (объ
этомъ рѣчь впереди) мы считаемъ тождественнымъ съ періодомъ
миопеическимъ или періодомъ образованія мнѣовъ.

	Санскр.	Зевдъ	Греческ.	Латинск.	Готск.	Слав.	Нрландск.
отецъ	pitár	patar	πατήρ	pater	fadar	. . . .	athair
мать	mâtár	mâtár	μήτηρ	mater	. . . .	МАТИ	mathair
братъ	bhrátar	bráta	(φρατήρ)	frater	bróðhar	БРАТЬ	brathair
сестра	svásar	khanha	. . . . .	soror	svistar	СЕСТРА	siur
дочь	dubitar	dughdhar	θυγάτηρ	. . . .	dauhtar	ДЪШТЕРЬ	dear

Тотъ фактъ, что названія *отца, матери, брата, сестры и дочери* одинаковы въ большей части арійскихъ нарѣчій, можетъ съ перваго раза показаться лишеннымъ всякаго значенія; между тѣмъ, эти названія очень важны. То обстоятельство, что названіе отца явилось уже въ эту раннюю пору, показываетъ, что отецъ сознавалъ свои права и обязанности въ отношеніи къ дѣтнцу, рожденному его женой; признавалъ его своимъ, ибо только въ такомъ случаѣ онъ имѣлъ право на имя отца. Слова: pitár, patar, πατήρ и др. происходятъ отъ корня, который значитъ не *рождать*, но *охранять и питать*. Отецъ, въ значеніи *родителя*, имѣлъ въ санскритѣ другое названіе džanitar, называясь pitár въ смыслѣ покровителя и питателя своихъ дѣтей. Потому въ Ведахъ эти два названія употребляются вмѣстѣ, когда нужно выразить полную идею отца. Такъ поэтъ говоритъ (I, 164, 33):

Dyaús me pitá' džanitá' *)
Jovis mei puter genitor.
Ζεύς ἐμοῦ πατήρ γενετήρ.

*) Въ транскрипціи санскритскихъ словъ имъ, руководствуясь указаніями профес. П. Я. Петрова, отступили отъ Макса Мюллера въ передачѣ слѣдующихъ сан. буквъ: Мюллерово k у насъ передается посредствомъ tsch (русск. ч); kh посредствомъ tschh (рус. чх); s=sh (рус. ш); sh=sch (рус. ш); g=dh (рус. дж).

Точно также къ названію матери: mātar присоединяется другое: džanitrī, genitrix, т. е. *родительница*. Это показываетъ, что слово mātar скоро утратило свой первоначальный этимологическій смыслъ, ставъ выраженіемъ почтенія и иѣжности. У древнѣйшихъ аріевъ, mātar имѣло значеніе *производительницы* отъ корня *Ma*—творить, и въ этомъ смыслѣ и съ тѣмъ же самымъ удареніемъ, какъ въ греческомъ: μήτηρ, слово mātar, еще не принявшее болѣе опредѣленнаго женскаго аффикса, употребляется въ Ведахъ, въ мужской формѣ. Такъ, напримѣръ, мы читаемъ: (Ригъ В. VIII, 41, 4): Sāh mā' tā rāgvām padām, т. е. „Онъ, Варуна (Uranos), творецъ древняго мѣста“.

Должно замѣтить, что mātar, также какъ и pitar, есть только одно изъ многихъ названій, которыми можетъ быть выражена идея *отца* и *матери*. Если бы даже мы захотѣли ограничиться корнемъ *Pa* и приняли охраненіе дѣтей за самую характеристическую принадлежность *отца*, то могло бы быть,—и дѣйствительно есть,—много словъ, которыя одинаково могли бы выражать понятіе объ отцѣ. Въ санскритѣ понятіе о *покровителѣ* можетъ быть выражено корнемъ *Pā*, въ соединеніи не съ однимъ только суффиксомъ *tar*, но и съ другими *суффиксами*, напр. *pā-la*, *pā-laka*, *pā-yī*, три слова, которыя все одинаково значатъ: *покровитель*. Это обстоятельство, что изъ многихъ возможныхъ формъ одна только эта вошла въ словарь всехъ аріевскихъ народовъ, доказываетъ существованіе въ языкѣ чего-то въ родѣ установившагося преданія задолго до раздѣленія аріевской семьи. Кромѣ того были другіе корни, отъ которыхъ могло бы быть произведено названіе отца, какъ на примѣръ: *džan*, отъ котораго произошли слова: *džanitar*, *genitor*, γενετήρ; или *Tak*, откуда греческое *τεκεύς*; или *Paq*, откуда латинское *patens*, не говоря о многихъ другихъ названіяхъ, равно способныхъ выразить ту или другую особенно выдающуюся черту въ отношеніяхъ отца къ дѣтямъ. Если бы каждое изъ аріевскихъ нарѣчій образовало свое особое названіе *отца* отъ одного изъ многихъ корней, принадлежащихъ всемъ аріевскимъ нарѣчіямъ вообще, то изъ этого слѣдовало бы только, что между всеми этими языками существовало коренное родственное сходство; но этимъ бы еще не доказывалось,—что гораздо важнѣе,—ихъ историческое общеніе или происхожденіе отъ одного языка, уже выработавшаго *опредѣленный самостоятельный характеръ*.

Не смотря на то, даже ограничиваясь этими наиболее необходимыми терминами зачинающейся цивилизации, мы замѣчаемъ, что нѣкоторыя изъ арійскихъ нарѣчій утратили древнѣйшее выраженіе и замѣнили его новымъ. Обще-арійскихъ названій *брата* и *сестры* напримѣръ, нѣтъ въ греческомъ, гдѣ *братъ* и *сестра* называются: ἀδελφός и ἀδελφή. Было бы ошибочно заключать изъ этого, что въ то время, когда Греки покинули свою арійскую прародину, названія *брата* и *сестры* еще не успѣли выработаться. Также нѣтъ причины предполагать, что Греки выселились первые, и если мы находимъ, что другія племена, какъ тевтонское или кельтское, не имѣвшія никакихъ соприкосновеній съ населеніемъ Индіи, послѣ того какъ совершилось первое раздѣленіе, имѣютъ однако для брата и сестры названія, общія съ санскритомъ: то можно быть увѣреннымъ, что это названіе существовало уже въ древнѣйшемъ арійскомъ языкѣ. Точно такъ же существованіе одного и того же слова въ валашскомъ и португальскомъ свидѣтельствовало бы объ его латинскомъ происхожденіи, не смотря на отсутствіе его въ остальныхъ романскихъ нарѣчійхъ. Безъ сомнѣнія развитіе языка совершается по неизмѣннымъ законамъ, но въ тоже время вліяніе случая здѣсь гораздо сильнѣе, чѣмъ въ какой-либо области естественныхъ наукъ; и хотя въ этомъ случаѣ можно открыть законъ, отъ котораго зависитъ случайная утрата *) въ греческомъ древнѣйшихъ названій брата и сестры: но это бываетъ возможно не во всякомъ данномъ случаѣ, и мы часто видимъ, что въ томъ или другомъ изъ арійскихъ нарѣчій нѣтъ какого-либо выраженія, которое между тѣмъ на основаніи принятой нами теоріи мы имѣемъ полное право отнести къ древнѣйшему періоду арійскаго языка.

Взаимныя отношенія между братомъ и сестрою въ жизни опредѣлились уже въ этомъ древнѣйшемъ періодѣ и были освящены названіями, которыя успѣли *совершенно установиться*, прежде чѣмъ семья Аріевъ распалась на отдѣльныя колоніи. Первоначально слово bhṛātā, кажется, значило: *посягій* или *помогатцій*, svâsar — означало ту, которая *правится* или *утѣшаетъ*, потому что Svasti въ санскритѣ значитъ: *радость* или *счастіе*. Слово duhitā онять одно изъ тѣхъ, которыя должны были установиться

*) См. Edinburgh Review, Oct. 1831, p. 320.

задолго до раздѣленія. Это — имя общее вѣсьмъ нарѣчіямъ, кромѣ латинскаго, и между тѣмъ только въ санскритѣ сохранилось сознаніе нарицательнаго значенія этого слова. *Duhitar*, какъ доказалъ профессоръ Лассенъ, происходитъ отъ корня *Duh*, который значить въ санскритскомъ *доить*. Быть можетъ, отсюда же происходитъ латинское *duco* и переходъ значенія тотъ же самый, какъ отъ *trahere* *нести* къ французскому *traire*, *доить*. Названіе дочери *домльницей* раскрываетъ предъ нашими глазами цѣлую идиллію изъ поэтической и пастушеской жизни древнихъ Аріевъ. Къ немногому, чѣмъ дочь до замужества могла быть полезна въ кочевомъ хозяйствѣ, относилось досіе коровъ и если представить себѣ, что отецъ звалъ свою дочь *duhitar* чаще, нежели *salā*, т. е. *рожденная* или *filia*, т. е. *питающаяся трудомъ*, то въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть проблеска нѣжности и юмора, озаряющаго даже самое первобытное состояніе общества. Но это значеніе было вѣроятно забыто задолго до раздѣленія Аріевъ. *Duhitar* перестало быть ласкательнымъ эпитетомъ и сдѣлалось условнымъ терминомъ. Въ послѣдствіи мы будемъ имѣть случаи убѣдиться, что многія другія слова образовались тѣмъ же самымъ путемъ и имѣли смыслъ только въ кочевомъ бытѣ. Но такъ какъ переходъ словъ отъ такого спеціальнаго значенія въ общіе термины, лишенные живаго этимологическаго смысла, можетъ показаться страннымъ; то мы представимъ нѣсколько примѣровъ того, какъ въ основѣ самыхъ обыкновенныхъ и общепотребительныхъ выраженій можно открыть, при помощи этимологическаго анализа, понятія изъ древней кочевой жизни аріевскихъ народовъ. Возьмемъ для примѣра англійское слово *peculiar*. *„Peculiar“* теперь значить *отдѣльный, особый, чрезвычайный*, но первоначально имъ означалась *частная, личная собственность* въ противоположность *общей*; оно произведено отъ *peculium*. Латинское *peculium* замѣнило *pecudium* (какъ *consilium* вмѣсто *considium*) и будучи произведено отъ *pecus*, *pecudis* первоначально значило: *рогатый скотъ*. У народа земледѣльческаго рогатый скотъ составляетъ главный видъ личной собственности; отсюда понятно, какимъ образомъ слово *peculiar*, выражая первоначально понятіе о личной собственности, стало потомъ значить: *не общій*, и наконецъ въ нашей современной рѣчи получило значеніе: *необыкновенный, особый*. Едва ли нужно напоминать общезвѣстное производство латинскаго *pecunia*, которое, происходя отъ того же

самого слова рессу и потому означая стада, въ послѣдствіи получило значеніе *денегъ*, совершенно такъ же, какъ англо-саксонское *feoh*, нѣмецкое *Vieh*, т. е. *скотъ* (по производству Гримма, тождественное съ латинскимъ рессу), съ теченіемъ времени получило значеніе *денежной награды* (англійское *fee*). Явленія, совершающіяся во очію въ новѣйшихъ языкахъ, не должны удивлять насъ въ эпоху болѣе отдаленную. Быкъ и корова были самыми полезными животными изъ породы рогатаго скота, и, кажется, составляли у арійскихъ народовъ главное богатство и самыя важныя средства къ жизни. Быкъ и корова въ санскритѣ называются *gô*. множ. *gâvas*, то же самое что и древне-верхне-нѣмецкое *chuo* множ. *chunowi*, а съ перемѣной гортанной въ губную греческое *βοῦς*, *βόες* и латинское *bōs* — *bōves*. Въ славянскихъ нарѣчіяхъ также сохранились слѣды этого древняго названія; напримѣръ: латтское *gohws*. славянское *говядо*, сербское *говедар*, т. е. *пастухъ*. Отъ *βοῦς* въ греческомъ происходитъ *βουκόλος*, что первоначально значило: *коровій пастухъ*, но въ глаголѣ *βουκόλω* понятіе объ уходѣ за коровами потерялось въ общемъ понятіи объ уходѣ за рогатымъ скотомъ и даже стало употребляться въ переносномъ смыслѣ, какъ наприм. *Ἐλπίσι βουκόλωμαι*, т. е. я питаюсь пустыми надеждами. Тоже самое слово прилагается къ лошадямъ и такимъ образомъ мы встрѣчаемъ слово *ἵππο-βουκόλος*, т. е. собственно „коровій пастухъ лошадей“, — выраженіе, которое можно сравнить развѣ съ санскритскимъ *gounga*, что значитъ собственно *пара воловъ*, а употребляется для означенія всякой *пары* вообще, такъ что, желая сказать: *пара воловъ* прибавляютъ еще развѣ *go* и такимъ образомъ составляется слово: *go-go-ounga*. Такъ въ санскритѣ *go-ра* первоначально значило: *стадо коровъ*; но, скоро утративъ это спеціальное значеніе, стало употребляться въ значеніи *пастыря* и наконецъ подобно греческому: „*ποιμήν λαῶν*, пастырь народовъ“, въ значеніи *царя*. Отъ слова *go-ра* образовался новый глаголъ *gorayati*, въ которомъ не осталось и слѣдовъ его первоначальнаго значенія: глаголъ этотъ значитъ просто *покровительствовать*. Какъ *гора* значило *стадо коровъ*, такъ *go-тра* въ санскритѣ первоначально значило *коровій хлѣвъ*, т. е. ограда, которая защищала стадо отъ воровъ и мѣшала ему разбѣжаться. Въ позднѣйшемъ санскритѣ *gotra* почти совершенно утратило

свое коренное этимологическое значеніе, такъ что только въ женскомъ gotrā уцѣлѣло значеніе коровьяго стада. Въ древнія времена, когда войны по большей части имѣли цѣлью не сохраненіе политическаго равновѣсія Азіи или Европы, а завладѣніе хорошимъ пастбищемъ или большими стадами рогатаго скота ¹⁾, въ эти древнія времена изгороди для скота естественно обращались въ укрѣпленія, а люди, жившіе за одними стѣнами, стали называться gotra, т. е. семья, родъ, племя. Еще въ Ведахъ слово gotra употребляется въ смыслъ загона: такъ мы читаемъ: Nākir ēshām ninditā' mārtyeshu Yé asma'kam pitārah gōshu yodhā'h Indrah eshām drinhitā' mā'hināvān Uḷ gotrā'ni sasridže dānsānāvān, т. е. нѣтъ человѣка, который бы дерзнулъ издѣваться надъ нашими отцами, сражавшимися среди коровъ. Могучій Индра — ихъ защитникъ; онъ всемогущій расширилъ ихъ загоны (т. е. ихъ владѣнія).

Слово goshuyūdh, т. е. „сражающійся среди коровъ или за коровъ“ въ Ведахъ употребляется въ значеніи война вообще (I, 112, 22), а одно изъ наиболѣе употребительныхъ словъ для названія битвы есть gāv-ischti, т. е. буквально „борьба за коровъ“. Но въ позднѣйшемъ санскритѣ gavēschama значить уже *размыслъ, изслѣдованіе* (въ вещественномъ или отвлеченномъ смыслѣ), gavesch *изслѣдовать*. Далѣе goschtha собственно значить хлѣвъ или стойло (ἄβυδατρυς), но съ теченіемъ времени и съ успѣхами цивилизаціи получило значеніе *собранія* и даже *бесѣды*, т. е. разговора, совершенно также, какъ англійское gossip первоначально значило *кумъ, кума*, а потомъ уже было перенесено на пустые разговоры, праздную болтовню.

Всѣ эти слова, составленныя съ корнемъ go, т. е. скоть,—которыхъ мы могли бы привести гораздо болѣе, если бы не боялись подвергнуть слишкомъ тяжелому испытанію терпѣніе нашихъ читателей—всѣ эти слова свидѣтельствуютъ, что народъ, среди котораго они образовались, долженъ былъ вести полукочевую, пастушескую жизнь, и намъ становится ясно, какимъ образомъ тотъ же самый народъ могъ употреблять слово śūhitar въ значеніи дочери. Говорятъ, что въ языкѣ, какъ въ зеркалѣ, отражается степень образованія и бытъ говорящаго этимъ язы-

¹⁾ Ὑπὲρ ἡμετέρας ἡ λείας μετὰδρα. Тохар. 36. Гринъ, Gesch. d. deutsch. Sprache, p. 17.

комъ народа, такъ что, разбирая языкъ народа причорскаго, мы нашли бы, вѣроятно, что вмѣсто рогатаго скота и пастбищъ, какъ у народовъ кочевыхъ и пастушескихъ, въ составъ многихъ словъ, въ послѣдствіи получившихъ болѣе общее значеніе, входятъ понятія о кораблѣ и водѣ. Будемъ разбирать другія выраженія, которыя заключаютъ въ себѣ намёки на состояніе общества, предшествовавшее раздѣленію аріискаго племени; мы увѣрены, что такой разборъ придастъ нашей картинѣ характеръ исторической истины, убѣдительный даже для того, кто никогда не видѣлъ подлинника.

Мы не останавливаемся на словахъ для названія сына, отчасти потому, что этимологія этихъ словъ не представляетъ ничего любопытнаго, такъ какъ всѣ онѣ значатъ: *patrus* ¹⁾, *рожденный*, отчасти же потому, что положеніе сына въ семьѣ, какъ преемника и наследника отцовскаго богатства и власти, потребовало особаго названія гораздо ранѣе, чѣмъ положеніе дочери, сестры или брата. Кровныя отношенія, выражаемыя словами: *отецъ* и *мать*, *сынъ* и *дочь*, *братъ* и *сестра*, установлены, можно сказать, законами самой природы и ихъ существованіе въ языкѣ не можетъ доказать особыхъ усилъ цивилизаціи, какъ бы характеристично ни были выбраны самыя названія. Но есть другія отношенія болѣе поздняго происхожденія и съ болѣе условнымъ характеромъ, которыя освящаются законами общественными, но не даются самой природой, — отношенія, которыя совершенно вѣрно выражаются по-англійски прибавленіемъ слова *in-law* (по закону), какъ напримѣръ *father-in-law*, *mother*, *son*, *daughter*, *brother* и *sister in-law* т. е. тещь или свекоръ, теща или свекровь, невѣстка, зять и т. д. Если бы мы могли доказать существованіе въ древнѣйшемъ періодѣ аріискаго племени названій, выражающихъ эти степени свойствъ, мы этимъ выиграли бы очень много, потому что едва ли найдется въ Африкѣ или въ Австраліи нарѣчіе, въ которомъ бы не было словъ для выраженія понятій: *сынъ*, *дочь*,

¹⁾ Напр. сир. *abû*, готск. *supus*, лит. *supus*, всѣ три отъ одного корня *su*, родить, откуда греч. *σῦς*, только съ иными суффиксами. Сир. *putra*, *smith*, солительнаго происхожденія, но, вѣроятно, значительной древности, такъ какъ оно встрѣчается и у кельтской вѣтви (бретон. *puter*). Отъ того же корня производятъ латинское *puer*.

братъ и сестра, или племя, которому бы не были известны эти естественные виды кровнаго родства; но есть языки, которымъ не достаётъ выражений для дальнѣйшихъ степеней свойствъ, есть племена, которыя даже не имѣютъ понятія объ этихъ степеняхъ.

Санскрит.	Греческ.	Латинск.	Готск.	Славян.	Кельтск.
svāshura	свекоръ	ἐκχρῶς	socer	svaibra	СКЕКРЪ chwegrwa
svashrū	свекровь	ἐκχρῆ	socrus	svaibro	СКЕКРЪ B. chwegy
dīā mātar	зять	γαμῖτρος	gener	.....	.....
snuschā	сноха	νύξ	nurus	snūr	СНОХА
dēvar	деверь	δαίρ	levir	tācor	J. deveris
(ανδραδέλφος)					
(nānandar)	золовка	γαλωκ	glos	.....	.....
	(ἀνδραδέλφη)	εὐνῆρες	janitrices	.....	П. jatrew
yātaras (жены братьевъ)					
shyāli (братъ жены)	αἰόλοι и εὐνῆρας (нужья сестеръ)	.....	.....	.....	.....
shyāli (сестра жены)					

Предложенная таблица показываетъ, что до раздѣленія арийскаго племени каждая изъ степеней свойства уже имѣла соответствующее выраженіе въ языкѣ; ибо, хотя въ нѣкоторыхъ языкахъ мы должны были оставить пробѣлъ для той или другой степени, тѣмъ не менѣе совпаденіе названій въ томъ видѣ, какъ они теперь существуютъ, даетъ намъ право сдѣлать одно общее заключеніе. Когда мы встрѣчаемъ въ санскритѣ слово *putra* сынъ, а въ кельтскомъ *raotg* также сынъ, то тождество корней и суффиксовъ доказываетъ, что, хотя ни въ одномъ изъ остальныхъ арийскихъ нарѣчій это слово не сохранилось въ той же самой формѣ, однако тождество его въ кельтскомъ и санскритскомъ можетъ быть объяснено только съ помощію предположенія, что *putra* былъ обще-арійскій терминъ, образовавшійся прежде, чѣмъ какая-нибудь отрасль этой семьи успѣла отдѣлиться отъ общаго корня.

Въ языкахъ новѣйшихъ мы могли бы въ подобномъ случаѣ допустить позднѣйшее общеніе народовъ, но относительно древнихъ языковъ нельзя предположить такого общенія, послѣ того какъ южная вѣтвь арийской семьи уже перешла за Гималай, а сѣверная вступила въ предѣлы Европы. Другаго

рода вопросы возникаютъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ напр. въ словахъ: *gāmataḡ* и *γᾶμζῶς*, первоначально означавшихъ жениха или супруга ¹⁾, а потомъ уже зятя, мы можемъ только доказать, что въ основу ихъ былъ положенъ одинъ и тотъ же корень, а потому и основное понятіе въ греческомъ, какъ и въ санскритѣ, должно предположить одно и тоже, между тѣмъ какъ образованіе этихъ словъ въ обоихъ языкахъ иное. Здѣсь безъ сомнѣнія мы должны быть осторожнѣе въ заключеніяхъ, но вообще мы найдемъ, что эти различія формъ принадлежатъ къ числу такихъ, которыя встрѣчаются въ нарѣчіяхъ одного языка, и образуются вслѣдствіе того, что изъ многихъ возможныхъ формъ, употреблявшихся сначала безразлично, одинъ поэтъ выбиралъ одну, другой другую, а вполнѣдствіи та или другая изъ этихъ формъ установилась навсегда въ народномъ употребленіи. Это во всякомъ случаѣ вѣроятнѣе, чѣмъ предположеніе, что, желая выразить отношеніе, для выраженія котораго есть столько различныхъ способовъ, Грекъ выбралъ корень *γᾶμ* и образовалъ изъ него *γᾶμρῶς*, *γᾶμζῶς*, между тѣмъ какъ Индусъ, взявъ для выраженія того же самого понятія тотъ же самый корень только въ падежной формѣ (какъ въ словѣ *bhātāḡ* вм. *bhartāḡ*) и привѣсилъ къ нему суффиксъ *taḡ*, откуда образовалось *džā-mātaḡ* — вмѣсто *džamataḡ* или *yamataḡ*. Далѣе, если случается, что одинъ изъ этихъ языковъ утратилъ общій терминъ, мы иногда можемъ отыскать его въ производныхъ. Въ греческомъ, напримѣръ, по крайней мѣрѣ въ языкѣ литературномъ, нѣтъ слѣдовъ слова *перос* внукъ, которому соответствуетъ санскритское *pārāt*, германское *nefo*; также какъ нѣтъ и слова *perlis*, скр. *partī*, герм. *niſt*. Но въ греческомъ есть *ἀνεψίος*, двоюродный братъ, т. е. тотъ, кто вмѣстѣ съ нами доводится кому нибудь внукомъ (такъ какъ и дядя зовется собственно *дядушкой*, *avunculus*, уменьшительнымъ отъ *avus*). Слово *ἀνεψίος* образовалось подобно латинскому *consobrīnus*, т. е. *consogonīnus* (такъ называются дѣти сестеръ), далѣе новѣйшее франц. и англ. *cousin*, итал. *cugino*, почти не сохранившія слѣдовъ кореннаго существительнаго *soḡoḡ*, отъ котораго они однако произведены. Слово: *ἀνεψίος* доказываетъ, что и въ греческомъ было

¹⁾ *Γᾶμζῶς* καλεῖται ὁ γᾶμας ὑπὸ τῶν οικείων τῆς γαμηθείσης.

слово *υεππου* въ значеніи сына или внука. Такимъ же образомъ можно доказать существованіе въ греческомъ языкѣ выраженія, соответствующаго санскритскому *shyāla*, т. е. шуринъ. Въ санскритѣ мужъ называетъ брата своей жены *shyāla*, сестру жены *syāli*. Потому по-гречески Пелей—Амфитриту, а Посидонъ—Фетиду назвали бы своими *shyāli*: такъ какъ они были женаты на сестрахъ, то у нихъ были общія *shyāli*, а сами они между собою были бы *ś-ślyāli*, ибо въ греческомъ *shy* между двухъ гласныхъ обыкновенно выпускается, и единственное уклоненіе этого греч. слова отъ скр. заключается въ томъ, что краткое *ε* замѣнило санскритское долгое *ā*.

До насъ дошло нѣсколько словъ, которыя проливаютъ тусклый свѣтъ на устройство аріійской семейной жизни въ древнѣйшемъ періодѣ. Такъ напр., положеніе вдовы было признано языкомъ и закономъ, и нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы въ этотъ ранній періодъ лишившаяся мужа осуждалась умереть вмѣстѣ съ нимъ. Еслибъ этотъ обычай уже существовалъ, то не было бы нужды и въ особомъ названіи для вдовы или по крайней мѣрѣ въ этомъ названіи долженъ былъ бы сказаться какой-нибудь намекъ на этотъ безчеловѣчный обычай. Мужъ въ санскритѣ называется *dhava*, слово, котораго, по видимому, нѣтъ ни въ одномъ изъ остальныхъ аріійскихъ нарѣчій, развѣ за исключеніемъ кельтскаго, въ которомъ Пиктѣ находятъ сходную форму—*dea*, мужчина. Отъ *dhava* санскритъ образуетъ названіе вдовы, прибавляя предлогъ *vi*, т. е. безъ; отсюда *vi-dhavā* безмужная, вдова. Это сложное слово сохранилось въ нарѣчіяхъ, утратившихъ коренное *dhava*, что доказываетъ высокую древность этого наименованія. Мы встрѣчаемъ его не только въ кельтскомъ *feadh*, но и въ готскомъ *viduvo*, слав. вѣдова, древне-прусск. *widdewū* и латинскомъ *vidua*. Если бы обычай сожиганія женъ существовалъ уже въ этомъ раннемъ періодѣ, то не было бы и вдовъ, т. е. безмужныхъ, ибо все онѣ умирали бы вельдъ за своими умершими мужьями. Потому самое существованіе такого термина указываетъ на позднѣйшее происхожденіе индусскаго обычая сжигать женъ. Не смотря на то, когда англійское правительство рѣшилось запретить этотъ отвратительный обычай и когда вельдствіе этого въ Индіи готовилось вспыхнуть религиозное возстаніе, браманы ссылались на авторитетъ Ведъ,

освящающій, какъ они утверждали, этотъ древній обычай, и такъ какъ англійское правительство объшало не вмѣшиваться въ религіозныя дѣла Индусовъ, то, опираясь на это, браманы стояли за неприкосновенность и этого обычая. Они приводили главу и стихъ изъ Ригъ-Веды, и дѣйствительно, переводъ этого текста, сдѣланный Кольбрукомъ ¹⁾, добросовѣстнѣйшимъ и ученымъ санскритологомъ, какой когда-нибудь былъ въ Англии, вполне подтверждаетъ притязанія брамановъ. Вотъ этотъ переводъ:

„Омъ! Пускай эти жены, добрыя жены, убранныя коллиріумомъ, съ очищеннымъ масломъ въ рукахъ, предаются огню, дабы не овдовѣть! безсмертныя, не бездѣтныя, не безмужныя, пускай украшенныя драгоценностями идутъ онѣ въ огонь, первоначальная стихія котораго есть вода!“ (изъ *Ригъ-Веды*).

Это одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ примѣровъ того, до какой недобросовѣстности способенъ дойти фанатизмъ религіозной касты. Гибли тысячи и тысячи жизней, цѣлой странѣ угрожало фанатическое возстаніе, и все это на основаніи одного текста, искаженнаго, неправильно переведеннаго, неправильно истолкованнаго. Если бы въ то время кто-нибудь могъ повѣрить этотъ текстъ, то браманы были бы поражены собственнымъ оружіемъ и ихъ вліянію былъ бы нанесенъ чувствительный ударъ. Ригъ-Веда, которую теперь едва ли кто изъ ста брамановъ способенъ читать, не только не требуетъ сожиганія вдовъ, но напротивъ того неопровержимо свидѣтельствуетъ, что этотъ обычай не былъ извѣстенъ въ древнѣйшемъ періодѣ индусской исторіи. Согласно съ гимнами Ригъ-Веды и обрядовыми установленіями (*Grihyasūtras*) жена сопровождаетъ трупъ мужа до погребальнаго костра, но здѣсь къ ней обращается стихъ изъ *Ригъ-Веды*, которымъ внушается ей оставить мужа и возвратиться въ міръ живыхъ ²⁾. „Встань, женщина“, говорятъ ей: „воротись въ міръ жизни; ты лежишь подлѣ того, чья жизнь отлетѣла. Возвратись къ намъ.

¹⁾ См. его разсужд. «Объ обязанностяхъ вѣрной жены» въ *Asiatic Researches*, vol. IV, pp. 209, 219. Calcutta, 1793.

²⁾ См. статью Гримма: *Ueber Verbrennung d Todten*; статью Рота: о погребеніи у Индусовъ; статью профессора Вильсона: *On the supposed Vaidic authority for the burning of Hindu widows*, и мой собственный переводъ всѣхъ относящихся сюда свидѣтельствъ въ *Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft*, т. IX, вып. 4. Професс. Вильсонъ первый указалъ перекладъ словъ «yonim agre» въ «yonim agneb».

Ты всолиши долгъ жены въ отношеніи къ мужу, которому ты некогда отдала свою руку и который сдѣлалъ тебя матерью“.

Передъ этимъ стихомъ читается стихъ, искаженный позднѣйшими браманами и приводимый ими въ подтвержденіе своего кровожаднаго вѣроученія. Чтеніе этого текста не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, ибо для Ригъ-Веды нѣтъ разночтеній въ нашемъ смыслѣ этого слова. Кромѣ того мы имѣемъ комментарий, собранія обрядовъ, и — нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго разногласія касательно чтенія или значенія этого текста. Слова его обращены къ другимъ, присутствующимъ при погребеніи женамъ, на которыхъ обрядъ возлагаетъ обязанность возливать на костеръ растительное и коровье масло:

„Пускай эти жены, которыя не овдовѣли, у которыхъ есть добрые мужья, приступать, неся слезъ и масло. Пускай тѣ изъ нихъ, которыя уже сдѣлались матерями, первыя приступать къ жертвеннику, безъ слезъ, безъ скорби, но покрытыя драгоценными украшеніями“.

Слова: „пускай женщины первыя подойдутъ къ алтарю“, по-санскритски читаются такъ: «ā gōhanu dźanaṃ yonim agre», и вотъ эти-то слова браманы передѣляли въ слѣдующіи: «ā gōhanu dźanaṃ yonim agne!» — перемѣна, по видимому ничтожная, въ одной буквѣ, но этой легкой перемѣны было достаточно, чтобы сдѣлать жертвою огня (agneh) тысячи несчастныхъ женщинъ ¹⁾.

Послѣ этого отступленія мы возвращаемся къ тому древнѣйшему періоду исторіи, свѣдѣнія о которомъ можно найти только въ языкѣ. Къ этому періоду мы отнесли названіе вдовы или безмужной. Неудивительно, что названіе мужа до сего дня въ большей части арійскихъ нарѣчій удержалось тоже самое, которое возникло еще до раздѣленія Аріевъ. Въ санскритскомъ это слово pati, которое первоначально значитъ: *сильный, крѣпкій, могучій* подобно латинскому potis или potens. Въ литовскомъ — та же самая форма patis, которая по закону

¹⁾ Такимъ же образомъ обычай сожиганія вдовъ былъ внесенъ браминими въ одно чѣсто, вставленное въ индійскую драму о царѣ Судрака, которая была переведена проф. Вильсономъ и недавно смѣриана въ Парижѣ. Le chariot d'enfant. Drama en vers en cinq actes et sept tableaux, traduction du drama indien du Roi Soudraka, par MM. Méry et Gérard de Nerval. Paris, 1850.

Гримма, въ готскомъ превращается въ *fathz*. Въ греческомъ мы находимъ *πάσις* вмѣсто *πάσις*. Женскій родъ отъ *pati*, въ санскритск. *patni*, и безъ всякаго сомнѣнiя древне-прусское *pattin*, въ винительномъ *waispattin* и греческое *πάτνια* (и то и другое значить: *госпожа*), — ничто иное, какъ видоизмѣненiя первоначальнаго *pati*.

Чѣмъ мужъ былъ въ своемъ домѣ, т. е. господиномъ, сильнымъ покровителемъ, тѣмъ самымъ былъ царь для цѣлаго народа. Общее названiе народа въ санскритѣ было *vis*, откуда названiе третьей касты домовладѣльцевъ—Вансин. Оно происходитъ отъ того же самаго корня, отъ котораго произошли санскритск. *vesha* *домъ*, греч. *οἶκος*, лат. *vicus*, готск. *veihz*, герм. *wich*, наконецъ новѣйшее англiйское окончанiе *wich* въ названiяхъ многихъ мѣстностей. Потому въ санскритск. *vishpati* значило *царь*, т. е. владыка народа; это сложное слово было въ общемъ употребленiи у Ариевъ до ихъ раздѣленiя, что страннымъ образомъ подтверждается литовскими формами: *wiesz-patis* *господинъ*, *wiesz-patene* *госпожа*, которыя прямо указываютъ на санскритское *vish-patis* и *patni*. Стало быть, въ этотъ раннiй перiодъ была уже не только благоустроенная семейная жизнь, но даже семья начинала поглощаться государствомъ, вслѣдствiе чего явились приведенныя нами названiя главы народа, которыя возникли и стали переходить отъ поколѣнiя къ поколѣнiю за 2000 лѣтъ прежде, чѣмъ явился титулъ кесаря.

Такъ какъ въ санскр. народъ называется еще *dāsa* или *dasyu*, то *dāsa-pati*, безъ сомнѣнiя, было также одно изъ древнѣйшихъ названiй царя. Но между *vis* и *dāsa* та огромная разниця, что первое значить: народъ, а вторымъ означались подданные, т. е. покоренные, подвластные народы и первоначально даже — враги. *Dasyu* въ Ведахъ значить *врагъ*, а въ Зендавестѣ: *области* или *племена* (покоренныя—*gentes*) и самъ Дарiй въ надписи на одной скалѣ называетъ себя „царемъ Персiи и областей“ (*Kshāyathīya Pārsaiya, Kschāyathīya dahyu-nām*). Потому едва ли можно сомнѣваться, что греческое *δέσ-πότης* соотвѣтствуетъ санскритскому *dāsa-pati* владыка народовъ; но нельзя допустить, чтобы слово, „господарь“, какъ утверждаетъ Боппъ, было тождественно съ санскритскимъ *vishpati* или *dāspati*. Въ литовскомъ есть слово *gaspadorus*; въ цер. слав.

госнода, госнодинъ и госнодарь, въ польскомъ *gospodarz*, въ чешскомъ *hospodar*. Славянскій звукъ: г не соотвѣтствуетъ санскритскому *w* или *d*, и *t* въ *pati* не могло перейти въ *d*¹⁾. Бенфей, производя слово *госнода* отъ ведійскаго *džâspati*, этимъ разрѣшаетъ первую трудность, но послѣдняя остается въ своей силѣ и, разумѣется, гораздо лучше признать эти трудности, чѣмъ посредствомъ натяжекъ приписывать аріійскіе корни вопреки основнымъ лингвистическимъ законамъ.

Третье общеаріійское названіе для царя есть *gâdž*, встрѣчающееся въ Ведахъ; въ лат. *rex*, *regis*, въ готск. *reiks*, существующее до сихъ поръ въ нѣмецкомъ въ формѣ *reich*, *regnum*, откуда *Frankreich*, т. е. царство франковъ, прландское *riogh*, валійское *ri*.

Четвертое названіе царя и царицы просто: *отецъ и мать*. *Džanaka* въ санскритѣ значить *родитель*, отъ *džan* *родити*; оно встрѣчается также въ Ведахъ, какъ имя одного довольно извѣстнаго царя. Это древне-нѣмецкое *chuning*, англійское *king*. Мать въ санскритѣ *džani*, въ греческ. *γυνή*, въ готскомъ *qinô*, въ славянскомъ: *жия*, въ англійскомъ *queen*, королева. Итакъ слово *queen* первоначально значило: *мать*, новый примѣръ того, какъ языкъ семейный постепенно переходилъ въ государственный языкъ древнѣйшаго аріійскаго государства, и семейное, кровное братство — въ государственную *φρατρία*.

Мы видѣли, что еще прежде, чѣмъ семья Аріевъ успѣла раздѣлиться на двѣ отрасли, изъ которыхъ одна направилась на сѣверъ, другая на югъ, названіе *дома* было уже извѣстно. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ этомъ, сравнимъ санскр. *dhama* съ греч. *δῶμας*, лат. *domus*, слав. *домъ*, кельт. *daimh*, гот. *timrjan*, *строить*, откуда англійское *timber*, хотя мы сомнѣваемся въ тождествѣ славянскаго *градъ*, русск. *городъ*, литовскаго *grod* съ готскимъ *gards*, лат. *hort-us*, греч. *ἄβρτος*, которыя все означаютъ огороженный участокъ земли. Такъ какъ самая важная принадлежность дома въ древнѣйшую пору, была дверь, хорошо утвержденная и способная противостоятъ нападеніямъ непріятеля, то мы съ удовольствіемъ находимъ, что древнѣйшее названіе двери сохранилось въ санскритскомъ *dvar*, *dvāras*, готск. *daur*, лит. *dur-*

¹⁾ См. превосходнаго замѣчанія Шлейхера въ его: *Formenlehre der kirchen-slawischen Sprache* 1852, стр. 107.

гус, кельт. dog, греч. *ὄρα*, лат. *loges*. Строитель или архитекторъ называется одинаково какъ въ греческомъ, такъ и въ санскритскомъ, ибо *lakshan* есть греч. *τέχτων*. Греч. *δοτο* сравнивали съ санскр. *vāstu*, *домъ*; греч. *χώμη* съ готск. *haims*, *село* и англ. *home*. Еще убѣдительнѣе свидѣтельствуешь о раннемъ существованіи городовъ санскритское *purī*, сохранившееся въ греческомъ названіи города *ἑβλίς*. Что пути сообщенія были также извѣстны, это видно изъ санскритскихъ словъ: *rath*, *rathi*, *rathan* и *rāthas*, которыя всѣ имѣютъ одно общее значеніе *пути* и которымъ соответствуютъ греч. *πάτος*, готск. *fad*, которыя Боппъ считаетъ тождественными съ лат. *pons*, *pontis* и славянскимъ *путь*.

Пришлось бы наполнить цѣлый томъ, если бы мы стали разбирать всѣ остатки древнѣйшаго языка, хотя, безъ сомнѣнія, каждое новое слово давало бы новое подтвержденіе нашей основной мысли, прибавляя какъ бы новый камень для возсозданія древнихъ, почтенныхъ развалинъ духовной жизни Аріевъ. Не смотря на то, примѣры, приведенные нами, достаточно свидѣлствуютъ, что племя, способное создать эти, уцѣлѣвшія до нашего времени, слова, не могло состоять изъ дикихъ, грубыхъ кочевниковъ или звѣролововъ. Мало того, слѣдуетъ замѣтить, что большая часть выраженій, связанныхъ со звѣриной ловлей и военнымъ ремесломъ, различны во всѣхъ аріискихъ нарѣчіяхъ, между тѣмъ какъ слова, относящіяся къ занятіямъ болѣе мирнымъ, составляютъ общее наследство этихъ языковъ. Толкованіе этого явленія, предложенное знаменитымъ Пибуромъ, который заимствовалъ его въ языкахъ греческомъ и латинскомъ, не можетъ быть допущено при современномъ состояніи науки. Правильная оцѣнка этого явленія приводитъ къ тому заключенію, что всѣ аріискія племена до раздѣленія долгое время вели жизнь мирную, и что ихъ языкъ успѣлъ сложиться и выработать всѣ національныя особенности къ тому времени, когда отдѣлившіяся отъ него племена отправились искать новыхъ селищъ. Слѣдующія поколѣнія создали новыя слова, на которыхъ отразился воинственный и кочевой характеръ ихъ быта въ эпоху переселенія. Отсюда произошло, что не только греческій и латинскій, но и всѣ аріискіе языки имѣютъ общія слова для выраженія понятій мирной жизни и совершен-

по расходятся въ обозначеніи понятій относящихся къ животнѣ. Такимъ образомъ домашнія животныя въ Англіи называются тѣми же именами, какъ и въ Индіи, между тѣмъ какъ хищныя животныя носятъ разныя названія даже въ латинскомъ и греческомъ языкахъ. Мы позволимъ себѣ представить сравнительную таблицу, которая должна говорить сама за себя: какъ ни поучительно было бы вѣрное объясненіе кореннаго значенія этихъ словъ, которыя могутъ быть названы живыми свидѣтелями быта и духовной жизни арійскаго племени въ древнѣйшую эпоху его исторіи, — подробный этимологическій разборъ потребовалъ бы слишкомъ много времени.

	Санскр. и Зендъ	Греч.	Итальян.	Тевтон.	Литов.	Славян.	Кельт.
рогатый скотъ	pasu	pasu	πῶς	pecu	Н. faihu др-в-н. filu	Прус. pecku	.....
быкъ и корова	go (инен. gau)	gāo	βοῦς	bos	др-в-н. chuo	Латыш. gūhw	.....
быкъ	ukschan	uksham vakhsya	.....	vacca?	н. auhsan	.....	уш
волъ	sthûrâ	stavra	ταῦρος	taurus	stuir	.....	түрѣ
телеца	stari	.....	στεῖρα	(sterilis)	stairo	.....	.....
лошадь	âshu, ashva	aspa	ἵππος	equus	н. aihus	aszwa	osw
журналъ	.....	.....	πῶλος	pullus	н. fula	.....	.....
собака:	shvan	{ spâ σπάξξ	{ κῖυν	{ canis	{ др-в-н. hund	{ ски русск. собака Болг. kuce	{ cu
овца	avi	.....	ὄvis	ovis	{ н. avi-str E. ewe	{ awi	{ слав. ОВЦА
теленкъ	vatsa	.....	βῆλος	vitulus	.....	.....	.....
козелъ	.....	.....	κῆρος	caper	{ др-в-н. hafir	.....	.....
коза	adâ	.....	αῖς	.....	.....	oxis	aighe
свинья (савка)	sû(kara)	.....	ῥῖς	sus	др-в-н. sû	.....	скниѣ
веросе-вокъ	prischat	.....	πόρχος	porcus	др-в-н. farah	parzas	Пол. prosię
баранъ	grischvi	.....	χῆρος	.....	Д-в-н. gris	.....	.....
оселъ	.....	.....	ἄνος	asinus	asilo	.....	.....
мышь	mûsch	.....	μῦς	mus	др-в-н. mûs	.....	Пол. mysz
муха	makschikâ	.....	μύτα	musci	д-в-н. micco	musse	Рус. муха
гусь	hansa	.....	χῆν	anser	Д-в-н. kans	zasis	Чешск. hus ganra

Изъ дикихъ звѣрей нѣкоторыя были извѣстны Аріямъ прежде ихъ раздѣленія, и случайно это были два звѣря, и теперь еще живущіе какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ: волкъ и медвѣдь.

	Санскрит.	Греческ.	Итальянск.	Нѣмецк.	Славянск.
медвѣдь:	riksha	ἄρκτος	ursus		
волкъ:	vrika	λύκος	$\left. \begin{array}{l} \text{lupus} \\ \text{(v)irpus} \end{array} \right\}$	$\left. \begin{array}{l} \text{vulfs} \\ \text{vulfs} \end{array} \right\}$	вълкъ

Къ нимъ должно присоединить змѣю:

змѣя:	$\left. \begin{array}{l} \text{ahi} \\ \text{sarpa} \end{array} \right\}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{ἔχιν} \\ \text{(εγγελλος)} \\ \text{ἑρπαιον} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{anguis} \\ \text{(anguilla)} \\ \text{serpens} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{unguru} \\ \text{жгорь} \end{array} \right.$	рус. угорь
-------	---	---	---	--	------------

Не останавливаясь на различныхъ названіяхъ этихъ звѣрей,— изъ которыхъ нѣкоторыя стали ручными и домашними, между тѣмъ какъ другіе до сихъ поръ остались естественными врагами пастыря и его стада—мы назовемъ нѣсколько словъ, которыя показываютъ, что и этой древнѣйшей пастушеской жизни не были чужды нѣкоторыя виды искусствъ и ремеселъ, каковы напримѣръ земледѣіе, искусство молоть зерновой хлѣбъ, тканье и обдѣлка драгоценныхъ или полезныхъ металловъ.

Древнѣйшее выраженіе для паханія есть Аг, которое повторяется въ лат. agere, въ греч. ἀροῦν, древне-верхне-нѣмецкомъ аган, въ слав. орати, въ лит. arti и гаэлическомъ аг. Отъ этого глагола происходитъ общее названіе плуга ἀροτρον, aratrum, древне-саксонск. erida, древ. скан. ards, слав. орало и оралло. литов. arimnas и корнв. aradar. Отъ того же корня происходятъ, вѣроятно, греч. ἀροτρα и лат. aruum. Но болѣе общее названіе поля представляютъ санск. pada, греч. πέδον, умбр. pegum, пол. pole, сакс. folda, др.-в.-н. feld, field; или ἀρόρις, ager и готск. akrs.

Хлѣбныя растенія, родившіяся въ азійской прѣродинѣ Аріевъ, разумѣется, не могли быть тѣ же самыя, которыя имъ довелось воздѣлывать впоследствии въ странахъ болѣе сѣверныхъ. Но смотря на то, нѣкоторыя изъ относящихся сюда названій сохранились и можно предполагать, что съ ними соединялось, если не совершенно тождественное, то по крайней мѣрѣ сходное ботаническое значеніе. Таковы санскритское yava, въ земд.

уава, литовск. *javas*, что въ греческозгь, должно измѣниться въ *ζεα*. Скр. *shveta* значить бѣлый и соответствуетъ готскому *hveit*, д-в-нѣм. *huiz* и *wiz*, англосакс. *hvit*, и литовск. *kwėtytys*.

Но названіе *цвѣта* перешло въ названіе *бл.лаго зерна* и такимъ образомъ мы встрѣчаемъ въ готскомъ *hvaitei*, лит. *kwes'io*, англ. *wheat*; съ этими словами нѣкоторые ученые сближали слав. *жито* и греч. *σῖτος*. Названіе *зерно* значило первоначально раздавленное, смолотое. Такъ *kṛṣṇa* въ санскритѣ значить *смолотый*, и отъ этого самаго корня, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ производить русское *зерно*, готск. *kaugn*, лат. *granum*. Въ литовскомъ *gīrna* значить *жерновъ*, а множественнымъ *gīrnos* называется *ручная мельница*. Въ русскомъ опять *жерновъ*, въ готск. мельница называется *quairnus* (позднѣе *quirn*). Англійское названіе мельницы *mill* также довольно древняго происхожденія, ибо оно оказывается не только въ др.-верх.-нѣм. *mulī*, но и въ литов. *malūnas*, чешск. *mlyn*, валашск. *melin*, латин. *mola* и греч. *μύλη*.

Мы могли бы привести еще названія, относящіяся къ варенью и печеню, и рано установившееся различіе между сырымъ и варенымъ мясомъ, въ доказательство того, что отвращеніе, выраженное въ позднѣйшее время въ Ведахъ къ племенамъ, которыя употребляютъ въ пищу сырое мясо, чувствовалось уже въ древнѣйшемъ, до-историческомъ періодѣ. Названія *kravva-ad* (*κρέας-ἄδω*) и *ama-ad* (*ἄμας-ἄδω*) прилагаются въ Индіи къ варварамъ и для Индуса съ ними соединяется тоже самое чувство отвращенія, какое для Грека соединялось съ словами *ἄμοσφάροι* и *κρέωσφάροι*. Но теперь мы можемъ только слегка коснуться этихъ пунктовъ, оставляя до другаго времени интересную задачу изобразить въ большей полнотѣ картину этой древнѣйшей эпохи въ жизни человѣчества.

Такъ какъ названія одежды у всѣхъ аріійскихъ народовъ одинаковы,—въ санскр. *vastra*, въ готск. *vasti*, въ латин. *vestis*, въ греч. *ἔσθῆς*, въ кельтск. *gwisk*,—то мы въ правѣ предположить, что нашимъ аріійскимъ предкамъ было извѣстно искусство тканья и шитья. Ткать по скр. *ec*, а въ причинной формѣ: *car*. Съ первымъ (*ve*) совпадаютъ лат. *veio* и коренной слогъ въ греч. *Ἔϛ-τρον*; со вторымъ (*var*)—др.-верх.-нѣм. *vab*, англ. *weave*, греч. *ῥαίνω*.

Шить по скр. *siv*, откуда *sūtra*, *нить*. Тотъ же самый корень сохранился въ лат. *suo*, въ готск. *siuja*, въ др.-вер.-нѣм. *siwu*, англ. *to sew*, литов. *siwū*, слав. *шю*, греч. *κασούω* *вм. καταούω*. Другой скр. корень съ весьма близкимъ значеніемъ *Nak*, который, вѣроятно, существовалъ въ формахъ *nabh* и *nadh*. Отъ *nah* происходитъ лат. *neo* и *pesto*, греч. *νέω*, нѣм. *nāhan*, и *nāvan*, шить, отъ *nadh*, греч. *νῆθω*; отъ *nabh*, скритск. *nābhi*, и *nābha* или *āgnanābha*, *наука*, въ буквальный переводъ — *волну* или *шерсть прядущій*.

Есть четвертый корень, который, кажется, первоначально имѣлъ специальное значеніе: *шить* или *ткать*; но въ послѣдствіи въ санскритѣ получилъ болѣе общее значеніе *дѣлать*. Этотъ корень какъ, который, быть можетъ, соответствуетъ греч. *ῥάπτω* — сшивать или ткать; этимъ корнемъ можно объяснить греческ. названіе паука *ἀράχνη*, въ латинск. *aranea* и классическое названіе тканой шерсти *λάχνος* или *λάχνη*, лат. *lana*.

Немного найдется словъ, свидѣтельствующихъ, что цѣнность и польза нѣкоторыхъ металловъ была извѣстна Аріямъ до раздѣленія на племена; названія для большей части металловъ различны у народовъ индо-европейской семьи. Но смотря на то, не можетъ быть сомнѣнія, что желѣзо и его употребленіе какъ для обороны, такъ и для нападенія было извѣстно. Какое бы ни было его древнее аріиское названіе, ясно, что санскритское *ayas*, латинск. *ahes*, (въ *aheneus*,) и даже сокращенная форма *aes*, *aeris*, готск. *ais*, др.-вер.-нѣм. *er*, и англ. *iron*, суть названія, выштыя по одной формѣ и испытавшія только нѣкоторыя легкія измѣненія въ теченіи столѣтій. Болѣе потерпѣли названія драгоцѣнныхъ металловъ, каковы золото и серебро. Но, не смотря на то, мы можемъ даже въ кельтскомъ *airgid* открыть слѣды санскритскаго *gadzata*, греч. *ἄργυρος*, лат. *argentum* даже въ готскомъ *guld*, *gold* открывается сходство съ слав. *злато*, русскимъ *золото*, греч. *χρῦσος* и санскр. *higanyam*, только въ окончаніяхъ значительная разница. Общій корень былъ, кажется, *harat*, откуда санскр. *harit* *цвѣтъ солнца* и *зари*, какъ и въ латинскомъ слова *аурога* и *аугур* также имѣютъ одинъ общій корень. Нѣкоторыя изъ желѣзныхъ орудій, служившихъ для мирныхъ или для воинственныхъ цѣлей, удержали свои первоначальныя названія. Любопытный въ этомъ отношеніи фактъ

представляет тождество санскритскаго *ragasu* съ греческимъ *πέλαγος*, *сѣкира*, или санскр. *asī*, *мычъ* съ латин. *ensis*.

Новыя понятія принимаются не вдругъ; въ духъ человѣка есть склонность противиться новымъ убѣжденіямъ до послѣдней возможности. Потому только рядомъ тщательно и систематически подобранныхъ фактовъ и путемъ строгихъ лингвистическихкихъ выводовъ можно надѣяться сдѣлать мало по малу очевиднымъ, что въ исторіи человечества былъ періодъ до появленія древнѣйшихъ между извѣстными аріійскими нарѣчіями,— до происхожденія санскритскаго и греческаго языковъ, до того времени, когда первые Греки, прибывъ на берега Малой Азіи и обозрѣвая представлявшееся имъ на западъ и сѣверъ широкое раздолье водъ и материка, назвали новую часть свѣта *Европой*. Допросимъ другаго свидѣтеля, отрицательныя показанія котораго имѣютъ большой вѣсъ. Должно предполагать, что въ періодъ, о которомъ мы говоримъ, родоначальники аріійскаго племени жили въ центральной Азіи, откуда впоследствии южныя отрасли двинулись къ Индіи, а сѣверныя потянули на сѣверозападъ, по направленію къ Малой Азіи и Европѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что до раздѣленія они не могли знать моря и, если допустить вѣрность принятой нами теоріи, названія моря должны были явиться у нихъ позднѣе, послѣ раздѣленія, а потому и не могутъ быть одинаковы въ различныхъ языкахъ аріійской семьи. Такой выводъ блистательно оправдывается самымъ дѣломъ. Дѣйствительно, названія моря, тождественныя въ греческомъ и латинскомъ, различны у сѣверныхъ и южныхъ отраслей аріійской семьи, и даже у самыхъ Грековъ и Римлянъ— названія моря— выраженія очевидно переносныя, которыя первоначально, въ древнемъ языкѣ, имѣли иное значеніе и уже впоследствии были перенесены на новое явленіе *моря*, до того времени неизвѣстное, и потому еще не имѣвшее въ языкѣ соотвѣтствующаго названія. Лат. *pontus* и греч. *πόντος* тоже самое, что гомеровское *ἑγρη κέλευθα* (т. е. влажный путь), ибо *pontus* происходитъ отъ того же самаго корня, отъ котораго произошли въ лат: *pons*, *pontis* и санскр. *pantha* (если даже не самое *pāthas*, путь). Не преградой казалось море родоначальникамъ Грековъ и Римлянъ, а пространствомъ, открытымъ путемъ, болѣе всякаго другаго пути удобнымъ для путешествій

и торговых предприятий. Потому профессоръ Курциусъ *) совершенно вѣрно въ греческихъ выраженіяхъ: πόντος ἄλλος πολιτῆς и θάλασσα πόντου видитъ доказательство того, что самые Греки со- знавали еще первоначальное значеніе слова πόντος. Напрасно было бы заключать о знакомствѣ древнѣйшихъ Аріевъ съ моремъ изъ общихъ всѣмъ аріискимъ племенамъ названій соли, каковы: санскр. salila, лат. sal, и греч. ἅλις, ἄλις. Если эти слова и доказываютъ что-нибудь, то развѣ то только, что родоначаль- никамъ аріискаго племени было извѣстно употребленіе соли, ибо переносное значеніе моря всѣ эти слова получили уже въ позднѣйшее время. Тоже самое слѣдуетъ замѣтить о такихъ словахъ, какъ латин. aequor (первоначально вообще *равнина*, а потомъ уже *ровная* поверхность моря) или греч. πέλαγος.

Извѣстно, что θάλασσα есть діалектическое измѣненіе θάρασσα или τάρασσα, т. е. *возмущенная, взволнованная поверхность моря* (ἐτάραξε δὲ πόντον Ποσειδῶν) и если латинское таге тоже самое, что санскритское vāgī, то не слѣдуетъ забывать, что vāgī въ санскритѣ значить не *море*, а вообще *вода*, и по- тому служить только новымъ подтвержденіемъ того, что, какъ мы уже сказали, всѣ аріискія племена, когда настала потреб- ность образовать названіе для моря, выбрали для этого какое- нибудь выраженіе изъ существовавшего уже въ языкѣ запаса словъ съ общимъ значеніемъ. Названіе таге первоначально означало скорѣе мертвую или стоячую воду, ибо, подобно санскритскому таги, *пустыня*, оно происходитъ отъ тгī *уми- рать* и, хотя таге тождественно съ готск. тагеі, славян. море, ирланд. muir, тѣмъ не менѣе вѣроятно, что всѣ эти слова первоначально не имѣли значенія океана, а получили его уже впоследствии. Но, не зная моря, аріискія племена еще въ пе- риодъ до развѣтвленія ихъ общаго языка на различныя нарѣ- чія, умѣли уже плавать на судахъ. Англійскія слова: oar и rudder (весло) можно прослѣдить въ различныхъ языкахъ до самаго санскрита, а названія *корабля* совершенно тождественны въ санскр. (naus, nāvas), лат. (navis), греч. (ναῦς) и германск. (др.-вер.-нѣм. nasho, англосакс. nasa).

*) См. въ Zeitschr. für vergl. Sprachforschung Куна I, 34. Проф. Курциусъ предлагаетъ такое уравненіе: πόντος: πῆτος = πόνθος: πῆθος = βῆθος: βᾶθος.

Обозрѣвая собранныя нами данныя, — число которыхъ, если бы то позволяло объемъ нашей статьи, можно было бы значительно дополнить *), — нельзя не убѣдиться, что все приведенныя нами слова — останки языка, которымъ говорило некогда единое цѣлое племя, въ эпоху, самое существованіе которой еще до послѣдняго времени историкъ осмѣливался предполагать развѣ только на основаніи священныхъ преданій еврейскаго народа. Между тѣмъ теперь, благодаря сравнительной филологіи, у насъ въ рукахъ живые памятники этого отдаленнаго періода. Оказывается, что мы до сихъ поръ употребляемъ тѣ же самыя слова, — только нѣсколько измѣненные подъ вліяніемъ фонетическихъ превращеній, — которыя употреблялись родоначальниками арійскаго племени. Оказывается, что ихъ мысль и слово также близки намъ, какъ Итальянцамъ и Французамъ близки мысль и слово древнихъ Римлянъ. Если бы потребовалось новое доказательство дѣйствительнаго историческаго существованія этого періода, который, какъ сказано, долженъ былъ предшествовать расселенію арійскаго племени, то арійскія числительныя могутъ представить неопровержимое свидѣтельство той уметвенной жизни, которую жило и *давно* жило въ этомъ періодѣ арійское племя. Несомнѣнно, что древніе Аріи имѣли уже десятичную систему счисленія, — одно изъ самыхъ изумительныхъ созданій человеческого духа, ибо эта система предполагаетъ въ своей основѣ отвлеченное понятіе о количествѣ, а въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи способность умозрительной классификаціи: между тѣмъ эта система была задумана и успѣла окончательно опредѣлиться уже въ ту незапамятную пору, когда на европейской почвѣ еще не было ни Грековъ, ни Римлянъ, ни Славянъ, ни Германцевъ. Эта система могла выработаться только въ тѣсныхъ предѣлахъ немногочисленной общины, ибо болѣе, чѣмъ всякій другой элементъ языка, заставляетъ до-

---

*) Богатое собраніе обще-арійскихъ словъ можно найти въ Исторіи немецкаго языка Я. Грима. Первая попытка воспользоваться такими словами для историческихъ выводовъ принадлежитъ Эйхгофу; но съ тѣхъ поръ весьма полезныя дополненія въ этомъ отношеніи были сдѣланы Уиннингомъ (Winning) въ его *Manual of Comparative Philology* 1838, потомъ Куномъ, Курциусомъ и Фёрстманомъ. Много новыхъ матеріаловъ можно найти въ *Glossaria* Боппа и въ *Etymologische Forschungen* Пота.

пустить условное соглашеніе между людьми, среди которыхъ впервые сложились арійскія названія чиселъ — отъ единицы до ста. Вообразимъ, на сколько это теперь возможно, — что насъ заставили бы вдругъ изобрѣсти новыя названія для единицы, двухъ, трехъ и т. д., и мы поймемъ, какую трудную задачу представляло первоначальное образованіе и установленіе именъ числительныхъ. Гораздо легче придумать названія для предметовъ міра вещественнаго, потому что каждый изъ такихъ предметовъ представляетъ извѣстные атрибуты, признаки, которые языкъ можетъ выразить описательно — и названія для этихъ предметовъ готовы. Такъ напримѣръ море можно назвать „соленой водой“, дождь — „небесной влагой“, рѣки — „чадами земли“. Но числа по самому существу своему — понятія до такой степени отвлеченныя, что напрасно было бы искать въ нихъ какихъ либо конкретныхъ признаковъ, которые могли бы послужить основой для образованія числительныхъ именъ. Все же легче управиться съ первыми числами: *одна*, *два*; — потому эти два числа имѣютъ въ арійскихъ языкахъ по нѣскольку названій. Но самое это обиліе могло бы только повести къ новымъ затрудненіямъ. Положимъ, что для обозначенія одного и того же числа существуетъ нѣсколько названій: не затемняется ли самое значеніе этихъ названій? Положимъ для примѣра, что число *пять*, называясь словомъ, имѣющимъ значеніе „открытая ладонь“, въ то же время могло бы выражаться еще словомъ *пальцы*: эти два синонима были бы совершенно неудобны для разнѣна мыслей. Или положимъ, что одно и тоже слово, означающее „пальцы на рукахъ или на ногахъ“, могло бы употребляться для выраженія числа *пяти* и числа *десяти*: не подало ли бы это повода къ безчисленнымъ недоразумѣніямъ? Потому, чтобы образовать и установить рядъ словъ для выраженія чиселъ: единицы, двухъ, трехъ, четырехъ и проч., родоначальники Аріевъ необходимо должны были положительно условиться для обозначенія каждаго числа не употреблять болѣе одного термина, соединяя съ каждымъ изъ этихъ терминовъ не болѣе одного опредѣленнаго значенія. Относительно другихъ словъ такого соглашенія не требовалось и на самомъ дѣлѣ не было, что лучше всего доказывается множествомъ синонимическихъ и полионимическихъ (многозначущихъ) выраженій, обиліе ко-

торыхъ составляетъ отличительную черту каждаго древняго языка. Этотъ избытокъ, свойственный языку въ раннемъ періодъ его жизни, умѣряется только въ послѣдствіи долговременнымъ обращеніемъ языка въ литературномъ и житейскомъ употребленіи: только въ такомъ долговременномъ обращеніи каждый предметъ получаетъ одно опредѣленное названіе и за каждымъ названіемъ утверждается одно спеціальное значеніе.

Относительно аріекихъ числительныхъ именъ весь этотъ процессъ долженъ былъ совершиться еще въ ту пору, когда Греки не были Греками, Германцы — Германцами и т. д., ибо этимъ только можно объяснить то совпаденіе въ названіяхъ чиселъ, которое представляется намъ въ слѣдующей таблицѣ:

	Санскрит.	Греческ.	Латин.	Литовск.	Готск.
I	ekas	εἷς (εἶς)	unus	wienas	ains
II	dvau	δύω	duo	du	twai
III	trayas	τρεῖς	tres	trys	threis
IV	tshatvāras	τέτταρες (ἑορ. πικρες)	quatuor (Оск. petora)	keturi	fidvōr
V	pantschan	πέντε	quinque (Оск. pomtis)	penki	fünf
VI	schasch	ἕξ	sex	szeszi	saihs
VII	sapta	ἑπτὰ	septem	septyni	sibun
VIII	ashtau	ὀκτώ	octo	aztini	ahtau
IX	nava	ἐννέα	novem	dewyni	nium
X	dasha	δέκα	decem	deszimt	taihun
XI	ekādasha	ἑνδέκα	undecim	wieno-lika	ain-lif
XII	dvādasha	δωδέκα	duodecim	dwy-lika	tw-lif
XV	viṅshati	εἴκοσι	viginti	dwi-deszimti	twaitigjus
C	shatam	ἑκατόν	centum	szimtas	taihun taihund
M	sahasram	χίλιοι	mille	tukstantis	thusundi

Если нельзя объяснить сходства числительныхъ во французскомъ, итальянскомъ, испанскомъ, португальскомъ и валашскомъ языкахъ, но допустивъ, что все они произошли отъ одного общаго латинскаго типа, то къ тому же самому заключенію приводитъ и сравненіе числительныхъ у всехъ аріекихъ народовъ. Названія чиселъ были готовы уже въ томъ языкѣ, которому одинаково обязаны своимъ происхожденіемъ и санскритъ и языкъ валашскій, — *но не далее сотни*. Для „тысячи“ у древнихъ Аріевъ, очевидно, еще не было соответствующаго рѣшенія, и вотъ почему названія *тысячи* въ разныхъ аріекихъ

языкахъ различны, хотя впрочемъ въ самомъ этомъ различіи заключаются нѣкоторыя указанія на дальнѣйшую судьбу аріійскаго племени. Такъ, находя въ санскритѣ и въ зендѣ общее названіе для *тысячи* (скр. *śahasra*, зенд. *hasarpa*), мы заключаемъ, что уже послѣ отдѣленія южной вѣтви аріійскаго племени отъ сѣверной, предки брамановъ и предки послѣдователей Зороастра въ теченіи нѣкотораго времени продолжали говорить однимъ языкомъ. Такое же заключеніе вытекаетъ изъ сходства готскаго *thusundi* съ древне-прусскимъ *tūsintons* (винит.), литовск. *tukstantis* и славянск. *тысящта*, между тѣмъ какъ Греки и Римляне не сходятся въ этомъ случаѣ съ остальными соплеменными народами; потому можно полагать съ полной вѣроятностью, что греческій и римскій народъ образовали свои именованія для тысячи, каждый отдѣльно, внѣ общенія съ другими аріійскими народами.

Этотъ-то древнѣйшій періодъ, предшествовавшій выдѣленію народностей, я и называю *миопеическимъ*, ибо каждое изъ этихъ обще-аріійскихъ словъ есть въ известномъ смыслѣ — *миоз*. Слова эти первоначально имѣли нарицательное значеніе, выражая какой-нибудь одинъ изъ многихъ характеристическихъ атрибутовъ известнаго предмета, и какъ въ выборѣ этихъ атрибутовъ, такъ и въ самомъ выраженіи ихъ въ языкѣ, обнаруживается нѣкотораго рода безсознательная поэзія, совершенно утраченная новѣйшими языками.

Кто-то сказалъ, что языкъ — ископаемая поэзія. Но какъ художникъ не знаетъ, что въ гипсѣ, изъ котораго онъ лѣпитъ свою статую, заключены останки органической жизни, такъ современный Англичанинъ, Нѣмецъ или Французъ не знаетъ, что, произнося слова *father*, *vater*, *père*, онъ зоветъ своего отца покровителемъ. Такъ же точно Греки, употребляя слово *δᾶρ*, т. е. дсверь, не подозревали, что это наименованіе первоначально относилось только къ младшимъ братьямъ мужа, оставшимся дома съ женою старшаго брата, когда тотъ послѣдній отираплялся на поле или въ лѣсъ. Санскритское *devag* первоначально значило: „товарищъ или участникъ игры (play-mate)“: такъ въ самомъ словѣ сказывалась его исторія; слово было — *миоэмъ* (*миоэмъ* собств. значитъ *повѣствованіе, разсказъ*); въ греческомъ оно вывѣтрилось въ простое названіе, въ

условный терминъ. Однако и въ греческомъ еще слово *δαῖρ* не допускаетъ женской формы, точно такъ же, какъ даже въ наше время никто не рѣшится произвестн мужскую форму отъ слова „дочь“, хотя его первоначальное значеніе уже давно забыто.

Этимологическое сознаніе скоро теряется въ языкахъ: такъ въ латинскомъ мы находимъ не только женскую форму *vidua* т. е. *безмужная* (*Penelope tam diu vidua viro suo caruit*), но мужскую форму: *viduus*, которая, если разобрать ее этимологически, имѣетъ такъ же мало смысла, какъ и русское: вдовецъ, нѣмецкое *wittwer* и т. д. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что древне-латинское *viduus* ¹⁾, одно изъ именъ подземнаго бога (*Orkus*), которому былъ воздвигнутъ храмъ за стѣнами Рима, заставляетъ, не смотря на замѣчательное звуковое сходство, серьезно сомнѣваться въ тождествѣ латинскаго *vidua* съ санскритскимъ *vidhavā*. Остается предположить, что отъ *vidua* образовался глаголъ *viduare*, отъ котораго уже потомъ было произведено новое прилагательное *viduus* съ болѣе общимъ значеніемъ: *лишенный, не имѣющій* (*privatus*).

Но, спросить, какимъ же образомъ существованіе во всѣхъ арійскихъ языкахъ этого древняго наслѣдія общихъ рѣченій, или открытіе, что всѣ эти рѣченія первоначально имѣли поэтическій изобразительный смыслъ; можетъ объяснить повторяющееся у всѣхъ народовъ этой семьи явленіе мифологическаго языка? Какимъ образомъ объясняется этимъ тотъ особый фазисъ въ развитіи человѣческаго духа, то особое умонастроеніе, изъ котораго возникли эти небылицы о богахъ и герояхъ, о горгонахъ и химерахъ, о существахъ, однимъ словомъ, которыхъ не видѣлъ ни одинъ человѣческій глазъ и ни какой человѣческій разумъ въ нормальномъ состояніи не могъ выдумать?

Прежде чѣмъ отвѣчать на эти вопросы, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній касательно образованія словъ. Какъ ни утомительно можетъ показаться это для нашихъ читателей, мы надѣемся, что соображенія, которыя мы имѣемъ предложить ихъ вниманію, помогутъ намъ разсѣять

¹⁾ Hartung, *Die Religion der Römer*, II, 90.

мало по малу густую мглу баснословія и за туманными облаками, которыя окружають первую зорю человѣческой мысли и языка, — разгадать дѣйствительность, такъ долго ускользавшую отъ насъ въ смутныхъ призракахъ міеологіи.

Всѣ обще-арійскія слова, какія мы до сихъ поръ разбирали, суть названія извѣстныхъ предметовъ. Всѣ эти слова — существительныя (substantives), ибо всѣ означаютъ нѣчто „вещественно-существующее“ (substantial), доступное чувственному познанію. Это очень естественно, потому что языкъ въ первую пору своего развитія и не могъ выражать ничего иного, кромѣ предметовъ — посредствомъ именъ существительныхъ, и свойствъ — посредствомъ глаголовъ. Потому единственное опредѣленіе, какое можно дать языку въ эту раннюю пору, будетъ слѣдующее: языкъ есть сознательное выраженіе въ звукахъ впечатлѣній, воспринятыхъ различными чувствами человека.

Мы такъ свыклись съ употребленіемъ отвлеченныхъ рѣченій, что едва ли можемъ составить себѣ отчетливое понятіе о томъ, какъ медленно и трудно вырабатывались они первоначально. Мы теперь едва можемъ представить себѣ языкъ безъ отвлеченныхъ выраженій, а между тѣмъ до сихъ поръ существуютъ языки, которые совсѣмъ не имѣютъ ихъ и, чѣмъ далѣе мы углубляемся назадъ въ древнѣйшій періодъ исторіи языковъ, тѣмъ менѣе встрѣчается этихъ столь необходимыхъ для человѣческой мысли выраженій. По отношенію къ языку каждое отвлеченное выраженіе—ничто иное какъ прилагательное, возведенное на степень существительнаго; но дойти до того, чтобы мыслить качество, какъ субъектъ, какъ существо,—дѣло очень трудное и собственно, въ строго-логическомъ смыслѣ, даже невозможное. Говоря: „я люблю добродѣтель“, мы рѣдко соединяемъ опредѣленное понятіе съ послѣднимъ словомъ. Добродѣтель не имѣетъ конкретнаго, индивидуальнаго, дѣятельнаго, личнаго бытія, не есть нѣчто такое, что могло бы непосредственно самимъ собою вызвать въ насъ впечатлѣніе. Слово *добродѣтель* не болѣе, какъ употребляемый для краткости условный терминъ, и тотъ, кто въ первые сказалъ: „я люблю добродѣтель“, говоря это, разумѣлъ собственно: „я люблю все, что добродѣтельно“.

Но есть другія слова, которыя мы теперь едва ли отнесемъ къ разряду отвлеченныхъ, которыя между тѣмъ первоначально были и въ строгомъ смыслѣ до сихъ поръ остаются отвлеченными. Я имѣю въ виду такія слова, какъ: *день* и *ночь*, *весна* и *зима*, *заря* и *сумерки*, *буря* и *громъ*. Что въ самомъ дѣлѣ мы разумѣемъ, говоря: *день* и *ночь*, *весна* и *зима*? Намъ отвѣтять: известную пору года или вообще опредѣленный періодъ времени. Но самое время? какъ мы его себѣ представляемъ? Время тоже не имѣетъ вещественнаго (substantial), индивидуальнаго бытія;—это не болѣе, какъ свойство, которому языкъ далъ предикаты субстанціи. Въ самомъ дѣлѣ, говоря: *день наступаетъ*, *ночь приближается*, мы придаемъ предикатъ *дѣйствія* тому, что, какъ мы очень хорошо знаемъ, дѣйствовать не можетъ; мы строимъ предложеніе, въ которомъ, если подвергнуть его логическому разбору, не окажется опредѣленнаго подлежащаго. (Этимъ объясняются все безличныя обороты рѣчи: *смеркаетъ*, *разсвѣтаетъ* и т. п.)

Тожѣ самое относится ко всемъ словамъ собирательнымъ, каковы: *небо*, *земля*, *роса* и *дождь* — даже *рыки* и *торы*. Въдъ говоря: „земля питаетъ челоувѣка“, мы разумѣемъ не какой-нибудь известный, осязаемый участокъ земной поверхности, но землю *вообще*, какъ недѣлимое цѣлое. Такъ же точно *небомъ* мы называемъ не тотъ клочекъ горизонта, который можетъ обнять нашъ глазъ. Въ обоихъ случаяхъ мы представляемъ себѣ нѣчто, не подлежащее нашимъ чувствамъ; но, какъ бы мы ни понимали это „нѣчто“ — какъ цѣлое, какъ силу, какъ идею,—во всякомъ случаѣ, переводя это „нѣчто“ въ слово, мы, невольно и сами того не подозрѣвая, придаемъ ему атрибуты личнаго, индивидуальнаго бытія. Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что въ древнемъ языкѣ каждое имя имѣло опредѣленное родовое окончаніе, которымъ естественно вызывалось опредѣленное представленіе о полѣ мужскомъ или женскомъ, такъ что эти имена имѣли не только индивидуальный, но и половой характеръ. Не было ли одного существительнаго, съ которымъ бы не соединялось понятіе о полѣ мужскомъ или женскомъ (имена существительныя средня — позднѣйшаго происхожденія и отъ мужскихъ и женскихъ могутъ быть отличены болѣею частію только въ именительномъ). Что же отсюда должно было произойти?

Пока народъ отнесся къ языку сознательно, пока онъ мыслить въ языкѣ, нельзя было говорить объ утрѣ или вечерѣ, веснѣ или зимѣ, не придавая этимъ представленіямъ до известной степени индивидуальнаго, дѣятельнаго, полового и наконецъ личнаго характера. Одно изъ двухъ: или я въ древнѣйшую пору языка эти слова были условныя выраженія чего-то на самомъ дѣлѣ несуществующаго, какими стали они теперь для нашей безцвѣтной мысли, или за ними признавалось реальное содержаніе; въ послѣднемъ случаѣ съ ними соединялось представленіе не о силахъ, или свойствахъ, а о *существованіи*, съ известными силами и свойствами. Даже теперь, представляя себѣ природу какъ силу, не разумѣемъ ли мы подъ словомъ *сила* — нѣчто сильное, обладающее совокупностью известныхъ силъ? А въ древнѣйшемъ періодѣ языка *природа* разумѣлась какъ *Natura* (т. е. *Natura* — отлагольное прилагательное, обращенное въ имя существительное) въ буквальномъ переводѣ: *имѣющая родить, родительница* (мать-природа), *непрерывно производящая, рождающая*. Не было ли такое представленіе въ тысячу разъ опредѣленнѣе того, которое мы теперь соединяемъ съ словомъ: *природа*? Обратимся къ поэтамъ, которые до сихъ поръ продолжаютъ мыслить и чувствовать въ языкѣ, которые не произносятъ ни одного слова, не вложивъ въ него, такъ сказать, живой души, не соединяя съ ними яснаго, живаго образа, которые относятся къ языку не безразлично и въ этомъ смыслѣ могутъ быть названы *идиотами*. Развѣ истинный поэтъ можетъ, не насылая своего чувства, говорить о природѣ и тому подобномъ, какъ о безразличныхъ, бездушныхъ силахъ? Откроемъ Вордсворта, и мы едва ли найдемъ у него хотя одинъ отвлеченный терминъ, которому бы поэтъ не сумѣлъ дать сколько-нибудь, такъ сказать, живой плоти и крови. Подтвердимъ это примѣрами:

Зима. *)

Художники, чтобъ намекнуть слегка

На то, какъ старость губить наши силы, —

*) За переводъ приводимыхъ здѣсь стиховъ Вордсворта редація приноситъ глубокую благодарность профессору Д. Е. Мину.

Рисуютъ Зиму въ видѣ старика:
 На посохъ опираясь, странникъ хилый,
 Больной, въ лохмотьяхъ, онъ бредетъ одинъ
 Въ ненастный день средь снѣговыхъ равнинъ.
 Иль для того, чтобъ выразить измѣну
 И грозную могучесть зимнихъ вьюгъ,
 Они влагаютъ скипетра въ замѣну
 Сухую вѣтвь въ персты застывшихъ рукъ, —
 Движъ достойный старости унылой,
 Но не Зимы съ ея могучей силой!
 Зима! Не твой ли ужасъ сокрушилъ,
 Опутавъ адской сѣтью фронтъ и тылъ,
 Ту рать, что въ бѣгствѣ изъ страны полярной
 Разбила въ прахъ свой замыселъ коварный, —
 Ту рать, что, дерзко перейдя за грань
 Возможнаго, съ Творцомъ вступила въ брань.
 Но какъ отецъ разить сыновъ крамолу,
 Сразила ты цвѣтъ юношей-бойцовъ;
 Ты призвала лихой морозъ — и долу
 Поверглась мощь мужей среди снѣговъ. . . . .

Вотъ еще отрывокъ изъ стихотворенія *Старость и Часы*.

Вокругъ чела, о Старость, свей
 Вѣнокъ душистый изъ лилей!
 Зови подъ сѣнь густыхъ лѣсовъ
 Толпу смѣющихся Часовъ!
 Вели имъ пѣть, плясать весь годъ
 И къ нимъ вѣшайся въ хороводъ!

Кладя на бумагу эти строки, Вордсвортъ едва ли думалъ о Горахъ (Часахъ) классической мифологii: этотъ свѣтлый, улыбающійся образъ возникъ въ его душѣ такъ же непосредственно, какъ нѣкогда въ душѣ греческаго поэта возникъ художественный образъ *Горъ*. Или вотъ еще отрывокъ изъ піэсы *Бури и Времена года*:

Владыкѣ вашему хвалу гласите, Бури!
 Ты, Лѣто, ты, Весна, златая Осень, — тамъ,

Въ странахъ полуденныхъ, въ полудорогѣ къ намъ,
Гдѣ *Время*, вашъ отецъ, на васъ съ полей вѣтра
Глядитъ съ улыбкою, — столпившись въ хороводъ,
Побѣдный пойте гимнъ въ честь зимнихъ непогодъ!

Мы привыкли называть такой способъ выраженія поэтическимъ стилемъ (poetical diction), въ которомъ синхронически можно допустить то, въ чемъ мы видимъ не болѣе, какъ гиперболическое украшеніе языка. Но для поэта въ этихъ и тому подобныхъ выраженіяхъ нѣтъ ничего гиперболическаго, какъ не было его и для нашихъ праотцевъ, которые, создавая языкъ, были безсознательными поэтами. Поэзія древнѣе прозы и отвлеченная рѣчь дается человѣку труднѣе полного поэтическаго сочувствія природѣ. Нужно усиленіе рефлексіи для того, чтобы отнять у природы ея живые образы и видѣть въ быстро несущихся облакахъ только водянистыя испаренія, въ грознонахмуренной скалѣ — только каменную массу, а въ блескѣ молній — электрическія искры. Вордсвортъ *чувствуетъ*, что говорить, когда взываетъ „къ горамъ, долинамъ и волнамъ, призывая ихъ въ свидѣтели и участники праведнаго негодованія“ (собств. презрѣнія, *disdain*):

Mountains, and Vales, and Floods, I call on you
To share the passion of a just disdain.

Когда онъ говоритъ о томъ, какъ „последній холмъ шлетъ прощальный привѣтъ заходящему солнцу“ (the last hill that parts with the setting sun), то это выраженіе вышло у него изъ души въ минуту живаго общенія съ природой; въ этомъ сказалась мысль, еще не переведенная на казенную прозу нашей будничной рѣчи — мысль, которую древніе не нашли бы неумѣстной и въ простомъ, ежедневномъ разговорѣ.

У Вордсворта, этого „литичнаго“ поэта новыхъ временъ (*this modern ancient*), есть цѣлая произведенія, въ которыхъ, можно сказать, все — міеологія, отъ начала до конца. И такъ какъ намъ впослѣдствіи представится случай еще разъ сослаться на Вордсворта, то я позволю себѣ выписать еще отрывокъ, жи-

вой смыслъ котораго Индусу или древнему Греку былъ бы гораздо болѣе понятенъ, нежели намъ:

Солнце.

Привѣтъ тебѣ, ночей восточный побѣдитель!
 Своєю благостью, о первенецъ Творца!
 Ты въ силахъ умягчить и грубыя сердца,
 Когда пылаешь ты, обычный поствитель,
 Въ чертогахъ роскоши, гдѣ властвуютъ цари,
 Или входишь къ пахарю въ смиренную обитель,
 Какъ всемъ доступный гость, съ сіяніемъ зари! —
 Съ восторгомъ вижу я восходъ твой лучезарный
 На небо чистое отъ сумраковъ и тучъ,
 Бѣгущихъ заслонить твой животворный лучъ, —
 Лучъ, ослабляющій и средь зимы полярной

Отважный взоръ высокопарный,
 Дерзнувшій испытать, сколь пламень твой могучъ! —
 Ты сей великій день приводишь въ мѣръ со славой,
 Съ какой дозволено тебѣ сіять зимой

На той дорогѣ величавой,
 Гдѣ ты, прикованный Всесильнаго рукой,
 Отъ вѣка шествуешь незримиы шагами,
 Доколѣ не прейдутъ земля и небеса! —
 Молчанье мертвое надъ этими дугами
 Подъ легкимъ инеемъ и тихая краса
 Въ зѣврѣ ушедшихъ горъ, бѣлѣющихъ снѣгами,
 Ихъ сонъ торжественный и дивный блескъ вершинъ,

Гласящій жителямъ долины

О минованьи бури дикой, —

Все возвѣщаетъ намъ, что день насталъ великій! —
 О свѣтъ божественный, который лишь одинъ
 Всего доступный намъ, взводящій къ небу взоры!
 Ты, люющій кроткій блескъ на эти снѣжныя горы,
 Не забывающій и мирныхъ сихъ долинъ!

О ты, чьимъ пламенемъ вся грудь земли согрѣта,
 Чей огонь былъ въ древности, какъ нашъ источникъ свѣта

Боготворимъ не безъ причинъ!

Привѣтъ тебѣ, привѣтъ, о Солнце, радость міра!
 Сіяй же цѣлый день сегодня намъ съ зѣвромъ!

И такъ, если мы сами, говоря о солнцѣ или о буряхъ, о свѣ и смерти, о землѣ и зарѣ, или не соединяемъ съ этими словами никакого яснаго представленія (*distinct idea*), или смутно чувствуемъ въ нихъ вѣяніе поэзіи давно-минувшихъ дней; если мы, когда намъ случается говорить съ свойственной сердцу человѣка теплотой, взываемъ къ вѣтрамъ, къ солнцу, къ океану или къ облакамъ, какъ будто бы они могли внимать намъ; если привыкая къ пластичнымъ образамъ мысль поэта не можетъ представить ни одного изъ этихъ явленій, ни одной изъ этихъ силъ, не придавъ имъ если не человѣческой образъ, то по крайней мѣрѣ бытіе и чувства человѣческія: — что же удивительнаго, если древніе, языкъ которыхъ кипѣлъ жизнью и обиліемъ красокъ, что удивительнаго, если вмѣсто блѣдныхъ очертаній нашей современной мысли, они представляли природу и ея явленія въ цѣломъ рядѣ живыхъ образовъ, одаренныхъ силами человѣческими, или, скорѣе — вышечеловѣческихъ, по скольку блескъ солнца превосходитъ блескъ человеческого глаза, или ревъ бури громче человеческого голоса? Мы, люди книжные, конечно можемъ объяснить научнообразно происхожденіе дождя и росы, бури и грома; но для огромнаго большинства человечества эти явленія остались тѣмъ же, чѣмъ были онѣ для Гомера, только, быть можетъ, въ современныхъ представленіяхъ менѣе красоты, менѣе поэзіи, менѣе реальности и жизни. Вотъ что мы считали нужнымъ сказать объ особой трудности, соединенной съ выраженіемъ понятій отвлеченныхъ или собирательныхъ: — эта трудность, какъ мы увидимъ, поможетъ намъ объяснить многіе затруднительные пункты миѣологии.

Обратимся теперь къ другой однородной чертѣ древнѣйшихъ языковъ — къ глаголамъ вспомогательнымъ. Между глаголами они занимаютъ тоже самое мѣсто, какое наименованія отвлеченныхъ понятій — между существительными. Всѣ эти глаголы позднѣйшаго происхожденія и первоначально имѣли болѣе реальное, конкретное значеніе. Наши вспомогательные глаголы должны были испытать длинный рядъ всякихъ превратностей, прежде нежели окончательно приняли тотъ блѣдный и безжизненный характеръ, благодаря которому они такъ пригодны для разныхъ потребъ отвлеченной прозы. Такъ, наиримѣръ самый глаголъ

habere, который теперь во всѣхъ романскихъ нарѣчіяхъ служитъ просто для обозначенія прошедшаго времени: *j'ai aimé, я любилъ*, этотъ самый глаголь первоначально имѣлъ конкретное значеніе: *держатъ, удерживатъ*, что доказывається производнымъ существительнымъ: *habenas—бразды, возжди* (собств. *то, чѣмъ держатъ, сдерживаютъ*). Глаголь *tenere* держать, въ испанскомъ языкѣ сталъ точно такъ же вспомогательнымъ, и почти съ тѣмъ же значеніемъ, какъ *habere*. Греческое $\epsilon\chi\omega$, соотвѣтствующее санскритскому *śah*, первоначально значило: *быть сильнымъ, быть способнымъ*. Латинское *suī, я былъ* (санскритское *bhū, быть*) соотвѣтствуетъ греческому $\varphi\upsilon\omega$, и въ этой послѣдней формѣ доселѣ сохранило свое первоначальное конкретное значеніе: *рости и расти, возвращать*. As, общій корень санскритскаго *as-mi*, греческаго $\epsilon\mu-\mu\acute{\iota}$, литовскаго *as-ma*, слав. *късь*, вѣроятно состоитъ въ близкой связи съ другимъ корнемъ *ās, сидѣть*, который встрѣчается въ греческомъ $\acute{\eta}\sigma\text{-}\tau\alpha\iota$ и санскритскомъ *ās-te*. *Stare, стоять*, въ языкахъ романскихъ также происходитъ на степень простаго вспомогательнаго, напр.: *j'ai été, я былъ*, соб. *habeo statum, я сталъ*: *j'ai été convaincu я былъ убѣжденъ*, собств. *я сталъ убѣжденнымъ*; звуковой переходъ *statum* въ *été* подтверждается переходомъ латинск. *status* въ французск. *état*. Нѣмецкое *werden*, которое служитъ для образованія будущаго времени и страдательнаго залога, въ готскомъ *varth*, указываетъ на санскритское *vṛit*, латинское *verto*. *Will*, въ англійской формѣ будущаго: *he will go*, точно также утратило свое коренное значеніе: *желать, хотѣть*. А въ глаголь *shall* (нѣм. *soll*), которое употребляется также въ будущемъ, *I shall go*, даже для филолога трудно открыть первоначальное значеніе юридическаго или нравственнаго обязательства. Между тѣмъ нѣмецкое существительное *Schuld* значитъ *долгъ* или *вина*, и глаголь *soll* до сихъ поръ имѣетъ еще не одно только исключительно служебное, вспомогательное значеніе (для образованія будущаго, какъ англ. *shall*), первые слѣды котораго однако можно открыть въ именахъ трехъ тевтонскихъ наркѣ: *Furdh, Furdhandi* и *Skuld*,—*прошедшее, настоящее и будущее* ¹⁾. Но какое же могло быть первоначальное значеніе глагола, который, какъ мы

¹⁾ Kuhn, Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, III, 449.

сейчасъ видѣли, уже въ самомъ рѣшомъ примѣненіи своемъ имѣеть отвлеченный смыслъ нравственнаго долга или юридическаго обязательства? Гдѣ могъ языкъ, который вѣдь изъ одного вещественнаго міра заимствуетъ матеріалъ для образованія именъ и глаголовъ, гдѣ, говорю я, языкъ могъ найти что-либо соотвѣтствующее отвлеченной идеѣ: *они должны* заплатить, или: *онъ бы долженъ былъ* уступить? Я. Гриммъ, который старался проникнуть въ самые сокровенные тайники германскаго языка, предлагаетъ для этого глагола такое толкованіе, которое имѣеть полное право на серьезное вниманіе съ нашей стороны, какъ бы ни показалось оно намъ на первый разъ страннымъ и невѣроятнымъ.

Англ. *shall* (нѣм. *soll*) и его прошедшее *should* (*sollte*) въ готскомъ имѣють слѣдующія формы:

настоящ.	прошед.
skal	skulda
skalt	skuldôs
skal	skulda
skulum	skuldedum
skuludh	skuldedudh
skulun	skuldedun

Въ готскомъ эта форма *skal*, которую съ перваго раза можно принять за настоящее, оказывается архаической, устарѣлой формой прошедшаго, въ родѣ греческихъ прошедшихъ съ значеніемъ настоящаго, какъ напр. *οἶδα*. Въ нѣмецкомъ также есть нѣсколько такихъ глаголовъ, а въ англійскомъ ихъ отличительнымъ признакомъ служить отсутствіе буквы *s* въ третьемъ лицѣ единственнаго числа настоящаго времени.

И такъ *skal*, по мнѣнію Гримма, значить: я долженъ, я обязанъ, но первоначально значило: я убилъ. Главное преступленіе, которое осуждалось древне-германскимъ правомъ было убійство, за которое, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускалась денежная пеня (випра, *Wergeld*). Потому *skal* буквально значило: *я виновенъ въ преступленіи* (*ich bin schuldig, I am guilty*); а впоследствии, когда это конкретное выраженіе обратилось въ условный юридическій терминъ, тогда стали возможны новыя обороты въ родѣ слѣдующихъ: вмѣсто того чтобы

сказать: „я убилъ свободнаго челоѣка, раба», говорили: «я повиненъ въ свободномъ челоѣкѣ, въ рабѣ», (т. е. въ его смерти) и наконецъ: «я въ долгу (т. е. долженъ уплатить пеню за убійство) за раба, за свободнаго челоѣка». Тѣмъ же самымъ путемъ Гриммъ объясняетъ еще позднѣйшія и еще менѣе нормальныя выраженія, каковы: «he shall pay, er soll zahlen», онъ *долженъ* заплатить, т. е. *собств.* онъ *виновенъ*, *повиненъ* заплатить, er ist *shuldig* zu zahlen; he schall go, er soll gehen, т. е. онъ *долженъ* идти и наконецъ I schall withdraw т. е. я чувствую себя обязаннымъ, повиннымъ удалиться.

Такой рѣзкій переходъ значенія кажется, безъ сомнѣнія, насильственнымъ и произвольнымъ, но мы бы допустили его съ ббльшимъ доверіемъ, если бы только обратили вниманіе на то, что почти на каждомъ изъ нынѣ употребительныхъ словъ можно наблюдать рядъ точно такихъ же превращеній: стоитъ только подвергнуть какое-нибудь слово этимологическому анализу и прослѣдить его исторію. Когда мы говоримъ: я *обязанъ* идти, я *обязанъ* заплатить, мы забываемъ, что происхожденіе этихъ выраженій относится къ тѣмъ временамъ, когда людей дѣйствительно *взяли* для того, чтобы обязать ихъ идти или платить. Nos te fallit значить по латыни: «это меня обманываетъ», «ускользаетъ отъ меня». Впоследствии это выраженіе получило другой смыслъ: «это отдалено отъ меня», «я имѣю въ этомъ нужду», я *долженъ*, хочу имѣть это: отсюда, французское *il me faut*, я *долженъ*. Далѣе англійское *I may*, я *могу*, есть готское: mag, maht, mag, magum, magudh, magun, и первоначально значило: я *силенъ*. Mag (стало быть *I may*) первоначально было тоже прошедшимъ и проходило отъ корня, который значилъ *рождать*, откуда готское magus, сынъ — т. е. рожденный, шотландское Mac, и готское magaths, дочь, нѣмецкое и англійское maid — дѣва.

Въ языкѣ мнѳологическомъ мы должны замѣтить разъ на всегда отсутствіе глаголовъ съ исключительно-вспомогательнымъ, служебнымъ значеніемъ. Въ періодъ мнѳо-творенія каждое слово, глаголъ или существительное, сохраняло во всей силѣ свой первоначальный конкретный смыслъ. Слова были по податливы, не легко допускали новыя отбѣнки въ своемъ значеніи. Они выражали болѣе, чѣмъ требовалось для простаго

выраженія мысли. Отсюда многія странности миеологическаго языка, которыя мы можемъ объяснить, только имѣя въ виду естественное развитіе языка. Мы теперь говоримъ: *солнце встодитъ всльдъ за зарю*, а древніе говорили: *солнце любитъ зарю и преслдуетъ ее своими обвтіями*. Въ томъ, что мы называемъ *солнечнымъ закатомъ*, имъ видѣлось *старяющее, изнемоющее или умирающее* солнце. Когда *встодило* солнце, имъ представлялось, что *ночь родила лучезарнаго сына*. Съ весной они опять соединяли представленіе о солнцѣ или небѣ: имъ казалось, что оно *заключатъ землю въ свои горячія обвтія и сылетъ свои дары въ недра природы*. У Гезіода есть много миеовъ позднѣйшаго происхожденія, въ которыхъ стоитъ только конкретный глаголь замѣнить вспомогательнымъ, и языкъ миеическій превратится въ обыкновенную логическую рѣчь. Гезіодъ называетъ ночь (Нyx) матерью Рока (Μῦθος) и мрачную Керу (Разрушеніе) — матерью смерти, сна и сонма сновѣднѣй (Ονειροί), — потомства, по преданію, порожденнаго ею безъ отца. Далѣе, она называется матерью Момуса (Норщаніе), скорбной Оізус (Горь) и Гесперидъ (вечернія звѣзды), стерегущихъ по ту сторону Океана прекрасныя золотыя яблоки и плодоносныя деревья. Отъ нея же родились: Немезида (Мщеніе), Апатѣ (Обманъ), Philotês (Наслажденіе) и губительная Geras (Старость) и суровая Eris (Соревнованіе, споръ, вражда, раздоръ). Возьмемъ теперь наши теперешнія, обыкновенныя выраженія, какъ напр. „звѣзды появляются при приближеніи ночи“, „мы спимъ“, „намъ видится во снѣ“, „мы умираемъ“, „мы подвергаемся опасности во время ночи“, „пированіе по ночамъ ведетъ за собою раздоръ, ссоры, и горе“, „съ каждой ночью мы приближаемся къ старости и наконецъ къ смерти“, „преступленіе, хотя и совершенное во мракѣ ночи, рано или поздно открывається днемъ“, „сама ночь отмститъ за себя злодѣю“, поставимъ эти выраженія вмѣсто гезіодовскихъ, и мы перевели языкъ Гезіода, — языкъ болышею частію совершенно ясный для народа, къ которому онъ обращался — въ формы нашей современной мысли и рѣчи ¹⁾. Все это едва ли можетъ быть названо языкомъ

¹⁾ Шекспировская Джульетта навѣрно понимала, въ какомъ смыслѣ Philotês (наслажденіе любви) могла быть названа рожденіемъ Ночи. Вотъ, какъ обращается она къ Ночи:

миологическимъ, въ собственномъ смыслѣ; это не болѣе, какъ поэтическій иносказательный способъ выраженія, общій всемъ поэтамъ новаго и древняго времени, съ какимъ и теперь очень часто встрѣтишься въ языкъ простаго народа. Уранъ, на языкъ Гезіода, употребляется какъ названіе неба; онъ созданъ или рожденъ „быть твердью (твердымъ жилищемъ) для пребыванія блаженныхъ боговъ“ ¹⁾. У Гезіода сказано дважды, что Уранъ покрываетъ все (ст. 127) и что, когда онъ приводитъ ночь, то распростертый повсюду, заключаетъ землю въ свои объятія. Это выраженіе почти заставляетъ думать, что въ греческомъ мнѣ сохранилось воспоминаніе о первоначальномъ этимологическомъ значеніи слова Uranos. Уранъ есть санскритское Varuna отъ корня VAR, покрывать. Въ Ведахъ Varuna—хотя употребляется вообще какъ одно изъ названій небесной тверди, но преимущественно означаетъ ночное небо и потому противопоставляется Митръ, т. е. дню. Во всякомъ случаѣ въ словѣ Uranos Грекамъ слышался какой-то отголосокъ его первоначальнаго значенія; когда мы читаемъ, что ему придается эпитетъ, ἀστέρεις (звѣздное небо), никогда не соединявшійся съ именами Аполлона или Діониса, намъ вѣрится съ трудомъ, что „для Грека, какъ думаетъ Гротъ, съ именами Uranos, Нyx, Нурнос и Oneiros (Уранъ, ночь, сонъ и сновидѣніе) соединялись такіа же личныя предетавленія, какъ съ именами Зевса и Аполлона“. Стоитъ только прочесть нѣсколько строкъ далѣе у Гезіода, чтобы убѣдиться, что потомство Ген, въ которомъ Уранъ занимаетъ первое мѣсто, еще не достигло

О Ночь, прибѣжище любви, приди
 И распусти свой занавѣсъ густой,
 Чтобы затянулся взоръ идущихъ мимо,
 Чтобы Рочео пришелъ въ мои объятія
 Невидимый, никто не осужденный!
 Любвиникамъ довольно ужъ свѣтло
 Отъ блеска ихъ взаимной красоты!
 Къ тому-жъ, какъ говорить, слѣпа Любовь —
 Чтожъ можетъ съ ней дружить Ночи быть?

По переводу М. Н. Каткова.

¹⁾ Гезіод. Θεог. 128 —

Γαῖα δὲ τῶν πρῶτον μὲν ἐγένετο ἰσον ἑαυτῇ
 Οὐρανὸν ἀστέρων ἵνα μιν περὶ πάντα καλύπτῃ
 ὄφρ' εἴη μακάρων θεῶν ἕδος ἀσφαλὲς αἰεὶ

того полного миеологическаго олицетворенія, той кристаллизаціи, которая дѣлаетъ столь загадочнымъ первоначальный характеръ большей части олимпійскихъ боговъ. Въ своемъ введеніи Гезіодъ обращается къ музамъ съ вопросомъ: какъ родились боги и земля, какъ произошли рѣки и безбрежный Океанъ, свѣтлыя звѣзды и необъятное небо простертое сверху. (ὄρθος εὐρύς ἔπερδεν)? Вся *Теогонія* составляетъ отвѣтъ на эти вопросы; и потому едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Греки нѣкоторыя изъ именъ, которыя приводятся затѣмъ у Гезіода, понимали просто какъ поэтическія представленія явленій вещественнаго міра, какъ напр. земли, рѣкъ, горъ. Уранъ, первенецъ Геи, впоследствии былъ возведенъ на степень божества — съ человѣческими чувствами и атрибутами; но слѣдующее затѣмъ порожденію Геи *Ὀὐρὰ μακρὰ*, — великія горы, даже въ языкѣ отмѣчены среднимъ родомъ и потому ихъ едва ли можно разсматривать, какъ личности, подобныя Зевсу и Аполлону.

Гротъ заходитъ слишкомъ далеко, настаивая на чисто-буквальному разумѣніи всей греческой миеологіи. Нѣкоторыя миеологическія иносказанія оставались въ греческомъ языкѣ до весьма поздняго времени и были совершенно понятны, т. е. нуждались также мало въ объясненіяхъ, какъ наши теперешнія выраженія: „солнце садится“, или „сѣлицо встаетъ“. Гротъ чувствуетъ необходимость допустить это, но отказывается отъ всѣхъ дальнѣйшихъ выводовъ, которые прямо вытекаютъ отсюда. „Хотя“ говоритъ онъ, „нѣкоторыя изъ атрибутовъ и дѣйствій, приписываемыхъ этимъ лицамъ часто могутъ быть объяснены иносказательно, аллегорически, но рядъ ихъ, вся система не допускаетъ такого способа толкованія: допустивъ этотъ способъ объясненія миеовъ, изслѣдователь сначала ступаетъ легко и свободно, но, сдѣлавъ два, три шага, скоро убѣждается, что путь, который сначала казался ему такимъ легкимъ и удобнымъ, вдругъ засорился, и ему приходится пролагать дорогу посредствомъ произвольныхъ ухищреній и догадокъ“. Такъ Гротъ допускаетъ, что въ миеологію входитъ и аллегорія, какъ одинъ изъ ея составныхъ ингредиентов; но далѣе онъ не идетъ, оставляя всю миеологію, какъ загадку, пытаться разрѣшать которую напрасно, да и не слѣдуетъ,

какъ нѣчто нераціональное — какъ прошедшее, которое никогда не было настоящимъ; онъ не хочетъ даже попытаться объяснить, хотя бы только въ частностяхъ, эту важную проблему въ исторіи греческаго духа. Развитіе сколькихъ системъ могло бы быть задержано такимъ недостаткомъ „ученой смѣлости“ (scientific courage) — системъ, которыя, не смотря на то, что ихъ первые шаги были робки и неувѣренны, съ теченіемъ времени достигли блестящихъ результатовъ! Въ наукахъ палеонтологическихъ нужно приучить себя къ мысли, что мы многого не знаемъ и никогда не узнаемъ, и сказанное Светоніемъ о грамматикахъ: „boni grammatici est nonnulla etiam nescire“, т. е. хорошему грамматнику слѣдуетъ и не знать кое-чего, можетъ быть въ особенности применено къ тому, кто занимается мнѳологическими изысканіями. Напрасно было бы пытаться разгадать тайну каждаго имени, и никто не признавался въ этомъ съ большей скромностью, какъ тотъ, кто заложилъ самое прочное основаніе сравнительной мнѳологіи — Я. Гриммъ. Въ своемъ введеніи къ „нѳмецкой мнѳологіи“ онъ не обинуясь говоритъ: „хочу объяснить все, что могу, но не могу объяснить многого, что бы мнѣ хотѣлось“. Отфридъ Мюллеръ проложилъ путь въ причудливый лабиринтъ греческой мнѳологіи: ученый съ дарованіями и свѣдѣніями Грота могъ бы слѣдовать по этому пути или по крайней мѣрѣ опредѣлить, на сколько этотъ путь вѣренъ или не вѣренъ. На мнѳъ о Киренѣ (см. въ Proleg. 65 стр.) О. Мюллеръ показалъ, какъ долго былъ въ ходу между Греками мнѳологическій способъ выраженія. Кирена, греческая колонія, была основана въ Ливіи около 37 олимпіады; поколѣніе киренейскихъ царей вело свой родъ отъ Миніевъ, которые господствовали главнымъ образомъ въ Іолкоѣ, въ южной Тессаліи; главнымъ поводомъ къ основанію колоніи послужило изрѣченіе оракула Аполлона пнѳійскаго. Отсюда возникъ мнѳъ: „Аполлонъ, полюбивъ Кирену, героическую дѣву, которая жила въ Тессаліи, похитилъ ее и перенесъ въ Ливію“, между тѣмъ какъ мы на нашемъ обыкновенномъ языкѣ, это событіе выразили бы такъ: „Тессалійскій городъ Кирена выселилъ колонію въ Ливію, подъ ауспціями (under the auspices) Аполлона.“ Можно привести много другихъ примѣровъ, гдѣ простая замѣна одного глагола другимъ,

болѣе вещественнаго значенія, разомъ снимаетъ съ миеа его чудесную оболочку *).

Кавнъ называется сыномъ Милета, т. е. въ переводѣ на обыкновенный языкъ: критскіе колонисты изъ Милета основали городъ Кавнъ въ Ликии. Далѣе мнѣ гласить, что Кавнъ бѣжалъ изъ Милета въ Ликию, а сестра его Библосъ, съ горя объ утратѣ брата, превратилась въ источникъ. Здѣсь по ошибкѣ, какъ пользовавшійся болѣею извѣстностію, чѣмъ критскій Милеть, попалъ Милеть іонійскій, ибо Библосъ не болѣе, какъ незначительная рѣчка близъ іонійскаго Милета. Еще примѣръ: Павзаній передаетъ за историческій фактъ, что Милеть, прекрасный отрокъ, бѣжалъ изъ Крита въ Іонію, спасаясь отъ ревности Минноса,—между тѣмъ дѣло состоитъ просто въ томъ, что іонійскій Милеть былъ колоніею критскаго Милета, а Миносъ славнѣйшимъ изъ критскихъ царей. Или, напримѣръ, Марпесса называется дочерью Эвена — и одинъ мнѣ рассказываетъ, что она была увезена Идой (Idas), — знаменитымъ героемъ изъ роднаго города Марпессы. Въ этомъ мнѣ заключаются тотъ подтверждаемый и другими несомнѣнными свидѣтельствами историческій фактъ, что колонія, вышедшая отъ береговъ рѣки Эвена, основала въ Мессинѣ городъ Марпессу. И здѣсь опять мнѣ не забылъ прибавить, что Эвень, послѣ тщетныхъ попытокъ отвоевать дочь у похитителя, съ горя объ утратѣ Марпессы, превратился въ рѣку, подобно сестрѣ Милета—Библосъ.

Когда Греки называютъ себя автохтонами (*αὐτόχθονες*), намъ кажется, что мы понимаемъ смыслъ этого выраженія. Но, когда преданіе говоритъ намъ, что древнѣйшее названіе Фессалии было *πίρρα* и что Гелленъ былъ сынъ Пирры, Гротъ хочеть видѣть въ этомъ мнѣ и утверждаетъ, что сами Греки, по крайнѣй мѣрѣ, никогда не сомнѣвались въ существованіи исторической личности, которая называлась Гелленомъ и женщины, которую звали Пиррой. Быть можетъ, справедливо утверждать это въ отношеніи къ позднѣйшимъ Грекамъ, каковы Гомеръ и Гезіодъ; но понималось ли, могло ли это пониматься такимъ образомъ съ самаго начала? Языкъ всегда былъ тоже, что и теперь: слово всегда имѣло первоначально какое-нибудь зна-

*) См. *Mythologie von Kanne* § 10, p. XXXII.

ченіе, и тотъ, кто бы онъ впрочемъ ни былъ, кто первый, вмѣсто того, чтобы сказать, что Геллены родились отъ земли, говорилъ о какой-то Пиррѣ, матери Геллена, желая, говоря это, выразить какую-нибудь понятную и разумную мысль; не могъ же онъ въ самомъ дѣлѣ разумѣть какого-нибудь Геллена изъ своихъ знакомыхъ и старуху, по имени Пирру; однимъ словомъ: онъ долженъ былъ разумѣть тоже самое, что разумѣемъ мы, когда называемъ Италію—матерью искусствъ.

Даже во времена болѣе близкія къ намъ, нежели тѣ, о которыхъ говорить Отфридъ Мюллеръ, мы находимъ, что „мнеологическій способъ выраженія“ былъ въ ходу у поэтовъ и философовъ. Павзаній жалуется на тѣхъ, которые „всюду вносятъ генеалогію и дѣлаютъ Ниція сыномъ Дельфа“. Исторія Эрота въ Платоновомъ Федрѣ тоже названа мнѳомъ (μύθος, 254 D, λόγος 257 B), но это не мѣшаетъ Сократу замѣтить иронически — что эта исторія „принадлежитъ къ числу тѣхъ, которымъ можно вѣрить и невѣрить“ (τούτοις δὲ ἔστιται μὲν πισθεῖσθαι, ἔστιται δὲ μή). Тамъ же, приводи сказаніе объ египетскомъ богѣ Тейтѣ, онъ выдаетъ его за „сказаніе древности“ (ἀρχαῖν γ' ἔγω λέγειν τῶν πρῶτων), но Федръ ни на минуту не сомнѣвается, что это — собственное изобрѣтеніе Сократа: „Сократъ“, говоритъ Федръ своему учителю, „какъ легко изобрѣтаешь ты египетскія и всякія сказанія“ (λόγοι). Когда Пиндаръ называетъ Апофазисъ (извиненіе, оправданіе, тоже что, апологія) дочерью Эпиметея, то каждый Грекъ понималъ это мнѳологическое выраженіе не иначе, какъ если бы Пиндаръ говорилъ: „оглядка ведетъ къ извиненію“, или: „одумавшись, человѣкъ извиняется“ ¹⁾. Даже у Гомера, когда онъ говоритъ, что хромья Літае (Мольбы) слѣдуютъ за

¹⁾ Πισθεῖσθαι—послѣ поступка обдумывающій отъ ἐπιμυθεῖσθαι—обдумывать послѣ поступка прогнупол πρῶτων, откуда: Πρῶτων, Πρῶτων. О Мюллеръ показала, что различные поэты придавали различнымъ родителямъ Эрминіамъ, смотря по тому, съ какими характеромъ выводили послѣднихъ. «Очевидно» — говоритъ онъ въ своей «*Опытъ объ Эпипидарѣ*», стр. 181, — эта генеалогія лучше соответствовала поэтическимъ цѣлямъ и образамъ Эхилы, нежели какая-нибудь изъ ходячихъ генеалогій, производившихъ Эрминій отъ Скотоса и Геси (Софокл), Кроноса и Эрмионы (въ одномъ произведеніи, приписываемомъ Эпипидару), отъ Форкиды (Эвфоріонъ), Геси Эрмионы (Истронъ), отъ Ахеронта и Ночи (Евдэль), Гадеса и Персефоны (орфическіе гимны), Гадеса и Стикса (Авенодоръ и Мисеасъ). См., впрочемъ, Н. D. Müller, *Ares*, p. 67.

Судьбою (Até), стараясь умиловить ее, Грекъ разумѣлъ тоже самое, что разумѣемъ мы, когда говоримъ: „послѣ смерти покаянья не бываетъ“, или когда употребляемъ известную французскую поговорку: „l'enfer est pavé de bonnes intentions“. Точно такъ же и выраженіе: „мольбы, суть дочери Зевса“, едва ли можетъ быть отнесено къ области собственно миеологии, ибо Зевсъ считался у Грековъ покровителемъ молящихся, Ζεὺς ἱκετεύσιος — отсюда Мольбы называются его дочерьми, какъ англичанинъ свободу называетъ дочерью Англій, или какъ мы говоримъ: „Молитва рождается въ душѣ“.

Но не смотря на ихъ миеическую окраску, всѣ эти выраженія еще нельзя признать миеами. Существенный характеръ настоящаго миеа состоитъ именно въ томъ, что для объясненія его оказываются недостаточными сближенія съ оборотами обыкновенной разговорной рѣчи. Одною пластической изобразительностью языка въ древнюю пору (смотри сказанное выше объ образованіи именъ и глаголовъ) нельзя объяснить, какимъ образомъ миеъ можетъ утратить способность выражать первоначально заключавшійся въ немъ смыслъ, какимъ образомъ утрачивается самое сознаніе этого первоначальнаго смысла. Трудностью образованія именъ и глаголовъ съ отвлеченнымъ значеніемъ мы можемъ объяснить только присутствіе аллегорическаго элемента въ поэзіи древнихъ, но миеология остается по прежнему загадкой. Поэтому должно призвать на помощь другой могучій элементъ, участвовавшій въ образованіи древняго языка, элементъ, для котораго я не нахожу лучшаго названія, какъ: *полионимизмъ* (polyonymy, многоименность) и *синонимизмъ* (synonymy, соименность).¹⁾ Большая часть названій, какъ мы это видѣли прежде, были первоначально нарицательными или эпитетами, въ которыхъ выражалось то свойство, которое въ данный моментъ представлялось наиболее выдающимся, наиболее характеристическимъ признакомъ какого-нибудь предмета. Но такъ какъ у каждаго предмета есть нѣсколько признаковъ и такъ какъ съ известной точки зрѣнія каждый изъ этихъ признаковъ могъ послужить поводомъ для наименованія предмета, то естественно большая часть предметовъ въ эту раннюю

¹⁾ См. мое письмо въ Буззону *О туранскихъ языкахъ* р. 35.

пору носили нѣсколько наименованій. Съ теченіемъ времени бѣльшая часть изъ нихъ оказалась лишними и въ литературномъ, классическомъ языкѣ были замѣнены какимъ-нибудь однимъ, которое стало какъ бы собственнымъ именемъ предмета. Чѣмъ древнѣе языкъ, тѣмъ онъ богаче синонимами (сопменными).

Постоянное употребленіе синонимовъ должно было съ другой стороны вызвать множество гомонимовъ. Положимъ, что у насъ будетъ пятьдесятъ различныхъ названій солнца, изъ которыхъ каждое выражаетъ какое-нибудь свойство этого свѣтила: между этими названіями непременно должны оказаться нѣкоторыя, которыя будутъ приложимы къ другимъ предметамъ, имѣющимъ то или другое общее съ солнцемъ свойство. Всѣ эти предметы получатъ одно общее названіе, будутъ гомонимы (одноименныя).

Такъ, напр. въ Ведахъ земля называется: *urvi* (пространная), *prithwī* (широкая), *mahī* (великая), и кромѣ того имѣетъ множество другихъ наименованій, число коихъ, по показаніямъ Nighantu, въ совокупности доходитъ до двадцати одного. Всѣ эти двадцать одно слово — синонимы. Но словомъ *urvi* (пространная) называется не только земля, но и рѣка; *Prithwī* называютъ не только землю, но и небо и зорю. Эпитетъ *mahī* (великій, сильный) наравнѣ съ землею прилагается къ коровѣ и къ человѣческой рѣчи. Потому земля, рѣка, небо, заря, корова, рѣчь — гомонимы. Впрочемъ всѣ эти наименованія просты и понимаются сами собою. Но большая часть древнихъ наименованій, которыя языкъ создаетъ, находясь на первыхъ ступеняхъ своей жизни, такъ сказать, въ первомъ порывѣ поэтическаго одушевленія юности, основаны на смѣлыхъ метафорахъ. Какъ скоро забывались эти метафоры — всего чаще меркло и измѣнялось первоначальное значеніе корней, отъ которыхъ произошли эти слова. Многія изъ этихъ словъ, естественно, должны были утратить не только свой этимологическій, коренной, но и переносный, поэтическій смыслъ. Изъ поэтическихъ метафоръ они обращались въ простыя, условныя названія и уже безсознательно по преданію переходили отъ одного поколѣнія къ другому: вполне понятныя, быть можетъ, дѣду, еще довольно вразумительныя для отца, они непременно становились чуждыми для сына и бывали превратно перетолкованы внукомъ. Такія превратныя толкованія или недоразумѣнія могли возник-

нуть разными путями. Могло забыться коренное значеніе слова: тогда слово, первоначально бывшее нарицательнымъ (appellative) или *именемъ*—*попеп*, въ этимологическомъ значеніи этого слова (*попеп* вмѣсто *gnomen*, *quo gnoscimus res*, то, почему узнается предметъ, какъ *palus* отъ *gnatus*), обращается въ простой звукъ, становится *именемъ* въ настоящемъ значеніи этого слова, т. е. простымъ условнымъ названіемъ. Такъ *Ζεός*, — первоначально одно изъ названій неба, подобно санскритскому *dyāus*, мало по малу обратилось въ собственное имя, нарицательное значеніе котораго просвѣчиваетъ только въ нѣкоторыхъ поговоркахъ, каковы: *Ζεός βρε* (дождитъ, идетъ дождь) или «*sub Jove frigido*» (подъ открытымъ небомъ).

Часто случалось, что, забывъ настоящій этимологическій смыслъ какого-нибудь слова, навязывали ему новое значеніе, руководясь въ этомъ случаѣ какимъ-то этимологическимъ чутьемъ, которое не совершенно утратилось даже въ новыхъ языкахъ. Такъ *Λυχτήγενής*, т. е. *свѣторожденный*, *сынъ свѣта*—Аполлонъ превратился въ сына *Ликіи* (*отъ Ликіи рожденный*); эпитетъ *Δήλιος*, т. е. *свѣтлый* — послужилъ поводомъ къ происхожденію мѣта о рожденіи Аполлона на островъ Делосъ.

Съ другой стороны въ тѣхъ случаяхъ, когда въ языкъ было два названія для одного предмета или явленія, изъ этихъ двухъ названій возникали двѣ отдѣльныя личности, и такъ какъ каждой изъ нихъ приписывалась таже самая судьба, о каждой рассказывались однѣ и тѣ же похождения, то эти двѣ личности естественно представлялись или братомъ и сестрой, или отцемъ и сыномъ и т. д. Вотъ почему мы находимъ у Грековъ *Selenē мѣсяцъ* рядомъ съ *Мене*, тоже *мѣсяцъ*, *Helios, солнце*, и *Phoebos* — тоже самое; въ большей части греческихъ героевъ можно открыть очеловѣченныя черты греческихъ боговъ, въ именахъ этихъ героевъ—первоначальные эпитеты ихъ божественныхъ прототиповъ. Еще чаще случалось, что прилагательное, постоянно соединяемое съ извѣстнымъ именемъ для обозначенія какого-нибудь предмета, вмѣстѣ съ этимъ именемъ переносилось и на другой предметъ. Что говорилось напр. о морѣ, потомъ приписывалось и небу; или напримѣръ солнце, разъ будучи названо львомъ или волкомъ, скоро получало когти и гриву въ постоянный атрибутъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда

животная метафора совершенно не имѣлась въ виду. Такимъ образомъ солнце съ его золотыми лучами могло быть названо *златоруки.мъ*, потому только что слово *рука* значило въ то же время и *лучъ*. Но въ приложеніи къ Аполлону или къ Индрѣ, эпитетъ „златорукий“ разбивался въ цѣлый мнѣъ, который мы встрѣчаемъ какъ въ германской, такъ и въ санскритской мифологіи: и та и другая повѣствуютъ, что Индра лишился руки, которая потомъ была замѣнена *золотой*.

Такимъ образомъ мы уже имѣемъ нѣсколько ключей къ тайнамъ мифологіи, но самому способу ихъ употребленія можно научиться только съ помощію сравнительной филологіи. Какъ во французскомъ языкѣ трудно бываетъ угадать коренное значеніе многихъ словъ, не прибѣгая къ сравненіямъ съ родственными словами въ языкахъ итальянскомъ, испанскомъ или превансальскомъ; такъ точно и происхожденія многихъ греческихъ словъ нельзя объяснить безъ сближеній съ болѣе или менѣе сохранившимися остатками родственныхъ словъ въ языкахъ: нѣмецкомъ, латинскомъ, славянскомъ и санскритскомъ. Къ сожалѣнію между этими древнѣйшими языками ни одинъ не имѣетъ такого значенія, какое для романскихъ языковъ имѣетъ языкъ латинскій, съ помощію котораго мы можемъ опредѣлить, въ какой степени первообразна форма каждаго слова въ языкахъ: французскомъ, итальянскомъ и испанскомъ. Санскритскій нельзя назвать отцемъ латинскаго и греческаго языка, какъ латинскій можно назвать отцемъ всѣхъ романскихъ нарѣчій. Но, хотя санскритъ только братъ между братьями, тѣмъ не менѣе братъ старшій, потому что его грамматическія формы дошли до насъ въ древнѣйшемъ, болѣе первобытномъ видѣ; вотъ почему, какъ скоро удастся прослѣдить видоизмѣненія какого-нибудь греческаго или латинскаго слова до соответствующей ему формы въ санскритѣ, это уже почти всегда дастъ намъ возможность объяснить его построеніе (*formation*) и опредѣлить его первоначальное значеніе. Какъ бы мы, напримѣръ, узнали первоначальное значеніе словъ: *πατήρ*, *μήτηρ* и *θυγάτηρ* *), если бы наши изысканія должны были

*) Вотъ образецъ этимологическаго словотолкованія ученыхъ древней Греціи изъ *Etymologicum Magnum*: — *Θυγάτηρ, παρὰ τὸ θύειν καὶ δοῦναι κατὰ γαστέρος. ἐκ τοῦ θύω καὶ τοῦ γαστήρ. λέγεται γὰρ τὰ θύλακα τάλιον κινεῖσθαι ἐν τῇ μήτρῃ.*

ограничиться однимъ греческимъ языкомъ? Но какъ скоро мы возводимъ эти слова къ санскриту, ихъ первоначальный смыслъ становится совершенно яснымъ. О. Миллеръ одинъ изъ первыхъ увидѣлъ и призналъ, что классическая филологія всѣ этимологическія изысканія должна предоставить филологіи сравнительной, и что происхожденіе греческихъ словъ средствами одного только греческаго языка объяснено быть не можетъ. Это имѣетъ особую силу въ примѣненіи къ именамъ міеологическимъ. Для того, чтобы какое-нибудь слово получило міеологическій смыслъ, необходимо, чтобы въ языкѣ утратилось или затемнилось сознаніе первоначальнаго, собственнаго значенія этого слова. Такимъ образомъ слово, которое въ одномъ языкѣ является съ міеологическимъ значеніемъ, очень часто въ другомъ имѣетъ совершенно простой и общепонятный смыслъ. Напримѣръ Англичане (такъ же какъ и Русскіе) говорятъ: „солнце садится“ („the sun sets») и говорятъ это, конечно, безсознательно, по привычкѣ; а между тѣмъ въ германской міеологіи солнцу дѣйствительно придается сѣдалище или престолъ, на которомъ оно возсѣдаетъ, подобно тому какъ у древнихъ Грековъ Эось (заря) также называлась „златотронной“, „χρυσόθρονος“, или какъ новыя Греки о заходящемъ солнцѣ говорятъ: ἥλιος βασιλεύει. Мы не соединяемъ никакого представленія съ именемъ Гекаты, но понимаемъ съ перваго раза, что значить Ἐχάτος и Ἐχάτη-βόλος (далеко-разящій, эпитетъ Аполлона). Мы не знаемъ, что такое Lucina, но ни мало не затрудняемся на счетъ слова Luna, которое между тѣмъ есть ничто иное, какъ сокращенное Lucina. Такъ называемая индусская міеологія имѣетъ мало или вовсе не имѣетъ значенія для сравнительныхъ изслѣдованій. Всѣ сказанія о Шивѣ, Вишну, Магадевѣ, Парвати, Кали, Кришнѣ и пр.—поздняго происхожденія; они возникли уже на индійской почвѣ, (т. е. уже послѣ выдѣленія Индусовъ изъ обще-арійской семьи) и исполнены страшныхъ и фантастическихъ вымысловъ. Но между тѣмъ какъ позднѣйшая міеологія Пуранъ и эпическихъ поэмъ не представляетъ почти никакого матеріала для занимающагося сравнительной міеологіей, въ Ведахъ сохранился цѣлый міръ первобытной, естественной и удобопонятной міеологіи. Міеологія Ведъ для сравнительной міеологіи имѣетъ тоже самое значеніе, какое санскритъ имѣетъ для сравнительной грамматики.

Къ счастію въ Ведахъ мѣнологія не успѣла еще сложиться въ опредѣленную систему. Одни и тѣже рѣченія употребляются въ одномъ гимнѣ какъ царщательныя, въ другомъ—какъ имена боговъ. Одно и то же божество занимаетъ разныя мѣста, становится то выше, то ниже остальныхъ боговъ, то уравнивается съ ними. Все существо ведійскихъ боговъ, такъ сказать, еще прозрачно; первоначальныя представленія, изъ которыхъ возникли эти божественныя типы, еще совершенно ясны. Родословныя и брачныя связи боговъ еще не установились: отецъ иногда оказывается сыномъ, братъ — мужемъ; богиня, которая въ одномъ мѣстѣ является матерью, въ другомъ играетъ роль жены. Мѣнялись представленія поэтовъ — мѣнялись свойства и роли боговъ. Нигдѣ такъ рѣзко не чувствуется огромное разстояніе, отдѣляющее древнія поэмы Индіи отъ самыхъ раннихъ начатковъ греческой литературы, какъ при сравненіи еще неуставшихъ установиться, находящихся еще въ процессѣ развитія ведійскихъ мѣоовъ съ достигшими полнаго, окончательнаго развитія и уже разлагающимися мѣоами, на которыхъ основана поэзія Гомера. Настоящая теогонія арійскихъ племенъ—Веды, между тѣмъ какъ теогонія Гезіода не болѣе, какъ некажениая карриатура первоначальнаго образа. Чтобы убѣдиться, въ какой степени духъ человѣческій, хотя ему отъ природы присуще сознаніе высшей божественной силы, неизбѣжно подчиняется неотразимому вліянію языка во всемъ, что касается сверхъестественныхъ и отвлеченныхъ представленій, слѣдуетъ читать *Веды*. Если хотите объяснить Индусу, что боги, которымъ онъ поклоняется—не болѣе, какъ названія явленій природы, — названія, которыя мало по малу утратили собственный, первоначальный смыслъ, олицетворились, наконецъ были обоготворены,—чтобы объяснить это Индусу, заставьте его читать *Веды*. Едвали разсчитливо поступали древніе отцы церкви, признавая языческихъ боговъ ¹⁾ за демоновъ, за злыхъ духовъ;

¹⁾ Аристотель высказалъ свое мнѣніе о греческихъ богахъ въ одномъ мѣстѣ своей *Метафизики*. Онъ нападаетъ на идеи Платона, старается показать заключающіяся въ нихъ противорѣчія, называетъ ихъ αἰὼνία ἀθάνα, безсмертными смертными (eternal uneternals), т. е. же мнѣющими действительнаго, реальнаго существованія, какое при-

будемъ остерегаться, чтобы не впасть въ ту же самую ошибку относительно боговъ индусскихъ. Эти боги имѣютъ не болѣе правъ на признаніе за ними реальнаго существованія (substantive existence), чѣмъ греческія Эосъ (заря) или Гемера (день), чѣмъ Ночь (Нyx) или Апатѣ (обманъ). Это маски, за которыми никогда не было живыхъ актеровъ, — не создатели человѣка, а его собственныя созданія; номіна (имена, названія), а не numina (божества); имена безъ содержанія, а не существа, которымъ нѣтъ имени.

Безъ сомнѣнія, есть примѣры, что греческій, латинскій или германскій мифъ можетъ быть объясненъ изъ элементовъ одного греческаго, латинскаго или германскаго языка, подобно тому, какъ въ греческомъ много словъ, этимологическій смыслъ которыхъ можетъ быть объясненъ безъ помощи санскрита или готскаго языка. Мы начнемъ съ мифовъ этого послѣдняго разбора, какъ болѣе легкихъ, чтобы потомъ уже перейти къ болѣе труднымъ, для которыхъ приходится добывать свѣтъ издалека. отъ снѣжныхъ скалъ Исландіи, изъ пѣсней Эдды или съ береговъ „Седмирѣчія“, изъ гимновъ Ведъ.

Роскошное воображеніе, быстрота постиженія, живость умышленныхъ способностей и неистощимое разнообразіе фантазіи, отличавшія Грековъ, легко объясняютъ, почему послѣ раздѣленія арійскаго племени не было языка богаче греческаго, не было мифологій разнообразнѣе греческой мифологій. Создаваясь съ изумительной легкостью, слова забывались также легко, съ той безпечностью, которую придаетъ гениальнымъ людямъ сознаніе въ себѣ неистощимыхъ творческихъ силъ. Первоначальное созданіе каждаго слова было цѣлой маленькой поэмой, въ которой воплощались или смѣлая метафора или свѣтлое воззрѣніе на міръ. Но, подобно народной поэзіи Грековъ, эти слова, будучи разъ усвоены преданіемъ и ужившись въ языкъ семьи, города или цѣлаго племени, въ мѣстныхъ діалектахъ или во всенародной рѣчи Греціи, скоро, если такъ можно выразиться, забывали о

писывается имъ людьми, которые утверждаютъ, что боги существуютъ, но въ то же время придаютъ имъ человѣческой образъ, дѣлая изъ нихъ такимъ образомъ «безсмертныхъ смертныхъ» — противорѣчіе, само себя уничтожающее.

томъ, кто ихъ создалъ, о поэтѣ, которому они были обязаны своимъ происхожденіемъ. Ихъ родословная и первоначальный смыслъ были неизвѣстны самимъ Грекамъ; этимологическое значеніе ихъ затруднило бы самаго остроумнаго антикварія. Но Греки заботились объ этимологической генеалогіи словъ своего языка такъ же мало, какъ мало интересовались они знать имя каждаго пѣвца, который, первый, сложилъ пѣсню о подвигахъ какого-нибудь Менелая или Діомеда. Какъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи ихъ любознательность удовлетворялась однимъ Гомеромъ, такъ точно они хватались за всякое этимологическое производство, объяснявшее хотя одну какую-нибудь сторону въ значеніи слова, тѣмъ болѣе, что остроумнымъ догадкамъ, не стѣсненнымъ никакими историческими соображеніями, открывалось обширное поле. Извѣстно, какъ Сократъ, подъ вліяніемъ минуты, превращаетъ Эрота въ бога крыльевъ; Гомеръ такъ же мало затрудняется на счетъ этимологическихъ производствъ, полезныхъ по стольку, по скольку они доказываютъ, что настоящее этимологическое значеніе именъ боговъ было утрачено и забыто еще задолго до Гомера.

Всего удобнѣе проникнуть въ первоначальный смыслъ греческаго мифа, когда у нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ въ ономъ лицъ сохранились имена, смыслъ которыхъ понятенъ изъ греческаго языка. Такія имена, какъ Эосъ, Селена, Геліосъ, Гересъ даютъ свою собственную исторію, даютъ точку опоры (πύτυ) для истолкованія всего остальнаго содержанія мифа. Возьмемъ прекрасный мифъ о Селенѣ и Эндиміонѣ. Эндиміонъ — сынъ Зевса и Калики, но въ тоже время сынъ элидскаго царя Атлія, который въ свою очередь считается сыномъ Зевса и которому Эндиміонъ, по преданію, наследовалъ на элидскомъ престолѣ. Это обстоятельство указываетъ на мѣстное значеніе нашего мифа, свидѣтельствуя во всякомъ случаѣ, что мѣстомъ его происхожденія была Элида и что, по греческому обычаю, элидскіе цари вели свою родословную отъ Зевса. Тотъ же самый обычай господствовалъ въ Индіи; оттого произошли два великіе царственные рода древней Индіи, такъ называемый — *родъ солнца* и *родъ луны* (Solar and Lunar races). Пуруравасъ, о которомъ подробности вполнѣтвѣн,

говорить о себѣ: „великій владыка дня и царь ночи—мой предки; я внукъ ихъ“....

Потому можно допустить существованіе въ Элидѣ царя Аэтидія; у него могъ быть сынъ Эндиміонъ; но съ царемъ элидскимъ не могло случиться того, что мнѣ повѣствуетъ объ Эндиміонѣ. Мнѣ переноситъ Эндиміона въ Карію, на гору Латмосъ, потому что въ пещерѣ этой горы Селена увидѣла спящаго красавца, здѣсь плѣнилась имъ и здѣсь же утратила своего возлюбленнаго. Значеніе Селены не подлежитъ никакому сомнѣнію; и, если бы даже въ преданіи сохранилось одно только другое ея имя, Asterodia, мы тѣмъ не менѣе не могли бы перевести этого синонима иначе, какъ словомъ: мѣсяцъ, потому что Asterodia значитъ: «Путникъ среди звѣздъ». Но кто же былъ Эндиміонъ? Это одно изъ многихъ именъ солнца, но въ особенности заходящаго или умирающаго солнца. Это слово происходитъ отъ глагола ἐν-δύω, который, въ классическомъ языкѣ Греціи, никогда не употребляется о солнцѣ въ смыслъ заходенія, ибо это послѣднее значеніе утвердилось разъ навсегда за простымъ глаголомъ δύω. Выраженію Δυσμαί ἡλίου, заходеніе, противопоставляется ἀνατλάει, восхожденію солнца. Δύω первоначально значило *погружаться*; и такія выраженія, какъ: ἡἷλιος δ' ἄρ' ἔδυ, солнце погрузилось, предполагаютъ болѣе раннее представленіе: ἔδυ πόντον — погрузилось въ море. Припомнимъ слова, съ которыми Тетидя обращается къ своимъ спутницамъ, III. XVIII, 140:

Ἵμεῖς μὲν νῦν δῦτε θαλάσσης εὐρέα κόλπον,

Сестры мои! Погрузитесь въ лоно пространное моря.

Тоже самое представленіе солнца, погружающагося въ морскія волны, мы встрѣчаемъ и въ другихъ языкахъ, преимущественно у народовъ приморскихъ; на примѣръ, въ латинскомъ: «*Surgit mergat seque aequore natans*»¹⁾. Въ древне-скандинавскомъ: «*Sól gengr í aegi*». Нѣкоторыя изъ племенъ славянскихъ представляютъ солнце женщиной, которая предъ наступленіемъ ночи погружается въ купальню, а утромъ встаетъ освѣженная и омытая, или называютъ море матерью солнца, въ объятія которой оно опускается каждый вечеръ. Потому можно

¹⁾ Grimm's Mythologie p. 704.

предположить, что въ какомъ-нибудь греческомъ нарѣчїи ἐνδύω имѣло тоже самое значеніе и что отъ ἐνδύω произошло ἐνδύμα — захожденію солнца. Отъ ἐνδύμα потомъ образовалось ἐνδυμῶν, какъ отъ ὄραυς — ὄραυ(ω)ν и какъ большая часть названій греческихъ мѣсяцевъ. Если бы ἐνδύμα вошло въ употребленіе, какъ общепринятый терминъ для означенія солнечнаго заката, то никогда не могло бы возникнуть мифа объ Эндиміонѣ. Но какъ скоро первоначальное значеніе Эндиміона было забыто, осталось одно собственное имя, къ которому стали относить все, что первоначально относилось къ солнцу. Чтобы сохранить какой-нибудь смыслъ, это имя должно было олицетвориться въ образъ бога или героя. *Прежде* говорили, что заходящее солнце спитъ въ Латмійской пещерѣ, т. е. въ пещерѣ ночи, ибо Латмосъ пронесодитъ отъ одного корня съ словами: Лето, Латона, ночь; *потому* пещера ночи была замѣнена опредѣленной географической мѣстностью, а именно горой Латмосъ въ Карїи. *Прежде* подъ этимъ Эндиміономъ, который погружается въ вѣчный сонъ послѣ однодневной жизни, разумѣлось заходящее солнце — сынъ Зевса, т. е. яснаго неба, и Калликѣ — все покрывающей ночи (отъ καλύπτω), а по другому сказанію, сынъ Зевса и Протогенес, т. е. перворожденной богини — Зари, которая постоянно представляется матерью, сестрой или покинутой супругой Солнца. *Потому* въ Эндиміонѣ стали видѣть элидскаго царевича: поводомъ къ этому, вѣроятно, послужило извѣстное обыкновеніе греческихъ царей выбирать для своихъ дѣтей имена съ добрымъ предзнаменованіемъ (of good omen), имѣвшія какое-нибудь отношеніе къ солнцу, мѣсяцу или звѣздамъ. Въ такомъ случаѣ вмѣстѣ съ именемъ свѣтила на его смертнаго соименника переносился и самый мифъ, съ этимъ именемъ связанный. На древнемъ поэтическомъ языкѣ Элиды существовало нѣсколько изрѣченій: „Селена любитъ Эндиміона и сторожитъ его“, т. е. становится поздно, вечераетъ; „Селена заключаетъ Эндиміона въ свои объятія“, т. е. мѣсяць всходитъ, когда сядетъ солнце; „Селена

*) Лауеръ въ своемъ сочиненіи: System der griechischen Mythologie, переводитъ: Endymion словомъ Taucher т. е. погружающійся. Гергардъ (Gerhard) въ своей Griech. Mythologie утверждаетъ, что ἐνδυμῶν значитъ: ὁ ἐν δόμῳ ὄν.

своими поцѣлудами погружаетъ въ сонъ Эндиміона“, т. е. настааетъ почь. Народъ давно пересталъ понимать первоначальный смыслъ этихъ изрѣченій, но самыя изрѣченія продолжали употребляться долгое время спустя, и такъ какъ человекъ стремится узнать причину каждаго явленія и готовъ выдумать какую-нибудь, когда настоящая причина неизвѣстна, то въ народѣ, какъ бы по общему соглашенію и независимо отъ воли отдѣльныхъ лицъ, сложилось представленіе, что этотъ Эндиміонъ былъ какой-то юноша, любимый юною дѣвой, по имени Селеной. И если дѣти, не довольствуясь такимъ объясненіемъ, съ свойственнымъ дѣтскому возрасту любопытствомъ домогались узнать объ этомъ поподробнѣе, то всегда находилась кака-нибудь старушка-бабушка, готовая добавить, что этотъ юный Эндиміонъ былъ сынъ Протогеней (при чемъ сама рассказщица развѣ смутно сознавала, что подъ этимъ именемъ первоначально разумѣлась Заря, изъ пѣдръ которой родится Солнце), или сынъ Каллики, мрачной и все одѣвающей своимъ покровомъ Почы. Сколько другихъ, новыхъ интлей затрогивалось въ связи съ именемъ Эндиміона! Такъ напримѣръ, можно было предположить три или четыре (какъ мы дѣйствительно и находимъ у древнихъ поэтовъ) различныхъ причины для объясненія этого непробуднаго сна, которымъ былъ объятъ Эндиміонъ, и стоило какому-нибудь народному пѣвцу намекнуть на одну изъ этихъ причинъ, чтобы она стала мифологическимъ фактомъ, который потомъ повторялся позднѣйшими поэтами; и вотъ Эндиміонъ мало по малу сталъ типомъ, по уже не заходящаго солнца, а просто цвѣтущаго юноши, любимаго чистой дѣвой, и для какого-нибудь царевича нельзя было найти болѣе приличнаго имени, чѣмъ Эндиміонъ. Много мифовъ было такимъ образомъ, на основаніи одного только сходства въ имени, перенесено на дѣйствительныя личности, хотя, касательно Эндиміона, должно сознаться, мы не имѣемъ никакихъ историческихъ доказательствъ, что въ Элидѣ дѣйствительно существовалъ когда-нибудь царевичъ этого имени.

Такъ растетъ и развивается сказаніе, первоначально — простое слово, *μῦθος*, вѣроятно, изъ многочисленнаго разряда словъ съ областнымъ значеніемъ, которыя ходятъ только въ извѣстной мѣстности, и въ оной теряютъ свою силу. Такія слова не

употребляются при ежедневномъ размѣнѣ мыслей, они — то же, что для массы — вышедшая изъ обращенія монета, которую не бросаютъ однако, а берегутъ, какъ любопытную рѣдкость, или какъ украшеніе, пока наконецъ черезъ нѣсколько столѣтій она попадетъ въ руки антикварія и этотъ послѣдній разгадаетъ ея надпись и настоящее значеніе. Къ сожалѣнію греческія сказанія не дошли до насъ въ томъ первобытномъ видѣ, въ какомъ онѣ переходили нѣкогда изъ устъ въ уста между сельскимъ или горнымъ населеніемъ древней Греціи (подобно тѣмъ преданіямъ, которыя Гриммъ собралъ въ своей Мифологіи изъ устъ нѣмецкаго простонародья), — въ томъ видѣ, какъ ихъ передавали нѣкогда молодому, подростающему поколѣнію старшіе члены семьи, уже сами только въ половину понимая настоящій смыслъ передаваемого, совершенно непонятный для молодыхъ, — въ томъ видѣ, какъ эти сказанія пѣлись нѣкогда среди возникающаго города какимъ-нибудь поэтомъ, который, соединяя ходившія въ околѣдкѣ сказанія въ стройную, связную поэму, тѣмъ самымъ сообщалъ этимъ сказаніямъ однажды навсегда постоянную, опредѣленную форму. У Гомера, — кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ передаетъ какое-нибудь мѣстное сказаніе, — все уже приведено въ систему, начало которой составляетъ теогонія, центръ — осада Трои, конецъ — возвращеніе героевъ. Но сколько отдѣловъ греческой мифологіи Гомеръ ни разу даже не коснулся! За Гомеромъ слѣдуетъ Гезіодъ — моралистъ и догматикъ: онъ также даетъ не болѣе, какъ только ничтожный отрывокъ мифологическаго языка Греціи. Такимъ образомъ наши главные источники составляютъ древніе лѣтописцы (*chroniclers*), которые смотрѣли на мифологію, какъ на исторію, и брали изъ нея лишь столько, сколько было нужно для ихъ цѣли. Но эти лѣтописцы также не дошли до насъ, и мы можемъ только предполагать, что они послужили источникомъ, изъ котораго заимствовали свои свѣдѣнія позднѣйшіе писатели, каковы Аполлодоръ и схоластики. Потому первое дѣло всякаго, кто занимается мифологическими изслѣдованіями, состоитъ въ томъ, чтобы распутать эту сѣть, отдѣлнить позднѣйшую наслойку, отдѣлнить все систематизирующее, и возстановить каждый мифъ въ его первоначальномъ видѣ, еще не подведенномъ подъ извѣстную систему. Много случайнаго и несущественнаго придется совѣмъ

откинуть, и когда намъ удастся снять слой ржавчины, нанесенный вѣками, тогда мы должны, какъ это дѣлають съ старинной монетой, прежде всего опредѣлить, — такъ сказать по характеру чекана, — мѣстность и, если можно, вѣкъ каждаго мнѣа; и какъ старинныя монеты, по металлу, изъ котораго онѣ вычеканены, сортируютъ на золотыя, серебряныя и мѣдныя, такъ и въ мнѣахъ слѣдуетъ тщательно отдѣлать сказанія о богахъ отъ сказаній о герояхъ и сказаній о простыхъ смертныхъ. Тогда, если мы наконецъ успѣемъ разгадать древнія имена и сказанія греческой или какой бы то ни было другой мнѣологіи, мы увидимъ, что прошедшее, которое намъ представляется въ греческой мнѣологіи, когда-то было настоящимъ, что въ этихъ окаменѣлыхъ остаткахъ заключены слѣды органической мысли, и что эти окаменѣлости жили нѣкогда на поверхности греческаго языка. Такъ, сказаніе объ Эндиміонѣ было настоящимъ въ то время, когда жителю Элиды былъ понятенъ смыслъ древняго выраженія: *луна (Селена) поднимается подъ покровомъ ночи* (иначе: въ Латмійской пещерѣ), *и, въ безмолвномъ уноеніи, любитъ красой заходящаго солнца* — спящаго Эндиміона, Зевсова сына, которому достался отъ отца двойной даръ: непрерывнаго сна и вѣчной юности.

Въ Эндиміонѣ не слѣдуетъ видѣть солнце, въ значеніи божества, какимъ оно является въ образѣ Феба-Аполлона; Эндиміонъ есть воплощеніе свѣтила въ его ежедневномъ теченіи; рано утромъ оно встаетъ изъ нѣдръ зари, и вечеромъ, свершивъ свой блестящій, но скоротечный путь, заходитъ, чтобы никогда болѣе не возвращаться къ этому смертному бытію. Такія представленія очень обыкновенны въ арійской мнѣологіи, и съ этой-то точки зрѣнія солнце представляется то божественнымъ, но непричастнымъ безсмертію, то — живымъ, но погруженнымъ въ сонъ, то — смертнымъ, осчастливленнымъ любовью богини, но обреченнымъ общей участи смертнаго человечества. Такъ *Титонъ* (это имя происходитъ отъ того же корня, какъ и *Титанъ* ¹⁾) первоначально также выражалъ идею солнца въ дневномъ или годичномъ значеніи свѣтила. *Титонъ*, подобно Эндиміону, не обладаетъ полнымъ без-

¹⁾ Ἄρελως ὁ ἔλαψε Τίταν. — *Anakreonta*, 47.

смертіемъ Зевса или Аполлона. Онъ пребываетъ вѣчно-юнымъ, но въ то же время осужденъ на вѣчный сонъ. Тивѣону боги даровали безсмертіе, но Эосъ забыла испросить вѣчную юность для своего любимца, и вотъ онъ, дряхлый старикъ, осужденъ вѣчно томиться въ объятіяхъ своей вѣчно-юной супруги, которая любила его, когда онъ былъ цвѣтущимъ юношей, и не перестаетъ лелѣять, когда онъ состарѣлся. Другія сказанія, не задумываясь надъ противорѣчіями или готовя разрѣшить ихъ иногда самымъ насильственнымъ способомъ, называютъ Тивѣона сыномъ Эосъ и Кефала, подобно тому, какъ Эндиміона называли сыномъ Протогеней, т. е. Зари. Эта свобода въ обращеніи съ мифомъ показываетъ, что въ первое время Греки сознавали очень хорошо, что такое значили слова: *каждое утро Эосъ покидаетъ ложе Тивѣона*. Пока этотъ способъ выраженія былъ понятенъ, мифъ, можно сказать, былъ настоящимъ; онъ обратился въ прошедшее, какъ скоро Тивѣонъ превратился въ юношу изъ рода троянскихъ царей, одного изъ сыновей Лаомедона, брата Пріамова. Тогда выраженіе: „Эосъ утромъ покидаетъ ложе Тивѣона“ получило мифическій характеръ и условный смыслъ. Далѣе, такъ какъ Тивѣонъ превратился въ троянскаго царевича, то сыну его, Эвѣопскому Мемнону должна была достаться роль въ Троянской войнѣ. И между тѣмъ—какъ странно!—даже въ эту пору, въ сознаніи поэта, казалось, еще смутно просвѣчивала древняя мифическая основа! — ибо въ сказаніи о томъ, какъ Эосъ оплакиваетъ своего сына, прекраснаго Мемнона, слезы ея называются „утренней росой“, такъ что въ этомъ случаѣ, прошедшее можно сказать, было еще въ половину настоящимъ.

Упомянувъ о Кефалѣ, какъ о возлюбленномъ Эосъ и отецъ Тивѣона, мы можемъ прибавить, что Кефалъ, подобно Тивѣону и Эндиміону, было однимъ изъ многочисленныхъ именъ солнца. Кефалъ — восходящее солнце, глава свѣта — выраженіе, нерѣдко, въ различныхъ мифологіяхъ, прилагаемое къ солнцу. Въ *Ведахъ*, гдѣ очень часто встрѣчаются обращенія къ солнцу подъ именемъ коня, главой коня всегда именуется восходящее солнце. Такъ, поэтъ говоритъ (Ригъ-В. I, 163, 6): „я позналъ тебя духомъ, когда ты былъ еще далеко, — тебя, птица, возносящаяся изъ-подъ облаковъ; я узрѣлъ окрѣпленную гла-

ву, текущую путями ровными и чистыми отъ праха“. Германскіе народы также иногда именуяють солнце глазами (подобно тому, какъ Гезіодъ говоритъ о всевидящемъ и все обозрѣвающимъ окъ Зевса: πάντα ἰδὼν Διὸς ὀφθαλμοῖς καὶ πάντα νοήσας), или ликомъ Одина *). Въ Ведахъ солнце также называется (I, 115, 1) „ликомъ боговъ“ или „ликомъ Aditi“ (I. 113, 9): „вѣтры“, читаемъ въ Ведахъ, „омрачаютъ око солнца потоками дождя“ (V. 59, 5). Подобному же представленію у Грековъ соответствуетъ имя Кефала; и, если Кефалъ называется сыномъ Герсы — Росы, то на языкѣ миеологін это значило то самое, что мы выразили бы такъ: „солнце всходитъ надъ росистыми полями“. О Кефалѣ повѣствуется, что онъ былъ сыномъ Прокрисы, любилъ ее и оба поклялись въ вѣчной вѣрности другъ другу. Эось, пылая любовью къ Кефалу, призналась ему въ своемъ чувствѣ, но Кефалъ, вѣрный обѣту, отвергъ любовь богини. Эось знала, кто ея соперница, и предложила Кефалу оставаться вѣрнымъ женѣ, пока Прокриса, первая, не нарушитъ обѣта вѣрности. Кефалъ принялъ вызовъ: переодѣтый путникомъ явился къ своей супругѣ, и, не узнавый ею, успѣлъ спискать ея любовь. Узнавъ свой позоръ, Прокриса скрылась на островъ Критъ. Здѣсь Діана подарила ей коня и собаку, которыя не знаютъ промаха, и съ этимъ даромъ Прокриса возвратилась къ мужу, переодѣвшись охотникомъ. Они отправились вмѣстѣ на охоту, и Кефалъ сталъ просить ее уступить ему чудесную собаку и коня. Прокриса согласилась, но въ замѣнъ потребовала его любви, и, когда онъ уступилъ ей желаніямъ, она открылась ему и была снова принята Кефаломъ. Но Прокриса не переставала трепетать прелестей Эось, и разъ, въ то время, когда она ревниво подглядывала за мужемъ, онъ ненамѣренно убилъ ее тѣмъ самымъ копьемъ, которое никогда не пролетало мимо цѣли.

Прежде чѣмъ приступимъ къ объясненію этого миеа, который, впрочемъ, имѣеть множество варіантовъ у греческихъ и латинскихъ поэтовъ, мы предварительно должны разложить его на составные элементы.

*) Grimm, Mythologie, 666.

Вопервыхъ: „Кефалъ любить Прокрису“. Для объясненія Прокрисы необходимо обратиться къ Санскриту, гдѣ слова: *prusch* и *grisch* имѣютъ значеніе *брызгать, кропить*, и употребляются главнымъ образомъ о дождевыхъ капляхъ. Напримѣръ Ригъ-В. I, 168, 8: „Молніи, улыбаясь землѣ, озаряютъ ее, а вѣтры кропятъ ее дождемъ“.

Тотъ же самый корень въ германскихъ нарѣчіяхъ получилъ новое значеніе: „морозъ“ (*frost*), и Бонпъ сближаетъ *prusch* съ древне-верхне-нем. *frus, frigere, зябнуть, мерзнуть*. Къ тому же корню слѣдуетъ отнести: *prōz, prōxz* — капля росы, и *Prōctis* — роса. Такимъ образомъ жена Кефала ничто иное, какъ повтореніе Герсы, ея матери, такъ какъ *Герса* — роса, происходитъ отъ санскритскаго *vrisch* — *брызгать*. И такъ первая половина нашего мѣта въ переводѣ на обыкновенную рѣчь значить просто: „солнце лобзаетъ утреннюю росу“.

Второе выраженіе: „Эосъ любитъ Кефала“ не нуждается въ объясненіи. Это старая исторія, повторяющаяся сто разъ въ арійской мѣтологіи: „заря любитъ солнце“.

Третій моментъ мѣта: „Прокриса нарушаетъ вѣрность супругу, но тотъ, для кого она измѣнила мужу, никто иной, какъ тотъ же самый Кефалъ, только принявшій на себя новый видъ“. Это можно объяснить, какъ поэтической образъ солнечныхъ лучей, которые принимаютъ разные цвѣта, преломляясь въ капляхъ росы: въ этомъ смыслѣ о Прокрисѣ можно сказать, что ея любовь достается многимъ: но эти многіе — одинъ и тотъ же Кефалъ, который измѣнилъ свой видъ, но наконецъ былъ узнавъ.

Наконецъ послѣдній моментъ: „Прокриса гибнетъ отъ Кефала“ значить: „роса поглощается лучами солнца“. Прокриса гибнетъ жертвою любви къ Кефалу, которому суждено сдѣлаться убійцею любимой женщины. Въ этомъ мы видимъ постепенное и неизбѣжное поглощеніе росы палящими лучами солнца, — явленіе, выраженное съ такой поэтической истиной въ образѣ неотразимаго копья, которымъ Кефалъ ненамѣренно умертвилъ свою ревнивую супругу, въ то время, когда она притаялась въ лѣсной чащѣ ¹⁾.

¹⁾ *La rugiada*

Pugna col sole. Dante, Purgatorio, I, 121.

Стоитъ только свести вмѣстѣ приведенныя нами четыре рѣченія, и на основаніи ихъ любой поэтъ создастъ поэму о Кефалѣ, Прокрисѣ и Эосѣ, объ ихъ любви и ревности. Если бы понадобились новыя доказательства для того, чтобы подтвердить связь Кефала съ солнцемъ, мы могли бы указать на то обстоятельство, что первое свиданіе Кефала и Прокрисы происходитъ на горѣ Гиметтѣ и что Кефалъ, ставъ невольнымъ убійцей жены, въ отчаяніи свергается въ море съ высоты левкадскаго мыса. Припомнимъ далѣе, что весь этотъ мнѣзцѣликомъ принадлежитъ Атикѣ, для жителей которой солнце, въ теченіи большей части года, поднимается, въ видѣ лучезарной главы, надъ вершиной Гиметта. Прямая линія, проведенная отъ этого крайняго пункта Греціи на востокъ до ея крайней западной оконечности, приведетъ насъ къ левкадскому мысу: потому было весьма естественно сказать, что Кефалъ именно здѣсь въ волнахъ океана схоронилъ свою скорбь объ утратѣ нѣжно-любимой супруги.

Другую великолѣпную картину солнечнаго заката представляетъ мнѣз о смерти Геркулеса. Его двойственный характеръ, какъ бога и какъ героя, засвидѣтельствованъ даже Геродотомъ, — и достаточно знать нѣкоторые изъ его эпитетовъ, чтобы убѣдиться въ его связи именно съ солнцемъ, хотя ни съ однимъ именемъ не соединялось, быть можетъ, такого множества разнообразныхъ сказаній миеологическаго, историческаго и этическаго характера, какъ съ именемъ Геркулеса. Съ Зевсомъ и Диоллономъ онъ раздѣляетъ слѣдующіе эпитеты: *Δαφνιφόρος*, *Ἀλεξίχαρος*, *Μάντις*, *Ίδαίος*, *Ὀλύμπιος*, *Παγγενέτωρ*.

Въ своемъ послѣднемъ странствіи Геркулесъ, подобно Кефалу, направляется отъ востока къ западу. На кинейскомъ мысѣ острова Эвбей онъ совершаетъ жертвоприношеніе Зевсу въ это же самое время получаетъ отъ Деяниры роковую одежду, и вслѣдъ за тѣмъ, въ бѣшенствѣ, свергается въ море Лихаса, который превращается въ Лихадскіе острова. Отсюда герой перенравляется въ Трахисъ, потомъ на гору Эту, воздвигаетъ здѣсь свой похоронный костеръ и сгараетъ, послѣ чего сквозь облака возносится въ небесныя чертоги безсмертныхъ боговъ, самъ получаетъ безсмертіе и становится супругомъ богини юности, Гебы. Одежда, присланная герою Деянирой, есть

образъ, нерѣдко повторяющійся и въ другихъ мифологіяхъ; это та самая одежда, которую въ Ведахъ „матери ткуть для своего лучезарнаго сына“, — это облака, поднимающіяся надъ водами и облегающія солнце, подобно мрачной одеждѣ. Геркулесъ сплится сорвать роковую одежду: его могучій блескъ расторгаетъ густѣющую пелену мрака — но только на мгновенье: снова огниетья испаренья, сливаясь съ послѣдними лучами солнца, охватываютъ его, и съвозъ рассыпанные на закатѣ облака человѣку съ мифологически-настроенной душой видится умирающій герой, который рветъ въ ключья свое собственное тѣло, пока это свѣтлое тѣло не истлѣетъ наконецъ въ общемъ, отовсюду объемлющемъ его, пожарѣ. Замѣтимъ, что имя послѣдней возлюбленной Геркулеса — Iole (фіалка — быть можетъ, вечернія, фіолетоваго цвѣта, облака) напоминаетъ намъ греческое *ἰός*; ядь (хотя звукъ *i* долгій) и потому весьма легко могло послужить поводомъ для происхожденія мифа о пантанной ядомъ одеждѣ Деяниры.

Почти весь данный для рациональнаго объясненія приведенныхъ нами еказаній есть въ греческомъ языкѣ, хотя позднѣйшіе Греки, — и разумію Гомера и Гезіода, — въ болѣе части случаевъ конечно не подозрѣвали первоначальнаго значенія передаваемыхъ ими сказаній. Но какъ есть греческія слова, которыя не могутъ быть объяснены изъ одного греческаго языка, и которыя безъ пособія санскрита и другихъ родственныхъ нарѣчій для филолога остались бы навсегда пустыми звуками съ условнымъ значеніемъ, такъ есть и имена боговъ и героевъ, необъяснимыя съ греческой точки зрѣнія, которыя, чтобы разгадать ихъ первоначальный смыслъ, необходимо поставить лицомъ къ лицу съ соответствующими имъ по времени данными пидусской, персидской, итальянской или германской мифологіи. Мы объяснимъ это всего лучше, если приведемъ еще одинъ мифъ о зарѣ:

— Аһан по-санскритски значитъ — день и собственно замѣняетъ *dahan*, какъ *ashru* слеза вмѣсто *dashru*, греческ. *δάχρυ*. Слѣдуетъ ли допустить дѣйствительную утрату начальнаго звука *d* или считать это *d* приставнымъ звукомъ, съ помощію котораго корень *ah* обособился въ *dah*, это вопросъ, не касающійся насъ въ настоящемъ случаѣ. Въ санскритѣ есть корень *dah*, что значитъ

горьтъ, откуда могло произойти названіе дня, какъ *дѹм* день произошло отъ *дѹ* блистать. Такъ же мало значенія имѣеть для насъ и другой вопросъ: отъ того же ли самаго или отъ другаго корня происходитъ готское *dags*, день? По этимологическому закону Гримма санскритское *daha* въ готскомъ должно было бы обратиться въ *laga*, а не въ *daga*. Но законъ Гримма терпитъ исключенія въ нѣкоторыхъ древнихъ общерійскихъ именахъ, и Боппъ, кажется, расположенъ допустить тождественное происхожденіе словъ: *daha* и *daga*. Несомнѣнно, что названію зари образовалось отъ того же самаго корня, отъ котораго произошли нѣмецкія названія дня. Нѣмцы говорятъ: „*der Morgen tagt*“, а въ древнемъ англійскомъ вмѣсто современнаго *day*, день назывался *dawe*, новѣйшему же англійскому *dawn* (свѣтать) соответствовало англо-саксонское *dagian* (нѣм. *tagen*). Въ Ведахъ, въ числѣ другихъ названій зари, одинъ разъ встрѣчается *Ahanā*, а именно, Ригъ-В. I, 123, 4:

Griham griham Ahanā 'yāti *atschtschhā*
 Divédive údhi nā'ma dādhanā
 Sisāsanti Dyotanā 'shūshvat ā'agāt
 A'gram agram it bhadžate vāsūnām, т. е.

„*Ahanā* (заря) приближается къ каждому жилищу — она, знаменующая наступленіе каждаго дня.

„*Dyotanā* (заря), быстрая (active) дѣва, возвращается снова — она всегда первая пользуется всѣми благами“.

Мы уже имѣли случай видѣть зарю въ различныхъ отношеніяхъ къ солнцу; но еще не встрѣчали ее въ роли его возлюбленной, которая убѣгаетъ отъ него и гибнетъ отъ его прикосновенія. Между тѣмъ это было одно изъ выраженій, очень обыкновенныхъ въ миеологическомъ языкѣ древнихъ Аріевъ. Заря умерла въ объятіяхъ солнца, заря убѣгаетъ отъ солнца или солнце испровергло колесницу зари — всѣ эти выраженія, значили просто: заря скрылась съ восходомъ солнца. Такъ въ одномъ гимнѣ Ригъ-Веды, гдѣ прославляются подвиги Индры, главнаго солнечнаго божества Вехъ, мы читаемъ:

„Еще одинъ мужественный и доблестный подвигъ совершилъ ты, о Индра, поразивъ дочь *Dyaus'a* (зарю), жену, которую трудно было одолѣть.

„Да, даже превознесенную дочь Dyaus, зарю, ты, о Индра, великій герой, сокрушили на части.

„Заря торопливо исчезла съ своей сокрушенной колесницы, страшась, чтобы Индра-быкъ, не поразилъ ее.

„Колесница ея лежала на мѣстѣ, сокрушенная на части, а сама она скрылась далеко“.

Хотя въ этомъ случаѣ Индра обходится довольно нецеремонно съ дочерью неба, но въ другихъ мѣстахъ Ведъ она составляетъ предметъ любви и страстныхъ желаній для всѣхъ свѣтлыхъ боговъ неба, не исключая и ея собственнаго отца. Солнце, говорится въ Ригъ-В. I, 115, 2, слѣдуетъ за нею позади, какъ мужчина слѣдуетъ за женщиной. „Ее, Зарю, колесницу которой везутъ бѣлые кони, уносятъ въ торжествѣ два Ашвина“, подобно Левкиппидамъ, которыхъ похищаютъ Діоскуры.

Если перевести или, лучше сказать, переложить слово *Dahana* на греческій, передъ нами явится Дафна, и намъ будетъ понятна вся ея исторія. Дафна „молода и прекрасна — ея любви ищетъ Аполлонъ — она убѣгаетъ отъ него, и умираетъ отъ его лучезарныхъ объятій“, или, какъ это выражено у Ведійскаго поэта (X, 189): „Заря приближается къ нему — она умираетъ, какъ скоро онъ начинаетъ дышать, какъ скоро могучій своими лучами озаряетъ небо“. У кого есть глаза, открытые видѣть, у кого есть сердце, способное чувствовать заодно съ природой, подобно поэтамъ древности, тотъ можетъ и теперь еще ежедневно видѣть Дафну и Аполлона — видѣть, какъ робко и трепетно разливается на небѣ заря и какъ она исчезаетъ при внезапномъ появленіи свѣтоноснаго бога. Превращеніе Дафны въ лавръ составляетъ уже чисто-греческое продолженіе того же обще-арійскаго мѣта. Слово „Дафна“ у Грековъ перестало означать зарю и обратилось въ названіе лавра. Отсюда дерево „Дафна“ считалось посвященнымъ возлюбленному Дафны — зари, а о самой Дафнѣ сложилось сказаніе, что она превратилась въ дерево въ то время, когда умоляла свою мать укрыть ее отъ преслѣдованій Аполлона *).

Безъ пособія *Ведъ* имя Дафны и связанное съ нею сказаніе осталось бы непонятнымъ, ибо позднѣйшій санскритъ не даетъ ключа къ этому имени — новое доказательство высокаго

*) Ср. Rv. IV. 30.

значенія Ведъ въ дѣлѣ сравнительной міеологіи, которая, безъ помощи Ведъ, осталась бы навсегда загадочной и лишенной опредѣленныхъ началъ и прочной основы.

Желая показать, сколько различныхъ ладовъ можетъ быть въ міеологическомъ языкѣ для выраженія одной и той же идеи, я ограничился названіями Зари. Въ самомъ дѣлѣ заря—одна изъ самыхъ богатыхъ жилъ арійской міеологіи; другой рядъ сказаній, которыя служатъ воплощеніемъ борьбы зимы съ лѣтомъ, возвращенія весны, воскресенія природы, въ ббльшей части языковъ представляетъ не болѣе, какъ только отраженіе или дополненіе древнѣйшихъ сказаній о борьбѣ дня и ночи и возвратѣ утра, когда оживаетъ весь міръ. Далѣе, сказанія о герояхъ солнечной породы, которые, въ грозѣ, борются съ враждебными силами мрака, вытекли изъ того же самаго источника; и эти коровы, такъ часто упоминаемыя въ Ведахъ, которыхъ уводитъ Вритра, а Индра возвращаетъ назадъ, въ сущности это тѣже свѣтлыя коровы, которыхъ заря каждое утро выводитъ на пажитъ—это облака, проливающія изъ своихъ тучныхъ сосцевъ освѣжительный и плодотворный дождь или росу на поверхность томимой жаждою земли. Даже для насъ, которые знаемъ изъ философіи, что „*nil admirari*“ есть высшая степень человѣческой мудрости—ни одно зрѣлище не можетъ сравниться въ величинѣ съ зарею. Но въ древности способность удивляться составляла высшее благо, данное въ удѣлъ человѣчеству; и когда же духъ человѣка могъ сильно проникаться чувствомъ удивленія, когда же сердце его могло болѣе переполняться отрадой и восторгомъ, какъ не въ минуту приближенія

„Владыки свѣта,
Жизни, любви и радости?“

Мракъ ночи поселяетъ въ душѣ человѣка благоговѣйный трепетъ, тревожное чувство смущенія и страха и приводитъ въ содроганіе всѣ его нервы. И вотъ онъ стоитъ, какъ заблудившееся дитя, въ тоскливомъ ожиданіи устремивъ взоры на востокъ, мѣсто рожденія дня, гдѣ уже столько разъ на глазахъ его зажигалось свѣтило міра. Какъ отецъ ожидаетъ рожденія своего дѣтца, такъ поэтически-настроенный человѣкъ древняго міра сторожилъ то мгновеніе, когда ночь готовится родить свое лучезарное чадо,

свѣтило поваго дня. И вотъ какъ будто медленно разверзнутся врата небесъ и выснаютъ изъ своего мрачнаго заключенія свѣтлыя стада зари на свою ежедневную пажить. Кому не случилось слѣдить за постепеннымъ развитіемъ этого свѣтлаго шествія,—когда небо представляется отдаленнымъ моремъ, въ которомъ плещутъ и переливаются золотыя волны,—когда вырвутся первые лучи восходящаго солнца, точно лучезарныя кони, готовые облетѣть все поприще горизонта,—когда облака на востокъ загорятся разными цвѣтами, зажигая, каждое, своимъ румянымъ блескомъ другія облака, болѣе отдаленныя отъ источника свѣта? Вотъ ужъ загорѣлся не одинъ востокъ: со всѣхъ сторонъ, съ запада, юга и сѣвера, озарился небесный сводъ, и какъ бы въ срѣщеніе небесному свѣту, благоговѣнный поклонникъ зажигаетъ свой скудный огонекъ на очагъ, этомъ семейномъ жертвенникѣ, и лепечетъ слова — слабое выраженіе радости, наполняющей природу и сердце челоуѣка: „Пробудитесь! говорить онъ: жизнь наша, духъ нашъ возвратился! мракъ исчезъ, приближается свѣтъ!“.

Если народы древности называли эти вѣчныя свѣтила неба своими богами, т. е. свѣтлыми (deva), то Заря, перворожденная (Протогенеза), въ семьѣ боговъ вѣчно юная, вѣчно свѣжая, была самымъ милымъ челоуѣку божествомъ. Но если бы ей не досталось въ удѣлъ безсмертія, если бы ей удивлялись только, какъ благому существу, которое рождается каждое утро какъ бы для того только, чтобы разбудить сыновъ челоуѣческихъ, то невольно явился бы вопросъ: отъ чего жъ она такъ кратковѣчна? Такъ быстро гаснетъ и умираетъ она, едва лишь явится источникъ свѣта во всемъ своемъ лучезарномъ величій и своимъ первымъ быстрымъ взоромъ окинетъ небесный сводъ! Мы не можемъ понять того чувства, съ которымъ взиралъ на эти явленія природы древній челоуѣкъ. Намъ во всемъ видится законъ, порядокъ, необходимость. Мы разочли силу преломленія атмосферы, измѣрили возможное продолженіе зари въ каждомъ поясѣ, и ежедневное появленіе солнца сдѣлалось для насъ столь же обыкновеннымъ, какъ извѣстная аксіома: дважды два—четыре. Но, если бы мы какимъ-нибудь чудомъ могли снова увѣровать, что въ солнцѣ обитаетъ живое существо, подобное намъ, что въ зарѣ есть живая душа, доступная

человѣческимъ чувствамъ—если бы мы хоть на одно мгновеніе могли представить себѣ эти силы существами, одаренными личностью, свободой, способными сдѣлаться предметомъ обожанія, о какъ различно было бы то чувство, съ которымъ бы мы встрѣчали тогда первый румянецъ дня! Эта титаническая увѣренность, съ которой мы теперь говоримъ: „солнце *должно* взойти“, была неизвѣстна древнимъ въ періодъ поклоненія силамъ природы, или, если ихъ и начинала поражать вѣчно-неизмѣнная правильность, съ которою солнце и другія свѣтила совершаютъ свое дневное поприще, тѣмъ не менѣе они не переставали видѣть въ нихъ существа, которыя подпали только временному принужденію, только на время связаннаыя—утратили свою свободную волю и подчинились высшей власти, по которымъ, подобно Геркулесу, когда совершится ихъ призваніе, ожидаютъ горня слава. Намъ представляются дѣтскими встрѣчающіяся въ Ведахъ выраженія, въ родѣ слѣдующихъ: „взойдетъ ли солнце?“ „возвратится ли заря, нашъ давнишній благодѣтель?“ „восторжествуетъ ли божество свѣта надъ темными силами ночи“?! И когда наконецъ всходило солнце, дивились люди, какимъ образомъ, едва родясь, оно является такимъ могучимъ, что, подобно Геркулесу, какъ будто еще въ колыбели одерживаетъ побѣду надъ чудовищами ночи? Они задавали себѣ вопросъ: какимъ образомъ оно идетъ по небу? отчего нѣтъ пыли на его дорогѣ? отчего оно не скатится внизъ съ своего небеснаго пути? Рядъ этихъ размышленій они кончали тѣмъ, что привѣтствовали солнце, какъ привѣтствуетъ его и современный намъ поэтъ:

Привѣтъ тебѣ, ночей восточный побѣдитель!

Человѣкъ чувствовалъ, что взоръ его не въ состояніи вынести лучезарнаго величія Того, кто назывался „жизнью, дыханіемъ, лучезарнымъ владыкой и отцемъ“.

Такъ восхожденіе солнца было откровеніемъ природы; оно вызывало въ душѣ человѣка то чувство зависимости, безспія, и вмѣстѣ съ тѣмъ надежды, радости и вѣры въ высшія силы, въ которомъ заключается источникъ всякаго знанія, живой родникъ всякой религіи. Но если восходъ солнца внушалъ первую молитву, зажигалъ первое жертвенное пламя, то заходженіе солнца составляло другой моментъ, когда снова потря-

силось все нравственное существо человека. Вотъ приближаются тѣни ночи, человекъ не въ состояннн противиться неодолимой силѣ сна, которая охватываетъ его среди самыхъ его наслажденнй, друзья расходятся,—человекъ остается одинъ— и въ одиночествѣ мысль его снова обращается къвышнему силамъ. Когда умираетъ день, поэтъ оплакиваетъ преждевременную кончину своего свѣтлаго друга; — скажемъ болѣе: въ его кратковременномъ поприщѣ онъ видитъ подобие своей собственной жизни. Кто знаетъ, и его очи, быть можетъ, навѣки смежата снамъ, и для него, быть можетъ, никогда болѣе не взойдетъ солнце, и вотъ—то мѣсто на далекомъ западѣ, гдѣ скрылось солнце, представляется ему обителью, которая ожидаетъ его самого послѣ смерти, куда „до него отошли его отцы“ и гдѣ всѣ мудрые, всѣ праведники наслаждаются „новой жизнью вмѣстѣ съ Имой и Варуной“. Или онъ могъ видѣть въ солнцѣ уже не кратковѣчнаго героя, но существо вѣчно-юное, которое пребываетъ вѣчно-неизмѣннымъ, между тѣмъ какъ поколѣннн смертныхъ, одно за другимъ, сходятъ съ лица земли. Отсюда, единственно въ силу контраста, возникла первая мысль о существахъ не умирающихъ и не гибнущихъ—о существахъ безсмертныхъ, о безсмертнн! Тогда поэтъ обращался къ безсмертному солнцу съ мольбой—возвратиться, даровать спящему новое утро. Богъ дня становился такимъ образомъ богомъ времени, жизни и смерти. Потомъ вечерняя заря, сестра зари утренней, повторяя, хотя съ нѣсколько мрачнымъ оттѣнкомъ, всѣ чудеса картины утра,—какъ много чувствъ должна была она пробуждать въ объятай думою души поэта — сколько поэтическихъ аккордовъ она должна была вызывать на непоколебимомъ жизни языкѣ древнихъ временн! Утренняя ли это заря выходитъ снова, чтобы въ послѣдннй разъ обнять того, кто разстался съ нею утромъ? Безсмертная ли она, каждое утро неизмѣнно вновь являющаяся богиня, а онъ—смертное, каждый день умирающее солнце? Или она — смертная, которая въ послѣдннй разъ прощается съ своимъ безсмертнымъ возлюбленнымъ, и какъ будто стараетъ вмѣстѣ съ нимъ на одномъ кострѣ, изъ пепла котораго онъ возносится въ чертоги боговъ, между тѣмъ какъ она умираетъ?

Переложимъ эти ежедневныя явленнн природы на языкъ древности, и мы увидимъ, что насъ со всѣхъ сторонъ охва-

тываетъ миеологія, исполненная противорѣчій и несообразностей: тоже самое существо представляется въ одно и то же время смертнымъ и бессмертнымъ, мужчиной или женщиной, по мѣрѣ того какъ человекъ переставляетъ поэтическую точку зрѣнія и придаетъ таинственной игрѣ природныхъ силъ краски, заимствованныя отъ своей собственной, человеческой природы. Одинъ изъ миеовъ, въ которомъ Веды выражаютъ это соотношеніе зари и солнца, эту любовь между смертной и бессмертнымъ и тождество вечернихъ сумерекъ съ утренней зарею—есть миеъ объ Урваші и Пуруравасъ. Эти два имени, Урваші и Пуруравасъ, для Индуса — не болѣе какъ имена собственные; даже въ Ведахъ сознаніе ихъ первоначальнаго значенія почти совершенно утратилось. Въ Ригъ-Ведѣ есть разговоръ между Урваші и Пуруравасомъ, въ которомъ оба являются въ тѣхъ же самыхъ олицетвореніяхъ, какъ и въ драмѣ *Калидаси*. И такъ прежде всего предстоитъ доказать, что Урваші было сначала именемъ нарицательнымъ и означало—зарю.

Этимологія имени Урваші представляетъ нѣкоторыя трудности. Оно не можетъ быть произведено отъ *urva* съ помощью суффикса *sha* *), какъ предлагаетъ д-ръ Кунъ, потому во первыхъ, что слова *urva* не существуетъ въ санскритѣ, и во вторыхъ, потому что слова производныя съ окончаніемъ *sha*, какъ *gotashá*, *uvashá* и пр. имѣютъ удареніе на последнемъ слогѣ. Потому я скорѣе готовъ допустить общее индусское толкованіе, по которому это имя происходитъ отъ *urvi*, пространный (*eurvi*) и корня *ash* (обтекать), сближая этимъ путемъ имя *urvi-ashí* съ другимъ весьма употребительнымъ эпитетомъ зари *urvischí*, женской формой отъ *urvi-ash* далеко ходящій. Безъ сомнѣнія, наиболѣе поразительную черту, которою заря отличалась отъ остальныхъ небожителей, составляло то, что она въ одинъ мигъ разливалась по всему необъятному пространству небесъ, и что ея кони, какъ бы съ быстротою мысли, обтекаютъ цѣлый горизонтъ. Потому мы видимъ, что имена на *urvi* въ санскритѣ и на *eurvi* въ греческомъ составляютъ почти постоянно древнія миеологическія названія зари утренней и вечерней. Земля, правда,

*) Рун. V. 2, 100.

также носить этотъ эпитетъ, но не въ тѣхъ соединеніяхъ, въ какихъ онъ прилагается къ лучезарной богинѣ заріи. Къ именамъ заріи принадлежатъ: Эврифазеса, мать Гелиоса, Эврикида или Эврипила, дочь Эндиміона, Эвримеда, супруга Главка, Эвринома, мать Харитъ, и Эвридика, супруга Орфея, значеніе котораго, какъ древняго божества, мы разсмотримъ впоследствии. Въ *Vedas* имя *Ushas* или *Эосъ* не встрѣчается почти ни разу безъ-какогонибудь намека на ея пространно—разливающейся блескъ; какъ напр. „*urviyā vibhātī*“, она широкая сияетъ; „*urviyā vitschāksche*“, она широкая обозрѣваетъ; *variyaśi*— широкая или пространная *), между тѣмъ какъ солнце представляется не *въ широту* простирающимся, а мещущимъ *въ даль* свои лучи.

Но кромѣ самаго имени Урваші, мы имѣетъ другія указанія, заставляющія предполагать, что первоначально она была богиней заріи. Слово *Vasishtha* (*Vasischtha*), хотя наиболѣе извѣстное какъ имя одного изъ главныхъ творцевъ Ведъ, есть превосходная степень отъ *vasu*, свѣтлый и принадлежитъ также къ числу названій солнца. Такимъ образомъ названія, приложимыя собственно только къ солнцу, были перенесены на древняго поэта. Онъ называется сыномъ Митры и Варуны т. е. ночи и дня,—названіе, имѣющее смыслъ только по отношенію къ *Vasishth*, солнцу; и такъ какъ солнце часто называется рожденнымъ отъ заріи, то и поэтъ *Vasishtha* считается сыномъ Урваші (Ригъ-В. VII, 31, 11). Обстоятельства его рожденія сильно напоминаютъ рожденіе Афродиты, какъ оно описано у Гезіода.

Далѣе мы находимъ, что въ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ Ригъ-Веда упоминаетъ имя Урваші, этой послѣдней приписываются тѣже самыя свойства и дѣйствія, которыя обыкновенно составляютъ принадлежность *Ushās*, Заріи.

*) Изъ именъ греческихъ къ Урваші, кажется, всего ближе *Европа*, ибо потому *ѣв* въ греческомъ иногда соответствуетъ *π*, какъ напр. *ashva* = ἄστος. Единственную трудность представляетъ долгое *ω* въ греческомъ, иначе Европа, которую уносятъ бѣлый быкъ (*urvischā*, мужчина, быкъ, жеребецъ, въ Ведахъ одно изъ часто встрѣчающихся названій солнца, и *shveta*, бѣлый, эпитетъ, прилагательный къ тому же божеству), уноситъ на своей спинѣ (заря часто представляется за спиной солнца, Эвридики), въ отдаленную пещеру (вечерній сумракъ), мать *Диоллона*, божества дневнаго свѣта, и *Минос* (Ману, смертныи Зевсъ)—все эти черты представляютъ явное общаго съ богиней заріи.

Объ *Urchäs* часто говорится, что она продолжаетъ жизнь человѣческую, и то же самое разсказывается объ *Урваші* (Рв. IV, 2, 18; V. 41, 19; X. 95, 10). Въ одномъ мѣствъ *Урваші* принимается даже какъ множественное, въ томъ смыслѣ, что изъ многихъ зорь, иначе изъ многихъ дпей составляется продолженіе человѣческой жизни; этимъ доказывается, что нарицательное значеніе этого имени не было еще совершенно забыто. Далѣе, она называется *antarikscharpa*, исполняющая воздухъ, — обычный эпитетъ солнца, *brihaddivā*, широкая блескомъ: все это указываетъ на свѣтлое явленіе зари. Но самое убѣдительное доказательство того, что *Урваші* была заря, представляетъ сказаніе объ ея любви къ *Пуруравасу*, сказаніе, которое можетъ относиться только къ солнцу и зарѣ. Что *Пуруравасъ* (*Purūravas*) — самое приличное имя для солнечнаго героя, это едва ли требуетъ доказательствъ. *Пуруравасъ* значило тоже самое, что *πρωτοβουχης* „одаренный великимъ свѣтомъ“; ибо хотя *gava* говорится собственно о звукѣ, но корень *gu*, который первоначально значить: кричать, прилагается также и къ цвѣту *), въ смыслъ рѣзкаго, преимущественно краснаго цвѣта (*gudhirā*, *ἔρυθρος*, *ruber*, *rufus*, лит. *ganda*, др.-верх.-нем. *gōt*). Кроме того *Пуруравасъ* самъ себя называетъ *Vnsisch/ha*, что, какъ мы видѣли, есть одно изъ именъ солнца; и, если онъ называется также *Аиғъ*, сыномъ *Пры* (*Irā*), то въ другомъ мѣствъ (*Ригъ-В.* III. 29. 3) то же самое имя прилагается къ *Agni*, огню.

Мнѣ о связи *Урваші* и *Пурураваса* въ его древнѣйшей, первобытной формѣ, мы находимъ въ *Брахманѣ Иджуръ-Веды*. Тамъ мы читаемъ:

„*Урваші*, изъ рода *Фей*, полюбила *Пурураваса*, сына *Пры*, и, встрѣтившись съ нимъ, сказала ему: — „три раза въ день ты можешь заключать меня въ свои объятія, но никогда противъ моей воли и никогда не давай мнѣ увидѣть себя безъ твоей царской одежды!“ Такимъ образомъ она жила съ нимъ долгое время. Тогда *Гандарвы*, ея прежніе друзья, сказали: „долго жила *Урваші* между смертными; пускай возвратится она къ намъ“. Къ дому, на которомъ покоились *Урваші* и *Пуруравасъ*, была привязана онца съ двумя ягнятами. *Гандарвы* похитили одного изъ нихъ. Тогда *Урваші* сказала:

*) Такъ Рв. VI. 3, 6 сказано: огонь кричимъ свѣтомъ (*śhotschischā*) *gagarit*; двѣ спартанскія *Хариты* называются *Κλυτή* и *Φαεινή*, т. е. *Слага*, ясно-звучащая и ясно-свѣтающая. О восходящемъ солнцѣ въ *Ведахъ* говорится: „едва кричить“.

они восхищают моего любимца, какъ-будто я живу въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни одного героя, ни одного мужа! Гандармы похитили другаго ягасича, и она стала опять водстрекать своего мужа. Тогда Пуруравасъ взглянулъ и сказалъ: „Какъ можетъ не быть героя въ мужей въ землѣ, гдѣ я живу? И онъ всхлынулъ нагой, подумавъ, что было бы слишкомъ долго надевать влася. Тогда Гандармы послали жоню, и Урваші увидѣла своего мужа вагннъ, такъ ясно, какъ бы это было днемъ. Въ ту же минуту она скрылась; „я возвращусь“, сказала она — и исчезла. Тогда въ горькой скорби онъ сталъ оплакивать свою утраченную любовь и отправился въ окрестности Курушстры. Тамъ есть озеро, по имени Anutalprakhscha, наполненное цвѣтами лотоса. Между тѣмъ, какъ царь ходилъ по берегамъ его, феи играли въ водѣ, въ образѣ птицъ. Урваші узнала его и сказала: „вотъ человекъ, съ которымъ я жила такъ долго“. Подруги ея сказали: „покажемся ему“. Она согласилась, и онъ предсталъ предъ ними. Тогда царь узналъ ее и воскликнулъ: „а! жена моя! остановись, жестокая сердцецъ! обвинимъ несколько словъ! Наши тайны, если мы не выскажемъ ихъ другъ другу сегодня, не принесутъ намъ счастья никогда въ будущемъ“. Она возразила: „что мнѣ дѣлать съ твоею рѣчью? я исчезла, какъ исчезаетъ первая заря. Пуруравасъ! возвратись домой! Уловить меня такъ же трудно, какъ трудно уловить вѣтеръ“. Тогда, въ отчаяніи, онъ воскликнулъ: „такъ пускай же падеть тотъ, кто прежде былъ твоимъ возлюбленнымъ, пускай падеть онъ, чтобы никогда болѣе не вставать; пускай онъ скроется далеко, далеко! пускай онъ ляжетъ на пороги смерти, пускай растерзаютъ его хищные волки!“— „Не умирай! о, Пуруравасъ!“ возразила она. „Не падай, и да не растерзаютъ тебя хищные волки! нѣтъ дружбы съ женщинами, ихъ сердца—сердца полковъ. Когда я въ другомъ образѣ обитала между смертными, когда я провела съ тобою много ночей въ теченіе четырехъ осеней, я вкушала однажды въ день по небольшому куску мяса — и даже теперь, при мысли объ этомъ, я чувствую наслажденіе“. Такъ-то, наконецъ, ея сердце смягчилось, и она сказала: „приходи ко мнѣ на послѣднюю ночь въ году, ты проведешь со мною эту ночь и у тебя родится сынъ“. Въ послѣднюю ночь года онъ отправился къ золотымъ чертогамъ, и когда онъ стоялъ одинъ и дожидаясь, ему привазили взойти на верхъ, и прислали къ нему Урваші. Она сказала ему: „мантра Гандармы исполнить тебѣ одно желаніе; выбирай!“ Онъ сказалъ: „выбери за меня!“ Она отвѣчала: „скажи имъ: пускай и буду однимъ изъ васъ“. Рано на слѣдующее утро, Гандармы предложили ему выборъ; но, когда онъ сказалъ: „пускай и буду однимъ изъ васъ“, они возразили: „еще невѣдомъ человѣку тотъ видъ священнаго огня, посредствомъ котораго онъ могъ бы совершить жертвоприношеніе, чтобы стать однимъ изъ васъ“. Затѣмъ они открыли Пуруравасу тайну одного жертвоприношенія, и, когда онъ совершилъ его, онъ самъ сталъ однимъ изъ Гандармовъ“.

Вотъ простой разсказъ, который приводится въ Брахманѣ съ цѣлю показать важное значеніе извѣстнаго священнаго обряда; обрядъ, съ помощію котораго Пуруравасъ достигъ безсмертія, заключался въ зажженіи огня посредствомъ тренія. Стихи, встрѣчающіеся въ разсказѣ, взяты изъ Ригъ-Веды, гдѣ, въ послѣдней книгѣ, между многими загадочными остатками

народной поэзіи, мы находимъ и разговоръ двухъ возлюбленныхъ. Онъ состоитъ изъ семнадцати стиховъ, изъ которыхъ авторъ Брахманы зналъ только пятнадцать. Но въ одномъ изъ приводимыхъ имъ стиховъ Урваші говоритъ: „Я скрылась навсегда, подобно первой изъ зорь“. Это показывается, что въ душѣ поэта смутно мерцалъ древній мифъ и напоминаетъ намъ слезы, которая мать Мемнона проливала надъ тѣломъ своего сына, и которая даже позднѣйшіе поэты называли утренней росой. Далѣе, въ четвертомъ стихѣ, Урваші, обращаясь къ самой себѣ, говоритъ: „эта женщина (т. е. я сама), когда была его супругой, о заря! приходила къ нему въ домъ, и наслаждалась его объятіями днемъ и ночью“. Далѣе, она рассказываетъ своему супругу, что онъ былъ созданъ богами для того, чтобы противостоять силамъ мрака (*dasūhātūḍya*): известно, что это назначеніе приписывается постоянно Индрѣ и другимъ существамъ солнечнаго происхожденія. Даже самыя имена спутницъ Урваші указываютъ на зорю, и Пуруравасъ говоритъ:

„Когда я, смертный, обнималъ моими руками этихъ неуловимыхъ безсмертныхъ, они трепетно ускользали отъ меня, какъ трепетная голубица, какъ кони, которые бьются въ упряжи“.

Ни одна богиня не называется такъ часто другомъ чловѣка, какъ заря. „Она посѣщаетъ каждое жилище“ (I. 123, 4); „она заботится о жилищѣ чловѣка“ (I. 123, 1); „она не пренебрегаетъ ни великимъ, ни малымъ“ (I. 124, 6); „она приносить богатство“ (I. 48, 1) „она всегда одинакова, безсмертная, божественная“ (I. 124, 4; I. 123, 8); „она не старѣется“ (I. 113, 15); „сама она—юная богиня, но старитъ чловѣка“ (I. 92, 11). Такъ Пуруравасъ называлъ Урваші „безсмертною между смертными“; и въ последнемъ стихѣ обращался къ своей возлюбленной съ такими словами:

„Я, пресвѣтлое солнце, я держу Урваші, се, которая воздухъ наполняетъ (свѣтомъ), и разстилаваетъ небо. Да будетъ на тебѣ благословеніе твоего благаго дѣла! Воротись, сердце горитъ во мнѣ“.

Затѣмъ поэтъ продолжаетъ:

„Такъ, о сынъ Иры, вѣщали тебѣ боги: чтобы тебѣ, обреченному смерти, стать таковымъ (безсмертнымъ), твоя порода должна чтить боговъ приношеніями! Тогда и ты удостоишься наслаждаться на небесахъ“.

Разумѣется, необходимо допустить, что даже поэтамъ Ведъ также мало былъ извѣстенъ первоначальный смыслъ именъ Ураваніи и Пурураваса, какъ мало Гомеръ зналъ первоначальный смыслъ имени Тивона, если не самой Эосъ. Для нихъ они были герои, существа неопредѣленныя, люди — не люди, боги — не боги. Но намъ, хотя и несравненно болѣе отдаленнымъ по времени, ясно ихъ первоначальное коренное значеніе. Какъ Вордсвортъ говоритъ:

Съ восторгомъ вижу я восходъ твой лучезарный
На небо чистое отъ сумраковъ и тучъ. —

такъ и древніе представляли себѣ солнце обнаженнымъ и говорили, что стыдливая заря скрываетъ лице свое при видѣ супруга. Не смотря на то, она обѣщаетъ возвратиться. И, дѣйствительно, когда солнце, совершивъ свое странствіе по бѣлому свѣту, въ наирасныхъ поцѣлкахъ по своей возлюбленной, приближается къ порогу смерти, готовясь кончить свое одинокое теченіе, она является снова, во всемъ подобная утренней зарѣ, — какъ и у Гомера день начинается и оканчивается явленіемъ розонерстой Эосъ, — и уводитъ его съ собою въ золотыя чертоги безсмертныхъ боговъ *).

Я выбралъ этотъ мифъ главнымъ образомъ для того, чтобы показать, что древняя поэзія не болѣе, какъ слабый отголосокъ древняго языка, и въ примѣръ того, какъ простая драма явленій, совершающихся въ природѣ, вдохновляла древняго поэта, представляясь ему глубокимъ зеркаломъ, въ которомъ онъ могъ видѣть отраженіе страстей своей собственной души. Ибо пока сердце человѣческое полно горькимъ чувствомъ одной только своей собственной, личной скорби, до тѣхъ поръ оно мрачно и безмолвно, до тѣхъ поръ оно не можетъ высказать своей любви и своихъ утратъ. Въ одинокой скорби, можетъ быть, есть своего рода безмолвная поэзія, но

*) Од. V 390. Съ третьимъ явилася днсь лучезарно-кудрявая Эосъ.

Мнемосина, задумчивая богиня воспоминаний, хотя и считается матерью музъ, сама не принадлежит къ ихъ числу. Только сочувствіе чужой скорби открываетъ уста нѣмого отчаянія и даетъ поэту слова для выраженія собственной скорби. И если скорбь его была такъ глубока, такъ свята, что онъ не могъ найти для нея подобія въ мукахъ другаго человѣческаго сердца, у него оставалось общеніе съ природой, въ безмолвныхъ страданіяхъ которой ему представлялся величавый образъ того, что чувствовалъ и чѣмъ страдалъ онъ самъ, въ глубинѣ собственнаго духа. Когда, послѣ темной ночи, возвращался дневной свѣтъ, онъ думалъ о той, которая была свѣтомъ для его души и которую онъ утратилъ безвозвратно. Когда онъ видѣлъ, какъ солнце лобзаетъ зарю, онъ предавался мечтамъ о дняхъ и ночахъ, которымъ никогда болѣе не повториться. И когда заря трепетала въ небесахъ, блѣднѣла и гасла, а солнце, казалось, какъ будто озиралось, и искало своей подружки, теряя ее тѣмъ полнѣе, чѣмъ зорче глядѣло оно своимъ лучезарнымъ окомъ, — тогда въ душѣ поэта вставалъ дорогой образъ: онъ въ одно и тоже время и припоминалъ собственную судьбу, и находилъ утѣху забвенія, рассказывая яснымъ словомъ повѣсть любви и утраты, которую испытываетъ солнце. Таково было происхожденіе поэзии. Вечеръ имѣлъ своего рода прелесть. Когда, подъ конецъ своего труднаго дневнаго поприща, солнце, казалось, замирало, медленно угасая на далекомъ западѣ, и не переставая искать взоромъ подружку, покинувшую его на востокъ, и когда въ эту минуту какъ будто вдругъ растворялось небо, и снова появлялся образъ зари во всей ея красѣ, съ отбѣнкомъ грусти, который придавалъ ей новую прелесть — поэтъ не сводилъ глазъ съ дивнаго зрѣлища, пока не угасалъ послѣдній лучъ, и этотъ послѣдній угасающій лучъ, глубоко западая ему въ душу, зажигалъ въ ней надежду иной новой жизни, въ которой онъ найдетъ то, что любилъ и утратилъ на землѣ.

There is a radiant, though a short-lived flame,
That burns for poets in the dawning east;
And oft my soul has kindled at the same,
When the captivity of sleep had ceased,

говорить поэтъ (т. е. „зари румянецъ пламенный, но кратко-вѣчный, тая для призванныхъ поэзии огонь святой, мнѣ часто душу вдохновеньемъ согрѣвалъ, когда, страхнувъ оковы сна, я наблюдалъ явленье лучезарнаго свѣта“).

Въ природѣ много трагическаго, много страданій — нужны только глаза, способные видѣть нѣмое горе, и эта-то именно трагедія—трагедія природы—составляетъ живой источникъ всѣхъ трагедій древняго міра. Сказаніе о юномъ героѣ, — какъ бы онъ ни назывался: Бальдуromъ, Сигурдомъ, Сигфридомъ, Ахилломъ, Мелогромъ или Кеаломъ, — умирающемъ въ цвѣтъ юности, сказаніе, которое такъ часто пересказывалось, приурочиваемое къ разнымъ мѣстностямъ и лицамъ, было внушено судьбою солнца, которое умираетъ во всемъ цвѣтъ юношескихъ силъ, въ концѣ дня или въ концѣ лѣтней поры, уязвленное терномъ зимы. Далѣе этотъ приговоръ рока, которымъ все эти герои обречены утратить свою первую возлюбленную, измѣнить ей или сами сдѣлаться жертвой измѣны—это черта, также замѣтовавшая отъ природы. Трагическая судьба этихъ героевъ неизбежна: имъ суждено пасть отъ руки или отъ невольной измѣны своихъ ближайшихъ друзей или родственниковъ. Солнце измѣняетъ зарѣ и, по неулолмому приговору судьбы, умираетъ въ концѣ дня, оплакиваемое цѣлой природой. Или весеннее солнце вступетъ въ брачный союзъ съ землею, потомъ отвергаетъ свою супругу, охлаждаетъ къ ней и наконецъ гибнетъ отъ терна зимы. Эта, говоря словами Гейне, „старая исторія“, принимаетъ вѣчно-новые образы въ мифологiи и въ сказанiяхъ древняго міра. Такъ Бальдура скандинавской Эдды, этотъ божественный прототипъ Сигурда и Сигфрита, любить все твореніе. Боги и люди и вся природа, все, что живетъ и растетъ, дали клятву его матери не наносить вреда свѣтлому герою. При этой общей клятвѣ забыли одну омелу, которая растетъ не на землѣ, а на деревьяхъ, и вотъ стрѣлою, сдѣланною изъ этого-то самого растенія, былъ убитъ Бальдуръ въ пору зимняго солнцестоянiя. „Гюдуръ, по наущенію Локи, взявъ вѣтку и бросилъ ее въ Бальдура. Полетѣла вѣтка и пронзила Бальдура, такъ что онъ палъ мертвый—такъ постигло боговъ величайшее бѣдетвіе. Когда Бальдуръ палъ, все Асы стояли какъ бы лишеныя слова, имъ даже не приходило на

мысль поднять убитаго. Одинъ глядѣлъ на другаго; мысль ихъ была устремлена на того, кто совершилъ это злодѣяніе. . . . Когда же къ Асамъ возвратилось слово, они стали плакать такъ сильно, что ни одинъ изъ нихъ не могъ словами передать другому своего горя⁴.

Точно такъ же въ персидскомъ эпосѣ никакое оружіе не можетъ вредить Исфендіару, но ему суждено погибнуть отъ вѣтки терновника, которую Рустемъ пустилъ ему въ глазъ въ видѣ стрѣлы. Рустемъ, въ свою очередь, можетъ пасть только отъ руки своего брата; Геркулесъ умираетъ отъ несчастнаго подарка жены; Сигфридъ дѣлается жертвой нежной заботливости Кримгильды или ревности отвергнутой имъ Брунегильды. Подобно Ахиллу онъ уязвимъ только въ одномъ мѣстѣ, и сюда-то именно поражаетъ его Гагенъ (терновникъ). Все это отрывки солнечныхъ міеовъ. Вся природа была раздѣлена на двѣ области: одна мрачная, холодная, зимняя область смерти; другая — область свѣта, тепла, весны и жизни. Сигурдъ — такъ называется солнечный герой въ Эддѣ, — потомокъ Одина, убиваетъ змѣя Фафнира и овладѣваетъ золотомъ, надъ которымъ карло Андвари изрекъ свое проклятіе. Это есть сокровище Нифлунговъ, сокровище земли, которое похитили туманныя силы зимы и мрака. Весеннее солнце возвращается похищенное и земля, подобно греческой Церерѣ, которую дѣлаетъ богатой обладаніе возвращенной дочерью, снова обогащается драгоценными дарами весны. Сигурдъ, повѣствуетъ Эдда, освобождаетъ Брингильду, которую Одинъ погрузилъ въ сонъ, уколовъ ея волшебнымъ терніемъ, и которую, подобно землѣ, пробуждающейся послѣ зимняго сна, возвратила къ новой жизни любовь Сигурда. Но его самого, обладателя сокровища (*vasupati*), неудержимо влечетъ судьба. Онъ заручаетъ себя Брингильдѣ и даетъ ей роковое кольцо, которое онъ взялъ изъ сокровища. Но онъ долженъ былъ покинуть ее; когда онъ прибылъ въ замокъ Гушпара, Кримгильда, жена Гушпара, чарами заставляетъ его забыть Брингильду, и онъ женится на ея дочери Гудрунѣ. Съ этихъ поръ судьба его начинается склониться къ закату. Онъ связанъ съ Гушпаромъ, и вынужденъ помогать ему при овладѣніи Брингильдой, съ которой онъ самъ обручился и которая теперь становится же-

ной Гушара. Гушаръ Гіукасонъ, кажется, значить мракъ, и такимъ образомъ мы видимъ, что пробуждающаяся и начинающаяся оживляться весна пронала, похищенная Гушаромъ, какъ Прозерпина была похищена Плутономъ, или Сита — Раваной. Гудруна, дочь Кримгильды, и сама называемая иногда Кримгильдой, — неизвестно, разумѣть ли подъ этимъ послѣднимъ именемъ лѣто (срав. ghagha въ санскритѣ) или землю и природу въ послѣднее время года, — эта Кримгильда — сестра мрачнаго Гушара, и, хотя она стала суругою свѣтлаго Сигурда, но по своему рожденію сама принадлежитъ къ туманному царству. Гушаръ, заставившій Сигурда уступить ему Брингильду, задумалъ смерть своего зятя, потому что Брингильда узнала въ Сигурдѣ своего обрученника и требуетъ мести. Гёгги старается отклонить брата отъ убійства, но наконецъ третій братъ Гюдръ убиваетъ Сигурда во время сна, въ пору зимняго солнцестоянія. Брингильда всегда любила его, и, когда герой убитъ, она раздаетъ свои сокровища, и, подобно Паниѣ, сожигаетъ себя на одномъ кострѣ съ Сигурдомъ, отдѣленная отъ него мечемъ. Гудруна также оплакиваетъ смерть своего мужа, но потомъ скоро забываетъ его и выходитъ за Атли, брата Брингильды. Атли, основываясь на правахъ своей жены, требуетъ отъ Гушара и Гёгги сокровища Сигурда, и когда они отказываются выдать сокровища, онъ, подъ видомъ родственной дружбы, приглашаетъ ихъ къ себѣ и заключаетъ въ оковы. Гушаръ упорно отказывается открыть мѣсто, гдѣ схоронено сокровище, пока ему не принесутъ сердца его брата Гёгги. Ему приносятъ сердце, но оно дрожитъ на блюдѣ и Гушаръ говоритъ: „Не братинно это сердце“. Наконецъ принесли настоящее сердце Гёгги и Гушаръ сказалъ: „теперь я одинъ знаю, гдѣ лежитъ сокровище, и скорѣе оно достанется Рейну, чѣмъ тебѣ!“ Тогда Атли приказалъ его, связаннаго, бросить къ змѣямъ, но онъ укрощаетъ самыхъ змѣй, играя зубами на арѣ, пока наконецъ одна ехидна подошла къ его сердцу и ужалила его до смерти.

Какъ изменился этотъ мифъ въ пѣсни о Нибелунгахъ, въ томъ видѣ, какъ она была записана въ Германіи въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія! Все герои — христіане и все они слились съ историческими личностями четвертаго, пятаго и ше-

стаго столѣтій. Гунтеръ пріуроченъ къ Бургундіи, гдѣ, какъ извѣстно, въ 435 г. дѣйствительно жилъ король Гундихари или Гундахари, тотъ самый, который, по свидѣтельству Кассіодора, былъ побѣжденъ сначала Аэціемъ, а потомъ Гуннами Аттилы. Вслѣдствіе этого Атти, братъ Брингильды и второй мужъ Гудруны (или Кримгильды), превратился въ Аттилу, предводителя Гунновъ (453); мало того, даже братъ Аттилы, Бледа, былъ внесенъ въ пѣсню о Нибелунгахъ подъ именемъ Бледелина, который первый открылъ нападеніе на Бургундовъ и палъ отъ руки Данкварта. И другія историческія личности были увлечены въ круговоротъ народнаго сказанія, — личности, которыхъ мы бы напрасно стали искать въ пѣсняхъ Эдды. Такъ въ пѣснѣ о Нибелунгахъ мы встрѣчаемся съ Дитрихомъ бернскимъ, который есть никто иной, какъ Теодорихъ великій (455—525), тотъ самый, который разбилъ Одоакра въ битвѣ при Равеннѣ (знаменитой *Rabenschlacht*) и жилъ въ Веронѣ, по нѣмецки Бернъ. Далѣе, упоминаемый въ пѣснѣ о Нибелунгахъ Пренфридъ, ландграфъ тюрингскій, оканчивается Германфридомъ, королемъ тюрингскимъ, который былъ женатъ на Амалабергѣ, племянницѣ Теодориха готскаго. Но наиболее странному отождествленію подвергся Сигурдъ, вѣроломный любовникъ Брингильды: позднѣйшая обработка сказанія смѣшала его съ Сигбертомъ, королемъ Австразіи (561—575), который дѣйствительно былъ мужемъ знаменитой Брунгильды (*Brunehault*), дѣйствительно разбилъ Гунновъ и дѣйствительно погибъ при самыхъ трагическихъ обстоятельствахъ отъ козней Фредегунды, любовницы брата его Хильперика. Это совпаденіе исторіи и мифа простирается такъ далеко, что соблазнило нѣкоторыхъ критиковъ изъ школы евгемеристовъ все сказаніе о Нибелунгахъ выводить изъ австразійской исторіи и видѣть въ смерти Сигберта отъ Фредегунды основу сказанія объ убійствѣ Сигфрида или Сигурда по наущенію Бригильды. Къ счастью эти германскіе послѣдователи Евгемера опровергаются несравненно легче, нежели греческіе, потому что изъ современныхъ историческихъ памятниковъ видно, что Юрпанду, писавшему свою исторію по крайней мѣрѣ за двадцать лѣтъ до смерти австразійскаго Сигберта, уже была извѣстна Сваугильда, дочь мненческаго Сигурда, рожденная, по свидѣ-

тельству Эды, по смерти отца, та самая, которую впоследствии умертвилъ Гермунрекрь, въ поэмѣ о Иибелунгахъ преобразившійся также въ историческую личность Германика, готскаго вожда четвертаго столѣтія.

Попробуемъ теперь приложить къ греческимъ мифамъ результаты, къ которымъ мы успѣли прійти, прослѣдивъ постепенное развитіе германской саги. Очевидно, что въ основѣ мифа о Геркулесѣ есть историческое зерно, около котораго кристаллизовались мифическія сказанія, хотя, по неизмѣннѣю современныхъ историческихъ свидѣтельствъ, мы не можемъ выдѣлнить эти мифическіе паросты такъ отчетливо, какъ въ мифѣ о Иибелунгахъ. Но такъ какъ мифъ производитъ Геркулеса, героя, изъ рода аргосскихъ царей, то можно допустить дѣйствительное существованіе какого-нибудь Геркулеса, который дѣйствительно могъ быть сыномъ царя, по имени Амфитріона, котораго потомки, послѣ временнаго изгнанія, снова завоевали область Греціи, прежде находившуюся подъ властію Геркулеса. Сказанія объ его чудесномъ рожденіи, о бѣльшей части его геройскихъ подвиговъ, о его смерти, такъ же мало принадлежать исторіи, какъ и сказанія о Зигфритѣ. Въ Геркулесѣ, убивающемъ Химеру и другія чудовища, мы видимъ отраженіе дельфійскаго Аполлона, который убиваетъ змѣя Пифона, или — самого Зевса, бога лучезарнаго неба, съ которымъ Геркулесъ разделяетъ общіе эпитеты идейскаго, олимпійскаго и Пангенетора. Подобно тому, какъ мифъ о Сигурдѣ и Гуннарѣ послѣдними потухающими лучами озарилъ королей бургундскихъ и величавыя личности Аттилы и Теодориха, — мифъ о солнечномъ Геркулесѣ получилъ историческій обликъ въ какомъ-нибудь полу-историческомъ князѣ Аргоса или Микенъ. Имя Геркулеса принадлежало, быть можетъ, какому-нибудь національному божеству Гераклидовъ, и этимъ достаточно объясняется вражда Геры, культъ которой до переселенія Дорянъ процвѣталъ въ Аргосѣ. То, что прежде относилось къ богу, впоследствии перешло на Геркулеса или Геракла, предводителя Гераклидовъ, поклонниковъ или сыновей Геракла, между тѣмъ какъ, въ тоже самое время, многіе мѣстные и историческіе факты, связанные съ родомъ Гераклидовъ и ихъ вождей, были переплетены съ мифомъ о божественномъ героѣ. Пред-

ставленіе о Геркулесѣ, который живетъ въ кабалѣ у Еврисея и совершаетъ для него чудесные подвиги, это представленіе носить на себѣ явные слѣды связи съ солнечнымъ міеомъ: это—солнце, совершающее свой ежедневный подвигъ на пользу смертныхъ, которыхъ оно такъ несравненно превосходитъ по своему могуществу и божественнымъ совершенствамъ. Такъ Сигфритъ трудится для Гуннара; такъ наконецъ и самъ Аполлонъ въ продолженіе одного года служитъ Лаомедону—выраженія знаменательныя, вызванныя отсутствіемъ глаголовъ съ болѣе отвлеченнымъ значеніемъ и встрѣчающіяся даже у новѣйшихъ поэтовъ: —

На той дорогѣ величавой,
Гдѣ ты, прикованный Всесильнаго рукой,
Отъ вѣка шествуешь незримыми шагами,
Доколь не прейдуть земля и небеса!

Дальнѣйшее развитіе эпической и трагической поэзіи могло совершаться на греческой, индусской или германской почвѣ; оно могло воспринимать въ себя отбѣнки различныхъ странъ, разнообразную температуру различныхъ климатовъ; оно могло наконецъ захватить и поглотить въ себя много случайнаго и историческаго. Но стоитъ коснуться этихъ сказаній острымъ ножомъ анализа, и мы убѣдимся, что одна и таже кровь течетъ въ жилахъ древнѣйшей поэзіи всѣхъ народовъ: это — одинъ и тотъ же міеологическій эпосъ. Атмосфера, среди которой возникла древнѣйшая поэзія Аріевъ, была насквозь проникнута міеологіей; въ этой атмосферѣ было что-то такое, чему не могли противустоять люди, дышавшіе ею. Это было обаяніе, подобное чарующей гармоніи новой рифмы, которая впустила такъ много обыкновенныхъ мыслей поэтамъ, писавшимъ обыкновеннымъ языкомъ.

Мы знаемъ, что сдѣлали изъ своихъ эпическихъ героевъ греческіе и германскіе поэты; посмотримъ теперь, удалось ли жителю тропиковъ — Индусу окружить такимъ же прекраснымъ поэтическимъ сіяніемъ имена своихъ міеическихъ преданій.

Исторія любви Пурураваса и Урваши не разъ пересказывалась индусскими поэтами. Мы находимъ ее въ ихъ эпическихъ поемахъ, въ ихъ Пуранахъ и въ Бригатахъ-Катахъ (Brihat-kathā),

Великомъ сказаніи, сборникъ народныхъ сказаній Индіи. Хотя она подверглась многимъ измѣненіямъ, тѣмъ не менѣе въ самой драмѣ Калидасы ¹⁾, изъ которой ниже я намѣренъ представить краткое извлеченіе, мы узнаемъ отдаленный миѳическій фонъ, и удивляемся искусству, съ которымъ поэтъ вдохнулъ новую жизнь и человѣческое чувство въ поблеклыя имена давно забытаго миѳическаго языка.

Первое дѣйствіе открывается сценой въ Гималайскихъ горахъ. Небесныя нимфы, возвращаясь изъ собранія боговъ, подверглись нападенію и оплакиваютъ утрату Урванші, унесенной демономъ. Является на своей колесницѣ царь Пуруравасъ, и, узнавъ причину ихъ скорби, поспѣшаетъ для освобожденія нимфы. Онъ скоро возвращается, одолевъ похитителя, и возвращаетъ Урванші ея небеснымъ подругамъ. Но въ то время какъ онъ везъ Урванші на колесницѣ къ ея подругамъ, онъ полюбилъ прекрасную нимфу и успѣлъ внушить ей то же самое чувство. Онъ рассказываетъ, какъ она, на глазахъ его, постепенно оправлялась отъ испытаннаго страха:

„Она оправилась, но медленно. Такъ ночныя тѣни отступаютъ мало по малу предъ лучами восходящей луны; такъ пламя истребителя жертвъ.—огня не идрутъ пробивается сквозь дымящійся хворостъ; такъ Гангесъ постепенно проясняетъ свои возмущенныя струи, поглотивъ преграду, которою обрушившійся берегъ прерываетъ его стремительное теченіе, и снова течетъ немнымъ и величественнымъ потокомъ“.

Когда они разстались, Урванші хочетъ обернуться, чтобы еще разъ взглянуть на удаляющагося царя. Подъ предлогомъ, что цѣпкая лоза задела ея вѣнокъ и какъ будто стараясь освободиться отъ оной, она подзываетъ одну изъ своихъ подругъ и проситъ ея помощи. „Боюсь, отвѣчаетъ подруга: не такъ легко исполнить твою просьбу; ты, кажется, запуталась

¹ Профессоръ Вильсонъ представилъ первый и превосходный переводъ этой драмы въ своемъ изданіи: *Specimens of the Hindi Theatre*. Подлинникъ впервые вышелъ въ Калькутѣ и съ тѣхъ поръ былъ нѣсколько разъ перепечатываемъ. Весьма полезное изданіе этого произведенія принадлежитъ, за послѣднее время, Профессору Вильяму.

Въ передачу отрывковъ изъ Урванші мы сдѣлавали по Вильсону, но буквальный переводъ съ подлинника, сдѣланный для настоящаго изданія профессоромъ П. Я. Петровымъ, которому и приносимъ нашу глубокую благодарность

такъ крѣпко, что освободить тебя едва ли будетъ можно, но, что бы ни случилось, будь увѣрена въ моей дружбѣ“.

Тогда взоръ царя встрѣтился со взоромъ Урваші, и онъ воскликнулъ:

„Будь благословенна, лоза, удержавшая на одно лишнее мгновеніе ея уходя, такъ что я могъ еще разъ увидѣть въ половину обращенный ко мнѣ ликъ моей красавицы (собств. при поворотѣ въ полъ лица увидѣлъ эту длиннооую)!“

Во второмъ дѣйствіи мы видимъ царя въ его стольномъ городѣ Аллагабадѣ. Онъ гуляетъ въ саду въ обществѣ брахмана, который въ индусской драмѣ играетъ роль гранціозо. Онъ сопровождаетъ царя, въ качествѣ конфидента, и ему-то царь повѣряетъ тайну своей любви. Брахманъ такъ бонется выдать то, что должно остаться тайной для всего двора и особенно для царицы, что удаляется въ уединенный храмъ. Но и въ этомъ убѣжищѣ его отыскала одна изъ служанокъ царицы, и такъ какъ тайнѣ такъ же трудно удержаться въ груди брахмана, какъ трудно уцѣлѣть каплямъ утренней росы на травѣ, то она скоро успѣла выпытать у него, отчего царь такъ измѣнился со времени возвращенія изъ боя съ демономъ, и съ этой вѣстью поспѣшила къ царицѣ. Между тѣмъ царь въ отчаяніи и изливаетъ свою тоску —

подобно тому, кто, влекомый потокомъ, не въ силахъ одолѣть противной быстрины.

Но Урваші не менѣе вздыхаетъ о своемъ возлюбленномъ, и мы вдругъ видимъ, какъ она въ сопровожденіи подруги, является по воздуху для свиданія съ царемъ. Сначала обѣ остаются невидимы для смертныхъ очей царя и, незрима, выслушиваютъ исповѣдь его страсти. Урваші, написавъ стихъ на листкѣ какого-то дерева, роняетъ его подлѣ бесѣдки, гдѣ тоскуетъ ея возлюбленный. Потомъ онѣ открываются его взорамъ: сначала подруга Урваші, а наконецъ и сама она. Но едва прошло нѣсколько мгновеній, какъ является посланникъ боговъ, и призываетъ назадъ обѣихъ нимфъ, а Пуруравасъ остается снова одинъ съ своимъ шутомъ. Онъ ищетъ листокъ, которому Урваші повѣрила свою любовь, но увы! драгоценный листокъ исчезъ, унесенный вѣтромъ.

„О южный вѣтръ, любви союзникъ, другъ весенней поры года! похищая благовонную пыль цвѣтовъ, ты разливаешь въ воздухѣ благоуханіи, но,

снѣжки, зачѣмъ было лишать меня этихъ строкъ, начертанныхъ ея рукой въ залогъ ея любви? Зачѣмъ было лишать этой послѣдней улады безнадежно-томимаго огнемъ любви?»

Но случилось еще хуже: роковой листокъ былъ поднять царницей, въ то время какъ она шла садомъ, отыскивая царя. Слѣдуетъ семейная сцена довольно бурнаго характера, послѣ которой ея величество удаляется, взволнованная, подобно потоку, разлившемуся отъ дождей. Царь чувствуетъ себя вдвойнѣ несчастнымъ, потому что, не смотря на свою новую страсть къ Урваші, онъ не перестаетъ питать самое искреннее уваженіе къ царницѣ. Наконецъ и онъ уходитъ.

Ужь за полдень: павлинь, томимый жаждою, погрузился въ водоемъ, омывающій корни одного изъ высокихъ деревьевъ сада: лѣбно дремлютъ пчелы (соб. шестиногія) подъ сѣнью лепестковъ въ раскрытыхъ чашечкахъ цвѣтки каринкоры (лотоса); утки дикія, покинувъ отъ солнечныхъ лучей нагрѣвшуюся воду, ищутъ прохладнаго пріюта въ густой грядѣ прибрежныхъ лотосовъ, а въ бесѣдкѣ попугай, отъ жажды въ вѣткѣ изнывая, проситъ кривами воды.

Въ началѣ третьяго дѣйствія мы прежде всего узнаемъ, что случилось съ Урваші, послѣ того какъ она была отозвана на небо Индры. Ее призвали участвовать въ драматическомъ зрѣлищѣ, которое должно было совершиться въ присутствіи Индры, и на ея долю выпала роль богини красоты, избирающей въ супруги бога Вишну. Въ числѣ другихъ именъ Вишну носить имя: Пурушоттама, но бѣдная Урваші, въ ту минуту, когда по ходу пьесы ей пришлось назвать имя, избраннаго ея сердцемъ, измѣнила роли, и вмѣсто того чтобы сказать: „я люблю Пурушоттаму“, назвала Пурураваса. Эта обмолвка привела автора пьесы въ негодованіе, столь сильное, что онъ проклялъ Урваші, которая въ слѣдствіе этого проклятія лишилась дара божественнаго вѣдѣнія. Но когда кончилось представленіе, Индра, замѣтивъ, что Урваші стоитъ въ сторонѣ, смущенная и неутѣшенная, ласково подзвалъ ее къ себѣ и открылъ ей, что смертный, которымъ заняты ея мысли, доказалъ ему свою преданность въ минуты опасности; этотъ смертный помогалъ ему въ борьбѣ съ врагами боговъ и тѣмъ снизказалъ себѣ право на его признательность. Въ воздаяніе за то Урваші получаетъ дозволеніе возвратиться къ царю и оста-

ваться съ нимъ до тѣхъ поръ, пока царь „увидитъ въ первый разъ лице младенца, который ему родится отъ нея“.

Слѣдуетъ новое явленіе въ дворцовомъ саду. Покончивъ съ дѣлами правленія, при наступленіи вечера, царь удаляется на свою половину.

„Днемъ заботы государя не давали мѣста личной скорби, но какъ-то проведу я нескончаемыя стражи беззвѣстной ночи? (У Индусовъ ночь дѣлилась на три стражи, по три часа каждая.)

Приходитъ вѣстникъ отъ царицы: она проситъ свиданія съ супругомъ на террасѣ навильона. Царь повинуется — и выходитъ по хрустальнымъ ступенямъ къ назначенному мѣсту: это было передъ восхожденіемъ луны, когда востокъ подернулся пурпурнымъ свѣтомъ, —

Радя отъ лучей луны, хотя еще невидимой за горизонтъ на востокѣ, вечерняя жгла разступалась по обѣ стороны, а въ серединѣ аллѣ востокъ (собств. страна пѣгоконнаго Индры), точно румяное лицо (женщины), окаймленное темной рамкой назадъ откинутыхъ мудрей.

Въ то время, какъ онъ дожидался прихода царицы, въ душѣ его съ новой силой проснулась тоска объ Урванш.

„Встрѣчая преграды на пути къ удовлетворенію, любовь моя, кажется, приобретаетъ все новыя силы, подобно потоку, который стремится тѣмъ неудержимѣй, чѣмъ уже русло его, стѣсненное напоромъ скалъ.

Любовь моя растетъ съ приближеніемъ ночи, подобно лунѣ, которая, поднимаясь выше и выше, все шире кидаетъ свой свѣтъ.“

Въ эту минуту опускается небесная колосница и въ ней Урванш, въ сопровожденіи той же подруги. По прежнему невидимая для царя, онъ еще разъ подслушиваютъ пѣжныя изліянія его сердечной тоски; но въ то мгновеніе, когда Урванш уже готова откинуть покрывало, чтобы предстать взорамъ царя, входитъ царица. Одетая въ бѣломъ, безъ всякихъ украшеній, она явилась пронести въ присутствіи царя торжественный обѣтъ. Цѣль этого обѣта — возвратитъ расположеніе отчужденнаго супруга.

Царь. Въ бѣломъ одѣяніи, вмѣсто всякаго убранства — съ отпрысками пышной дурвы (священная трава) въ волосахъ, съ выраженіемъ покорной кротости въ лицѣ, снѣжившихъ прежній гнѣвный видъ (является она).

Царица. Нынѣ чувство долга моего предъ государемъ внушило мнѣ свершить обѣтъ священный. Такъ — умоляю! дозвожь на краткій срокъ обрешить тебя присутствіемъ моимъ!

Царь. Не бремя — милость для меня присутствіе твое! но что тебя винушило мысль — изнурять обътомъ твоимъ тѣло, иѣжнѣйшее фибръ лотоса? Предъ тобою рабъ, готовый самъ о милости молить тебя: тебя ль заботиться о томъ, чтобы его на милость преклонить?

Царица. Такъ не напрасно, видно, мой обътъ, когда теперь ужъ я снискать успѣла привѣтливое слово господина моего.

Затѣмъ царица торжественно произноситъ свой обътъ, призывая въ свидѣтели божество луны.

Царица. Взгляните, боги, священному объту, цѣль котораго — на милость моего супруга преклонить. Вотъ мой обътъ: отнять женщина, которая любима государемъ, желанья полная съ нимъ раздѣлить соколъ любви. пускай живетъ съ нимъ, не встрѣчая ни единой преграды отъ меня.

Благманъ (Повѣренный царя, въ сторону, обращаясь къ царю). Вотъ такъ преступникъ, успѣвшій казни избѣжать, зарокъ даетъ — никогда опасности подобной вновь не подвергать себя! (Громко). Вотъ какъ? неужели къ супругу такъ царица равнодушна?

Царица. Желая супруга осчастливить, я собственное счастье въ жертву приношу. Суди жь, онъ дорогъ мнѣ, или нѣтъ?

Царь. Неблагодарная! ты воляна отдать меня другому, или удержать своимъ рабомъ. Подозрѣнія твои несправедливы (собственно: я не таковъ въ отношеніи къ тебѣ, какъ ты подозреваешь!)

Царица. Умилоствленъ обътъ свершился, какъ я предполагала. Даны! удалимся!

Царь. Помедли! не должно такъ скоро покидать того, кого умилоствинить желала ты!

Царица. Государь! обътъ свершенъ!

Не въ слишкомъ благопріятномъ свѣтѣ представляется характеръ царя, когда велѣдъ за этой трогательной сценой супружескаго примиренія является Урваши. Она присутствовала, хотя и невидимо, въ продолженіе предшествующей бесѣды между нимъ и царицей: теперь, по уходѣ этой послѣдней, она подкрадывается къ царю сзади и руками закрываетъ ему глаза.

Царь. То она, прекрасная, (собств. прекрасная чреслами), рожденная изъ лядвей Нараяны (т. е. Урваши)! Какъ объяснить иначе этотъ сладкій трепетъ, облившій мое тѣло! Такъ вѣдь красавицы ночей (цвѣтокъ, belle de nuit) лучъ солнца не разбудить. Чтобы раскрыться, она ждетъ, пока взойдетъ луна.

Урваши, какъ нельзя серьезнѣе, приняла отреченіе царицы и заявляетъ свои права на обладаніе царемъ. Подруга улетаетъ, и она остается съ царемъ одна, его любимую супругой.

Урваши. Предъ государемъ я виновна, что медлила такъ долго (его желаніе исполнить).

Царь. Пять, напрасно! Полный блаженство, когда цѣлой страданій гуляемо оно. Такъ истомленный зносомъ (путникъ) одинъ вполне способенъ оцѣнить прохладной тѣни сладкую отраду!

Слѣдующее дѣйствіе можно назвать перломъ цѣлой драмы, хотя трудно представить себѣ, какимъ образомъ оно могло выполняться на сценѣ, требуя такой обстановки, которая была бы не подъ силу даже для нашихъ современныхъ театровъ. Это мело-драматическая интермедія, по стилю рѣзко отличающаяся отъ остальныхъ частей пьесы. Относительно стихосложенія и ритма, стихи, которыми она написана, представляютъ верхъ художественнаго совершенства, отъ начала до конца. Кромѣ того языкъ, который мы встрѣчаемъ въ этой части драмы, не санскритъ, а пракритъ. Составляя *lingua vulgaris* Индіи, уступая санскриту относительно богатства формъ, онъ несравненно превосходитъ этотъ послѣдній относительно благозвучія. Нѣкоторыя строфы составляютъ что-то въ родѣ арій, и, кажется, были назначены для исполненія хоромъ, но сценическія указанія, встрѣчающіяся въ рукописяхъ, заключаютъ такія техническія подробности, объясненіе которыхъ въ высшей степени затруднительно.

Дѣйствіе открывается хоромъ нимфъ, оплакивающихъ печальную судьбу, постигшую Урванш. Нѣкоторое время она жила съ царемъ въ стѣнн лѣса и наслаждалась невозмутимымъ счастьемъ, но вотъ —

однажды, на берегу Мандакини, царственный мудрецъ (царь) остановилъ свои взоры на одной изъ нимфъ, игравшихъ на пескѣ прибрежья. Вспыхнула гибелью Урванш, являя подруга царя, и, не внемля нѣжнымъ мольбамъ супруга, съ сердцемъ, смятеннымъ отъ ревности, забывъ завѣтъ боговъ, вступила въ заповѣдныя для женщинъ лѣсъ Кумбры (бога войны) — и вотъ! одна очутилась она за чертою лѣса, какъ внезапно преобразилась въ гибкую лану!

Въ воздухѣ раздается грустное пѣніе нимфъ: улетающія вѣбствѣ, онѣ оплакиваютъ скрывающуюся подругу.

Такъ иногда, тоскуя объ утратѣ любимыхъ, томясь на пыльных волнахъ озера, летятъ слезы лебедей нѣжная чета.

Тамъ лебедь одинокая груститъ въ разлукѣ съ любимымъ, плавая по озеру, усталому роскошной несеной цвѣтущихъ лалій.

Входитъ царь — на лицѣ его написано умственное разстройство, одежда въ беспорядкѣ. Сцена представляетъ глу-

хой лѣсъ, небо заволаниваютъ тучи, на землѣ видны группы разнаго рода животныхъ: слоны, павлины, лебеди и другія птицы. Декорация представляетъ скалы и водопады; сверкають молнии и льется крупный дождь. Царь сперва, въ бѣшенствѣ, кидается въ погоню за облакомъ, которое онъ принялъ за демона, похитившаго его возлюбленную.

„Стои, злодѣй! Предатель-демонъ (Ракшаса), стои! куда, похитивъ мою милую, ты мчишь ее? Что? Никакъ онъ съ горной выси къ небу поднялся и на меня оттуда сыплетъ градомъ стрѣлъ? (Хватаетъ глыбу земли и бѣжитъ поразить воображаемаго демона, потомъ, взглянувъшесъ въ небо, продолжаетъ): Ахъ, вѣтъ! обмануть я! то не гордый Ракшаса, то туча, вооруженная громами, то не лукъ и стрѣлы (демона), то божій лукъ (собств. лукъ Индры т. е. радуга), раскинутый въ пространство дугою необъятной: не стрѣлъ, а ливня крупнаго паденье (я ощутилъ). То не свѣтлый образъ нимфы, а молній блѣдное сіянье, сіянье иѣжное, какъ слѣдъ, золотомъ оставленный на камнѣ ослѣдка.“

Эти порывы безумной скорби опять смѣняются хорами, которые поють о страданіяхъ разлученной четы; но чтобы дать понятіе о высокой прелести цѣлаго, намъ пришлось бы выписать гораздо болѣе, нежели сколько мы можемъ себя дозволить. Ограничимся слѣдующими мѣстами:

„Все, на что я ни взгляну, говорить мнѣ объ утраченной подругѣ! Такъ и эта молодая кадѣли (цвѣтокъ, съ красными полосками), на листкахъ которой дрожать капли росы, напоминаеть мнѣ очи Урваши, когда на нихъ, бывало, въ минуту гнѣва выступаютъ слезы! О какъ найти мнѣ слѣдъ, который бы указалъ мнѣ путь моей несодующей подруги!“

Затѣмъ онъ начинаетъ обращаться къ различнымъ птицамъ, съ вопросомъ: не встрѣчались ли они въ своемъ воздушномъ странствіи съ его возлюбленной? Онъ обращается—къ павлину „красавицу съ темноголубой шеей и глазами изъ агата“,—къ кукушкѣ, „которую влюбленные зовутъ посланницей любви“,—къ лебедямъ „которые летять на сѣверь:—ужь не встрѣтили ль они ее? ужь не у нея ли переняли грацію полета своего?“—и къ какравакѣ, птицѣ, которая каждую ночь томится въ разлукѣ съ своей подругой. Но ни одна изъ пернатыхъ не дала ему отвѣта. Никто не видѣлъ исчезнувшей: ни пернатая, ни пчелы, которыя жужжать среди лепестковъ лотоса, ни царственный слонъ, который поконяется съ своей подругой подъ тѣнью дерева кадѣмбы.

Царь. Какъ онъ играетъ съ этимъ обломкомъ шалвки, покрытымъ мелодными отпрысками, вкуснымъ и благоуханнымъ, какъ вино, который подала ему его подруга!

Гляди! вонъ прекрасная, съ вершиной плоскою, гора, любимое жилище водныхъ нимфъ, по имени Сурабъ-и-Кандара! Ахъ, слабыя моя красавица (собств. прекрасная тѣломъ) нашлась гдѣ-нибудь здѣсь, въ тѣнистыхъ ущельяхъ горы! (входитъ, по видимо-му, въ пещеру) Какая тьма? Ужели молнія мой путь не освѣтитъ? Ужели такъ велико мое несчастье, что даже тучи не хотятъ ссудить мнѣ долю свѣта своего? (Буквально: отъ превратностей бадствий моихъ, даже и скопище тучъ сдѣлалось пусто отъ молній.) Одинокое нѣтъ! не осмотрѣвъ вѣхъ этихъ скалъ, я не уйду отсюда!

Арія. Такъ конитомъ жесткими рои землю, испрь усталый, сипозъ чащу пролагая путь, преслѣдуетъ упорно свою цѣль.

Царь. О гора, широкимъ скитомъ ограждающая дѣсь! Стройная становишь не искала ли пріюта подъ сѣнью роцъ твоихъ, гдѣ царить богъ любви? И на твоихъ ступеняхъ не склонялась ли для отдыха прекрасная? (Собственно: широкая чреслами женщина.)

Гора молчать? Боюсь, что отдаленіе иѣшаетъ мнѣ внимать ея отвѣту! Коль такъ, я подойду поближе и снова вопрошу!

О ты, сверкающая кристаллами (водопадовъ), увѣчанная цвѣтми, оглашася дивной ибнью кинаровъ (небесные пѣвцы), о земледержица (гора)! покажи мнѣ мою милую!

О царица земледержице! подъ очарованною сѣнью твоихъ чащъ не видѣла ли ты утраченную мною, мою красавицу (собств. всеми членами прекрасную), мою милую? Не видѣла?

Что? Она вѣщаетъ внятно: видѣла! О гдѣ жь она?—Увы! то отзвукъ моихъ словъ, пещеры сводомъ отраженный, достаетъ до меня! Увы! какъ я усталъ! Дай, откуда отдохну на берегу этого горного потока и освѣжуся влющею отъ волнъ его прохладою. Но, странно! отчего жь мнѣ душу такой отрадой наполняетъ видъ этого потока, возмущеннаго отъ вновь прибывшихъ водъ?

Рыбныя струйки волнъ, словно дугой нахмуренныя брови, и эти трепетныя стаи рѣчныхъ птицъ, точно носъ пересѣкающія теченіе потока, и эти нѣны, несущіяся мимо блѣлой полосой, точно одежда женщины, которая влечется по землѣ! Какъ все это напоминаетъ мнѣ мою красавицу въ тотъ мигъ, когда, возмущая гнѣвной душой о проступкѣ супруга, она порывисто ступала! Ужъ не она ли это, Урвашъ мой, несется мимо, превращенная въ потокъ? Не попытаться ли склонить ее на милость? . . . . Пойду въ то мѣсто, гдѣ скрылись отъ меня ея прекрасныя очи! (Собств. гдѣ скрылась отъ меня эта прекрасноточка.) Спрошу у этого оленя: что дѣлаетъ моя милая? Но онъ не внемлетъ. Онъ не сводитъ глазъ съ своей подруги, которая къ нему подходитъ, медленно ступая: дѣтенышъ, грудь ея сосущій, ея походку за-мѣляетъ!

Наконецъ царь находитъ драгоцѣнный камень, съ огнистымъ отливомъ; это камень единенія, могучій талисманъ, который долженъ возвратити ему Урвашъ. Съ этимъ талисманомъ въ рукахъ, онъ обнимаетъ лозу и передъ нимъ—Урвашъ, принявшая свой прежній видъ. Чудесный камень становится укра-

шеніемъ ея чела, и царь вмѣствъ съ своей небесной сурругой возвращается въ Аллагабадъ:

«Неси же насъ, крылатое облако! Ты намъ коней замѣнишь! Изъявы молитій пусть будутъ знамя нашей колесницы, а колесницей — горящій яркими цвѣтами, пышный Индры лукъ (радуга)!» (*Улетаніе. Музыка*)

Пятое и послѣднее дѣйствіе начинается несчастнымъ событіемъ. Рубинъ единенія похищенъ соколомъ. Царь отдалъ повелѣніе преслѣдовать хищника, и вскорѣ лѣсной стражъ приноситъ драгоценный камень и стрѣлу, которая пронзила сокола. На древкѣ стрѣлы оказывается надпись, изъ которой видно, что эта стрѣла принадлежитъ Аѳусу, сыну Урвашіи и Пурураваса. Царь не зналъ, что Урвашіи родила ему сына; но, не успѣвъ онъ прійти въ себя отъ изумленія, какъ является пустышница и вводитъ отрока съ лукомъ въ рукахъ. Этотъ отрокъ Аѳусъ, сынъ Урвашіи; она ввѣрила его благочестивой Кіаванъ, которая воспитала его въ лѣсу и теперь возвращаетъ матери. Царь признаетъ въ немъ своего сына: подходитъ и Урвашіи, чтобы обнять его.

Съ сына не сводитъ очей, и грудь ея волнуется, высоко поднимаясь, какъ матери одной лишь можетъ волноваться грудь!

Но зачѣмъ же такъ долго скрывала она рожденіе сына? Зачѣмъ же и теперь, въ минуту свиданья, она вдругъ залилась слезами? Послушаемъ, какъ она сама объясняетъ причину своей скорби:

«Внемли, великій государь! Въ ту пору, когда великій государь мое похитилъ сердце, я, подъ бременемъ томясь лежавшаго на мнѣ тяжелаго проклятья, на срокъ была отпущена къ тебѣ великимъ Индрю. Какъ скоротакъ вѣщала могучій Индра — царь, любимецъ мой, увидить въ первый разъ лице рожденнаго тобою сына, немедленно ты возвратишься ко мнѣ, въ небесныя чертоги.

Вотъ сынъ нашъ! Онъ возраста достигнулъ, когда говорить передъ отцемъ и самъ онъ можетъ за себя! (собств.: когда онъ и самъ можетъ расцеловать къ себѣ отца), а мнѣ — не жить ужъ долѣй съ государемъ!»

Царь. Едва утѣшило меня свиданье съ сыномъ, какъ вотъ ужъ новая грозитъ съ тобою, станомъ стройная, разлука! Такъ, иногда бываетъ, туча сначала дерево дождетъ отъ зноя исцѣлить, для того лишь, чтобъ вслѣдъ за тѣмъ сразить его стрѣлой перуна безошадно!

Урвашіи. О горе мнѣ, несчастной! Покидая сына въ сладкій мигъ свиданья и съ землею расставаясь, я исполню долгъ повиновенія, но — какъ знати? — государь увидѣть въ этомъ можетъ желанье съ нимъ разстаться поскорѣй. (Собственно: послѣ исполненія мною долга почтеть меня имѣющею лице въ разлуку.)

Царь Не такъ, прекрасная! Влечетъ тебя покорность вышей воля, но собственная воля! Иди! Велѣнныиъ Бога покориться должно! Я жь, сыну царство передавъ, удаюсь въ пустынные лѣса, гдѣ бродятъ лишь одни стада газелей (собств. удалюсь въ лѣса, посѣщаемыя стадами газелей)!

На сценѣ дѣлуются приготовленія къ торжественному провозглашенію царевича государемъ, какъ вдругъ является новый *deus ex machina*—то Нарáда, вѣстникъ Индры.

Нарáда Всевидецъ, могучій Магáванъ (жертвенный эпитетъ Индры), вѣдая, что покинуть царство ты намѣренъ, шлетъ тебя свои велѣнья.

Царь. Что повелитъ онъ?

Нарáда. Волею боговъ (собств. волею созерцающихъ трехъ-міріе) готовится война боговъ съ титанами (асурами); потому, боговъ воинственный союзникъ, теперь оружія слагать не долженъ ты, а Урваші по смерти остается съ тобою, твоей подругою законной.

Затѣмъ дѣйствіе быстро идетъ къ счастливой развязкѣ. Съ неба являются нимфы, и приносятъ золотой сосудъ, съ водою изъ небеснаго Ганга, престолъ и другіи принадлежности священнаго обряда; все это располагается на сценѣ: царевича провозглашаютъ соправителемъ царя-отца, и всѣ вмѣстѣ отправляются на поклоненіе царицъ, которая такъ великодушно пожертвовала своими правами для небесной нимфы Урваші.

И такъ, мы видѣли полный разцвѣтъ того цвѣтка, котораго постепенное развитіе и возрастаніе можно прослѣдить чрезъ Пураны и Магабгарату до Брагманъ и Ведъ, котораго первый зародышъ таится глубоко въ той плодородной почвѣ первобытнаго языка, изъ которой пріемлютъ свою силу и питаніе всѣ аріійскіе языки. Глубокое пониманіе міеологии, проникающее въ самое сердце ея, обнаружилъ Карлэйль, замѣтивъ, — „что сказаніе, подобно банану, отъ одного едва замѣтнаго ростка, разрастается въ цѣлый лабиринтъ деревьевъ“. Первоначальный корень всѣхъ сказаній о Пуруравасѣ и Урваші заключается въ краткихъ поговорочныхъ изрѣченіяхъ, къ которымъ обнаруживаютъ такую склонность всѣ древніе языки. Такъ—„Урваші любитъ Пурураваса“ значило „встааетъ солнце“; „Урваші исчезаетъ, увидѣвъ обнаженнаго Пурураваса“ значило „заря скрылась“; „Урваші возвращается къ своему возлюбленному“ значило „солнце заходитъ“. Имена: „Пуруравасъ и Урваші“ индусскаго происхожденія, и должно отказаться отъ надежды — встрѣтить ихъ безъ измѣненія въ

другихъ арійскихъ нарѣчійхъ. Но самыя представленія, соотвѣтствующія этимъ именамъ, мы находимъ и въ мѣологическомъ языкѣ Греціи. У Грековъ одно изъ многочисленныхъ названій зари было Эвридика. Имя ея мужа, подобно многимъ греческимъ словамъ, необъяснимо, но Орфей соотвѣтствуетъ санскритскому *Ribhu* или *Arbhu*, которое, хотя всего извѣстнѣе, какъ имя трехъ Рибу (*Ribhu*), встрѣчается въ Ведахъ, какъ эпитетъ Индры и одно изъ названій солнца. Вотъ что повѣствуетъ древнее преданіе: — „Эвридика, ужаленная змѣей (эта змѣя — почъ) умираетъ, и, послѣ смерти, спускается въ область Анда. Орфей слѣдуетъ за нею въ царство тѣней, и тронутые его скорбью боги, дозволяютъ Эвридикѣ возвратиться вмѣстѣ съ нимъ, если только на пути изъ подземнаго царства онъ ни разу не оглянется назадъ. Орфей обѣщаетъ и отправляется въ обратный путь изъ мрачнаго Анда въ міръ живыхъ; Эвридика слѣдуетъ за нимъ, но, увлеченный любовью или сомнѣніемъ, онъ оглянулся и Эвридика исчезла — такъ, какъ „при первомъ лучѣ“ или „при первомъ взорѣ“ солнца исчезаетъ заря. Быть можетъ, въ глубокой древности дѣйствительно существовалъ поэтъ, по имени Орфей, — древніе пѣвцы любили выбирать имена, заимствованныя отъ солнца; — но — былъ или не былъ такой поэтъ въ дѣйствительности — несомнѣнно одно, что сказаніе объ Орфѣѣ и Эвридикѣ съ одной стороны не могло родиться изъ дѣйствительнаго событія, съ другой — необходимо предположить какой-нибудь поводъ для того, чтобы оно возникло. Въ Индіи, вслѣдствіе простаго созвучія именъ, мнѣ о Рибу (*Ribhus*) принялъ колоритъ мѣстный и историческій. Одно лице или цѣлое племя по имени *Bribu* (Ригъ-В. VI, 46, 29)*) было принято въ общину Брахмановъ. Люди этого племени были искусные строители, и очевидно успѣли оказать существенныя услуги Барадвѣджъ. Такъ какъ они не знали ведійскихъ боговъ, то ихъ передали подъ покровительство Рибу, и этимъ богамъ было приписано многое, что первоначально относилось только къ племени ихъ смертныхъ соименниковъ (*Bribu*). Эти факты, относящіеся къ области исторической дѣйствительности, не поддаются мѣологическому

*) Этимъ объясняется вѣсто въ Ману X. 107 и показывается, какъ оно должно быть исправлено.

анализу, между тѣмъ какъ настоящіе міеологическіе факты раскрываютъ свой смыслъ сами собою — надобно только умѣть обращаться съ ними. Чтобы перевести этотъ древній языкъ на обыкновенную рѣчь Аріевъ — нужна особая грамматика.

И долженъ снѣшнить заключеніемъ—какъ ни тяжело разставаться съ предметомъ, въ которомъ, какъ въ сводѣ, каждый отдѣльный камень, самъ по себѣ, грозитъ паденіемъ, между тѣмъ какъ цѣлый сводъ можетъ устоять противъ самыхъ сильныхъ потрясеній. Возьмемъ еще одинъ мнѣ. — Отношенія солнца и зари, какъ мы видѣли, послужили источникомъ для происхожденія столькихъ мнѣвъ эротическаго характера, что возникаетъ вопросъ, извѣстенъ ли былъ Аріамъ, до ихъ расселенія, самый древній изъ боговъ, богъ Любви. Извѣстенъ ли былъ *Эротъ* въ этотъ отдаленный періодъ, на разсвѣтѣ исторіи, и что означало имя, которымъ называли его Аріи?

Имя Эрота принято производить отъ санскритскаго корня *vṛi* или *vaḡ*, т. е. избирать, отличать. Такое производство могло бы имѣть смыслъ, если бы имя Любви получило свое начало въ нашихъ современныхъ гостиницахъ; но можно ли сомнѣваться, что здоровое и наивное сердце первобытнаго человѣка не могло видѣть наиболѣе характеристичную черту любви въ осторожномъ, обдуманномъ взвѣшиваніи, сравненіи и выборѣ. Представимъ себѣ, насколько это возможно, здоровыя и сильныя ощущенія юношески-свѣжаго поколѣнія древнихъ людей, которое могло свободно отдаваться влеченіямъ сердца, не зная условныхъ законовъ и предразсудковъ утонченной цивилизаціи, и руководясь единственно тѣми законами, которые природа и естественное чувство изящнаго начертала въ сердцѣ cadaго человѣка. Представимъ себѣ, что такія сердца вдругъ озарила любовь—чувство, о которомъ они не знали, откуда оно пришло и куда оно можетъ повести, котораго они не умѣли ни опредѣлить, ни назвать. Когда имъ понадобилось назвать это чувство, куда же могли они обратиться за именемъ? Не должна ли была любовь представляться имъ пробужденіемъ отъ сна? Не казалась ли она имъ утромъ, которое озаряетъ душу божественнымъ сіяніемъ, наполняетъ сердце теплотою, своимъ свѣжимъ дыханіемъ очищаетъ все сущест-

во человека и проливаетъ новый свѣтъ на цѣлый мѣръ вокругъ него? Если это было такъ, то единственное соотвѣтствующее имя, которымъ они могли выразить чувство любви—единственное явленіе, которому они могли уподобить ея зарю — это румянецъ разсвѣта — восходъ солнца. „Солнышко взошло“ говорили они, быть можетъ, когда мы говоримъ: „я люблю;“ „закатилось солнце“,—когда мы говоримъ объ утраченной любви.

Это предположеніе, которое должно было бы представиться намъ само собою, если бы мы только могли отрѣшиться отъ нашей современной рѣчи, совершенно подтверждается этимологическимъ анализомъ древняго языка. Санскритское названіе зари *uschas*, греческое Ἐροςъ — оба женскаго рода. Но Веды знаютъ зарю и мужскаго рода, собственно — восходящее солнце (*Agni uschasya*, Ἐροςъ); отсюда можно предположить, что *Uschas* въ греческомъ приняло форму Ἐροςъ. *S* часто измѣняется въ *r*. Въ санскритѣ общее правило, что *s*, за которымъ слѣдуетъ средній звукъ, превращается въ *r*. Въ греческомъ (въ законскомъ нарѣчій) существуютъ формы на *sr* вм. *ss*. (*Ahrens D. D.* § 8); въ латинскомъ *r*, между двухъ гласныхъ, въ древнихъ надписяхъ часто замѣняется болѣе первобытнымъ звукомъ *s* (*asa=ara*). Самое слово *uschas* въ латинскомъ превратилось въ *aurora*, которое произведено отъ посредствующаго *auros*, *aurogis*, какъ *flora* отъ *flos*, *oris*.

Но, какъ бы ни казались заманчивыми подобныя аналогіи — доказывать этимъ путемъ переходъ санскритскаго *sch* въ греческой *r*, значило бы только — пускать пыль въ глаза. Итъ, какія бы аналогіи ни представлялись въ другихъ нарѣчійхъ, санскритское *sch* среди двухъ гласныхъ никогда еще замѣнялось въ греческомъ звукомъ *r*. Потому Ἐροςъ не можетъ быть тоже самое, что *Uschas*.

Не смотря на то, Эротъ все-таки — восходящее солнце. Солнце въ Ведахъ часто называется бѣгуномъ, быстроногимъ или просто конемъ, между тѣмъ какъ въ болѣе поздней антропоморфизмомъ мифологій греческой, равно какъ и во многихъ отдѣлахъ Веды, солнце представляется въ образѣ человека, стоящаго на колесницѣ, которую въ Ведахъ влекутъ два, семь, или десять коней: въ греческой мифологій также — „колесница, везомая четырьмя конями“.

Ἄρματα μὲν ταῦτα λαμπρὰ τεθρόππων
Ἥλιος ἤδη λάμπει κατὰ γῆν. т. е.

„Колесница лучезарная о четырехъ коняхъ и Геліосъ сіяеть на землю„.

Эти кони также называются *Haritas*, и притомъ постоянно—женскаго рода. Кроме того ихъ называютъ: *bhadrás*, т. е. *бодрые*, веселые (I, 115, 3); *tschitrá's*—разноцвѣтные (I, 115, 3); *ghritas-nás*, купающіеся въ росѣ (IV. 6, 9); *svanithischas*—съ прекрасной поступью; *vitaprisch/hás*, съ прекрасными хребтами (V. 45, 10.) Такъ мы читаемъ — Ригъ-В. IV, 63, 9: „Солнце впрягло десять Харить для своего теченія“.

Ригъ-В. I, 56, 8. „Семь Харить да привлекутъ свѣтлое солнце на твоей колесницѣ“.

Ригъ-В. IV, 13, 3. „Семь Харить везуть его, солнце, соглядатая всего міра“.

Между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ онѣ принимаютъ болѣе человѣческій образъ, и подобно тому, какъ заря, иногда называемая просто *ashvâ*—кобылицей, известна также подъ именемъ сестры, такъ и эти Хариты именуется семью сестрами (VII. 66, 5); а въ одномъ мѣствѣ (IX. 86, 37) онѣ названы „прекрасно-крылыми Харитами“. После всего сказаннаго едва ли нужно добавлять, что мы имѣемъ дѣло съ прототиномъ греческихъ *Харитъ*.

Какъ бы ни хотѣлось слѣдовать далѣе по пути, который открывается для сравнительной міеологии этимъ сближеніемъ греческихъ и санскритскихъ Харить, мы должны возвратиться къ Эроту, свиту котораго онѣ такъ часто составляютъ. Если, согласно съ законами, по которымъ совершаются превращенія обще-арійскихъ словъ въ греческомъ или въ санскритѣ, мы попробуемъ переложить Ἔρωc на санскритскій, то окажется прежде всего, что производный суффиксъ ωc, ωtoс въ греческомъ — ничто иное, какъ окончаніе прошедшаго причастія, которому въ санскритѣ соответствуетъ окончаніе — *vant*; именит. *va* (вм. *vân*), род. *catas*. Такъ какъ въ санскритѣ нѣтъ краткаго *c*, а греческій *p* соответствуетъ санскритскому *r*, то Ἔρωc, ωtoс, если бы только такое слово существовало вообще въ сан-

скритѣ, имѣло бы форму *Arcaṇ, arcālas*. *Arvaṇ* въ позднѣйшемъ санскритѣ значить: *конь*, но въ Ведахъ оно удержало отчасти другое, болѣе близкое къ первоначальному, значеніе: *быстрый, бѣгущій, стремительный*. Оно часто прилагается какъ эпитетъ къ солнцу, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ служить названіемъ солнца, между тѣмъ какъ въ другихъ употребляется какъ существительное, съ значеніемъ коня или всадника. Такъ, подѣ неотразимымъ вліаніемъ синонимическаго характера древняго языка, и безъ малѣйшаго старанія—выразиться фигурно, тотъ, кто называлъ солнце *arvaṇ*, необходимо соединялъ съ этимъ словомъ представленіе о конѣ или всадникѣ. Слово *arvaṇ*, хотя ему и не придавалось другаго значенія, какъ только: *быстрое солнце*, затрогивало и вызывало другія представленія, подѣ вліаніемъ которыхъ солнце превратилось мало по малу въ коня или всадника. *Arvaṇ* значить *конь* въ такихъ мѣстахъ, какъ напр. I, 91,20:—

„Богъ Сома даетъ намъ корову; Сома даетъ намъ быстрого коня; Сома даетъ сильнаго сына“.

Тоже самое слово значить: всадникъ, Ригъ-В. I. 132,5:—

„Всадникъ родится безъ коня, безъ узды“.

Здѣсь подѣ всадникомъ разумѣется восходящее солнце, и существуетъ даже цѣлый гимнъ, обращенный къ нему, какъ коню. Мало того, развитіе языка и мысли совершается такъ быстро, что въ Ведахъ мнѣ обращается какъ бы вепять къ своему собственному началу, и одинъ изъ поэтовъ (I. 163,21) прославляетъ свѣтлыхъ Васу, ибо „изъ нѣдръ солнца онъ исторгъ коня“. Такимъ образомъ *arvaṇ*, само по себѣ, безъ всякаго прилагательнаго или эпитета, становится однимъ изъ именъ солнца, наравнѣ съ другими изъ древнѣйшихъ именъ того же свѣтила, каковы *sūrya, āditya* и др. Въ Ригъ-В. I, 163,3 поэтъ, обращаясь къ солнцу, говоритъ: „Ты, о Арванъ (конь), ты—Адитя“ (солнце); а (VI. 12.6) опять подѣ тѣмъ же самымъ именемъ призывается Агни или солнце: „ты, о Арванъ, сохрани насъ отъ злаго нареканія! О Агни, блестящій всеми огнями! ты подаешь сокровища, ты отгоняешь всякое зло; даруй намъ прожить въ счастіи сто зимъ; пошли намъ доброе потомство“.

Прежде чѣмъ мы будемъ въ состояніи указать нити, посредствомъ которыхъ это имя солнца въ Индіи связано съ первоначальнымъ представленіемъ греческаго бога Любви, должно замѣтить, что иногда кони, т. е. лучи солнца называются не только *Haritas*, но *rohitas* и *aruschis*, напр. Ригъ-В. I. 14,12, „впряги Арунишь (A'ruschis) въ твою колесницу, о свѣтлый Агни, Харитъ, Рохитъ и на нихъ привези намъ боговъ!“ Эти имена могли быть первоначально простыми прилагательными, которые значили бѣлый, свѣтлый и темный *), но скоро они превратились въ названія извѣстныхъ животныхъ, принадлежащихъ богамъ, согласно съ ихъ различнымъ цвѣтомъ и характеромъ. Такъ мы читаемъ: —

Ригъ-В. II. 10,2. — „Внемли, лучезарный Агни, моей молитвѣ; два ли черныхъ (*syāva*), два ли гнѣдыхъ (*rohita*), или два бѣлыхъ (*aruscha*) коня влекуть твою колесницу“.

И далѣе — Ригъ-В. VII. 42,2: — „Впряги Харитъ и Рохитъ, или Арунишь, которыя находятся въ твоемъ стойлѣ“.

Какъ *arvat* — въ значеніи коня, такъ *aruschi* употребляется въ значеніи коровы; напримѣръ, VIII. 55,3, гдѣ поэтъ говоритъ, что онъ получилъ четыреста коровъ (*aruschilām Kātuhtsch shatām*). Эти *aruschis* или свѣтлыя коровы болѣе исключительно принадлежать зарѣ, и вмѣсто того, чтобы сказать: „занимается заря“ древніе поэты *Vedā* часто говорятъ: „возвращаются свѣтлыя коровы“ (Ригъ-В. I. 92,1). Мы видѣли, что Хариты иногда превращались въ семь сестеръ; Аруни, первоначально свѣтлыя коровы, испытали ту же самую метаморфозу: —

Ригъ-В. X, 5, 5. — „Семь сестеръ, Аруни (свѣтлыя коровы) знали о солнцѣ“; или (X, 8, 3.) — „когда вознеслось солнце, Аруни освѣжили свое тѣло въ водѣ“.

Ученымъ санскритологамъ едва ли нужно напоминать, что *aruschi* собственно женскій родъ отъ *arvā* или *arvān*, хотя

*) Poi che l'altro mattin la bella Aurora
L'aer seren fe' bianco e rosso e giallo.
Ariosto, XXIII, 52.

Si cho Je bianche e le vermiglio guanco,
Là dove io era, della bella Aurora
Per troppa etate divenivan ranco.—

Dante, Purgatorio, II. 7.

существуетъ и другая форма женскаго рода *árvati*. Какъ *vidvā'n*, вѣдущій, въ женскомъ родѣ имѣетъ *viduschi* (*tschikitvā'n*, *tschikitüschi*), такъ *árvā(n)* имѣетъ *áruschi*,—форма, вполнѣ объясняющая образованіе женскаго рода отъ прошедшаго причастія въ греческомъ языкѣ. Это можно выразить слѣдующимъ уравненіемъ: *vidvā'n: vidüschi*—*είδός: είδύξ*. Переходъ *árvā* въ *áruschi* имѣетъ для насъ очень важное значеніе, потому что бросаетъ новый свѣтъ на происхожденіе другаго слова, произведеннаго отъ *arvat*, солнце; это слово—*aruschá*, существительное мужскаго рода, опять составляющее въ Ведахъ одно изъ употребительнѣйшихъ наименованій солнца. *Aruschá*, род.—*ásya* слѣдуетъ слабому склоненію и образовалось точно такъ же, какъ въ греческомъ—*διάχτορος*, *ος* вмѣсто *διάχτωρ*, *ορος*, а въ латинскомъ *vasum*, *i*, вмѣсто *vas*, *vasis*, или въ пракритѣ *tscharanteschu* вмѣсто *tscharatsu*, или въ новогреческомъ *ἡ ὑβητα* вмѣсто *ἡ ὑβή*. Для санскритологовъ это всего лучше представить въ видѣ слѣдующаго уравненія:—*árvā* (бѣгущій): *árus: aruschá*—*rárvā* (узелъ): *rárus: raruschá*.

Это слово *aruschá*, въ томъ значеніи, въ какомъ оно употребляется въ Ведахъ, подводитъ насъ какъ нельзя ближе къ греческому Эроту; ибо *aruschá* употребляется въ значеніи: свѣтлый —

Ригъ-В. VII. 75, 6.—„Видно, какъ свѣтлые, покрытые пятнами, кони влекутъ къ намъ блестящую зарю.“

Кони *) Индры, кони Агни и Бригаспати, быстрые какъ вѣтеръ и свѣтлые какъ солнце, которые лизутъ сосцы темной коровы, т. е. ночи, называются *aruschá*; паръ, который поднимается отъ палящихъ лучей солнца на разсвѣтѣ дня, члены, съ помощію которыхъ солнце взбирается на высоту небснаго свода, громовая стрѣла Индры, огонь, видимый днемъ и ночью,—называются общимъ именемъ: *aruschá*.

„Наполняющій небо и землю свѣтомъ, сквозь мракъ пролагающій себѣ путь по небу, являющійся среди черныхъ коровъ ночи“ называется *aruschá* или свѣтлымъ быкомъ (*aruschó vrischá*.)

*) *Aruscha*, si voisin d'*Aruna* (cocher du soleil) et d'*Arus* (le soleil), se retrouve en Zend sous la forme d'*Aurusha* (dont Anquetil fait *Eorosh*, l'oiseau), les chevaux qui traient *Serosh*. — Burnouf, *Bhag. Pur.* LXXIX.

Но этотъ же самый *Aguscha* въ Ведахъ, также какъ и въ греческой миеологiи представляется ребенкомъ:— Ригъ-В. III, 1, 4 — „Семь сестеръ вскормили его, радостнаго, блага, когда родился онъ, *Aguscha*, одаренный великимъ могуществомъ; какъ кони собираются къ народившемуся жеребенку, такъ боги воспитали солнце, когда оно родилось.“

Въ Ведахъ *Aguscha* постоянно означаетъ юное солнце, солнце, прогоняющее мрачную ночь и посылающее свои первые лучи — воззвать отъ сна вселенную.

Ригъ-В. VII. 71, 1. „Ночь отходитъ отъ Зари, сестры своей; мрачная, открываетъ путь для Аруши.“

Хотя въ нѣкоторыхъ изъ ведійскихъ названій солнца и заключается какъ бы неумышленный намекъ на его первоначально-животные атрибуты, тѣмъ не менѣе оно скоро принимаетъ чисто-человѣческiй образъ. Оно называется *Nritschakschäs* (III. 15, 3) „имѣющiй челоуѣческiя очи“ и даже первые слѣды его крыльевъ, — обстоятельство, которому бы очень обрадовался Гриммъ ¹⁾, — являются уже въ Ведахъ, гдѣ въ одномъ мѣстѣ онъ называется „*Aguschah supragñäs*“, „свѣтлое солнце съ прекрасными крыльями.“

Τὸν ὃ ἕτοι θνητοὶ μὲν Ἴρωτα χαλοῦσι πτηνόν,
Ἀθάνατοι δὲ Πτέρωτα, διὰ πτεροφύτον ἀνάγκην.

(Плат. Федръ 252, с: смертные еще Эрота крылатымъ называютъ, безсмертные жъ его *окрыляющимъ* зовутъ, ради (любви присущей) неудержимой, крылья придающей (влюбленнымъ), силы).

Какъ Эроть—сынъ Зевса, такъ Аруша называется сыномъ *Diväsa* (*Diväh shishus*):

Ригъ-В. VII, 15, 6—„Его, бога Агни, они спаряжаютъ и очищаютъ ежедневно подобно коню, совершившему свой бѣгъ, — подобно Арушъ, свѣтлому солнцу, юному чаду *Diväsa* (неба)“.

Ригъ-В. VI. 49, 2. — „Поклонимся Агни, чаду небесъ, сыну силы, Арушъ, свѣтлому пламени жертвы.“

¹⁾ См Ян. Гримма: *Ueber den Liebesgott*.

Этотъ сынъ—первороденный изъ боговъ, ибо онъ является (V. 1, 5) „agṛe aṅhāt“, на разсвѣтъ днѣй; „uschasām agṛe“ (X. 45, 7) въ началъ зорь; но въ одномъ мѣстѣ ему приписываются двѣ дочери—различныя по вѣшнему виду—одна, усѣянная звѣздами, другая, озаренная свѣтомъ солнца—День и Почъ. которыя въ другомъ мѣстѣ называются дочерями солнца. Аруша не встрѣчается въ роли бога Любви, въ греческомъ значеніи этого бога; любовь, какъ чувство, не обоготворялось въ Ведахъ ни подъ какимъ именемъ. Кама, богъ любви въ позднѣйшемъ санскритѣ, въ Ведахъ никогда не имѣетъ личныхъ или божественныхъ атрибутовъ, за исключеніемъ одного мѣста въ десятой книгѣ, и даже здѣсь любовь представляется скорѣе космогонической силой, чѣмъ личнымъ существомъ.

Но есть другое мѣсто въ Ведахъ, гдѣ Кама, любовь, ясно сближается съ восходящимъ солнцемъ. Цѣлый гимнъ (II. 38, 6) обращенъ къ Savitar, —солнцу. Здѣсь говорится: „оно поднимается, подобно сильному пламени,—простираетъ свои мощныя руки,—угодляясь даже вѣтру! Когда онъ остановитъ своихъ коней, прекращается всякое движеніе и по стопамъ его слѣдуетъ ночь. Но прежде чѣмъ она успѣетъ до половины окончить свою ткань, солнце восходитъ снова. Тогда Агни является всѣмъ людямъ и проникаетъ во всѣ жилища: свѣтъ его могучъ, и его мать, заря, отдаетъ ему лучшую долю, первое поклоненіе людей“. Потомъ поэтъ продолжаетъ:—

„Онъ возвратился большими шагами, жаждущій победы; приблизился онъ, предметъ любви для всѣхъ людей (собств. любовь всѣхъ людей). Вѣчный приблизился, оставляя трудъ (Почъ) въ половину оконченнымъ; онъ последовалъ вѣлѣніямъ небеснаго Савитара.

„Любовь всѣхъ людей“ можетъ значить: тотъ, кто любимъ всѣми людьми, или кто исполняетъ желанія всѣхъ людей. Я не думаю однако, чтобы названіе: Кама, любовь, придавалась восходящему солнцу—совершенно случайно.

Первоначальный солнечный характеръ бога любви, возлюбленнаго зарю, не былъ забытъ даже въ позднѣйшихъ преданіяхъ Пуранъ. Мы находимъ, что одно изъ названій, придава-

емыхъ сыну Камы, Анируддъ, (неодолимый, ἀνίκητος μάχαν),—
Uśchāpati, владыка Зари.

Если мы соберемъ мысленно все представленія и намеки, сложившіеся въ Ведахъ около именъ: Arvat и Aguscha, то разнообразныя мнѣя объ Эроть, которые съ перваго раза кажутся исполненными столькихъ противорѣчій, становится совершенно понятными. У Гесіода Эроть—древнѣйшій изъ боговъ, рожденный въ то время, когда существовали только Хаосъ и Земля. Не есть ли это ведійскій Аруна,—„рожденный въ началъ вѣхъ дней“? Онъ—младшій изъ боговъ, сынъ Зевса, любимецъ Харитъ, и въ то же время сынъ главной изъ нихъ, Афродиты, въ которой не трудно узнать женскаго Эрота (Uśchā вмѣсто Agni auschasya). Ключъ къ каждому изъ этихъ мнѣя можно подыскать въ Ведахъ. Тамъ онъ „дитя, сынъ Діауса“; онъ выражаетъ Харитъ, и оказывается, если не сыномъ *), то по крайней мѣрѣ „возлюбленнымъ Зари“. Кроме того, въ греческой миеологiи Эроть точно такъ же имѣетъ многихъ отцовъ и матерей; родители, которыхъ приписываетъ ему Сафо,—Небо и Земля, тождественны съ его ведійскими родителями: Діаусомъ и Прою (Jdā). Тѣмъ не менѣе Индія—не Греція, и, хотя мы можемъ прослѣдить корни и зародыши греческихъ словъ и представленій вплоть до ихъ первоначальнаго источника въ богатой миеаии почвъ Индіи, тѣмъ не менѣе полный расцвѣтъ аріѣскаго языка, аріѣскаго поэзи и миеологiи принадлежитъ Элладѣ, гдѣ Платонъ объяснилъ намъ значеніе Эрота, и гдѣ Софокль воспѣлъ его въ слѣдующихъ стихахъ:

Ἔρως ἀνίκητε μάχαν,
Ἔρως, ὅς ἐν κτήμασι πίπτεις
ἔς ἐν μαλακαῖς παρειαῖς
νεάνιδος ἐννουχέεις:
φοιτᾶς δ' ὑπερπόντιος, ἐν τ'
ἀγρονόμοις ἀλλαῖς.
καί σ' οὐτ' ἀθανάτων φόβητος οὐδαίς

*) См. Muhlth. Tyr XXIV. ἐπὶν Ἐρωτᾷ φησιν ἡ Διοτῆμα τῷ Σωκράτει οὐ παῖδα, ἀλλ' ἀκόλουθον τῆς Αφροδίτης καὶ θεράποντα εἶναι. См. Proller, Griech. Mythologie, p. 238.

οὐδὲ ἀμρ(ων ἐπ' ἀν-
θρώπων. ἔθ' ἔχων μέμνηεν. *)

Если открытіе общаго происхожденія языковъ греческаго и санскритскаго Гегель называетъ открытіемъ новаго міра, то тоже самое можно сказать относительно общаго происхожденія греческой и санскритской мнѳологіи. Открытіе совершилось, и наука сравнительной мнѳологіи скоро займетъ въ ряду наукъ не менѣе важное мѣсто, какъ и сравнительная филологія. Въ настоящемъ трудѣ я успѣлъ объяснить два, три мнѳа, но все они принадлежатъ одному небольшому циклу, и къ разобраннѣмъ мною мнѳологическимъ именамъ можно было бы прикнуть много другихъ, родственныхъ.

Интересующихся „гелогіей языка“ я могу отослать къ „Журналу сравнительнаго языковѣдѣнія“ (Zeitschrift für vergl. Sprachforschung), издаваемому въ Берлинѣ моимъ ученымъ другомъ, докторомъ Куномъ, который въ своемъ изданіи далъ мѣсто сравнительной мнѳологіи, совершенно основательно видя въ ней одинъ изъ составныхъ отдѣловъ сравнительной филологіи, и въ собственныхъ изслѣдованіяхъ указалъ нѣкоторыя черты паразитическаго сходства между сказаніями Ведъ и мнѳологическими именами другихъ арійскихъ племенъ. Самые „Иппокентавры, Химера, Горгоны, Пегасъ и другія чудовищныя созданія“ объяснились удовлетворительномъ образомъ. Не раздѣляя во многомъ взглядовъ д-ра Куна и въ особенности расходясь съ нимъ во всемъ, что касается стихійнаго значенія боговъ (которыхъ онъ, вмѣстѣ съ Лауэромъ, авторомъ „Системы греческой мнѳологіи“, ставитъ въ слишкомъ исключительную связь съ измѣнчивыми явленіями облаковъ, грозы и грома, тогда какъ, мнѣ кажется, ихъ первоначальнаго значенія почти всегда слѣдуетъ искать въ связи съ солнцемъ), я убѣжденъ однако, что какъ у Куна такъ и у Лауэра можно научиться весьма многому.

*) Эротъ непобѣдимый въ бою,
Эротъ побѣдитель богвства,
На нѣжныхъ ланитахъ дѣвнцы любишь покоиться чм,
Далеко за море идешь, въ пастушій вступаешь шавашъ.
Ни изъ вѣчныхъ боговъ, ни изъ смертныхъ людей,
Ни одинъ отъ тебя не бѣжитъ. (Антигона, 750, перев. С. Д. Шестакова).

Еще очень много, конечно, остается сдѣлать, и *многим* греческая мнѳологія никогда не будетъ уяснена и истолкована — даже при пособіи Вѳедъ. Но должно ли это останавливать изслѣдователя? Въ греческомъ языкѣ много словъ, этимологическаго смысла которыхъ мы не можемъ объяснить собѣ даже при помощи санскрита. Слѣдуетъ ли изъ этого, что весь греческій языкъ чуждъ этимологической организаціи? Открывая извѣстныя разумныя начала въ образованіи хотя незначительной части греческихъ словъ, мы имѣемъ право заключить, что начало, проявляющіяся въ одной долѣ, легли въ основу развитія цѣлаго языка. Изъ того, что мы не въ силахъ выяснить этимологическій корень каждаго слова, еще не слѣдуетъ, что весь языкъ не имѣлъ этимологическаго начала, или что этимологія занимается „прошедшимъ, которое никогда не было настоящимъ“. Я вполне допускаю, что позднѣйшіе Греки, каковы Гомеръ и Гесіодъ, не знали значенія (*λόγος*) своихъ мнѳовъ (*μῦθος*), но не болѣе было имъ извѣстно и настоящее начало (*τὸ ἔτιμον*) словъ ихъ роднаго языка. Что оказывается вѣрнымъ относительно этимологій, то не менѣе вѣрно и въ отношеніи мнѳологій. Сравнительная филологія доказала, что въ языкѣ нѣтъ ничего случайнаго, неправильнаго, и тѣ явленія въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, которыя прежде считались неправильными, теперь признаны за наиболѣе правильныя и первообразныя грамматическія формы. Такихъ же точно результатовъ, я увѣренъ, можно достигнуть въ области мнѳологій, и вмѣсто того чтобы выводить мнѳологію, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, ab ingenii humani imbecillitate et a dictionis egestate (т. е. изъ немощи человѣческаго разума и изъ скудости человѣческой рѣчи), можно, кажется, наоборотъ искать для нея болѣе вѣрнаго объясненія въ „ingenii humani sapientia et dictionis abundantia“ (т. е. въ силѣ человѣческаго разума и богатствѣ человѣческой рѣчи). Мнѳологія — ничто иное, какъ особая рѣчь, древнѣйшая оболочка языка. Мнѳологія, обращаясь главнымъ образомъ къ природѣ и изъ явленій природы преимущественно къ тѣмъ, которыя несутъ отпечатокъ закона, порядка, силы и мудрости, въ тоже время простиралась на все. Въ мнѳологій все находило свое мѣсто и выраженіе: и начала прав-

ственности, и философія, и исторія, и религія—словомъ, ничто не избѣжало обаянія этой древней цивилизціи. Но въ то же время не слѣдуетъ забывать, что мифологія сама по себѣ не есть—ни философія, ни исторія, ни религія, ни этика въ отдѣльности. Мифологія, если дозволено будетъ употребить схоластическій терминъ, есть *quale*, а не *quid*, *форма*, а не *содержаніе*, и подобно поэзіи, скульптурѣ, живописи, обнимаетъ все, что могло быть предметомъ удивленія или поклоненія въ древнемъ мѣрѣ.

II.

МАТЕРІЯЛЫ.

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ О Н. И. НОВИКОВѢ И ЧЛЕНАХЪ КОМПАНИИ ТИПОГРАФИЧЕСКОЙ.

Сообщены Д. И. Иловайскимъ.

Предисловіе.

Печальная катастрофа 1792 года, которая въ концѣ разрушила литературную дѣятельность Новикова и его ученыхъ друзей и потрясла въ самыхъ основаніяхъ книжную торговлю въ Москвѣ, до сихъ поръ извѣстна была только въ общихъ и блѣдныхъ чертахъ. Документы, сообщаемые Д. И. Иловайскимъ, проливаютъ на нее яркій свѣтъ. Перечитывая эти криминальные памятники недалекаго отъ насъ прошедшаго, видимъ, какими громадными предпріятіями двигалъ Новиковъ и его ученые друзья и какихъ ничтожныхъ интригъ со стороны Прозоровскаго достаточно было, чтобы разрушить ихъ мгновенно.

Императрица давно съ неудовольствіемъ смотрѣла на дѣятельность Новикова. Недобрые замыслы предполагала Она въ этомъ вліятельномъ членѣ таинственнаго масонскаго кружка. Въ декабрѣ 1785 года, Екатерина II, «въ разсужденіи, что изъ типографіи Новикова выходятъ многія странныя книги», повелѣла «испытать его въ законѣ нашемъ», книги, изданныя имъ, рассмотреть и наконецъ всѣ городскія школы и больницы отдать въ вѣдѣніе Приказа Общественнаго Призрѣнія. Въ исполненіе этихъ Высочайшихъ повелѣній тогдашній московскій гражданскій губернаторъ П. В. Лопухинъ представилъ Императрицѣ слѣдующее донесеніе: ¹⁾

Всемилоствѣйшая Государыня!

Два высочайшіе Вашего Императорскаго Величества указа отъ 23 дня генваря имѣлъ счастье получить: *первой* объ изъясненіи содер-

---

¹⁾ Въ Москвитинѣ 1842, № 3 это донесеніе напечатано было въ болшихъ пропускахъ. Мы помѣщаемъ его цѣлымъ.

жателю типографіи Новикову, что типографіи учреждены для заведенія книгъ, обществу полезныхъ и нужныхъ, а отнюдь не для того, дабы пособствовать изданію сочиненій, наполненныхъ новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ; а какъ изъ его Новикова типографіи вышло не малое количество такихъ книгъ, то чтобъ его допросить о причинахъ, побудившихъ къ изданію тѣхъ сочиненій и въ какомъ намѣреніи имъ то дѣлано было; *второй* о вѣденіи Приказу Общественнаго Призрѣнія всѣхъ школъ и больницъ, въ городѣ состоящихъ, исключая только тѣхъ, кои особыми привиллегіями или жалованными грамотами снабдены или повелѣніемъ Вашего Императорскаго Величества поручены особому правленію духовному или свѣтскому, и объ осмотрѣ заведенной въ Москвѣ больницы отъ составляющихъ скопище извѣстнаго новаго раскола, равно буде отъ онаго заведены какія школы, то объ освидѣтельствованіи оныхъ во всей подробности и о наблюденіи, чтобъ школы не иначе учреждаемы были, какъ подъ начальствомъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, и зѣли свое производство на основаніи общихъ законовъ, и чтобъ тутъ расколъ, праздность и обманъ не скрывался.

Вслѣдствіе сихъ вашего Императорскаго Величества высочайшихъ повелѣній содержатель Новиковъ чрезъ управу благочинія сысканъ и представленъ въ губернскае правленіе, гдѣ въ присутствіи, по изъясненіи ему, что типографіи учреждены для печатанія книгъ нужныхъ и полезныхъ, а не для того, чтобы пособствовать изданію сочиненій, наполненныхъ новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ, формально допрашиванъ: какъ изъ его типографіи вышло такихъ книгъ немалое число, то съ какими намѣреніемъ и по какимъ причинамъ оныя издавалъ? Который показалъ, что всѣ печатанныя книги въ его, Новикова, типографіи были представляемы имъ для разсмотрѣнія опредѣленнымъ отъ правительства цензорамъ, по дозволенію коихъ и печаталъ, и почиталъ въ разсужденіи ихъ одобренія полезными, и при печатаніи книгъ другаго никакого намѣренія не имѣлъ, кромя пріобрѣтенія прибыли. Для легчайшаго жъ усмотрѣнія его показаніевъ при семъ всеподданнѣйше подношу его Новикова подлинный допросъ.

Касательно жъ до заведенія больницы и школъ отъ составляющихъ скопище извѣстнаго новаго раскола, то на сіе всеподданнѣйше имѣю счастье донести, что онѣхъ совершенно теперь нѣтъ, а пользовались прежде въ домѣ содержателя Новикова находящіеся при его типографіи работники, постороннихъ же для пользованія никого принимасмо не было. Нынѣшняго жъ году генваря съ 1 дня взято имъ

для случающихся при типографіи большихъ работниковъ изъ Приказа Общественнаго призрѣнія четыре годовыя кровати, и съ того времени въ его домъ никто болѣе не пользуется, а ежели и сверхъ онаго числа случатся больные, то отсылаются въ публичныя больницы.

Школы жъ и пенсіоны всѣ, сколько ихъ въ городѣ имѣется, еще прежде сего вслѣдствіе полученнаго отъ Вашего Императорскаго Величества къ господину Главнокомандующему Высочайшаго повелѣнія, опредѣленными отъ Преосвященнаго Московскаго, отъ Университета и отъ Приказа Общественнаго Призрѣнія членами осматриваны и неспособныя къ обученію учителя всѣ исключены, закону жъ обучать въ оныхъ дозволено единственно только тѣмъ, кои отъ Преосвященнаго Московскаго къ тому удостоены.

Въ прошломъ 1782 году при открытіи въ Москвѣ, съ дозволенія бывшаго г. Главнокомандующаго, Дружескаго Общества положено было въ ономъ содержать на коштѣ того Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ по нѣскольку студентовъ, кои и содержалось до 30 человекъ и изъ нихъ каждому производилось въ годъ по 100 руб. и жили въ домѣ, принадлежащемъ профессору Шварцу, который надъ оными и надзиралъ. Присланы же были сіи обучающіеся по прошенію Общества отъ епархіальныхъ архіереевъ. Теперь же оныхъ осталось только 15 человекъ. А какъ содержатель Новиковъ и его товарищи въ содержаніи оной состоятъ почти всѣ и въ Дружескомъ Обществѣ, то мною посыланъ былъ Исправляющій должность Оберъ-Полиціймистра Полковникъ Толь для осмотра жилища сихъ содержащихся на коштѣ Общества, кои имъ распрашиваны и показали всѣ единогласно: что содержится они единственно на счетъ Общества, а обучаются въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и Академіи наукъ и богословіи, болѣе жъ нигдѣ и ничему не обучаются; на содержаніе жъ деньги получаютъ отъ Титулярнаго Советника, князя Енгальцева, который надъ ними и присмотръ имѣеть. Университета жъ Директоръ Господинъ Фонъ-Визинъ по призывѣ ко мнѣ объявилъ, что дѣйствительно оны воспитанники ходятъ обучаться въ Университетъ какъ по утру, такъ и по полудни, и что ему извѣстно, что отъ Общества Дружескаго препоручено имѣть смотрѣніе за оными профессору Университета Чеботареву. Впрочемъ сямъ осмѣливаюсь Ваше Императорское Величество удостовѣрить всеподданнѣйше, что въ Москвѣ теперь ни заведенныхъ школъ, кромѣ предуставленнымъ порядкомъ, ни больницъ кромѣ кизенныхъ, ниже какихъ непозволенныхъ законами собраній не состоитъ. Предая жъ все сіе на благоразсмотрѣніе Вашего Импе-

раторскаго Величества, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить на оное Вашего Высококомаршаго повелѣнія

Всемилоствѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ Петръ Лопухинъ.

Генваря 30 дня
1786 года.

Результатомъ этого осмотра было запрещеніе нѣсколькихъ масонскихъ книгъ.

Въ 1789 году долженъ былъ кончиться контрактъ Новикова съ Унивѣрситетомъ относительно арендованія имъ университетской типографіи. Императрица не хотѣла оставить послѣдней въ рукахъ «мартиниста, хуже Радищева» и 17 октября 1788 года дала Московскому Военному Генералъ-Губернатору Еропкину слѣдующее повелѣніе:

«Петръ Дмитріевичъ!

Подтвержаемъ и теперь прежнее Наше повелѣніе, чтобъ университетская типографія по истеченіи срока въ содержаніе Порутчику Новикову не была отдана, о чемъ Вы Кураторамъ Унивѣрситета Московскаго объявить. Пребываемъ впрочемъ Вамъ благосклонны.

Екатерина».

Дѣло 1792 года началось сомнѣніемъ, не была ли *Пращица* Питирія напечатана въ духовной типографіи и не имѣлось ли церковныхъ буквъ въ типографіи Новикова.

Сдѣлавши о томъ (22 апр. 1792 г.) запросъ начальнику Московской типографской конторы Петру Вас. Гурьеву, Московскій генералъ-губернаторъ князь А. А. Прозоровскій предписалъ въ то же время князю Жевахову изготovitся «близъ города Никитска взять подъ присмотръ одного нужнаго человека», а Московскому губернатору Петру Лопухину приказалъ предписать «освидѣтельствовать находящіяся здѣсь разныхъ хозяевъ книжныя лавки: имѣтъ ли въ оныхъ такихъ книгъ, кои въ силу Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія въ продажу производить запрещено». Почти во всѣхъ Московскихъ книжныхъ лавкахъ найдены были запрещенныя масонскія книги. Книгопродавческія связи Новикова обнимали всѣхъ московскихъ торговцевъ книгами какъ русскими, такъ и иностранными. Книгопродавецъ Переплетчиковъ съ 1789 г. торговалъ въ своей лавкѣ на Никольской получаемыми отъ Новикова книгами съ уступкою 20%; въ 1790 году Новиковъ взялъ его коммиссіонеромъ и посадилъ въ своей лавкѣ у Никольскихъ воротъ безъ вся-

каго письменнаго условія». Приказникъ Новикова Никита Кольчугинъ нѣлъ свою лавку въ Петербургъ, гдѣ торговалъ Василій Степановичъ Сопикозъ. Кромѣ того книгопродавцы Тимофей Полежаевъ, Никита Кольчугинъ, Матвей Глазуновъ и университетскій переплетчикъ Никита Водопьяновъ около 1785 года составили съ Новиковымъ условіе, чтобъ брать у него «всякой вновь выходящей, печатанной въ его типографіи книги по 50 экземпляровъ», старыхъ сколько пожелаютъ, съ уступкою ²⁰/₁₀₀ или ²⁰/₁₀₀. Но это условіе осталось безъ дѣйствія. Въ 1789 году Кольчугинъ взялъ у Новикова для продажи разныхъ книгъ 80,000 экземпляровъ. Торговавшіе иностранными книгами въ Москвѣ также находились въ сношеніяхъ съ Новиковымъ. Иностранная книги послѣдній выписывалъ чрезъ книгопродавца Бибера; товарищъ Бибера и управлявшій продажей его книгъ Утовъ (Uthof?) получалъ отъ Новикова для продажи книги и, хотя до начала свѣдствій уѣхалъ за границу, возвративши Новикову непроданныя книги, но Биберь все-таки былъ призванъ къ допросу.

Такимъ образомъ подъ свѣдствіе разомъ попали всѣ занимавшіеся книжною торговлею въ Москвѣ. «Утовъ, Биберь, переплетчикъ Занд-Марка, Переплетчиковъ, Полежаевъ и прочіе производили продажу книгъ отъ Новикова съ компаніею».

Самого Новикова держали въ его домѣ подъ крѣпкимъ карауломъ. Прозоровскій писалъ Жевахову: «Рецепты въ аптеку писать позволяйте доктору при себѣ, а по написаніи, взявъ оный подъ видомъ посылки въ аптеку, присылайте прежде въ мою канцелярію, а оттуда уже получая, отправлять оныя въ аптеку». Въ свидѣтельствовавшихся книжныхъ лавкахъ свѣдователи нашли книги запрещенныя ¹⁾ и книги, напечатанныя безъ указаго дозволенія ²⁾. Многія изъ книгъ

¹⁾ Сюда принадлежали: а) Избранная бібліотека; б) Избранная бібліотека для бѣдныхъ; в) *О заблужденіяхъ и истинѣ*; д) Хризостомъ; е) Карнавалная книжка; ф) Наука обращаться съ Богомъ; г) Правила христіанскаго воспитанія дѣтей; б) Толкованіе на одиннадцать утренихъ евангелій (книга, запрещенная писемнымъ указомъ 1788 года); и) Опытъ подвига въ благочестіи; к) Новая Киропедія; л) Мессія, поэма; м) Аполлогія в. в.; н) 3-я часть проповѣдей Минатія; о) Братскія уважанія; р) Образъ житія Енохова; q) Священная сатира на суету міра или эклисиастъ; r) Іоанна Арвдта о истинномъ христіанствѣ; s) Исслѣдованіе философическихъ проповѣдей; t) Седмидневный Евдомаденхаріонъ; u) Судьба религіи. Всего полныхъ и по частямъ 5569 экземпляровъ.

²⁾ Сюда отнесены были: 1) Изіотропіонъ или созерцаніе воли человѣческой съ волею божіею; 2) Священныя размышленія или бесѣды со Христомъ; 3) Священныя размышленія, ведущія къ исправленію христіанской жизни; 4) Наука благополучно умирать; 5) Разсужденіе о началѣ и концѣ и состояніи будущаго

показались слѣдователямъ подозрительными и отнесены въ число «напечатанныхъ безъ указаго дозволенія», по видимому, безъ всякой на то причины.

Конфисковавъ всѣ подозрительныя книги и запечатавъ книжныя лавки, Прозоровскій занялся разборомъ бумагъ, захваченныхъ въ деревнѣ Новикова, и результаты своихъ изслѣдованій постоянно сообщалъ Императрицѣ. По настоянію Прозоровскаго Новикова рѣшено было передать для дальнѣйшихъ допросовъ Шешковскому. Отправивши Новикова въ Шлиссельбургъ подъ сильными конвоємъ и съ мельчайшими предосторожностями, Прозоровскій немедленно донесъ о томъ Императрицѣ и прибавилъ: «Позвольте мнѣ, Всемилостивѣйшая Государыня, объяснить Вашему Императорскому Величеству, какъ нѣтъ ли иногда въ предыдущихъ моихъ всеподданническихъ донесеніяхъ описки о типографіяхъ Новикова или компаніи ихъ. Типографія въ 20 станахъ была учреждена въ бывшемъ домѣ графа Гендрикова, который купя, они сдѣлали великую пристройку да и прочія всѣ заведенія у нихъ были заведены въ томъ же домѣ и ложа, или по ихъ храмъ, тамъ же была. А Иванъ Лопухинъ, какъ изъ усердныхъ его компаньоновъ, имѣлъ небольшую въ особомъ домѣ типографію, какъ многія книги и означены печатью эной типографіи. А наконецъ онъ Лопухинъ присоединилъ свою типографію въ Гендрикова домъ къ

мира; 6) Надгробная размышленія; 7) Житіе св. Григорія Назіанзіана; 8) Бесѣды Василія Великаго; 9) Гарвода рдостныя мысли; 10) Драгоценная яеду капля изъ вашиа Христа; 11) Увѣщаніе въ христіанскому жизни препровожденію; 12) Филонъ Іудейскій о субботѣ; 13) Натура и благодать; 14) Христіанское правоученіе; 15) Блаженнаго Августина единоебѣдованіе души съ Богомъ; 16) Бесѣды избраннаго Іоанна Златоустаго; 17) Почерпнутыя мысли изъ Еккліаста; 18) Таинственное путешествіе въ островъ добродѣтели; 19) Райскіе цвѣты въ селѣи цвѣтинкахъ; 20) О дѣвствѣ св. Іоанна Златоустаго; 21) Бесѣды Макарія Египетскаго; 22) Вѣра, надежда, любовь. 23) Іоанна Масона познаніе самого себя; 24) Христіанская философія или руководство къ небесамъ; 25) Диоптра или мірозрительное зеркало; 26) Появляйся Трудолюбецъ; 27) Сочиненія Іоанна Буліана; 28) Драгоценная книжка о влутренней гордости; 29) Лучи мудрости въ тип. Гиппіуса; 30) Богословное ученіе о состояніи неповрежденнаго человѣка, т. Пононарера; 31) Ангела, индійская повесть, т. Поном.; 32) Путешествія Кировы; 33) Смерть и страданіе Іисуса Христа, въ т. Гиппіуса; 34) Посрамленный безбожникъ и натуралистъ, т. Гип.; 35) Христіанинъ—воинъ Христовъ; 36) Путь къ безсмертному сожитію ангеловъ т. Гиппіуса; 37) Привлеченія Теострика Іліебъ-розм, т. Поном.; 38) Плоды трудовъ Галлера; 39) Щитъ противу боязни и смерти; 40) Златая книжка о привлеченіи къ Богу; 41) Лактанція Фиріана божественныя вставленія; 42) Утѣшительныя разсужденія; 43) Домъ молчанія; 44) Іоанна Мельхиора Гецена; 45) Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ. Тула 1790 г.; 46) Собранныя полезныя цвѣты; 47) Свойства счастья; 48) Геройская добродѣтель или жизнь Сифа, 1781.

Новиковской или же къ компаніи. И такъ теперь существуетъ только одна, какъ вышеупомянулъ, въ бывшемъ домѣ гр. Гендринова, который домъ весь запечатанъ и подробно пересматриванъ и нѣсколько нужныхъ къ свѣдѣнью оттуда взято бумагъ..... и въ которомъ находится не малая библиотека. Типографія жъ работой остановлена впредъ до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, а только аптека оставлена свободной въ продажѣ медикаментовъ, которая имѣетъ хорошее учрежденіе, какъ аптекаръ у нихъ искусный въ дѣлѣ своемъ и сверхъ того надсматриваетъ надъ оной, докторъ, ими нанятый..... Съ симъ всеподданнѣйше представляю Вашему Императорскому Величеству знатную часть бумагъ, взятыхъ у Новикова въ деревнѣ и въ домѣ его, въ Москвѣ, что прежде былъ гр. Гендрикова: въ нихъ видно, что на генеральной конвенціи въ Вольфенбютелѣ, гдѣ и герцогъ Брауншвейгскій присутствовалъ, отъ всѣхъ ложъ орденъ тамплиеръ запрещается возобновлять, а здѣсь они 5-ю степень называютъ тамплиеръ». Съ слѣдующей реляціей Прозоровскій отправилъ Императрицѣ «нѣкоторые знаки ихъ секты» и прибавилъ въ заключеніе письми: «Прежде доносилъ я Вашему Величеству, что нашелъ только степени розовыхъ и золотыхъ крестовъ до 6-ти, а послѣ нашелъ, до 8 степени, которую въ бумагахъ отправленныхъ найти изволите, равно и экстрактъ изъ секретной инструкціи».

16 мая Прозоровскій просилъ митрополита Платона «назначить изъ духовныхъ чиновъ двухъ персонъ, ученіемъ и разумомъ извѣстныхъ», чтобы прочесть рукописныя сочиненія и переводы и «сдѣлать замѣчанія, въ чемъ они не согласуютъ православной вѣрѣ нашей или уставамъ церкви». Митрополитъ назначилъ Ректора Академіи Арх. Меовдія и протопопа церкви Трехъ Святителей Василія Прокопіева.

Въ августѣ Прозоровскій по желанію Шешковскаго, сдѣлалъ допросъ И. В. Лопухину, кн. Трубецкому и И. П. Тургеневу, за которымъ 11 августа отправленъ былъ въ Сибирскъ подпоручикъ Исясль. Въ томъ же мѣсяцѣ этимъ тремъ лицамъ объявлено было Высочайшее повелѣніе немедленно выѣхать изъ столицы и жить въ дальнихъ своихъ имѣніяхъ. 29 августа Прозоровскій донесъ Императрицѣ объ отъѣздѣ изъ Москвы кн. Трубецкаго и Тургенева и съ этимъ донесеніемъ препроводилъ къ Ней статью «изъ бумагъ барона Шрейдера подъ литерою А. о призванъ духовъ». Прозоровскій не упустилъ при этомъ случаѣ замѣтить, что люди, которые даютъ подобнымъ вещамъ «видъ вѣроятія» — «безумцы или мошенники».

Въ то же время дѣтельно разсматривались особыми цензорами, — Бранцевымъ и Геймомъ отъ Университета, и другими со стороны духо-

венства, книги во всѣхъ московскихъ книжныхъ лавкахъ. Прозоровскій далъ цензорамъ строгую инструкцію. Въ апрѣлѣ 1794 г. въ Гендриковскомъ домѣ была найдена новая палата съ книгами, которая при первомъ осмотрѣ не была отперта. Въ ордерѣ, данномъ по этому случаю цензорамъ, Прозоровскій говоритъ между прочимъ: «Но я при семъ случаѣ должою поставлю напомянуть вамъ цензуровать книги съ всеприлежнѣйшимъ вниманіемъ, какъ отъ каждаго требуетъ вѣрноподданнической долгъ. Изъ книгъ, вами непризнанныхъ за не позволенные, трагедія *Смерть Цесарева* весьма недостойна существовать». Въслѣдъ за тѣмъ Прозоровскій предписалъ Курбатову (23 апр. 1794 г.) «чтобы въ число вредныхъ книгъ отложили Вы книгу подъ названіемъ *Размышленія о дѣлахъ божіихъ* также и двѣ трагедіи подъ названіемъ: первая *Смерть Цесарева* и вторая *Юлій Цезарь*». Такъ подвергся уничтоженію одинъ изъ лучшихъ трудовъ Карамзина — переводъ Шекспировой трагедіи *Юлій Цезарь*.

Результатомъ осмотра книжной собственности Новикова было то, что изъ принадлежавшихъ ему книгъ 1964 книги отданы были въ Академію, 5194 въ Университетъ, 18,656 сожжены.

Донесеніемъ 24 августа Прозоровскій испрашивалъ соизволенія Императрицы «не отсылать книгопродавцевъ къ суду, а обязавъ ихъ подписками, зачтя въ штрафъ четырехъ-мѣсячное запечатаніе книгъ, оныя повелѣть распечатать и имъ позволить производить продажу». Но вскорѣ Прозоровскій приказалъ Московскому Городскому Магистрату «въ самой скорости сдѣлать надъ книгопродавцами рѣшеніе по законамъ». Въ Магистратѣ нашлось одно лицо, (младшій членъ оного Захаръ Горюшкинъ, впоследствии профессоръ Московскаго Университета), которое на основаніи дѣйствовавшихъ законовъ старалось доказать, что книгопродавцы за свою вину подлежатъ довольно легкому наказанію. Большинство членовъ Магистрата было другаго мнѣнія. Сдѣлавши строгій выговоръ смѣлому адвокату московскихъ книгопродавцовъ, Прозоровскій сталъ ожидать Высочайшаго рѣшенія по ихъ дѣлу. 27 октября 1795 года преемникъ Прозоровскаго Генералъ-Губернаторъ Измайловъ просилъ увѣдомить его о Высочайшей волѣ относительно виновныхъ. По случаю рожденія В. Кн. Николая Павловича имъ объявлено было помилованіе..... 11 ноября 1796 года императоръ Павелъ I повелѣлъ освободить Новикова изъ заключенія. Тургеневу, Лопухину, Трубецкому разрѣшенъ былъ вѣздъ въ столицу.

Новиковъ вышелъ изъ Шлюссельбургской крѣпости почти нищимъ. Долги его были неоплатны. На него со всѣхъ сторонъ посыпались взыскапія. Относящіяся къ этому дѣлу документы будутъ напечатаны въ слѣдующемъ томѣ «Лѣтописей».

Н. Тихонравовъ.

1.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Спѣшу Вашему Императорскому Величеству съ симъ нарочнымъ всеподданнѣйше донести, что Высочайшій Вашего Величества указъ отъ 13 сего апрѣля я удостоился получить 18 тогожь теченія къ вечеру; но исполненіемъ пріостановился для 21 числа, дня дражайшаго для насъ рожденія Вашего Императорскаго Величества. А между тѣмъ скромно старался я развѣдать, нѣтъ ли означенной въ указѣ Вашего Величества книги въ продажѣ въ Москвѣ, въ лавкахъ. И такъ я поручилъ одному довѣренному мнѣ челоуѣку изъ благородныхъ людей,—не сказывая однако болѣе, что я слышалъ, что продается будто какая-то книга о раскольникахъ,—чтобы онъ съѣздилъ посмотрѣть и купить для меня по лавкамъ, который купилъ мнѣ о раскольникахъ книжку церковной печати, и я оную здѣсь на усмотрѣніе Вашего Величества прилагаю; но сія есть другая. Однако я просилъ Оберъ-Прокурора Конторы св. Синода Гурьева, чтобы сказалъ мнѣ, въ Синодской ли Типографіи оная печатана; но еще отвѣтствія не получилъ. А тутъ-же оной купилъ изъ числа запрещенныхъ Вашимъ Величествомъ книгъ *Новая Киронедія*, почему и заключилъ я, что Новиковъ, опять вновь напечатавъ ихъ, выпустилъ; а прежніе въ Синодальной Конторѣ поставлены за печатью. А 21 числа, далъ наставленіе совѣтнику Уголовной Палаты Алсуфьеву, какъ надежнымъ я его почелъ ко исполненію сей комиссіи, а съ нимъ назначилъ людей надежныхъ же, губернскаго уголовныхъ дѣлъ страпчача Данилова и засѣдателя верхняго земскаго суда Писарева съ тѣмъ повелѣніемъ, чтобы по окончаніи осмотра и его, Николая Новикова, съ собою привезли ко мнѣ, которыя къ вечеру отправились въ деревню Новикова верстахъ въ 60 отъ Москвы въ Никитскомъ уѣздѣ.

На другой день, созвалъ къ себѣ оберъ-полицеймейстера и полицейместера, которымъ поручилъ прямо отъ меня ѣхать осмотрѣть близъ Сухаревой башни ихъ Типографію. Прокурору Колычеву съ однимъ частнымъ приставомъ Ивановымъ поручилъ осмотрѣть лавку и магазинъ книгъ евожь, Новикова, и въ евожь домѣ у Никольскихъ воротъ совѣтнику яв-

зенной палаты Буланину съ двумя частными приставами Семеновымъ и Пименовымъ осмотрѣть всѣ вольныя лавки книжныя, въ которыхъ во всѣхъ нашли всѣ запрещенныя Вашимъ Величествомъ книги; но только въ каталогахъ не означены, а скрытно продавались. Равно въ лавкѣ у Никольскихъ воротъ, тожъ въ магазинѣ и въ домѣ бывшемъ графа Гендрикова оныя найдены. Я лавки всѣ вообще запечаталъ и книгопродавцовъ взялъ подъ стражу и иныхъ допрашивалъ; они сперва не хотѣли сказывать, что брали у Новикова, а потомъ признались, а особливо прикащикъ Новикова, племянникъ умершаго Никиты Павлова и съ нѣкоторымъ достаткомъ, во всемъ чистосердечно признался и показалъ, что у нихъ сѣи книги есть еще на Гостинномъ дворѣ и за Москвою рѣкою, въ старомъ Монетномъ Кадашевскомъ дворѣ, что нынѣ суконная фабрика, гдѣ они всѣ и запечатаны. И по его показанію всѣхъ таковыхъ книгъ по ихъ цѣнѣ на 5000 рублей, но вновля они печатаны, онъ не знаетъ, какъ онъ третій только годъ у Новикова прикащикомъ при домѣ на Никольской улицѣ и отъ него ихъ получилъ изъ магазину Типографіи. Но, кажется, нѣтъ, Всемилостивѣйшая Государыня, сумнѣнья, чтобы они не были послѣ запечатанья вновъ тиснены, или тогда полиція худо осмотрѣ имъ здѣлала. Съ негожъ взято двѣ подписки во время главнокомандованія графа Брюса о другихъ еще книгахъ, которыя по указу Вашему Величества запечатаны и оставлены въ лавкѣ его въ коробахъ, которыя и теперь находятся: что впредь таковыхъ книгъ въ тисненье не давать и не торговать. Потомъ предметникъ мой Петръ Дмитриевичъ Еропкинъ подобную той взялъ росписку съ него, гдѣ подписались еще Гамалей и прочія члены, и объявленъ указъ Вашего Величества, что, впредь естъли противъ онаго поступить, лишается права имѣть Типографію. Въ исполненіе и то большыя книгопродавцы объявили, что они ихъ и по ярманкамъ возили продавать. Примѣчанья и сіе, Всемилостивѣйшая Государыня, достойно, что означенный прикащикъ Кольчугинъ объявилъ притомъ мнѣ, что онъ оставилъ расколъ и подалъ прошеніе здѣшнему митрополиту о приобщеніи его къ нашей церкви. Какъ же всѣ сѣи книгопродавцы подвергли себя по законамъ Вашего Величества жестокому наказанію и ссылкѣ,

а какъ ихъ будетъ болѣе десяти человѣкъ; для чего и удержался я ихъ отсылать къ суду, и велѣлъ подробно разобрать ихъ лавки и всѣ непозволенные книги отобрать. А не соизволители повелѣть, Всемилостивѣйшая Государыня, положить изъ милосердія какой-либо на нихъ штрафъ? А только будутъ содержаны до окончанія дѣла прикащикъ и сидѣльцы книжной лавки Новикова.

Вчера съ пополудни возвратился совѣтникъ Алсуфьевъ съ его товарищи и привезъ многія письма и не мало напечатанныхъ книгъ; но какъ тамъ ниже малой Типографіи не нашлось такъ и буквъ церковныхъ, такъ равно и въ Типографіи его въ Москвѣ таковыхъ буквъ не отыскалось. Бумагъ же доставлено ко мнѣ не мало и я все, Государыня, не имѣлъ время рассмотреть, и только что въ вечеру по поверхности ихъ разсматривалъ. И тутъ все масонскія бумаги и кажется, что секты *розенкрейцъ*. А его съ собой за тѣмъ не взялъ совѣтникъ Алсуфьевъ, что онъ его нашелъ нездоровымъ, а его неожиданнѣйшій пріѣздъ сдѣлалъ въ немъ великую революцію, а особливо какъ начали письма пересматривать, то онъ падалъ почти въ обморокъ отъ чрезвычайныхъ спазмовъ. При немъ есть докторъ Багрянскій, который отъ нихъ былъ въ чужихъ краяхъ и прошлаго году пріѣхалъ и коллегіей медицинскою признанъ докторомъ, и еще лѣкарь отставной отъ службы, то Алсуфьевъ поручилъ его городничему съ командой. Но какъ городничій не очень человѣкъ надежный, то я вчера съ вечера отправилъ туда маіора гусарскихъ ескадроновъ, князя Жевахова, офицера исправнаго и надежнаго, съ 12 гусарами, съ однимъ оберъ- и ундеръ-офицеромъ и капраломъ, который сего утра рано долженъ быть тамъ, приказалъ ему, какъ болѣзнь Новикова позволитъ, привезти его сюда. А тогда посажу его подъ карауломъ въ домъ его на Никольской, какъ сей домъ близъ самага подворья, гдѣ Тайная Экспедиція находится; да во ономъ домѣ и поставленъ уже караулъ при офицерѣ для стражи дому и книгъ. А въ видѣ томъ сію я сдѣлалъ, какъ ожидалъ прибытія Новикова. Но какъ несомнѣнно по бумагамъ масонскимъ должно будетъ быть слѣдствію не малому, то всеннижайше прошу Вашего Величества, чтобы всемилостивѣйше изволили прислать къ сему слѣдствію

въ помощники мнѣ тайнаго совѣтника Шешковскаго, какъ къ таковымъ производствомъ пріобыкшаго. Секретарь же Тайной Экспедиціи, хотя человекъ добрый и трудолюбивый, но не одаренъ натурой для таковыхъ изворотливыхъ слѣдствій, о чемъ и Шешковскій знаетъ. А я теперь осмѣлился къ разсмотрѣнію бумагъ присоединить къ себѣ губернатора Лопухина, ибо всѣ почти немалыя тетради, тожь и прочія исполненія по сей комисіи ему поручены.

Между прочимъ близъ Сухаревой башни въ домѣ Типографіи найдены двѣ бібліотеки въ довольномъ числѣ книгъ на разныхъ діалектахъ, въ числѣ которыхъ, сказываютъ, есть старинныхъ авторовъ: принадлежать оныя — одна умершему Шварцу, а другая Николаю Новикову или компаніи ихъ: то что со оными повелите, Всемилостивѣйшая Государыня, здѣлать? А права Типографіи они лишены быть должны, да и всѣ напечатанныя уже книги должно разобрать, на что требуется время немалое, и по отобраніи запрещенныхъ книгъ, что съ прочими повелите здѣлать? Компаніи съ сей отдать или какъ преступившихъ Высочайшія Вашего Величества повелѣнія конфисковать и съ публичнаго торгу продать въ пользу Приказу общественнаго призрѣнія? Женажь Шварцова съ дѣтьми находится въ домѣ Типографіи, гдѣ и полковникъ Гамалей и братъ Новикова жительство имѣють. На что все буду всеподданнѣйше ожидать Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа.

24 апрѣля 1792 года.

2.

Секретно.

Порутчикъ Николай Новиковъ, изъ Никитска сего апрѣля 25 числа доставленный, въ домѣ главнокомандующаго о нислѣдующемъ показалъ.

Вопросъ. Какъ помянутый Новиковъ по общему объ немъ свѣдѣнію есть человекъ, не стяжавшій никакого имѣнія ни порожденію его, ни по наслѣдству, ниже другими извѣстными и законными средствами; а нынѣ почитается въ числѣ весьма достаточныхъ людей, инакчеже знатыми зданіями и заведеніями; то откуда онъ и какимъ образомъ все то пріобрѣлъ?

Отвѣтъ. Сначала когда принялъ Университетскую Типографію, было еще у него обще съ братомъ наследственнаго послѣ отца имѣнія въ Мещовскомъ уѣздѣ двѣсти пятьдесятъ душъ, которую продали Тютчеву за осмнадцать или за двадцать тысячъ, не упоминуть, которыя на принатіе Университетской Типографіи обращены. Отъ Типографіи получалъ первые годы доходъ онъ одинъ и черезъ четыре или пять лѣтъ имѣлъ онъ въ книгахъ капиталу до полутора ста тысячъ рублей. Вторыя онъ пять лѣтъ содержалъ съ компанією, которою принято книгъ на восемьдесятъ тысячъ за заплатою его долговъ изъ числа вышеписанной суммы.

Компанія состоитъ изъ 14 членовъ:

1. Князь Юрей Никитичъ
  2. Князь Николай Никитичъ } Трубецкіе.
- положили капиталъ около 10,000 рублей.
3. Князь Алексѣй Александровичъ Черкасской — поминтся, 5 или 6 тысячъ положили;
  4. Иванъ Петровичъ Тургеневъ положилъ 5 тысячъ;
  5. Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ далъ 3 тысячъ;
  6. Баронъ Шрейдеръ Прусской націи служилъ въ лейбъ-гренадерскомъ полку порутчикомъ, а теперь въ чужихъ краяхъ — положилъ 3500 рублей.
  7. Василей Васильевичъ Чулковъ — 5 тысячъ.
  8. Семенъ Ивиповичъ Гамалея — безъ капиталу.
  9. Князь Енгальчевъ — безъ капиталу.
  10. Алексѣй Ѳедоровичъ Ладыженской положилъ 5 тысячъ рублей.
  11. Петръ } Володимеровичи Лопухины больше всѣхъ положили
  12. Иванъ } жли въ капиталъ, около 20 тысячъ.
  13. Братъ Новикова.
  14. Онъ Новиковъ.

Упомянуто выше, что книгъ на 80 тысячъ отъ обонхъ.

На сей капиталъ съ получаемою на оный прибылью и съ кредитомъ построили строеніе и протчія завели заведенія.

Со ста двадцати душъ получаемый доходъ и занятыя дватцать тысячъ употребилъ онъ на строеніе въ деревнѣ, имѣя въ своихъ дачахъ камень, лѣсъ и другой матеріалъ; деревня была заложена въ Воспитательный домъ, а потомъ выкупилъ

прошлаго года занявши у Походяшина безъ процентовъ и безъ закладу и безъ всякаго обязательства 50,000; Походяшинъ же ему знакомъ, но ничѣмъ обязаиъ не былъ.

На Компаніи состоитъ долгу разнымъ людямъ, которымъ и долговья обязательства нѣсколько лѣтъ переписываются, болѣе 300,000 рублей; часть долгу подъ закладъ имѣнія Черкаскаго, Кутузова, стапятидесяти душъ и оба дома, общей одинъ въ Воспитательномъ домѣ, а другой въ партикулярныхъ рукахъ, а протчіи долги по векселямъ.

Имѣііе все Компаніи состоитъ въ тѣхъ домахъ и книгахъ, а денегъ очень немного въ оборотѣ. Домъ, Типографія, аптека стали Компаніи около полутора ста тысячъ. А въ деревнѣ его строеніе стоитъ одного денежнаго платежа, тысячъ дватцать или двадцати пяти; домъ на Никольской прежде принадлежалъ ему, а теперь Компаніи; оный стоилъ съ передѣлкою тысячъ тридцать.

Вопросъ. Найдены мною въ лавкахъ вашихъ и въ другихъ мѣстахъзапрещенныя Ея Императорскимъ Величествомъ книги. Для чего вы продавали оныя въ противность Высочайшаго указа за данными вами подписками?

На что отвѣчалъ:

Что онъ тѣ книги изъ прежде напечатанныхъ отдалъ съ прочими книгами, прикащику своему Московскому купцу Колчугину съ тѣмъ, чтобы оныя продавать, въ чемъ и признаетъ свою вину.

Вопросъ. Какой предметъ былъ печатать книги, большою частію толкующія священное писаніе, которыя по Высочайшему указу печатать должно отъ Синода; а во оныхъ много противнаго богословіи толкуется: то съ какимя памѣреніемъ книги сіи издавали? какъ и вновь переведенныя найдены книги всѣ духовныя?

Сначала печатали книги разныя, а послѣ примѣтя, что духовныя болѣе выходятъ, начали ихъ больше и печатать; а впротчемъ, когда онъ былъ содержатель Университетской Типографіи, тогда духовныя цензуровали; когда же заведены вольныя Типографіи, тогда духовныя чины не стали принимать цензуровать, а онъ отдавалъ оберъ-полиціймейстеру и

университетскому цензору; прежде же цензоры не имѣли въ подписываніи на книгахъ нынѣшней формы, а отмѣчали только въ началѣ книги, что печатать дозволяется.

Къ сему показанію Порутчикъ Николай Ивановъ сынъ Новиковъ руку приложилъ.

3.

Секретно.

Всемиловѣйшая Государыня!

Послѣ отправленія моего 24 сего апрѣля всеподданическаго къ Вашему Императорскому Величеству донесенія, посланнымъ отъ меня майоромъ княземъ Жеваховымъ Новиковъ вчера въ вечеру ко мнѣ доставленъ, и я его вопрошалъ въ силу Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа, гдѣ онъ приобрѣлъ имѣнія, а къ тому открывшіяся обстоятельства. И мучась съ нимъ болѣе трехъ часовъ, не могъ больше добиться, какъ что изъ прилагаемаго здѣсь въ копіи его допроса увидѣть соизволите. Таковаго коварнаго и лукаваго человѣка я, Всемиловѣйшая Государыня, мало видаю; а къ тому же человѣкъ натуры острой, догадливой и характеръ смѣлой и дерзкой: хотя видно, что онъ робѣетъ, но не замѣшивается; весь его предметъ только въ томъ, чтобъ закрыть его преступленія. И съ великимъ трудомъ довести я его могъ, что онъ признался, что запрещенныя книги продавать велѣлъ и то тогда, когда я для улики прикащика его привести хотѣлъ: притворяется такъ, что прежде посланный совѣтникъ Алсуфьевъ съ товарищи увѣрились, что онъ опасенъ въ жизни, и онъ просилъ ихъ, чтобъ его исповѣдать и причастить. Но на сіе Алсуфьевъ не согласился. А майоръ Жеваховъ сказываетъ, что все падалъ въ обмороки, а у меня при распросѣ началъ такъ притворяться, что онъ будто въ изнеможеніе приходитъ. Но я ему сказалъ, что сіе излишне: хотя онъ можетъ нездоровъ, но не такъ слабъ, а позволилъ ему състь и сказывать отвѣты свои секретарю. И я признаться долженъ предъ Вашимъ Величествомъ, что я одинъ его открыть не могу: надо съ нимъ сидѣть по цѣлому дню, а то онъ шепчетъ, слово скажетъ, другаго искать будетъ. Я и по масонству его который читалъ бумаги, спрашивалъ, но онъ все от-

вѣчалъ такъ, что недостойно и писать, то есть въ генеральномъ словѣ: все хочеть закрыть. То осмѣлюсь сказать, Всемилостивѣйшая Государыня, что кромѣ Тайнаго Совѣтника Шенковскаго правды изъ него ничего не свѣдаешь, да и ему падо довольно потрудиться. Севодни въ вечеру еще его въ поподиеніе допрашивать буду. Съ нимъ пріѣхалъ докторъ, о которомъ я Вашему Величеству упоминалъ въ предыдущемъ донесеніи. А такъ какъ онъ боленъ или притворяется, посадилъ и съ докторомъ подъ стражу въ домъ его и маіора князя Жевахова приставилъ главнымъ смотрителемъ. Да и паче потому въ Тайную Экспедицію не послалъ, что Ваше Величество въ Высочайшемъ указѣ повелѣтъ изволили: еслии откроются буквы, то взять его подъ присмотръ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всенодданѣйшій князь Александръ Прозоровской.

26 апреля
1792 г.

4.

Московскій купецъ 2-й гильдіи Никита Никифоровъ сынъ Кольчугинъ, прикащикъ Новикова, торгующій въ книжной лавкѣ въ домѣ Новикова, состоящемъ за Никольскими воротами, допросомъ показалъ: Что онъ находится въ числѣ старообрядцовъ; а нынѣ подавъ здѣшнему митрополиту просьбу, чтобъ его присоединить къ православной церкви россійской. Прежде онъ имѣлъ торгъ въ москотильномъ ряду, а потомъ тотъ торгъ, яко малоприбыточный, перемѣня, производилъ уже торгъ книгами, получая оныя изъ Санктпетербургской Академіи наукъ и изъ типографіи Новикова за деньги и на кредитъ. Для чего и имѣлъ здѣсь три лавки на Никольской улицѣ: въ одной самъ сидѣлъ и торгъ производилъ до 790 года, въ другихъ двухъ лавкахъ сидѣльцы. А какъ посредствомъ сего торгоу познакомился онъ съ Новиковымъ и, получа отъ него разныя выгоды, перешелъ къ нему въ домъ въ прикащички, а въ своей лавкѣ оставилъ сидѣльцовъ. Припавши прикащичью должность и взявъ въ свое вѣдомство книжныя лавки и книжной магазинъ, принималъ отъ Новикова книги въ продажу

изъего типографіи, что въ домѣ, бывшемъ гр. Гендрикова, въ числѣ которомъ и запрещенныя книги отданы были ему въ продажу. Отдаваныжь оныя ему были отъ прикащиковъ, тамо находящихся, по повелѣнію Новикова, въ чемъ онъ и росписку представилъ, данную ему отъ прикащика его Алимпія Иванова сына Панина, котораго онъ и продавалъ, а въ публичный каталогъ ихъ не вносилъ, для того, что онѣ были запрещенныя; а между прочимъ и во всѣ лавки сіи книги отпускалъ онъ торгующимъ за деньги и на кредитъ. А сколько числомъ оныхъ, не упомянуть, а по собраніи тѣхъ книгъ можетъ онъ узнать и о ихъ количествѣ. И признавая вину свою предъ Ея Императорскимъ Величествомъ въ томъ проступкѣ, откровенно объявилъ, что всѣ книги запрещенныя хранились кромѣ магазенна на Соляномъ дворѣ и въ Кадашевскомъ домѣ, гдѣ суконная фабрика, а всѣхъ запрещенныхъ книгъ въ пріемѣ у него было 3598; изъ лавкижь и изъ магазенна продано оныхъ, какъ примѣрно онъ считаетъ, третья часть; а всякаго званія книгъ распродавано было въ годъ, какъ онъ считаетъ, тысячь на 25 и болѣе; ежели на 25,000 продано, то, считаетъ онъ, было барыша 15,000. А по возвышенію продажи и барышъ соразмѣрно пріумножался. Въ разсужденіи долгу на бывшей Компаніи, котораго простирается за 300,000 р., не считаетъ онъ, чтобы книгопродажею было великое имъ подкрѣпленіе, какъ натурально, что они и за долги платятъ проценты. И сія Компанія была уже въ самомъ, такъ сказать, разстроеномъ положеніи; но нынѣ заводчикъ Походяшинъ, распродавъ свой заводъ, положилъ, какъ онъ слышалъ, до 300000 своихъ денегъ. Изъ прежней же Компаніи кто сколько клалъ въ капиталъ, онымъ даны векселя къ возврату имъ положенной суммы, и такъ оныя нынѣ въ заведеніи семъ не участвуютъ, а принадлежитъ все оное, какъ и оба дома, бывший гр. Гендрикова и другой, что на Никольской, Новикову и Походяшину. А каковъ уже между ними былъ расчетъ въ книгахъ, того онъ подробно не знаетъ. Походяшинъ же побужденъ употреблять на все сіе свое имѣніе, яко онъ находится въ числѣ ихъ братства, и теперь живетъ въ Москвѣ. Его члены сей шайки не выпускаютъ почти изъ виду и обираютъ, сколько возможность позволяетъ. Хотя утвердительно

онъ сказать не можетъ, но однакожь не считаетъ, чтобъ запрещенныя книги были печатаны вновь послѣ запретительнаго Ея Императорскаго Величества указа; но они при осмотрѣ были скрыты, такъ какъ и нынѣ Новиковъ велѣлъ ему содержать ихъ въ разныхъ мѣстахъ для того единственно, что еслии впредь будетъ осмотръ, то чтобы они опять могли быть сохранены: то онъ ихъ и положилъ, какъ выше значить, на Солянскомъ дворѣ и на Кадашевскомъ дворѣ. Впрочемъ извѣстно ему, что и въ недавномъ времени были печатаны книги такогоя содержанія духовнаго и ихъ ордена, но какія именно, онъ не знаетъ. А сверхъ того Лѣтописецъ Димитрія Ростовскаго позволено было отъ правительства распродать, но впредь не печатать; однакожь они опять ее начали издавно печатать. Притомъ утверждаетъ онъ, что полковникъ Гамалѣй, хотя тамъ и живетъ, но онъ непосредственно тѣмъ не управляетъ заведеніемъ, а управляетъ ассесоръ Анничковъ и батырщикъ Ильинскій, аптекоюжь управляетъ живущій тамъ докторъ Френкель. Онъ же Кольчугинъ, примѣчая ихъ непопозволенные обороты, хотѣлъ отойти отъ нихъ и болѣе года просилъ, чтобы съ нимъ разошлись и оставался единственно, что не сдѣлали съ нимъ расчету до сего времени. И въ семъ допросѣ показалъ самую сущую правду, какъ долгъ сущаго христіанина и вѣрноподаннаго Ея Императорскаго Величества обязываетъ.

5.

Наборщикъ Степанъ Ильинской показалъ:

1. Назадъ тому два года печатана была книга Метафизика въ 3-хъ частяхъ, которой напечатано триста экземпляровъ и хранится она нынѣ у типографика Салькова въ домѣ Гендриковскомъ.

2. Моральной Катехизисъ печатанъ въ нынѣшнемъ году, а отданъ былъ въ типографію Иваномъ Владимировичемъ Лопухинимъ, и хотя онъ, Ильинской, отговаривался отъ печатанія, но Лопухинъ сказалъ ему, что онъ долженъ печатать, что велѣтъ; а притомъ далъ ему, противъ прочихъ печатаемыхъ книгъ, большую плату, и обѣщалъ исходатайствовать

офицерской чинъ, почему имъ той книги и отпечатано двѣсти экземпляровъ, которые и взяты имъ Лопухинимъ; и гдѣ онъ ихъ дѣвалъ, не знаетъ.

3. На Французскомъ языкѣ книга *Оритія* дана въ печать Новиковымъ и по отговоркѣ его, Ильинскаго, отъ печатанія оной Новиковъ платилъ ему за каждой листъ по два рубли; при печатаніи же, какъ онъ французскаго языка не знаетъ, корректуру правилъ находящійся въ домѣ Новикова докторъ Багрянской.

4. Назадъ тому года четыре печатана *Христіанская ручная книжка* 1-я часть. Гдѣжь оная находится, или отдана въ продажу,—не знаетъ. Сверхъ того сказывалъ ему, Ильинскому, наборщикъ Серебренничкой, что назадъ тому года два печатаема была имъ книга *Посланіе Пякова* и говорилъ, что очень хороша; однако онъ, Ильинской, ея не читалъ и, гдѣ оная находится, не знаетъ; а, какъ тогда типографщикомъ былъ Сальковъ, то онъ болѣе о семъ извѣстенъ.

Болѣе жъ онъ, Ильинской, о книгахъ ничего не знаетъ.

6.

Дополненіе къ допросу Новикова.

По показанію вашему Компания собрала деньгами 57,500 рублей; вашъ же капиталъ съ братомъ 80,000 р. былъ въ книгахъ; а заведенія ваши по показанію вашему стоятъ 180,000 рублей. Хотя сію сумму положили въ невелику, однакожь и тутъ превосходитъ оная капиталъ 122,500 рублями. Но отсылаете вы сіе на доли ваши слишкомъ 300,000 рублей. Положите 320,000 рублей; со оныхъ полагая по 6 процентовъ, сочиняетъ въ годъ заплаты 19,200 руб. Сверхъ того при ономъ заведеніи потребно на содержаніе смотрителей и работниковъ, тожь на заготовленіе матеріаловъ, слѣдственно примѣрно плататъ должно, что вы годовую доходу должны имѣть 40,000 рублей, а судя по множеству въ магазенихъ книгъ и давно напечатанныхъ расходъ оныхъ великъ быть не долженъ, а аптека развѣ одна вамъ приноситъ доходъ? То сей пунктъ объясните.

Къ 1 пункту. Во объясненіе сего пункта, по причинѣ кажущагося малымъ капитала нашего къ производству заведеній, нами учиненныхъ, нижайше представляю слѣдующее: 1) Что домъ Никольской купленъ мною уже былъ прежде составленія компаніи, по покупкѣ же заложенъ былъ мною же, а равно и перестроенъ; въ компанію же вступилъ готовый и она на него капитала не употребляла. 2) Что расходъ на учиненныя заведенія употребленъ былъ нами не вдругъ, но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, да и то по частямъ; а потому и была удобность къ оборотамъ и производству всего дѣла. 4) Вступившія отъ меня въ капиталъ компаніи книги, хотя и не составили тотчасъ капитала денежнаго; но однако и служили они великимъ пособіемъ въ производствѣ дѣла, потому что они отданы мною въ компанію не по продажной цѣнѣ, но за 25 коп. рубль; слѣдовательно и выручка денежная была не малая. 4) Наличныя деньги, приходившія вдругъ и по большей части прежде употребленія расхода вступившія, были великимъ пособіемъ къ производству дѣла. Они суть слѣдующія: 1) за московскія вѣдомости и журналы, при нихъ издаваемыя, вступали всѣ съ начала года; 2) за напечатаніе разныхъ извѣстій при газетахъ; 3) за печатаніе постороннихъ книгъ, какъ то на щетъ кабинета Ея Императорскаго Величества, такъ и разныхъ партикулярныхъ людей, которыхъ бывало печатано у насъ много, и за которыя по напечатаніи тотчасъ получали всю сумму съ великою выгодой; 4) за печатаніе разныхъ особыхъ объявленій при газетахъ, также разныхъ же особыхъ мѣлкихъ піесъ, какъ то: объявленій театральныхъ, маскерадныхъ и другихъ, векселей для купеческихъ канторъ, нитейныхъ контрактовъ, ярлыковъ, билетовъ и протчихъ мѣлкихъ извѣстій, которыя всѣ по причинѣ ихъ множества и малаго расхода въ матеріалахъ на нихъ употребляемаго, приносили прибыли весьма много; а такихъ напечатаній весьма бывало много въ нашей типографіи, по причинѣ довѣренности публики къ исправному, хорошему, наипаче же къ отменно скорому исполненію поручаемыхъ намъ работъ. Такъ что можно сказать завѣрное, что нѣтъ-льбо лѣтъ типографія наша была почти единственною въ цѣломъ государствѣ для большей части типографскихъ работъ

изъ присутственныхъ мѣстъ и партикулярныхъ людей; и по такому то умноженію работъ и типографія наша по временамъ увеличивалась и дошла до совершенства, въ какомъ она прежде не была. 5) Книги, печатанныя нами по сускрипціи, доставляли знатныя наличныя суммы денегъ и коихъ у насъ ежегодно бывало много; 6) Продажа собственныхъ нашихъ книгъ, наипаче школьныхъ и учебныхъ, бывшихъ нѣскольکو лѣтъ почти во всеобщемъ употребленіи, доставляла немалыя суммы; а наипаче по дѣланной нами уступкѣ и отдаванію въ сроки.

5) Сверхъ всего донесеннаго и слѣдующее дѣлало намъ немалыя выгоды и доставляло способность въ оборотахъ: 1) промѣнъ собственныхъ нашихъ книгъ на книги другихъ типографій; 2) платежи нашими книгами кредиторамъ, вмѣсто наличныхъ денегъ, за братья нами разныя матеріалы.

6) Что же касается до многоаго числа книгъ, въ магазинѣ лежащихъ, то осмѣлюсь представить, что мы ходячихъ и надежныхъ книгъ печатали по многу и по нѣскольکو разъ; для примѣра донесу объ одной: *юридической словарь* печатали, ежели не ошибусь, три или четыре раза, и помнится тысячи по три экземплярровъ.

7) Годовыя доходы отъ всего донесеннаго, хотя были неравны, но кажется мнѣ, сколько могу упомянуть, что гораздо превышали сумму 40,000 руб., а въ нѣкоторыя годы едвали не возвышались и слишкомъ въ двое.

8) Долги наши возрастали не вдругъ, но по нуждѣ и временамъ.

9) Что касается до аптекарскихъ доходовъ, то объ нихъ ничего сказать не могу, сколько они приносили выгоды для того, что аптека поручена въ особое смотрѣніе и о сихъ счетахъ весьма недостаточное имѣлъ свѣдѣніе, потому что по причинѣ ежегодныхъ моихъ, уже нѣскольکو лѣтъ, продолжительныхъ болѣзней, не могъ я входить въ разсмотрѣніе сихъ счетовъ.

Показали вы мнѣ, что духовныя книги печатаны прежде Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа 786 года, а послѣ будто не печатали; но у васъ найдены въ деревнѣ въ противность тою указа напечатанныя многія книги,

которымъ здѣсь реестръ прилагается; ¹⁾ а годъ изъ тисленія не означенъ: то для чего изъ печатали? по вашему ли повелѣнію или друиныхъ директоровъ вашей типографіи и на какой концъ оныя въ деревню къ вамъ привезены были? Въ 2 пунктѣ. Всенижайше доношу:

1) Реестръ книгавъ, взятыхъ безъ переплету изъ деревни Г-на Новикова: 1) *Магазинъ свободно-каменщической*, содержащій въ себѣ рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ, пѣсли, письма, разговоры и другія ризныя краткія писанія стихами и прозою. Москва, 1784 въ типографіи Лопухина съ указаго дозволенія; 2) *Волыкокаменщическія рѣчи*, говоренныя въ собраніяхъ златаго розоваго креста древніа системы; 3) *Преложеніе соборнаго посланія св. апостола Іакова*; 4) *Духовный путевказатель*, служащій къ отвлеченію души отъ чувственныхъ вещей и къ приведенію ея внутреннимъ путемъ къ совершенному созерцанію и ко внутреннему миру. Часть I. Москва. Въ тип. Лопухина съ указаго дозволенія. 1784. 5) *Колыбель камня мудрыхъ*, описывающа неизвѣстнымъ шевазе на французскоу языкъ, а на нѣмецкій переведена І. А. М. С. Москва. Въ той же типографіи 1783; 6) *Избранная библіотека часть II*, изданіе второе, или новое начертаніе истинныа теологіи, въ которой ученіе спасенія въ новомъ свѣтѣ представлено ко славъ Бога и ко всеобщему назиданію съ письмомъ, приписаннымъ всѣмъ челоуѣкамъ; 7) *Начертаніе всеобщаго правоеъ исправленія чрезъ совидѣніе всѣхъ вѣрующихъ съ письмомъ посвященнымъ всѣмъ владыкамъ*, теологическое и нравственное исправленіе часть 2-я; 8) *Избранная библіотека часть I*, нѣсколько сочиненій о тріединствѣ божіи и о примиреніи; 9) *Собраніе ризныхъ пѣсней, ко умилению души служащихъ*. Часть I. Москва. Въ тип. П. Лопухина съ указаго дозволенія. 1785; 10) *Тайна творенія по видимымъ и невидимымъ чудесамъ его*; 11) *Новое химическое свѣтило, изъ источника природы и ручнаго опыта почерпнутое съ присовокупленіемъ философской притчи и разговора между алхимистовъ, Меркуріемъ и Натурою*. Сочиненіе Михаила Седливогіа. Москва. Въ т. П. Лопухина съ указаго дозволенія 1785; 12) *Магическій брагоцѣнный камень*; 13) *Часть первая О рожденіи и рожденіи натуральныхъ вещей*; 14) *Духъ масонства*, нравоучительныа и истолковательныа рѣчи Вильгельма Гучивсона; 15) *Соборное посланіе Св. ап. Іакова съ толкованіемъ и призываніемъ относительно ко внутренней жизни*; 16) *Таинство креста Іуза Христа и членоеъ его*. 17) *Простосердечное наставленіе о молитвѣ*; 18) *Шестидневныхъ дней сего міра тайное значеніе*; 19) *Іоанна Арндта О истинномъ христіанствѣ, шесть книгъ съ присовокупленіемъ Райскаго Вертограда*, переводъ съ нѣмецкаго. Часть I. Печатаны въ Москвѣ въ вольной типографіи П. Лопухина съ указаго дозволенія 1784; 20) *Библейскій и эблѣматическій словарь*; 21) *Должности братьевъ З. р. к. древніа системы*, говоренныа Хризостроповъ въ собраніяхъ юпіоратскихъ, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ рѣчей другихъ братьевъ. Москва. У Лопухина, съ указаго дозволенія, 1784; 22) *Преложеніе псалмовъ Св. пр. и царя Давида*, по нѣмецкому переводу, 1785 г; 23) *Темный міръ*, книга первая; безъ начала съ 81 листа до 176, конца также нѣтъ.

1) Книги, означенныя въ реестръ, сколько могу упомянуть, печатаны всѣ до состоянія Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа въ 1786 годѣ.

2) У которыхъ годъ ихъ тисненія не поставленъ, тѣ еще не совсѣмъ были допечатаны; а нѣкоторыя еще и въ половинѣ останавлены;

3) Печатаны были сіи книги по согласію всѣхъ членовъ, имѣвшихъ вліяніе въ дѣла; а въ которой типографіи именно которая книга печатана, не упомяну.

4) Всѣхъ сихъ книгъ печатано было по малу: въ продажѣ никогда не было изъ нихъ ни одного экземпляра; но только весьма малое число сихъ книгъ разошлось между собою.

5) Почувствовавъ Монаршій гнѣвъ Ея Императорскаго Величества, убоялись мы, и отъ страха свезены они были въ деревню, дабы сокрыть ихъ.

6) Совсѣмъ не было намѣренія ни у одного изъ насъ когда нибудь выпускать сіи книги въ публику; но печатали единственно съ тѣмъ, чтобы хранить у себя и давать оныя только тѣмъ изъ масоновъ, которые имѣли бы склонность къ познаніямъ сего рода.

Вообще же при намѣреніи печатать сіи книги, не было у насъ никакого злаго намѣренія, даже пималѣйше худаго; но единственно почитая ихъ полезными для собственнаго нравственнаго противъ вольнодумства исправленія и употребленія тѣхъ изъ масоновъ, которые иностранныхъ языковъ не знаютъ.

Не дѣлая въ сокрытіи сихъ книгъ нималѣйшаго извиненія или оправданія, яко виновный, повергаю себя къ священнымъ Ея Императорскаго Величества стопамъ, испрашивая Монаршаго Ея Императорскаго Величества милосердія.

Книги запрещенныя вы продавать съ прочими позволили прикащику вашему, въ чемъ уже и извиненіе предъ Ея Императорскимъ Величествомъ приносите; а только увѣряете, что вы послѣ указа Ея Величества ихъ вновь не печатали, то какъ же вы могли такое великое число сокрыть? Объясните въ точности: слабостію ли это было осмотрщиковъ или вашею тонкостію? и кто вамъ въ семъ непристойномъ изворотѣ были сообщники?

Къ 3 пункту. Всеннижайше допущу:

1) Изъ сихъ книгъ: 1) Хризомандерь, 2) Карманная книжка, 3) Апологія, 4) Братскія увѣщанія, 5) Крата Репоя, 6) Химическая псалтырь, 7) о древнихъ мистеріяхъ и ежели еще есть не помню, конфискованныя въ первый разъ, а въ которомъ годѣ не упомяну же, были осматриваны и отобраны только въ университетской книжной лавкѣ; и которыя переписаны, покладены и запечатаны печатью Московской Управы Благочинія и отданы подъ мое сохраненіе, которыя и нынѣ въ томъ коробѣ находятся должны въ лавкѣ. По всѣмъ же другимъ лавкамъ купцовъ, торгующихъ книгами какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ, сіи книги отбираемы не были. Даже и въ нашемъ магазинѣ осмотру не было; а потому нѣкоторыхъ изъ сихъ книгъ и осталось помногу. Сіи оставшія книги отданы были купцу Кольчугину на сохраненіе и лежали у него очень долго, гдѣ не вѣдаю, безъ всякаго употребленія, не производясь въ продажу. Но послѣ, когда въ другихъ, не нашихъ, лавкахъ сіи книги продолжаемы были продажею, то по слабости и необмысленности по прозьбѣ торгующихъ позволилъ и я съ прочими книгами: у насъ же въ лавкѣ сіи книги продавать отъ меня запрещено было.

2) Чѣмъ же касается до запрещенныхъ въ другой разъ книгъ, то тѣхъ изъ нихъ, которыя печатаны были у насъ:

1) Драгоценная кауля; 2) Седмодневникъ; 3) Мнѣнія третій томъ; 4) Предисловіе къ житію Енохову; 5) Златая книжка и еще какія не упомяну: изъ сихъ книгъ ежели остались, то развѣ по скорости отбора и замѣшанности всего магазина, потому что разборъ дѣлали люди некривыкшіе и перепослали изъ покоя въ покой безъ всякаго порядка, чѣмъ весь магазинъ смѣшанъ былъ и одна книга по нѣскольку разъ въ осмотръ приходила; послабленія же отъ осматривавшихъ не было никакого: ибо они отбирали по назначенному уже реестру. При семъ осмотрѣ, какъ магазинъ былъ въ разныхъ мѣстахъ съ лавкою, то нѣкоторыхъ изъ духовныхъ книгъ оставлено было для своего употребленія книгъ по 25 и по 50, а какихъ именно, не помню. Но сіи книги въ числѣ разрѣшенныхъ; кто же ихъ отбиралъ, не упомяну. Всѣ сіи книги, какъ первая, такъ и вторая послѣ Высочайшаго запре-

щенія печатаны подлинно не были, ни одна книга. Не помня же вѣрно вѣсѣхъ книгъ, и кто отбиралъ ихъ, не могу я никого назвать и сообщникомъ; но по сему пункту, гдѣ есть преступленіе себя одного, яко виновнаго, къ священнымъ Ея Императорскаго Величества стопамъ повергаю, испрашивая Высочайшаго Монаршаго Ея Императорскаго Величества милосердія.

7.

Всемиловѣйшая Государыня!

Въ дополненіе донесенія моего Вашему Императорскому Величеству по поводу преступленія Новикова, допрашивалъ я прикащика его книжной лавки и магазина въ домъ его на Никольской, о которомъ я и въ предъидущемъ Вашему Императорскому Величеству донесеніи упоминалъ; который, давъ мнѣ обѣщанье все объявить, что знаетъ, по истиннѣ, я обнадѣжить его осмѣлился, Всемиловѣйшая Государыня, Высочайшею Вашего Императорскаго Величества милостію: что Ваше Императорское Величество, увидя его искреннее признаніе, по всегдашнему Вашего Императорскаго Величества къ подданнымъ милосердію, изволите уменьшить заслуженное имъ по законамъ наказаніе и, можетъ быть, и совсѣмъ простить преступленіе его соизволите. Равно допрашивалъ я одного сидѣльца и переплетчика той же лавки, о которомъ мнѣ сказалъ прикащикъ Кольчугинъ, что онъ давно у Новикова: то и сему таковую жь Высочайшую Вашего Величества милость обѣщать осмѣлился, дабы тѣмъ способомъ открыть скорѣе непопозволенные поступки Новикова; и допросы ихъ въ копіяхъ здѣсь всенижайше Вашему Величеству приобщаю; такожь копію и вторичнаго допроса Новикова, здѣланныа мною чрезъ посланные къ нему пункты, здѣсь всенижайшежъ Вашему Величеству подношу; пункты оные для того я къ нему посылалъ, что онъ сказывается нездоровымъ и чтобъ онъ своей рукой противъ оныхъ написалъ. Онъ долго сего не исполнялъ, но я обѣщалъ перевезти его въ Тайную Экспедицію и вѣсть ему давать не велѣлъ, то оной и исполнилъ. Но онъ все вертится къ закрытію своихъ важныхъ преступленіевъ, какъ сіе изъ допросу его усмотрѣть соизволите. Желалъ я достигъ, Все-

милостивѣйшая Государыня, печатались они вновь запрещенныя книги, по показанію упоминаемаго Кольчугина, что знать о томъ долженъ одинъ изъ церковнослужителей Степанъ Пльинской, какъ онъ наборщикъ при типографіи и смотритель одной части, и давно у него находится. Я велѣлъ привести его къ себѣ третьяго дни; но тотчасъ увидѣлъ, что онъ въ сообщество ихъ принять и не хотѣлъ ничего говорить. И такъ я ему сказалъ, что «я тебя принужу говорить правду» и отослалъ его при домѣ моемъ подъ стражу находящемуся караулу. А вчерашней день приказалъ директору моей канцеляріи и Тайной Экспедиціи секретарю его подробно допросить, которые его допрашивали и по допросѣ отослали въ караульню. Хотя прежде караульной унтеръ-офицеръ его осматривалъ, да, видно, худо: остался у него перочинной ножичекъ; онъ, выпросясь съ часовымъ на сторону, горло себѣ перерѣзалъ. Часовой бросился къ нему, онъ его оттолкнулъ и бросился въ н. . . . .; но часовой его выхватилъ. Лѣкарь мой доховой зашилъ горло и надѣется, что будетъ живъ. Въ каковое зло, Всемилостивѣйшая Государыня, сей Новиковъ завелъ сихъ людей и наполнилъ ихъ вреднымъ фанатизмомъ! Но допросъ его здѣсь Вашему Величеству препровождаю. Показанной въ ономъ реэстрѣ о печатанныхъ книгахъ въ Типографіи при первомъ осмотрѣ оберъ-полицеймейстеромъ взяты; но вновь сихъ запрещенныхъ книгъ въ печатаніи не видно, а многія безъ цензуры печатаны, тожь по показанію часто упоминаемаго Кольчугина Лѣтописецъ Дмитрія Ростовскаго печатанной, однакожь означенъ въ особой черной запискѣ. Сколько время позволило, рассматривалъ дѣла его Новикова, Всемилостивѣйшая Государыня; но тутъ много обстоятельствъ, по которымъ его должно спрашивать. Но ожидаю отъ Вашего Величества Высочайшаго на первое мое донесеніе указа и прибытія Тайнаго Совѣтника Шешковскаго. А передъ тѣмъ здѣсь Вашему Величеству донесу: видно уже, что они со многими или со всѣми чужестранными ложами имѣли сношенія; а Регенсбургскую ложу называютъ матерью и видно по бумагамъ, что они оной Регенсбургской ложѣ или другому кому, называющемуся вышнимъ главнымъ директоромъ . . . . . А въ нѣкоторыхъ бумагахъ видно, что у нихъ

главныйъ есть начальникъ, о которомъ нижнихъ классовъ масоны не должны и спрашивать и что главные изъ нихъ утвердительно суть ордена розоваго и золотого креста и чину духовнаго. Они называютъ подчиненныя ложи епархіею. Одна бумага означаетъ, гдѣ въ Россіи ложи, но думаю, не всѣ. Какъ у нихъ разные есть директоры, то я копию со оной здѣсь Вашему Величеству всеннжайше подношу; оригиналагожь за тѣмъ не доставляю, что естли Ваше Величество прикажете произвести въ семь слѣдствіе, то они будутъ нужны здѣсь.

Всемиловѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій князь Александръ Прозоровской.

28 Апрѣля 1792 г.

Москва.

8.

Всемиловѣйшая Государыня!

Вслѣдствіе отпрвленнхъ отъ меня къ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшихъ донесеній по матеріи секты розоваго и золотого крестовъ ожидалъ я отъ Вашего Величества Высочайшаго рѣшенія; но, не удостоясь еще получить, разсудилъ съ симъ всеннжайше къ Вашему Величеству сего курьера отправить. А между тѣмъ занимался я чтеніемъ великаго числа бумагъ по сей матеріи, и, что я изъ оныхъ могъ сообразить, всеподданнѣйше Вашему Величеству перечнемъ донесу: ибо сихъ бумагъ безъ поясненія Новиковымъ выполнить или точнаго свѣдѣнія взять невозможно. Въ печатныхъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ бумагахъ видно, что въ 780-мъ и 781-мъ годахъ была переписка съ ложами французскими, италіанскими, австрійскими, швейцарскими и голландскими. И тогда они выбрали главнымъ директоромъ герцога Брауншвейгскаго и назначенъ отъ него былъ съѣздъ повѣреннымъ отъ оныхъ ложъ для положенія институтовъ и обрядовъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ, на что и есть печатныя листы герцогскихъ циркуляровъ и ихъ писемъ. Но циркуляры имъ не подписаны, а имя его только напечатано: *Фердинандъ Брауншвейгской и Люнебургской*

скій. Но однакожь въ Франкфуртъ не было оной; а для чего, не видно; а была генеральная между всѣхъ ложъ конвенція въ Вильгельмсбадѣ въ 782-мъ году, и на оную отъ русскихъ ложъ былъ отправленъ Шварцъ, который въ томъ же году отъ генеральной конвенціи опредѣленъ здѣсь главнымъ, и отъ генеральной же конвенціи ложъ въ Москвѣ провинціальной назначено править ложами всей имперіи Вашего Величества. Но кто прежде Шварца былъ провинціаломъ, не видно. На упомянутой же конвенціи положенъ отъ герцога Брауншвейгскаго катехизисъ масонской и въ немъ между прочимъ 1-е правило повиноваться Богу, а второе — Государю; а равенство предписывается только въ ложахъ. Да и прочія письма сего герцога для правительства полезны, но сіе все прежнее. Когда здѣшнія ложи отдѣлилися отъ шведской, не видно; но всѣхъ бумагъ я еще не дочелъ. А называютъ они въ нѣкоторыхъ старыхъ бумагахъ Берлинскую ложу матерью. А въ 784 году здѣшнее собратство, по признанью генеральной конвенціи, сдѣлало актъ: отдѣлилася отъ власти постороннихъ ложъ, называя себя въ свѣтѣ 8-ю провинціей и сдѣлали здѣсь три матерь-ложки; но гдѣ, всѣхъ они здѣсь въ Москвѣ или и въ другихъ губерніяхъ есть, не видно; а одна отъ другой независима быть должна. А въ сей бумагѣ называютъ они себя масонами и рыцарями и тутъ признали они начальникомъ подъ названіемъ по сектѣ ихъ, какъ они въ 5-й степени, которую мѣстами называютъ *Tallie*, даютъ каждому, въ нихъ принятому имя и гербъ; то неизвѣстно кто онъ таковъ. По упомянутому же акту видно по чиновникамъ, яко то есть у нихъ пріоръ, деканъ, визитеръ, тезариръ, канцлеръ, прокуроръ, — что сочиняетъ цѣлую здѣсь капитулу. А въ теченіи времени отъ упомянутаго герцога даны на латинскомъ языкѣ патенты кавалерамъ розоваго креста.

Не успѣвъ я еще прочесть протоколу ихъ на нѣмецкомъ языкѣ, который я слабо знаю, но могу оный съ помощію переводчика рассмотреть.

Начало ихъ вступленія въ масонство и въ нижнія степени, — въ ученики, въ товарищи и въ мастера. А называютъ они все вообще — масонство, дабы тѣмъ скрыть орденъ розоваго и золотого креста. Хотя онъ соглашается въ нѣкоторыхъ

правилахъ съ масонствомъ, но они и сами первоначальные три градуса ни за что почитаютъ, полагая, что сей секретъ можно купить и въ книжныхъ лавкахъ; для чего и присяга онымъ отмѣнена, а берется только честное словс, что таковою будетъ молчать. Предметъ ихъ, кажется, въ томъ, что они ихъ набирали безъ дальняго разбору. . . . .*) моему извѣстно, что много было купцовъ и нѣкоторое число духовныхъ особъ: тутъ собиралися деньги; а между тѣмъ замѣчали характеры людей и способности къ введенію въ вышнія степени, въ числѣ которомъ не малое было достоинство быть богатымъ. А за тѣмъ выбирали людей ученыхъ и ремесленныхъ, какъ всѣ братья ихъ общества производили мастерства даже и переводы безъ заплаты. Не меньшежь старались они пріобщать къ себѣ людей чиновныхъ и извѣстныхъ въ публикѣ и у двора Вашего Величества; отъ послѣднихъ могли они получать свѣдѣнія.

Но и по вступленіи въ масоны должны они были учить катехизисъ закону христіанскаго и библію и правила онаго наблюдать строго предписывалося, чему дѣлали во всякой ложѣ поученія или сказывали казаньи. Въ строгое правило входило, чтобы ни одинъ нижній степень не любопытствовалъ о верхнихъ степеняхъ, а оставался бы не въ вѣдѣніи.

Сколько по бумагамъ видѣть можно, то изъ мастеровъ входили они въ шотландскіе мастера. Тутъ уже была присяга и въ рецепціи вводили ихъ во Святая святыхъ, называемаго ими олтаремъ, гдѣ клятву они приносили. Въ бумагахъ же рецепціи розоваго креста есть шести степеней и въ пятой степени респіендору предъ приводомъ въ ложу (или по ихъ названію, конвенцію) даютъ ему вино пить изъ чаши и хлѣбъ; но не говорится, въ какомъ это видѣ. При рецепціи помазуютъ его миромъ и надѣваютъ полудуховное платье и даютъ названье и гербъ, какъ выше упомянулъ. Всѣхъ степеней по одному листу, съ котораго списокъ на особой бумагѣ здѣсь всепещайше Вашему Величеству подношу, видно девять; но названье въ семъ листѣ 6-й степени разпствуеть съ бумагою, въ которой положены регулы пріемовъ въ оную сте-

*) Не разобрано.

пень, ибо въ семь листѣ именуется *маіоресъ*, а въ тетради 6-й степени они принимаются рыцарями и при входѣ въ рецепцію спрашиваютъ: не служить ли онъ гдѣ и не имѣетъ ли на себѣ профанскихъ орденовъ и причисляютъ себя къ малтійскимъ кавалерамъ и потому, кажется, называютъ они себя кавалерами золотого креста и равняютъ себя съ ангелами. Въ упомянутой съ листа запискѣ ¹⁾ означается и число, въ ко-

¹⁾ Выписано изъ главнаго чертежа для настоящаго десятилѣтія, поставленнаго по согласію братьевъ златаго розоваго креста при обычной ордене реформаціи въ лѣто 1777 года № 1.

Градусы по магическому расчисленію для всѣхъ.		Членм.	Число ихъ.
1	9	Маги	7
2	8	Магистры	77
3	7	{ Адепты Эспекты	777
4	6	Маіоресъ	788
5	5	Миноресъ	779
6	4	Философы	822
7	3	Практики	833
8	2	Теоретики	844
9	1	Юніоры	909
			«5856.
Сія суть каббалистическія и наивысшія только начальникамъ извѣстныя десятилѣтія.		Всѣ сіи члены суть и должны быть христіане, не смотря на различіе религій.	Полное число собратства и собственное время, въ которое они должны всѣ тайны полныя воеводы быть, и въ утѣшеніе всему христіанству чрезъ свѣтъ, благодать и природы помоществовать, тмы міра побѣдить.

торомъ классъ сколько членовъ быть должно. Слѣдственно должно заключать, что выше сихъ шести степеней суть уже пастоящія духовныя: ибо жизнь опредѣляютъ себѣ монашескую съ тѣмъ, чтобъ удалаться отъ свѣту и не входить въ излишніе разговоры. И въ сихъ также степеняхъ не должны нижніе вышнихъ спрашивать, въ какой онъ степени; а естьлибъ это случилось, то вышній долженъ только отвѣчать, что онъ выше одной степенью вопрошателя.

Во всѣхъ степеняхъ съ самаго масонства общать они должны, а въ розовомъ крестѣ и въ присягу вмѣщено, что повиноваться они безмолвно должны главному начальнику, но, кто онъ таковъ, объ немъ не спрашивать. Правило ихъ съ масонствомъ, что оное началось при построеніи храма Соломонова, а потомъ, какъ по бумагамъ розоваго креста видно, оное продолжалось, даже, что . . . . .

Оное терялось и опять возстановлялось. А розовые кресты начало свое берутъ отъ круасадъ или крестоходителей и, по завоеваніи Палестины возвратяся назадъ, впади они въ роскоши и распутную жизнь; а только нѣсколько (десять) человекъ осталось житія божественнаго, которые оное возобновили, пришедъ въ Шотландію. Въ сектѣ розоваго и золотаго креста повелѣвается научиться божественной премудрости и первымъ правиламъ обыкновенной химіи, которая употребляется непросвѣщенными; а потомъ учиться божественной химіи, которая въ открытіяхъ своихъ несравненна съ обыкновенною, ... тутъ входитъ камень философскій и многія мистическія понятія. А многое по мнѣнію моему, Всемилостивѣйшая Государыня, и понятію неподверженно; а потому нѣкоторые изъ нихъ наружное свѣдѣніе въ химіи и подлинно взяли и выучили латынскій языкъ.

. . . . . разумѣютъ они Христа и своимъ начальникомъ и въ повелѣніяхъ, которыя идутъ отъ перваго начальника къ провинціалу и отъ онаго, именемъ всегда главнаго начальника приказываютъ, то-есть именемъ Христа или Бога, заключая такъ: что приказываетъ начальникъ, испол-

нять должно, какъ бы самъ Богъ приказывалъ: ибо безъ власти Его ничто дѣлаться не можетъ.

Сей пунктъ, по мнѣнію моему, наибавнѣйшій: гдѣ Христосъ управляетъ или они его вдохновеніемъ, то тутъ другаго правительства какъ гражданскаго, такъ и духовнаго быть не можетъ. И въ семъ видѣ кажется желаніе ихъ чрезъ книги готовить умы людскіе по ихъ правиламъ набожности и фанатизму, какъ они наружно себя показываютъ законниками и людьми добродѣтельными. А доказывается паче тѣмъ, что они въ университетѣ и въ прочихъ училищахъ сіе правило заводили. Ибо таковыя люди, почтя ихъ законниками, къ нимъ пристануть, а они считали тѣмъ способомъ нечувствительно донгнѣть всѣмъ управлять, а паче, тутъ же всѣ братья и равныя. Немалой вредъ и въ настоящее время для всѣхъ людей: ибо которые вошли и привязались къ нимъ, тѣ всѣ удаляются отъ всякаго государственнаго служенія; прочихъ же всѣхъ людей почитаютъ они развратными и погибшими для будущаго преселенія. А о государѣ и отечествѣ нигдѣ въ розовыхъ кавалерахъ не видно; да, кажется, отечества быть у нихъ и не можетъ, какъ они братья со всѣми въ свѣтѣ масонами и розовыми и золотыми крестами. Впрочемъ видно писалъ какой-то начальникъ, къ которому они жаловались, что ихъ притѣсняютъ, а особливо Новикова, который отъ логи имя имѣетъ Коловѣонъ; но начальникъ велѣлъ имъ брать смиреніе и для Христа сносить, яко они дочитаютъ, что они жить должны и тягости нести во образъ, когда Христосъ несъ крестъ при распятіи Его. Впрочемъ отступаютъ они совершенно отъ исповѣданія нашей церкви; одна библія — ихъ законъ, и пріемлютъ, кажется, два таинства духовныя; а церковь за ничто почитаютъ, а ложу свою почитаютъ храмомъ. Тожъ видъ ихъ есть ввести единопозаконіе въ свѣтъ. Въ другомъ мѣстѣ видно: увѣдомляли они начальника, что много книгъ выпустили для просвѣщенія людей; онъ ихъ похваляетъ, а въ другомъ мѣстѣ удивляется, какъ они столько книгъ успѣли выпустить и не апробуетъ: какъ де таковое число можетъ ввести и самую матерію въ разнорѣчіе и замѣшательство.

И такъ, Всемилостивѣйшая Государыня, я нахожу, что много тутъ правилъ іезуитскихъ. Иллюминатовъ же они въ нѣкоторыхъ письмахъ не хвалятъ, называя ихъ атеистами; однако адепты розоваго креста называются иллюминатами. По многимъ же бумагамъ видно, что они имѣютъ секретную отъ начальника инструкцію; но оной между бумагами нѣтъ. Къ нему жь они посылаютъ вѣдомости о деньгахъ и списки, гдѣ между прочимъ помѣщается, какого кто изъ братьевъ характеру, натуральной имѣетъ разумъ, какое воспитаніе и ученіе; то на все вышеписанное отъ Новикова неминуемо надо взять объясненіе. То я ожидаю Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа и прибытія, если угодно будетъ Вашему Величеству прислать сюда, Тайнаго Совѣтника Шешковскаго. Нужно также отъ Новикова свѣдать, во сколькихъ губерніяхъ у нихъ ложи заведены, и въ каждомъ мѣстѣ кто управляетъ. Да всеподданнѣйше прошу Вашего Императорскаго Величества уничтожить здѣсь гнѣздо сіе отобраніемъ у нихъ дома, бывшій графа Гендрикова, и чтобъ они книгъ больше печатать не могли, какъ они поводъ или, лутче сказать, смѣлость дали и прочимъ типографіямъ печатать непозволенные книги, а у нихъ въ наставленіяхъ положено имѣть и секретныя типографіи. Осмѣлюсь доложить, Всемилостивѣйшая Государыня: если корень истребится, то сучья сами по себѣ погниютъ. Въ масонскихъ ложахъ, какъ сказываютъ мнѣ, очень много и за нѣсколько лѣтъ собиралось ихъ до 800 человекъ; всѣ конечно отстанутъ и со временемъ отвыкнутъ, только по уничтоженіи корня сего зла частнымъ правительствомъ надо неослабно наблюдать, чтобъ они опять гдѣ не возобновились. А какъ въ бумагахъ много есть сочиненій Кутузова, находящагося въ Берлинѣ, и какъ по ремаркамъ въ сочиненіяхъ видно, что онъ больше всѣхъ учился и много читалъ: то я осмѣливаюсь, Всемилостивѣйшая Государыня, доложить, что полезно бѣ было, еслибы его приказали сюда прислать; а то переписка между ими навсегда останется, а только исполнять оную будутъ съ большею осторожностію.

Между бумагъ нашелъ я письменное сочиненіе о разныхъ родахъ государственныхъ правленій, подобно Монтеスキеву сочиненію о разумѣ правительствъ, въ которомъ авторъ похваля-

еть правленіе, гдѣ есть государственный сенатъ и выбранные почтенные мужи и отъ народа депутаты, послѣднее подобно римскому положенію. Затѣмъ въ сей тетради описывалъ авторъ по именамъ государства и ихъ правленія, а о Россіи сказалъ коротко, что Ваше Императорское Величество самовластно и все зависить отъ Васъ. Больше жъ о правительствѣ я ничего не видалъ.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій князь Александръ Прозоровской.

5 Мая.

9.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Высочайшій указъ Вашего Императорскаго Величества отъ 1-го мая съ возвратившимся моимъ курьеромъ я удостоился получить. А какъ сей Высочайшій указъ на первое мое всеподданнѣйшее донесеніе, то въ разсужденіи послѣднихъ моихъ всеподданническихъ донесеній прошедшаго апрѣля отъ 26 и 28-го и сего мая отъ 5 числа, гдѣ уже я могъ обстоятельнѣе Вашему Величеству донести, то пріостановился я, Всемилоствѣйшая Государыня, исполнять онаго отдачею Новикова сужденію по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества учрежденію о губерніяхъ, въ ожиданіи дальнѣйшаго иногда Высочайшаго повелѣнія. Я теперь имѣя въ домѣ его на Никольской подѣ стражею, ни съ кѣмъ видѣться не допускаю; а отдавъ его по законамъ сужденію уѣзднаго суда, должно его оставить подѣ стражей, но свободу дать ему больше. А тогда будетъ имѣть онъ способъ видѣться съ собратіей своей, то уже труднѣе будетъ, если повелите, Всемилоствѣйшая Государыня, по бумагамъ его спрашивать; почему за лутчее я почелъ о семъ Вашему Величеству чрезъ нарочнаго сего донести.

Въ пополненіе прежнихъ моихъ всеподданническихъ Вашему Величеству донесеній нужнымъ нахожу присовокупить. По книгамъ видно, что многія печатаны въ типографіи Ивана

Долухина, которую теперь онъ уничтожа, присоединилъ къ Гендрикова дому.

Читая еще бумаги, взятыя у Новикова, нашелъ я, что главный здѣсь начальникъ князь Николай Трубецкой; но по ихъ институтамъ не должны они знать, кто начальникъ, какъ сіе изъ писемъ его къ Новикову видно.

Запомнилъ я довести Вашему Величеству въ отправленномъ вчера донесеніи, что между прочимъ въ присягѣ упоминается секты розовыхъ и золотыхъ крестовъ, чтобъ между ими ни въ чемъ и никакой тайности не было; а все, что каждый въдастъ, обязанъ все сказывать: кажется, и въ государственныхъ дѣлахъ упражняющійся изъ нихъ человекъ долженъ уже все сказывать имъ, что ему вѣрено.

Сколько видно по бумагамъ, то пріемлютъ они кабалистику и алхимию.

Многимъ книгамъ взята черная записка, когда ихъ печатали и гдѣ. По осмѣливаюсь всепнижайше доложить Вашему Величеству: лутче бъ было нарядить для сего слѣдствія особую комиссію, выбравъ людей способныхъ; а паче потому, что изъ нихъ есть люди умные и проворные и дѣла знающіе: то хотя я опредѣлю надзирателей надъ производствомъ; но они замѣшивать будутъ дѣло. Новиковужь надо будетъ дѣлать вновь допросы: ибо допросовъ, сдѣланныхъ ему мною и доставленныхъ въ копіяхъ къ Вашему Величеству, препроводить въ судъ нельзя; какъ въ оныхъ между прочимъ о печатаніи книгъ говорить, что онъ печаталъ не на продажу, а для собратій ихъ масоновъ; то судъ обязанъ будетъ спрашивать, что масоны; а тогда всѣ способы будутъ ему замѣшать оное дѣло. На что и буду ожидать Высочайшаго Вашего Величества указа.

6 Мая.

10.

Всемиловѣйшая Государыня!

Последнія бумаги я просматривалъ и примѣчанія достойнаго Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доведу, что они прежде были подъ начальствомъ въ Швеціи у герцога Сундермадандскаго, и тутъ же видно, что есть сек-

татеры ихъ въ Могилевѣ и Полоцкѣ. Видно и то, что герцогъ Сюдермаланскій любилъ отъ нихъ получать деньги, какъ они въ Ивановъ день собираютъ оныя со всѣхъ братьевъ по червонцу съ человѣка, — и онъ входилъ въ подробное распоряженіе, назначалъ именно начальниковъ; то они, будучи недовольны, просили принять ихъ подъ начальство герцога Брауншвейгскаго. Болѣе жъ въ сихъ бумагахъ ничего не видно. Теперь ожидаю Высочайшаго Вашего Величества повелѣнія спросить на оныя бумаги объясненія у Новикова, такъ тогда все открыться должно и недостающія матеріи будутъ имѣть связь и надобную ясность. Въ сихъ же бумагахъ много хотя не такъ важныхъ матеріи, но требуютъ поясненія. Есть тутъ хотя несодѣянные прожекты отъ нѣкоторыхъ членовъ, когда собирали они голоса для отправленія Шварца на генеральную конвенцію, чтобы въ Средиземномъ морѣ завести коммерцію. И прочіе подобныя сему есть несодѣянные прожекты; но всѣ требуютъ отъ Новикова поясненій, на что и ожидаю Высочайшаго Вашего Величества указа.

Всемилоствѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій князь А. Прозоровскій.

13 Маа.

11.

Ордеръ князю Жезахову.

Секретно для вашего толко сведенья.

Вчера объявилъ я Вамъ данной миѣ отъ Ея Императорскаго Величества указъ, чтобы содержащаго арестанта Новикова отправить въ Шлюссельбургъ крайне секретно: дорогой бы его никто не видалъ, жизнь его сохранить и утечку. А чтобы никто не зналъ, куда его везутъ, то взять дорогу на Володимерь, оттуда на Ярославль, оттуда на Тихвинъ, а оттуда на Шлюссельбургъ. То зная издавна Вашу усердность къ Высочайшей службѣ и исправность, и какъ и нынѣ Вы во всю бытность аресту сего Новикова, бывши при немъ подтвердили, то и препоручаю сіе доставленье Вамъ и къ Вамъ въ команду

и въ помощь опредѣляю эскадроннаго ротмистра Панфилова и прапорщика штата Управы Благочинія, находящагося при мнѣ на ординарцахъ, Яковлева. Впрочемъ же возьмите изъ эскадроновъ Вашихъ надобное число унтеръ-офицеровъ, двухъ или трехъ, и гусаръ шесть человекъ, которые бы всѣ были вооружены для всякаго случая. Но какъ при Новиковѣ есть докторъ и человекъ его, то вы всѣхъ возьмите съ собой; въ коляску, коя четверомѣстная, посадите Новикова, доктора, сядите Вы и одинъ офицеръ и надобное число гусаръ; въ кибиткѣ тройкой сядетъ офицеръ, человекъ Новикова и надобное число гусаръ. Всѣ вещи у нихъ отобрать, чѣмъ могутъ они себя умертвить. Въ другой тройкой кибиткѣ сядутъ гусары и унтеръ-офицеръ, а одну кибитку парой посылать съ унтеръ-офицеромъ напередъ для заготовленья лошадей. Подорожныхъ Вамъ даю четыре: первая до Володимера, вторая отъ Володимера до Ярославля, третья отъ Ярославля до Тихвина, 4-я отъ Тихвина до Шлюссельбурга: то вы. . . . . *) одну до назначеннаго мѣста, дабы тѣмъ лучше скрыть вашу дорогу и настоящее мѣсто, куда вы ѣдите. На прогоны и продовольствіе арестантовъ и команды даю Вамъ 500 руб. малыми ассигнаціями и часть мѣдной монетой. Повозки вы получите въ часъ пополудни отъ губернатора съ прапорщикомъ Яковлевымъ и въ два часа пополудни отсюда выѣхать непремѣнно должны. Если Новиковъ спроситъ, куда его везете; скажите, что Ея Императорскаго Величества на то есть Высочайшее повелѣніе, а куда онъ пріѣдетъ, того объявить ему не можете, а онъ бы повиновался Ея Императорскаго Величества указу. Дорога до Володимера большая, отъ Володимера до Ярославля возьмите отъ губернатора маршрутъ, отъ Ярославля возьмите маршрутъ до Тихвина отъ генераль-губернатора или отъ губернатора. Но въ Ярославлѣ, слышалъ я, что есть масонская ложа, то во всѣхъ городахъ отъ оныхъ остерегайтесь. Отъ Тихвина также отъ губернатора возьмите маршрутъ до Шлюссельбурга, а тамъ отдайте приложенной здѣсь конвертъ коменданту и къ нему совѣтъ явитесь и ожидайте отъ него отправленія. Впрочемъ сія ком-

*) Не разобрано.

миссія есть важная для васъ: если въ должномъ порядкѣ доставите, то можете получить Высочайшую Ея Величества милость, а въ противномъ случаѣ подвергнете себя и съ командой вашей совершенному несчастію. То берегите его крайне отъ утечки и отъ умерщвленія себя.

12.

Всемиловѣйшая Государыня!

Разбирая бумаги, взятыя изъ дому бывшего графа Гендрикова, въ дѣлахъ Кутузова, что въ Берлинѣ, нашлось одно старое французское письмо къ покойному Шварцу, которое здѣсь къ Вашему Императорскому Величеству всенижайше представляю. Изъ всего сего видно, что хотѣлось имъ приобщить къ себѣ людей знатныхъ; но для единой набожности и молитвы, кажется, въ семъ нужды имъ не было? Между самыхъ нужныхъ бумагъ Новикова нашелъ я печатную книжку, которую здѣсь Вашему Величеству подношу. Я оную задержалъ, чтобъ всю прочесть. Содержаніе жъ оной, Всемиловѣйшая Государыня, увидѣть изволите. Я Новикова спрашивалъ: говоритъ ли онъ по французски; но когда онъ отвѣчалъ, что нѣтъ (но онъ и въ томъ потанлъ: онъ, сказываютъ, французскій языкъ разумѣть); то я его спросилъ: на что жъ онъ сію книжку въ нужныхъ бумагахъ спряталъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ и самъ не знаетъ, какъ то случилось, а получилъ онъ ее между другихъ книгъ отъ книгопродавцовъ. Я приказалъ губернатору изслѣдовать сіе и подлинно Новиковъ получилъ оную отъ книгопродавца Бибера, который далъ каталогъ отправленнымъ къ нему книгамъ, который я также подношу всенюданнѣйше Вашему Величеству ¹⁾, какъ письмо

¹⁾ *Note des livres, qu'on a vendu à M-r Novikoff:*

Accord de la liberté; Catéchisme moral; Essais sur les préjugés; Manuel pour les amateurs; Nazaréen; Oeuvres d'André; Oeuvres de Jory; Qui peut être un bon citoyen; Amour glorifié; Apologie de petit pierre; Chemin pour aller à Christ; Collection des anciens moralistes; Elemens de la morale universelle; Mystère de la croix; Oeuvres de Holbein; Tieden's Abendstunden; de l'origine; le grand livre de la nature; 2 almanac; 1 encyclopedie; 1 deutsche Bibel; 1 idem Lateinische Volgata; manuel élémentaire; 3 expl. de l'origine; dictionnaire de cuisine.

удивительно, какія Новиковъ книги покупалъ. У Бибера только было тѣхъ книгъ двѣ, изъ коихъ одна найдена у Новикова, а другая имъ продана какому то Мансурову. А у другаго книгопродавца Ридигера найдено 8, которыя всѣ и отобраны и увѣряютъ подъ клятвой, что больше продажи оныхъ не было, какъ выше упомянуто. Но какъ книжка у Новикова другаго формата и бумаги, какъ у Ридигера, то показали они, что то прежняго выходу. Осмѣливаюсь, Всемилостивѣйшая Государыня, всеподданнѣйше просить Вашего Величества, чтобъ повелѣть изволили положить границы симъ книгопродавцамъ книгъ иностранныхъ и отнять способы еще на границахъ и при портахъ подобныя сему книги вывозить, а паче изъ разстроенной нынѣ Франціи, служащія только къ заблужденію и разврату людей, не основанныхъ въ правилахъ честности. Я хотя всѣ мѣры къ сему взялъ, Всемилостивѣйшая Государыня, но довольно способовъ недостаетъ совершенно сію удержать безъ генеральнаго учрежденія паче потому, что они таковыя книги продаютъ скрытно, а тѣмъ вводятъ многихъ болѣе въ любопытство ихъ покупать и платить гораздо дороже, какъ за публично продаваемыя книги; и безъ ошибки сказать, Всемилостивѣйшая Государыня, можно, что всѣ, какія только во Франціи печатаются книги, здѣсь скрытно купить можно.

Запомнилъ я Вашему Величеству въ предъидущихъ моихъ всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ упомянуть мое замѣчаніе по бумагамъ Новикова. Здѣсь въ Москвѣ пріоратъ и пріоромъ князь Николай Трубецкой, который во всей Россіи надъ ложами имѣетъ начальство, а подъ нимъ здѣсь капитула и въ Петербургѣ другая, а главный пріоратъ въ Брауншвейгѣ.

Всемилостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій князь Александръ Прозоровской.

Мая 20 дня
1792 года.

Петровский дворецъ.

13.

Всемилостивѣйшая Государыня!

По арестъ Новикова маіоромъ княземъ Жеваховымъ и по прибытіи съ нимъ въ Москву разсудилъ я, Ваше Император-

ское Величество, послать въ деревню одного гусарскаго офицера съ четырьмя рядовыми, которыхъ и приказалъ губернатору туда съ наставленіемъ отправить, дабы оттуда ничего безъ позволенія моего не вывозить. А сей офицеръ по нѣскольکو времени пребыванія донесъ, что управляющій деревнею Новикова одинъ отставной лѣкарь (мнитъ мнѣ, что онъ изъ воспитанниковъ ихъ), Мароссіанинъ сказалъ ему, что въ одномъ кабинетѣ есть у него немалая сумма денегъ, о которыхъ и совѣтникъ Алсуфьевъ сказывалъ, что онъ видѣлъ нѣскольکو тысячъ ассигнаціямъ и много банковыхъ билетовъ, принадлежащихъ Походяшину, такъ и расчеты ихъ по компаніи. Но онъ тогда ихъ, не считая нужными, не взялъ. И сей управитель опасался, чтобы оныя деньги не утратилися. То я опять отправилъ туда совѣтниковъ Алсуфьева и Буланнина и приказалъ имъ деньги и банковые билеты, ассигнаціи и расчеты ихъ взять, и оныя нашли 11,840 'рублей' ассигнаціями да разною монетою 25 руб. 66 коп. По позволенію моему оставили на употребленіе по хозяйству 865 руб. 66 коп., а 11,000 руб. доставили ко мнѣ и по секретному свидѣтельству въ здѣшнемъ отдѣленіи ассигнаціоннаго банка оныя найдены всѣ дѣйствительно банковыми, которые и отправилъ я на сохраненіе въ кладовую казенной палаты. Билетовъ же банковыхъ болѣе не нашли; то видно, Всемилостивѣйшая Государыня, что оныя вывезены секретно племянниками его Хрущовыми, изъ коихъ одинъ имѣетъ лѣтъ 17, а другой гораздо моложе, которые у него воспитывались съ учителемъ россійскимъ же. Думать надо, что и оный учитель также изъ ихъ воспитанниковъ, которыхъ офицеръ изъ деревни выпустилъ, хотя и увѣряетъ онъ, что съ осмотромъ. Но оный офицеръ заболѣлъ, то я не могу изслѣдовать его, для чего онъ ихъ осмѣлился пустить, не сказавъ мнѣ или губернатору о семъ; но въ свое время постараюсь свѣдать. Съ Походяшнимъ положеніе у нихъ было сдѣлано, но не кончено. А въ началѣ сего мая компанія кончила и онъ вноситъ банковыми билетами 80,000 р. въ воспитательный домъ, которыми компанія была должна подѣложить дому бывшаго гр. Гендрикова, какъ о семъ совѣтовалъ со мною графъ Минихъ, что нѣтъ ли препятствія оныя принять. Я ему отвѣчалъ, что препятствія быть

не можетъ, хотя сей домъ теперь и запечатанъ, такъ какъ возвратить свою сумму воспитательный домъ непременно долженъ. Разсчеты жь, какіе найдены, ихъ и условія и записку Новикова руки о положеніи его съ Походящими здѣсь всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству подношу.

24 Мал.

14.

Разбирая еще бумаги, взятая изъ дому заведенія ихъ, бывшаго графа Гендрикова, между прочими бумагами Кутузова, что въ Берлинѣ, нашлась бумага достойная также примѣчанія Вашего Императорскаго Величества, которую всеподданнѣйше здѣсь и подношу. Есть возраженіе, сочиненное, кажется Кутузовымъ, на одно, какъ видно изъ опаго, сочиненіе нѣмецкое, которое было противу ихъ, гдѣ усмотрѣть, Всемилостивѣйшая Государыня, изволите, какъ и по прочимъ бумагамъ я замѣтилъ, что они іезуитовъ почитаютъ обладающими секретомъ масонскимъ и розовыхъ крестовъ, да безмолвное повиновеніе къ начальству и есть правило іезуитское. Одно сочиненіе, найденное въ бумагахъ Новикова, подъ названіемъ *обнаруженный Вольтеръ я*, Всемилостивѣйшая Государыня, оставлялъ у себя, оное прочесть, а теперь всеижайше здѣсь влагаю: сочиненіе изрядное — въ немъ ничего нѣтъ кромѣ опроверженій вольтеровыхъ сочиненій, относящихся до священнаго писанія. Также между бумагъ Кутузова найдены письма преступника Радищева, изъ которыхъ три показались мнѣ достойными свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, то я оныя здѣсь и препровождаю. Между бумагъ, взятыхъ также въ домъ ихъ заведеній, бывшаго гр. Гендрикова, нашлись два нѣмецкія письма, изъ которыхъ по одному видно, что они посредствомъ курляндскихъ ихъ братьевъ могли безъ паспортовъ отъ правительства за границу людей препроводить. Второе противъ ихъ герцога Бирона; но тутъ то только, Всемилостивѣйшая Государыня, примѣчанія достойно, что они мѣшались, какъ видно, и въ дѣла государственныя.

27 маіа.

15.

Всемиловѣйшая Государыня!

Высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ, протекшаго мѣсяца мая 30-го пущенный, сего іюня 6-го по утру въ 11 часовъ получить удостоился. Сколько взято было бумагъ въ деревнѣ у Новикова и въ домѣ заведеній ихъ, что прежде былъ гр. Гендрикова, знатная часть изъ оныхъ доставлена уже къ Вашему Величеству, а здѣсь по пересмотриваніи остались ничего значущія бумаги и то все давнихъ времянь. А кромѣ, что я оставилъ одно нѣмецкое сочиненіе, какъ я всенижайше и доносилъ Вашему Императорскому Величеству, что я оное оставилъ у себя для переводу, но и оное отъ 781 года, которое я при семъ всеподданнѣйше и подношу, а переводъ не успѣли еще на бѣло переписать; а какъ переписанъ будетъ, то всенижайше и оный препровожду къ Вашему Императорскому Величеству. Болѣе же сихъ бумагъ не найдено въ означенныхъ мѣстахъ. Во время жъ моего правленія здѣсь открывать начали по повелѣнію гр. Безбородки переписку сей шайки; болѣе оная была съ князь Николаемъ Трубецкимъ, съ Кутузовымъ изъ Берлина, то въ теченіи двухъ лѣтъ ни одного, Всемиловѣйшая Государыня, пакета не открыли переписки ихъ съ главнымъ пріоратомъ. По бумагамъ ихъ видно, какъ и Ваше Императорское Величество уже замѣтить изволили, что туда они по меньшей мѣрѣ годовыя вѣдомости отправляли, то и надо думать, что они черезъ какія либо конторы оныя доставляли или такъ маскировали, что въ почтамтахъ дойти до сего не могли. Если жъ оная переписка, Всемиловѣйшая Государыня, была, то надо послѣдняго времени бумагамъ быть у князя Николая Трубецкаго, такъ какъ онъ въ Россіи ихъ начальникъ; а еще прежде отправлялъ у нихъ должность секретаря бригадиръ Тургеневъ, то должно онымъ бы быть и у него. Но когда въ послѣдній разъ былъ здѣсь графъ Александръ Андреевичъ Безбородко, то извѣщены ль они были изъ Петербурга или свои сдѣлали догадки, что будто Ваше Императорское Величество повелѣли ему сдѣлать имъ осмотръ или слѣдствіе, то Иванъ Лопухинъ привезъ въ домъ къ Тургеневу и, оставшись двое,

ночью сожгли множество бумагъ, что мнѣ извѣстно отъ частнаго пристава, какъ въ домѣ Тургенева одинъ человекъ былъ у частнаго пристава въ конфиденціи. А по сему судить я долженъ, Всемилостивѣйшая Государыня, что теперь и князь Николай Трубецкой, естли были у него бумаги, то онъ ихъ или истребилъ, или такъ спряталъ, что найти ихъ не можно. Онъ съ братомъ своимъ князь Юрьемъ и Михайла Херасковъ поѣхали въ подмосковную деревню, называемую Очаково, которая у нихъ сказывается общей и у каждаго есть въ ней по домику, о чемъ я прежде всепнижайше Вашему Величеству и доносилъ и слухи я чрезъ оберъ-полицмейстера имѣлъ, хотя за вѣрныя почести ихъ не можно, что они по прїѣздѣ въ деревню разбирали бумаги свои. Естли осмѣлюсь Вашему Величеству всеподданнѣйше представить мое мнѣніе: не надѣюсь я, чтобъ по коварному расположенію Новикова можно было дойти до откровенности. А думалъ бы я, чтобъ Ваше Императорское Величество Высочайшимъ указомъ повелѣли прибыть въ Петербургъ князю Николаю Трубецкому, а спустя нѣсколько дней и бригадирю Тургеневу, что и не будетъ видомъ аресту. А по приближеніи къ Петербургу повелѣть ихъ встрѣтить и провезти, куда, Всемилостивѣйшая Государыня, назначить изволите. А такъ какъ князь Н. Трубецкой человекъ немудрый и со времени аресту Новикова въ робости, то изъ него можно всю свѣдать истинну, а Тургеньевъ, хоть и лукавъ Трубецкаго, и наноситъ совершенно роду мыслей Новикова, но сей не такъ будетъ твердъ, какъ Новиковъ, а онъ всѣ обстоятельства дѣлъ ихъ точно знаетъ. А симъ способомъ, кажется, Всемилостивѣйшая Государыня, все открыть изволите; какъ по бумагамъ вездѣ есть гіероглифы, то надо ихъ и прочія матеріи, чего не достаетъ, чрезъ нихъ пояснить.

Всемилостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій
князь Александръ Прозоровской.

7 Юня.

16.

Вопросные пункты князю Николаю Трубецкому.

1-й. Что вы имѣли тайныя сборища въ домѣ своемъ, о томъ правительству не неизвѣстно. А какъ государственными законами таковыя сборища запрещены, то и сказать вамъ: для чего вы таковыя сборища чинить осмѣлились, и какую цѣль въ тѣхъ сборищахъ имѣли, и на какой конецъ другихъ къ тому привлекали?

Отвѣтъ. Признаюсь передъ Богомъ, что я, имѣя собраніа въ домѣ своемъ, не думалъ содѣлать какое зло; но, вошедъ изъ любопытства въ масоны и происходя въ градусахъ и не уразумѣя никакого въ пропоказуемомъ оными зла, слѣдовалъ предписаніямъ оныхъ, чтобъ собраніе имѣть, въ чемъ и признаю себя виноватымъ; цѣль же въ оныхъ имѣлъ единую ту, чтобы предписанному въ градусахъ поучать соучаствующихъ въ оныхъ. Что же другихъ принималъ во оныя градусы, то причиною оному то, что я думалъ въ нихъ находить доброе и хотѣлъ другихъ во ономъ сдѣлать соучастниками.

2-й. Имѣли вы непозволенную переписку съ герцогомъ брауншвейгскимъ, съ прусскимъ министромъ Велперомъ и съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ, да еще и въ такое время когда между Россіей и Пруссіей происходили холода, и именно до начатія и продолженія шведской войны. А чтобъ сію непозволенную переписку скрыть отъ правительства, то выдумали, въ противность законамъ, шифры. А на сіе и отвѣтствовать вамъ: для чего вы въ такую непозволенную и законамъ противную переписку вступать и оную продолжать осмѣлились, и кто съ вами во ономъ были сообщники, какими способомъ и чрезъ кого вы письма свои къ показаннымъ людямъ пересылали, такъ какъ и сами получали, и кто пмянно о сей перепискѣ, участвующіе въ вашемъ сборищѣ, вѣдали?

От. — Покойникъ профессоръ Шварцъ, ѣздившій въ чужіе края, былъ отъ масоновъ россійскихъ, или лучше сказать отъ нѣкотораго числа оныхъ, уполномоченъ искать таинства масонскаго, которое, бывъ предлагаемо подъ іероглифами, не

могло насъ удовольствовать. Онъ по масонству познакомился съ герцогъ брауншвейгскимъ и съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ и, возвратясь оттуда, уговорилъ насъ и присовѣтывалъ намъ писать. Что же касается до Велнера, то онъ же, Шварцъ по розенъ-крейцерству, которое почитается въ масонствѣ высшими степенями, съ нимъ познакомился, и самъ черезъ посредство Велнера былъ принятъ Шварцомъ въ розенъ-крейцеры. И когда Шварцъ умеръ, то я зачалъ съ Велнеромъ переписываться, и могу передъ Богомъ увѣрить, что кромѣ единыхъ дѣлъ масонскихъ я ни о чемъ и никогда съ нимъ не переписывался, въ чемъ бы послался къ самой моему переписку, ежели бы, тоже слѣдуя обычаямъ масонскимъ, не сжегъ я оной переписки по окончаніи каждаго года. Что же касается до того, что я переписывался съ нимъ въ такое время, когда между Россіей и Пруссіей была холодность, то я предъ Богомъ увѣряю, что личной моей съ нимъ переписки уже нѣсколько лѣтъ какъ я не имѣю; но писалъ обо всемъ, до масонствъ касающемся, черезъ Алекся Михайловича Кутузова, который, живучи въ Берлинѣ и бывъ съ нами въ масонской связи, словесно съ нимъ и съ другимъ, называющимся де-Баска, говаривалъ; а при томъ шлюсь на самого Кутузова, у котораго, я думаю, должны быть мои письма, ежели онъ ихъ не сжегъ, что какъ скоро замѣчена мною была холодность между нашимъ и прусскимъ дворомъ, то я къ нему писалъ, чтобы онъ выѣхалъ изъ Берлина и всѣ связи съ Берлинцами разорвалъ. И хотя я могу поклясться, что я при перепискѣ не думалъ сдѣлать преступленія, ибо почиталъ оную ученою перепискою; но, понеже она подала на меня подозрѣніе, то отъ искренняго сердца, падъ передъ стопы Ея Величества, прошу прощенія, и заклинаюсь никому и ни съ кѣмъ таковой не имѣть во всѣ дни моего живота. Письма, мною писанныя, были посылаемы отъ меня прямо по почтѣ на имя А. М. Кутузова, черезъ котораго я и получалъ отвѣты, такъ какъ сказано выше, словесно принимаемые имъ отъ Велнера и дю-Баска, и ко мнѣ въ его письмахъ объясняемые. Знали же о сей перепискѣ и иногда читывали оную братъ мой, князь Юрій Пикитичъ Трубецкой, Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и Иванъ Петровичъ Тургеневъ. — Что же касается до ши-

фровъ, иногда въ письмахъ употребляемыхъ, то мы оныя получили же съ градусами вѣстѣ, яко принадлежащія до оныхъ, а не сами ихъ выдумывали.

3-й. Извѣстно по взятымъ у Новикова бумагамъ такъ, какъ и по собственному признанію Новикова, что подчинили себя не только въ зависимость, но и въ неограниченное повиновение и послушаніе герцогу брауншвейгскому и объ ономъ посылали свои прошенія къ нему. На сіе отвѣтствовать вамъ: для чего вы, оставя самодержавнаго своего государя, предали себя въ зависимость и повиновение постороннему герцогу? А послѣ сего и приносили свои жалобы, что въ Россіи дѣлаютъ вашему сборищу якобы притѣсенія и подозрѣваютъ васъ, такъ какъ и товарищей вашихъ, въ сектѣ мартинистовъ; а посему и на сіе вамъ объяснитъ: какъ вы осмѣлились приносить на правительство Россіи такія, да еще и несправедливыя жалобы, и чему вы изъ такихъ вашихъ обязательствъ, весьма непозволенныхъ, быть надѣялись, и кто съ вами въ семъ сдѣланномъ преступленіи были соучастники?

Отвѣтъ. При покойникѣ профессоръ Шварцъ была переписка съ герцогомъ брауншвейгскимъ и сему уже прошло, кажется, болѣе семи лѣтъ, такъ что по совѣсти и предъ самимъ Богомъ могу сказать, что я почти ничего не помню, что тогда было писано; да и по неограниченной моей Шварцу довѣренности я тогда многое подписывалъ, не читая бумагъ его. Но чтобы я подвергъ себя неограниченному повиновенію герцога брауншвейгскаго, то въ томъ могу передъ судомъ божіимъ поклясться, что того не помню; что жъ до жалобы принадлежитъ, касающейся до притѣсенія и подозрѣнія насъ, яко мартинистовъ, то я клянусь самимъ Богомъ, что не писалъ сего къ герцогу брауншвейгскому, а признаю себя виноватымъ и, надъ предъ стопы Ея Величества, прошу ея милосердаго прощенія, что я не жалобой, но увѣдомленіемъ извѣщалъ Величю, что господинъ Новиковъ былъ призываетъ къ архіерею, и что онъ претерпѣлъ разореніе отъ запечатанія типографіи, и сіе дѣлалъ я безо всякаго умысла, въ чемъ клянусь самимъ живымъ Богомъ.

4-й. Какимъ образомъ вы и товарищи сборища вашего заботились въ сѣти сборища вашего уловить извѣстную особу,

о коей имѣли вы съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ и переписку? То открыть вамъ, для чего вы такія вредныя предпріятія имѣли, и чему изъ того быть надѣялись, гдѣ объяснить о всѣхъ товарищахъ, въ семъ дѣлѣ съ вами соучаствующихъ и помогающихъ?

Отвѣтъ. Покойный профессоръ Шварцъ предлагалъ намъ, чтобы извѣстную особу сдѣлать великимъ мастеромъ въ масонствѣ, въ Россіи. А я предъ Богомъ скажу, что предполагая, что сія особа принята въ чужихъ краяхъ въ масоны, согласовался на оное изъ единого того, чтобы имѣть покровителя въ оной. Но чтобы я старался уловить оную особу, то предъ престоломъ божіимъ клянусь, что не имѣлъ того въ намѣреніи, и слѣдовательно ни соучастниковъ, ни помощниковъ имѣть въ ономъ не могъ.

5-й. Бумагу, писанную Бажановымъ архитекторомъ, вы читали, и потомъ сдѣланная Новиковымъ изъ оной выписка отдана вамъ. Вы же, видя въ ней вымышленныя и непристойныя слова, не только по долгу присяги не донесли, но еще такую выписку переслали къ Кутузову; чего ради объяснить вамъ: *первое*, для чего о толь вредномъ и вымышленномъ вранѣ правительству не объявили? *второе*—чего ради такую вредную бумагу къ Кутузову переслали, и чему вы изъ того быть надѣялись? и *третье*: кто еще изъ товарищей вашего сборища ее читалъ и у себя имѣетъ,—ибо она ходила по рукамъ товарищей вашихъ,—то и показать о всѣхъ ихъ именахъ и фамиліяхъ?

Отвѣтъ. Что я читалъ бумагу, писанную архитекторомъ Бажановымъ, и не донесъ объ ономъ правительству, то въ томъ признаю себя виноватымъ; и, падъ предъ престоломъ монаршимъ, прошу милосердаго помилованія, не имѣя инаго къ оправданію своему сказать, что я, бывъ родня и друженъ съ Новиковымъ, по слабости моего сердца усовѣстился объ ономъ доносить, не уразумѣвая притомъ и никакого отъ того вреда. А что я всегда недоволенъ былъ пересказами Бажанова и не имѣлъ никогда намѣренія во оныхъ соучаствовать, то я шлюсь на самого Новикова, съ которымъ я уѣгалъ объ ономъ говорить, и даже отсовѣтывалъ ему съ Бажановымъ входить во оное, а въ доказательство онаго я пере-

сталъ ѣздить въ домъ Бажанова, въ который ѣзжалъ часто. А Новиковъ много разъ говаривалъ, что Бажановъ фанатикъ, которому кажутся небылицы, а что я фанатиковъ во всякомъ случаѣ боюсь болѣе язвы. — Что жь принадлежитъ до пересылки выписки оной бумаги къ Кутузову, то предъ Богомъ клянусь, что не помню послалъ я оную къ нему или сжегъ ее съ другими бумагами. Но ежели послалъ, — о чемъ не смѣю ни утверждать, ни отвергать, — то могу удостовѣрить вѣснмъ священнымъ, что сіе сдѣлалъ безо всякаго умысла и намѣренія. — Что жь касается до того, кто сію бумагу читалъ и у кого она есть, то помините читалъ ее Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и Иванъ Петровичъ Тургеневъ. А есть ли она у нихъ или у кого другаго, то самимъ Богомъ клякнусь, что не знаю.

Вопросъ 6-й. Въ сборищахъ вашихъ были епископы, епархи, храмы, престолы, жертвенники и миропомазаніе: то объясните вамъ, съ чьего позволенія такіа священныя вещи вы ввели и употребленіе дѣлали, ибо таковыя священныя обряды инаково употреблены быть не должны какъ съ разрѣшенія правительства?

Отвѣтъ. Понеже все въ масонствѣ преподавалось и преподается іероглифами, то я все учрежденія и обряды градусовъ принималъ за іероглифы, а не за существительныя вещи, а принимая такимъ образомъ, я все сіи учрежденія почиталъ долженствующими быть наконецъ объяснены и потому въ простотѣ сердца не думалъ дѣлать преступленія, употребляя оныя.

Вопросъ 7-й. Въ сборищахъ вашихъ дѣлали вы присягу предъ евангеліемъ и крестомъ, и оныя цѣловали, дѣлая при томъ ужасныя клятвы въ томъ, что о тайнѣ ордена, не свѣдомаго правительству Розоваго Креста, будещь правительство стало требовать, то терпѣть пытки и розыски, даже и самую смерть, и о той тайнѣ не сказывать. Въ уставахъ о вашихъ сборищахъ сказано, чтобъ великому мастеру во всемъ повиноваться и обо всемъ ему открывать; а какъ вы великимъ мастеромъ почитаете герцога брауншвейгскаго, слѣдовательно все тѣ клятвы и присяги дѣлали оному герцогу, вы жь обязаны должны быть своему самодержцу и государству, то какъ

вы осмѣлялись присягать, да еще отрицая повиновеніе правительству, то объясните вамъ, какіе вы имѣли въ сей обязанности виды и намѣренія?

Отвѣтъ. Что по обрядамъ ордена дѣлалась присяга, на сохраненіе тайны онаго, и что я оныя дѣлалъ, то въ томъ признаю себя виноватымъ. Я возываю къ милосердому монарху помилowanію. Что жь принадлежитъ до утава, касающагося до обязательства повиновенія великому мастеру, и якобы тѣмъ былъ герцогъ брауншвейгскій, то сего признать не могу, ибо яко розенъ-крейцеръ, то таковой признаетъ наиспытныхъ только начальниковъ, то есть таковыхъ, бѣде которые всѣ таинства ордена имѣютъ и сокрываютъ себя для того, чтобы не быть повсечастно удручаемы просьбами и доуками объ открытіи оныхъ; что жь принадлежитъ до герцога брауншвейгскаго, то онъ не есть начальникомъ розенъ-крейцеровъ, а начальникомъ такъ называемыхъ Chevaliers Bien-faisants; и я, съ самой смерти профессора Шварца, ни съ какими чужестранными, окромѣ Велнера и Дюбаска, черезъ Кутузова не имѣлъ по масонству никакого дѣла.

Вопросъ 8-й. Что значить орденъ Розоваго Креста; кѣмъ онъ установленъ, и какъ вы и товарищи ваши осмѣлялись сей выдуманный орденъ на себя возлагать, безъ воли Самодержицы? По сверхъ сего есть въ вашемъ сборищѣ орденъ святаго апостола Андрея, который также на себя возлагаете; то и сказать вамъ, для чего вы такія непозволенные украшенія на себя и на товарищей сборища вашего возлагать дерзали?

Отвѣтъ. Я признавалъ орденъ Розоваго Креста, по градусамъ онаго, не за иное то, какъ за науку сокрытую отъ людей, касательно до познанія таинствъ природы, или за высшую химию; то есть я признавалъ оный за школу высшихъ таинствъ природы. А что я въ оный вошелъ безъ воли Самодержицы, то, признавая себя виноватымъ, возываю къ Ея милосердію. Кѣмъ же оный учрежденъ; то сего до сихъ поръ не знаю; а по ученію ордена, онъ происходитъ отъ самыя древности, но систематическаго происхожденія онаго совѣтъ не знаю. — Что жь принадлежитъ до ордена святаго апостола Андрея, то оный, какъ мнѣ кажется, и какъ я его принималъ, почитается въ масонствѣ іероглифомъ, такъ какъ и всѣ другія масонскія украшенія, и

потому не почиталъ преступленіемъ оныя надѣвать; но, подавая чрезъ то на себя подозрѣніе, никакого въ томъ оправданія не иняю, я воззываю только къ милосердому помилованію.

Вопросъ 9-й. Сказать вамъ: кто имянно въ орденѣ Розоваго Креста товарищи вашего сборища находятся, такъ какъ и крестъ Андрея апостола кто же именно имѣеть, не утая ни единого человѣка, ибо вы сего сборища есть изъ главныхъ начальниковъ?

Отвѣтъ. Желая отъ искренности сердца повиноваться сему повелѣнію всѣхъ — сколько упомяну — здѣсь напишу, прося милосердаго помилованія, ежели кого-либо безъ намѣренія забуду:

1. Князь Юрій Никитичъ Трубецкой.
2. Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ.
3. Николай Ивановичъ Новиковъ.
4. Семень Ивановичъ Гамалѣя.
5. Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ.
6. Иванъ Петровичъ Тургеневъ.
7. Князь Алексѣй Александровичъ Черкасской.
8. Иванъ Ивановичъ Френкель.
9. Василій Васильевичъ Чулковъ.
10. Алексѣй Ивановичъ Новиковъ.
11. Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ.
12. Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ.

Боже же сихъ, принадлежащихъ къ ордену золотого Розоваго креста не упомяну. Что же принадлежитъ до тѣхъ, которые имѣють крестъ апостола Андрея, такъ какъ оный принадлежитъ къ такъ называемой ессоской степени, то ихъ такъ было много, что упомянуть не могу. Да и списки оныхъ находились не у меня, а думаю, что въ деревнѣ и въ домѣ у Новикова.

Вопросъ 10-й. По двумъ сдѣланнымъ сборищу вашему запрещеніямъ, для чего вы осмѣлились запрещенныя книги печатать и продавать, и даже разсылать въ отдаленныя провинціи? А какъ тѣ книги наполнены развратомъ и не могутъ быть терпимы церковію и правительствомъ, то и объяснить вамъ, съ какиихъ намѣреніемъ данныя правительствомъ повелѣнія осмѣлились преступить, такъ что когда отъ правительства были осмотра тѣмъ книгамъ, то вы осмѣлились оныя скрыть и отвезти въ деревню князя Черкаскаго?

Отвѣтъ. Что принадлежитъ до печатанія, продаванія и разсыланія книгъ, то признаюсь, что прежде сдѣланныхъ за-прещеній я былъ согласенъ оныя печатать и продавать. Но послѣ оныхъ, я шлюсь на самого господина Новикова, что я ни во что касательно до типографскаго дѣла не входилъ, а имѣлъ отъ него отвращеніе, о чемъ не единократно говаривалъ съ господиномъ Новиковымъ и желалъ прекращенія онаго. А что книги оныя отвезены были въ деревню князя Черкаскаго, то признаюсь, что я оное вѣдалъ; а согласовалъ на оное въ надеждѣ, что когда либо оныя продолжать дозволятъ, въ чемъ признавая себя виноватымъ, прошу милосердаго помилованія.

Вопросъ 11-й. Извѣстно, что отъ вашего сборища уставлены въ Россіи, въ разныхъ губерніяхъ таковыя сборища, то и показать вамъ: въ которыхъ оныя губерніяхъ заведены, и кто въ которой начальникомъ, при чемъ дать о всѣхъ тѣхъ начальникахъ, такъ и объ оболещенныхъ, вступившихъ въ тѣ сборища людяхъ списки, ибо вы оныхъ есть начальникъ?

Отвѣтъ. Понеже мнѣ поручено было наипаче правленіе ордена Розоваго Креста, то я подробнаго объясненія и указанія обо всѣхъ учрежденныхъ сборищахъ въ разныхъ губерніяхъ показать не могу, наипаче потому, что господинъ Новиковъ, чрезъ котораго мнѣ всѣ списки доставляемы бывали, въ послѣдніе года жилъ постоянно въ деревнѣ, въ которой я у него не бывалъ; а онъ, прѣзжая иногда въ Москву, оныя забывалъ, какъ мнѣ кажется, съ собою привозить. Впрочемъ, какъ я думаю, то и онъ многіе списки по предавалъ ли огню, а наипаче въ то время, когда онъ при покойникѣ графѣ Брюсѣ боялся, чтобы не пришли у него отъ правительства оныя отбирать. Сколько же упомяну, то скажу, что ложа учреждена въ Петербургѣ; но по приказанію моему Осипу Алексѣевичу Поздѣву, которому она поручена, думаю что не собирается. Другая учреждена въ Орлѣ, подъ надзираніемъ Ивана Владиміровича Лопухина, и оная также не собирается. Третья, какъ кажется, въ Бѣлоруссіи, и поручена надзиранію Андрея Ивановича Веревкина, и также не собирается. — Прочихъ, по совѣсти моей, учрежденныхъ ложъ не помню, окромѣ Ивана Петровича Тургенева, у ко-

того самое малое число членовъ, которыхъ хорошенько не упомяну.

Вопросъ 12-й. Извѣстно, что вы имѣли переписку въ чужіе края и именно съ Шварцемъ, барономъ Шредеромъ и Кутузовымъ; то вы должны всю сію переписку открыть и отдать при семъ всѣ ваши и тѣхъ людей бумаги, не утаивая изъ оныхъ ни единой; въ противномъ же сему случаѣ, буде что скроете и утаите, то подвергнете вы себя строгому по законамъ сужденію. А какъ сію переписку имѣли и товарищи ваши, то и оныхъ показать именно.

Отвѣтъ. Что имѣлъ переписку съ покойникомъ Шварцемъ, съ барономъ Шредеромъ и съ Кутузовымъ, то въ томъ признаваясь скажу передъ Богомъ, что я переписку съ Шварцемъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ какъ сжегъ, равно какъ и переписку съ барономъ Шредеромъ. Но что касается до переписки съ Кутузовымъ, то сколько оной есть, всю оную, не утаивая ничего, равно какъ и всѣ бумаги, которыя у меня есть, не укрывая ничего, по вѣрноподданнической моей должности представляю.

Вопросъ 13-й. Тайную типографію для чего вы завели, и какіе виды въ томъ имѣли? — ибо и сей вашъ вымыселъ явно обличаетъ, что ваши сборища есть въ государствѣ вредныя, потому что еслибъ во оныхъ не существовало никакого противу правительства развращенія и вреда, то бъ ни для чего тайной типографіи заводить было не нужно. Сія типографія столь тайно содѣлана была, что въ работѣ при оной не употребленъ былъ ни одинъ изъ русскихъ, а производили работу чужестранцы, а посему и открыть вамъ о семъ вашемъ замыслѣ самую истину.

Отвѣтъ. Что до тайной типографіи принадлежитъ, то я предъ Богомъ клянусь, что я объ ней свѣдѣнія не имѣю, а была за нѣсколько лѣтъ предъ симъ типографія подъ именемъ Ивана Владиміровича Лопухина, по которой однакожь онъ не правилъ, по Новикову правилъ. То развѣ сію можно почесть за тайную? Окромя же оной я ни о какой тайной типографіи понятія не имѣю, да и сія типографія, уже тому нѣсколько лѣтъ, присоединена къ кампалейской типографіи, въ чемъ клянусь, что сказалъ самую истину.

Вопросъ 14-й. Тайной экспедиціи бывшій секретарь Кочубѣвъ кѣмъ уловленъ въ ваше сборище, и изъ какихъ видовъ, и какой данъ ему орденъ?

Отвѣтъ. Что господина Кочубѣва я видалъ въ ложахъ, то истинная правда, и какъ мнѣ кажется, что онъ былъ принять господиномъ Новиковымъ или Гамалеемъ, но достоверно о семъ сказать не могу. Что жъ принадлежитъ до какихъ либо видовъ касательно до его принятія въ масоны, то я самимъ Богомъ клянусь, что не зналъ и не знаю объ оныхъ ничего. Ордена же, кромѣ екосскаго никакого, какъ мнѣ кажется, онъ не имѣеть.

Вопросъ 15-й. Неоднократныя посланки въ чужіе краи Шварца, барона Шредера, Кутузова, Карамзина, такъ и отправленіе студентовъ изъ вашего сборища безъ позволенія правительства, навлекли уже правительству подозрѣніе; то и открытъ вамъ о причинахъ отправленія тѣхъ людей, и какія отъ сборища вашего даны наставленія, кои вамъ и объявить при семъ, а равно и какія вы получали увѣдомленія отъ оныхъ вашихъ посланниковъ? Также объясните вамъ о долгой бытности въ Берлинѣ Кутузова и Шредера, и на чьемъ они изживеніи туда отправлены были, и по скольку денегъ туда переводимо было?

Отвѣтъ. Отправленіе въ чужіе краи Шварца, барона Шредера и Кутузова имѣли видомъ своимъ исканіе объясненія на іероглифы масонскія, чего ради и наставляемъ былъ Шварцъ, чтобы онъ вездѣ, такъ называемыхъ тайныхъ братьевъ искалъ и просилъ довѣренности ихъ къ намъ. А баронъ Шредеръ и Кутузовъ были уже прямо посланы къ Веллеру для наученія отъ него всему принадлежащему до масонства. Увѣдомленія жъ Кутузова усмотрѣны будутъ изъ его писемъ, которыя всѣ, сколько ихъ у меня есть, обизуюся представить. Сіе самое и есть причиною долгаго пребыванія Кутузова въ Берлинѣ. Что жъ до содержанія ихъ касается, то они донныи содержались изъ доходовъ типографическихкихъ, а когда оныхъ не было, то занимались деньги и къ нимъ посылались, сколько жъ оныхъ на нихъ издержано, то объ ономъ не знаю. Что жъ касается до Карамзина, то онъ отъ насъ посланъ не былъ, а ѣздилъ вояжиромъ на свои деньги. Ка-

сательно жъ до двухъ студентовъ, то ихъ посылалъ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ на свой коштъ учиться медицинѣ. Господинъ же Багрянскій былъ посланъ учиться на счетъ компаніи; а сколько на него издержано, того не знаю.

Вопросъ 16-й. Извѣстной особѣ какія именно посылали книги? сколько, когда и чрезъ кого?

Отвѣтъ. Сколько и когда, и чрезъ кого именно посылаемы были къ извѣстной особѣ книги, о томъ достовѣрно сказать не могу.

Вопросъ 17-й. Книга *О таинствѣ креста* откуда вами выписана и къмъ переведена?

Отвѣтъ. Откуда сія книга выписана, о томъ достовѣрно сказать не могу; а помнится мнѣ, что она привезена Шварцомъ изъ чужихъ краевъ. Что жъ до перевода ея касается, то помнится ее переводили двое, съ нѣмецкаго и французскаго языковъ, а именно Кутузовъ и Багрянскій; а потому она была съ оригиналами прочитываема Тургеневымъ, Гамалѣемъ, Новиковымъ и прочими — кто бывало тутъ случится.

Вопросъ 18. Печатная книга *О народной гордости* когда печатана въ вашей типографіи, и кто ее цензуровалъ, и кто жъ ее сочинилъ или переводилъ?

Отвѣтъ. Я могу предъ самимъ Богомъ удостовѣрить, что я о книгѣ *О народной гордости* никогда не слыхивалъ и никакого понятія не имѣю.

Открывъ таковымъ образомъ по всемъ предложеннымъ мнѣ пунктамъ все то, что я знаю, остается мнѣ, падъ предъ стопы Ея Величества, изливая сердечныя передъ нею слезы, воззвать: «Помилуй мя и прости, что я по невѣдѣнію и безъ всякаго намѣренія содѣлался передъ тобою подозрительнымъ! Я буду во всю жизнь мою оплакивать мою неосторожность, ибо, что у меня не было никакого злаго и дурнаго намѣренія, въ томъ призываю во свидѣтельство самаго Господа Бога! Я рожденъ съ пытливымъ духомъ, искалъ вездѣ и во всехъ книгахъ просвѣщенія, иногда побуждаемъ былъ къ тому любопытствомъ, а иногда истиннымъ усердіемъ, и сіе есть побудительною пружиною самаго вступленія моего въ масонство. Во ономъ я, проходя всѣ степени, не удовольствовалъ своего любопыт-

ства, почему искалъ далѣе; нашелъ барона Рейхеля, тотъ всю мою довѣренность получилъ тѣмъ самымъ, что опровергнувъ мои прежнія заблужденія, почерпнутыя мною изъ Беда, Гельвеція, Вольтера и прочихъ; обратилъ меня на исканіе истины въ евангелии. Потомъ, когда онъ не могъ моего любопытства удовлетворить въ масонствѣ, гдѣ искалъ какого-то тайнства; то я спознакомился съ покойникомъ Шварцомъ и по возвращеніи его изъ чужихъ краевъ былъ имъ принятъ въ розепъ-крейцеры, гдѣ надѣялся найти, помощію точнаго исполненія христіанскихъ должностей, великое таинство познанія натуры. Но до сихъ поръ онаго не обрѣлъ. Се суть принципы истинныя въ сихъ моихъ дѣйствіяхъ, и я николи никакихъ чуждыхъ сему намѣреній въ исканіи моемъ не имѣлъ; и николи не ожидалъ содѣлаться въ очахъ всемилостивѣйшей моей Государыни подозрительнымъ. Но теперь, вида оное, паки падая предъ стопы Ея, прошу помилованія и удостовѣряю, что я съ сего часа, подавляя въ себѣ толико вредный для меня духъ пытливости, отрекаюсь отъ всѣхъ связей, неудобныхъ моей Монархинѣ, какого бы рода онѣ по масонству не были, и повинуюсь Ея волѣ въ бумажки, которыя имѣю, предлагаю при семъ, и всякую переписку по масонству съ чужими краями прерываю.

17.

Вопросные пункты статскому совѣтнику Ивану Лопухину*).

Отвѣтъ на 1-й вопросъ. Тайныя сборища въ домѣ своемъ имѣлъ я весьма малочисленныя и, какъ помнится, не болѣе десяти разъ во всѣ годы. Признаюсь однакожь, что сіе не для того, чтобы я не хотѣлъ ихъ имѣть, но потому, что я живу въ домѣ отца моего—девятидесятилѣтняго, зрѣнія немущаго, старца, отъ котораго я всемѣрно старался скрывать упражненія мои въ масонствѣ: ибо свѣдѣніе о семъ могло бы оскорбить его такъ, какъ нынѣ единъ слухъ о высочайшемъ за то гнѣвѣ можетъ для него быть смертоноснымъ ударомъ. Но я, исполненный вѣрноподданическимъ благоговѣніемъ, си-

*) Вопросыныя пункты всѣмъ были предложены одни и тѣже, потому изъ не перепечатывались.

новнею любовію и усердіемъ къ Ея Императорскому Величеству, увѣренъ въ правосудіи и милосердіи Ея, матери отечества. Тѣмъ свободнѣе отвѣтствовать буду съ полнымъ чистосердечіемъ и откровенностію, въ твердомъ увѣреніи, что Ея мудрость и правосудіе увидятъ невинность, а милосердіе Ея проститъ мнѣ то, гдѣ я могъ погрѣшнить по невѣжеству, а не отъ злаго умысла. Что жъ сего послѣдняго у меня никогда не было, тому свидѣтель Всевидящій, и сердца и утробы Испытующій. И такъ, по вышесказанной причинѣ, рѣдко имѣлъ я собранія въ своемъ домѣ, но чаще бывалъ въ иныхъ мѣстахъ. Хаживали часто ко мнѣ сотоварищи мои въ ономъ упражненіи, но не тайно, и мы, не съ закрытыми дверями и не скрываясь, бесѣдовали. Все сіе пишу для обстоятельственнаго объясненія по сему артикулу, и не въ извиненіе себѣ сказываю, что рѣдко бывали у меня оныя собранія, зная, что это все равно рѣдко или часто. Вѣдаю, что государственными законами запрещены товарищества, братства и проч., черезъ полицію не дозволенныя. Но собранія масонскія, въ разсужденіи столь долговременной терпимости ихъ правительствомъ, — ибо мы имѣли иногда многочисленныя ложи, въ глазахъ, такъ сказать, цѣлаго народа и конечно не невѣдомо правительству онаго, — собранія оныя почиталъ я болѣе позволенными, однакожь пріемля во всей точности и строгости многочислыя мною законы государственныя и вышеприведенныя мною резономъ не оправдывая себя, и не осмѣливаясь мнимую мною терпимость предпочитать явному и ясному законному предписанію. Въ упражненіяхъ моихъ въ масонствѣ всѣхъ системъ не было иной цѣли кромѣ желанія чрезъ разныя познанія пути содѣлаться просвѣщеннѣйшимъ и добродѣтельнѣйшимъ человекомъ и истиннѣйшимъ христіаниномъ, вѣрнѣйшимъ подданнымъ Ея Императорскаго Величества и лучшимъ слугою государства Ея: сія одна была цѣль моя. По склонности къ онымъ познаніямъ упражнялся я въ оныхъ и другихъ привлекалъ: самъ почитая оное полезнымъ и другимъ того же желалъ, и въ семъ видѣ чинилъ собранія, по обычаю такихъ обществъ.

На 2-й. Со всѣми вышесказанными я никогда никакой переписки не имѣлъ. Когда я вступилъ въ общество, то связъ съ герцогомъ брауншвейгскимъ и принцемъ гессенъ-кассель-

скимъ не продолжалась, сколько мнѣ извѣстно, нѣкоторое время, такъ что подлинно можно сказать, нѣсколько только мѣсяцевъ упражнялся я въ той системѣ, гдѣ они участвовали. Не находилъ я въ ней вреднаго, но и полезнаго себѣ не находилъ же; я видѣлъ въ ней одно броженіе, которое, по моему мнѣнію, не могло привести ни къ полезнымъ познаніямъ, ни къ чему доброму, а удобнѣе злоупотреблена быть могла, и могла привести къ видамъ политическимъ и противнымъ благоустройству государственному; чего сообщество наше всегда страшилось и гнушалось. Вся сія система, лѣтъ восемь назадъ, была оставлена всѣми извѣстными мнѣ сотоварищами моими; и принята она единственно была по непохвальному любопытству, по непрерывной жадности къ познаніямъ и по неискусству. Хотя я не былъ при принятіи оной системы, но вышесказанныя обстоятельства мнѣ извѣстны по короткому знакомству съ принявшими ее и потому, что я, какъ и прежде сказалъ, и самъ короткое время съ ними въ оной упражнялся; но тогда уже переписки по ней не было съ Велнеромъ. Извѣстно мнѣ, что была переписка по системѣ, называемой древняго масонства или Золотаго и Розоваго Креста; переписывался съ нимъ одинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, князь Трубецкой. Вся она состояла, думаю, въ пяти или шести письмахъ—ежели не меньше, и прервалась съ того времени, какъ майоръ Кутузовъ въ чужихъ краяхъ находится, т. е. лѣтъ пять. Переписку князя Трубецкаго съ Велнеромъ я читывалъ—въ ней ничего не было трактовано о морали и науки о познаніи натуры по системѣ древнихъ и новѣйшихъ, такъ называемыхъ герметическихъ философовъ. Что жъ принадлежитъ до отношенія къ политическому обстоятельству, упомянутому въ семъ артикулѣ, то хотя въ оной перепискѣ прусскаго министра никогда не было ни малѣйшаго подозрѣнія на виды политическіе; однакожь мы, вѣдаемъ, сколь легко человекъ по пристрастіямъ и корыстолюбію все во зло употребить могутъ, и ни къ кому лично безъисключительной довѣренности не имѣя, а притомъ въ неизмѣнности священнымъ обѣтамъ вѣрноподданныхъ и сыновъ отечества, особливо и крайне бдительны были въ упомянутое въ семъ артикулѣ время, и ежели бы получили что противное хотя мало ин-

тересамъ Императорскаго Величества и отечества нашего, то конечно бы не только отвергли, но и объявили правительству. Сколько мнѣ извѣстно, то шифрами не скрывали сей переписки отъ правительства, съ тѣмъ, чтобы она могла быть найдена преступническою, и по большей части матерію писали обыкновенными литерами; а вѣчто о книгахъ и наукѣ иногда писывали шифрами для того, чтобы въ случаѣ утраты писемъ и открытія ихъ не подвергнуть посмѣянію и прочимъ такого рода оскорбленіямъ лицъ и вещей отъ такихъ, которые оныхъ упражненій не одобряютъ; и въ семъ случаѣ слѣдовали учрежденію помянутаго масонства, въ котораго степеняхъ и шифры находятся, нами же выдуманныхъ шифровъ я не знаю. По симъ только причинамъ паки производилась оная переписка, которую мы и не воображали быть преступательной въ разсужденіи правительства. Не находя въ ней ничего оному вреднаго, не почитали ея недозволенною, а полагали равнообразною со всѣми разныхъ родовъ философскихъ и учебныхъ переписокъ, по разнымъ людей склонностямъ, переписокъ терпимыхъ въ государствѣ. А ежели бы получили отъ страны чужеземной что прѣтивно, то поступили бы, какъ выше сказалъ. Иностранная письма оная, сколько мнѣ извѣстно, получаемы были съ умершимъ профессоромъ Шварцемъ, съ барономъ Шредеромъ и по почтѣ. А посылались съ Шредеромъ же и съ маіоромъ Кутузовымъ и такъ же по почтѣ чрезъ нихъ; а одинъ разъ, помнится, прямо на имя Велпера черезъ почту писалъ князь Трубецкой, который одинъ и переписывался. Вѣдали же именно о перепискѣ съ Велперомъ, сколько мнѣ извѣстно, Кутузовъ, Шредеръ, Новиковъ и я. А связь съ герцогомъ брауншвейгскимъ, думаю, многимъ, такъ называвшимся благотворнымъ рыцарямъ извѣстна тогда была: ибо печатано даже въ чужихъ краяхъ было о положеніи онаго вильгельмскаго конвента масонскаго, на коемъ оный герцогъ поставленъ бытъ правителемъ всѣхъ ложъ сей системы. Но при вступленіи моемъ въ масонство не было уже съ симъ переписки и связи, а провинціальная здѣшняя ложа безотносительно къ оному учреждала сама собою.

На 3-й. О началѣ связи съ герцогомъ брауншвейгскимъ я, какъ и прежде сказалъ, обстоятельно не знаю; что къ нему

писано было, то мнѣ совсѣмъ неизвѣстно. Его же письма, — два или три коротенькихъ, — читалъ я у Шварца и нашелъ ихъ весьма обыкновенными и ничего не значущими, а содержанія ихъ прямо не помню и кромѣ того, что и помнить онаго нечего. Я къ нему никогда не писывалъ и не только не подписывалъ прошеній, но до сего часа и не слышалъ объ оныхъ. О подчиненіи же себя въ зависимость, въ неограниченное повиновеніе и послушаніе герцогу брауншвейгскому я услышавъ только, трепещу въ сердцѣ, исполненномъ вѣрностію, осмѣлюся сказать, особо сыновнею любовію къ моему монархинѣ. Вездѣсущій—свидѣтель симъ чувствамъ моимъ, и онъ да соблюдетъ меня и отъ помысленія одного вступить въ такую подчиненность къ кому либо, кромѣ его самого и поставленной отъ него Императрицы и матери нашей. Въ дополнительное объясненіе по сему артикулу еще донесу, что въ то время, когда выходили указы высочайшаго неудовольствія на общество наше и прещенія на книги, существовалъ у насъ единственно институтъ ордена Златаго и Розоваго Креста, который сообщенъ намъ, какъ мнѣ извѣстно, отъ Велиера: то развѣ писали увѣдомленіе о происшествіяхъ оныхъ къ управляющимъ въ ономъ институтѣ, въ которомъ герцогъ брауншвейгскій, сколько я знаю, не участвовалъ. Но какъ тогда еще не присутствовалъ въ здѣшнемъ правленіи розенкрейцерскомъ, то писанія оныя отсюда мнѣ неизвѣстны, и послѣ я ихъ не читалъ и содержанія ихъ не знаю.

На 4-й. Признаюсь, что когда по любви моей къ упражненіямъ въ сказанныхъ мною познаніяхъ естественно было мнѣ желать, чтобы и другія въ томъ же упражнялись, что пристрастіямъ весьма сродно, какъ мнѣ кажется: то особливо неестественно бы мнѣ было не желать того же столь важной и драгоценной особѣ. Но я только что желалъ, подвига же къ тому и совѣщанія о семъ никакого не дѣлалъ; я очень мало и смутно о семъ и знаю: Новиковъ со мною мало о семъ и говаривалъ; когда же говаривалъ, то я ему совѣтовалъ осторожность и говорилъ, чтобы для чистоты сердечной наблюдать, чтобы подъ видомъ христіанскаго доброжелательства не вкралась собственность, изъ которой могутъ породиться пожеланія страшнаго для христіанъ и подданныхъ и

гнусныя въ очахъ божіихъ и людей добродѣтельныхъ. Рѣдкая посылка отъ Новикова къ той особѣ книгъ чрезъ архитектора Бажанова и разговоры сего послѣдняго съ нею не казались мнѣ заслуживающими никакого худаго вниманія. Слова особы сей, сколько я слышалъ, переданныя чрезъ Бажанова Новикову, изъявляли ея благоупіе и склонность къ упражненіямъ въ христіанствѣ, мнѣніе сперва о упражненіяхъ нашихъ не худое, а потомъ сумнѣніе и подозрѣніе насъ въ намѣреніяхъ нечистыхъ. Симъ послѣднимъ мнѣніемъ я оскорблялся—какъ то естественно; ибо я почиталъ упражненія мои чистыми, и въ чистотѣ сей увѣренъ былъ, зная однакоже, что особа та не могла вѣдать точно основанія нашего, имѣя свѣденіе только по немногимъ разговорамъ съ Бажановымъ и по слухамъ. Сожалѣніе сіе мое мнѣ было тѣмъ естественнѣе, чѣмъ важнѣе особа, какъ естественно наибольше желать одобренія своихъ мнѣній и дѣлъ отъ важнѣйшихъ особъ. Съ прицемъ гессенъ-кассельскимъ я никогда переписки не имѣлъ, а слышалъ я еще отъ Шварца, что онъ къ нему писалъ, — когда заводилось здѣсь то благотворительное рыцарство,—что здѣсь не намѣрены учреждать великимъ мастеромъ никого изъ иностранныхъ, и изъ здѣшнихъ развѣ ту особу, ежели когда-нибудь она то приметъ на себя. Однакоже я знаю, что особа сей никогда то предлагаемо не было, и она никакъ не участвовала. А только мнѣ извѣстно, что Новиковъ къ ней посылалъ, сколько же именно разъ, того не знаю, книги у насъ печатанныя, какъ то Арида *о истинномъ христіанствѣ* и подобныя, а какія именно точно, не помню теперь. И она, судя по книгамъ, почитала упражненія наши, какъ я слышалъ, не бесполезными; я же лично никакого подвига къ преклоненію той особы не дѣлалъ и никого къ тому не возбуждалъ. А, по вышесказаннымъ причинамъ, радовался только, слыша объ добромъ мнѣніи о нашихъ упражненіяхъ столь важной особы, и кромѣ сего никакого виду и предпріятія не имѣлъ. Въ объясненіе вышесказаннаго о великомъ мастерѣ еще прибавлю, что у насъ не было онаго учреждено, а управляла директорія, составленная изъ первыхъ чиновниковъ провинціальной ложы.

На 5-й. Бумагу такую и выписку я не только чтобъ имѣлъ у себя или читалъ, но и вскользь ее не видывалъ; а слышалъ я въ 786 или 87 году, что Бажановъ далъ Новикову какую-то бумагу, въ которой онъ записалъ разговоры свои съ известной особой, коихъ содержанія мнѣ сказывалъ, но точно не помню онаго; предсудительнаго же и такого, о чемъ бы долженъ правительству объявить, увѣренъ, что не слыхалъ. О бумагѣ оной помнится и слышалъ отъ князя Трубецкаго, самъ же ее не видалъ, и чтобъ кто кромѣ Новикова ее у себя имѣлъ, не знаю по истинѣ, такъ же и о томъ, кто ее въ рукахъ имѣлъ, а о выпискѣ я и не слыхалъ: по сему искреннему и вѣрному признанію моему ясно, что я не могъ сію бумагу посылать къ Кутузову, и мнѣ помнится, что сей въ то время еще здѣсь былъ; однакожь того утвердить не могу.

На 6-й. Въ известныхъ мнѣ степеняхъ сановъ епископскихъ нѣтъ, какъ равно и названій таковыхъ. Въ нѣкоторыхъ, помнится, переводахъ нашихъ отъ неисправнаго перевода названо епархією собраніе нѣсколькихъ круговъ или ложъ розенкрейцерскихъ. И я это всегда почиталъ ошибкою или худымъ выборомъ слова, по каковому мнѣнію никогда и не уважалъ сего; такъ равно престолами и жертвенниками столы предсѣданія давно называются во всемъ масонствѣ, какъ мнѣ помнится. Я сего такъ же не уважалъ, ибо таковыя названія, какъ то престоловъ и жертвенниковъ, даются вещамъ совсѣмъ не священнымъ, и въ мѣстахъ таковыхъ же. Образъ миропомазанія дѣлается въ одной степени, которую я имѣю. Но всего онаго я не почиталъ и, сколько мнѣ известно, въ обществѣ нашемъ все оное не почиталось за священнодѣйственное, а единственно за іероглифы, подобно всѣмъ известнымъ въ масонствѣ разнаго рода и образа іероглифамъ.

На 7-й. Въ разныхъ степеняхъ известнаго мнѣ масонства дѣлались присяги предъ священнымъ писаніемъ, но безъ креста. Ужасныя клятвы, издавна учрежденныя, какъ известно, въ масонствѣ, у насъ уже давно отвержены и, сколько мнѣ известно, не произносились. Присяги о претерпѣніи пытокъ, розысковъ и даже самой смерти для сокрытія отъ правительства тайны ордена Розоваго Креста не давалъ и не знаю.

Есть, помнится, о семъ въ одномъ наставленіи, которое и напечатано въ Германіи. Но я сего пункта по истинѣ никогда не принималъ, такъ какъ и многого въ тѣхъ уставахъ сердце и разумъ мой безусловно и неограниченно не принимали. Тайною такого ордена я никогда не почиталъ оное, какъ то философское дѣло, о которомъ говорится въ герметическихъ книгахъ, и которое, какъ въ нихъ же пишется, обязаны были всегда всѣми мѣрами сокрывать отъ правительства пмѣющіе искусство онаго. Дѣла сего я никогда не опровергалъ, не имѣя довольно разуму доказать себѣ невозможность онаго, но никогда и не заботился стяжать оное. Систему же масонства, въ которой не находилъ ничего противнаго обязанностямъ христіанина, вѣрноподданнаго и гражданина, и въ которой упражненія стремятся къ познаніямъ таинствъ творенія, не отвергалъ я по расположенію работъ къ помянутому философскому дѣлу, не бывъ, какъ сказалъ, увѣренъ въ невозможности онаго дѣла, о которомъ однако я и хорошаго понятія не имѣю. Но ежели оно возможно, думалъ я, не отрицая сей возможности по мнѣнію о безднѣ и непоколебимости всѣхъ сокровищъ божественной премудрости твореній ея, то и сіе дѣло бесполезно быть не можетъ. Повиновеніе великому мастеру и откровенность ему я и всѣ, сколько мнѣ извѣстно, благомысляція общества нашего принимали только въ смыслѣ, до науки касающемся; если же бы кто сталъ отъ меня требовать чего противнаго моимъ обязанностямъ христіанина и вѣрноподданнаго, то я не только бы отбѣжалъ отъ него, какъ отъ опаснѣйшаго врага, но и открылъ бы его правительству. Что принадлежитъ до герцога брауншвейгскаго, то я въ предыдущихъ артикулахъ сказалъ, что съ нимъ ни въ какой связи и въ подчиненіи у него не былъ. Что жъ касается до отрицанія правительства самодержавной власти Ея Императорскаго Величества, то я желаю умереть прежде, нежели даже помыслить сіе сдѣлать. Я непоколебимо преданъ Ей и по долгу вѣрноподданнаго и по любви сыновней; давая же во всѣхъ розенкрейцерскихъ степеняхъ присяги, т. е. въ тѣхъ, въ которыхъ находился, равно и въ такъ называвшемся предверіи онаго или степеняхъ нижнихъ, въ которыхъ, мнѣ помнится, только въ двухъ или въ трехъ съ обрадами принять

я былъ. Давая всё сіи присяги, никогда я не думалъ, чтобъ они могли простираться на что-нибудь противное обязательствамъ моимъ вѣрноподданнаго Ея Императорскому Величеству и сына отечества моего. И послѣ во всѣхъ актахъ не видѣлъ ничего, которое бы могло открыть мнѣ хотя тѣнь подозрѣнія на то, чтобы оныя обѣты учреждены были въ видѣ обращенія ихъ на отношенія политическія, и, ежели бъ одну тѣнь оную примѣтилъ, то возгнушался бы всѣмъ институтомъ, яко богопротивнымъ. Такъ же если бы изъ членовъ онаго, отъ кого либо, услышалъ расположеніе обращать тѣ обѣты на такой смыслъ, то бы почелъ его извергомъ, котораго не только удалить, но и правительству открыть должно и полезно. Бывшее здѣсь правленіе наше, такъ называемаго ордена Розоваго Креста, въ вышесказанномъ мною вѣрноподданническомъ расположеніи наипаче бдительно было отъ охраненія управлявшихся онымъ членовъ отъ уловленія въ секту такъ называемыхъ иллюминатовъ, о которыхъ намъ сообщено было изъ главной надъ нашею директоріи, что они не только тщатся подкапывать христіанскій законъ, но и разрушать зависимость отъ государей и отъ церковныхъ и свѣтскихъ властей ихъ, для предписанія на каковой конецъ объ осторожности во всё подчиненныя должности, мнѣніе мое, какъ присутствовашаго въ поманутомъ розенкрейцерскомъ правленіи въ то время поданное въ ономъ, по которому исполнялося, при семъ черное моей руки вручилъ Его Сіятельству, главнокомандующему въ Москвѣ, князю Александру Александровичу Прозоровскому.

На 8-й. Названіе ордена Розоваго Креста почему подлинно здѣлано, я по истинѣ основательно не знаю; а думалъ сходно съ читанными мною въ нѣкоторыхъ ордена сего книгахъ, что оно имѣетъ отношеніе ко кресту Христову, украшенному кровію его. Орденъ сей почитается порожденіемъ герметической школы, которой начало считаютъ философы оной отъ временъ адамовыхъ и древнихъ патріарховъ. Черезъ три или четыре столѣтія онъ извѣстенъ подъ именемъ Золотаго и Розоваго Креста; къмъ онъ таковымъ учрежденъ именно, не вѣдаю;—пишутъ въ книгахъ, что однимъ такъ называющимся Розенкрейцеромъ, но подлиннаго извѣстія въ

актахъ, мнѣ свѣдомыхъ, о семъ нѣтъ. Знаки, полагаемые во время собраній, суть разные въ орденѣ семъ, такъ какъ въ масонствѣ нижнихъ степеней. Ордена святаго апостола Андрея никогда на себя не возлагалъ; при ономъ вступленіи моемъ въ масонство, чему теперь около десяти лѣтъ, былъ одинъ, такъ называемый екосской степень, въ которомъ былъ подобный знакъ. По принятіи меня въ оную степень, я его однажды не прилежно читалъ и ничего изъ него по истинѣ не попялъ. Въ самое то же время и оставленъ степень сей, а на мѣсто его присланъ къ Шварцу другой, по которому я работалъ и другихъ принималъ.

На 9-й. Въ орденѣ Розоваго Креста мнѣ извѣстныхъ здѣсь были (а я долженъ былъ по участию моему въ правленіи здѣшнемъ всѣхъ знать): Шварцъ, умершій, Князь Николай и Юрій Пикитичъ Трубецкіе, кураторъ Херасковъ, Николай и Алексій Повиковы, бригадиръ Тургеневъ и бригадиръ Чулковъ, надворный совѣтникъ Гамалѣя, полковникъ Поздѣвъ, профессоръ Чеботаревъ, маіоръ Кутузовъ, Шредеръ, докторъ Френкель, полковникъ князь Алексій Черкасскій, титулярный совѣтникъ, князь Енгальчевъ, сенаторъ Алексій Андреевичъ Ржевскій, премьеръ—маіоръ Фреклинъ, Багрянской докторъ и я. Тотъ степень, въ знакѣ котораго находилось изображеніе креста Андрея апостола, какъ я уже прежде сказалъ, лѣтъ уже девять тому назадъ совѣтъ не въ употребленіи былъ между нами; и съ того времени никто изъ извѣстныхъ мнѣ не имѣетъ онаго. Отмѣна сего степеня и замѣненіе онаго другимъ, такъ называемымъ екоскимъ же, послѣдовала меньше нежели черезъ годъ по вступленіи моемъ въ масоны, и тогда, когда я никакъ въ правленіи здѣшняго масонства не участвовалъ, и потому и не могу я точно именовать имѣвшихъ съ тѣмъ знакомъ степень оную, и удовлетворительнаго донесенія о семъ сдѣлать не могу. Я получилъ екосскій степень по онымъ обрядамъ и послѣ того помню, что находился не болѣе одного раза при употребленіи онаго въ ложѣ. Затѣмъ послѣдовалъ, какъ выше сказалъ я, новый въ замѣну того екосскій градусъ, который и употреблялся во все время участвованія моего въ правленіи и Благотворительнаго Рыцарства, и братства Розоваго Креста.

На 10-й. Я ни одной запрещенной книги не печаталъ и завѣдомо не продавалъ. Въ бывшей типографической компаніи и въ прошломъ ноябрѣ мѣсяцѣ уничтоженной нами печатаніемъ и продаваніемъ книгъ управлялъ поручикъ Новиковъ; я въ оное не входилъ и совсѣмъ не зналъ, что перепечатываются запрещенныя книги, такъ какъ и теперь по истинѣ не знаю, какія то были. Извѣстно мнѣ только, что послѣ помянутыхъ запрещеній окончивалось печатаніе книги, называемой *Божественная Метафизика*; и хотя сія книга подѣ запрещеніе не подошла, ибо не допечатана и не открыта тогда была, но по содержанію ея, въ силу оныхъ запрещеній, не должна была въ свѣтской типографіи печатаема быть: то я признаю себя виновнымъ въ томъ, что, вѣдая о печатаніи оной книги, не препятствовалъ сему и не старался всѣми возможными мнѣ способами отвратить онаго, въ какомъ проступкѣ моему, уповаю на всемилостивѣйшее прощеніе, равно и въ томъ ежели я не завѣдомо, однакожь отъ небреженія продалъ какія либо изъ запрещенныхъ книгъ, по истинѣ не помня, чтобъ когда то дѣлалъ, но могло оное случиться слѣдующимъ образомъ: въ общую продажу изъ компанейскихъ магазинововъ книжныхъ и въ распоряженіе оной я никакъ не входилъ, но отдавалъ въ разныя времена нѣсколько книгъ на продажу въ курскую и орловскую лавки, бравъ тѣ книги на свой счетъ отъ компаніи по реестрамъ, подававшимся мнѣ требовавшими оныя продавцами, и которые подписывалъ я, не читая, чѣмъ однако не оправдываюсь. Я, подписывая такимъ небрежнымъ образомъ, означалъ только сумму, на которую отпустилъ. И такъ могли вкрадываться въ тѣ подаваемыя мнѣ реестры и запрещенныя книги; съ намѣреніемъ же никогда я ихъ въ продажу не выпускалъ и не разсылалъ, такъ же при реестрахъ книгъ я никакихъ не сокрывалъ; а зналъ, что Новиковъ скрываетъ и хотя и не старался всемірно препятствовать тому, въ чемъ еще нахожу себя виновнымъ, однако не одобрялъ того поступка и лучше сказать гнушался сокрытіемъ запрещенныхъ книгъ на продажу; о скрытіи въ деревнѣ князя Черкаскаго и свѣдалъ я гораздо позже учиненія онаго. Во время же перваго осмотра книгъ въ концѣ 785 и въ началѣ 786 годовъ былъ

я въ Кромской моей деревнѣ. Въ то время не открыты осмотры въ бывшей подъ именемъ моимъ типографіи печатанныя нѣкоторыя книги, какъ-то: *Таинство креста* и проч. Въ отсутствіе мое, равно какъ и всегда оной типографіей распоряжался Повиковъ. Какъ онъ тѣ книги тогда сокрылъ, того обстоятельно не знаю, но увѣренъ, что сіи книги и до осмотра, и послѣ осмотра никогда въ продажу пущены не были. А слышалъ, что ходили украденныхъ какъ то изъ магазейна или при напечатаніи по три или по четыре экземпляра; знакомымъ же нашимъ, до сихъ книгъ охотникамъ, мы ихъ для собственнаго чтенія давали, и я сіе также дѣлалъ.

На 11-а. Мною посредственно или непосредственно управляемая въ разныхъ губерніяхъ суть: въ Орлѣ, гдѣ главнымъ надзирателемъ вице-губернаторъ Карпѣвъ, — съ нимъ бывший губернаторъ Пеплюевъ числился только, ибо онъ давно отсталъ; совѣтники палаты Пелѣдинской, Ржевской; ассесоры: меньшей Карпѣвъ и Милоновъ, статскій совѣтникъ Свербѣвъ; въ Вологдѣ главнымъ надзирателемъ — застѣдатель верхняго земскаго суда Остолоповъ, съ нимъ, помнится, человекъ три или четыре малыхъ чиновъ; въ Кременчугѣ года три тому назадъ заводилася ложа ассесоромъ Бѣлоусовичемъ, который былъ со мною въ сношеніи; но она въ недействіи, и переписка прервана; въ С.-Петербургѣ главнымъ надзирателемъ премьеръ-маіоръ Лѣнинцевъ, съ нимъ также трое или четверо, которыхъ именно теперь показать не помню. Въ бѣлорусскихъ губерніяхъ была ложа, но какъ она не состояла никогда въ моемъ вѣдѣніи, то обстоятельно объ ней показать не могу, и думаю, что она не въ действіи. Ибо нѣсколько лѣтъ тому, какъ у насъ собранія и упражненія производились только въ степеняхъ розенкрейцерскихъ и въ послѣдней, къ онымъ такъ называемой соломоновыхъ наукъ и теоретическихъ философовъ, въ которой степени управляющіе именуются главными надзирателями. Я управлялъ сими ложами, былъ директоромъ круга розенкрейцерскаго, и участвую въ главномъ правленіи сего братства здѣсь, которое съ помянутыми теоретическими ложами одно и существовало наконецъ. Такъ называемая шотландскія матеріи ложа уже давно не въ дѣй-

ствіи. Система Благотворнаго Рыцарства, на которой должны быть: главная провинціальная ложа, подъ нею директорія, подъ сею капители, а подъ нею екосскія и трехъ—степенныя ложи. Сія система опять давно оставлена, какъ я прежде показаль, и изображенное мною рыцарства расположение не существуетъ, да и никогда не существовало основательно. Восемь лѣтъ уже тому, какъ никто въ братья Рововаго Креста не принять, и находящіяся въ ономъ изъ одного въ другой градусъ не переходили. Въ послѣдніе годы розенкрейцерскихъ собраній болѣе не было, какъ четыре или пять въ годъ, а иногда и меньше. Чаше, однако не часто, собирались въ теоретическихъ ложахъ, и были рѣдки принятія въ сію степень, въ прочихъ же степеняхъ пять или шесть лѣтъ можно сказать не упражнялись или такъ мало, что я въ томъ и отчета дать не могу, и самая большая часть масоновъ оставили и оставлены, и мы наконецъ находились весьма не въ великомъ числѣ.

На 12-й. Когда я вошелъ въ связи масонскія, тогда Шварцъ уже до смерти своей не выѣзжалъ изъ Россіи; къ барону Шредеру во все время писалъ я одно письмо, пересылая вексель, оставленный у меня княземъ Трубецкимъ, при отъѣздѣ его въ Петербургъ третьяго года,—въ которомъ писалъ только о приложеніи онаго и нѣсколько словъ дружественнаго доброжелательства къ Кутузову. По отъѣздѣ его въ чужіе края, писалъ я въ годъ два или три письма и отъ него получилъ столько же; въ то время когда князь Трубецкой жилъ въ Петербургѣ, писалъ я къ Кутузову, часто и отъ него получаль. Но всѣ письма сін, какъ не интересны, ни мало не хранилъ, а потому и не могу оныхъ представить. Я писалъ всегда прямо на бѣло и такъ моихъ писемъ къ нему нѣтъ у меня; о прочихъ перепискахъ съ Кутузовымъ и Шредеромъ ни о чьей обстоятельно не знаю, кромѣ князя Трубецкаго, который къ нимъ нерѣдко писалъ, особливо къ Кутузову. Ибо когда сей былъ въ чужихъ краяхъ, то къ Шредеру князь Трубецкой писалъ очень рѣдко, какъ думаю, не по дѣламъ общества нашего, ибо послѣдніе годы къ нему довѣренности не имѣлъ. А когда Шредеръ прежде ѣздилъ одинъ въ чужіе края, тогда князь Тру-

бецкой перѣдко къ нему писалъ, но я тогда обстоятельно о семъ свидѣнiя не имѣлъ. Еще знаю, что Тургеневъ писалъ къ Кутузову во все время письма два, и въ моихъ письмахъ иногда приписывалъ. Новиковъ также, помнится, разъ или два къ нему писалъ, но обстоятельно кромѣ вышесказаннаго ничего не знаю. О времени Шварцева пребыванiя въ чужихъ краяхъ ничего не знаю, но я тогда и въ связи сей не находился, а вошелъ въ оную, по крайней мѣрѣ, черезъ годъ по возвращенiи его въ Россiю. И ежели я что въ показанiи семъ скрылъ или утаилъ, то съ полнымъ признанiемъ найду себя достойнымъ строгаго по законамъ сужденiя.

На 13-й. Типографiя, бывшая подъ именемъ моимъ, объявлена мною при заведенiи ея здѣшней управѣ благочинiя и заведена на основанiи высочайшаго указа о вольныхъ типографiяхъ; и даже когда я ее перевелъ, и она вошла въ типографiю компанейскую, то и о семъ я объявилъ управѣ благочинiя. По скрытно и сказаннымъ въ семъ вопросѣ людьми печатались нѣкоторыя книги, какъ то *Таинство креста* и еще немногiя, но ихъ всѣхъ именовать теперь не упомяну. Сею типографiею моею управлялъ, какъ уже выше показано отъ меня, Новиковъ и въ бытность мою въ Москвѣ, и въ осьмимѣсячное мое отсутствiе изъ оной. Нѣкоторыя изъ оныхъ книгъ я совсѣмъ не читалъ, а иныя знаю и признаюсь, что по сильной склонности къ мистикѣ находилъ въ нихъ удовольствiе; кромѣ склонности сей и во мнѣ и въ другихъ, послѣку мнѣ извѣстно, никакихъ побужденiй къ тому печатанiю и замысла при ономъ не было. Сокрывали мы книги сiи единственно для того, что хотя не вышелъ еще тогда запретительный указъ, но были слухи и о томъ, что неудобны правительству книги такого рода. Не могли мы однако думать, что сiи книги, во многихъ экземплярахъ напечатанные, никогда не открылись въ продажу; объявленные мною въ семъ отчетѣ книги никогда ни тайно, ни явно выпускаемы не были, развѣ то дѣлалось совсѣмъ незѣдомо мнѣ. А любителямъ изъ общества нашего раздавались, какъ я и прежде сказалъ. Хотя сею типографiею, подъ именемъ моимъ бывшею, управлялъ и книги отдавалъ печатать Новиковъ; однако я по склонности къ мистическимъ матерiямъ

участвовалъ много въ томъ печатаніи и усердіемъ, и вѣданіемъ. И хотя Богъ тому свидѣтель, что я во всемъ томъ никакого злаго умысла не имѣлъ, но, не сохраняя во всей точности чистоты въ отношеніи къ государственнымъ узаконеніямъ, признаю себя достойнымъ строгости ихъ наказанія, яко виновный, и дерзаю испрашивать помилованія отъ единого высочайшаго милосердія.

На 14-й. Секретарь сей былъ принятъ Гамалѣю или Турганевымъ, точно не помню — только кажется, однимъ изъ нихъ; видовъ въ принятіи семъ, кромѣ обыкновенныхъ въ масонствѣ, я не могу предположить никакихъ, а особливо злыхъ, и потому, что сіе дѣлалось во время главнокомандованія покойнаго фельдмаршала графа Чернышева, который имѣлъ гораздо больше довѣренности къ самому Гамалѣю, нежели къ Кочубѣеву. Сей послѣдній часто хаживалъ, и не таясь, въ ложы многочисленныя, которыя тогда и года три или болѣе послѣ весьма нескрыты были. Кочубѣевъ сей находится въ степени, называемомъ теоретическимъ соломоновыхъ наукъ.

На 15-й. Шварцъ, сколько мнѣ извѣстно стало во время моего вступленія въ общество, посланъ былъ для пріисканія лучшаго масонства. Въ какомъ видѣ онъ вошелъ въ связи Благотворнаго Общества и братства Розоваго Креста, всѣ обстоятельства сего происшествія мнѣ неизвѣстны, понеже, какъ я сказывалъ, отправленіе сего и возвращеніе было гораздо прежде вступленія моего въ масонство. Послѣ не интересовался я много развѣдать объ нихъ; и не къ лицамъ токмо имѣя довѣренность, дѣлалъ мои заключенія по бумагамъ, содержащимъ въ себѣ институты обѣихъ системъ, и по мнѣнію моему система братства Розоваго Креста представлялась мнѣ гораздо лучшею. И въ ея актахъ не принималъ я все за безпогрѣшное и за достойное слѣпой вѣры, и безъ размышленнаго послѣдованія не отвергалъ никогда того, чтобъ не могли тутъ быть ошибки, свойственныя недостатку человѣчества, но не находилъ тутъ ничего зловреднаго, ничего, по моему мнѣнію, противнаго обязанностямъ христіанина, вѣрноподаннаго и сына отечества: ибо ежели бы подобное находилъ или когда бы то ни было увидѣлъ

ное, то съ трепетомъ бы удался отъ онаго. И такъ не-находя того послѣдняго, находилъ много и полезнаго, особливо относительно къ наукѣ, открывающей вѣдѣніе о натурѣ и твореніи Всемогущаго, каковое вѣдѣніе, какъ я думаю, способствуетъ къ познанію о вездѣсущи божіемъ; а сіе должно возбуждать страхъ господень, который есть начало премудрости. Въ такомъ расположеніи духа принялъ я оную науку, яко способствующую, какъ я думалъ, къ преуспѣхамъ въ христіанствѣ, съ чистотою котораго я находилъ согласнымъ и правоученіе, преподаваемое въ извѣстныхъ мнѣ актахъ онаго ордена Золотаго и Розоваго Креста, и въ книгахъ, въ ономъ рекомендуемыхъ. Поелику мнѣ извѣстно сіе, почелъ я за нужное сказать, яко чистосердечнѣйшее исповѣданіе мое о причинахъ къ тому, что я былъ въ ономъ ордентѣ. Возвращаясь къ вопросамъ о баронѣ Шредерѣ и Кутузовѣ, донесу: баронъ Шредеръ, когда ѣздилъ одинъ, то по возвращеніи привезъ, сколько я знаю, нѣкоторыя степени, не бывшія еще здѣсь, ордена Розоваго Креста, и которыя онъ, какъ я слышалъ, получилъ отъ Велпера, яко отъ главнаго берлинской директоріи, отъ которой наша получила первые акты ордена Золотаго и Розоваго Креста; и тогда еще сей Велперъ задолго не былъ министромъ. А во время его министерства едва ли князь Трубецкой получалъ хотя одно письмо отъ него и къ нему писалъ ли, утвердить сего не могу, но поминтся такъ. Въ послѣдній разъ, когда Шредеръ поѣхалъ съ Кутузовымъ, то безъ всякаго порученія и довѣренности; возвращающемуся ему въ отечество свое, дѣлали мы помощи изъ синсхожденія на его недостатокъ и въ удовлетвореніе за капиталъ его въ бывшей компаніи, который, при уничтоженіи ея, возвращенъ какъ ему, такъ и Кутузову, яко бывшими членами въ оной. Кутузовъ отправленъ въ Берлинъ и въ прочія мѣста, гдѣ, мы полагали, нужно быть можетъ для дальнѣйшаго еще успѣха въ наукѣ того ордена и полученія новыхъ степеней, когда можно будетъ; въ каковомъ ожиданіи онъ и живетъ въ Берлинѣ, упражняясь, сколько мнѣ извѣстно, въ химіи по методу орденской. И онъ также получалъ отъ насъ знатныя суммы на прожитокъ и на покупку книгъ. Наставленія Шредеру и Кутузову долженъ

былъ давать и давалъ князь Николай Никитичъ Трубецкой; не могу я подлинно сказать и подробно какія, и были ли письменныя, того не знаю. Но по короткому знанію моему сего князя Трубецкаго и по увѣреніи въ его добродушіи и честности, увѣренъ, что онъ не давалъ никакихъ вредныхъ и касающихся до чего либо, кромѣ вышесказанной мною цѣли. Увѣдомленія отъ Кутузова и Шрейдера, когда сей послѣдній имѣлъ довѣренность, получалъ также помянутый князь Трубецкой, а я никогда. Я многія и почти все въ нихъ читалъ, но на память отчета въ нихъ дать не могу. Еще для объясненія недовольно ясно, какъ мнѣ помнится, объясненнаго мною издивенія для посылаемыхъ повторю, что оное было отъ насъ. Употреблялось, думаю, оное прежде, во время послышки Шварца отъ Татищева, князя Трубецкаго и Новикова. А потомъ для Шредера и Кутузова изъ расходовъ компаніи, Новиковымъ, отъ князя Трубецкаго и отъ меня. Сколько же на сіе употреблено денегъ во все время, того точно и даже около съ нѣкоторою вѣрностію показать не могу; а знаю только, что сумма знатная. Студенты были посылаемы сдѣлавшіеся послѣ докторами: Багрянской, Колокольниковъ и Невзоровъ. Багрянскаго отправлялъ Новиковъ, съ нимъ переписывался и на содержаніе ему посылалъ деньги, сколько — то мнѣ неизвѣстно, какъ равно и то, въ чемъ ихъ переписка состояла, и какія Новиковъ давалъ ему наставленія. Колокольникова и Невзорова отправлялъ я. Они были членами бывшей у меня прежде трехъ—степенной ложы и имѣютъ степень ессскихъ мастеровъ, въ которой приняты не весьма задолго предъ отправленіемъ ихъ въ чужіе края, которое учинено въ 1788 году. Они отправлены были въ слѣдующемъ намѣреніи, — что когда они выучатся химіи, медицинѣ, натуральной исторіи и протчаго, чтобы по впадѣніи ихъ въ розенкрейцеры тѣмъ удобнѣе могли упражняться по методѣ и системѣ онаго ордена и быть у насъ лаборантами, каковыя при кругахъ бывають, и конхъ работы служатъ для наблюденія прочимъ членамъ, конхъ большая часть въ томъ не упражняется. А съ другой стороны думалъ я исполнять долгъ добродѣтели, помоществуя бѣдности и дѣлая имъ состояніе столь выгодное, каковое здѣсь есть докторское. И Багрян-

ской, сколько мнѣ извѣстно, въ такомъ же намѣреніи посланъ былъ. Колокольниковъ и Невзоровъ получали отъ меня въ годъ рублей около тысячи на содержаніе и ученіе ихъ. Я съ ними переписывался при отправленіи ихъ; все мое наставленіе въ томъ состояло, что я имъ совѣтовалъ наблюдать добросъравіе и прилежно учиться. Кромѣ учебныхъ ихъ книгъ совѣтовалъ я имъ упражняться въ чтеніи во первыхъ священнаго писанія стараго и новаго заветъа, которое есть источникъ и основаніе всѣхъ добрыхъ писаній, потомъ книгъ, относящихся къ наукѣ герметической, составляющей упражненіе масонства древня системы или ордена Золотаго или Розоваго Креста, къ которой они приуговорялись; медицинскою школою обучались въ Лейденѣ и Геттингенѣ. По обыкновенію слѣдовало бы ѣхать для окончательнаго курса въ Парижъ, но я воспретилъ сему, съ одной стороны предохраняя ихъ отъ заразительнаго духа разврата и матажа, тамъ нынѣ царствующаго, — а съ другой стороны предохраняя и себя, по бывшимъ тогда слухамъ о томъ, что нѣкоторые подозрѣваютъ насъ въ единомысліи со оными возмутителями, зиконы божественныя и царскіе злобно попирающими душами, отъ чего Всевидящій, и незлобіе моихъ и прочихъ изъ насъ, поелнику мнѣ извѣстно, намѣреній вѣдущій, да сохранитъ всякаго челоуѣка! Однакоже прежде нежели мое письмо, удерживающее отъ ѣзды Колокольникова и Невзорова во Францію, могло придти къ нимъ, получилъ я отъ нихъ изъявляющее желаніе, не смотря на обычай медицинскою, не ѣхать туда, хотя бы то было и къ недовершенію изученія, и они не были во Франціи. Писывалъ я къ нимъ по два въ годъ, а въ иной и по три письма, а отъ нихъ получалъ столько же или, можетъ быть, однимъ или двумя письмами больше. Содержаніе писемъ моихъ, весьма короткихъ, состояло, при упоминаніяхъ о вложеніи векселей на содержаніе ихъ, въ короткихъ же совѣтахъ христіанскаго правоученія и въ напоминаніяхъ о чтеніи вышесказанныхъ мною книгъ и прилежнѣйшемъ ученіи въ классахъ. Ихъ письма ко мнѣ состояли почти только въ просьбахъ о присылкѣ денегъ и еще въ увѣдомленіяхъ о лекціяхъ, слушаемыхъ въ университетѣ, кромѣ двухъ, больше не помню, писемъ Невзоровыхъ раскаятель-

ныхъ и признательныхъ въ лѣности, нерадѣніи и испорченности нрава его, весьма жарко писанныхъ; да еще столькихъ же, помнится, отъ Колокольниковова, описавшаго состояніе товарища своего, въ которомъ онъ находилъ дѣйствіе меланхоліи. Писемъ ихъ я не хранилъ и все тратилъ. И еще вспоминалъ, что при отправленіи ихъ накрѣпко подтверждалъ имъ, не дѣлать въ чужихъ краяхъ никакихъ масонскихъ знакомствъ и сообщеній, а говорилъ имъ, что возвратный путь ихъ сюда можетъ быть учрежденъ черезъ Берлинъ; гдѣ они, можетъ быть, будутъ приведены въ дальнѣйшія степени и нѣсколько будутъ упражняться въ орденской химіи; однакожь, оставшіе, по окончаніи ихъ курсовъ, а паче по желанію ихъ писалъ, чтобъ они ѣхали обратно въ отечество, не указывая имъ пути и предоставляя оный ихъ разсужденію, посылая имъ денегъ на дорогу. Въ ноябрѣ или декабрѣ прошлаго года, точно не помню, получилъ отъ нихъ письмо, извѣщающее меня о готовности ихъ отправиться въ Россію и о томъ, чтобы къ нимъ уже болѣе не писать. И съ того времени не получалъ отъ нихъ ни строчки, не зная, гдѣ они находятся. Симъ искреннѣйшимъ признаніемъ открывъ причины отправленія отъ насъ сказанныхъ въ семъ вопросѣ, сюда донесу, что касательно до формы, учрежденной для выѣзда за границу, то она при выѣздахъ всѣхъ оныхъ, сколько мнѣ извѣстно, соблюдена. Какъ Шварцъ ѣздилъ, того я обстоятельства не знаю; но Шредеръ получалъ паспорта отъ правленія здѣшняго. Кутузовъ, имѣющій деревни въ Костромѣ, получалъ, помнится, отъ генералъ-губернатора костромскаго и вологодскаго. О студентахъ же опубликовано было въ здѣшнихъ ведомостяхъ, какъ объ отъѣздѣ, такъ и о мѣстѣ жилищъ ихъ здѣсь въ Москвѣ, и они поѣхали съ надлежащими отъ правительства пассами.

На 16-й. Подтверждая при семъ сказанное мною относительно къ сей особѣ прежде, въ сихъ отвѣтахъ моихъ прибавлю, еще, что о посылкѣ книгъ къ ней черезъ Бажанова Новиковымъ, слышалъ отъ сего послѣдняго. О книгѣ арндтовой вѣрно, о книгѣ самопознанія Іоанна Масона, помнится, также; и еще помню, что въ одно время, когда Баженовъ отъѣзжалъ въ Санктпетербургъ, то Новиковъ, собираясь послать

съ нимъ книгу *Таинство креста*, помнится на французскомъ языкѣ, совѣтовался со мною, можно ли ее послать, по слѣдующей причинѣ: въ книгѣ сей въ одномъ мѣстѣ сказано à peu près такъ: «хотя установленія братьевъ Розового Креста и есть хорошее изобрѣтеніе, однакожь истинная школа есть школа существеннаго креста Иисусъ Христовъ» и проч. — То Новиковъ говорилъ, что де сіе можетъ представить оной извѣстной особѣ институтъ нашъ недостойнымъ уваженія, а потому и къ намъ, когда провѣдаетъ, что мы во ономъ, никогда не будетъ имѣть благоволенія. На сіе отвѣтствовалъ я, что если книга хороша, то причина сная недовольна къ посылкѣ ея: ибо должно желать любви къ истинѣ, а не къ формамъ и лицамъ. Онъ, помнится мнѣ, рѣшился послать, но послалъ ли не помню, какъ и того, какія именно книги посылалъ Новиковъ и когда точно. Также и посредства кромѣ Бажанова никакого не зная, повторяю еще, что весьма темное и отрывистое имѣлъ свѣдѣніе объ отношеніяхъ ихъ къ извѣстной особѣ, а о началѣ оныхъ никакого. Немного разъ говоря съ Новиковымъ, почти каждый говорилъ о неудобностяхъ таковыхъ отношеній по крайнемъ разсмотрѣніи, чисты ли и безкорыстны они; въ семъ смыслѣ, относительно къ Новикову, говаривали мы и съ княземъ Трубецкимъ, и съ Тургеневымъ, которые согласны всегда были съ выше объявленнымъ понятіемъ. Мы говаривали такъ, что стараніе сдѣлаться пріятными той особѣ, хотя въ томъ видѣ, чтобъ когда-нибудь благоволеніе ея обращать на обогащеніе себя и прочее, уже мерзки и гнусны въ отношеніи къ чистой добродѣтели, а видѣ сей, по свойственнымъ человѣчеству пристрастіямъ, можетъ тайно, иногда и самому себѣ несвѣдомымъ образомъ, сокрываться подъ личиною мнимаго доброжелательства. И ежели бы случилось привлечь благоволеніе той особы, то всегдашнее играніе собственнлюбія и страстей человѣческихъ могло бы породить въ насъ желаніе скорѣе той особѣ быть въ возможности, благоволеніемъ сняя, существенно пользоваться насъ, а одна мысль таковаго желанія есть адская и ужасная для сердца христіанъ и вѣрнопопданныхъ. Самъ Новиковъ, какъ онъ мнѣ говорилъ, и сколько мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, уклонился отъ таковыхъ исканій, относитель-

но къ извѣстной оной особѣ. Впрочемъ искренно же и свѣдомое многимъ изъ бывшаго сообщества нашего донску, что въ послѣдніе годы сей Николай Новиковъ весьма пенскренъ былъ со мною, и между нами была, примѣченная многими, холодность, а только по бывшимъ между нами, такъ называющимся, орденскимъ связямъ оставалось нѣкоторое дружелюбіе и благопріистойность хранилась.

На 17-й. Книга сія, какъ мнѣ помнится лѣтъ девять или восемь тому назадъ выписана изъ Лейпцига. Переводилъ ее Багрянской, а съ переводомъ читали оригиналъ и исправляли, готова къ печатанію, вмѣстѣ съ переводчикомъ Кутузовъ, Тургеневъ, Новиковъ и я.

На 18-й. Въ типографіи, подъ моимъ именемъ бывшей, печатана книга *о духовной гордости*,— а таковой *о народной* мнѣ неизвѣстно. Вышесказанная знаю, что переведена, а съ какого языка и къмъ подлинно не помню; цензуровалась же она, конечно, полицейскою цензурою, подъ которою одною тогда всѣ были вольныя типографіи, въ числѣ коихъ и моя была.

Все сіе, сдѣланное въ отвѣтахъ моихъ, чистосердечное признаніе и показаніе дерзаю заключить поверженіемъ себя къ подножію престола Ея Императорскаго Величества съ полною готовностію вѣрнѣйшаго подданнаго всегда благоговѣйно чтить августѣйшую волю Ея. И всеуниженно прошу всемплоднѣйшаго прощенія во всемъ томъ, что имѣлъ несчастіе сдѣлать неугоднаго Ея. Что жъ не имѣлъ никогда намѣренія къ тому, сему свидѣтель Всевышній сердецвѣдецъ. Сей Богъ и Спаситель мой да сохранитъ меня и отъ единаго помышленія таковаго до конца дней моихъ!

Не бывъ вчерась въ состояніи на память безъ справки точно именовать всѣхъ членовъ въ прочихъ губерніяхъ теоретическаго градуса ложъ, въ коихъ, какъ я и прежде сказалъ, только на конецъ и производились работы, кромѣ круговъ розенкрейцерскихъ, сегодня вручилъ имянной списокъ членамъ масонъ, мною подписанный, его сіятельству главнокомандующему въ Москвѣ и также представилъ ему и отдалъ всѣ бумаги, сколько у меня ихъ нынѣ было, содержащія въ себѣ упражненія ложъ, состоявшихъ подъ моимъ управленіемъ.

Еще съ сокрушеніемъ сердечнымъ, повергаяся къ освященнымъ стопамъ Ея Императорскаго Величества, всеподданнѣйше прошу матернаго помилованія. Общаюсь разрушить все, такъ называемыя, орденскія подчиненности мои, и никогда не входить ни въ какія собранія противныя или неугодныя монаршей волѣ Ея.

На другое утро писанія и подписанія мною послѣдняго вышеписаннаго, собираясь явиться къ его сіятельству г-ну главнокомандующему, по приказанію его, въ тотъ часъ только пришло мнѣ въ память, что есть у меня издавна поставленный сундукъ барона Шредера. Я получилъ оный запечатанный и запертой, какъ мнѣ сказывали, принеся; но я сего не осматривалъ, сундука того не уважалъ; и съ тѣхъ поръ, какъ получилъ его, велѣлъ поставить въ одну палату изъ кладовыхъ въ домъ моего отца, и не видалъ его, и что въ немъ находится, совѣтъ не вѣдалъ; слышалъ же, что онъ интересовался объ томъ сундукѣ. И наипаче чистосердечно и вѣрноподданнически уважая требованіе отдачи мною всехъ могущихъ быть у меня бумагъ его, за долгъ почелъ донести его сіятельству и просить позволенія отдать ему сундукъ тотъ. Получивъ оное, привезу сей сундукъ къ нему въ такомъ состояніи, въ каковомъ найду. При семъ, почитая за нужное, осмѣливаю еще сказать, что бумаги упражненій въ бывшихъ, какъ кругъ розенкрейцерскомъ, такъ и прочихъ ложахъ вѣдомства моего представилъ; ни одной, изъ требуемыхъ отъ меня въ вопрошеніи бумагъ, касающихся до переписки иностранной, не утаилъ, какъ равно никакой важной, по силѣ оныхъ вопрошеній, и забвеніемъ не сокрылъ, въ томъ я увѣренъ. Но неуверенъ, не можетъ ли найтись гдѣ у меня, въ разныхъ мѣстахъ, чрезъ многіе годы, кладеныхъ небрежно бумагъ, касающихся до разныхъ системъ масонства, въ числѣ коихъ считалъ я всегда и розенкрейцерство, бумагъ подобныхъ, родъ представленныхъ мною. Желая же при распросахъ, сия чинимыхъ мнѣ именно, по Высочайшей Ея Императорскаго Величества всегда благоговѣнно—чтимой мною волѣ, сохранить всю строгость чистосердечія и откровенности, для полной очистки, просилъ бъ я осмотра, и ежели бы чувство отцелюбія не щадило бы дому отца, на смертномъ почти одрѣ ле-

жащаго, зрѣнія лишеннаго, при девятидесятилѣтней старости, котораго времени большая часть проведена имъ въ вѣрной службѣ Ея Императорскому Величеству, и провождается въ вѣрнѣйшемъ подданствѣ оному,—ежели бы не щадилъ я сего отца моего, котораго угасающая жизнь, жизнь весьма мнѣ драгоценная, можетъ безвременно пресѣчься отъ единого услышанія о гнѣвѣ на меня Твоемъ, Всемилостивѣйшая Монархія, Мать, всегда мною не только вѣроподданически чтимая, но и любимая искренно! Государыня! я не злодѣй, и не только когда либо обращалось во мнѣ хотя единое помышленіе, противное счастливому подданству Тебѣ, благоутробнѣйшая Монархія, но никогда ни упражнялся я въ томъ, гдѣ бы находилъ или даже подозрѣвалъ хотя тѣнь криминальнаго. Свидѣтель сего, дерзну сказать, Господь Спаситель и Богъ мой Исусъ Христъ, и печатлѣю сіе чистосердечнѣйшее признаніе мое слезами, не ропота и страха,— ибо я не дерзаю и усумниться въ правосудіи и милосердіи Твоемъ Государыня, и ежели есть какая неизвѣстность въ числѣ отношеній сего дѣла, производимаго обо мнѣ, или какая клевета на меня существуетъ, то я увѣренъ, что все сіе исчезнетъ при благоутробнѣйшемъ и прозорливѣйшемъ воззрѣніи Твоемъ на все мое подробное и искреннѣйшее признаніе,—не такими слезами, Государыня, но слезами чувствительности сердца, не ощущающаго въ себѣ умысленныхъ преступленій противъ Тебя, Великая Государыня,—сердца, всегда исполненнаго вѣрнѣйшимъ подданствомъ къ тебѣ и любящаго, смѣю сказать, добродѣтель.

18.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Во исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества отъ 1-го августа указа, который удостоился я получить въ воскресенье, то есть 8-го августа, 10-го же числа призвавъ къ себѣ князя Николая Трубецкаго, по вложеннымъ отъ Вашего Величества пунктамъ, учинилъ допросъ, прибавя только во снѣй одного Карамзина, какъ оный былъ въ чужихъ краяхъ, и ихъ прежде общества. Но увидя изъ перваго допроса князя Трубецкаго, что онъ посланъ былъ не отъ

нихъ, то въ послѣдующихъ исключилъ. А по полудни того же дня призванъ былъ не бригадиръ, а статской совѣтникъ Иванъ Лопухинъ, братъ же его Петръ, бригадиръ, въ отставку; но сей хотя и введенъ былъ въ ихъ общество круговъ или ложъ, но во всѣ гнусные перевороты ихъ, сколько мнѣ известно, не входилъ, а развѣ отъ нѣкоторыхъ былъ свидомъ; а посему сей статскій совѣтникъ Лопухинъ тожъ допрашиванъ былъ. За бригадиромъ Тургеневымъ въ среду, августа 11-го, отправилъ въ Симбирскъ, какъ я объ отъѣздѣ его всеннжайше Вашему Императорскому Величеству 19-го іюля донесъ, флигель-адъютанта, который, надѣюсь, не замѣшкнется пріѣхать прямо ко мнѣ, дабы ни съ кѣмъ прежде онъ не увидѣлся. А сихъ двухъ, спрашиваемыхъ мною, допросы всеннжайше здѣсь подношу. Кажется, Великая Государыня, отвѣты ихъ довольно искренни, но умалчиваютъ они объ отступленіи въ догматахъ вѣры, проповѣдуемой въ державѣ Вашего Величества. Тожъ не признаются во вредномъ намѣреніи или замыслахъ противу установленнаго въ російской имперіи правительства, хотя я старался испытать изъ нихъ доказательствомъ тѣмъ, что, когда признаютъ они . . . . . великимъ мастеромъ, и вѣрятъ, что по власти . . . или вдохновенію управляетъ ими главный начальникъ, то какая можетъ власть между сею помѣщаться? Оба они врозь сказали . . . . : Трубецкой: какъ же это вѣрить? — то я сказалъ: на что же сіе для обману употреблять? А Лопухинъ сказалъ, что же это иногда помѣщается въ письмахъ; а относительно управленія или главнаго начальника умолчалъ. А Трубецкой послѣ нѣкотораго молчанія умиленно сказалъ, что всѣ сіи вообще правила суть наши заблужденія. Спрашивалъ я ихъ также пріемлютъ ли они равенство людей. Трубецкой, отвѣчалъ онъ, шлется на бумаги, которыя я видѣлъ, что сего нѣтъ. То я вопрошалъ ихъ: что подчиненность ихъ неограниченная главному начальнику похожа на орденъ іезуитовъ? Онъ отвѣчалъ, что, читая книги, онъ самъ находитъ великое сходство; Лопухинъ сказалъ, что сему быть не можно, а въ разсужденіи сходности съ іезуитами, онъ этого не знаетъ. Наконецъ вопрошалъ я ихъ: что должны они признавать, что называютъ право чловѣка? Оба

одинаково сказали, что до ложъ или круговъ ихъ относится, а не далѣе. И такъ ихъ оставя, болѣе къ отвѣту не принуждалъ, ибо они правды сказать не могли. Впрочемъ, Великая Государыня, судя по нихъ, они въ совершенномъ раскаяніи, а особливо князь Трубецкой, какъ то изъ допросовъ ихъ, Ваше Величество, замѣтитъ изволите. Относительно до содержанія ужасныхъ ихъ присягъ, какъ Всемилостивѣйшая Государыня увидѣтъ изволите, что Лопухинъ отрекся оныхъ, а послѣ, сводя отвѣты, призывалъ ихъ обоихъ къ себѣ и сказалъ Лопухину, что его показаніе противорѣчитъ князю Трубецкому, а наче въ семь пунктѣ, и прочелъ ему отвѣтъ Трубецкаго. Онъ говорилъ Трубецкому: когда жъ мы присягали? Сей помолчавъ, сказалъ, что имъ надо не оправдывать себя, но просить прощенья. Я за все таковое признаніе его похваляя его, сказалъ, что не оставлю всеподданнѣйше и Вашему Величеству донести. Лопухинъ прибавилъ о присягахъ, съ половины допросу и онъ откровеннѣе отвѣчалъ и въ послѣдующіе дни свиданья со мною просилъ прибавлять объясненій. Пояснялся я, Всемилостивѣйшая Государыня, словесно съ ними и о начальникѣ ихъ герцогѣ брауншвейгскомъ (они не герцога владѣтельнаго признавали, но дядю его фельдмаршала, который не въ давнѣ скончался): какимъ образомъ по ихъ показанію отрекаются они отъ начальства его, а по бумагамъ ихъ подлинно сіе означаетъ? То они показали такимъ образомъ: когда Шварцъ былъ посланъ въ Берлинъ, то Вельнеромъ принять въ Золото-розовый Крестъ; тогда жъ онъ былъ у герцога брауншвейгскаго, искалъ и принять былъ въ протекцію его, и начальство принялъ надъ ними; на генеральной же конвенціи всѣхъ почти въ свѣтѣ ложъ онъ председательствовалъ, и на оной, какъ Ваше Величество изъ бумагъ замѣтитъ изволите, орденъ Тамплиеровъ совсѣмъ отмененъ, съ прописаніемъ исторіи ихъ истребленья, и что ни одно правительство терпѣть ихъ не будетъ, а подобно сему и розенкрейцерство отменено. А по просьбѣ Шварца учрежденъ былъ орденъ *Chevaliers bienfaisants* или благотворительныхъ рыцарей. Вельнеровъ же кругъ или ложа въ Берлинѣ розенкрейцеровъ и разныхъ системъ съ кругомъ герцога брауншвейгскаго и между собой не въ согласіи. По возвратѣ

Шварцъ привезъ обѣихъ ложъ институту; они, разсматривая оныя, какъ и прежде бывшій орденъ Тамплеровъ, переданный имъ изъ Швеціи, оставили оный и благотворительныхъ рыцарей, а избрали орденъ Золото-розоваго Креста, предавшись подъ начальство Вельнеру. Въ числѣ ихъ круговъ и Бишефсвирдербъ. Князь Трубецкой просилъ у меня позволенія писать въ Берлинъ къ Кутузову о возвращеніи его сюда, но я сказала, чтобы онъ взялъ терпѣнье. о чемъ всеподданнѣе испрашиваю Вашего Императорскаго Величества Высочайшаго повелѣнія. Черезъ сутки, съ позволенія моего, чтобы собрать бумаги, Трубецкой оныя ко мнѣ привезъ, но я оставилъ ихъ на время у себя, дабы ихъ разобрать и въ порядкѣ доставить къ Вашему Императорскому Величеству. Между ими статуы всѣ оригинальныя, въ числѣ оныхъ оригинальный же статутъ изъ Швеціи на орденъ Тамплеровъ, который онъ давно уже получилъ отъ князя Гаврилы Гагарина, и тогда, когда оный отказался отъ ихъ обществъ, а у него тожъ безъ дѣйствія лежалъ, будучи, какъ выше сказано, отъѣиенъ. И тутъ же на восьмую степень золото-розовыхъ крестовъ институту, который получилъ князь Николай Трубецкой чрезъ барона Шредера, въ которую степень онъ Вельнеромъ признанъ, да онъ принялъ во оной брата своего князя Юрія. Выше жъ сей степени въ Россіи нѣтъ никого, а маговъ и совѣтъ нѣтъ здѣсь и не было. Тутъ же находится патентъ, данный князь Николаю Трубецкому на здѣшнее начальство, который, какъ онъ сказываетъ, подписанъ имъ, Вельнеромъ, а другой кто подписалъ онъ не знаетъ; какъ и шифровъ въ семь патентъ, означающихъ, по ихъ численію, годъ и число, разобрать не умѣеть, то и считаетъ, что другой подписатель есть девятой уже степени магъ. Письма Кутузова успѣли уже разсмотрѣть, но въ нихъ примѣчанья нѣтъ достойнаго; въ одномъ шифратѣ упоминается о Вельнерѣ и Дебаскѣ, то я ему во ономъ велѣлъ переложить шифры; онъ нашелъ ихъ 7-й степени розоваго креста и переложилъ внизу обыкновеннымъ письмомъ, которыя письма при семъ всеижайше Вашему Величеству и подношу. Оныя всѣ давнія, а писемъ въ правленье мое уже здѣсь, хотя оныя мнѣ извѣстны, не доставилъ. А вчерашній день и Лопухинъ имѣющіяся у него

бумаги доставилъ, которыя также пужно разобрать; а сегодня доставить и упоминаемый въ допросахъ супдуръ барона Шредера. Не разсудилъ я ожидать пріѣзда бригадира Тургенева, а, оконча все съ ними и вида ихъ раскаянье, объявилъ имъ Высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ, чтобы они во отдаленіи отъ столицъ ѣхали въ деревни, не выѣзжая изъ той губерніи, и впредь бы не отваживались въ расколъ свой кого привлекать, подь опасеніемъ тагчайшаго наказанія. Князь Трубецкой спрашивалъ меня — кому онъ сдать мѣсто своего главноприсутствія при остаточномъ казначействѣ. Я сего рѣшить былъ иначе, Всемилоствѣйшая Государыня, не въ состояніи, какъ о томъ всеподданнѣйше испросить у Вашего Императорскаго Величества указа; а между тѣмъ по просьбѣ его, какъ подлинно жена у него больна, и для учрежденія его дѣлъ, позволилъ я ему остаться, но болѣе однакожь десяти дней.

Статской совѣтникъ Иванъ Лопухинъ назначилъ пребываніе свое въ деревнѣ отца его, о которомъ упоминаетъ и въ отвѣтахъ своихъ, генераль-поручика Лопухина, въ орловскомъ намѣстничествѣ, кромской округи въ селѣ Воскресенскомъ, Литежи тожь. И просилъ тожь пребытія здѣсь нѣсколько дней, болѣе для того, чтобы найти съ пристойностію отцу его о селѣ объявить, какъ извѣстно и Вашему Императорскому Величеству, что онъ около девяноста лѣтъ и потерялъ зрѣнье уже нѣсколько лѣтъ, то чтобъ сохранить его здоровье; паче, что онъ весьма огорчится, что сынъ его могъ быть преступникомъ и заслужить гнѣвъ Вашего Императорскаго Величества, а между тѣмъ и учредить дѣла его; то я также позволилъ для исполненія сего пребыть ему здѣсь въ городѣ не болѣе десяти дней. При допросѣ Лопухина изволите найти, Ваше Величество, черную, писанную его рукой, бумагу, какъ отъ начальства онъ повелѣвалъ въ подчиненные ему круги берочься пллюминатовъ. Я хотя ему сказывалъ, что она напрасно; ибо какъ тѣ пллюминаты атеисты, а они пллюминаты законники, а притомъ, что я не могу сказать, кому дать преимущество для пользы государственной фанатику или атеисту; но по усиленной его просьбѣ позволилъ оное уже приложить.

Осытливуюсь всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству мнѣніе мое сказать о дѣлахъ малыхъ сихъ мартинистовъ, что они ихъ воспитываютъ въ тѣхъ же правилахъ, что и отношу на Высочайшее Вашего Величества разсмотрѣніе.

Всемиловитѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій князь А. Прозоровскій.

19.

Вопросные пункты бригадиру Туріеневу.

1-е. Хотя и не могу я отговариваться невѣдніемъ о запрещеніи всякаго рода сборищъ, братствъ и тому подобнаго, но, почитая по заблужденію своему ихъ исключительными изъ сего названія и не находя ихъ вредными, ходилъ въ нихъ и въ томъ милостиваго дерзаю испрашивать прошенія и отпущенія. Наконецъ сборища сіи были такъ малочисленны, что я не думалъ, чтобъ они могли произвести неудовольствіе; а съ сихъ поръ вѣдая, что и они неуютны, то въ нихъ и ходить не буду, ежели бы они гдѣ и были. Цѣль сихъ сборищъ моя была та, чтобъ быть съ пріятелями вмѣстѣ и говорить о чемъ-нибудь, до учености касящемся; приглашалъ же я весьма немногихъ и то въ томъ же намѣреніи, чтобъ упражняться въ учености, а не въ другомъ какомъ, въ чемъ готовъ дать всевозможное подтвержденіе.

2-е. Особенно перениски я не имѣлъ ни съ кѣмъ, ниже съ сямъ герцогомъ и министромъ Вельнеромъ и съ принцомъ гессенъ-кассельскимъ. Что жъ принадлежитъ до изобрѣтенія шифровъ, то мы ихъ не выдумывали, а получили вмѣстѣ съ градусами. Для того вступилъ въ сію перениску, что по совѣсти моей не находилъ я противнаго законамъ, для сего самаго и продолжаема нѣсколько она была. Вѣдали о себъ перенискѣ князя Юрій Никитичъ и Николай Никитичъ Трубецкіе, Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и прочіе нѣкоторые, а кто именно — теперь не помню, потому что сіе было давно. Письма пересылаемы были большею частію чрезъ почту, а еще, помнится мнѣ, привозилъ ихъ Шварцъ.

3-е. Герцогу браунгшвейскому неограниченнаго повиновенія я не обѣщевалъ никогда, а въ зависимости его были на нѣкоторое время и здѣшнія тожь нѣкоторыя ложи, а та ложа, къ которой я принадлежалъ, и не была. Мы желали и просили герцога, чтобъ здѣсь сдѣлана была провинція, дабы и русскіе масоны сами собою управляться могли. Сіе желаніе исполнено и здѣсь учреждена провинція. А такъ какъ въ сей связи не находилъ я ничего, до учености касающагося, то вмѣстѣ и съ согласія прочихъ мы оставили сію связь, а вошли въ знакомство съ Вельнеромъ чрезъ покойнаго Шварца. Зависимость, въ какой мы были съ герцогомъ, почиталъ я не тою зависимою и не тѣмъ повиновеніемъ, конимъ я обязанъ законному своему Государю, а просто зависимою масонскою или дружескою. Правда, что писалъ отсюда князь Трубецкой и я о семъ вѣдалъ, что насъ здѣсь подозрѣваютъ, только о семъ было писано къ Вельнеру, а не къ герцогу. Жалобу сію я не почиталъ жалобою противу правительства Россіи, а извѣщеніемъ, каковое бываетъ отъ пріятеля къ пріятелю о его обстоятельствахъ. Обязательства, въ конхъ я находился, считалъ я обязательствами такими, какія существуютъ между учеными и учителями, и потому думалъ, что они непозволенными назваться не могутъ. Въ обязательства же политическія я не входилъ, да сего и не требовалось отъ меня никогда. Если бы когда и потребовались, то бы я вѣрно рѣшительно отказался. О томъ, что здѣсь насъ подозрѣваютъ быть мартинистами, писалъ князь Николай Никитичъ Трубецкой, а я и прочіе нѣкоторые о о семъ вѣдали и онъ писалъ съ нашего согласія. Вѣдали о семъ еще князь Юрій Никитичъ, Иванъ Владимировичъ Лопухинъ, Семенъ Ивановичъ Гамалтя.

4-е. Я, почитаю масонство очень хорошимъ дѣломъ, желалъ бы, чтобъ всѣ, а особливо великія особы его защищали и утверждали; и моя забота о сей особѣ, здѣсь упоминаемой, состояла только въ мысляхъ, а отнюдь не на дѣлѣ. Слыша же отъ Баженова, что великая сія особа привязана къ масонству, говорилъ объ этомъ и съ нимъ и съ Новиковымъ. Съ принципомъ гессенъ-кассельскимъ о перепискѣ по сему я не вѣдалъ и не вѣдаю. Я уже объявилъ, что вред-

чаго въ семь дѣлъ предпріятія я въ души моей не имѣлъ; а въ томъ, для чего мы о семь и говорить и думать осмѣливались, признаю себя виноватымъ. О томъ, что Баженовъ говорилъ съ важною сею особою, вѣдалъ я, Новиковъ, Гамалтя, Трубецкіе, такъ равно и всѣ сии мои товарищи. Посему съ Баженовымъ и говорить не хотѣли и Новикову отсортывали и потомъ о семь мы отъ Новикова и Баженова ничего не слышали.

5-е. Сей бумага, писанной архитекторомъ Баженовымъ, я не читалъ и выписки, сдѣланной Новиковымъ, я не бралъ и мнѣ ее не давалъ никто. Причиною же тому, что я не видалъ сей бумага, могло быть мое отсутствіе изъ Москвы въ деревню, продолжавшееся полтора года, а потомъ рѣдкое мое свиданіе съ Новиковымъ, съ которымъ сколь прежде, тому лѣтъ пять, я часто видался, столь въ теченіи нынѣшнихъ двухъ лѣтъ съ половиною я бывалъ съ нимъ рѣдко, а того меньше говаривалъ о какихъ-либо дѣлахъ. Впрочемъ о вредномъ и вымышленномъ враньѣ я не слышалъ, да и Новиковъ уже со мною, такъ какъ и съ княземъ Трубецкимъ и Лопухинымъ съ нѣкотораго времени не сталъ откровененъ. Переслана ль была та бумага къ Кутузову, я не знаю; у кого сія бумага была или есть, я не видалъ и у себя не имѣю, и ходила ль она по рукамъ, я не вѣдаю.

6-е. Въ нашихъ сборищахъ епископовъ не было, епархіевъ также у насъ не было. Храмомъ мы разумѣли всякое наше собраніе, слово жертвенникъ также было въ употребленіи. Ввели сии вещи, принявъ градусы, въ коихъ они употребительны, ибо, работая по градусу, нельзя было не употреблять и словъ, въ немъ принятыхъ. А что мы приняли градусы безъ дозволенія правительства, въ томъ признаю себя виновнымъ и молю о милостивѣйшемъ прощеніи. Что жъ касается до міропомазанія, то мы не принимали сіе за то, которое употребляется яко таинство въ нашей православной церкви, а почитали обрядомъ, который означаетъ тотъ рецептъ, по коему приготовляются сии благовонныя вещи, изъ коихъ миро или масло составлено. Подобно сему и обрядъ омовенія, употребляемый въ нѣкоторыхъ масонскихъ принятіяхъ, я никогда не считалъ крещеніемъ, а обря-

домъ, изображающимъ очищеніе отъ пороковъ, принимая сіе въ аллегорическомъ смыслѣ. У насъ было въ употребленіи слово *капитель* и означало ложу высшую, а слово *спар-тія* въ употребленіи не было.

7-е. Въ сборищахъ нашихъ дѣлали мы присягу предъ евангеліемъ, а креста не было. Содержаніе сихъ присягъ, понеже они хотя разныя, одинаково; однакожь по своему существу въ нихъ именно требовалось быть повинновеннымъ и вѣрнымъ Государю и потому тѣмъ охотѣе я на сію присягу соглашался. Говорится у насъ, что тайну ордена не открывать никогда и никому; но какъ я сей тайны еще не получилъ, то и обязательства сего не давалъ. А что въ уставѣ масонскомъ сказано, чтобъ повиноваться великому мастеру во всемъ, то сіе принимаемо было аллегорически, понеже градусы всѣ исполнены аллегоріею и здѣсь великій мастеръ есть тоже, что вселенная стронтель. Мы же надъ собою политическія власти постороннія въ масонствѣ не признавали и не признаемъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ принимаемъ власть государскую. Впрочемъ мастеръ или начальникъ въ масонствѣ есть только учитель или наставникъ, а отнюдь не властелинъ. Герцогу мы, и я въ томъ числѣ, присяги не дѣлали, да и связь сію мы не уважали, и я тожь; а держались связи Вельнеровской, считая ея полезною и удаленною отъ всякихъ политическихъ видовъ. Повиновеніе правительству мы не отрицали, а подтверждали, вѣря всею душою, что повиновеніе государю важно, свято и необходимо нужно и полезно. Подтвержденіе сей обязанности тѣмъ казалось намъ пѣжиѣе, что оно еще болѣе укрѣпляетъ и утверждаетъ ту присягу, которую мы сдѣлали яко гражданае. Вотъ виды и намѣренія наши. Хотя же и былъ я принятъ въ 4-ю степень Розоваго Креста, но въ показаніе моего откровеннаго признанія объявляю, что существенныя тайны ордена я не получилъ, понеже не имѣлъ способностей пройти всѣхъ градусовъ и списать преподаемое въ нихъ ученіе. Ученіе же сіе состоитъ въ списканіи великаго таинства или *magisterium*, кое только тотъ получитъ, кто удостоится чрезъ исправленіе нравственнаго характера душевнаго сдѣлаться столько совершеннымъ, сколько человѣку возможно быть. А

посему и тайну ордена сей одинъ только въ существѣ ея знать можетъ, а потому и присягу давать на вытерпленіе пытки онъ одинъ въ состояніи, а съ меня такого обязательства не требовалось.

8-е. Орденъ Розоваго Креста, по мнѣнію моему, значить сіе: роза означаетъ невинность, а колкость ея ту трудность, которую употреблять должно для сохраненія сей добродѣтели. Крестъ значить самую сію трудность и протчія неудобства, коимъ бывають подвержены хотящія сохранить невинность нравственную. Въ томъ, что сей орденъ и орденъ св. апостола Андрея, или шотландской у насъ называемый, мы дерзнули возлагать на себя, на нашихъ товарищей, въ томъ во всемъ прошу милостивѣйшаго прошенія и извиненія. Возлагали же мы украшенія сіи на себя и товарищей нашихъ для того, что такъ предписывалось нашими обрядами.

9-е. Товарищи наши Розоваго Креста, сколько теперь помню: князь Николай Никитичъ и князь Юрій Никитичъ Трубецкіе, Михайло Матвѣевичъ Херасковъ, Семенъ Ивановичъ Гамалыя, Осипъ Алексѣевичъ Поздѣвъ, Иванъ Владимировичъ Лопухинъ, Николай и Алексѣй Ивановичи Цовиковы, докторъ Френкель, профессоръ Чеботаревъ, Чулковъ, князь Алексѣй Черкасскій, Кутузовъ, докторъ Багрянскій, а прочихъ не упоминаю, также и кто носятъ крестъ шотландскій, не упоминаю. И сіе пишу сущую правду и желаю во всемъ искренно признаться.

10-е. На продажу книгъ послѣ запрещенія я согласенъ не былъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были печатаны не на продажу, а для тѣхъ, кои были въ нашей связи, да и то такія, кои по мнѣнію моему тогдашнему не были противны правительству и церкви. Но какъ и сіе не извиняетъ, то, признавая вину свою, припадая къ стопамъ милосердія, прошу милостиваго отпущенія. При осмотрѣ я никакихъ книгъ не скрывалъ и въ деревню къ князю Черкасскому отвезены были не тѣ книги, кои были печатаны для продажи, а тѣ, кои для знакомыхъ, но и въ семъ далекъ я себя оправдывать и паки прошу милостиваго прошенія.

11-е. Сколько мнѣ извѣстно, установлены были наши сборища въ Орлѣ, гдѣ и нынѣ существуетъ подъ управленіемъ

тамошняго губернатора; въ Симбирскѣ я учредилъ, подъ надзираніемъ бывшаго тамъ вице-губернатора Голубцова, но она рушилась и теперь тамъ не собираются. А и собиралась до сихъ только нѣсколько разъ въ нѣсколько лѣтъ. Ежели бѣ имѣлъ я списки требуемыя, я бы при семъ ихъ представилъ, но у меня ихъ нѣтъ. Есть еще ложа въ Петербургѣ, какъ мнѣ извѣстно, подъ начальствомъ Лѣнинова, но кто ее составляетъ, списка у меня нѣтъ. Была а, можетъ быть, и теперь есть ложа въ Могилевѣ подъ начальствомъ Веревкина, но, какъ я давно не видалъ директоріальныхъ бумагъ, то и не знаю, существуетъ ли она. Есть ложа въ Вологдѣ; а есть ли гдѣ еще, то сказать безъ бумагъ не могу. Искренно желалъ бы все сказать, но не помню.

12-е. Особенной переписки въ чужіе края съ Шварцомъ, барономъ Шредеромъ и съ Кутузовымъ я не имѣлъ. Правда, что къ Кутузову въ нѣсколько лѣтъ написалъ и я письма три, по ничего по нашей связи важнаго не писалъ, а только увѣдомлялъ его о своемъ лицѣ и отъ него не получилъ, кромѣ извѣщеній о его здоровьи. Бude что скрываю и здѣсь, то подвергаюсь сужденію, сказанному здѣсь. О сей же перепискѣ я вѣдалъ отъ князя Трубецкаго, который и имѣлъ ее.

13-е. Отдѣленіе нѣсколькихъ становъ на печатаніе нѣсколькихъ особенныхъ книгъ не для продажи, а съ тѣмъ, чтобъ давать ихъ читать нашимъ знакомымъ, было дѣлано для того, чтобъ не сдѣлать сіе печатаніе публичнымъ. Книги сіи какъ я, такъ и мои товарищи не почитали вредными, для того ихъ и печатали. Кто именно къ сему отдѣленію печатанія былъ опредѣленъ, я не знаю, понеже сіе возложено отъ насъ было на Новикова. Знаю только, что и иностранцы употребляемы были да и русскіе при семъ отдѣленіи были жь. И въ семъ показаніи сказалъ я самую истинну и во всемъ прочемъ желаю быть и есмь откровененъ.

14-е. Сей секретарь Кочубѣевъ былъ принятъ въ масоны Гамалѣю; при его же принятіи особенныхъ видовъ не было и отнюдь не въ семъ намѣреніи, чтобъ что либо отъ него свѣдѣть, онъ былъ принятъ. И въ семъ показываю сущую правду.

15-е. Причины отправленія въ чужіе края Шварца, барона Шредера и Кутузова тѣ только, чтобъ они лично были знакомы съ тамошними масонами, дабы яснѣе могли намъ переносить все, касающееся до масонства и учебной онаго части. Отправленіе студентовъ имѣло въ виду ихъ, яко воспитанниковъ нашихъ, пользу и пользу общественную. Отправлено было всѣхъ студентовъ въ разныя времена трое. изъ коихъ одинъ возвратился докторомъ, а тѣ получили тамъ въ университетахъ голландскихъ докторское званіе. Наставленія имъ отъ общества нашего дано не было, и отправляли ихъ не общество, а нѣкоторые изъ насъ на свой коштъ. А именно двухъ: Невзорова и Колокольниковъ Иванъ Владимировичъ Лопухинъ, а третей, то есть Багрянскаго,—Новиковъ. Увѣдомленіевъ отъ нихъ никакихъ получасемо не было, а писывали они къ тѣмъ, кто ихъ отправлялъ. Выѣзжали изъ государства Шварцъ, баронъ Шредеръ и студенты, получая паспорта по указамъ, гдѣ надлежало. Такъ какъ въ орденѣ происходитъ молчаніе или такъ называемый *силанумъ* и намъ не хотѣлось, чтобъ Кутузовъ, не дождавшись конца сего *силанума*, выѣхалъ и, надѣясь притомъ, что онъ скоро кончится по увѣренію тамошнихъ знакомыхъ, то и рѣшились мы удержать Кутузова въ Берлинѣ. Денегъ пересылалъ князь Николай Никитичъ Трубецкой и Иванъ Владимировичъ Лопухинъ, сколько я знаю, свои собственные.

16-е. Сей особѣ пересланы были книги, какъ мнѣ сказывалъ Новиковъ: *Юанна Ардта, О подражаніи Иисусу Христу, Избранная библіотека* и еще какія не знаю, поже не я отправлялъ. Брался ихъ вести Баженовъ, въ которомъ именно году, не помню.

17-е. О сей книгѣ *) еще мы вѣдали отъ покойнаго барона Рейхеля; переводилъ ее съ французскаго докторъ Багрянскій, а съ нѣмецкимъ сличалъ я съ Кутузовымъ.

18-е. Я не видалъ никогда печатанной въ нашей типографіи книги подъ названіемъ: *О народной гордости*. А была печатана книга: *О гордости духовной*, но кто ее ценсировалъ или переводилъ и сочинилъ, не вѣдаю. Что жъ касается до

*) Таинство Креста.

бумагъ, то, слыша уже многія разглашенія о масонствѣ, я ихъ частію сжегъ, частію изодралъ и теперь у меня, кромѣ нѣкоторыхъ масонскихъ разныхъ градусовъ, нѣтъ, которыя я обязуюсь прислать къ его сіятельству господину генералъ — аншефу и главнокомандующему въ Москвѣ. Впрочемъ, дерзая призывать имя божіе въ истиннѣ показаннаго и также и въ томъ, что я никогда не имѣлъ намѣренія дѣлать что-либо неугодное Ея Императорскому Величеству, Всемилосердой нашей Государынѣ, признавая же однако себя неправымъ, но виновнымъ, понеже не въ точности исполнилъ то, чтобъ могъ исполнить, ежели бъ былъ осторожнѣе и разсудительнѣе: и для того осмѣливаюсь пасть къ стопамъ Ея Императорскаго Величества и просить милостиваго монаршаго прощенія и отпущенія, общаясь впредь отнынѣ ни въ какія ордена сего связи не входитъ и тѣ, въ кои я вошелъ, оставить, однимъ словомъ: все то исполнить, что по лучшему разумѣнію моему вижу, что есть угодно великой Монархинѣ. Съ полнымъ увѣреніемъ на великія милости и благоутробіе монаршее дерзая паки просить оставленія.

20.

Всемилостивѣйшая Государыня!

По времени сколько могъ я разобрать бумаги, изъ нихъ часть всеподданнѣйше представляю здѣсь Вашему Императорскому Величеству: 1-е присланный изъ Швеціи весь обрядъ и исторію тамплиеровъ; 2-е осмью степенью золото-розовыхъ крестовъ, которой въ бумагахъ Новикова нѣтъ; въ ней изволите, Всемилостивѣйшая Государыня, усмотрѣть, что тутъ уже употребляется одежда духовная; 3-е патентъ князю Трубецкому на здѣшнее начальство. О сихъ трехъ бумагахъ я Вашему Величеству въ предъидущемъ моемъ отправленіи отъ 14 числа сего мѣсяца упоминалъ, что сіи бумаги получены отъ князя Трубецкаго. Да изъ бумагъ, полученныхъ отъ Ивана Лопухина, большою частію все казаньи, говоренныя въ кругахъ или ложахъ ихъ, въ томъ числѣ и въ Орлѣ. А между ними есть развратное ихъ положеніе или понятіе объ Адамѣ, то оное здѣсь же всенижайше Вашему Величеству подношу,

я по препорціи ихъ разбору буду по частямъ всеподданнѣйше къ Вашему Величеству отправлять; незначущія жь или которыя уже есть въ бумагахъ Новикова оставлю у себя.

Всемиподданнѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій князь А. Прозоровскій.

Августа 23 дня 1792 года

Петровскій дворецъ.

21.

По всеподданнѣйшимъ реляціямъ моимъ Вашему Императорскому Величеству извѣстно объ отобранныхъ книгахъ, по слѣдствію Новикова, въ лавкахъ и въ его деревнѣ, прежде запрещенныхъ 3000, да вновь безъ позволенія по секретнымъ станамъ напечатано 3000. Последнія пересматриваются законодательской академіи Ректоромъ и церкви Трехъ Святителей протопопомъ. И хотя не могли они окончить всѣхъ осмотровъ; но между тѣмъ попалась книга подъ названіемъ *Новое начертаніе истинныя теологіи*. Въ первомъ томѣ мистика, но противная проповѣдыванію церкви нашей; во второмъ касается уже до гражданскаго правительства, чтобы по заведеніи новой церкви подчинить оной и все государственное правительство и соединить всѣ народы и законы вообще, а наконецъ стараться завести республику. Я при семъ всеподданнѣйше оную книгу и цензорово замѣчаніе подношу. Но любопытенъ я былъ свѣдать, сочиненье то или переводъ. Я спрашивалъ приватно Ивана Лопухина. Онъ меня увѣрилъ, что переводъ съ французской книги князь Николаемъ Трубецкимъ. Когда и прочимъ книгамъ окончится цензура, то я по одному экземпляру отъ každого сочиненья съ замѣчаніями цензоровъ всеподданнѣйше поднесу Вашему Величеству, а прочія, какъ и прежде отобранныя, и находящіяся въ конторѣ Св. Синода истребить. Надобностію сіе почиталъ покойный прокуроръ Гурьевъ: «какъ де онѣ лежать въ архивѣ и, можетъ, не усмотрится, кто оттуду по нѣсколькимъ экземпляровъ вынетъ». То и просилъ меня, когда о истребленіи книгъ послѣ отобранныхъ, я буду всенижайше докладывать Вашему Императорскому Величеству, чтобы и объ

оныхъ Вашему Величеству доложить. Отобравы у доктора, что съ Новиковымъ, три банковыя облигаціи на 100,000 руб., надлежащія Походяшину. Я въ свое время писалъ къ тайному совѣтнику Шешковскому, чтобъ Вашему Величеству доложилъ, куда мнѣ ихъ отдать; но онъ за болѣзнію не докладывалъ: то всенижайше и испрашиваю у Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, куда мнѣ ихъ отдать?

Увѣдомлялъ меня также Шешковскій, что Ваше Величество всемилоствѣйше пожаловали командѣ, бывшей при Новиковѣ, годовое жалованье; но я указу не имѣю. А онъ тожь сказываетъ, что за болѣзнію не имѣлъ случая Вашему Величеству доложить. А къ тому осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать награжденія за усердіе и вѣрность совѣтнику Уголовной Палаты Олсуфьеву, — который всѣ бумаги отыскалъ, и Новиковъ отдавалъ ему все имѣнію, но онъ пристойно какъ дворянинъ ему отвѣтствовалъ, — владимірскимъ орденомъ 3-го или 4-го класса, какъ въ Сенатъ я по сей матеріи представить не могу.

Домы Новикова запечатаны, какъ о семъ по всеподданническимъ моимъ реляціямъ Ваше Величество извѣстны. А въ одномъ изъ оныхъ двѣ иностранныхъ книгъ бібліотеки; хотя каталоги сдѣланы, но неосновательны. То не угодно ли будетъ повелѣть ихъ рассмотретьъ и годныя, принадлежащія до богословія, отдать въ Законоспасскую академію, а прочіихъ матерій въ университетъ, а вредныя тожь истребить.

По опраздненіи домовъ отъ бібліотекъ не повелите ли, Всемилоствѣйшая Государыня, тѣ дома продать и куда деньги употребить, или отдать въ вѣдомство опеки надъ дѣтьми и имѣніемъ Новикова, опредѣленнымъ опекунамъ вышеупомянутому совѣтнику Олсуфьеву и брату Новикова?

22.

Князь Александръ Александровичъ!

По поданному отъ Васъ представленію повелѣваемъ: 1) хранящіяся въ конторѣ Синодальной забранныя въ деревнѣ Новикова и въ лавкахъ 3000 запрещенныхъ книгъ и вновь секретно напечатанныхъ до трехъ же тысячъ предать огню всѣ

безъ изытія, не внося и къ намъ экземпляровъ; 2) равнымъ образомъ по внимательномъ разборѣ и разсмотрѣніи двухъ иностранныхъ библіотекъ, находящихся въ одномъ изъ домовъ Новикова, вредныя во оныхъ книги всѣ истребить, а изъ полезныхъ богословскія отдать въ Законоспасскую академію, прочія же въ университетъ; 3) о помянутыхъ домахъ, за Новиковымъ считающихся, справиться достовернѣйшимъ образомъ, собственные ли они его или общественные: въ первомъ случаѣ слѣдуетъ оныя отдать въ вѣдомство опеки дѣтей Новикова; но въ послѣднемъ поступить оныя должны въ распоряженіе Приказа Общественнаго Призрѣнія; 4) объ отобранныхъ у бывшаго при Новиковѣ доктора облигаціяхъ на 100,000 рублей, Походяшину принадлежащихъ, изслѣдовать съ точностію, когда и на что именно они даны и что окажется, Намъ донести, дабы по тому могли Мы изъяснить волю нашу о употребленіи ихъ. 5) Совѣтнику уголовной палаты полковнику Олсуфьеву за службу его Всемиловѣйше пожаловали мы орденъ св. Владимира четвертыя степени, а командѣ, при Новиковѣ бывшей, указали выдать годовое жалованье. Пробываемъ вамъ благосклонны.

Екатерина.

11 февр. 1793 года С.-Петербургъ.

23.

Всемиловѣйшая Государыня!

Во исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа, собравъ вчерашній день въ уголовную палату московскихъ книгопродавцевъ, принужденныхъ оною къ разнымъ наказаніямъ за продажу и имѣніе въ лавкахъ запрещенныхъ книгъ, въ присутствіи моемъ при собраніи членовъ палаты, при вице-губернаторѣ, оберъ-полиціймейстерѣ и губернскомъ прокурорѣ, приказалъ прочесть имъ, кто къ какому наказанію по законамъ приговоренъ, и потомъ объявилъ Высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ, что Ваш Величество для рожденія великаго князя Николая Павловича всемиловѣйше ихъ простить соизволили, что приняли они чувствительнѣйшимъ образомъ и, возсылая со слезами проше-

віе къ Богу о продолженіи здравія Вашего Императорскаго Величества и Великаго Князя Николая Павловича, просили меня объ ономъ представить Вашему Императорскому Величеству и имъ позволить о здравіи Вашего Императорскаго Величества и В. К. Николая Павловича принести Всевышнему во храмъ Его молебствіе, что имъ позволивъ, всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству объ ономъ доношу.

Всемилоствѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій *М. Измайловъ.*

10 Іюля 1796 года

24.

О дѣтяхъ и объ имѣніи поручика Николая Ивановича Новикова.

Дѣтей онъ имѣеть: 1-го сына Ивана 10 лѣтъ, который записанъ лейбъ-гвардіи въ измайловскій полкъ сержантомъ и отпущенъ въ домъ для обученія наукъ съ паспортомъ, гдѣ онъ и находится; двухъ дочерей Варвару 9 лѣтъ и Нѣру 5 лѣтъ, которыя также здѣсь въ Москвѣ въ домъ его находятся.

Имѣніе онъ собственное имѣеть:

1-е. Въ московской губерніи въ някитскомъ уѣздѣ село Тифинское, Авдотьино тожь, въ коемъ по послѣдней переписи мужеска пола 138 душъ; изъ того числа мнѣ, брату его, принадлежащихъ мужеска пола 8 душъ.

2-е. Въ орловской губерніи мценскаго уѣзда сельцо Вишневецъ, въ коемъ 114 душъ.

Имѣніе съ товарищами вообще:

1-е. У Никольскихъ воротъ домъ каменный, купленный на имя его, Николая Ивановича.

2-е. У Сухаревой башни домъ каменный, купленный на имя бывшихъ членовъ типографической компаніи г. генералъ-поручика и кавалера князя Юрья Никитича Трубецкаго, бригадирова Петра Владиміровича Лопухина, Василья Васильевича Чулкова, мое и надворнаго совѣтника Семена Ивановича Га-

мазля, въ коемъ домѣ нынѣ Спасская аптека и типографіа компаніи типографической.

Самая она типографіа, со всеми инструментами, матеріалами и книгами какъ въ семъ домѣ, такъ и въ вышеупомянутомъ Никольскомъ находящимся. Самая она Спасская аптека со всеми матеріалами, посудой и инструментами, къ ней принадлежащими.

Вышесказанное имѣніе съ товарищами общее разумѣю я немногимъ товарищамъ принадлежащее, ибо типографическая компанія въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1791 года по общему согласію оной членовъ разрушена; а имѣніе, всемъ общее, и долги сданы Николаю Ивановичу, который вступилъ въ особое товарищество съ г. майоромъ Григорьемъ Максимовичемъ Походящимъ, получа отъ него на оплату долговъ нѣкоторую сумму денеги, а сколько именно, то мнѣ неизвѣстно. Но за воспослѣдовавшими обстоятельствами не могъ своей съ нимъ сдѣлки привести къ окончанію.

Надворный совѣтникъ Алексѣй Новиковъ.

ЗАПИСКА И. Г. ШВАРЦА

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ НЕМУ И. И. МЕЛИССИНО ¹⁾.

Die Härte und Ungerechtigkeit, womit ich schon seit einiger Zeit von Sr. Excellenz dem Hbr. Curator von Melissino behandelt werde hätte mich schon längst genöthiget bey Sr. Excellenz dem Hb. Oberkammerherrn von Schuwalow, als dem ersten Curator und Stifter der Universität, Hülfe zu suchen.

Da ich aber glaubte dadurch mehr Erbitterung zu verursachen und die Ruhe und den für das Beste der Universität so nöthigen Frieden zwischen deren Chefs hiedurch vielleicht mehr zu stören so tröstete ich mich mit der Hoffnung Unschuld und Wahr-

¹⁾ Печатаемъ эту записку съ черноваго автографа Шварца. Она была писана для представленія И. И. Шувалову. Ред.

heit siegt doch zuletzt und es ist besser Unrecht leiden, als Unrecht thun.

Da ich aber jetzund sehe, dass man keine Verläumdung zu schwarz, kein unerlaubtes Mittel zu niedrig gefunden, und dass, wenn ich schweige, Seine Excellenz in einemder Universität höchst schändlichem Irthume verbleiben, auch nicht nur ich entehrt, sondern auch eine ganze Gesellschaft redlicher und wohlthätiger Männer beleidigt und in falsches Licht gesetzt sind: so sehe ich mich gezwungen zu meiner Entschuldigung und Vertheidigung zu schreiben.

Da ich aber so unglücklich bin directe und indirecte von einigen Personen, die ich das Unglück hatte zu beleidigen, bey Sr. Excellenz dem Hbr. Curator Schuwalow so, angeschwärzt zu werden, dass ich voraussehe nicht Glauben zu finden, so wage ich es mich an Euer Excellenz, die selbst Chef von gelehrten Corps waren und sind, zu adressiren und hochdero Intercession zu bitten, indem es mir äusserst schmerzhaft ist bey Hochdessen Excellenz, die sonst so sehr genädige Gesinnungen gegen mich äusserten, in einem falschen Lichte zu erscheinen.

Die gegen mich ausgeübten Beleidigungen betreffen mich in zwei verschiedenen Verhältnissen, erstlich — als Professor, zweitens als Mitglied der freundschaftlichen gelehrten Gesellschaft. Da die einen in die anderen zusammenflissen und aufklären, so sehe ich mich genöthigt beyde zu durchgehen.

Anno 1779 den 21 Aug. wurde ich zum Prof. Extraord. der deutschen Sprache bey der Moskowischen Kayserl. Universität ernannt. Ich bekam sogleich den Auftrag von der Conferenz der Kays. Universität sowohl die nöthigen Schulbücher zu besorgen, als auch die Mängel anzuzeigen, die ich in der Methode überhaupt fände. Ich ermangelte nicht sogleich diesen Aufträgen eifrigst nachzukommen, und reichte diesem zufolge verschiedene Vorstellungen, die theils die Ordnung der Studien betrafen, theils den Mangel an Lehrern anzeigten und Vorschläge zu diesem Behufe enthielten. Meine Vorschläge wurden mit Lobes-Erhebungen acceptiret; nur fragte man, wem die Execution aufzutragen sey, weil es an den nöthigen Kosten mangelte. Ich erboth mich gleich nicht nur ohnentgeltlich hierinnen

zu dienen, sondern auch von einigen Freunden unterstützt, verschiedene nöthige Auslagen über mich zu nehmen. Es wurde also den 13 November das Seminarium paedagogicum errichtet und ich zum Inspector desselben ernannt. Meine Dienste erregten soviel Zufriedenheit, dass ich anno 1780 den 5 Februar, ohne darum angesucht zu haben, von der Conferenz zum Professor ordinarius philosophiae erhoben wurde, und mir die verbindlichsten Danksagungen abgestattet wurden, wie aus dem Protocolle der Conferenz zu ersehen. Noch herrschten viele schwer abzuändernde Unordnungen im Gymnasio, die dadurch dass das Institut nach und nach grösser und weitläufiger geworden war, folglich dem ersten Plane nicht mehr conform, eingeschlichen waren. Man fragte mich, ob ich es wohl unternehmen wolle diesen abzuhelpfen. Ich,—ohne vorher zu sehen, wieviel mir hieraus Neid und Hass und Verläumdungen zu fließen würden, wenn ich verjahrtern Missbräuchen, die aus Faulheit und Eigennutz entstanden, an die Krone greifen würde, brennend vor Liebe zum gemeinen Besten,—unternahm auch diese mit herculanischer Arbeit verbundene Pflicht ohne Gehalt. Ich sparte keine Mühe und reichte 1781 mit Anfange des Monats Februarii einen vollkommen geänderten Lehr-Plan ein. Diese meine neue Studien-Ordnung wurde in 3 nacheinander folgenden Conferenzen zu wiederholten Mahlen vorgelesen, untersucht und mit Lobes-Erhebungen gut befunden, wie es gleichfalls die Conferenz-Protocolle ausweisen. Auch hier war die Schwierigkeit in der Execution, und es war wahr — diese war nicht klein, allein ich liess mich durch nichts abschrecken und executirte in weniger Zeit alle meine vorgeschlagenen Veränderungen.

Hier musste ich unredliche Kränkungen erdulden und da ich die ganzen Tage dies Jahr im Gymnasio zubrachte, so blieben mir nur die Nächte zu nöthigen Ausarbeitengen — und ob ich gleich noch jung und starker körperlicher Constitution, so hatte ich doch mit Ende dieses Schuljahres meine Kräfte ganz erschöpft. Um also sowohl meine Gesundheit wiederherzustellen als auch durch eigene Inspection anderer Schulanstalten über die vorgenommene Veränderungen in der unsrigen mich zu versichern, intentionirte ich eine Reise durch

diejenigen deutsche Länder, wo jetzt die Gelehrsamkeit am meisten florirt.

Ich suchte derowegen bey Euer Excellenz um gnädige Erlaubniss an, die ich nicht nur erhielt, sondern Euer Fxcellenz geruheten mir noch hiez zu speciellere Aufträge zu geben.

Ich präsentirte mich bey meiner Durchreise durch Petersburg Höchstdenenselben, und erhielt noch ferneren Auftrag—eine Vorstellung über den Zustand der Universität und die nöthigen vorzunehmenden Veränderungen einzureichen, dem ich auch vor meiner Abreise folgeleistete. Und ich wage es Eurer Excellenz diesen obgleich in der Geschwindigkeit ausgearbeiteten Entwurf, als eine Probe meiner Kenntnisse, zur strengsten Untersuchung vorzulegen, um hieraus zu ersehen, in wie fern mir Charlatanerie oder gründliche Kenntniss zugeschrieben werden kann. Eure Excellenz geruheten mich höchst dero Gnade zu versichern und ich erhielt eine lebhaft Probe derselben dadurch, dass ich während meiner Abwesenheit, ohne darum angesucht zu haben, von Höchstdenenselben dem Regierenden Senato zur Belohnung vorgestellet wurde und den Rang eines Assessors erhielt. Auf meiner Reise sparte ich keine Mühe alles, was zum Besten der Universität diente, zu besorgen und sowohl litterarische Correspondenz zu errichten, als auch Bücher und Methoden zu sammeln. In Berlin werden mir sowohl der durchläutigste Prinz Friedrich von Braunschweig, welcher sich daselbst befand, der Graf Oberkammerherr Sacken, der Geheime Rath und Justiz President Hyren, der Oberste Consistorialrath Büsching, ein grosser Schulmann, und noch viele andere hierüber die nöthigen Zeugnisse geben, und wenn seine Erlaucht der Fürst Dolgoruky Eurer Excellenz berichtet, wie ich die Bekanntschaften, die mir Hochderselbe mit den dasigen Academicis gemacht, negligirt, so gilt diess bloss von den französischen, aber nicht von den deutschen. Ich bin mit dem berühmten Professor Bernouillie, dem mich seine Erlaucht recommendirt, noch bis jetzt in genauer Verbindung, da ich aber deutscher Schulgelehrsamkeit und nicht Französischer Belletristerey wegen reisete, so blieb mir nicht die Zeit mit denen, die nicht in mein Fach schlugen, zu conversiren.

In Braunschweigischen Ländern werden mir nicht nur die Hbrn Curatores, der Herr Vice-Präsident des Consistorii, Jerusalem, die Ehre deutscher Gelehrsamkeit, sondern auch der Durchlautigsten Herzog selbst hierüber die gnädigsten Zeugnisse geben; in Sachsen des Grafen Anhalt Erlaucht, der Conferenz Minister Wurb und mehrere ansehnliche und gelehrte Männer.

Ich glaubte also durch diese Reise nicht geringe Dienste geleistet zu haben, indem ich nicht nur Deutschland mit dem litterarischen Russland bekannter gemacht, sondern auch sogar an einigen Orten das Studium der Russischen Sprache, als für Historia höchst wichtig, introducirt.

Mit vieler Erwartung der Belohnung und Erkenntlichkeit kehrte ich zurück.

Seit meiner Abwesenheit war der Herr Curator von Melisino zurückgekehrt, ich wartete also erstlich mit Geduld ab, welche Wendung diese Veränderung im Commando der Universität in Ansehung meiner machen würde. Es ahndete mir nichts Gutes: denn während der Abwesenheit dieses Herrn waren sehr viele Veränderungen vorgenommen worden. Eine Pension für 50 Adliche, ein Seminarium paedagogicum gestiftet worden, die ganze Ordnung der Gymnasien als fehlerhaft umgeändert, viele neue Bücher herausgekommen, die Typographie in einen Zustand gesetzt worden, dass wenig dergleichen in Europa, in drey Jahre bey der Universität mehr Bücher gedruckt worden, als seit den 24 Jahren, die sie vorher existirt. Alles dieses nebst dem allgemeinen Rufe dass die Universität jetzt in einem bessern Zustande sey, der Zufluss des Adels, der jetzt in viel grösserer Quantität, Anzahl, in derselben studirte, alles dieses liess mich, — da ich hieran sehr grossen Antheil hatte, — nicht viel gutes erwarten. Sr. Excellenz gelangten etwas nach meiner Zurückkunft hier in Moskau an und traten in das Gouvernement der Universität ein.

Anstatt dass ich geglaubt hatte, Hochdemselben nicht eben am gnädigsten angesehen zu werden, so empfand ich fürs ersten das Gegentheil. Sr. Excellenz waren mit allen meinen vorgeschlagenen Veränderungen vollkommen zufrieden, ver-

sicherten, dass alles mit Ihren schon längst vorhergehabten Ideen vollkommen übereinstimmte und dass es Ihnen nur vorhero an geschickten und eifrigen Subjekten zur Execution gefehlt habe. Hochdieselben beehrten mich zu verschiedenen Mahlen mit dero eigenem Besuch und waren mir mehr Fround als Chef. Ich verhielt denenselben daher nicht selbst die kleinsten Verhältnisse meiner Selbst, zeigte Ihnen, welche von denen Professoren, wie auch einigen anderen, und aus was für Ursache diese meine Feinde wären, und glaubte nicht, dass ein Greis, der noch so sehr durch seinen Stand über mich erhoben, diese meine Offenherzigkeit niedrig missbrauchen würde. Doch ich eile zum Ende meiner Historie, qua Professor, um zu derselben, qua Mitglied der Gesellschaft, zu schreiten und erwähne nur noch den Umstand meines ersten Abganges von der Universität. Durch meine Reise war meine Gesundheit nicht gehörig wiederhergestellt worden, ich hatte mich gleichfalls des kurzen Zeitraums, den ich nur abwesend seyn konnte ebenfalls sehr anstrengen müssen und da ich wusste, dass es die Art ist in dem Universitäts-Collegio die Menschen von Gutem abzuhalten, denselbigen die Execution immer selbst erst zu übertragen, hernach durch *Chicanen* zu erschweren, so hielt ich meine Reise-relationen bis zu völliger Wiederherstellung meiner Gesundheit zurück. Man glaubte aber, ich hätte dieselben gar nicht gemacht, und fertigte mir aus der Conferenz d. d. 18 May die Ordre zu in acht Tagen dieselben einzureichen. Ob ich gleich krank war und Mühe hatte in diesem zu kurzem Zeitraume der Forderung Gentige zu leisten, so that ich doch das mögliche und reichte in die nächste Conferenz meine Relation — 13 Werke über die Erziehung und 8 andere seltene Werke in die Universitätsbibliothek als Geschenk ein. In meiner Relation war gesagt, wie das höchst reiche Elementarwerk von Semler und Schütz, das Ihre Majestät der Kayserin dedicirt ist, auf ausdrücklichen Befehl Hochdero Excellenz angeschafft sey und wie dessen Einführung der Universität höchst nützlich seyn könne. Seine Excellenz der Herr Curator von Melissino waren persönlich in der Conferenz, und ich erstaunte nicht wenig, als meine Relation gar nicht öffentlich vorgelesen und auf die in

derselben geschehene Erwähnung der eigenen Ordre Euer Excellenz nicht die geringste Rücksicht genommen und eine für alle meine Mühe und schwere Geldauslegen nicht der geringste Bescheid ertheilet wurde. Ich fand dieses denen sonst geäußerten Gesinnungen Sr. Excellenz des Herrn von Melissino so ganz contrair gehandelt, dass ich glaubte nach dieser so höchst ungerechten Handlung alles befürchten zu müssen und reichte den folgenden Tag, da ich ohnedem mich gegenwärtig zu Erfüllung aller auf mich genommenen Pflichten zu schwach fühlte, gehorsamste Bittschrift um meine Entlassung ein.

Sr. Excellenz der Herr von Melissino liess mich gleich zu sich kommen und versicherte mich seiner völligen Freundschaft, erboth sich mich auf einige Jahre mit völligem Gehalt zu Restituirung meiner Gesundheit von allen Pflichten zu entlassen mit der Versicherung, dass ich eine dergleichen Belohnung bereits hinlänglich verdienet, und zwang mich fast mein Bittschrift wieder zurückzunehmen. Da ich aber doch zu schwach war meinen Dienst gänzlich vorzusetzen, aber mein Gewissen nicht den Vorwurf ertragen konnte Gehalt nicht gehörig zu verdienen, so gab ich eine zweyte Bittschrift ein, dass ich in Zukunft ohne Gehalt dienen wolle, und nur soviel, als Kraft und Gesundheit erlauben wurden, Dienste leisten wollte. Dieses wurde mir gleichfalls mit vielen Lobes- Erhebungen, wie es ebenfalls das Conferenz Protocoll ausweist, bewilliget und so blieb ich blosser Professor honorarius, glaubend, jetzund von allen ferneren Ungerechtigkeit und Chicane, qua Professor, völlig befreuet zu seyn. Die Folge zeigt aber dasjenige, was ich, qua Mitglied der Gelehrten Gesellschaft, Euer Excellenz gehorsamst zu berichten habe — zu dem ich jetzo schreite.

Sobald als ich nach Russland kam (im Juny des 1776 Jahres) machte ich es mir zum Geschäfte, mich sowohl mit der Russischen Sprache als auch den Nationalschriftstellern der Nation bekannt zu machen. Unter denselben fand ich in den Schriften meines jetzigen Freundes besondern Eifer und Vaterlandsliebe; auch hatte seine so sehr nützliche *Bibliothek Altrussischer Schriften* Ihn bereits sowohl in Deutschland als Frankreich rühmlichst bekannt gemacht. Sehlichst wünschte

ich diesen Mann persönlich kennen zu lernen, blieb aber der Erfüllung dieses Wunsches bis zu meinem Eintritt in die Universität an 79. beraubt. Eben damals hatte er die Pacht der Universitäts-Typographie übernommen, und arbeitete mit einem Eifer, wagte sich in ein Feld, wo alles zu risquieren und wenig zu hoffen war, verwendete seyn Vermögen zu einer Entreprise, wo 100 gegen 1 zu setzen waren, dass sie missglücken und ihn ins grösste Armuth stürzten würde, und er trug bey allem diesem die schwärzesten Verläumdungen, denn er hatte einer Menge Krähen ihre Nahrung (Brod) geraubt.

Alles dieses zog mich mit ihm Freundschaft zu stiften, ob schon im Uebrigen unsere Charactere ganz verschieden sind. Bald wurde ich gewahr, dass er eine Entreprise unternommen hatte, wobey einzelner Menschen Kraft zu schwach, und doch war der Fortgang derselben für die Aufklärung Russland's äusserst wichtig. Ich fasste also Feuer und lebte ganz zu dessen Hülfe, arbeitete selbst Tag und Nacht und, da ich eine sehr zahlreiche Klasse von Auditoren hatte, so suchte ich auch solche zur Mitarbeit anzufeuern und sie zu Uebersetzern zu bilden. Ich fing damit an, dass ich meine Bibliothek unter den jungen Leuten vertheilte, um Ihnen hiedurch Geschmack beyzubringen, — ich hatte es aus eigener Erfahrung, wie viel ein neues hübsches geschenktes Buch auf eine junge Seele wirkt. Ich reüssirte; die jungen Leute wurden mir geneigt, die Väter kamen mir Dank abstaten, fast täglich wurde ich in neue Familien introducirt und mit Lobes Erhebungen und Danksagungen überhäuft; man consulirte mich auch in Häusern, wo man eigene Lehrer hielt, über die Wahl derselben, über die Studien und so weiter. Alles dieses überhäufte mich mit paradisischen Empfindungen, ich brannte vor Begierde gegen eine solche edle, die Wissenschaften so sehr suchende Nation dankbar zu seyn. Ich wurde indignirt, dass so viele edle Väter und Mütter, die so sehr das Gute Ihrer Kinder wünschten, und nur nicht Aufklärung genug hatten zu wissen, wie sie es anfangen sollten, von nichtswürdigen eigennützigem Ausländern hintergangen wurden. Ich intentionirte dahero sogleich eine Gesellschaft, die diesem Uebel abhülfe; die also 1) im Publico nach Kräften Erziehungsregeln verbreitete,

2) die typographische Unternehmung des Hrn von Nowikow durch Uebersetzung und Verlegung nützlicher Werke beförderte; 3) und entweder Ausländer, die Erziehung zu geben im Stande wären, ins Land zu ziehen suchte, oder — welches noch besser — junge Russen auf eigene Kosten zu Lehrern zu erziehen suchte. Die Connexion, die ich in vielen Familien durch meine Lehrstelle bey der Universität bekam, verschafte mir Gelegenheit meine Projecte und dessen Nützlichkeit tag-täglich predigen zu können. Aber lange waren meine Bemühungen vergebens: man lobte meine Vorschläge, aber rechnete Sie in Platons Ideenreich. Inzwischen reussirte ich doch so weit, dass man anfieng die deutsche Sprache mehr zu treiben und viele wirklich gelehrte Ausländer zu Hauslehrern verschrieb. Aber zum Herschuss eines Capitals wollte sich niemand verstehen. Ich sann auf allerley Mittel, aber die Meisten strandeten, so wie auch die Französischen und Deutschen Zeitungen, die ich blos in dieser Absicht, um Geschmack mehr zu verbreiten, das 1780 Jahr herausgegeben habe.

Endlich glückete es mir doch einige Personen zu entflammen und zu Herschüssung eines Theils Ihres Vermögens zu persuadiren und so entstand *der Fuss* der jetzigen sogenannten *Gesellschaft gelehrter Freunde*. Die ersten Mitglieder waren nicht sehr bemittelt, man hatte also anfangs bloss nützliche Uebersetzungen zum Zweck, endlich kam ich in Verbindung mit dem jetzigen ersten Wohlthäter der Gesellschaft, dem Hbr. Peter Alexewitsch von Tatischschew. Dieser Mann hatte lange vergebens allethalben Vergnügen gesucht und in nichts gefunden und wusste nicht, dass seine wahre Wollust im Wohlthun bestehen würde. Oft betrogen, wie es jedem Reichen, um den stets eine Menge Schmeichler herumschwärmen und Etwas von ihm zu erhaschen suchen, war er äusserst misstrauisch worden und deswegen von vielen, denen es nicht reussirt hatte von Ihm Geld zu erhaschen, äusserst als geizig verschrienen worden.

Nachdem er mit mir bekannt wurde und sah, dass ich nicht meinen, sondern allgemeinen Vortheil suchte, so schenkte er mir bald einen Theil seines Zutrauens und überliess mir seinen einzigen Sohn, einen edlen, stillen, tugendhaften Jüngling

zur ferneren Bildung; gewann täglich mehr Geschmack an Litteratur und entschloss sich endlich, einen Theil seines Vermögens zum Besten derselben zu verwenden. Einen gleichen Entschluss fassten noch einige andere, zwar weniger reiche, aber ganz eifrige Männer, als: der Fürst Alexander Alexejewisch Tscherkasky, der Fürst Nicolai Nikitsch Trubetzkoi, der Obrist Bassill Wassiliewitsch Tschulkow und noch einige. Als Columbus zuerst Land erblickte, konnte er nicht froher seyn, als ich es war, da ich mich jetzt an der Spitze eines ansehnlichen Capitals zu Bewirkung meiner Platonischen Idee sahe. Jetzt fehlte es mir an nichts, als an gehöriger Kenntniss gelehrter Mitarbeitern und litterarischer Connexion; um also diese Mittel zu erlangen, schlug ich dem Hr. von Tatischtschew vor, — mich mit seinem Sohne die obbenannte Reise durch Deutschland thun zu lassen, nach deren Beendigung wir zu gänzlicher Erfüllung unseres Planes schreiten wollten.

Durch die Reise bewirkten wir alles das, was zu unsern Absichten nöthig, und nach meiner Zurtückkehr schritten wir in Gottes Nahmen zur ferne Ausführung. Hier fangen die nachherigen und unangenehmen Verhältnisse an, in die ich mit des Hbr. Curators v. Melissino (Ezcellenz*) gekommen bin. Ich hatte mir diesen Herrn von jehier als einen eifrigen Liebhaber der Wissenschaften, der Stiftung der freyen Russischen Gesellschaft wegen, vorgestellt. Seine freundschaftliche Gesinnungen erregten mein Zutrauen, und wer sollte den Worten — ja den Schwüren eines solchen angesehenen Greisen nicht trauen? Ich schüttete also alle meine wohlthätigen Absichten in dessen Schooss. Er nahm Theil, trat zu unserer Gesellschaft, beehrte dieselbe mit seiner Gegenwart und war unser eifrigstes Mitglied; innig freuten sich unsere Herzen über diese Acquisition; aber meine Freude wurde bald turbirt und nicht nur die obbenannten Handlungen der Conferenz, sondern auch noch ein hieher gehöriger Umstand gaben unserm Bande einen heftigen Stoss. Ich gab, zu mehrerer Beförderung der Kenntnisse der mir anvertrauten Seminaristen, eine Privat-Lectiön der philosophischen Histo-

*) Написано било прежде.

rie nach dem bekannten Brucker. Es hatte sich ereignet, dass einige meiner Freunde vom hiesigen Adel während dieser Lection mich besucht hatten und als ich dieselbe in Ihrer Gegenwart fortgesetzt hatte, so hatten Sie Geschmack an selbiger gefunden. Sie erbathen sich die Erlaubniss, im Zukunft wieder zu kommen, ich bewilligte dieses mit innigem Vergnügen (und welcher Professor wird dieses nicht?), sie brachten in Zukunft andere mit sich und so wuchs in kurzem mein Auditorium zu einer sehr ansehnlichen Anzahl an, unter welchen verschiedene Herrn von hohem Range waren. Da ich hierbey Gelegenheit hatte über die Nothwendigkeit des Privat-Eifers zu Verbreitung der Litteratur zu sprechen, so vermehrte dieses den Zuwachs der neuerrichteten gelehrten Gesellschaft.

Einige ältere Professoren sahen diese Lection mit sehr scheelen Augen an, verbreiteten übele Nachrichten hievon; einige wurden so wüthend, insbesondere die Professores Barsow und Schaden, dass Sie insbesondere herumfuhren mich zu lästern, mich bey der Geistlichkeit anschwärzten, als mischte Theologie in meine Lectionen. Es war natürlich, dass, wenn von der Philosophie der alten Völker die Rede ist, natürlich auch von Ihrer Gottesgelehrsamkeit, — da Ihre innere Religion bloß Philosophie war, — geredet werden muss. Dieses gab Ihnen herrlichen Stoff zum Lästern, besonders hatte ich damals nach dem bekannten Montfaucon und Romeyn de Hooge die Lehre von den Hieroglyphen der alten. Vielen der philosophischen Historie unkundigen reussirte (es) hier wirklich diese meine Lectionen für Maçonnerie auszuschreien. Ich wunderte mich über diese grobe Unverschämtheit und Unwissenheit; denn wer kann jetzt so unwissend seyn zu ignoriren, dass die Maçonnerie gar keine Sache ist, die in öffentliche Lectionen gelehrt werden kann? Sie ist ja fast in allen cultivirten Staaten von Europa beynahe öffentlich, wird von den Kirchen-Vorstehern verschiedener Religionen und selbst von den Monarchen geschützt, nimt in England, daher sie sich in andere Staaten verbreitet, als wie andere Gesellschaften an öffentlichen Angelegenheiten Antheil. Wie kann es jemandem im 18ten Jahrhunderte einkommen zu glauben, sie sey eine religiöse

Gesellschaft und könne von der Catheder gelehrt werden? Es ist wahr, man hat noch nicht längst in Pohlen die Juden beschuldigt, dass Sie Christen Bluth essen. Es ist also vom dummen Fanatismo alles zu erwarten. Aber in Moskau, im Centro des Reichs, wer könnte sich vorstellen, dass dergleichen Nachrichten selbst von Professoren könnten verbreitet werden? Ich klagte also dieses Sr. Excellenz, dem Hbr. Curator v. Melissino, aber anstatt meine Gefühle zu adoptiren, nahm derselbige die Partey der mir feindlichen Professoren und rieth mir meine Lectionen lieber an einem andern Orte zu geben.

Ich gestehe, ich konnte gar nicht begreifen, woher diese Gesinnung rühre. Ich begreife sehr, wie Menschen, die nicht gereiset, fremde Sprachen nicht verstehen, üblen ausgesprengten Nachrichten glauben können; aber wie kenntnisvolle Menschen dergleichen so in die Augen fallende, unwahre Nachrichten fürchten oder favorisiren können, begreife ich nicht. Ich sehe also wohl, dass Sr. Excellenz mich nicht, weil ich Wahrheit und Wissenschaften zu verbreiten suchte, sondern, qua Instrument, zu Nebennabsichten liebten.

Nicht lange nachher, als die Gesellschaft gelehrter Freunde lauter wurde, gefiel es obigen Herrn Professoren nebst noch andern niedrigen auszusprengen, dass auch diese Gesellschaft Maçonnerie sey. Ich gestehe, dieses sieng mir an äusserst empfindlich zu werden, denn wer weiss denn nicht, was für ein Unterschied zwischen einer gelehrten Gesellschaft und einer maçonischen ist? Um also allen diesen Nachrichten aufeinmahl den Mund zu stopfen, beschlossen wir Sr. Excellenz den Grafen von Tschernitschew um die öffentliche Stiftung unserer Gesellschaft auszusuchen, und höchst derselben nebst Sr. Eminenz den Erzbischof von Moskau zu Protectoren zu er bieten. Bis hieher hatte sich die Nebenabsicht seiner Excellenz des Hbr. Curators v. Melissino völlig gedecket. Als ich Ihm aber diesen unsern Entschluss bekannt machte, wurden Sie offen: er wollte Chef und Protector der Gesellschaft seyn und fand sehr übel, dass wir diese beyde obbenannte Herrn gewählt hatten. Doch balancirte Sr. Excellenz noch einige Zeit, in der Hofnung noch zu reüssiren, arbeitete selbst eine Rede aus, die Sie bey Eröffnung der Gesellschaft halten woll-

ten; es kränkte derselben aber doch zu sehr nicht an der Spitze der Gesellschaft zu stehen. Sie liessen mich also einige Tage vor der Eröffnung der Gesellschaft zu sich kommen und befragten mich, ob sich die Gesellschaft nicht mit der bey der Universität gestifteten freyen Russischen Gesellschaft vereinigen wollte. Ich antwortete, dass dieses unmöglich, indem die Zwecke ganz verschieden, indem die freye russische Gesellschaft bloß die Cultur der Sprache, die unsrige aber Erziehung, Uebersetzung nützlicher Werke, Verschreibung gelehrter Ausländer etc. zum Endzweck hat, und dass unsere Mitglieder zu grosse Summen verwenden, um nicht die kleine unschuldige Jalousie zu haben Ihr Werk besonders zu treiben. Hier fieng sich der Zorn Sr. Excellenz und dessen Verfolgung gegen mich an. Die feindseligen Professoren wurden gleich höchst dessen Freunde und. . . doch ich verschweige alles; kurz: keine mir mögliche Kränkung unterblieb. Ich gehe zu dem letzten Vorfalle, der mich an Euer Excellenz zu schreiben zwingt.

Nach vielem Suchen, wie man mir beykommen könnte, fand man endlich, dass es von Seite des Seminarii paedagogici am besten thunlich sey. Man forderte also von mir, ich solle noch eine besondere Lection an die Seminaristen geben. Ich gestehe, es kränkte mich äusserst — die Seminaristen waren alle so wohl gerathen, hatten soviel Fortgang gemacht, verschiedene davon waren die besten Lehrer im Gymnasio. Also wozu deren Verbesserung und Treiben, wo aller mögliche Fortgang ist? Auch hatte ich mich, als ich dem Gehalt und Logis entsagte, bloss zu zwey wöchentlichen Lectionen anheischig gemacht, wie könnte man denn jetzt noch zwey, die meine Umstände gar nicht erlaubten, von mir fordern? Doch ich *verbiss* auch diese Ungerechtigkeit und, da wir durch die Bemühung der Gesellschaft hier einen der gelehrtesten Männer und besten Schriftsteller Deutschlands den Prof. Scholl in diesem Fache besitzen, so schlug ich denselben vor und dieser erboth sich ebenfalls gratis Lectionen zu geben. Ich hat am Ende des Briefes Sr. Excellenz mich von allem Zwange zu befreyen, indem ich ohne dem alles mir mögliche thun würde. Anstatt dass man mir danken sollte, dass ich der Universität einen so äusserst wichtigen Mann für dieselbe procurire,

so fängt Sr. Excellenz an meine Ausdrücke zu beschuldigen, legt Sinn in denselben, der nicht in denselben ist, droht mit Stockschlägen mich aus der Universität jagen, und handelt auf eine Weise gegen mich, wie wohl nie in einem öffentlichen Collegio gegen jemand gehandelt worden. Nachher führt Selbiger noch fort gegen alle, die Hochdensenben besuchen, mich bitterst zu verlüstern. Ich sehe mich also genöthiget um meine gänzliche Befreyung von dem Dienst der Universität anzuersuchen und reichte eine Bittschrift hierum ein. Anstatt aber meine Bittschrift in öffentlicher Conferenz zu verlesen und etwas hierauf zu resolviren, fängt Sr. Excellenz abermals an gegen mich zu handeln und zu reprochiren, dass ich schon längst nicht Lectionen gebe, ohngeachtet Sr. Excellenz der Hr. Director und die Mitglieder der Conferenz bezeugen, dass ich wirklich krank sey.

Ich überlasse Euer Excellenz gnädigstem Urtheile, ob ich eine solche Behandlung verdienet.

Da es gewöhnlich und also erlaubt ist gegen seine Obern seine Verdienste anzuzeigen, so wage ich es auch hier, das, was ich, wenn Euer Excellenz gnädigst befehlen, streng beweisen kann, anzuzeigen:

1) Als Professor der Deutschen Sprache, habe ich über hundert Eleven in dieser Sprache gebildet, fast einige zwanzig bis zum fähigen und guten Schreiben in dieser Sprache gebracht und noch mehrere zu Uebersetzern, wovon die meisten schon nützliche Werke dem Publico gedrucket, geliefert haben. das Studium der deutschen Sprache aber überhaupt in Moskau emporgebracht.

2) Als Inspector Seminarii paedagogici habe ich ohne Gehalt gedient, und Lectionen gegeben, 10 Seminaristen zu guten fähigen Lehrern gebildet, und eine ansehnliche Summe Geld *) an Büchern und baarem Gelde zu mehrerem Encouragement von meinen eigenen an selbige verwendet.

3) Als Inspector der Gymnasien umsonst gedient, bessere Lehrmethode eingeführt und die armen Schüler, ebenfalls aus eigenem Fond, mit Büchern und Kleidern versehen.

---

*) Зачеркнуто: fünf tausend Rubel.

4) Durch meine Privat-Lectiōnen habe ich in vielen angesehenen Personen Liebe zu den Wissenschaften und zu deren Beförderung erregt.

5) Durch die Dienste, die ich bey Stiftung der Gesellschaft gelehrter Freunde geleistet, dem Vaterlande und den Wissenschaften einen sehr reellen Dienst erwiesen. Sollte aber die Verläumdung, als sey die Gesellschaft eine maçonische. auch zu Euer Excellenz gelangt seyn, so kann ich durch die deutlichsten Beweise und, wenn Euer Excellenz befehlen, publice darthun, dass dieses falsch ist. Ich bin Maçon—das ist wahr, einige der Mitglieder sind es, Sr. Excellenz der Herr v. Mellissino ist es selbst, aber die Gesellschaft ist keine maçonische. Auch dürften Euer Excellenz nur geruhen jeden Maçon zu befragen, so wird derselbe gezwungen seyn zu gestehen, dass die Maçons sich gar in Ihren Gesellschaften sich nicht mit Bücherübersetzen, Erziehung etc., wie die genannte gelehrte Gesellschaft, beschäftigen. Ich kann Euer Excellenz heilig versichern, dass in dieser Gesellschaft die wenigsten Glieder nur wissen, was Maçonnerie ist.

6. Durch die Dienste, die ich der Typographie geleistet und durch die Lehrbücher die ich theils selbst herausgegeben und die theils verschiedene meiner Schüler unter meiner Aufsicht herausgegeben haben, habe ich das Studiren der Jugend merklich erleuchtet.

8)*) Viele würdige gelehrte Ausländer ins Land gezogen und selbst der Universität verschiedene sehr nützliche Professores und Docenten procurirt.

---

*) Такъ въ подлинномъ.

ИСТОРИЯ О ВѢРѢ И ЧЕЛОБИТНАЯ О СТРЕЛЬЦАХЪ

Саввы Романова *).

Во 190-мъ году маія въ 15-й день по смерти государя царя Феодора Алексѣевича бысть чудо преславно: попущеніемъ святаго Бога возсташа служивые люди на бояръ и убиша князя Юрья Долгорукова съ товарищи. А послѣ того смятенія въ 3-й день бысть промежь ими дума и совѣтъ заедино, что въ царствующемъ градѣ Москвѣ старую православную христіанскую вѣру возобновити, въ коей россійскіе чудотворцы Богу угодили и прежніе великіе князи и благовѣрные цари и святѣйшіе патріархи до настатія Никонова патріаршества пребывали. И поискавше у себя таковыхъ людей, чтобъ кто умѣлъ челобитную сложить и отвѣтъ дать патріарху и властемъ отъ божественныхъ писаній: «за что они, власти, старыя книги, которыя печатаны при благовѣрныхъ князехъ и царѣхъ и пяти россійскихъ патріархахъ, возненавидѣли и возлюбили новую латинно-римскую вѣру, по своей волѣ, а не по божіей сотворенную?»—и не обрѣташеся въ нихъ такова челоуѣка искусна и читателя божественныхъ писаній, и ктобы челобитную сложилъ и отвѣтъ властемъ далъ. И призваша единого отъ чернослободцевъ отъ гончарныя слободы, именемъ Симеона Иванова, сына Колашникава, въ Ознобишинъ приказъ, онъ же и Титовъ именовашеся, и пачаша его вопрошати: «Есть ли де у васъ въ посадскихъ людехъ или въ иномъ какомъ чину ревнители о старой вѣрѣ, чтобы были искусные люди божественному писанію и умѣли бы сложить челобитную о старомъ благочестіи и отвѣтъ дати патріарху и властемъ?» И онъ сказалъ: «Слышалъ де отъ своего братіи, посадскихъ людей, обрѣтаются божественныхъ писа-

*) По раскольничьей рукописи настоящаго столѣтія.

ній сказатели и добръ вѣдушіе законъ христіанскія правыя вѣры и могутъ отвѣтъ дать патріарху и властемъ». О такомъ дѣлѣ начаша его моленіемъ молити, чтобы онъ такихъ людей къ нимъ въ полкъ привелъ, и онъ, Симеонъ, возвѣстилъ о томъ братіи своей — Никитѣ Борисову, Ивану Иванову сыну Курбатову и Саввѣ Романову, келейнику прежде бывшу въ монастырѣ у архимандрита Макарьевского на Желтыхъ Пескахъ, чтобы они о томъ дѣлѣ порадили и стрѣльцы де зѣло хотятъ постоять за старую православную вѣру. И они о томъ хежъ себя подумали по Апостолу: «аще, братіе, каменіе возопиша, наипаче же намъ не подобаетъ такового великаго дѣла въ забвеніе полагати и отрицатися, на сіе бо и званіи есмы.» И обрѣтохомъ новаго Ілію, ревнителя по отеческихъ преданіи и догматахъ, благоговѣйна инока, искусна во ученіи и твердаго адаманта, отца Сергія. И возвѣстиша ему о всемъ, яже сказа намъ Симеонъ. Онъ же, воздохнувъ, прослезися и рече къ нимъ: «Мнѣ мнится, братіе, необратное нѣмъ пришло паденіе, понеже застарѣла въ нихъ ересь и злоба велика въ нихъ возрасте; токмо подвигнемся, писано бо есть: «проповѣди ради благочестію точію да будетъ ти брань»; и паки: «вся твори, кромѣ еже не повредитися благочестію». И поидохомъ въ домъ Никиты Борисова, и положихомъ начало и благословихомся у отца Сергія и начахомъ писати челобитную о старой православной христіанской вѣрѣ отъ божественныхъ писаній отъ лица всѣхъ полковъ и чернослободцевъ. Тутъ же пришелъ и Павелъ Захарьевъ, и въ другій день, Богу помогающе, совершихомъ челобитную. При часѣ 11-мъ того же дня совѣщахомся и приидохомъ къ вышереченному Симеону Иванову. Онъ же скоростію тече въ Титовъ приказъ и сказа пятисотному, именемъ Ивану: «По вашему де, приказу ходилъ азъ и возвѣстилъ посадскимъ людемъ, и они де съ радостію, написавъ челобитную, пришли ко мнѣ, и вамъ велѣли вѣстно учинить про себя». Онъ же Иванъ, слышавъ, радъ бысть о семъ; взявъ съ собою двоихъ стрѣльцовъ Никиту Юрьева Колчу да Авдѣя Артемьева, пятидесятника, и приидоша къ нему Симеону на дворъ. Сергію же встрѣтивъ и давъ ему о Христѣ цѣлованіе, и съдоша на малъ часъ, таже глагола ему Сергію: «Слышавъ, братіе, доб-

рое ваше произволеніе, еже хотите попещися о старой благочестивой христіанской вѣрѣ, писано бо есть: «пзводѣй честное отъ недостойнаго, яко уста моя есть», глаголетъ Господь; и вы Господа ради попечытеся о толико душъ погибающихъ въ мірѣ семъ отъ нынѣшнихъ новыхъ книгъ, поспеже вкоренишася въ нихъ многія ереси; а возбраняющаго нѣсть, кромѣ Бога. И вы, братіе, насъ въ поруганіе по прежнему, не дайте, якоже и братію нашу жечь да мучить, но будите готовы обличати ихъ новую вѣру. Аще будетъ, ради мы и кровь свою проліять за старое благочестіе». Пятисотенный же, слышавъ отъ старца глаголемое, радъ бысть, и рече: «Мы, честный отче, ради такоже съ вами засдино помереть за старое благочестіе, а что ты рече—не дайте насъ по прежнему въ поруганіе жечь и мучить, и мы вкратцѣ скажемъ, что будетъ намъ, и тѣ и вамъ». Сергій же поклонися ему до земли, и повелъ Саввѣ челобитную прочесть предъ ними. Они же, слышавше, удивившася: «мы—де во днѣхъ своихъ не слышали таковаго слогу и толика описанія ересей въ новыхъ книгахъ». И взяша съ собою челобитную, и благословившеся у старца, пондоша вси въ приказъ. Пятисотный же Иванъ и сотенный Михайло Артемьевъ и ннѣи, подумавше, послаша деньщиковъ по слободамъ и созвана всѣхъ стрѣльцовъ на съѣзжу избу. Они же скоростію сошедшеся, и посадскихъ тутъ много пришло, и заставиша согеннаго ихъ полку чести вслухъ всѣхъ. Сотенный же неискусенъ божественному писанію, чететь и рѣчь съ рѣчью не раздѣляетъ, и тупо гораздо, невнятно отъ него глаголемое. Они же перестать ему велѣли; много поискавше, и нѣсть такова челоуѣка и принудиша ту Савву чести. Онъ же исперва отрицался, они же съ моленіемъ понудиша зго; онъ же начать чести и толкомъ ереси разсказывати. Они же прилѣжно слушавше, мпози же и плакаху. Егда же прочелъ челобитную, тогда вси единогласно возопиша: «Надобно, братіе, лучше всего постоять за старую православную христіанскую вѣру, и кровь свою проліати за Христа Свѣта, всѣмъ намъ нужно сіе дѣло: за тѣнное было головы своя положили, кабы Владыка не помогъ, а за Христа Свѣта для чего не умереть?» И челобитную у насъ взяли къ себѣ въ приказъ и списали, а подлинную опять намъ отдали.

И возвѣстиша о семъ боярину князю Ивану Андреевичу Хованскому. Онъ же радостенъ бысть о семъ зѣло, и вопрошъ ихъ: «Есть-ли, де, братіе, кому отвѣтъ дать противу властей? Велико дѣло божіе сіе, надобно люди бы ученые были». И они ему сказали: «Есть-де, царскій бояринъ, у насъ инокъ зѣло искусенъ божественному писанію и посадскіе люди многіе на сіе дѣло тшятся». Онъ же рече имъ: «Приведите ко мнѣ на домъ инока и посадскихъ людей, кои есть, да и сами прійдете съ ними». Они же придоша въ домъ ко иноку и братіи и сказаша: «мы-де о семъ дѣлѣ возвѣстихомъ боярину, онъ же радостенъ бысть, и о васъ сказахомъ по именовъ, и повелѣлъ вамъ къ себѣ прійти на домъ: я-де самъ съ ними побесѣдую». И послѣ обѣда того же дни пошли выборные проповѣдывать, и бояринъ еще не бывалъ домой. Онъ же, шедше вверхъ, возвѣстиша ему: «какъ-де государь прикажешь иноку и посадскимъ людямъ къ себѣ прійти?» Онъ же рече: «Въ другой день послѣ обѣда». Они же и на другой день о часѣ 4-мъ, поимши отца Сергія и прочихъ братій, христіанскаго закона ревнителей, и придоша къ боярину. Бояринъ же видѣлъ ихъ и велѣлъ людямъ своимъ честно стрѣтити. Они же встрѣтиша ихъ и отведоша во отходную палату, и ждахомъ его тутъ въ палатѣ, яко 3 часа. И бояринъ отпусти гостей, приде къ намъ и поклонися отцу Сергію до земли и глагола ему: «Коя ради вины приде къ намъ честный отецъ?» Отецъ же рече ему: «По приказу твоему придохомъ возвѣстити тебѣ о старой христіанской вѣрѣ, въ нейже мы воскормлены нелестнымъ млекою отъ сосецъ матерп нашея святаыя соборныя и апостольскія восточныя церкви, въ нейже вси святіи наши російскіе чудотворцы Богу угодили и вси благочестивые цари и святѣйшіе патріархи;—и принесохомъ къ твоему боголюбію челобитную на патріарха и властей, въ нейже описаніе многихъ ересей, что содержатъ въ себѣ новыя книги, и за что они власти насъ, не держащихъ ихъ новую латино-римскую вѣру, проклинають и отъ церкви отлучають, и еретиками называютъ, и за что они старопечатныя книги отриповены сотворили и изъ церкви божіей изринуша, аки непотребни суща, и что въ нихъ ереси и хулы на Бога и Святыхъ Его, иже бы власти въ томъ имъ отвѣтъ дали на письмѣ. Мы же,

Богу поспѣшествующу, ереси ихъ въ новыхъ книгахъ до конца обличимъ». Бояринъ же рече: «Азъ и самъ грѣшный велики желаю, чтобъ по старому было во святыхъ церквахъ единогласно и немятежно. Аще, рече, и грѣшенъ, но неизвѣстно держу старое благочестіе и чту по старымъ святымъ книгамъ и воображаю себѣ на лицы своемъ крестное знаменіе двѣма персты». И пача чести символъ православныя вѣры: «и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго». И рече: «Тако вѣрую, тако проповѣдую и молю въ Троицѣ славимаго Бога о семъ, дабы умилосердился о народъ христіанскомъ и не далъ бы въ конецъ погибнути душамъ христіанскимъ отъ нынѣшнія новыя иконовы иѣкія вѣры. Самъ бо Господь пречистыми Своими усты рече: «просите и дастся вамъ, ищите, и обряцете, толцете и отверзется вамъ; всякъ бо просій приѣмлетъ и ищай обряцетъ, и толкущему отверзется: и вся елика просите въ молитвѣ, приимите». И паки: «живу Азъ, глаголетъ Господь, не хочу смерти грѣшнику, но обратитися и живу быти ему»; и паки: «не придохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе». И много изрекъ отъ божественныхъ писаній. Сергій же отвѣща къ нему: «Изволь, царской бояринъ, челобитную послушати». И велѣлъ чести челобитную, и слушающе прилѣжно и чуждаеся о множествѣ ересей въ новыхъ книгахъ, и по чтеніи челобитныя спросилъ: «Кто писалъ сію челобитную?» Сергій же отвѣща: «Азъ съ братією сей потрудихомся, Богу помогающу намъ». Бояринъ же отвѣща: «Вижу ты инокъ, отче, смиренна и тиха и немногословна, и не будетъ ты съ таковое великое дѣло, надобно противъ ихъ ученому человеку отвѣтъ держати». Сергій же отвѣща: «Азъ аще и немногословесенъ есмь, и не знаю ключамъ ихъ и високоумію, но токмо надѣюся на Сына Божія и вѣрую словесемъ Его, могущая и немудрая умудрити во спасеніе. Самъ бо рекъ ученикомъ своимъ: сице: «предъ владыки же и цари ведени будете Мене радъ во свидѣтельство имъ и языкомъ; егда же предають вы, не пещытеся, како или что возглаголете: не вы бо будете глаголющии, но Духъ Отца вашего глаголяй съ вами». Бояринъ же рече: «Истинно рекъ еси, невѣдомо, Духъ Святой къмъ подѣйствуетъ». Мы же сказахомъ ему и о Никитѣ суздальскомъ, собориомъ священникъ, на него

же и *Жезлы* книга сложена. Бояринъ же радостенъ бывъ и рече: «Знаю я того священника гораздо; противу тово имъ нечего говорить; тотъ уста имъ заградить, и прежде сего ни одинъ отъ нихъ противу его не можаше стати, но яко листвіе падоша. Я, братіе, радъ вамъ помогати, да мнѣ не за искусь дѣло, и въ конецъ божественнаго писанія не знаю, и ихъ обличити умъ не осяжетъ; потому что мы измлада навыкли воинскому чину, а не духовному; а намъ сіе дѣло не за искусь. А того себе не мните, что по прежнему казнить, да вѣшать, да въ срубахъ жечь: я вамъ въ томъ Бога свидѣтеля представляю, за то радъ стоять». Мы же отвѣщахомъ: «Государь, царской бояринъ! о томъ Бога молимъ и у тебя государя милости просимъ, не дай насъ по прежнему въ наруганіе, и поради, государь, чтобы съ ними цари дали праведный судъ и свидѣтельство отъ божественныхъ писаній въ правду, а не по прежнему безвинно осудить да смерти предать: честь царева судъ любить, по писанію». Бояринъ же рече: «Да гдѣ вамъ хошется быть собору?» Мы же рѣхомъ: «Молимъ, государь, твое боголюбіе, чтобы быть собору на лобномъ мѣстѣ предъ всѣмъ народомъ и были бы тутъ цари государи, и благовѣрная царица Паталя Кирилловна и патріархъ со всѣмъ своимъ соборомъ. Буде не изволятъ они на лобномъ мѣстѣ, ино въ кремлѣ промежъ соборомъ у Краснаго Крыльца, и повели государь быть собору въ пятокъ». Бояринъ рече: «Послушайте мене въ семь, не изворотю быть собору въ пятокъ; понеже цари государи станутъ въ недѣлю вѣчатися царскими вѣнцы, и вы не сдѣлайте великаго смятенія въ народѣ». Сергій же и выборные боярину рѣша: «Намъ, государь, царской бояринъ, то и хочется, чтобы цари государи царскими вѣнцы вѣчались во истинной православной вѣрѣ христіанской, а не въ ихъ латинно-римской, и мощно ли то дѣло отложить до другаго воскресенья?» Бояринъ же рече: «Невозможно никомъ дѣломъ отложить, все приготовлено и служивымъ всѣмъ отвѣдь была къ нынѣшнему воскресенью; а въ томъ я вамъ свидѣтеля Бога представляю, что цари государи царскими вѣнцы станутъ по старому вѣчатися, и служба будетъ по старому, по которой вѣчали на царство царя Ивана Васильевича и сына его Феодора Ивановича,—тоже вѣчаніе

и имъ будетъ». Сергій и вси выборные рѣша: «Царской, государь, бояринъ! нестатно то дѣло, что ему патріарху вѣнчать уже по старому. На литургии стануть они причащаются государи, а литургію патріархъ станетъ служить по новому своему служебнику, а не по старому, по которому служебнику блаженный патріархъ Филаретъ Никитичъ служилъ, и причастіе на пяти просфорахъ, на крыжахъ латинскихъ, а не на истинномъ крестѣ; а въ вѣнчаніи станеть ихъ государей патріархъ уговаривать, чтобы имъ неизмѣнно стоять за новую вѣру зеднино съ нимъ патріархомъ». Бояринъ же рече: «Да вѣдь де ему на царей тѣхъ государей не кабала взять, буди по вашему благому изволенію, что въ пятокъ собору быть». Мы же поклонившися отъидохомъ во свояси. И въ то же время приде къ намъ инокъ Савватій, житіемъ Волоколамской пустыни. Въ день же пятничный въ 5-й часъ дни пондоша выборные вверхъ и возвѣстиша боярину: «какъ де государь изволитъ отцамъ принти на соборъ?» Бояринъ же повелъ принти въ 7-й часъ того же дня, и возвѣстиша о томъ отцамъ. Егда же приде 7-й часъ, и тогда призвана отца священника Стефана и молебная совершивши и благословившеса отъ него. И вземъ отецъ Никита честный и животворящій крестъ христовъ, а Сергій — святое евангеліе, а Савватій — страшный судъ и придоша къ Красному Крыльцу, и возвѣстиша о нихъ боярину. Бояринъ же повелъ ихъ вести въ отвѣтную палату. Бѣ же народъ много ту собравшеса, мужеска пола и женска, по нихъ придоша, видяще таковое дѣло и недоумѣвающеса, глаголаху другъ къ другу: «что хоцетъ быти?» Отцы же придоша въ палату и, помолившеса святымъ иконамъ, поклонившася ту сущимъ людемъ по обычаю и сѣдоша. По малъ же времени приде ту и бояринъ, князь Иванъ Андреевичъ Хованскій; съ нимъ множество пришло дяковъ и подьячихъ и всѣхъ чиновъ людей. Бояринъ же помолися, цѣлова честный крестъ и святое евангеліе и вопроси ихъ: «Коя ради вины придосте, отцы честніи?» Никита же священникъ отвѣтъ дастъ боярину: «Придохомъ здѣ великимъ государемъ побить челомъ о старой православной христіанской вѣрѣ, чтобы велѣли патріарху и властемъ служить по старымъ служебникамъ, такоже и книги всѣ бы были во святыхъ церквахъ

старыя и служили бы на 7-ми просфорахъ, а къ воображенію святаго Агнца на просфорахъ былъ бы крестъ истинный три-составный, а не крыжъ двучастный, и да расторгнется хула на Бога и на святыхъ Его, также и въ людехъ да не будетъ мятежа, но подастъ Господь тишину велию. А буде патріархъ не изволитъ по старымъ книгамъ служить, они бы великіе государи велѣли ему патріарху съ нами, богомольцами своимъ, дать праведное свое разсмотрѣніе отъ божественныхъ писаній: что онъ патріархъ по тѣмъ старымъ книгамъ по служить и инымъ возбраняеть; а какъ кон богочтецы, ревнуя по отеческихъ догматѣхъ истиннаго закона, по тѣмъ старымъ книгамъ чтуть и поють, и онъ патріархъ тѣхъ людей проклятію предаеть и въ дальнія заточенія засылаеть, а Соловецкій монастырь велѣлъ вырубить, и за ребра перевѣшивать и на морозѣ переморозить; и за что они тѣ старыя книги отриновенны сотворили и въ церкви божіей аки непотребныя? и есть ли въ нихъ какія ереси, или какая несправда, и что въ нихъ есть хулы на Вышняго Бога и Пречистую Его Богоматерь и на Святыхъ Его? и благочестивы ли были, кон по нихъ служили и пѣли, прежіе цари и великіе князи и святѣйшіе патріархи, при конхъ печатаны, или по благочестивы были? И онъ бы патріархъ намъ богомольцамъ вашимъ во всемъ томъ отвѣтъ далъ на письмѣ, а мы, богомольцы ваши, въ ихъ новыхъ книгахъ всякіе затѣи и многія ереси ихъ, Богу помогающу намъ, въ конецъ обличимъ». Бояринъ же имъ рече: «А-де и самъ желаю истину увѣдѣти, и чту и пою и вѣрую по старымъ книгамъ, какъ святая соборная и апостольская церковь содержитъ,» и много изрекъ отъ божественныхъ писаній, и прочте символъ по старому, также и слагаше крестное знаменіе по преданію святыхъ отецъ двѣма персты. И вопроси ихъ: «Есть ли у васъ о томъ челобитная?» Они же сказаша ему: «Есть, государь, и двѣ». Онъ же рече: «Приказали де государи цари челобитную взять и прочеть». И рече Пикита: «Да какъ, государь, царской бояринъ, возмешь у насъ челобитную, а намъ безъ нихъ что будетъ на соборѣ подать?» Онъ же общася живымъ Богомъ: «Что пакы къ вамъ принесу, а не учиню того, что не отдать. Когда же положилися на меня во всемъ, вѣрьте же ми не-

отложно». Они же подумавше промежь себе и даша ему челобитную. Онъ же понесе вверхъ къ царемъ государемъ, тутъ же и патриархъ былъ и слушалъ челобитную, и сошелъ къ намъ бояринъ безъ челобитныя. Отцы же начаша ему говорити: «что-де, государь великій бояринъ, челобитныя къ намъ не принесъ?» Онъ же обещаея принести. Потомъ въ третій прииде и челобитную принесе, и рече народу, кои тутъ предстоятъ: «Будеть, де, противъ тоя челобитныя дѣла недѣли на 3, но токмо еще книги свидѣтельствовать; великое сіе дѣло божіе». Предстоящій же рѣша: «Подай, Господи, избери что лучшее душамъ нашимъ христіанскимъ.» И сказалъ отцамъ: «Патриархъ де у царей государей упросилъ о семь дѣлъ до среды. Въ среду же приходите послѣ обѣдни». И отпустилъ ихъ въ домъ, идѣже пребывающе, и велѣлъ дать караулу 30 человекъ стрѣльцовъ ради обережки двора. Отецъ же Никита доложи боярину о преждереченномъ дѣлѣ: «Какъ де государь изволишь царей государей вѣнчать?» И онъ рекъ: «Я де вамъ говорилъ прежде сего, что царей государей стануть вѣнчать по старому». Никита же: «Хорошо, еслибы патриархъ и литургію служилъ по старому на седми просѣрахъ, а крестъ бы воображенъ былъ истинной, а не крыжъ». И бояринъ рече: «И вы-де велите испечи просѣиръ воображенія старымъ крестомъ, я-де патриарху самъ поднесу, и велю служить по старому; а ты, отецъ Никита, тутъ же буди». И придоша отцы въ домъ, идѣже пребывше, и патриархъ увѣдавъ, зане служивые всѣхъ полковъ заедино хотяху за православіе стоять, убояся, да не будетъ лишень славы и сана своего, посылая по выборныхъ служиваго полку, воздавая имъ честь велю, и повелѣлъ поить ихъ разными питьями и подачи посылая имъ, такоже и дары великіе, чтобы не поборники были православію, и тако иныхъ слабоумныхъ улести въ свою волю. И на утріе въ субботу придоша отцы, Волоколамскихъ пустынь жители, отецъ Дороей и Савватій и Гавриилъ, и бысть радость велія промежь ими; а посылали по нихъ Савву Бѣлевскаго. По утру рано въ воскресный день бысть голка велія въ Титовъ приказѣ: придоша ко отцамъ служивые люди и сказаша: «Попъ де у нихъ повикъ, споруется отъ писанія, а у насъ де противъ него иѣкому оспорить, и зѣло де хулитъ и поноситъ старую

вѣру». Ревнители же благочестія идоша къ нему, онъ же училъ по кормчей книгѣ; а егда видѣ ихъ пришедшихъ, да и замогча, а самъ рекъ: «Время-де мнѣ обѣдня служить». Они же отъ него разошася. Никита же отецъ повелѣ иъкоей вдовѣ искусиѣ просфѣры испечи, и понесе ихъ въ соборъ. Народи же московстѣи вси собравшеся и ждуще царей государей, и тѣснота бѣ велія въ людехъ, и другъ друга давляху утѣшенія ради; и не дойде отецъ Никита не токмо до боярина, но и до соборныя церкви, и возвратися ко отцамъ и рече имъ: «Простите, отцы: никонми мѣрами не допустилъ народъ до соборныя церкви, и а просфѣры назадъ принесъ». Онъ же тѣ просфѣры раздаше вѣрнымъ благословенія ради. И въ той день сотвориша царемъ-государемъ вѣнчаніе. Видѣвъ въ Титовомъ полку благоразумніи людіе, яко по утѣщенію патріарха не бысть въ иныхъ полкахъ согласія о правотѣрин, совѣтъ сотвориша въ своемъ полку, и выбраша старыхъ стрѣльцовъ, пятидесятника Михайла Артемьева, Ивани Максимова, Егорья да Михайла и придоша ко отцемъ и благословившеся у нихъ съ челобитною ходити по приказомъ, руки прикладывать. Они же рекоша: «Богъ васъ благословитъ на такое великое дѣло: потружайтеся ради Сына божія, незабвенны будутъ труды ваши у него свѣта на небесѣхъ, и стоны ногъ вашихъ изочтени будутъ, сирѣчь, въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ.» И поищемъ Саву ради прочтанія челобитныя, понеже по приказомъ иъкому челобитныя честь. И въ той же день приложили руки къ челобитной 4 приказа, а на другой день 3 приказа, и тако приложиша руки 9 приказовъ, а десятое пушкарни, и бысть между ими прѣ великая и брань: ииіи хотять прикладывать, а ииіи не хотять, обольстившеся патріархомъ, и говорятъ такъ: «Намъ-де за что прикладывать? мы де отвѣчать противъ челобитной не умѣемъ и какъ руки приложитъ, такъ и отвѣтъ давать противу патріарха и властей; а старцамъ умѣтъ ли противу такова собору отвѣтъ дать? а они смутивъ, — да уйдуть; а все то дѣло не наше, сіе дѣло патріаршее; мы и безъ рукъ рады тутъ быть, да стоять за православную вѣру и смотреть правду, а по старому де не дадимъ жечь да мучить». И на томъ служивые положили, что, и не приложя рукъ къ челобитной, стоять за одно всѣмъ и

дѣлать правду, а къ коей челобитной руки приложили, и ту челобитную положили въ Титовѣ приказѣ, запечатавъ, и велѣли подавать большую челобитную отъ лица всѣхъ православныхъ христіанъ, на 20 столпцахъ писана. Потомъ въ среду придоша къ нимъ выборные: «Честніи отцы! поидемъ мы въ городъ и благословите вы насъ доложить боярину о томъ, какъ вамъ принти на соборъ, въ коемъ часу и отвѣдь вамъ дадимъ, а безъ насъ вы не ходите.» И благословившеся у нихъ, поидоша въ городъ и доложиша боярину: «Какъ-де государь, царской бояринъ, принти отцамъ на соборъ и въ коемъ часу?» Бояринъ же, видѣвъ промежъ ими смятеніе и испостоянство, велѣлъ всѣмъ выборнымъ собратися вмѣстѣ и ждать себя въ отвѣтнѣй палатѣ. Они же собравшеся придоша въ отвѣтную палату. Но малъ же времени приде и бояринъ въ палату и рече имъ: «Приказали мнѣ цари государи васъ вопрошить: всѣ ли вы полки заедно хочете стоять за старую христіанскую вѣру?» Они же яко едиными усты рекоша: «Мы, государь, царской бояринъ, вси полки и чернослободцы за едино рады стоять за старую православную христіанскую вѣру». Бояринъ же и во второе такоже вопросы ихъ; они же вси едиными усты такоже отвѣщаша. Бояринъ же и въ третіе вопросы ихъ: «Что сказать царемъ государемъ, всѣ ли вы за едино хочете за старую вѣру стоять». Они же тоже вси отвѣщаша не токмо стоять, но умереть ради за старую православную вѣру. Бояринъ поиде вверхъ, и сказа царемъ государемъ, что служивые сказали: «не токмо стоять, но умереть ради за старую православную вѣру». Цари же послаша его къ патріарху и служивые посадскіе многіе тутъ были. И егда придоша къ патріарху, бояринъ же пошелъ въ крестовую, а выборныхъ и посадскихъ оставиша въ стѣнѣхъ; и патріархъ выборныхъ всѣхъ велѣлъ взять на погребъ и приказалъ понть довольно водками и краснымъ питіемъ и медомъ. Они же, напившеся зѣло пьяне, пришли въ стѣни къ патріарху и тутъ кон ревнителіи православія лукавое смышленіе ихъ вельми непостоянно видятъ, что ничтоже наше успѣваетъ, но паче молва бываетъ. И по малъ часъ велѣлъ бояринъ ити выборнымъ и посадскимъ въ крестовую, и выборные, кон пьяны, вѣрнымъ рекоша: «Уже-де-какъ станете отвѣчать патрі-

арху и властемъ?» И вышелъ тутъ патріархъ я власти; и выборные пошли къ рукѣ, изъ правотѣрныхъ же ни одинъ не пошелъ. Бѣ же народу полна палата патріаршая крестовая. Пача патріархъ вопрошати: «Чесо ради, братіе, приидосте къ нашему смиренію, и чесо отъ насъ требуете?» Бояринъ же отвѣща къ патріарху: «Пришли—де, государь, святѣйшій патріархъ, къ твоему благословенію всякихъ чиновъ люди, надворная пѣхота великихъ государей всѣхъ полковъ, и солдатскаго строю выборнаго полку, и пушкарни всѣ, и чернослободцы и посадскіе люди о исправленіи стараго благочестія православныя вѣры христіанскія побить челомъ; и какъ служили при великихъ князехъ россійскіе чудотворцы и святѣйшіе патріархи, по тѣмъ же бы по старымъ книгамъ и нынѣ бы такожде служба была въ соборной и апостольской церкви единогласно и нематежно, по апостолу: «единъ Господь, и единая вѣра, едино крещеніе и единъ Богъ Отецъ всѣхъ»; и пакы: «даждь намъ Владыка едиными усты и единымъ сердцемъ славити и воспѣвати пречистое и великолѣпное имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ аминь». Того ради приидоша къ твоему благословенію». И молчаніе бѣ не малъ часъ, и повелѣлъ Хованскій стрѣльцамъ говорить. И сталъ говорить выборный Алексѣй Юдинъ, Воробина приказу: «Мы, государь святѣйшій патріархъ, пришли къ твоему благословенію о свидѣтельствѣ божественныхъ писаній, и за что старыя книги, печатанныя при великихъ государехъ царѣхъ и при святѣйшихъ патріарсѣхъ, отринуты, и какія въ нихъ приобрѣтаются ереси, и намъ бы про то вѣдомо было.» Патріархъ сталъ говорить: «Чада моя и братія! вамъ не подобаеъ судити и простаго человека, колми паче архіерея святыхъ апостолъ правила возбраняють и отъ церкви святин отцы отлучають и вѣчнѣй клятвѣ предають, аще не престануть отъ таковаго начинанія. А вы простаго чину и воинскаго, и замъ сіе дѣло не за искусь; по нашею архіерейскою властію разрѣшается и вѣжеться. Мы на себѣ христовъ образъ носимъ; такоже и азъ пастырь, а не наемникъ, дверьми вшелъ, а не чрезъ ограду, и не самъ азъ на себя такую великую тяготу восхитилъ и докутилъ на апостольскій престолъ, но избранъ есмь повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя и бла-

гословеніемъ всего освященнаго собора; а не противъ моея силы такую тяготу великую на мя возложиша и съ нуждою на сей архіерейскій престолъ возведоша; и азъ за послушаніе такую великую тяготу на себя восхитилъ, и азъ еще и недостойнъ, но пастырь есмь, и того ради подобаетъ вамъ повиноватися и учителемъ и священникомъ, наипаче же архіереомъ и не судити ихъ, еще и житіе имать укоризное. И пакы апостолъ глаголетъ: «повиуйтеся наставникомъ вашимъ и покоряйтеся»; и на се Златоустъ глаголетъ съ прещеніемъ: «А ты ли ниже повиноватися хочещи? Онъ тебе ради бдитъ, тебе ради молитъ, за тебя стоитъ Бога просай, тебе ради молитвы творитъ во всякомъ прошеніи. Вы же чинъ намъ прекословцы являетесь не токмо намъ, но господнимъ словесемъ глаголющимъ святымъ Евангеліемъ: «слушай васъ Мене слушаетъ, а отменяйся васъ, Мене отменяется». Вы же къ тому глаголете: «у насъ вѣра зла», и Пикона бывнаго патріарха называете еретникомъ и сущаго врага святыя соборныя церкви, а онъ не еретикъ былъ и не врагъ святыя соборныя церкви; еще и сама извержень, не за вѣру или догматы церковныя, но за свое безчиніе и непокорство, згордися самъ оставилъ престолъ свой; а у насъ онъ никакого поврежденія вѣрѣ не учинилъ. А у насъ вѣра православная и святыми апостолами проповѣданная и святыми отцы утвержденная и мученическою кровію запечатлѣнная, стараго православія греческаго закона, въ нейже и святіи отцы Богу угодиша, исправлена съ греческихъ и съ нашихъ російскихъ харатейныхъ книгъ, и святѣйшіе вселенскіе патріархи повелѣніемъ великаго государя и всего освященнаго собора на то призвани быша киръ Пансіи, александрійскій папа и судія всей вселеннѣи, и Маркарій антиохійскій; они же наипаче исправивша и утвердивша и повелѣша православнымъ христіаномъ креститися тремя персты во образъ Святыя Троицы, а не послѣдующихъ ихъ исправленію проклатію предаша. И мы сіе не сами завели отъ себе, но отъ божественныхъ писаній исправихомъ и послѣдуемъ имъ, святѣйшимъ патріархамъ, и сами себя погибели не хожемъ и вамъ такоже не совѣтуемъ». И выборные на отвѣтъ поставивша передъ патріархомъ Павла Даниловца, да Павла Захарьева, и Савву Романова и повелѣша противу

его отвѣщать. Павелъ же Даниловецъ исперва поклонился ему до земли и нача глаголати со смиреніемъ и тихими глаголы: «Въ правду, святѣйшій владыко, рекъ, что вы на себе христовъ образъ носите и вамъ должно есть намъ повиноватися. Спаситель нашъ Христосъ смиренія образъ во всемъ показалъ и Самъ рекъ пречистыми усты: «научитесь отъ Мене. яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ», а не струбами и огнемъ и мечемъ грозилъ. Яко ты глаголеши: образъ христовъ носите, а житію христову не послѣдуете. И апостолъ рекъ: «повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покарайтесь, тѣмъ бо бдѣть о душахъ вашихъ». И на се Златоустъ толкуеть: «что убо, рече, егда золь, неповинуешиса? золь како глаголеши? аще убо вѣры ради, бѣгай его и отрицайся, не точію аще человекъ былъ бы, но аще ангель, съ небеси сшедшій»; рекъ Павелъ: «но аще азъ, или ангель съ небеси благовѣстити вамъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ», сирѣчь, аще и малое что подвигнуть, анаѳема да будетъ. И паки Галатомъ пишетъ: «чуждуся яко тако скоро прелагается отъ звавшаго васъ благодатию христовою во ино благовѣствованіе». И мы такового апостольскаго запрещенія и проклятія боимся отъ писанныхъ и малое что подвигнуть и паче мертвыхъ возстающихъ писанія быти достовѣрнѣйша; и достоинство лицъ не пріемлется, егда вѣру превращаютъ, или о истинѣ слово будетъ, сирѣчь, говоритъ о правдѣ не токмо предъ святители, но и предъ цари: понеже благочестія отступити Бога отступити есть, и ничтоже тако раздражаетъ—Бога, якоже церкви раздѣлятся, аще и безчисленная будемъ содѣлавше благая; что же сіе есть яко ниже мученическая кровь можетъ сего загладити грѣха». Патріархъ же къ нему рекъ: «Да статное ли дѣло, что вамъ архіерея судить? Вы Никона патріарха называете блудника и прелюбодѣя, будто онъ бабъ блудилъ и дѣвокъ и молодыхъ ребятъ, и тѣмъ въ людѣхъ смущеніе творите и предаете святительскую власть, и тѣмъ чинъ святительскій ругаете. И то не ваше простолюдиновъ—архіерея судити, но нашей архіерейской власти о томъ разсмотрати и по правиломъ святыхъ отецъ отлучати и судити, ваше токмо повиноватися». Тогда Павелъ отвѣщаль ему: «Не о семъ намъ, святѣйшій па-

тріархъ, слово; вѣсть намъ о семъ глаголати. Слыши бо самаго Спасителя нашего Христа, глаголющаго: «на Моисеовъ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисеи». Вся убо, елика аще рекуть вамъ творити, творите; по дѣломъ же ихъ не творите; имуть, рече, санъ, но житія нечистаго. Но не житію, но словесемъ внимай: права бо ради ничтоже повреждается». И Златоустъ глаголетъ, яко подобаесть повиноватися учителемъ и священникомъ и не судить, аще и житіе укорное имуть; аще же о вѣрѣ погрѣшаесть, тогда не подобаесть покоратися имъ, но и бѣгати и судити ихъ.» А епископу подобаесть, рече апостоля, безпорочну быти, якоже божію строителю, не дерзу, не напрасливу, не пияницъ, ни убійцъ, но боголюбцу, цѣломудренну, праведну, преподобну, воздержаемуся вѣрнаго словеси во ученіи.» А на се слово Златоустъ рече: «а иже не вѣдый о правомъ учити ученіи, далече да будетъ престола учительска». И паки: «таковъ намъ подобаше архіерей, преподобенъ, незлобивъ, безскверенъ и отлученъ отъ грѣшникъ, сирѣчь, нелукавъ, непронырливъ»; и паки: «пасите еже въ васъ стадо божіе не съ нуждею, но волею и по Бозѣ, ниже несправедлими прибытки, но усердно, не яко обладающу причту, но образъ бывающе стаду». А что мы, святѣйшій патріархъ, Никона называемъ еретикомъ и сущаго врага святаго апостольскія церкви восточныя: что онъ Никонъ огда исперва на престолъ взыде, то онъ учинилъ въ церкви расколъ и взялъ отъ папы Формоза римскаго костела и повелѣ христіаномъ тремя персты креститися, а не крестящихся тремя персты всякимъ томленіемъ повелѣлъ мучити отцевъ и братію нашу, да и вы по немъ тоже творите; да и въ молитвѣ Сына Божія не повелѣлъ глаголати. И то, государь святѣйшій патріархъ, какая ересь и хула, что двѣма персты креститися, исповѣдывать божество и человечество, и въ молитвѣ Сына Божія глаголати, и за что за то жечь въ струбахъ да пытатъ?» И патріархъ рече: «Мы за крестъ и молитву въ струбахъ не жжемъ и не пытаемъ; мы за то жжемъ, что насъ еретиками называете и не повинуетеся святѣй соборнѣй и апостольскѣй церкви; а кто какъ хошетъ, такъ и крестится,—двѣма ли персты, тремя ли, или всею дланію, то все едино, лише бы знаменіе на себѣ вообразити, и мы о томъ не

истязуемъ». Павелъ же рече: «Святѣйшій Владыко! да не едино онъ сіе разрушилъ, но многія ереси ввелъ въ церковь божію, и книги старыя, по коимъ святіи отцы наши Богу угодили, всѣ искашилъ, испревратилъ на свой разумъ и, вкратцѣ молвить, что ни содержала святая соборная и апостольская церковь — преданіе святыхъ отецъ, писанное и неписанное, то все онъ Никонъ нарушилъ и превратилъ, будто и слѣду благочестія у насъ въ Россіи лѣтъ семь сотъ, отъ Владимірова крещенія до него Никона, не бывало. А до того намъ какое дѣло — архіерея судити; а кто какъ живетъ, блудникъ или піаница, или лихонмець, каждо отъ своихъ оправдится, или осудится; кто что посядетъ, тотъ то и пожнетъ; намъ про то скверно говорить ненадобно». Тутъ стало патріарху за великой стыдъ, что не ладно молвилъ. Павелъ же много изрекъ отъ божественныхъ писаній; патріархъ же и власти всѣ стоятъ молча, повѣся головы. Павелъ же рече ко властямъ: «Власти государи! помогайте архіерею тому божію говорить съ нами; видите ли онъ изнемогъ, а вы его не перемѣните». И патріархъ спросилъ: «Какъ тебя зовутъ?» «Меня, государь, Иваномъ зовутъ». — «Изнемогъ де, Иванушко, потому что дни три не ѣдалъ». И бояринъ Павла зѣло похвалилъ: «Не чаялъ де въ васъ такова человекъ». И спросилъ у Сава, стрѣлецъ ли онъ, или посадской? И я ему сказала: «Съ посаду де, государь, овчинныя слободы». Сталъ говорить Крутицкій митрополитъ Варсонофій: «что де все вы говорите, а святѣйшему патріарху не дадите единого слова выговорить». И Павелъ: «Изволь де государь, говори ты». И сталъ патріархъ тѣ же рѣчи говорить: «и де до меня заведена новая вѣра, по совѣту и благословенію святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ исправили съ греческихъ книгъ: здѣ изъ святая горы много греческихъ старыхъ книгъ привезено, а я на готовое пришелъ». И Сава противу ему рекъ: «Мы, святѣйшій патріархъ, въ томъ на тебя и не стѣуемъ, что ты завелъ новую вѣру; испревратилъ вѣру христіанскую Никонъ, бывший патріархъ, да чернецъ Арсеній еретикъ». «Не еретикъ былъ Арсеній, но истинный православный христіанинъ и сынъ святая восточная церкви». Сава же отвѣща: «Въ прошлыхъ, государь, годѣхъ блаженныя памяти при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ и при святѣйшемъ

патріархъ Іосифъ прѣзжалъ въ царствующій градъ Москву вселенскій патріархъ Памсіи Іерусалимскій и привезъ черница Арсенія, родомъ греченина. И егда поѣха вселенскій патріархъ во свою землю, и тотъ чернецъ утаився и скрився отъ своего патріарха, хотя здѣ плевелы всѣять въ православную нашу христіанскую вѣру. Той же вселенскій патріархъ Памсіи писалъ съ пути блаженныя памяти къ великому государю, царю и великому князю Алексію Михайловичу и ко святѣйшему Іосифу патріарху про того черница Арсенія, что онъ еретикъ и въ жидовскомъ обрѣзаніи, и вѣрѣ христіанствѣй конечной врагъ, чтобы ему въ царствующемъ градѣ Москвѣ просто жить не велѣлъ, и держать бы въ крѣпи, потому что онъ многи грады возмутилъ и вѣру христіанскую испревратилъ по своему еретическому умышленію, а не по преданію святыхъ отецъ. И того ради великій государь и святѣйшій патріархъ велѣли того черница сыскать и сослать въ Соловецкій монастырь въ заточеніе. И по указу великаго государя и святѣйнаго патріарха посланъ былъ въ Соловецкій монастырь новгородскій митрополитъ, бывшій патріархъ, ради мощей иже во святыхъ отца нашего Филиппа митрополита московскаго чудотворца. И обхождаше тамо вся службы и больницы, посѣщаше братію, и увидѣвъ его чернецъ Арсеній возопи гласомъ велимъ: «Святѣйшій патріархъ Іосифъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ успе, а намѣстникомъ де быть послѣ него тебѣ, великому государю». Никонъ же за сіе слово взя его съ собою къ Москвѣ, и егда воспрія патріаршества престолъ, взя его къ себѣ въ келлію, и потомъ въ казначен; и пакы потомъ учипи его быть первымъ справщикомъ на печатномъ дворѣ, и далъ ему волю въ книгахъ. Онъ же самую первую головную книгу, по которой священнодѣйство совершается, еже есть служебникъ, испревратилъ по своему суетному мудрованію, а не по святыхъ отецъ преданію, потомъ октоихъ, евангеліе, и просто молвить, что ни содержитъ соборная и апостольская церковь, то все нарушилъ и исказилъ, будто и слѣду благочестія у насъ въ российскомъ царствѣ отнюдь до сего не именовалося. А ты что, святѣйшій патріархъ, изволилъ говорить про нынѣшніе вселенскіе патріархи, что де они, къ намъ прѣхавъ, вѣру испра-

вѣли съ греческихъ старихъ книгъ, и у насъ прежде сего въ российскомъ государствѣ палестинскихъ патриарховъ было много, наипаче же начальнѣйшій и глава всѣмъ Іеремія цариградскій и Θεοφανъ іерусалимскій, и ни въ чемъ наша православныя вѣры не хулили и двоихъ блаженныхъ и приснопамятныхъ отецъ нашихъ, святѣйшихъ патриарховъ Іова и Филарета, государству на архіерейскій престолъ хиротописаша, глаголюще: «ветхій Римъ падеся Аполлинаріевою ересію; второй Римъ, еже есть Константиинъ градъ, падеся, отъ агарянскаго насилія изсякло благочестіе; московское же государство третій Римъ именовашеся». И завсегда въ соборнѣй и апостольствѣй церкви у вечерни и заутрени были и чинъ уставъ соборныя церкви видѣли, сами съ нашими патриархи божественную литургію служили; и аще бы было кое прегрѣшеніе и неисправленіе въ книгахъ или въ церковномъ чинѣ и поступкахъ напротивъ ихъ греческаго закона, они бы о семъ святѣйшій патриархи нашимъ патриархамъ воспретили, исправили, кое непротивъ ихъ печатныхъ книгъ. Да и сами о себѣ свидѣтельствовали, что у нихъ въ Грецѣхъ отъ насилія агарянскаго благочестіе изсякло, и нѣсть нигдѣ, кромѣ московскаго российскаго государства: и о томъ свидѣтельствуетъ книга кормчая. И премудрый Максимъ Грекъ во своей книгѣ пишетъ сице: «Егда плѣненъ бысть Царьградъ отъ Агарянъ, и тогда нѣщии боголюбивии, собравше вся греческія книги, хотяще цѣло соблюсти благочестіе, отплыша въ Римъ къ папѣ. Папа же съ радостію пріять у нихъ книги, бѣ бо отъ многъ зѣтъ ждаше; и повелѣ перевести на свой латинно-римскій языкъ; греческія же переведенныя повелѣ огнемъ сожещи; и оттолѣ начаша печатати книги Грекомъ въ Венеціи и въ Австріи и многія ереси въ нихъ внесеша». А нынѣшнія власти, вселенскіе патриархи, пріѣзжали въ московское государство не вѣры исправлять, но злата и вещи собирати, и учинили лишь раздоръ церкви божіей великій; и не крестящихся тремя персты по ихъ мудрованію проклятію предавати, и огнемъ сожигати и всякімъ томленіемъ житія человѣческаго лишати. И отъ того времени и мятежа великаго и до нынѣшняго дне здѣ въ московскомъ государствѣ и по многимъ городамъ христіанская безвинно кровь

проливается; и мы о семъ молимъ твое боголюбіе: разръши сомнѣніе и мятежъ душамъ христіанскимъ, и соедини церковь божію, да не проливается напрасно кровь христіанская. Вы мняще за Христа убиваете, а тѣ любители стараго православія души своя Христа ради полагають, да вѣчно съ Нимъ царствуютъ». И тутъ патріархъ отвѣту ничего не далъ и азъ, отступивъ отъ него, и сталъ близъ митрополита нижегородскаго. И митрополитъ ко мнѣ рекъ: «Вы о чемъ стязуетесь? мы никогда за крестъ и молитву не жжемъ, но за ихъ непокорство, что возмущаютъ народомъ въ церкви не ходитъ и не исповѣдываются у священниковъ, и тѣмъ множество народу отъ церкви отлучили». И Савва противу его рекъ: «Да правду ли, владыко, рекъ, что за крестъ и молитву не жжете? чесоже ради, какъ приведутъ предъ васъ коево христіанина, и въ первыхъ вопрошаете: «какъ крестисься и какъ молитву творить?» Христіанинъ молвить: «я де молитву творю и крещуся по старому, якоже святая соборная и апостольская церковь пріяла отъ святыхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ семи вселенскихъ соборовъ». И вы за то пытали, да жгли, да его же въ тюрьму. Да у тебя же въ Нижнемъ подъ Ивановскою башнею выкопана яма сажень съ десять, и тутъ сидятъ и донынѣ три челоувѣка за крестъ и молитву. И по твоему приказу пріѣзжалъ Мироносницкій попъ Евонмей, изъ ямы велѣлъ ихъ вынять и самъ распрашивалъ: «повинуетесь ли соборной и апостольской церкви и преосвященному митрополиту и хотите ли исповѣдаться и причаститься?» Они же въ первыхъ къ нему къ благословенію пошли и потомъ рекли: «Мы во всемъ повинujemyся соборной церкви и митрополиту и хоцемъ повиноватися и причаститься и по прежнему прекословити не станемъ, только де не отменяй у насъ креста да молитвы по старому». И попъ Евонмей тебѣ о томъ возвѣстилъ: «во всемъ де, государь, повинуются и по прежнему прекословити не хотятъ, только молитвы да креста не измѣняютъ». А ты ихъ въ туже яму велѣлъ бросить». И митрополитъ: «Да то де не я посадилъ: присланы по государскому указу безъ меня, и какъ изволить съ ними государь». И я противу ему рекъ: «Да ты чрезъ государской указъ дѣлаешь, а государской указъ: буде кто повинну принесеть, ино

его выпускать или подь началъ отдадутъ». И патріархъ на митрополита закричалъ и велѣлъ молчать: виднть онъ, что неладно говоритъ; и митрополитъ за властей схоронился въ куть, да искусенько изъ-за властей и выглядываетъ, и Саву опознаваетъ; и велѣлъ новгородскому митрополиту спросить его имени, и онъ спросилъ: «Какъ де тебя зовутъ?» И я ему сказался Васильемъ. И нижегородскій митрополитъ призвалъ стрѣльца Титову приказу, да про него же спросилъ: «Откуда де у насъ еси человекъ?» И онъ ему сказалъ: «Нашего де полку, первая сотни сотникъ». «А какъ зовутъ?» «Зовутъ де его Васильемъ». И нижегородскій митрополитъ: «Знаю я его, бывалъ де у насъ, и нашъ де онъ скормленникъ, да нынѣ намъ врагъ сталъ». А новгородскій митрополитъ много съ нимъ говорилъ отъ божественныхъ писаній, и говоритъ ему: «Я де и самъ, Васильюшко, прежде сего много сумлялся о семъ дѣлѣ, да и нынѣ во мнѣ сомнѣніе великое». И въ конецъ онъ о старомъ благочестіи знаетъ; и служивые тутъ стали говорить: «Вотъ де патріархъ противъ двохъ человекъ отвѣту не далъ, лишь только де насъ виномъ да медомъ понть знаетъ, — а намъ де противъ правды стоять будетъ». И Хованскій послѣ той бѣдѣ и выборные пошли къ патріарху къ благословенію, а ревнители правотѣрю ни единъ не пошелъ; единъ лишь Павелъ Даниловецъ пришелъ къ патріарху. Патріархъ протянулъ руку, хочетъ благословити по новому. Павелъ же сталъ говорить: «Нѣтъ де, государь, святѣйшій патріархъ, буде благословишь ты меня по старому, и я радъ отъ тебя благословеніе воспріять». Патріархъ же рекъ: «Когда де будетъ время, тогда и благословлять буду по старому, а нынѣ еще не почалъ». И тако пойдоша вонъ бояринъ и выборные. Бояринъ же нача Павла во главу цѣловати, и зѣло похвалялъ: «не зналъ де азъ, малой, тебя до сея поры». Патріархъ еще упрощалъ сроку до среды собору быть; и въ субботу по утру выславъ попа Саву, иже искусенъ и школьному ученію, и нача учити народъ по Кириллову Евангелію Траиквиціонову и тремя персты креститися, и зѣло на старую вѣру хулу возлагаше. Пароди же того попа каменіемъ побивша, еле жива оставивша, и черница у Москворѣцкихъ воротъ биша довольно. И бысть на всѣхъ властей страхъ и

власти инья начаша благословляти по старому; а кои по обычаю своему благословляютъ и увидя конхъ ревнителей благочестію и боящеса, отнюдь удерживая себе, и не благословляху народъ. И съ того часа патріархъ и власти жезлы стали носить старыя Петра митрополита;—слышаша въ народѣ глаголющихъ: «како де вы съми власти лукавы да и жезлы съ проклятыми и лукавыми зміями носите, прообразующихъ потребленію нашея православныя христіанскія вѣры»; и того ради оставиша жезлъ съ проклятыми зміями. Народи же имъ чести и поклоненія отнюдь не воздающе и глаголюще: «когда будетъ у нихъ правая вѣра, и они бы о ней подвизались и жезлы бѣ не носили по своему обычаю съ проклятыми зміями; лише вездѣ видно ихъ непостоянство и мятежъ». И благовѣрная царица Наталья Кирилловна прислала нарочно Парасковью Павловну къ вѣрующимъ, чтобы соборъ былъ на лобнѣмъ мѣстѣ, и были бѣ тутъ цари государни; и меня просили на соборъ, а въ соборную церковь никакъ не ходили бы, хотя и съ великимъ моленіемъ стануть просити, чтобы шли въ церковь; а буде не пойдутъ на лобное мѣсто, ино промежъ соборомъ на площади и о томъ присылала трижды, чтобы въ церковь не ходили, такоже и въ Грановитую Палату: у нихъ де дьявольской вымыселъ есть надъ вами. И патріархъ разумѣ свое лишеніе и на соборъ не хоцетъ идти и говорить боярину: «буде де изволить, и они бы принесли свои старыя книги—евангеліе и служебникъ, а мы такоже новыя свои, да положили бы въ раку къ Петру митрополиту, и тутъ знать будетъ, кои правы и не правы; заповѣдалъ бы постъ по всей земли, а соборную церковь запечатали бы царевыми печатями, да патріарша и выборныхъ такоже и старцева печать: и о семъ станемъ молиться, да явятъ намъ святин чудотворцы». И отцы боярину рѣша: «Буди по глаголу его; мы и тако рады, лишь бы правда была». И пришла сверху отвѣдъ къ отцамъ: «Буде де изволить патріархъ класть въ раку Петра митрополита, и вы печатайте раки чудотворцовы, а не церковныя двери, а у нихъ такой вымыселъ есть, хотятъ винти потайными дверьми въ церковь и старыя книги изъ раки вонъ выкинуть; и повелите около церкви крѣпкой караулъ поставить человекъ по 100 на сутки».

И дошла та вѣсть патриарху, что отцы по его вымыслу не хотятъ дѣлать. Онъ же и сіе дѣло отложилъ, — не восхотѣлъ книгъ въ раку положити. По утру же рано въ среду приидоша выборные ко отцамъ и рекоша: «Мы, отцы, по прежнему боярину о семъ дѣлѣ не станемъ докладывать, потому что они паки стануть сроку просить; и мы вамъ вѣсть учинимъ, такъ и приходите». При часѣ же 6-мъ въ исходѣ приде служивой Михайло десятникъ и велѣлъ отцамъ идти на соборъ. Молебная пѣвше и благословившеся у отца Никиты и взявши крестъ и святое евангеліе и страшный судъ, предъ нимиже и свѣщи понесоша, благоговѣнно на соборъ поидоша; также и божественныя книги на свидѣтельство и на обличеніе ересемъ итѣицъ боголюбивіи людіе на главахъ своихъ несеша честно, съ благоговѣніемъ и на бережъ дано имъ 50 человекъ стрѣльцовъ. И по нихъ идоша множество народа, утѣсняюще другъ друга, видяще иноковъ всюду огражденныхъ смиреніемъ и страхомъ божіимъ, также и на главахъ ихъ образъ благоговѣнія—клобуки старыя и покрытыя очи до вѣждей, якоже пошаху прежіи свѣтїи преподобїи отцы и дивящися глаголаху: «не толсто де брюхо-то у нихъ, и не какъ пывшїиіи цеваго завѣта учителя». Егда же приидоша въ Кремль, отцемъ не возбранїиша входъ, народу же воспретїиша ни единого человека пустити въ городъ. Народи же устремившеся и распалившеся любовію вси единодушно видѣти бывшее, стрѣльцы же не успѣша вскорѣ вратъ затворити, пройдоша во врата и приидоша къ соборнѣй церкви. Благочестїя же любители близъ Архангела поставиша налон и на нихъ разнослаша пелены и положиша честный крестъ, святое евангеліе и страшный судъ христовъ и образъ Пречистыя Богородицы и свѣщи предъ ними возжгоша. Бѣже часъ осьмый; а въ соборѣ еще къ обѣднѣ звонять, а въ мірскихъ давно отпѣли. Патриархъ же спущая время для того, дабы ему не свидѣтельствовать предъ народомъ книгъ: и отошла обѣднѣ во исходѣ 10 часа. А послѣ обѣдни выслалъ пона съ тетрадьми на обличеніе Никитино; объ одуу ночь напечатали 160 тетрадей, какъ онъ, Никита, прежде сего повинную приносилъ, что впредь о старой вѣрѣ не бити челомъ и такова дѣла не вчинять. А самъ пошелъ въ келью хлѣба кушать. Попъ же вы-

шелъ изъ церкви, и самъ весь дрожаше. А послѣ откушанья своего патріархъ со властью приде въ Грановитую Палату, выборные пойдоша вверхъ и доложиша боярину: «какъ де, государь, собору быть?» Бѣ же часть 11-й. Бояринъ же доложи патріарху; патріархъ же велѣлъ отцамъ идти въ Грановитую Палату: «здѣ де будетъ царица, государи и благовѣрныя царицы: а тамъ имъ быть зазорно предъ всѣмъ народомъ». Выборные же пришли къ отцамъ и сказаха: «Патріархъ де велѣлъ вамъ идти въ Грановитую Палату, тугъ де будетъ царица государыня и царицы». Отцы же возвѣстиша народу о семъ, народъ же воззони: «Чего ради патріархъ стыдится предъ всѣмъ народомъ свидѣтельство дать отъ божественныхъ писаній и старыя книги съ новыми свидѣтельствовать? подобаетъ собору здѣ быть, а въ Палатѣ невозможно никоими мѣрами; потому что много смятенія о томъ въ народѣ: ови хвалятъ новую вѣру, а ниин старую, и они бы то сомнѣніе и мятежъ въ нашихъ душахъ христіанскихъ разрѣшили и книги бы старыя съ новыми свидѣтельствовали. А въ Палатѣ гдѣ толику сущу народу вмѣститися? и вы отцы святіи въ Палату не ходите; а царицамъ государынямъ до сего дѣла нѣсть: достоитъ тутъ быти царемъ государемъ, а не царицымъ». И отцы выборнымъ рѣша: «Изволь де, государь святѣйшій патріархъ, свидѣтельствовать святыя книги предъ всѣмъ народомъ, а мы въ Палату не идемъ, что невмѣстно будетъ толику народу во едину Палату собратися». Выборные же пойдоша вверхъ. Преждереченный же онъ попъ, иже посланъ патріархомъ изъ соборныя церкви, сталъ противу угла Грановитыя Палаты, и нача чести тетради на обличеніе Шикитино; служивые же взяша его и приведоша ко отцамъ, а тетради хотѣли всѣ изодратъ и егд же такоже смерти предать. Сергій же отецъ возбрани имъ: «За что его бити? онъ де не самъ собою приде, но посланъ отъ патріарха»; и взялъ его Сергій къ себѣ и велѣлъ ему тетради дочитать. Народи же вельми возматюшася о семъ, и хотяще попа каменіемъ прибити. И бысть велія голка и не слышать, что чететь. Сергій же рече попу: «Что всеу труднишия: видиши ли: никто не слушаетъ, на паче молва бываетъ?» Попъ же отвѣща: «Азъ, отче, не самъ собою пришелъ, но посланъ есмь отъ патріарха». Царевна же

и весь царскій спикантъ и патріархъ со властью изъ Грановитя Палаты сквозь окончины смотря на народъ, многимъ тутъ стѣсненія ради стоящимъ по палатамъ и церквамъ. Царевна же Софія похвали отца Сергія: «зпять де сей инокъ Бога бояся живетъ и добродѣтельно житіе проходить, что не далъ попа народу убить». Народъ же начаша молить отца Сергія: «Скажи намъ, отче, Господа ради, отъ божественныхъ писаній, како убѣжати прелести сей Никонскія?» И принесоша скамью. Сергій же взыде на скамью и пона съ собою поставилъ врьдъ и рече пону: «Виждь, мы не собою глаголемъ, но отъ божественныхъ писаній». И нача чести Соловецкія тетради о знаменіи честнаго креста, иже рукою слагаемъ, и о крыжѣ, и о жезлахъ, и о просѣирахъ, и о всемъ премѣненіи церковномъ. Въ народъ же бѣ молчаніе велие, и согбенными руками слушающе прилѣжно чтенія, и воздыхающе изъ глубины сердечныя и нѣции же плачуще; отцы же вельми угнѣтающе. Служивые же принесоша б скамеекъ и поставиша окрестъ святыхъ иконъ. Сергій же по чтеніи велѣлъ отпустить пона. Народъ же моляше Сергія: «Скажи намъ, Господа ради, еще отъ божественныхъ писаній, дабы намъ душами вѣчно не погибнуть». Сергій же изнемогъ вельми: бѣ же третій день, не ѣдущу ему, и понуди ту чести Савву тетради. Онъ же отрекся: «прости отче, не мое сіе учити, но ваше; вы бо на сіе и званіи». Потомъ же прииде бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій и помолвися честному кресту и святому евангелію и прочимъ иконамъ и цѣлова ихъ, также поклонися и отцемъ, и глагола Никитѣ и Сергію: «Пондите вы въ Грановитую Палату, никакоже вамъ никакова худа тамъ не будетъ; потому что царевны государыни хотятъ тутъ же быти, челобитную слушать, а здѣ чимъ быти зѣло зазорно. А собору нынѣ и свидѣтельству отъ божественныхъ писаній некогда быти, сію дѣло великое надобно не прильпомъ дѣлать, да и на дворѣ такоже уже поздно; и только лишь хотятъ царевны, государыни и царицы челобитную выслушать, да отпускъ вамъ будетъ». Сергій же отвѣща: «Царской, государь, бояринъ! мы въ Палату иди зѣло опасны, потому чтобы вымыслу и коварства какого не было надъ нами по прежнему; хорошо бы изволилъ патріархъ здѣ быти, и сему роз-

дѣлу предъ всѣмъ народомъ свидѣльствовать, а въ Палату гдѣ вмѣстится толку народу? Я вѣдаю, что насъ однихъ не пустятъ, народу же ни одного человѣка не пустятъ; а намъ безъ народу что тамъ дѣлать?» Бояринъ же рече: «Невозбранно будетъ никому идти. Кто хочетъ, тотъ и поди. Когда уже вы, отцы святіи, на мою душу грѣшную во всемъ положилися, вѣрите же мнѣ и нынѣ. Исперва вамъ въ томъ Бога, свидѣтеля представилъ, что вамъ никакова худа не будетъ, не стануть ни рубить, ни въ струбахъ жечь по прежнему и ни въ ссылку ссылатъ, а нынѣ, буде не вѣрите, въ томъ цѣлую крестъ христовъ и кленуся Пречистою христовою кровію, что вамъ никакова худа не будетъ; развѣ что будетъ мнѣ, тоже и вамъ». Никита же рече Сергію: «Отецъ Сергіи! я ему вѣрю, мнѣ онъ одному клялся также, и что больше сея клятвы?» Сергіи же отвѣща боярину: «Мы, государь князь Иванъ Андреевичъ, во всемъ положилися на Бога и на Пречистую Его Богоматерь и на твое благоутробіе; буди тако по твоему прошенію». Бояринъ же поиде и рекъ имъ: «Вы безъ меня не ходите; я малъ часъ побуду въ Палатѣ, да къ вамъ скоро возвращуся». Народи же зѣло прилежно начаша отъ него молити, какъ бы въ Палату не ходити. Ини же отъ царскаго двора приидоша, и въ Палату имъ ходити не вѣзли. Они же рекоша намъ: «Братіе! въ Палату не пойти, и они насъ назовутъ гордыми и непокоривыми». И по малъ времени приидоша изъ Палаты выборные и рекоша отцемъ: «Приказали де царевны государыни въ Палату идти и бояринъ». Отцы по прежнему взяша честный крестъ и Свитое Евангеліе, и иконы и свѣщи предъ ними понесоша; христіюлюбивіи людіе взяша книги и на главахъ своихъ понесоша, также палон; и много же народу покусишася идти съ ними и приступиша къ красному крыльцу; служивые весь народъ прутьями стали отбивать, которые тутъ приставлены къ караулу. Егда же Никита попусти на первую степенъ на Красномъ крыльцѣ, тогда изъ Грановитыя Палаты, яко дивіи волцы или бѣшеные пси, приходскіе попы несбычно устремишася на красный крылецъ и смяша всѣхъ. Единъ же попъ ухвати Никиту за власы; правовернии же возопиша: «Видите, православнии, какое коварство навели намъ? Ино де гдѣ бить,

да правду дѣлать? а они при царской свѣтлости бьютъ.» Стрѣльцы же устремилися на поповъ и начаша ихъ подъ боки кулаками бить. Попы же устремилися и разбѣгошася и не свѣдашася другъ друга, а нѣи же вверхъ поповъ 50 ушло, а всѣхъ было поповъ 300 заведено за Палату. Отцы же возвратишася на свое мѣсто; служивые рѣша: «То ли де правда? обѣщалися праведной судъ сотворити; или для того и въ Палату и звали, чтобы убити занапрасно по прежнему?» И бѣуть шумъ великъ и крикъ во всѣхъ людехъ: видятъ, что неправедно дѣлаютъ, — все подставомъ, да обманомъ. По малѣ же времени приде бояринъ и рече: «Чего ради не изволите идти?» Они же рекоша: «Какъ де государь, царской бояринъ, идти? Ты обѣщался, что по прежнему не будутъ ни бить, ни мучить: а нынѣ при ихъ царской свѣтлости безвинно бьютъ, а иди гдѣ и давно стануть давити и бить». И указали попа, кой за власы дралъ. Бояринъ же того попа повелѣ сковать, да въ стрѣлцкой приказъ сослать; а прочихъ поповъ сверху сбить, только небольшихъ оставить по упрощенію властей, и самъ говорить: «Я ничего не знаю.» А ихъ набралось что кабацкихъ ярыжекъ. Потомъ бояринъ приде ко отцамъ и рече: «Извольте, отцы святѣи, идти». Отцы же отвѣщаша: «Боярсе, государь, царской бояринъ, идти, что неправды стало много»; и бояринъ наки цѣлова крестъ христовъ въ правду, что никакого зла не будетъ: «я де сего дѣла не вѣдалъ». Народи же едино кричатъ: «Не ходите въ Палату; аще пойдете, худо будетъ, обманутъ тамо васъ лукавствомъ своимъ». Отцы же, вѣря боярской душѣ и клятвѣ, взяли честныя иконы, также и книги по прежнему, и пойдоша въ Палату; много же съ ними посадскихъ людей пойдоша. И егда же видоша въ Палату, и поставиша среди Палаты предъ царскимъ мѣстомъ палой и положиша честный крестъ христовъ и святое евангеліе и святыя иконы и возжгоша предъ ними свѣщи и поклонишася вси по обычаю царевнамъ и царицѣ до земли; патриарху же никто не поклонися, также и властямъ. На царскомъ же мѣстѣ сѣдѣше царица Софія Алексѣевна, а на другомъ царскомъ мѣстѣ Татіана Михайловна, а по правую сторону Палаты Кириллоевна, а подлѣ царицы царевна Марѣа Алексѣевна, а промежъ царскихъ мѣстъ царевна Анна Михайловна, а

подлѣ царевны Софїи одалъ въ углу патріархъ сидитъ на мѣстѣ; а подлѣ патріарха новгородскій митрополитъ и прочїи власти, а по лѣвую сторону стоятъ бояре. И началъ вопрошати патріархъ: «Какова ради дѣла придосте въ царскїи Палаты, и что требуете отъ насъ?» Никита же отвѣтъ даетъ патріарху: «Пришли къ царемъ государемъ побить челомъ о исправленїи православныя христіанскїя вѣры, чтобъ царское свое праведное разсмотрѣніе дали съ вами, новыми законодавцы, и чтобъ церкви божїи были въ мирѣ и соединенїи, а не въ мятежи и раздранїи, и служба была бы въ церкви божїей, какъ при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ и при святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ служили по старымъ службникамъ». И патріархъ рече: «Не на васъ сію дѣло належитъ и не подобаетъ вамъ простолюдиномъ церковная исправляти и въ томъ архіерея зазирати. Должно есть архіерея архіереемъ судити, а не простолюдиномъ; мы на себѣ христовъ образъ носимъ и даде намъ Богъ власть такую: «егоже аще свяжете на земли, связанъ будетъ на небеси, и егоже аще разрѣшите, разрѣшенъ на небеси»; и пакы: «слушавъ васъ Мене слушаеть, отметаяся васъ Мене отменяется». И Апостоль рекъ: «повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покарайтеся: тѣмъ бо бдѣть о душахъ вашихъ, яко слово хотяще воздати». И азъ аще и грѣшенъ есмь, но пастырь, а не наемникъ и не разбойнически престоль и такую сію тяготу на себе восхитилъ, но избранїе благочестивѣйшаго великаго царя, второе и потомъ освященнаго собора, и вамъ должно есть повиноватися матери нашей соборнѣй и апостольстѣй церкви и потомъ всѣмъ архіереомъ, некущимся о вашемъ спасенїи. А у насъ вѣра православная стараго православїа греческаго закона, въ нейже сватїи отцы Богу угодна, исправлена съ греческихъ и съ нашихъ характерныхъ книгъ по грамматикѣ; и мы отъ себя ничто не внесохомъ въ церковь божїю, но все отъ божественныхъ писанїй: вы же грамматическаго разума не коснулися и не знаете, какову силу въ себѣ содержать». И отвѣща Никита: «Мы пришли не о грамматикѣ съ тобою говорить, но о церковныхъ догматѣхъ и поговоримъ съ тобою краткими глаголы, и азъ о чемъ тебя вопрошу, ты же ми отвѣтъ дай. Чего ради, сгда вы диторгію служите и на

выходѣ выйдешь, взявъ честный животворящій крестъ христовъ въ лѣвую руку, а тройную свѣщу въ правую руку, и машешь обѣма рукама крестообразно на всѣ стороны? Почему свѣща и огонь честнѣ креста господня, и что прообразуетъ огонь и свѣща?» Патріархъ же противъ Никитиныхъ рѣчей ничего не отвѣща; и бросился изъ кута холмогорскій епископъ пустобородый, а имя ему не въ памяти учинилося, и нача громко говорить, а рѣчей не слышать. Никита же воспрети ему: «Что ты нога выше главы ставишиися, я не съ тобою говорю, но съ святѣйшимъ патріархомъ»,—и отведе его мало рукою. Царевна же Софія с л и г у н ы и д т л с ѡ также и тутъ скочи съ престола и воскрича: «Видите ли, что Никита дѣлаеть въ нашихъ очахъ, архіеревъ бьетъ, а безъ насъ и давно убьетъ». И предстоящій же рѣша: «Итъ де, государыня, онъ не бьетъ, лишь только рукою отвелъ, да не велѣлъ ему прежде патріарха говорить». Царевна же стала говорить: «Да ты ли, Никита, съ святѣйшимъ патріархомъ говоришь? не довелось тебѣ у насъ и на очахъ быть, не токмо что говорить. Помниши ли ты, Никита, какъ отцу нашему блаженныя памяти, и святѣйшему патріарху и всему освещенному собору принесъ повинную и великою клятвою клялся: «аще де впредь стану о вѣрѣ бить челомъ, или вчинять по прежнему, и будетъ де на мнѣ клятва святыхъ отецъ, седми вселенскихъ соборовъ»; а нынѣ ты опять за то дѣло принялся? Никита же отвѣща: «Государыня, не запираюся, поднесъ я повинную челобитную отцу вашему блаженныя памяти царю государю также и всему собору за мечемъ и за струбомъ; и по челобитной моей, кою подавалъ на соборѣ, мнѣ грѣшному отвѣту никто не отдалъ изъ властей—а челобитную я писалъ 7 лѣтъ; лишь згибавъ меня, да въ тюрьму, а не вѣдаю, за что. Да на меня же Жезль книгу сложилъ Семень Полоцкой, а противъ той челобитной и пятой части итъ къ той челобитной мнѣ отвѣту; а изволишь, государыня, и нынѣ противъ Жезла того мнѣ отвѣщати, и я нынѣ ево очисти и, если виноватъ буду, уже воля ваша, якоже хотите, тако и сотворите». И царевна ему молвила: «Итъ тебѣ дѣла говорить съ нами, и на очахъ нашихъ тебѣ не подобаетъ быти». И повелѣлъ царевна челобитную чести думному дяку, а имя ему

пропамятоваль; и читаніе его бѣ зъло стройно и внятно. Егда же дойде въ челобитной до сея рѣчи, что де «чернецъ Арсеній, еретикъ и жидовскій обрѣзанецъ, и съ Никомомъ, бывшимъ патріархомъ, поколебали его царской душою, блаженныя памяти царя Алексѣя Михайловича,» — царица же Софія, не стерпѣвъ сего слова, скочи съ престола и нача со слезами говорити: «Когда Арсеній и Никонъ Патріархъ еретики, такъ и отецъ нашъ и братъ таковы же стали? ино по семъ нынѣшніе цари не цари, и патріархи не патріархи, и архіереи не архіереи стали? и мы де сея хулы не хотимъ слышати, что отецъ нашъ и братъ еретикъ, и мы де пойдемъ всѣ изъ царства вонъ». И стала съ престола царскаго съ иконою и отошла съ сажень прочее и стала. Хованскій, бояра и выборные вси восплакаша: «За что де царемъ государемъ изъ царства вонъ итти? мы де рады за нихъ, государей, головы своя положить.» А иные стрѣльцы видятъ такую неправду, разгорѣвшись любовію божіею, стали говорить царицѣ: «Пора де, государыня, давно вамъ въ монастырь; полно де царствомъ тѣмъ мутить; намъ бы де здоровы государи были, а и безъ васъ де пусто не будетъ». Она же слышавше сіе, бысть ей зазорно вельми и съ великимъ стыдѣніемъ сѣдѣ на царскомъ мѣстѣ, и повелѣ паки челобитную чести. Дѣякъ же начавъ челобитную чести о истинномъ тричастномъ крестѣ христовѣ и о крыжѣ латынскомъ, како святіи отцы за едино истинный крестъ христовъ съ крыжемъ латынскимъ не почитали и чести крыжемъ отнюдь не воздавали; и о сложеніи перстномъ приведено много отъ божественныхъ писаній свидѣтельства, иже невмѣстно здѣ написать, по точію вкратцѣ речемъ — Теодоритово, и Мелетія, и Петра Дамаскина, и премудраго Максима Грека и иныхъ богоносныхъ отцевъ многихъ, како крестится и благословити, также книга Кормчая: «Аще кто не крестится двѣма перстома, якоже и Христосъ, да будетъ проклятъ». Она же стала говорить: «Да мы за сложеніе перстное не истязуемъ: кто какъ хочетъ, такъ и крестится, хотя двѣма, хотя тремя персты, хотя распростертою дланію, — все то равно». И отецъ Саватій сталъ говорить: «Нѣтъ де, государыня царица Софія Алексѣевна, что де воображати крестное знаменіе двѣма персты на лицы своемъ, то древнее преда-

ніе преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ»; и сложа лѣвою рукою три персты по новому: «а сіе щепоть преданія римскаго паны Формозы еретика, онъ такъ благословлялъ и повѣлялъ такоже и креститися». Царевна же рече: «Что де, шнокъ, боишься сложить правою рукою три персты, по слагашь лѣвою?» Саватій же отвѣща: «Ей, Государыня, боюся и зѣло страшно нарушити преданіе святыхъ и богоносныхъ отецъ». Она же рече: «Не бойся слагай правою рукою, мы и сами такъ крестимся всяко: тремя персты и всею дланію, да отъ того не будешь осужденъ». Саватій же рекъ: «Не буди намъ, государыня, оставити преданіе святыхъ отецъ; аще и смерть вкусимъ, вѣдаетъ Владыко за что». Царевна же умолча. Дьякъ же нача чести о сложеніи треперстномъ знаменіи и приде рѣчь: «а о треперстномъ сложеніи написалъ грекамъ иѣкто Дамаскинъ и Студитъ иподіаконъ, не вѣдаю да что имя ему, не вѣдаю прозваніе». Царевна же начатъ простымъ людемъ внушати: «Уже де Пвана Дамаскина порочать и преданія его хулять, а его де книгъ церковь божія много пріяла». И Саватій сталъ говорить: «Штъ де, государыня, не буди того намъ, что такова велика свѣтильника и церковнаго учителя опорочити и преданіе его хулити, что церковь божія пріяла; мы преданіе его честно приедемъ и любезно цѣлуемъ. А то Дамаскинъ Студитъ иподіаконъ написалъ такъ креститися въ три перста, а не вѣдомо кто, и откуда, и каково его житіе, и въ коемъ градѣ рожденіе, и игдѣ въ божественномъ писаніи не обрѣтается, только лишь написанъ въ Скрижали въ недѣлю третію великихъ постовъ, слово Дамаскина и Студита иподіакона, а Богъ вѣсть откуда онъ». И тутъ царевна умолчала. И егда дойде во челобитной до селъ рѣчи: «да онъ же Дамаскинъ иподіаконъ въ словѣ своемъ въ тужо недѣлю третію святаго поста повелѣваетъ намъ православнымъ христіанамъ ходити по татарски безъ крестовъ и пишеть ещце: кая польза, рече, или какая добродѣтель есть носити кому крестъ на рамя своемъ?» Она же вскочивши съ престола и нача говорити: «Вотъ смотрите, какую бѣду они написали, будто мы велимъ имъ безъ крестовъ ходити, и стала спрашивать бояръ: есть ли на васъ кресты?» Они же отвѣщаша: «На насъ де, государыня, на всѣхъ кресты есть». — «А на васъ служивые есть ли кресты?» — И

они тоже отвѣщаша: «На насъ, государыня, на всѣхъ кресты есть,»—и пачаша казати другъ другу. Никита же священникъ отвѣща: «Да въ вашей же книгѣ написано, что безъ крестовъ ходити?» Она же велѣла Скрижалъ книгу предъ себя принести. Никита же, взявъ Скрижалъ, и хотяше къ ней постн; она же воскричала: «Тебя де, Никита, къ сему дѣлу не спрашиваютъ; я вѣдь тебѣ говорила, что тебѣ у насъ недостойтъ и на очахъ быти, не токмо что говорить,»—и велѣла книгу отцу Сергію къ себѣ принести. Сергій же принесъ къ ней Скрижалъ и указа ей слово, идѣже написано, что безъ крестовъ ходити. Она же посмогравши и стала говорить: «Я де сего слова не читала и не знаю, да у насъ де по сей книгѣ и въ церкви по чтутъ». Сергій: «Въ томъ же, государыня, словѣ писано и о сложеніи триперстномъ». Она же паки умолче. Дьякъ же пача челобитную чести и дойде до сего слова: «Да онъ же Дамаскинъ не убоаяся страха божія, отрыгнулъ отъ злаго сокровища своего: въ томъ же словѣ безгрѣшнаго Сына Божія Господа нашего Иисуса Христа именовалъ грѣшнымъ, будто онъ Спаситель нашъ распялся за нѣкое прегрѣшеніе, а не за мірское спасеніе и пишетъ тамо сице: «такъ да имате смерть вашу предъ собою, яко и Онъ, иже имате распинатися за нѣкое прегрѣшеніе, поситъ крестъ на рамя своемъ и ходитъ трепеща, ожидая смерти». Она же абіе вскочивъ съ престола и рече предстоящимъ: «Видите ли какъ они написали въ челобитной своей, что Спаситель нашъ Христосъ распялся за нѣкое погрѣшеніе, а не за мірское спасеніе; какъ такъ и помыслить нельзя, какъ они такъ плутають». Сергій же отвѣща: «Да въ той же государыня Скрижали напечатано, въ томъ словѣ въ недѣлю 3-ю постовъ». Она же паки новоль принести Сергію книгу. Онъ же, взявъ книгу Скрижалъ, и принесъ предъ нее и указа ту рѣчь, идѣже написано: «имѣтъ распинатися за нѣкое погрѣшеніе». Она же рече: «Я де сего слова не знаю и не читала», и умолчала. Дьякъ же пача паки чести, и прииде о алллуіи, какъ Игнатію Богоносцу отъ ангела предано, еже 2-жды глаголати божественная алллуія, а въ третій «Слава Тебѣ Боже», и какъ преподобный Ефросинъ псковскій ходилъ въ Царьградъ ради утврєнія тоя божественныя алллуіи, и отъ святѣйшаго патріарха возьмъ благословеніе и

обхождаше монастыри и пустыни и скиты, и во всей Палестинѣ видѣвъ чинъ глаголющихъ аллилуіа дважды, а въ третій—«Слава Тебѣ Боже»; и како премудрый Максимъ Грекъ въ книгѣ своей написалъ: «еже возчетверяти божественная аллилуіа и то де преданіе римскаго костела, аще де не престанете божественная та аллилуіа возчетверяти, и всѣ наши обычаи и преданія воспріати». И тутъ холмогорскій епископъ, взявъ харатейную книгу въ полдестъ, прописаны начальныя слова золотомъ, и въ ней написано аллилуіа 3-жды, а въ четвертый «Слава Тебѣ Боже» и сталъ говорить: «Вотъ де въ хвалительныхъ написано книгахъ аллилуіа четвертити, да въ греческихъ такоже, якоже у насъ нынѣ соборная церковь содержитъ». Правовѣрній же отвѣщаша: «Да та харатейная книга взята либо изъ Великаго Новгорода, либо изъ Пскова, преданіе Юва, роснопа троеженца, а не здѣшнихъ великихъ князей. А что де ты рекъ: и въ греческихъ во всѣхъ книгахъ четверничное аллилуіа, и то ты соизгаль.» И показали ему греческій часословець въ осьмушку, и мы ему рекли: «Вѣрите ли сему и греческія ли печати?» Олѣ же рече: «Печать греческая и руки греческія». И тутъ напечатано послѣ псалма: «Благослови душе моя Господа»: аллилуіа, аллилуіа, докса си ѿ оеосъ, а не четверничная по вашему. А ты лжешь на греческія старыя книги». И тутъ епископъ посрамленъ бысть,— и говорить стало нечего. Дьякъ же сталъ челобитную чести, и множество ересей проче, и они уже вси молчаша. И при концѣ челобитныя, егда доиде до сея рѣчи, что де они новыя вѣры учителя и бывшій патріархъ Никонъ да Іоакимъ патріархъ со всѣмъ своимъ соборомъ насъ православныхъ христіанъ, не пріемлющихъ ихъ латиноримскаго новаго и самобысленнаго преданія и не знаменующихся тремя персты по ихъ суетному мудрованію, проклятію предають и по сему знатно: аще мы отъ нихъ прокляти, то и вси наши русскіе чудотворцы и прародители ваши государевы, благовѣрные цари Иванъ Васильевичъ и дѣдъ вашъ государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Россіи и прадѣдъ вашъ государевъ святѣйшій патріархъ Филаретъ Пикитичъ, и отецъ вашъ государь блаженный памяти царь государь и великій князь Алексѣй Михайловичъ до настатія Никонова въ томъ

же благочестія пребылъ, и они по тому же проклятію поддежать; якоже и самъ онъ Іоакимъ патріархъ со всѣми властями по тѣмъ старымъ святымъ книгамъ отъ святыхъ куполи крещеніе воспріяли, такъ и они свое крещеніе тутъ же вмѣстѣ съ нами проклинають. Истиннѣ писано въ правилѣхъ святыхъ апостолъ: «аще святитель не по волю божію проклинаеть, не послѣдуетъ ему судъ божій». И много отъ божественныхъ писаній писано, яже нехотѣть есть вмѣстити продолженія ради. Патріархъ же и вси власти противъ челобитной нимало отвѣта не дали, только сидятъ, повѣся головы. Бояре же, другъ на друга взглядываясь, улыбаются, что власти отвѣта не дадутъ; а нѣи зѣло плачуть, слышавше толикое описаніе многихъ ересей въ новыхъ книгахъ и великую ихъ неправду. Только лишь царевна одна приюмвила: «Вижу я, ваше то дѣло подобно сему, якоже сосудъ полнъ полыни, а край же его помазанъ медомъ; такъ то о отцѣ моемъ? когда уже отецъ нашъ еретикъ, на что же его пишете съ полной титлою?» И егда думной прочте челобитную, царица Наталья Кирилловна поиде во свои палаты; патріархъ, взявъ сосуды церковныя, златомъ обложены и подписаны римскими словами преподобнаго отца нашего Антонія Римлянина, зѣло израдни, и поклаза всему міру, рече: «Вотъ, государи православные христіане! сн сосуды преподобнаго отца нашего Антонія Римлянина принесены моремъ въ бочкѣ и крестъ на потирѣ четверочастный». Сергій и прочіе отцы возопиша: «Да мы сей крестъ: христовъ приедемъ и покланяемся; сей крестъ тричастный, а не двочастный якоже крыжъ». Бѣ же на сосудѣ крестъ: прское древо на подножїи, а дщцы, что титло написано, тое нѣтъ; обложено крупнымъ жемчугомъ. И еще патріархъ показа книгу служебникъ и доски пробиты, а говорить: «служебникъ преосвященнаго Кипріяна митрополита», а на свидѣтельство не далъ, какъ въ ней написано, сходно ли съ старыми служебниками или нѣтъ. Да еще книгу показавъ въ тафтѣ обверчену, а сказываетъ: «соборный свитокъ святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ, присланъ къ благовѣрному царю Феодору Івановичу всея Русїи о исправленїи церковномъ», а не покажетъ, что въ ней писано, сходно ли съ нашими старыми книгами, или не сходно. И отцы тутъ рекли: «Изволь

де, святѣйшій патріархъ, показать, что въ ней писано». И онъ лишь только говоритъ: «Мы на себѣ христовъ образъ носимъ и азъ пастырь, а не наемникъ, и вамъ должно есть намъ повиноватися», а не вѣдаю, за что. Да вышелъ попъ, брюхо велико, и сталъ говорить: «Вотъ ваши любимыя-то книги Филаретовскія». И отцы рѣша: «И ты скажи намъ, что въ нихъ несправно печатано». Онъ же нача чести: «во святой и великій четвертокъ и великую субботу и въ день святыхъ Пасхи и на Рсждество Христово и на Богоявленіе, и въ день святыхъ апостолъ Петра и Павла, и на Успеніе Пресвятыя Богородицы прпчщаемся святыхъ воды Богоявленіи и тако разрѣшаемъ—иноцы на сыръ и на масло, міряне же на мясо». Шикита отецъ не разсуди о семъ, сталъ говорить: «Такіе же плуты печатали, какъ и вы». И онъ окаянный непарочно въ простые люди впушилъ, будто въ великій четвертокъ и въ великую субботу въ филаретовскихъ книгахъ напечатано мясо ясти. Царевна же Софія воста съ престола и нача людемъ говорить, да ѣе слушаютъ ревнители православія, будто лжу на нихъ глаголющихъ. Народи вскричаша, кон въ Палатъ, велимъ гласомъ и протянуша руки своя горь, сложа персты по преданію святыхъ отецъ: «Мы, государыня царевна Софія Алексѣевна, рады за старой крестъ умереть», и возведоша очи горь и видѣша въ Грановитой Палатъ въ небѣ Саваоѳа написанна, на престолъ сѣдѣща и по обою страну благословища по старому двѣма персты, и рекоша царевитъ: «Вотъ, Государыня, мы и прости видимъ преданія святыхъ отецъ, мы тому и послѣдуемъ»—и указываютъ перстомъ на Саваоѳа. Она же со слезами изрече: «Невѣдомо, что мнѣ съ вами стало дѣлать»,—пойде на другую страну Палаты и ста въ углу; выборнымъ же велѣла за собою идти и рече выборнымъ: «Видите ли, свѣты: какую хулу возлагаютъ на отца нашего: не тотъ-де воръ, кой крадетъ, тотъ воръ, кой прие-летъ. Они же называютъ Арсенія старца еретикомъ и Шикона патріарха; и потому и отецъ нашъ и братъ такоже еретики стали, да и мы таковы, и вамъ, свѣты надобно за это дѣло стоять. Да и въ томъ крестѣ цѣловали великимъ государемъ, что за нашъ царскій домъ стоять». И тутъ выборные ко отвѣту Савѣу поставили; и онъ ей отвѣщаль: «Итъ-де государыня, они въ челобитъ своемъ не называли блаженныя памяти отца вашего

царя Алексѣя Михайловича и брата вашего Θεодора Алексѣевича еретиками, но токмо Никона и Арсенія: что они, по наученію діавольскому, исказили и испревратили всю нашу православную христіанскую вѣру, того ради ихъ называли. Да и прежде сего бывало въ Царѣградѣ: пришелъ чернецъ аріанскія вѣры, да и прельстилъ царя православнаго и во иконоборство ввелъ; да того ради отцы не называли еретикомъ царя, но чернца проклинали и еретикомъ называли: тако и они писали и еретиками называли и Никона называютъ; что на нихъ сіе дѣло лежитъ». Царевна же имъ молвила: «Идите же съ миромъ.» И поиде вонъ изъ полаты, такоже и патріархъ со властью поидоша; а собору приговорили быть въ пятницу. Народи же, видѣвше отцевъ, возрадовашася и поидоша вонъ изъ Кремля. Хованскій же приказалъ дать 100 человекъ стрѣльцовъ и проводить ихъ до двора ради обережи. Егда же изыдоша вонъ изъ града, народи же начаша молити отцевъ прилѣжно со слезами, дабы на любвиѣмъ мѣстѣ почли отъ божественныхъ писаній. Отцы же по умоленію ихъ сотвориша: и начаша на любвиѣмъ мѣстѣ чести отъ божественныхъ писаній соловецкія тетради и толкомъ разсказывать ереси и какъ отъ нихъ блюстися, и въ книгѣ правой вѣры прочтоша объ отпаденіи юнитовъ и довольно поучивше въ божественныхъ писаніяхъ. Бѣ же народу многое множество съ женами и съ дѣтьми слушающе прилѣжно и дивящеся Никоновы вѣры ученію, хакъ превратиша всю нашу православную христіанскую вѣру, и колико ересей настѣаша въ божественныя книги, и въздыхающе изъ глубины сердечныя; ниин же плакаху. И по чтеніи взяша честныя иконы и идоша въ Таганскія ворота поюще: «Владычице! приими молитву рабъ своихъ» (Большую); и «о тебѣ радуется»... и богородиченъ 8 гласа: «царю небосный». Народи же вси по нихъ идуще и другъ другу возвѣщающе съ радостію: «Намъ де цари государи приказали по старому креститися», и показующе всему міру, сложа персты по преданію святыхъ отецъ. И придоша за Язу ко Всемилостивѣшему Спасу, глаголемое Чигасы, близъ Титова приказу и повелѣша звонити довольно—три часа. И егда внидоша въ церковь и начаша молебная совершати Пресвятѣй Богородицѣ Одигитріи. И послѣ молебна поидоша въ домъ, идѣже прежде пребы-

влюще; народи же, проводивше ихъ до двора, разыдохася съ міромъ. Царевна же Софія по исхожденіи отецъ изъ Грановитыя Палаты, поиде въ свои царскія полаты и потомъ же прииде патриархъ къ ней со властью и поклонилася ей до земли, глаголюще: «Не дай де, государыня благовѣрная царевна Софія Алексѣевна, въ поносъ и униженіе и въ посмѣхъ такимъ раскольникамъ»; плачуще и рыдающе и ревуще, яко волю, и слезами ноги ей омывающе. Она же повелѣ призвати выборныхъ всѣхъ полковъ. И егда приидоша выборные, и нача царевна имъ говорити: «Молятъ васъ благовѣрные цари государи, и мы съ ними же и весь царскій синклитъ, и потомъ святѣйшій патриархъ и преосвященные митрополиты и весь освященный соборъ, не промѣняйте вы насъ и всероссійское государство наше на шестерыхъ чернецовъ, и не дайте въ поруганіе святѣйшаго патриарха и потомъ всего освященнаго собора.» И поклонилася вси, царевны, патриархъ и власти стрѣльцамъ мало не до земли, вси слезами обливающеся. Выборные же рѣша: «Намъ, государыня благовѣрная царевна, до того дѣла нѣтъ, что стоять за старую вѣру и не наше то дѣло, то дѣло святѣйшаго патриарха и всего освященнаго собора.» И обѣщася имъ царевна дать дары и чести великія, — перваго выборнаго Стременнаго приказу пятисотнаго Никифора Силина велѣла помѣтити въ думные дѣяки, да боярина пятисотнаго велѣла помѣтити въ дѣяки же, а сына вверхъ приказала взять, а инымъ выборнымъ приказала дать по 100 и по 50 руб. и велѣла понтъ на погребахъ, чего ни хотятъ. Они же наипаче сказаша, что намъ до того дѣла нѣтъ. А Титова полку выборные не пошли вверхъ, и по нихъ сверху царевна посылала, и они вверхъ не пошли и начатъ имъ царевна говорити: «Для чего вы съ полками заодно повинныхъ не хотите дати, что впрядь о старой вѣрѣ челобитья не заводитъ?» И пятидесятникъ Авдей Артемьевъ говоритъ: «Мы де, государыня царевна, безъ братскаго совѣта повинной не смѣемъ дать, прибьютъ де насъ каменіемъ рядовые стрѣльцы, какъ придемъ въ полкъ.» И велѣла царевна все оружіе у нихъ отбратъ и жалованныя грамоты взять, и отказать имъ отъ царскаго двора, что имъ нѣтъ дѣла до караула, какъ хотятъ, такъ и живутъ; велѣла за караулъ отдать. И какъ ихъ повели

за караулъ и единъ отъ нихъ молвилъ: «Добромъ съ ними не раздѣляешься, пора де опять за собачьи кожи приниматься». И царица, то услышавъ, повелѣла ихъ возвратити въ палату. Имъ стали говорить: «Ну царя государи въ непокорствѣ вашемъ прощаютъ, живите по прежнему, а оружія и пороховой казны у васъ не отнимаютъ и жалованныхъ грамотъ, и вы принесите съ своєю братією заодно челобитную, что впредь сего дѣла не вчинять». И выборные къ ней рекли: «Добро де, государыня, и мы пойдемъ да возвѣстимъ братіи своей, что они придумаютъ». И отпускъ сотвори всѣмъ выборнымъ, и прииде каждо въ полкъ свой. И рядовые стрѣльцы стали за нихъ приниматься: «что де вы о правдѣ посланы говорить, а неправду дѣлаете, пропили вы насъ на водкахъ да на красныхъ пойвахъ?» И посадили перевязавши въ тюрьму, а сами говорятъ: «Утре де вамъ указъ будетъ, ино де вы нынѣ Титовъ приказъ руками выдали безъ нашего вѣдому, а ино де иной также отдадите». И выборные имъ стали говорить: «Дворяне государскіе! подите сами да говорите предъ царицею; всѣ царевны государыни и святѣйшій патріархъ со властью, а мы при нихъ кто? а они намъ въ ноги кланяются, а сами плачуще говорятъ: «не промѣняйте де всего государства нашего на шестерыхъ старцевъ»; и мы слышавъ отъ нихъ, подумавъ да и отказали, а сказокъ безъ вашего вѣдома не дадимъ». И въ вечеру у выборныхъ совѣтъ былъ въ Стремянномъ приказѣ и придумали, что во всемъ отказать старцамъ и посадскимъ: «намъ до того дѣла нѣтъ». И пришли къ царицѣ и сказали: «Наша де государыня немощъ стала и рядовыя насъ хотятъ каменіемъ прибить, а иныхъ де нашу братью въ тюрьму пересажали, и не вѣдаемъ сами себѣ, что будетъ намъ утрѣ,— живы ли будемъ или нѣтъ? и хотятъ росписываться по прежнему приказу и съ барабаны идти, и наша де, государыня, топерѣ стала немощъ». И свѣдавше сіе патріархъ, прибѣжалъ къ царицѣ и началъ плакать, а самъ говоритъ: «Теперь де наша конечная погибель пришла; напрасно де ихъ раздражили». И царица молвила: «Не кручинься, батюшко, ты объ этомъ дѣлѣ, я де знаю ихъ уговорить». И велѣла разослать памяти по всѣмъ приказамъ, чтобы со всякаго полку шли на опасной караулъ къ Троицъ, иже на рву, по 100 человекъ и солдатъ

и пушкарей такоже. И сошлись къ вечеру со всякаго приказу по 10 человекъ и стали сговариваться: «Худо де, братцы; выборные насъ пропили на водкахъ и красномъ питъи и Титовъ приказъ руками хотѣли отдать, а потомъ ишой приказъ также отдадутъ». И придумали все полки, что выборныхъ всехъ прибить за неправду ихъ, а къ патриарху по прежнему идти съ барабанами. И въ то время прииде сверху невѣдомо какова чину человекъ и сталъ имъ говорить: «Дворяне и вся надворная пѣхота великихъ государей! цари государи жалуютъ васъ погребомъ. На 10 человекъ по ушату иша простаго и поддѣльнаго, такоже и мѣра меду». Они же и думать перестали, да и побѣжали всякой десятокъ съ своимъ ушатомъ, да перепилися пьяны. И выборные имъ стали говорить къ тому же, которые почести великія взяли на дворянъ государевыхъ: «Чего намъ больше жалованья отъ великихъ государей? Чѣмъ насъ великіе государи не пожаловали?» Они же перенившись, да правотѣрныхъ нашу братію о Христѣ возми да бей: «Вы де буитовщики и возмутили всемъ царствомъ». Они же правотѣрини, видѣвши ковь злехитраго діавола и себѣ великую пакость и убійство, возматоса и другъ друга не свѣдаху, бѣгству себя предаша. На другой день такоже по сту человекъ перепилили, такоже и на третій день да и вси полки такъ перебрали. Они же служивые, злѣ соединившеся, да и повинныя принесли за руками, что до того дѣла намъ итъ, и впредь не вчинять. Да сто человекъ послали по отцевъ и привели на Лыковъ дворъ, никто не вѣдагъ; отца Никиту единого оставили на Лыковъ дворъ за карауломъ, а прочихъ отцовъ взяли на патриаршій дворъ и разсажали по рознь. Во вторникъ на первомъ часу отцу Никитѣ главу отсѣкли, и отца Сергія въ ссылку послали въ Ярославль во Спасской монастырь; а прочихъ отцовъ разослали по инымъ монастырямъ. И въ то время не свѣдаху другъ друга, наипаче прииде гоненіе. И что видѣли своимъ очима и что слышахомъ отъ своя о Христѣ брати, сія написахомъ.

ПЛАЧЬ ГОРОДЕЦКИХЪ РАСКОЛЬНИКОВЪ ПРИ ПОСТРОЙКЪ ЕДИНОВѢРЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Сообщено А. С. Павловымъ.

Издание Высоковского единовѣрческаго монастыря.

Плачь и разное молвище
При часовнѣ на кладбищѣ;
Толпы многи собирали
И всѣ жалостно рыдали:
«Настало время отпаденья,
Отъ противна повелѣнья;
Да и зло уже не мало
Въ Городцѣ у насъ возстало:
Сильно насъ отяготили,
Строить церковь испросили,
Да какую жъ? — Благословенную,
Отъ древности повелѣнную!
Неужель на то рѣшаться,
При часовнѣ поселаться?
Да и что за благодать —
Вдругъ часовню разорять?
А тому дѣлу затѣйникъ
Отъ часовни былъ изиѣйникъ, —
Нельзя мыслить тутъ иначе:
Злу всему повиненъ Марко,
Марко пакостникъ Малевскій
Вздумалъ сей поступокъ дерзкій!
Да и прочи съ нимъ прельстились,
Отъ часовни удалились;
Имѣть церковь восхищались,
Къ благословенной подписались;
И съ восторгомъ вездѣ трубать,
Что деревянну церковь срубить.
А потомъ притомъ указъ:
Выстроить церковь у насъ.
Ахъ, увы, увы не мало!
И поповъ у насъ не стало;
Не имѣть чтобъ потаенныхъ
Намъ, кромѣ благословенныхъ.

Охъ, послѣднѣ, видно, вѣки,
 Что прельстились чловѣки
 Отъ архерея благословляясь
 И *единовѣрцами* назваться!
 Это нѣсть единовѣрье,
 А отъ насъ лишь отдаленье —
 Концысторіей заняться,
 Ей въ правленіе предаться.
 Лучше головы положимъ,
 А свое мы не отложимъ.
 Неужели мы не въ состояньи
 Поповъ судить не въ постояньи?
 Судить сами ихъ умѣемъ
 И правила разумѣемъ,
 Хотя не священныя лица,
 Какъ го бываетъ во столицы.
 Поповъ мы сами разбираемъ,
 Мы ихъ судимъ, запрещаемъ.
 Нынѣ жъ древность всю растлили,
 Себѣ церковь испросили!
 Нут-во, мужіе, стѣрайтесь,
 Отъ новостей удаляйтесь;
 Сумму многу собирайте,
 Въ Москву, Питерьъ поѣзжайте;
 Раздавайте, не щадите,
 Длительность дѣлу ищите
 И всѣ мѣры принимайте,
 Церковь строить не пущайте.
 Поупрямитесь, милы братцы,
 Часовенны старобрядцы,
 И бунтуйте, не сумнитесь,
 И начальства не страшитесь;
 Къ защищенью всякъ спѣши,
 Стой въ одно, хоть колъ теши!
 Въ противность же что случится,
 То мы должны откупиться.
 Пошлемъ въ разныя селенья
 Съ повелѣньемъ объявленья,
 Что часовню разоряютъ, —
 Въ церковь нову претворяютъ.
 Тѣ, услышавъ вѣсть ужасну,
 Помощь сдѣлаютъ прекрасну.

А ревностны богачи,
Торговые брадачи,
Сильно за сіе возстануть,
Отъ часовни не отстануть;
Повѣренныхъ изберуть,
Тысячъ много имъ дадутъ,
Чтобъ тѣмъ случай имъ избрати
Противъ церкви воевати.
Гдѣ ни взялся калугеръ,
Варсоноей лицемѣрь:
Скитску ревность объявляетъ,
Къ сему дѣлу приступають,
Да еще съ брадой съдой,
Къ деньгамъ съ совѣстью жъ такой.
Въ повѣренны ихъ избрали,
На расходы денегъ дали:
Черезъ Москву и Петербургъ
Обогатились они вдругъ.
Пріѣхавши, говорили,
Что мы деньги раздарили;
Еще бы тысячь двадцать пять,
Такъ бы можно поступать.
Тутъ всѣ розно говорили,
О повѣренныхъ судили:
Иной стоялъ въ изумленьи,
Другой плакалъ въ нетерпѣньи, —
Какъ почтенна Софья мать —
Такъ вотъ честь ей приписать —
Всѣхъ ревностью удичила,
На собраньи говорила:
«О вы, бѣдны и богаты!
Будьте въ деньгахъ щедроваты;
Отъ отступникъ отражайтесь
И отъ церкви откупайтесь.
Время купли наступаетъ,
Власть къ часовнѣмъ приступаетъ.
Вы же, сильны богачи,
Часовенны товмачи,
Кладовыя отпирайте,
Тѣмъ теперь только и взять,
Что тысячи развизать;
Если будете скупиться,

То часовня претворится
 Въ церковь божью, въ новый храмъ.
 Охъ, какой же будетъ страмъ!
 Чего мы не ожидали,
 То почувствовать намъ дали:
 Можно-ль было воброжать,
 Чтобъ попа Васплья взять?
 Очевидно отъ насъ взяли,
 Руки и ноги перевязали,
 Повезли въ вѣчной утѣлъ,
 Гдѣ судимъ ему предѣлъ.
 Ужъ не даромъ я недавно
 Видѣла въ нощи, какъ явно,
 На яву и не во снѣ
 (Тутъ дрожали всѣ плеснѣ)
 Такъ дивно откровенъе:
 Что часовня въ разоренъѣ —
 Наша мила она мать
 Хочетъ въ вѣрѣ пострадать —
 Будто звонъ и крестъ съ ней сняты,
 Главы нѣтъ, одни палаты».....
 Облившись слезой, ушла,
 Гдѣ дорога ей пришла;
 И такъ спѣшно удалилась,
 Что невидно, гдѣ и скрылась.
 Вдругъ предсталъ тутъ Меценатъ
 Отъ градскихъ высшихъ палатъ,
 Почтеннѣйшій на видъ отецъ,
 Пришелъ къ собранью въ Городецъ.
 Собранье обратило взоры
 Къ нему и на него укоры.
 Ставъ онъ, какъ на второмъ судищи,
 Сказалъ: «несчастное кладбище!»
 А самъ вздохнулъ и замолчалъ.
 Народъ ему многъ закрпчалъ:
 «Уиремъ! хоть головы рубите,
 Благословеннаго въ часовню не водите,
 Попа такого не желемъ,
 Все слезно просимъ и рыдаемъ.
 Довольны мы доднесъ и тѣмъ,
 Снабдилъ святой Иргизъ насъ чѣмъ.»

ОБЛИЧЕНИЕ НА НИКОНА ПАТРИАРХА, НАПИСАННОЕ ДЛЯ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА. ¹⁾

1: Христоролюбивый государь, царь і великіи князь Алексѣй Михайловичъ, всея великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ! милостивно послушай и своего государева богомолца, не свою честь гоняща, но о святой соборной и апостольской церкви боляща ко утверждению царствія твоего. Въ великіи бо страхъ приведе ны преосвященный Паисія, митрополитъ газскіи; сице глаголетъ, яко велии согрѣшаютъ архиереи, что не извѣщаютъ тебѣ, великому государю, о вдовствѣ матери твоея, святыя соборныя и апостольския церкви, чрезъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ: боѣ бо трехъ мѣсяцъ вдовствовати правила не повелевають ²⁾, нерадящихъ же о красотѣ ея запрещаютъ и отлучаютъ. Отрекшагожся убо архиерейскаго престола съ клятвою правдоглаголивый архиерей Паисія жива погребенна нарицаеть; насъ же, архиереовъ, въ правду порицаеть, сице глаголя: «Пастыри! для какой притчи небрежете престола патриаршескаго, которая есть общая паства? Берегайтесь, чтобъ та ваша неприлежность Бога не возбудила до отишениа і ярости: серпъ бо вижу, рече Захарія ³⁾, летающъ двадесять лакотъ дліною, а шириною десять».

Статья 2-я. «Аще бо, рече, (не) вы архиереи о обирании и поставленіи патриаршескомъ что можете чинити, ктоже іной порадѣетъ чинити? Ваше то дѣло и ваше радѣние. Для чего вы другъ другу тягости не носите по апостолу ⁴⁾, ни обща воспоминаете себѣ, презрѣвши заповѣдь божию: *возлюбиши ближ-*

---

¹⁾ Изъ раскольничьяго сборника XVII вѣка Въ рукописи статья не имѣетъ заглавія. Ред.

²⁾ 4-го соб. прав. 25.

³⁾ Захар. глав. 5.

⁴⁾ Къ Галат. с. 13.

ялю своею, яко самого себе, еже есть—всѣхъ християнъ?» И дивяся преосвященный Папсія рече: «Како единая есте вѣры, не милуете свой народъ и сродники своя? И есть ли вы сами о своемъ добръ и о своей чести не радѣте, кто иной страшной будетъ радѣть?» Сего ради и мы молимъ тебе, христіюлюбиваго государя царя: да по заповѣди благочестиваго Пустиняна царя ¹⁾ избранне сотвориши въ трехъ лицѣхъ, блюдыи себе, да не пѣчто праведно постраждеши, пѣ 38 главъ тогоже благочестиваго Пустиняна царя. Въ правду убо, благочестивый царю, преосвященнаго Папсія митрополита праведное заповѣщенне, — «да не пѣчто отъ Бога постраждемъ, не радяще о сихъ.»

Статія 3-я. Сего ради священныи онъ мужъ и тебѣ, великому государю, не стыдяся, праведно рекъ, яко, аще ты, великнй государь, матеръ твою, святую соборную и апостольскую церковь, для достойныя притчины и обычаемъ строителскимъ и для причинъ, которыя намъ невѣдомы, о паствѣ царствующаго града не промышляеши: «великимъ грѣхомъ, рече, не согрѣшаетъ, отъ меньшагожь грѣха пѣси свободенъ», — потому что многия соблажняются и почитаютъ то дѣло въ лѣность, что ты, великнй государь, не радѣеши и прилежности о тотъ не имѣеши. И моля тебе, великаго государя, твое, благочестивый царю, прилѣжное попеченіе о церкви, потому, яко не укрѣпляются дѣла царскія, донележе не укрѣпятся дѣла матере твоея, святыя соборныя и апостольскія церкви. Мати бо твоя, рече, благочестивый государю, — церкви божія и, якожь долженъ еси почитати матеръ свою, которая тебя родила, много паче долженъ еси любити и почитати, духовную твою матеръ, святую соборную и апостольскую церковь, которая тебя породила во святѣй купѣли святаго крещенія и которая тебя помазала на царство масломъ и хризмою радости.

Статія 4-я. Но, о благочестивый царю, священнаго онаго мужа неухищенна бесѣда, пачеже молба и мы, твои государевы богомолцы, молимъ, да дѣйствевна будетъ; воистинну убо пикоторое твое царское дѣло крѣпости имѣти не будетъ, донележе мати твоя, святая соборная и апостольская церковь, отъ смущенія не свободится и благъ пастырь той даруется, могнй правъ промышляти о красотѣ ея и благъ миръ той даровати. Отнеле-

¹⁾ Нов. завов. гл. 28 і 29.

же бо онъ, Никонъ, начать вводити смущенія догматы, не имамы чисты молитвы къ Богу; но по извѣстномъ его отверженніи і воистинну странномъ и нелѣпотномъ патриаршескаго престола съ клятвою, преосвященному Паисію, митрополиту газскому, дерзостно пишетъ сице: «Никонъ, божіею милостію патріархъ, въ Духъ Святѣмъ преосвященному митрополиту Паисіи милость и благословенія». Облакъ свидѣтелей имать онъ, Никонъ, отрицанію своему, о благочестивый царю: почто озирается вспять? Али не ползова его Христосъ, рекни: «Шиктожь, возложь руку свою на рало і зря вспять, управленъ есть во царствіе божіе?»

Статія 5-я. Жена убо Лотова, обратившися вспять, бысть столпъ сланъ, и не дивно: не сохраниши бо заповѣдь пострада въ правду. Не суще бо Никонъ глаголетъ, патриарха себе нарицаи и, простъ чернецъ, сущему архиерею благословенія дая ¹⁾: не совершивъ бо службы, изъ церкви изшелъ есть и безъ лѣпоты престолъ оставль гнѣвомъ и яростию, презрѣвъ божіи страхъ: прощениа бо паче долженъ есть просити таковаго дерзновенія и ругательства и многихъ соблазнъ. И гдѣ бо обрѣсти имать въ писаніи таковъ образъ оставленія престола? Дерзость бо оного и безсовѣтїа обычай правилно сугубо страдати его устронть. Носитъ бо, мнихъ и молчалинкъ, и сущия съ нимъ черноризцы Святыя Горы явѣ показати імуть сице рекуща ²⁾: «Своею волею оставльшу кому святительство аще подобаетъ глаголати: *Благословенъ Богъ нашъ и Божсе ущедри ны и благослови ны и Христосъ истинный Богъ нашъ* или кадити, не сущу иному презвитеру, или входить или причащатися внутрь святаго алтаря?» И блаженный патриархъ Николае со всеми святаго собора отцы сице рекоша: «Никако недостоитъ і на мѣстехъ бо отъ простыхъ людей поставленъ будетъ.»

Статія 6-я. Да аще *Благословенъ Богъ нашъ и Божсе ущедри ны и благослови ны и Христосъ истинный Богъ нашъ* глаголати не подобаетъ оставльшему волею святительство и кадити кадилищею, не сущу иному презвитеру: како убо онъ, Никонъ, пакы архиерейская дѣйствуетъ и рукополагаетъ, противяся правилу 28 святыхъ апостолъ? Изверженому по праведитѣи вины о

¹⁾ Въ рук. дла.

²⁾ Книг. Корн. вопр. 300, лист. 551.

согрѣшенні явленіи и пакы дерзнувшу прикоснутися преже врученныя ему службы, яко гниль уды отъ церкви отсѣщи повелеваютъ. Не явлено ли согрѣшеніе имать Никонъ, не совершивъ божественныя службы, безчинно изъ церкви изшедь и безчестно святительскіи санъ съ себе сверже предъ многими свидѣтели? И не клеветущіи на нь быша, но самъ, свою совѣсть познавъ, съ клятвою престола отвержеся, недостойна себе судивъ святительскія власти и чести. Нынѣ дерзая пишетъ, аки и не осудимъ и ни правилъ святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ на себя имѣя: будто для непрямыя ярости цареви престолю оставилъ, послушавъ евангельскаго гласа: *егда тояте вы, изъ града бѣгайте.*

Статія 7-я. Но и гонитель слышннися, о христіолюбивый царю, отъ буйго сего! Никто вѣсть, яко тобою, великимъ государемъ, изгнанъ Никонъ и откуда явлено имать быти гоненіе твое государево къ Никону? Пишетъ бо, яко святительскіи судъ ты, великнй государь, а у него похитилъ и судять священннй чинъ мирскія твои государеви цареви люди; а тотъ де судъ прилеза святая мати церковь, владѣннй де о судѣ церковннмъ противъ преданнй святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ седми вселенскнхъ соборовъ і нннхъ милостнвнтейшнхъ царей. И то де владѣнне прнннло твое царское величество: ево самово судншь и пресвященнныя митрополнты и архнепнскопы і епнскопы, архимарнты і игумены и монастырн, освященнны старцы і весь церковннй чннъ. Но о снхъ, христіолюбнвнй царю, отъ него, Никона, при отреченнн престола съ клятвою въ церкви нѣсть глаголанно или откуда явлено, яко того ради онъ, Никонъ, оставилъ престолъ і нынѣ дерзая пишетъ къ странному архнеерею, гоннтеля и хнннннка ты нарицаая, презрѣвъ апостольское правило 84, снще глаголющее ¹⁾: «Аще кто досаднт царю или князю безъ правды, аще епнскопъ или причетннкъ, извержется»: царя бо верховннй апостолъ Петръ чтнтн повелеваетъ; снще рече: «Князю людей свонхъ да не речешн зла»;—и молнтся повелеваетъ за царя и за вся, сущая въ величествѣ, досаждатн убо князю или царю всѣмъ возбранено есть.

Статія 8-я. І пакы Никонъ пишетъ, яко ты, великнй государь, учнннл пнръ болшой для нѣкоторого царя Грузннскаго,

¹⁾ Посл. Пет. зак. 58 и 43 и 282.

на котораго пришествія къ твоему царскому величеству единъ нѣкто изъ вельможныхъ твой государевъ ударилъ ево патриаршева стряпчава. А какъ де сказался патриаршимъ стряпчимъ и что де бить его не годитца, и тотъ де твой государевъ чело-вѣкъ большой и болше придалъ ударовъ и слова де безчестныя говорилъ: «Чего велии почитаешъ патриарха?» Не велика досада, благочестивый царю, и немного безчестныхъ словъ болѣзненно Никону, и нищу сущу и ни благороднемъ отъ дѣтства цвѣтущу, но и зѣло отъ худѣйшихъ бывъ, обаче власть и честь примъ отъ тебе, великаго государя, и, въ самовластїи бывъ, не терпитъ и отъ боярина къ стряпчему своему безчестия и сего, что бояринъ рекъ стряпчему ево: *Для чего велии почитаешъ?* И сихъ ради онъ, Никонъ, къ твоему царскому величеству своею рукою писалъ, чтобъ судъ и управу объ томъ дѣле ты, великїи государь, учинилъ. И ты де, великїи государь, рекся съ нимъ повидать и того не здѣлалъ и болшимъ гнѣвомъ разстрѣдився іюля въ 8 день Богородицы Казанской и признать не пришелъ, такожь и въ 10 день на праздникъ Ризы Господни обычно приити не изволилъ и въ кѣлю де прислалъ изъ своихъ князя одного со многими не прямыми словесы, и онъ де, ту похвалу и слышавъ, здумалъ мѣсто дать гнѣву.

Статїя 9-я. Многимъ мнится, благочестивый царю, яко сего ради кручиненъ былъ Никонъ, что на пиръ не званъ. Но сего ли ради и дерзостно послалъ стряпчево своево безобразно въ твою царскую полату чрезъ волю твою государеву, гдѣ ему и быть не годится? Въ правду твоимъ государевымъ бояриномъ отосланъ со гнѣвомъ, не имый одѣянія брачна и прекословивъ много. А что волю твою государеву бояринъ твой государевъ совершилъ, — не имущаго одежды брачны исъ полаты твоея государевы выслалъ, аще і со скорбію, болея отъ тебе, великаго государя, гнѣву, — не въ лѣпоту тутъ судъ. Аще къ смирению приводя ево, Никона, на оба торжества ты, великїи государь, признать не пришелъ, въ лѣпоту — сихъ ради смирится Никону и боярину миръ и благословенне подати, а не престолъ оставити съ клятвою, еще же и безлѣпотно. А что онъ пишетъ о князѣ, которой присланъ отъ тебя, великаго государя, къ нему въ кѣлю, будто со многими непрямыми словесы и безчестнемъ, — и въ сихъ совѣсть его вѣсть, аще не лжа: во многихъ бо бывъ

невѣренъ, въ малыхъ кто вѣру иметь ему? Явѣ бо показа свою лжю, пачеже хужу рекъ при отверженіи бо престола съ клятвою, будто ты, великій государь, въ соборную церковь къ нему, Никону, прислалъ нѣкоторого вѣможнаго съ тѣмънжъ позорнымъ словесы, какъ и прежде.

Статія 10-я. Оле дерзости, благочестивый царю, на твое царское величество Никона! и лжа снѣ извѣстнѣйша всему священному собору і всему причту и множеству сущимъ въ церкви народа, яко въ соборную и апостольскую церковь присланъ отъ тебя, великаго государя, твой государевъ бояринъ, князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, а не безъ имени нѣкто, и не съ позорнымъ словами, но съ молещемъ отъ тебя, великаго государя, и съ любочестными словами, якоже лѣпо есть священническому чину. И аще сихъ ради Никонъ, поучи святаго Давида пѣснь, отдаленъ и учиненъ есть и бѣгая, розжился въ пустыняхъ, ожидаючи Бога спасителя? Оле буесть! Нареченный отъ него новый Иерусалимъ воистинну реку Никаполнимъ, рекше смятение градовомъ. Нынѣ и самъ пишеть, что бѣгая розжился въ пустыняхъ. Пустыняли? И въ правду, яко пусть отъ благихъ, исполненный злобъ; въ правду рекъ Никонъ, что отдаленъ нелѣпотнаго ради отхождениа святительскаго престола съ клятвою и правилнѣ учиненъ чуждъ святительския власти и чести, и бѣгая отъ благихъ правовъ. Но не въ пустыняхъ розжился вещи вѣка сего: властие взять патриаршескаго дому казну и другихъ епископнн и всего царствующаго града Москвы и другихъ градовъ выморныхъ домовъ животы; едва и твоей государевѣ царевѣ казнѣ не коснулся ли. И въ сихъ тому трудившуся, мзду трудовъ своихъ восприялъ есть. И не диво рекъ, яко розжился въ пустыняхъ, великимъ бо обозомъ отъ царствующаго града изыде въ свой Новой Иерусалимъ и урядствомъ дивнымъ и ни неволею гонимъ; разоряя бо и грабя пустынные мѣста, казну тѣхъ къ себѣ присовокунилъ. И въ правду рекъ, яко розжился въ пустыняхъ!

Статія 11-я. О сихъ во истинну дивимся, благочестивый царю, яко, будучи онъ, Никонъ, во своемъ Иерусалимѣ, годъ и два мѣсяца недостатокъ харчевъ терпѣлъ и отъ скудости въ другнн свой монастырь и въ третнн отшедъ, которой на морѣ. Но и въ скудости до трехъ сотъ подводъ запасы имѣлъ п,

естьлибы свидѣтельствовать истинными свидѣтельствамъ путь опого, имъ же идяше,—подобно рещи, яко огонь—хождение того, убогихъ дома пожигля граблениемъ. И егда тому жившу въ пристанищи годъ, пишеть, что ты, великий государь, въ то время собралъ разныя власти, здѣ живущія, и ничево свыше написанныхъ отъ его отлодовъ имъ не сказалъ; но то учинилъ, чтобъ живыя свидѣтельства написаны были на него, Никона, отъ нѣкоторыхъ людей, въ твоихъ царскихъ палатахъ живущихъ. А иныхъ де ты, великий государь, мучительствы стражаючи, приказалъ говорить, что онъ, Никонъ, добровольно оставилъ престолъ; архиереомъ и прочимъ властемъ будто ты, великий государь, дары далъ, чтобъ руки свои подписали, чтобъ впредь ему патриархомъ не быть; и будто мы, твои государевы богомолцы, даровъ ради учинились тебѣ, великому государю, послушны: не изыскавъ противной притчи и не роспрося отвѣту, для чево онъ отъѣхалъ, судъ чинили не прямо по твоему государеву указу и всѣ руки свои противъ ево подписали не по преданию святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, приводя правило одно 16 второперваго собора.

Статья 12. Да еще, благочестивый царю, объ тебѣ, равноапостолномъ помазаниикѣ божіи, и о всемъ освященномъ соборѣ таковыя хулы держаетъ Никонъ произносить, явно имъ отречение престола съ клятвою и безлѣпно: не судъ убо чинити благоволившу ти, великому государю, о немъ и ни вниш искати, чтобъ ему патриархомъ не быть, но безъ зависти и рвенія и кромѣ тщетныя лсти распрашивали властей, которыя прилучились съ нимъ, Никономъ, въ службѣ въ то время. И свидѣтельствовали о немъ, Никонѣ, праведно бояся праведнаго божия суда, и ни по страсти и гнѣву, ни даровъ ради святители убо извѣстили по архиерейству сице; и архимариты і игумены, протопопы и попы и дьяконы сказали по священству и весь причетъ по Христовѣ евангельской непорочной заповѣди сказали: что онъ, Никонъ, самовольно отреченъ престола и власти съ клятвою и не пастырь, но пасомая овца званесея и, не совершивъ божественныя службы, безчинно изъ церкви изыде. Свидѣтельствуеть бо о сихъ писмо ихъ за руками і всего священнаго собора соборное

дѣяніе за архиерейскими руками и перомонашескими, въ немъ же не одно 16 правило второперваго собора и 9-е правило третнаго вселенскаго собора, 18-е правило сардійскаго собора и святыхъ (апостолъ?) правило 62, облакъ же свидѣтельствъ и правилъ преподобнаго Никона, инока Черныя горы, изъ правилъ Матѳеевыхъ, изъ другихъ божественныхъ писаниихъ. Како лжущи пишутъ Никонъ, яко судъ о немъ чинили не прямой по одному правилу второперваго собора и даровъ ради отъ тебе, великаго государя, учинились послушны и руки свои подписали?

Статія 13. Но и 16 правило второперваго собора нерадившаго епископа о своемъ стаде, ни болѣзни ради, ни царевымъ повелѣниемъ, ни патриарховымъ одержима, вѣще 6 мѣсяць отъ своєї церкви отшедша, епископскаго сана и чести чюждь праведно сотворити повелеваетъ. И зри здѣ правилнаго суда: не отрекшагося своєї паствы сице осуди, по нерадившаго о своемъ стадѣ. Никонъ же отрекся съ клятвою и безчинно. Пишетъ, что сго отъѣздъ не таковъ видится ему быти по евангельскимъ письмамъ, такъ какъ и самъ Христосъ отъ ярости Продавы и жидовскія многожды, охраняющися, отходилъ. Но и подражатель Христовъ наречеса суетловесный сей: и кого убо Прода нарекъ или жидовъ бѣжавый? И отъ того съ Москвы побегалъ, подражая Христа! Како не заградятся она хульная уста и невѣстная глаголющая? Не великимъ бо обозомъ Спаситель нашъ Христосъ бѣгалъ отъ Прода во Египеть, да не убиенъ будетъ; но, смотренна ташество совершая, Пречистою Дѣвою носимъ, единому бывшу хранителю Иосифу обручнику, и тому нищу; и нашего ради спасенія нищъ на земли былъ, не имѣя гдѣ главы подклонити. И ни о собраніи богатства пеклъся, ни многими вещми, но и уча ученики своя, глаголя ¹⁾: *Блаженни нищии духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное.* И свидѣтельствуя о себѣ, рече ²⁾: *лисы язвыны и мутъ и птицы небесныя и пѣзда, Сынъ же чловѣческій не имать, идѣ главы подклонити* ³⁾.

¹⁾ Матѳ. зач. 10.

²⁾ Зач. 26.

³⁾ Мар. зач. 32.

Статія 14. Но и отъ зависти жидовския Христось въ пустыню отходилъ единъ со ученики своими, немного съ собою запасовъ имѣлъ, пять бо точию хлѣбовъ и двѣ рыбы. Но и снѣ народомъ предложити повелѣ и ядоша вси и насытишася и взяша избытки укрухъ 12 коша исполнь; ядущихъ же бѣ мужей яко пять тысящъ, развѣ женъ и дѣтей. И паки седмию хлѣбы и малыи рибницами четыре тысящи пасыти и избытки укругъ семь кошь взяша. Но глаголяи, яко подражая Христа, со многимъ богатствомъ изъ царствующаго града изыде. Апостоль же Павелъ ¹⁾ отъ Иудей, убити его хотящихъ, нощию въ кошницѣ свѣщенъ по стѣнѣ, не много съ собою взять запасовъ и вещей Сице и Петръ ²⁾ ангеломъ изведенъ изъ темницы, а не ушелъ, и уже желѣзныя на руку имый. Архипереп же и сущая съ ними ересь саддукейская исполнишася зависти і возложиша руки своя на апостолы и послаша ихъ въ соблюденне общее, рекше въ темницу; но ангель господень пощю отверзе двери темницы і изведе ихъ. И зри, како апостолы изъ темницы изводими бяху отъ святыхъ ангель, а не уходили. Но и въ сихъ солгалъ Никопъ: да ни въ темницѣ не сидѣлъ, и оковъ желѣзныхъ на руку и на ногахъ не имѣлъ, і въ кошницѣ по стѣнѣ не свѣщенъ; но, умъ погубя, оставилъ престолъ и, никимъ гонимъ, гордости ради и гнѣва остави власть, многа богатства вземъ, отъиде, всуеѣ воистинну рекъ: подобяся апостоломъ.

Статія 15. Но и Григоріи Богословъ самоволно оставль престолъ смиренія ради, а никимъ гонимъ; въ негоже мѣсто Нектаріи скоро поставленъ бысть. Аванасіи же великніи отъ Арпанъ 6 лѣтъ по Божію извѣщенію у дѣвницы крышеса еретикъ ради, но не отвержеса престола съ клятвою, остави точию престолъ, повинуся воли Божіи и скрися, да не, бусти ради еретикъ, убиенъ будетъ. Властнжъ, собранныя отъ тебе, великаго государя, свидѣтельствующія ево, Никоново, отверженне патриаршескаго престола съ клятвою, аще и болши 6 мѣсяць прожили на Москвѣ, не суть достойны правилнаго осужденія ³⁾, зане рождышися во благочестіи

¹⁾ Зач. 28 і зач. 19.

²⁾ Зач. 14.

³⁾ Кареев. собор. прав. 94.

и въ вѣре воспитани бывше цари руку помощи даяти церк-
вамъ должны суть: благочестивыхъ бо царей пособия и по-
мощи церкви всегда требуетъ. Благочестивиже цари должны
суть таковая подавати имъ, яко вѣре суще поборницы, да не
отъ еретикъ или отъ безчинныхъ человекъ преобидимы бы-
ваютъ; всѣ бо седмь вселенстїи собори благочестивыми цари
собрани быша, святїиже и богоноснїи отцы христіюлюбивымъ
царемъ благопослушны быша и воюю тѣхъ *Божію* воюю не-
щеваша. Всеу бо рекъ Никонъ, что не надобно было слу-
шать архиереомъ тебе, великаго государя царя, и не прихо-
дити безъ его повелѣнія.

Статїя 16. Но все рекъ Никонъ, возвысився паче мѣры.
Въ поставленїи бо святительства во святой соборной і апо-
стольской церкви якова исповѣдь чтена предъ тобою, вели-
кимъ государемъ, и предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ и
предъ всѣмъ миромъ отъ него, Никона, сщцева и отъ насъ,
архиереевъ, въ поставленїи святительства. И аще бы ты, ве-
ликнї государь, противно что церкви сотворилъ, въ лѣпоту
бы не слушати и тебе, великаго государя царя, аще и смер-
тию претилъ; но твое, великаго христіюлюбиваго государя царя,
о святой соборной и апостольской церкви, матери твоеї, пра-
ведно и правильно попечение. Сего ради и всѣмъ намъ нуж-
но, да не вдовствуетъ мати наша святая церкви: болѣ бо три-
ехъ мѣсяцевъ вдовствовати той правила не повелеваютъ. И
како убо преслушны явимся, о благочестивый царю, о нихъ
же и молитися должны есмь? Зане въ зазорѣ есмь правильно
отъ страшныхъ архиереевъ: не мы бо во истину отъ него от-
ступихомъ, но онъ насъ оставилъ, и молимъ со слезами:
безчинно отвержеся престола и власти съ клятвою! Всеу бо
поминаетъ правило второперваго собора 13, 14, 15: правед-
но бо тогоже святаго собора 16 правило епископъскаго сана
и чести чюжа его устрояетъ.

Статїя 17. Явлена бо вина Никонова—всѣмъ безчинное
его отверженіе его престола съ клятвою і всему роснїскому
государству, пачеже и самой той соборной и апостольской
церкви крайнее безчестіе, яко, и не совершивъ божествен-
ныя службы, не проводивъ обычно Ризы Господни, безчинно
изъ церкви изшедь. Гдѣ бо въ писанїи таково ругателство

отъ православныхъ архiereевъ обрѣсти возможно? Въ правду своя ему сътъ, въ нейже и увязе, и ровъ, егоже самъ себѣ ископа. И туне молвилъ онъ Никонъ, яко безъ его воли мы, архiereи, теба, великаго государя, слушаа, въ царствующіи градъ собрался. Не послушанне точию мы, твои государевы богомолцы, тебѣ, великому государю, должны творити; но и молимъ тя, равноапостольнаго государя, и со слезами просимъ, да упразнится буеть таковая и безчиинна дѣтель: томимый гнѣвомъ туне, исполненный вопстинну неправды и лсти да преданъ будетъ подъ крѣпкия начала въ пречестную которую либо лавру; тремъ же монастыремъ строитель отнюдь да не будетъ на нагубу самому тому и другимъ многимъ, но въ молчаніи по своему обѣщанію да спасеть свою душу, въ твоейже, великаго государя, державѣ пакости да не дѣетъ и обидѣ многимъ да не творитъ! Мечь бо обоюдоостръ—своя ему воля. Аще обрящемъ благодать предъ тобою, великимъ государемъ, не презри молбы твоихъ государевыхъ богомолцовъ: да возметь нечестивый сей отъ среды нашея, да Божіи праведный гнѣвъ не постигнетъ насъ и въ правду постраждемъ, не пекущеса о благихъ. Благопослушаву же ти бывшу, государю, и дѣломъ сотворшу, о нихъже та молимъ, державу царствія твоего исполниси благихъ и Бога милостива ко всѣмъ намъ сотвориши и самого себе радостна узриши.

Статія 18. Слезно, христоролюбивый царю, изгнанъ насильствомъ и чрезъ умъ пишется Никонъ, і будто для исповѣданія соборной церкви и для самой его неправды неправду поносити понужденъ дѣлатель. Вопстинну неправды и преисполненъ всякия лжи и лсти: приводилъ правило 19 сардійскаго собора, будто для обидъ въ московскихъ своихъ паствахъ живеть; и пакы пишетъ, яко нынѣ въ великое говѣние слышавъ отъ тебе, великаго государя, жестокою грозу чрезъ околичсго твоего государева Иродіона Матвѣевича Стрешнева: что ты, великій государь, буети его не хочешь болши терпѣти. Праведно, вопстинну, то твое государево слово и матери твоей, святой соборной и апостольской церкви, зѣло благопотребно и ко утверженію царствія твоего, аще дѣломъ показати имаша. Но зри, христоролюбивый государю, ру-

гательство оного. Пишетъ, будто слово твое государево показалося ему великая гроза; обаче убо явъ говоритъ, что предъ тобою, великимъ государемъ, никакой вины не знаетъ, опрочъ того, что пишетъ и говоритъ, постерегаючи неправды твоея; и что, де, ты, великий государь, святая божия монастыри до большого убожества привелъ и церкви божия силою своею рукою разорилъ, разсердився на него, и безъ его благословения отъ святыхъ церквей и монастырей животы святая отнимаешь и безъ суда и повелѣния архiereйскаго подъ власть свою понуждаешь. Правда ли въ сихъ, христілюбивіи царю, глаголемая тѣмъ? Аще ли ни, вонстинну ругательство.

Статія 19. И паки пишетъ Никонъ, что епископы и архимариты і игумены безъ архiereйскаго избрания по твоему государеву повелѣнію и по рассмотренію поставляются и посылаются и ево, де, самого і весь пресвященный соборъ нѣкія люди судятъ, и называется де тотъ судъ монастырской приказъ, и которыхъ, де, онъ, Никонъ, вѣжетъ, ты, великий государь, тѣхъ увольняешь и ни во что связку и проклятіе его считаешь и самъ, съ ними соединенъ, на молитву приходишь, будто преступаючи апостольскую 10 и 11-ю заповѣдь. Десятоеже правило святыхъ апостолъ молящагоса со отлученными отъ истинныхъ архiereевъ въ правду отлучаешь; но онъ, отвергнуся и безчинно престола съ клятвою, иѣсть архiereй; сице і 11 правило святыхъ апостолъ молящагоса со изверженными по правиламъ соборитъ, а не страсти ради и гнѣва, сего отъ церкви и отъ сана извергаетъ. По зри, христілюбивый царю, правліаго суда ¹⁾: епископа убо вся области соборомъ по нужде 12 епископы судитъ повелеваетъ, презвитеражъ шестма епископы да судятъ и седмый свой да разсмотряютъ о немъ; дьяконаже три епископы, четвертый свой; но и тако по правиламъ *судимымъ* извергати отъ сана или прокляти вся области соборомъ подобаетъ: свидѣтельствуеть бо о сихъ вся семь вселенстіи собори и девять помѣстныхъ, по различнымъ временамъ собравшихся еретикъ ради.

Статія 20. На первомъ бо вселенскомъ соборе 318 бононосныхъ отецъ, Ария ради поа собравшіися, извѣстнаго

¹⁾ Каро. правило 12 і 20.

ради врага Божия и еретика ¹⁾, хуливша того на Сына Божия, тварь глаголюща, а не Бога и наоборот того блядуща— соборне клятве того предаша. Единомудрствующаже со Ариемъ нечестиваго Македонца, патриарха Цараграда, хуливша Святыи Духъ,—тварь, а не Бога того нарицающа, 150 святіи богоносніи отцы втораго вселенскаго соборнѣ проклаша. Несторнаже, злочестиваго патриарха Цараграда, и сущихъ съ нимъ еретикъ, о вочеловѣченіи Сына Божия блядущихъ,— два бо сына глаголюща: единого Бога, отъ Отца рождена, иного отъ Маріи Дѣвы и по любви соединившихся Богу Слову, сего ради и Богородицу Христородицу нарицающе;—но сихъ враговъ третиаго вселенскаго собора ²⁾ двѣсте святіи богоносніи отцы соборнѣ клятве предаша, не обращающихся отъ злобы. Но и 4-го вселенскаго собора 630 святіи богоносніи отцы вопря дивнаго Диоскора, патриарха александрийскаго, и архимарита Евтиха и прочихъ съ ними соборнѣ проклаша, блядущихъ сице, яко по привидѣнію плоть прия Господь нашъ Исусъ Христосъ. Пятаго же вселенскаго собора ³⁾ святіи богоносніи отцы 165 Оригена безбожнаго, Дидима и Евагрия прия (?) злѣ хулящихъ, соборне клятвѣ предаша. 6-го же вселенскаго собора ⁴⁾ святіи богоносніи отцы 170, на единовольниковъ собравшеся Сергия и Пира и Павла и Петра, патриарховъ Костантинаграда, и Кирила, патриарха александрийскаго, и сущихъ съ ними еретикъ и иконоборцевъ, соборне проклаша, Господа же нашего Исуса Христа во единомъ составѣ исповѣдаше, во двоюже естеству—божестважъ іи человѣчества. Седмагоже вселенскаго собора ⁵⁾ святіи богоносніи отцы 366 иконоборцовъ и християнохулиниковъ Два Исаврашина и единомысленниковъ его Анастасия и Копронима и по нихъ бывшихъ патриарховъ Константина града и сущихъ съ ними еретикъ соборне клятвѣ предаша.

Статія 21-я. Онъ убо, Пикопъ, безчинно отвергнуся престола съ клятвою, откуда имать власть связати или рѣшити?

¹⁾ Въ Граногр. въ царство Костян.

²⁾ Въ царство Маркианово.

³⁾ Въ царство Іустиниана.

⁴⁾ Въ царство Костян. Брадатаго іи сына его Устиниана

⁵⁾ Въ царство Константина и матере его Ирины.

Не имый же власти вѣзати или рѣшити, како имать несудимыхъ правили и не обличенныхъ соборомъ проклипати? Кого бо отъ архиерей і святыхъ отецъ единомудръствующихъ съ собою имѣя Никонъ? Ей, никого. Но злобы ради самого себе убивъ, а ихъже прокля безъ ума, сихъ въ правду вѣнча и отъ Бога благодати сподоби. Оружие бо извлече Никонъ, по пророку ¹⁾, сострѣляти убогихъ і нищихъ отъ всякия неправды, заклати хотя правыя сердцемъ. Но оружие его видеть въ сердце и лукъ его въ правду сокрушися. Хулная же вѣнчая на тебе, великаго государя, неопасна уста имѣя, ясно показуяи вѣмъ свою злобу разорителя святыхъ божинихъ монастырей і церковей и тебе, великаго государя, нарицаа, свѣтло являя кротость и беззлобие твое государево, въ правду онъ Никонъ святыя божии монастыри до большаго убожества привелъ: строя свой Новый Иерусалимъ и другия два монастыря, многимъ скорбь и безчисленную пакость содѣя. Нареченный же его Новый Иерусалимъ противень древнему, о немъже древле пророки проповѣдаша, і Сынъ Слово Божие пресвятыма своима ногама ходя освяти и безчисленными знаменни и чюдеса онаго прослави і въ немъ волею благоволи о нашемъ спасенни пострадати і пречистую свою кровь излити. Перваго же епископа Пякова, брата господня, во Иерусалимъ своима рукама освяти и по воскресенни своемъ божественнымъ своимъ ученикомъ и апостоломъ отъ Иерусалима отлучатися не повелѣ, дождеже облечутся силою свыше; і по вознесенни своемъ на небеса къ Богу и Отцу въ день пятьдесятный низпославъ Святаго і животворящаго Духа въ огненныхъ языцѣхъ во Иерусалимъ же, і на вселенную проповѣдь отъ святыхъ апостолъ отъ Иерусалима изыде Свидѣтельствуеть бо ясно пророкъ Исая, *яко отъ Сиона, рече, изыде законъ і слово господне отъ Иерусалима.*

Статья 22-я. Аще бо во Иерусалимъ возрастетъ отъ Духа Святаго вѣра и тамо первѣе распространися, вездѣ въ правотѣрныхъ возрасте, а не приде: отъ Иерусалима изшедше, учаху языки, но и пакы возвращахуся отъ востоку и до

¹⁾ Псаломъ 36.

пелудне и отъ запада во Иерусалимъ апостоли; и тамо при-
бъжище имъ бѣ, во Иерусалимъ бо и гробъ господень и пре-
чистыя Богородицы Дѣвы Маріи житіе и успение и гробъ ея
чюдотворный на мѣсте, нарицаемѣмъ Гевсиманіи, пребываетъ.
Но и въ день воскресения на всяко лѣто преславно огнь, съ
небеси сходя на гробъ господни, во Иерусалиме свѣщи вжи-
гая, православному патриарху съ причтомъ поющимъ: *Воскре-
сение Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небесахъ. Во-
истинну, благословенъ Господь отъ Сиона, живый во Иеру-
салимѣ.* ¹⁾ I святой убо Захаріи рече: *Обращуся и вселюся
посредь Иерусалима.* На Сионъ сииде Юанъ Дамаскинъ во-
спѣтъ: *Радуйся, Сионе святой, мати церквамъ, божіе жи-
лище!* Въ томъ бо Господь Богъ тайну вечерю апостоломъ
подаде, разумѣйже церковь, і парече ю въ жилище себѣ до
вѣка. Аще бо и чрезъ триста лѣтъ истинныя церкви во Иеру-
салимѣ не бѣ, одержанна ради мучителей царей, до великаго
Константина; но сихъ ради святая мѣста не погибоша: пуста
бо бысть церкви иерусалимская за неистовство Жидовъ, но
благодати божия не лишшася. Отъ всея бо земли и моря
приходятъ ²⁾ вси и благословеніе княщее отъ Иерусалима
взимають, о немъже пишетъ Феодоритъ на псаломъ 101:
*Трилюбезенъ бо есть намъ Сионъ, аще и зѣло пусть бысть,
любима же и каменія разореная и персть раскопанная
ратными: память бо сихъ любезна есть насъ ради содѣланныхъ
въ немъ великихъ тайнъ и благодатей.* Но скрацу за
умноженіе свидѣтельствъ, въ *Книгѣ* бо *о вѣрѣ* въ первомъ
словѣ аще узрѣтъ кто.

Статія 23-я. Откуда убо, благочестивый царю, таково
дерзновение Никону, яко свое жилище Новый Иерусалимъ
нарече? *Всяко бо возненавидѣ и не вѣрова въ Сионъ быв-
шимъ тайнамъ, постыдятся отъ Господа и яко трава отъ
огня будетъ изсохши,* по пророку бо: Амось претитъ сице
лють хулящихъ Сиона. И Давидъ утверждаетъ: Да посты-
дятся и возвратятся во адъ вси ненавидящій Сиона. Смыху
же достойно, паче же и плачу: и Истру реку зваше Нор-

¹⁾ Псаломъ 49.

²⁾ Въ рус. *приходятъ.*

данъ. И сихъ ради, нехотящихъ звати Иерусалимъ, Иорданъ многимъ скорбь сотвори. Строящій же его обитель несказанны бѣды подъяша отъ приставникъ его. I въ правду священный Пансеня, митрополитъ газской, ево, Никонъ, новый Иерусалимъ *Никаполима* нарече, сирѣчь: *градовомъ смятеніи*, (смятенне?) убо по гречески *наникитасъ*, *никосъ* толкуется смятенне, для ради грѣха и смуты, которая прилучилась въ первомъ основаніи его. Никтоже отъ отецъ ни отъ благочестивыхъ царей смятя которое жилище или градъ Иерусалимъ нарещи, точию оканниый Мамантъ еретикъ, иже и Параклита себе именовалъ, и двѣ женѣ, съ нимъ же блудъ творяше, Прискиллу и Максимилю пророчицы именоваше; градецъ же нѣкий во перигетій области, смуже имя Пенузанъ, Иерусалимомъ нарицаше. Сему подобно сотвори Никонъ, о немъ же свидѣтельствуеть тойже священный Пансеня, глаголя еще: «О недостойнствѣ! о неизвычайная новость! Новый Иерусалимникъ, любитель новыхъ речей мужъ! не было пророчества о твоёмъ непрямомъ Иерусалимѣ! О Никонѣ! ново писмо нарицаешь, зъ жиды единомудрствуя! Жидове бо жалуютъ и дожидаются тебе: что изыдетъ воплотитися и родитися новый Месия въ Новомъ Иерусалимѣ. На удачу не въ твоёмъ ли, о Никонѣ, антихристова будетъ родительница? Но кинь, человекче: не шути святыми дѣлы, не играй рѣчьми богоданными. Единъ есть Иерусалимъ на земли, въ немъ же и судити будетъ Христосъ вселенній въ правду и воздасть комуждо по дѣломъ его, — о немъ же прѣснопѣвецъ воина глаголетъ: *Въ дому давидовъ страхъ великъ, ту бо престоломъ поставленомъ судятся всяка племена земная и языцы*. А второй Иерусалимъ на небеси. Никто не вздумалъ, токмо Мамантъ и Никонъ, но не по достоинству. Блаженный Максимъ Грекъ глаголетъ въ книзѣ своей: *Никоторый градъ, рече, называй Иерусалимомъ, аще і всюю вселенною обладавъ: единъ есть Иерусалимъ на земли і едина земля Иудейская, въ нейже родися Христосъ, і во Иордани крестися, і на гору ваворстий преобразися и на Голговъ распятъ бысть и погребеша пѣде близъ і по воскресеніи со ученики своими 40 дней поживе и отъ горы елевонския на небеса вознесеся*.

Статія 24-я. Никонъ же пишетъ, что крутицкого митрополита проклялъ для того, что онъ, митрополитъ, въ недѣлю цвѣтоносія по обычаю въ великой Росіи всѣлъ на жреби предъ всѣмъ миромъ. И, бѣдио себя виѣшивъ, рекъ: «Крутицкой митрополитъ, что Евза проклятъ: отческое ложе осквернилъ і отческой престолъ опозорилъ: безо всякаго сомнѣванія всѣлъ на отческомъ престолѣ со обиженнымъ отчимъ. А во святомъ евангеліи пишетъ, что одинъ Христось сидѣлъ и того апостоломъ дѣяти никогдаже не приказалъ.» Но все рекъ суемудренный; забы пресвятый Спасовъ глаголь: *Въруай въ мя дѣла, яже творю, и той сотворитъ и болша сихъ сотворитъ.* Да аще въ преестественныхъ божественныхъ своимъ ученикамъ и апостоламъ власть даде, еже бо болящая исцѣляти, прокаженныя очищати, мертвыя воскрешати, бѣсы изгоняти: смиренное вхожденіе во Іерусалимъ на жребяти осли Госнода нашего Ісуса Христа кто возбрани отъ святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ, да не обновится таинство сие на славу пресвятому имени Его? Но аще Христось единъ на жребяти седѣлъ и того апостоломъ дѣлати никогда же не приказалъ, неможно баше, по его мудрованію, и ему самому дѣйствовати вайя, еще и не отрешемуса безчино архіерейскаго престола съ клятвою, зане апостольскіи і онъ былъ намѣстникъ, аще и первый бысть епископъ всего государства росіискаго: первый бо епископъ не начальникъ епископомъ, ни крайній святитель, но епископъ перваго сѣдалища ¹⁾ наречется, рекше царствующаго многонароднаго града: святительскіи бо санъ единъ есть и таже на всѣхъ..... ²⁾ Не наречется сей убо совершенъ, иже несовершенъ, святитель; но вси равни святители, вси епископи, якоже и благодать Святаго Духа равно приемше. Въ правду своя ему хула на свою главу да обратится! И второе самъ себя прокля, отрицающа престола, и сѣдства ради вайя гнѣвомъ томимъ, но имый власти ничтоже, ради извѣстнаго отреченія, простъ чернецъ — хапаетъ, яко звѣрь, виѣ ума бывъ. Аще бо истиннаго архіерея, власть архіерейскую имущаго і священства благодать, проклинаеть, игрия, досадити хотя; но иѣсть се игра по мѣтвию суему-

¹⁾ Правило Кар.соб. 39. ²⁾ Въ рукописи пропущено, вѣроятно, слово: *благодать.*

дрянго ¹⁾: вонстинну, свой ему мечь его самого гнѣвомъ напыщенное сердце прондетъ. И не туне въ правду проклять первѣе самѣмъ собою, отрицаяся престола, не хотя пастырѣ быти, но окрасованную овцу себе нарицаше; второе — своимъ ему судомъ, имже безъ вины тѣхъ осудилъ, зане и самъ былъ митрополитъ въ Новѣградѣ вая дѣйствовалъ. Аще бо по того мудрованню ихже (прокля), то и прокляти быша і въ другихъ градѣхъ дѣйствующая вая, клятвы не отбѣгоша и вси сообщашущіеа имъ.

Статія 25-я. По нѣсть тако, благочестивый царю, яко же онъ, Никонъ, суетумудренъ, смыслн, учимъ вонстинну древнимъ челоувѣкоубицею дияволомъ и съ нимъ совѣтуя всегда, рѣхъ, ко отчаянню привести тѣхъ и всѣхъ погубити хотя. Забы пресвятый Спасовъ глаголь: *Миръ мой оставляю вамъ и миръ мой даю вамъ.* По нѣсть сей сынъ мира, но древняго злодѣя сынъ, ищущаго всѣхъ погубити, — гнилая вонстинну глава, но не церковнаго телесе, своимъ его послѣдующа мудрованнемъ его, прокаженны вся имѣя уды и чюжь бывъ благодати священства, нелѣпотнаго ради отверженія престола съ клятвою. Виѣ бо ума бывъ, сущен главѣ церковнаго телесе досаждаеть, истиннымъ архиереи сыны себѣ нарицаеть, недостойнъ вонстинну и прага церковнаго, зане, чрезъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ, еще въ мирскихъ священство приять; не къ церкви бо и престолу поставленъ, но на дворянской дворъ въ крестовыя попы, оболгавъ архиерея; мира же отвергнѣи не любви ради Христовы, ниже смирення ради, но виѣшнюю честь и славу гоня, нѣкоему рекшу къ нему, яко великъ имать быть, аще пострижется. По съ волею же подружнѣи свои, но и кленущіи его, остави ю любобачалія ради и отлучи отъ нея чрезъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ. Въ правилѣхъ ²⁾ нишетъ сице: Аще кто дѣйствуетъ или воздержитса, мерзокъ творя бракъ і яко гнусно отшедъ, а не доброты ради і святаго дѣвственнаго пребывания, да будотъ проклятъ ³⁾. Да аще убо проклинаеть благовѣрня ради отшедшихъ, еже есть иночествовати, то колми паче богатства ради и чести? І святыхъ

¹⁾ Въ рус. *судино.мудренаго.* ²⁾ Галагского прав. 9. ³⁾ Корич. 146.

апостолю правило 15 сице глаголетъ: Аще презвитерь или дияконъ помощницу свою изженеть, да отлучится; аще же не введеть ю паки, да извержется. Богатстважь ради и чести болшия жены своя пущающа не точию отъяти санъ божественное писанне велить отъ нихъ, но и отнюдь прокляти и отъ святаго обшения отлучити. Но вѣжды, христоролюбивый царю, яко Никонъ не въ сихъ точию увязе, но и сугубо обруга себе самъ. Егда бо въ царствующемъ градѣ Москуе белцемъ, а священноиноческую благословенную грамоту взявъ, обоглавъ преосвященнаго митрополита Антонія (Авеонія?) новгородскаго і Никона себе нарекъ преже пострижения своего волею и, ѣдучи во анзерскую пустыню, на Вологдѣ въ паперть церковитѣи Ильинскимъ игуменомъ Павломъ пострижень, а не въ церкви; приѣдучи въ пустыню, абие священноиноческая дѣйствовалъ и подь началомъ не бывалъ. Аще всю жизнь ево кто извѣстно вѣдали, преже приа чести и власти, въ правду бы рекъ, яко на прагъ церковный иѣсть достоннѣ взыти.

Статія 26-я. Преосвященный же Питиримъ, митрополитъ сарскій і подонскій, аще і тремя епископіями владѣеть, но не похити другихъ престолы; свое ему званіе крутицкїи митрополитъ, а не другихъ епископіи. По отреченіи бо его, Никоновъ, престола съ клятвою і по презрѣннїи молбы тебе, христоролюбиваго государя царя, и триехъ архиереовъ і всего освященнаго собору і всего причта, послѣдующу тому своей ему воли и юзою анаѳема себе связавшу, яко ни мыслити ему патриархомъ быти и сице рекшу: *да не уподоблюся псу, возвратившуся на своя блевотины*, и сице тому обругавшу царствующаго града престолъ и святительскую власть, яко, ни божественныя службы совершивъ, безчинно изъ церкви изшедь, и никимъ гонимъ: обаче ты, христоролюбивыи государь царь, і въ другїи день паки молити того послалъ боярина своего государева, князя Алексеѣя Микитича Трубецкова, якоже і въ соборную церковь, къ нему на подворы, сице і третицею тогоже боярина въ воскресенской монастырь посмалъ. По ярости и гнѣва исполненнїи трижды отъ тебе, христоролюбиваго государя царя, молбы не приемъ и третицею отверженія ни мыслити хотя приати престолъ. Тогда, христоро-

бывшій царю, волею твоею государевою и совѣтомъ архiereей царствующаго града, святыхъ соборныхъ и апостольскихъ церкви правление вѣрено бысть преосвященному Питириму, митрополиту. Не властнѣ же взять и суздальскія архиепископнн правление, но твоею же волею государевою, оклеветану бо сущу архиепископу і не приемлему грацкими жители. Не противъ же правиломъ содѣя. Во Антхоинн сирстѣи правило 18, аще и чести епископскія не отъемлетъ отъ таковыхъ і служити не запрещаетъ, но ожидати велитъ всея области епископъ, да соборнѣ управятъ о немъ, стужающаго же другимъ епископнямъ таковаго отлучити повелеваетъ; хотя же да причтенъ будетъ презвитеры, равну честь прияти ему велитъ; аще же і противу ту сущимъ епископомъ молбу творити начнетъ, и отъ презвитерскія чести да изринется и отъ церкви отлученъ. Сихъ ради нужно, благочестивыи царю, другаго архиепископа иже, дондеже о немъ соборомъ управится, епископнн той не сзѣ правления быти.

Статія 27-я. Бсуде молвитъ Никонъ, что преосвященный Питиримъ, митрополитъ сарскнн и подоискнн, отческое ложе осквернилъ и отческнн престолъ опозорилъ, безъ всякаго сомнѣваннн всѣмъ на отческомъ престолѣ предъ всѣмъ миромъ со обиженнемъ отчимъ. Преосвященный Питиримъ митрополитъ не опозорилъ патриаршескаго престола; но онъ, Никонъ, патриаршескнн престолъ обругая безлѣпотнымъ отреченнемъ і ко блевотинѣ песьѣ того приложи: *да не возвращуся*, рече, *яко несъ на своя блевотинн*. Обаче безъ всякаго сомнѣваннн паки алчетъ престола и, приобидѣвъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ, архiereйская властнѣ дѣйсвуетъ, отчаявся. Преосвященный же Питиримъ митрополитъ не безлѣпотно что содѣя и ни своею волею честь приемъ, ниже чрезъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ. Всеи бо епископи, сущи по образу Господа нашего Исуса Христа, — глава церковнаго телеси ¹⁾. Градстнн бо епископи — по образу сущи 12 апостолъ вси, на нихъ же дуну Господь: *Примите*, рече, *Духъ Святый*, і на нихъ же низпославъ пресвятый і животворящнн Духъ во огненныхъ языцѣхъ; и глаголаша странными языки, имъ же і благодать Святаго Духа даяти

¹⁾ *Правило святыхъ апостолъ 18, въ Новой Кесар. прав. 14.*

вѣрено бысть. Седстиіже бо епископи по образу суще седмидесяти апостолъ, имъже есть дарованно благодати Духа Святаго раздаанне. Зриже, христоролюбимый царю, и равенства градскихъ епископъ: по образу бо суще двоюнадесяте апостолъ вси. Зриже и любомудрия апостолъ, яко, егда Филиппъ, иже отъ седмидесяти дияконъ сыи, шедъ въ Самарію, крести многи,—і слышавше апостоли во Іерусалимѣ, послаша верховѣйшаго Петра і Иоанна, и ти безпрекословно послушавше всѣдше полагаху руцѣ на крестившихся,—і приимаху Духъ Святыи. По которому образу Никонъ, будучи на престолѣ, поработилъ свою братію архиереовъ, обругавше патриаршескии престолъ, и сыны себѣ нарицаеть и обычно архиерейская дѣйствующихъ проклинаеть, отъемля царствующаго града красоту и честь? И паки молвить, яко преосвященный Питиримъ, митрополитъ, константинопольскаго патриарха паствы, рекше киевския, изволившу ти, государю, и совѣтомъ всѣхъ архиереовъ всея великия Росіи, Меѳодія во Мстиславль и Оршу постави во епископы, не единъ же, но со другима трема архиереома і во время поставлення на первомъ мѣсто седѣлъ по чину, сущимъ съ нимъ архиереомъ степенни низайшимъ. І се—не чрезъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ; по правиломъ бо два или три епископы поставляютъ епископа; і индѣже пишеть, яко епископъ отъ всѣхъ епископъ, сущихъ во области, поставляется; аще ли ни, обаче отъ трехъ поставляется, прочимъ же писаннемъ сложившимся, власть же митрополит. Аще бо и 6-е правило вселенскаго собора коемуждо патриарху своимъ предѣлы обладати и никому же ихъ инья области не возхищати, не бывшиа прежде подъ рукою ихъ изначала: се бо есть гордость мирския власти, и кромѣ бо воли старѣйшаго сущаго въ митрополіи епископа, рекше патриарха или митрополита, избранны 15 поставление не бываетъ. Не епископъ бо, аще и поставленъ будетъ въ правду, но мняйся старѣйшина быти ¹⁾ съ клятвою безчино отвержеся престола и на мѣсто отъ простыхъ человекъ самъ себе сведе и безъ отвѣта долженъ есть о своихъ грѣхъ плакати. Аще бо по симъ правиломъ ²⁾

¹⁾ 2-го вселенск. соб. прав. ²⁾ Прав. 3 во Антиохіи.

и не убѣхомъ выпы, но должны есмы прощения просити у Костянтинопольскаго патрiарха, зане области его прежде сего та страна была ¹⁾, нынѣже волею божиею подѣ рукою тебе, христолюбиваго государя нашего царя; и не чрезъ бо волю твою государеву отъ насъ содѣянно что съ тобою, великимъ государемъ. Къ Костянтинопольскому патрiарху и прощения просити должны есмы.

Статья 28-я. Во время бо великаго князя Василя Васильевича всея Русіи по Ѳотіи митрополитъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ истиннаго пастыря не бысть 18 лѣтъ. Въ та бо времена прииде Исидоръ митрополитъ къ Москвѣ, родомъ Латыникъ, иже поставленъ во Царьградъ отъ патрiарха Юсифа при царѣ Иванѣ Калужанѣ. И бывъ Исидоръ на Москвѣ четьре мѣсяца, и поиде на Ѳлоренскіи соборъ и предствившеся съ патрiархомъ Юсифомъ и со другими епископы златомъ, съ нимижъ и царь Иванъ Калужанъ сложися. Точию блаженный Марко, митрополитъ евеескіи, і Григоріи, митрополитъ иверскіи, Исакіи, митрополитъ нитрiискіи, Совероніи, митрополитъ гаскiи, и сущіи съ ними, иже латинское злочестіе обличаху и соборъ той проклятымъ называху; блаженны же Марко и чудеса показа. Царьградскіи же патрiархъ Иосифъ на томъ проклятомъ соборе умре и погребенъ бысть въ латинскомъ костеле; царь же Иванъ Калужанъ, иидый отъ богомерскаго собора, абие умре, егоже и земля трижды погребенна изверже, и тѣло его отъ несы снѣдено бысть. Суемудренный же Исидоръ прииде къ Москвѣ и нача поминати въ первыхъ напивно имя; великii же князь Василю Васильевичъ, аще тогда и младъ сы, но старыхъ премудрыхъ баше разумень,—Исидора, въ прелести суща, обличи его безумие и отъ митрополіи изверже, посла въ Чюдовъ монастырь. Онъ же пощю убѣже бездвернемъ и со ученики своими со Григориемъ и Аѳонасемъ. Евгении же пана постаси въ Царьградъ на патрiаршество отъ Латынъ именовъ Григория, пострижену браду и усъ имуща. Сего ради великii князь Василю Васильевичъ, совѣтовавъ со архиереи всеа великия Росіи, въ митрополиты резанскаго епископа Іону чудотворца своими рускими архиепископы і

¹⁾ Прев. 9.

епископы і всѣмъ священнымъ соборомъ въ лѣто 6956 году (постави). Въ то убо время Исидоровъ ученикъ поставленъ митрополитомъ въ Киевъ отъ Латынника, отъ цареградскаго патриарха Григорія, пострижену браду и усъ имуща, отступника православныя вѣры. И огда приде въ Киевъ Григорій митрополитъ, раздиратель церковныи, Исидоровъ ученикъ, нарицая себе митрополитомъ киевскимъ и всеа Русні, блаженныиже Юна, митрополитъ московскій и всеа Русні, писаше ко краю—не приимати Григорія, раздирателя церковнаго, і не послушанъ бысть, въ лѣта 6961-го. І оттолѣ раздрася киевская митрополія съ московскою всеа Русні, еретикъ ради, а до того времени одна паства была. Но Нонтъ же, митрополитъ, поставленъ бысть въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ митрополиты Θεодосіи, архиепископъ ростовскіи, рукоположенемъ своихъ рускихъ архиепископовъ і епископовъ. По лѣтъ же единомъ Θεодосіи, митрополитъ московскій і всеа Русні, постави на Москвѣ въ митрополиты Юсиѳа въ Кесарію Фидиппову, во Иерусалимъ оттуду пришедша. І по сему не новъ обычай каковы любо ради вины поставляти епископы и въ другія паствы.

Статія 29-я. А еже пишеть Никонъ, что преосвященный Питиримъ, митрополитъ сарскій і подопскій, во своей области какъ и поставленъ не бываѣтъ; но преосвященный Питиримъ митрополитъ во своей области живетъ, какъ и прочія митрополиты, преже его бывшия. Въ лѣпоту Никонъ сказалъ: «Проходилъ ли онъ своя паствы грады?» Бывъ въ митрополитахъ въ Новѣградѣ такоже і въ патриархахъ своя области градовъ, уча ко благочестию, всяко не проходилъ, точию благочестивыя священноархимариты и игумены і протопопы и попы гонилъ, а послѣдующихъ воли его, мира сего мудрование имущихъ, любилъ; но і тѣмъ пакости многи творилъ. Прежде его бывшия патриархи въ царствующемъ градѣ Москвѣ и преосвященныя митрополиты, архиепископы і епископы всеа великия Росні, аще і градовъ своя паствы по правиломъ не проходили дальнаго ради расстояния или тягости ради людей; но учителя церковныя благочестивыя архимариты і игумены і протопопы і попы во грады поставили, могущія ползовати вѣрныя люди, отъ нихъ же мнози обрѣтшеся отъ невѣгласъ

и страдалцы, по писанному ¹⁾: *Хотящїи благочестно жити о Христь Исусь юними будутъ.* Сихъ ради, благочестивыи царю, і нынѣ тебе молимъ і, припадая на колѣни, милости просимъ: даждь миръ матери твоей, святѣй соборѣи и апостольстѣи церкви! Миръ же устроити никако имаши, аще истинныхъ архиереевъ искати не будешь, проходящихъ добродѣтели і въ чернечествѣ свидѣтельствующихъ: сгоже бо избрати волиши во архиереи, чтобъ отнюдь не менши 15 лѣтъ въ чернечествѣ былъ і въ послушанїи у старца искусна бывъ і въ чернечествѣ въ добромъ свидѣтельствующъ. Царствующаго же града перваго сѣдалища епископа, рекше патриарха, избрати благоволи священное писание протолковати могуща и разумѣюща все божественное писание со испытаниемъ и священная правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ извѣстно вѣдуша, въ лѣтѣхъ же совершенна суща и добродѣтели и крайнимъ смиренномудремъ цвѣтуша, своеяже воли исправити догматы не имуща, но совѣтомъ, а не дерзостно испрающа, ревнителя же о благочестїи і не стыдящяся лицъ, многолѣтна въ чернечествѣ суща і въ послушанїи, во еже обрѣзати своя ему воля крѣпко обучившася. Красота бо старецъ — со смиренномудремъ высокое житие и не своя воля. Архиерею бо совѣтливу быти подобаетъ і ничтоже дерзостию творити, да не многимъ соблазнъ і претыканне будетъ. Во мнозѣ бо совѣтѣ спасение бываетъ, якоже богоотецъ и пророкъ царь Давидъ, вопия, глаголетъ: *Въ совѣтѣхъ правыхъ и сонмъ велия дѣла господня изыскана во всѣхъ воляхъ Ею; і иждь пишеть: коли великъ еси, толико смирай себе.* И снче, христороубецъ, не менши 60 лѣтъ да будетъ, яко присно смерть предъ очима имѣти будетъ, едино мудрствуя, да благолѣпне церкви сохранитъ и не бы зданїи каменныхъ ни о строенїи градовъ и селъ, но о спасенїи душъ человѣческихъ промышляетъ. Но и о сихъ, христороубивыи царю, безъ гнѣва послушати благоволи: въ моръ постригшихся и подъ началомъ не бывшихъ, ни своя воли до конца отринувшихъ во епископы поставити блюди себе; і ихъ бо ради не мала бѣда бываетъ въ церкви, еще и мудрствующихъ і свое хотѣние творящихъ. Но і о сихъ, христороуб-

¹⁾ Къ Тимѣе. 296

бывы царю, да не сумнишися, яке скудость архиерей инаши въ державѣ царствія твоего: всеа бо области соборомъ безъ сомнѣнія судится епископъ, но не отвергнися престола съ клятвою, якоже и Никона; власть архиерейскую имущаго, обличена бывша о грѣсѣхъ или въ ереси суща, сейже безъ совѣта, самаго себѣ связавъ, безсовѣтнемъ держимъ и дерзостныя ради и не соборны клятвы и дѣйства самъ себѣ убивъ. Како о томъ соборъ? Великнй князь Василей Васильевичъ митрополита Исидора отъ митрополіи властно изверже и въ Чюдодовъ монастырь посла; но и Зосима, новгородскія ереси суща, 6 архiereоvъ рускихъ со архимариты и игумены отъ сана избергоша і въ него мѣсто поставиша Симона, игумена Троицкаго монастыря, въ митрополиты. Сие же сотворше, не правиломъ противящеса, но да не вдовствуетъ свята соборная и апостольская церковь. Аще бо и пространно царство благочестивыя державы; но не во мнозѣхъ градѣхъ епископія. Аще бѣ поля твоя, мощно бѣ быти, якоже і въ прочихъ паствахъ, епископомъ при благочестивыхъ греческихъ царѣхъ, точию уравненне было въ церквахъ и въ вотчинахъ 300 церквей, — 500 крестьянъ — безъ нужи епископія; а гдѣ малыя зборы отъ церквей мощно дать и 400 церквей епископу; и по сей въ ростовской епископіяхъ мощно быти отъ нихъ многимъ епископіямъ, такожде і въ другихъ паствахъ, гдѣ 1000 церквей і крестьянъ.

Статія 30-я. Пишетъ Никонъ, о благочестивыи царю: что оныхъ трехъ инокoвъ проклялъ, будто они наругаются исповѣданію православныя вѣры, присланнаго ему отъ святѣйшаго Памсея, царградскаго патриарха: и во святѣй, до, литургіи въ божественныхъ таинствахъ не довѣруютъ и недружбы чинятъ, противъ того, что онъ ісправилъ думою и благословеніемъ святѣйшихъ вселенскихъ патриархъ, а во благодости до своей никогдаже хотѣлъ ни прибавити ни убавити отъ церкви, опрочѣ правилъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ; еже есть: Кормчую книгу въ тисненіи печатномъ перебилъ и со старыми писмянными книгами отнюдь несходны устроилъ; единъ выходъ былъ, а самыя несогласны: и съ которыя будто и печатаны, и съ тою несходны. Также и прочія книги, при патриаршествѣ его тисненіемъ печатныи

изданныя, мятежа и смущенія исполнены и 6 бо выходовъ служебниковъ мудрованія его сами въ себѣ согласія не имуть. Но и *Скрижалъ* духовная сама въ себѣ несогласна: существа перебиты, а толкованнемъ съ нашими древними печатными служебниками во многомъ несходно. Да аще онъ, Никонъ, отъ цареградскаго патрiарха Пансея вѣре научился и исправили потнася: царствующаго града Москвы благочестивіи и христіолюбивіи царіи і великія князи і князи і боляря и преже его бывшія 5 патрiарховъ і преосвященныя митрополиты, и архіепископы и епископы, священноархимариты і игумены, протопопы, іерей і дьяконы, і святыхъ великихъ обителей і прочихъ монастырей мнѣхи, наче же и старцы и христіолюбивый православный росііскіи народъ ушто до него. Никона, не право вѣровали и безкровную жертву Господеву всегда приносили туне? Оле дерзости и безстыднiа! Не насытився, убивая вѣрныхъ душа; глаголетъ, яко исправляя и не хотящихъ послѣдовати прелестному его мудрованію проклинаетъ. Не нобо убо начинающе святіи они старцы, во древнее святыхъ отецъ проданіе утвержающе, вѣрныхъ души отъ смущенія свободити тцашеся. Глаголай же, яко не хотѣлъ прибавити ни убавити опрочѣ правилъ святыхъ апостолъ і святыхъ вселенскихъ соборовъ, приказывалъ: какъ ни есть толко не по старому. О книгахъ убо, благочестивый царю: — что извѣщалъ преосвященный Пансея тебѣ, благочестивый царю, которыя отъ многихъ странъ собраны заперты безпожиточно, — пишеть Никонъ, что въ ево далныя монастыри отвезены, — не въ царствующемъ граде Москвѣ. Почто, христіолюбивый царю, попусти сице — не реку, человекъ, но звѣрю, и нимало добра смелившу святіи церкви и державѣ царствія твоего?

Сихъ ради молимъ тя, христіолюбивый царю: даждь пастыря церкви и благочестивую державу царствія твоего отъ крайнаго безчестія свободи и вѣрныхъ люди отъ смущенія избави. Даждь миръ церкви, да не предваритъ насъ отъ Бога праведный гнѣвъ; но да, и чисту молитву возславши Вседержителю Богу, предваримъ лице Его исповѣданнемъ и получимъ милость, славяща святую Троицу, Отца и Сына і Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

III.

С М Ъ С Ъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ АКАДЕМІИ НАУКЪ *).

(Сообщены К. П. Побѣдоносцевымъ).

1.

Регламентъ академіи наукъ 1725 года.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕКАТЕРИНА, ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ

И ПРОТЧАЯ И ПРОТЧАЯ И ПРОТЧАЯ.

Колико блаженныя и вѣчностойныя памяти Его Императорское Величество нашъ любезнѣйшій супругъ и Государь о обученіи природныя склонности народа своего, особливо ко всякимъ художествамъ и наукамъ рожденнаго и способнаго, всемирно трудился и сколь благополучнымъ успѣваніемъ въ познаніи правительства дѣлъ государственныхъ и въ дѣланіи хитростей воинскихъ мудрымъ своимъ советомъ наставлялъ своихъ подданныхъ, о томъ всѣмъ есть извѣстно.

Но якоже блаженныя и вѣчностойныя памяти Августѣйшій Императоръ вся, яже въ войнѣ, исполнити вознамѣрился, тако обычай имѣлъ подвергати жестокому своему испытанію (что никому, развѣ прозорливѣйшему оныхъ намѣреніе явно было); равнымъ образомъ и въ мирѣ состояніе наукъ испытаніемъ изобрѣлъ, провидяще бо преостраго разсужасія Императоръ, яко многая еще оскудѣвають къ благополучію народа его и науки въ Имперіи его еще не достигли во оный совершенства градусъ, какъ желалъ, и чужестранныхъ на увеселеніе сердца своего обрѣталъ: въ семъ единомъ умѣ его обрѣцался, како

*) Эти документы списаны съ засвидѣтельствованныхъ копій, концы орографіи по возможности удержаны.

бы кратчайшій и способѣйшій путь изобрѣсти, чтобъ завести науки и онымъ людей своихъ, слѣко мощно скорѣе, обучити. Аще бы общимъ какъ въ иныхъ странахъ, школами и учеными людьми преподаваемыхъ, путемъ ити хотѣлъ отъ настоящаго Имперіи состоянія, предусмотрѣлъ, что къ желанному намѣренію своего концу не достигнетъ: ибо, аще хотѣлъ бы учредить академію наукъ по подражанію французскія и англискія, которая о совершенствѣ токмо и умноженіи наукъ, а не о ученіи ихъ тщаніе имѣетъ, славу во правду приобрѣлъ бы и похвалы отъ ученаго свѣта возимѣлъ бы, понеже отъ щедротъ его науки и художества иткое приращеніе воспріяли бѣ; но общество кѣмже отъ того вскорѣ плоды или хотя поздныя и по долгомъ уже времени явственныя получили бы; аще ли же способомъ уставленія, которое Университетъ нарицаютъ, ученія начаті и хотѣлъ бы, то ученики въ изряднѣйшихъ началахъ наукъ и языковъ наставленныя готовы быти долженствовали бы, но оныхъ число симъ временемъ еще мало обрѣтается.

И того ради Всепресвѣтѣйшій Императоръ, Имперіи своей славы, народу же явственныя ища пользы, преблаго быти разсуждалъ, аще, совокупя предреченныя образы, соціэтеть знаменитыхъ учениемъ людей собереть, которая какъ науки, во оныхъ упражняяся, совершали бы и умножали, такъ и юношество учаще, оныя расплодилобъ, и оной соціэтеть титуломъ Академіи наукъ, установленію сему зѣло приличнымъ, украситъ.

Но понеже немногія нынѣ обрѣлися ученики, которые отъ ихъ наукъ наставлятися и успѣвати въ томъ могли бы, того ради Всепресвѣтѣйшій Императоръ заблагодарасудилъ нѣсколько добрыя надежды и природы и въ изряднѣйшихъ наукъ и языковъ началахъ уже наставленныхъ студентовъ, которая виды ученія своего уже показали, изъ чуждыхъ странъ сюда призвать, чтобъ ученія свои за наставленіемъ профессоровъ довершили, тщливое же юношество въ первыхъ наукъ основаніяхъ обучали, и между тѣмъ, дождеже, умножившуся школъ числу, достойныя ученики произыдутъ, языковъ учили бѣ и симъ образомъ коллегію или гимназію иткую составили бѣ.

Нынѣ же Мы, вся сія изслѣдовавъ и разсмотривъ, егда обрѣли, что оная намѣренію блаженныя и вѣчностойныя памяти Его Императорскаго Величества, Государству же великъ суть приращеніемъ и установленію, въ прошедшемъ 1724 году въ генварь мѣсяцѣ 12 дня собственною блаженныя и вѣчностойныя памяти Его Императорскаго Величества рукою утверждечному, согласуетъ: того ради постановили и утвердили слѣдующее:

1.

Что мы сію Академію, въ особенное наше пріемше правительство, сонзволяемъ, дабы оная кромѣ насъ въ верховномъ Тайномъ Советѣ никому не подлжала и никакими правани, или персонъ или вещей касающинися, обязана, ниже каковыми тигостями обременяема и утѣняема не была бы, и дабы какъ самая Академія, такъ и подлежащій ей къ другому суду въ какомъ либо дѣлѣ или юстиціалномъ, или политическомъ и подѣ какиѣмъ либо претекстомъ позываемы безъ вѣдома Академіи ко оному суду явитися не были понуждаемы прежде, пока оная Академія, уразумѣвъ дѣло, виноватыхъ имѣеть къ суду отослать, куда надлежитъ.

2.

И, дабы сей Академіи чинъ и сей уставленный образъ ненарушииъ и непримененъ пребылъ, оставили мы надъ нею президента, которой совѣтами своимъ оной да присутствуетъ, благосостояніе же и благополучіе ея да оберегаетъ, и годовыи ея доходы съ бібліотекаремъ и канисаромъ, которые къ ней опредѣлены, да управляетъ.

3.

Дабы равно чужестранныя, яко и наши подданныя къ раченію ученій вящше воспалялися, мы особлявую свою милость къ тѣмъ, которые, въ сей Академіи учившеса, виды ученій своихъ покажутъ, общаемъ и паче всѣхъ протчихъ въ публичныя достоинства производить ихъ повелимъ, а особливо наши подданныя, которые, учащеса въ оной Академіи, годны будутъ къ вышнимъ наукамъ по свидѣтельству Академіи и къ тому свою склонность имѣть будутъ: оныя по ихъ желанію имѣють при наукахъ остатца и никому къ другому дѣлу ни въ службу принуждаемы да не будутъ.

4.

И понеже науки никакого принужденія и насилія терпѣть не могутъ, любяще свободу, того для нашимъ указомъ опредѣляемъ, дабы какъ наши Росіане, такъ и чужестранныя, подданствомъ государству не обязанныя, которые ученіемъ вдатися похотятъ или уже поле ученій претекшии, безъ всякаго задержанія притѣзжати и отѣзжати и, хотя бы какая-либо удержанію притчина соплеталася, гдѣ похотятъ, тамо пребываніе имѣти и фамилію свою содержать могли; тако и вси, колико ни есть, отроцы и юноши публичному сему наставленію послѣдующии, ни малую свободы своєю часть погубятъ.

5.

Изволяемъ къ тому да тѣ, которые паче иныхъ преуспѣють во ученіяхъ своихъ, виды оныхъ прежде издавъ, въ градусы академическіе производятся и тако и отъ другихъ да отлучаются. Также устанавлиаемъ, да Академія имѣетъ свою собственную типографію съ такою привиллегією, да вся та, аже или ко умноженію ученій служащая, или къ приращенію или славъ Имперіи прислушающая быти, Академія разсудитъ, въ печать издаются и продаются.

6.

И дабы нимакого профессорамъ Академіи препатія случитися могло въ писменной съ учеными гдѣ-либо обрѣтающимися людьми коррешподенціи, яко то къ разширенію наукъ премного ползуетъ, мы установили, дабы писма, или академическою печатью запечатанныя или на имя Президента Академіи, или на имя всей Академіи подписанныя, безденежно и принимаемы и отдаваны были, токмо бы подъ тѣмъ отнюдь постороннихъ писемъ, Академіи не принадлежащихъ, не было.

7.

Дабы Академія на крѣпчайшихъ пребывала основаніяхъ, мы изволяемъ, дабы оная денегъ сумма, которая опредѣлена на содержаніе Академіи и рукою блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества подписано (а имянно двятцать четыре тысячи девятьсотъ двѣнадцать рублей, которыя собираются съ городовъ Нарвы, Дерпта, Пернова и Арензбурха таможенныхъ и лиценныхъ, а потомъ по указу Его Императорскаго Величества ноября 6 дня 1724 году положена та сумма отпускать съ денежныхъ дворовъ и въ штатѣ опредѣлена) въ оную Академію такъ доходила, что ни отъ кого подъ какимъ либо протекстомъ оная взята или на иное дѣло употреблена не была, но дабы по осигнаціи Президента, или кто ему приданъ будетъ, немедленно всегда получасна была.

8.

Въ оной Академіи ученія въ три класса расположены да будутъ, отъ нихъ же первый въ математическихкихъ, второй въ физическихкихъ, третій же въ Исторіи, въ языкахъ и философіи частяхъ состоятъ будетъ.

9.

Первый классъ имѣетъ состоятися въ четырехъ профессорахъ, сообщивъ себѣ нѣкоторыхъ студентовъ, которыхъ они каждой въ своей хитрости совершити и къ исполненію того, въ немже сами обрѣ-

таются, званія угодныхъ содѣлать тѣшатся будутъ. Первый сего класса профессоръ Матезинъ Сублимюремъ, вышнюю математику, другой Острономию и Географію, третій механику и прочіе, къ которымъ математика употребляется, части публично учить будутъ; четвертый же и отъ математики практику (самое дѣло) ово приватнымъ остроуміемъ изъяснить, ово же тщаливое юношество къ изобрѣтенію и дѣланію машинъ наставляти и управлять будетъ.

10.

Второму классу пять профессоровъ начальствовать имѣютъ съ причтенными къ нимъ студентами: первый физики генеральныя, второй физиологія, къ правиламъ математическимъ припряженныя, третій Анатоміи, четвертый Химіи, пятый Ботаники наставленіе и украшеніе на себя восприметь.

11.

Третій классъ четырьмя профессорами съ сообщниками своими отправлятися имѣетъ, изъ сихъ первому и Метафизикку, и Логикку, и моральное ученіе, и Политикку, философскимъ образомъ учимую, одному преподавати надлежитъ, да не како согласующихъ между собою философскихъ частей естественныхъ и никакже отставлятися должный союзъ разрѣшилъ бы ся; другій къ влоквищенію, третій ко ученію и изъясненію Исторіи гражданскія древнія и нынѣшнія умъ приложить, четвертый въ правѣ натуральномъ и публичномъ, которое есть частію нѣкоторою, и исторіи, трудитися будетъ.

12.

Имѣетъ же быть при сей Академіи секретарь, который вся добръ да распоряжаетъ, и та, яже собраніе академическое публикованія достойна быти разсудить, въ печать да производитъ, къ тому же и съ надзирателемъ библіотеки о писменной коррешподенціи попеченіе да имѣетъ.

13.

Для вышшія же чести и вышшаго Академіи приращенія заблаго-разсуждено во всякій классъ принять по два человека коррешподе-товъ, доброю славою и дѣлами знатныхъ, которыхъ по принятіи сего предложеннаго званія служба тако да наградится, что каждому изъ нихъ титулъ и честь члена Академіи даватися будетъ, и по прошествіи всякого двулѣтія шесть сотъ рублей на всѣхъ шестерыхъ раздѣлены быть имѣютъ, которое раздѣленіе тако будетъ, что чимъ кто достойнѣшій и множайшія изданія вышлетъ, тѣмъ вышшій подарокъ восприметь.

14.

Сія о порядкѣ учащихся и наукъ, въ Академіи сей преподаваться имущихъ, уставлена суть, которыхъ обаче впредь не тако держатися надлежитъ, чтобъ онымъ отнюдь по состоянію времени и дѣла не возможно было отъѣзнитися; но Академія власть имѣти будетъ въ томъ, которые нынѣ соединены, профессоровъ званія раздѣлити или, аще тако дѣло позоветъ, и сіи начатки, якоже надѣяться есть, благополучное послѣдованіе имѣти будутъ, и число учащихся прибавится, то и множайшихъ учителей въ классы опредѣлити.

15.

И дабы каждый во ономъ ученіи пребывавъ и упражнялся, къ которому, наипаче приложился, и самую натурою и склонностію во первыхъ влечется, уставлено есть, да раздѣленные классы и разныя ученіи никоего вводятъ различія чести и достоинства, но каждого достоинство отъ дѣлъ своихъ да почитается.

16.

Профессорамъ между должностями сіе первое есть: да, яже въ каждахъ наукахъ понинѣ открыта, изобрѣтена суть, въ свое возьмутъ изслѣдованіе и новыми оная украшеніями и приложеніями умножати да тщатся, а яже отъ иныхъ еще не произведеная изобрѣдутъ и писанію предадутъ, секретарю да вручаютъ.

17.

Каждый да напишетъ реэстръ книгъ, которыя въ своего ученія родѣ нужны и полезны мнѣ быти; написавъ же да подастъ Академіи, къ сему оная, яже въ древнихъ и новѣйшихъ рѣдчайшая, и къ своей наукѣ или для умноженія, или для изъясненія той принадлежатъ обращеть, съ прилежаніемъ да выпишываетъ, и своему изслѣдованію да предлагаетъ, о которыхъ попеченіе приложено будетъ, дабы или со изобрѣтенными и вымышленными въ Академіи вѣщами купно или особно въ публику произведены были.

18.

Ради иностранныхъ повсигодно три публичныя собранія уставлены быть вмѣютъ: первое отправлятися будетъ на день св. Ап. Петра и Павла, второе на день св. Екатерины, третіе же мая 7 числа, то есть въ день коронованія Ея Императорскаго Величества, или вмѣсто того и оной—день прежде или послѣ того, въ которыхъ собраніяхъ изъ трехъ сихъ классовъ единъ отъ профессоровъ по прѣнамъ орацію, къ разумнѣму слышателей устроенную, къ основателю же и покро-

вительницъ сей Академіи благоприклонное сердце въ прославленіи похваля ихъ свидѣтельствующую, имѣти будетъ.

19.

Надъ симъ же дважды во всякой недѣлѣ, т. е., во вторникъ и въ пятницу по полудни отъ четвертаго часа до шестаго privato сходится имѣють, и тогда каждый объ тѣхъ, яже предлагаются, свою скажетъ сентенцію, правымъ же совѣтомъ и доводомъ другихъ на среду представленныхъ уступить, и перѣе дома испытанныя эксперименты предъ всѣми ясно доказовати будетъ.

20.

Чтоже къ языку принадлежитъ, которымъ всякъ свои умствованія изъясляти имѣють, понеже удобъ предусмотрѣть, что разныхъ націй люди въ собраніяхъ присутствовать будутъ: вся та, яже каждый о своей наукѣ мудрованія на среду принесетъ, латинскимъ языкомъ предлагатися имѣють, ибо сей наипаче ученымъ свойственный и употребительный языкъ бывати обыче.

21.

Ежели же одинъ и другій экспериментъ предъ всѣми въ собраніи ясно доказанъ и отъ всякаго сумнѣнія очищенъ быти не можетъ, тогда являно иѣкіимъ изъ Академіи членомъ възскаііе истинныя вещи тоя вручится.

22.

Но дабы на она, яже въ собраніяхъ предлагаются, гораздо исправнѣе и предъуготованнѣе отвѣщати можно было, и тѣмъ лучше пользу отъ оныхъ восприняти, всегда прежде въ собраніи объявлено будетъ, о какомъ дѣлѣ въ послѣдующемъ собраніи дни совопрошеніе имѣти и о чемъ прѣііе творити подобаетъ.

23.

Аще когда кто-либо новыя свои изобрѣтенія въ собраніяхъ предложить или письменно сообщить и ихъ разсмотрѣнію предати изволитъ, оная или общественно въ собраніи, или, аще нужда востребуетъ, чрезъ выбранныхъ иѣкіихъ всему потомъ собранію дѣло, якоже есть исправно, донести, имущимъ прилежно да изслѣдуютца, каковыя важности и пользы оная изобрѣтенія будутъ, и да разсмотрятся, могутъ ли оная по достоинству за новыя приняты быти и тогда множайшихъ голосовъ мнѣніями разсудится.

24.

Аще когда можетъ быти отъ Ея Императорскаго Величества изъ членовъ иѣкоюу приказно будетъ о семъ или ономъ вопрошеніи

(предложенными) свою дати сентенцію, тогда во исполненіи того дѣла ни времени, ни трудовъ пощаждѣти имѣеть.

25.

И всякій профессоръ долженъ будетъ во употребленіе студентовъ своихъ или нѣкую систему нѣкую сочинити, или, аще сіе не весьма нужно быти мнитъ, особливими толкованіями вымышленія своя изъяснати съ эфемеридами (съ исторіею), которые впрель отъ Академіи публикованныя въ типографіи отнынѣ печатаны быти имѣють.

26.

Къ симъ каждый долженъ будетъ объявити, каковую къ изслѣдованію матерію избралъ и какимъ образомъ оную производить намѣрился; тойже пакъ, до конхъ имѣсть дошелъ и что достиглъ, или Президенту Академіи приватно или всему собранію извѣстить имѣеть.

27.

Къ лучшему спехъ дѣлъ изслѣдованію, дабы вся необходимая въ готовности были, свободный всѣмъ въ нашу Императорскую бібліотеку, равно какъ и въ кунштъ-камору входъ отверсть будетъ; и какъ древнія такъ и новѣйшія книги паче же и всякія инструменты, сколько къ содѣланію экспериментовъ или частныхъ или публичныхъ служить будутъ, на казенныя деньги безъ всякаго замедленія куплены быти имѣють.

28.

Для переводу знатѣйшихъ книгъ какъ древнихъ такъ и новѣйшихъ, какъ чужестранныхъ такъ и домашнихъ четыре, а ежели потребно будетъ, и множайшіе переводчики разныхъ языковъ искусныя академическимъ коптомъ содержаны да будутъ.

29.

Также дабы науки не токмо сами въ собѣ въ Россійской Имперіи возвращены были, но дабы и ко употребленію и украшенію юношества Россійского служить могли, каждый профессоръ во вся вѣдѣли четыре часа публично (учить) будетъ, или своего система, или инаго нѣкотораго автора правиламъ послѣдуя, и тако часы къ ученію юношества опредѣленные расположатся, да ни единъ другому въ ученіи препятіе сотворить.

30.

Профессоръ математики Сублимиорисъ (вышшія) алгебру и геометрію учить будетъ предъ полуднемъ отъ перваго-надесять до втораго-надесять часа.

31.

Профессоръ астрономіи въ астрономическихъ обсерваціяхъ упражняться будетъ, и въ способной къ дѣланію оныхъ обсервацій полатъ начатки сея науки толковать будетъ.

Профессоръ механики механику и, же къ тому принадлежитъ, въ осмый часъ предъ полуднемъ толкованіями своими изъяснати будетъ.

Профессоръ оныхъ частей, къ которымъ математика употребляется Театръ Механической Леопольдовъ лекціями своими отправлени будетъ во второй часъ пополудни.

И дабы вся математика всегдашнимъ нѣкимъ союзомъ и непрерывнымъ порядкомъ была предлагаема, единъ изъ приданныхъ математики весь курсъ математической пройдетъ.

32.

Профессоръ физики генеральное лѣтнимъ временемъ въ четвертый часъ по полудни коллегію физическую экспериментальную отправлени имѣетъ, зимою же физику догматическую по своимъ ея правиламъ толковать будетъ.

Профессоръ физиологій физиологію, къ правиламъ математическимъ приращенную, въ пятый часъ по полудни предавати будетъ.

Профессоръ анатоміи лѣтнимъ временемъ наставленія медицинскія, зимнимъ же степенія анатомическія и хирургическія въ первый надесять часъ предъ полуднемъ открывати будетъ.

Профессоръ химіи лѣтнимъ временемъ ботанику, по полудни формокію, а зимнимъ въ тотъ же часъ химію учити будетъ.

Профессоръ ботаники лѣтнимъ временемъ ботанику въ медицинскомъ огородѣ, а зимою въ домѣ отъ осмага часа Исторію натуральную, и какъ формулы медицинскія писать надлежитъ, предлагати будетъ.

Къ сему же классу практикъ нѣкій приидти будетъ, который студентовъ медицины въ то время, когда нѣкто изъ прочихъ въ классѣ физическомъ учить, практикъ медицинской научати будетъ.

33.

Для анатоміи въ Академію по ея требованію казенныя, также по требованію Академіи и умершія въ госпитали отдаваны быть имѣютъ.

Профессоръ логики, метафизики и моральныхъ помянутые философскія части въ осмый часъ по полудни учить и толковать будетъ.

Профессоръ элоквенціи (вигійства) въ первыйнадесять часъ предъ полуднемъ училища свои отверзетъ.

Профессоръ исторіи въ часъ второй по полудни, профессоръ правъ натуральныхъ и публичныхъ въ пятомъ часу по полудни учить будетъ.

34.

И на сія профессоровъ лекціи, публично отпралятися имущіе, каждому безъ всякихъ своихъ иждивеній приходити свободно будетъ, и всякій свое во учительствѣ усердіе и вѣрность неоскудно являти да потщится.

35.

Обаче въ воли и власти всякаго профессора оставлено будетъ имѣти частныя за изду коллегіи, но къ тому всякъ дѣла свои тако управлять имѣеть, чтобъ для пріобрѣтенія прибыли не чрезъ иѣру времени и труда употреблялъ въ частныхъ коллегіяхъ и себѣ самому въ прочихъ своихъ ученіяхъ размышленіяхъ препятіемъ не былъ.

36.

Каждому профессору единъ или два студента, отъ нихъже прензачнаго чего академія надѣяться можетъ, придадутся, которые къ достиженію наукъ профессора своего всѣми иѣрами да приложатся: въ коллегію его тщательно да приходять и безъ важнѣйшихъ притчинъ не быти во оныхъ отнюдь да не дерзають, ибо должность ихъ будетъ оная.—яже профессоръ въ лекціи предложилъ прилежно слушателямъ повторяти, обыкновенно паки надлежитъ быти въ собраніяхъ публичныхъ и частныхъ всегда имъ присутствовать и тшательное юношество каждого въ своей наукѣ начатныхъ обучати.

37.

Котораго изъ студентовъ между сими изрядный во отправленіи службы своея трудъ явится и кто спдевыми видами, которыя отъ профессоровъ опробованы, будутъ, покажетъ,—таковой съ прибавленіемъ жалованья титуломъ и честію товарища или экстраординарнаго профессора почтенъ будетъ, къ тому и лекціи публичныя ему отпраляти позволится, обаче съ симъ обязательствомъ, да управленію профессора своего себя предъ устроятъ.

38.

А понеже кромѣ академіи потребно есть и таковыхъ школъ, въ которыхъ бы младые отроки разумъ языковъ къ наукъ пріобрѣтенію нужныхъ научалися, и сему дѣлу способствовася, опредѣливъ имянно вѣкихъ студентовъ и товарищевъ, которые вѣрно и радѣтельно отроковъ да наставляють, отъ нихъже каждый въ семъ наставленіи по вся дни четыре часа,—два предъ полуднемъ, два же по полудни, упражнятися будетъ; но дабы сіе дѣло ученіямъ ихъ самихъ не было препятіемъ, никто изъ профессоровъ во оное время учить ихъ имѣеть.

39.

Къ тому понеже ученикамъ, во единомъ мѣстѣ собраннымъ, не можетъ не случиться, чтобы одни отъ другихъ во успѣваніи ученія не были лучше, къ сему недостатку тако пособити заблагоразсуждено, дабы тѣ, которыя въ преуспѣваніихъ равныи покажутся, особливо учимы были; чего ради пять классовъ уставлены суть, во всякомъ же классѣ по два учительское званіе имѣти будутъ, которыхъ классовъ въ трехъ нижнихъ потребно есть, чтобы въ каждомъ одинъ отъ нихъ зналъ по Русски говорить и писать.

40.

Въ первомъ классѣ ученіе будетъ по латински и по нѣмецки читати и обомъ языкомъ письмена изображати.

41.

Во второмъ классѣ ученіемъ спряженій и склоненій отроцескіе разумы изощрятся будутъ, не оставляя и прочихъ, аже къ грамматикѣ принадлежатъ.

42.

Въ третіемъ классѣ учащіися удобнѣйшихъ къ разумнью авторовъ и словесно и письменно на свой языкъ переводити и удобнѣйшія экзерциціи слагати начнутъ.

43.

Въ четвертомъ классѣ къ сочиненію труднѣйшихъ экзерцицій латинскаго языка приложатся, также и Арифметики и Географіи отроцата учиться начнутъ.

44.

Въ пятомъ классѣ преподаваться будутъ онаго штала эксерциціи, которыя упражняются въ сочиненіи орацій и вистолій (грамотокъ), къ тому исторія и первыя Математики начатки, также и Географія, съ глобусомъ соединенная.

45.

Также и греческаго и французскаго и италянскаго языковъ рачительство да не пренебрежется.

46.

Всѣ сіи классы тѣмъ пройти надлежитъ, которыя умъ свой къ ученіямъ простираютъ и онымъ себя посвящаютъ. Хотящихъ убо родителей въ наученіе сюда отдавати дѣтей своихъ предувѣщати надлежитъ, вышнимъ ли ученіямъ вдати ихъ, или иному коему художеству обучити желаютъ: тако бо сотворится, что предумотрѣно быти можетъ, да не како ибци, излишнихъ и ненужныхъ науки частей уча-

щеса, время ту не погубить; но да скорѣе къ сему дѣлу приводятся. Того ради сіе дѣло тако опредѣлено: тотъ, который въ гимназіи надзирательство имѣеть, приходящихъ спѣванія да вывѣдываетъ, вывѣдавъ же, да записываетъ, и приличныя онымъ классы да назначаетъ, какъ ихъ самихъ, такъ и родителей ихъ имена въ записную книгу прилежно вписавъ. Аще нѣкіе можетъ быть отъ тѣхъ, которыхъ попеченіе родительское вышнимъ ученіямъ посвятило, обратятся, что или склонности въ себѣ ко онымъ не имѣютъ, или за скудость остроты неспособны быти видятся, оныхъ, изъ классовъ изъемше, къ тѣмъ художествамъ опредѣлять, къ которымъ природную склонность и охоту имѣютъ: ибо коль неразумно творить тѣ, которые отроковъ, низшую остроту и ниже къ вышнимъ наукамъ склонность являющихъ, во оное вдаютъ и съ колпкою ово ихъ самихъ, ово же государства тщетою сіе бываетъ, всѣмъ есть извѣсно.

47.

Да будетъ убо о всякаго остротѣ способной ко всякимъ наукамъ свѣдомо, купно же какъ учащихъ такъ и учащихся прилежность и усердіе да усмотрится, дважды же по вся годы уставлены суть испытанія, то есть, единова весною и единова осенью, въ присутствіи собранія академическаго и иныхъ ученыхъ людей, гдѣ слабые и къ вышнимъ наукамъ неспособныя разумы отстаиваются, прилежны же и къ ученіямъ способныя производятся будутъ.

48.

Которыхъ отъ ученій удалившимся, или въ воинскую почти службу, или ко изученію другихъ хитростей приложитися охота будетъ, онымъ къ надлежащему ихъ обученію устроена да будетъ Академія художествъ, четырема художниками украшенная. Отъ слѣхъ первый въ 8 часъ предъ полуднемъ, по полудни же во 2 арифметику, геометрію, тригонометрію, начала перспективы и архитектуру воинскую учти будетъ.

Второй архитектуру гражданскую въ десятый часъ предъ полуднемъ и въ третій по полудни предавать имѣеть.

Третій живописное искусство показывать будетъ. Четвертый изъ ваятельнаго искусства и рѣзнаго и дѣланія разныхъ модѣлей, (которые учащимся Архитектуры во первыхъ нужны суть) юношество обучать имѣеть.

49.

А понеже и искусство рисованія ученымъ хотя не много пользы приноситъ, однакоже великимъ есть украшеніемъ, того ради и тѣ, которые въ науки отдаются, и тому ученію прилежать, на сіи часы,

живописному художеству опредѣленныя, приходити будутъ, обаче больше въ томъ упражняться не имѣють, ноже елико ученія допустити могутъ.

50.

Хотя въ настоящемъ времени Академіи наукъ съ гимназіемъ и Академією художествъ слученіе нѣкако имѣется; однако впредь когда Семинарія и школы добръ устроятся и обученныя въ нихъ разумны произведутся, сія отъ оныхъ весьма отвѣдѣтца, и въ разные собранія, то есть, нижніе школы составятся: того для расходы, которыми нынѣ на нижніи школы имѣють употреблены быть, оныи впредь на употребленіе Академіи возмуться, которыя яко особливо на возвращеніе и всемирное размноженіе наукъ, сердцемъ юношей посвятися имущихъ, отъ Державнѣйшаго Императора учреждена есть, всѣмъ извѣстно.

51.

Но да учащихъ и учащихся умы иногда отъ трудовъ опочинуть и прохлядѣтца, три повсягодно генеральныи отъ трудовъ вокаціи (престанія) уставлены, въ которыи ни собраніямъ, ни училищнымъ коллегіямъ должностъ предлежать имѣеть; той-же празностию (гуляніемъ) и въ школахъ какъ учащихся, такъ и учащихся потешены будутъ. Первая ваканція заключатися будетъ страстною, яже предъ Пасхою, и свѣтлою, яже по Пасхѣ, недѣлями; вторая имѣеть быть въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ, и въ недѣлю по Рождествѣ; третія въ каникулярныи дни.

2.

Инструкція, по которой должны поступать профессеры и протчія канцелярскіе служители.

Каждый Академическій членъ долженъ честь и пользу Академіи охранять и ничего того не оставлять, что въ распространенію наукъ служить можетъ.

Сего ради долженъ онъ въ наукахъ прилежно упражняться, о томъ, что въ оныхъ уже найдено, разсуждать, оное свидѣтельствовать и тщатся исправлять. Такоже и о томъ стараніе имѣть, чтобъ онъ чрезъ свое прилежаніе, ежели можно, нѣчто новое изобрѣлъ, съ учеными людьми корреспонденцію имѣть и все бы вѣрно сообщалъ.

Онъ долженъ во всѣхъ еже и отдѣльныхъ конференціяхъ безотлучно присутствовать, какая бы матерія въ оныхъ предложена не была, ежели онъ въ томъ важнаго препятствія имѣть не будетъ.

Конференціи имѣютъ на Академическихъ членовъ раздѣлены быть, и о томъ надлежитъ порядочную роспись имѣть, дабы всякъ зналъ, что и когда кому предлагать надлежитъ.

Повеже всякъ Академическій членъ довольное время имѣть, то долженъ онъ свою диссертацию по возможности исправно сочинить, и оную за ведѣлю или, ежели можно, то еще и прежде секретарю или, въ его небытность, его адъюнкту отдать, который оную въ надлежашее время членамъ сообщить имѣть.

Ежели случится, что какая піеса ради ея пространства на одной конференціи окончена быть не можетъ, то можно оную въ другой конференціи вмѣстѣ съ слѣдующею піесою довершить, или, ежели отъ того въ конексіи помѣшательства не будетъ, надлежитъ оную до другаго времени отложить; однакоже въ семъ окуратно поступать надобно, но дѣлать то, что способно учиниться можетъ.

Какъ по Ея Императорскаго Величества всемплощинѣйшему указу которому-нибудь изъ членовъ дано будетъ какое дѣло, до его науки касающееся, о которомъ членъ извѣстно будетъ, что онъ то дѣло разумѣть или разумѣть долженъ: то имѣть онъ оное по своей возможности съ охотою исполнять.

Ежели кто изъ членовъ въ старыхъ или новыхъ книгахъ вѣчто примѣчанія достойное найдетъ, то имѣть онъ оное сообщать, чтобъ оно или при коментаріяхъ или особливо напечатано было.

Всякъ изъ членовъ долженъ о своей наукѣ книгу сочинить, или какую особливую матерію описать и оное въ печать производить.

Когда до кого изъ нихъ придетъ порядокъ въ публичной Ассамблеѣ слово имѣть, то долженъ оной заданную, ему матерію прилежно и тщательно сочинить.

Секретарь долженъ диссертациі отъ членовъ принимать, оныя въ журналѣ записывать и для переписанія копій съ оныхъ диссертациі отдавать, оныя копіи надлежащимъ членамъ сообщать, тѣ разсужденія, которыя въ конференціяхъ о упомянутыхъ диссертацияхъ учинены будутъ, или самъ или чрезъ своего адъюнкта записывать, сію записку въ слѣдующей конференціи опять прочитывать; ежели за потребно разсуждено будетъ, въ коментарія вносить; еще долженъ онъ посылаемая къ иностраннымъ ученымъ людямъ письма принимать, оныя въ конференціяхъ прочитывать и вмѣстѣ съ сочиненными на оныя письма примѣчаніями въ тѣ книги вносить, въ которыхъ копіи содержатся, а потомъ, по полученіи указа, оныя письма въ надлежашіи мѣста отсылать.

Въ небытность секретари долженъ все сіе отправлять его Адъюнктъ.

Яко профессоръ, долженъ сей секретарь въ касающихся до него наукахъ столько молодыхъ людей обучать, сколько заблагоразсуждено будетъ и ихъ въ оныхъ наукахъ до возможнаго совершенства приводить. Такжеже по всякій день кромѣ опредѣленныхъ конференцій по... часовахъ, публичныя лекціи имѣть и своихъ учениковъ вѣрно и прилежно обучать.

Императорская бібліотека имѣть отворена быть по 4 дни въ недѣлю отъ 10 до 12 часа по утру, въ которую всякъ свободно приходитъ можетъ, а впредь никакія книги изъ оной выданы быть не имѣюгъ, выключая обстоятельства, которые того конечно требуютъ, что оныя кому на малое время на домъ дать надлежитъ.

Также имѣть и музеумъ содержана быть: ибо, ежелибы то всякому на домъ давать, кто чего требуетъ, тобъ могли въ краткомъ времени многія драгія вещи пропасть, или такъ испорчены быть, что они послѣ весьма негодными учинятся.

Ежели кто или къ приватнымъ или публичнымъ экспериментамъ какихъ вещей требуетъ, или къю нужду имѣеть, то долженъ Академической канцеляріи предлагать, отъ которой опредѣленіе учинено будетъ, чтобъ ему требуемое дано было, или, ежели того скоро учинить или требуемыхъ вещей получить невозможно, то будетъ отъ помянутой канцеляріи оное требующему объявлено; такжеже и то показано будетъ, для чего оныхъ вещей получить невозможно, дабы онъ что-нибудь другое дѣлать могъ; а подъ тѣмъ бы видомъ, будто ничего получить не можно, времени напрасно не тратилъ. Ежели кто имѣеть такое дѣло, которое онъ же только одному президенту объявить хочетъ, то можетъ онъ съ тѣмъ у него свободно явиться.

Трезорье долженъ академическія деньги принимать и оныя по указамъ раздавать, о квартирахъ, дровахъ и свѣчахъ для академическихъ членовъ стараніе имѣть, и оное помянутымъ членамъ промышлять, или деньги за то давать, такжеже и чрезъ купчинъ всѣ потребныя вещи покупать и о томъ исправной щетъ содержать.

Россійскимъ и иностраннымъ канцеляристамъ, писарямъ и копистамъ надлежитъ по опубликованому Императорскаго Величества регламенту поступать.

Когда президентъ въ дальномъ пути или внѣ города обрѣтается будетъ, то долженъ въ канцеляріи всегда одинъ изъ профессоровъ засѣданіе имѣть и публичныя дѣла вмѣстѣ съ бібліотекаремъ подписывать, что по классамъ и по третямъ раздѣлено быть имѣеть, а именно въ первыхъ засѣданіе начать:

Изъ 1 класы	Господи́нь	профессоръ	Германъ.
» 2 — » — » — » — »			Биллингъ.
» 3 — » — » — » — »			Бекенштейнъ.
Изъ 1 класы	— » — » — » — »		Делиль.
» 2 — » — » — » — »			Дувернау.
» 3 — » — » — » — »			Байеръ.
Изъ 1 — » — » — » — »			Лейтманъ.
» 2 — » — » — » — »			Бернулли.
» 3 — » — » — » — »			Элоквенци.

Что до гимназiа и до оныхъ школъ касается, которые заведены, для тѣхъ учениковъ, которые высокимъ наукамъ обучаться не будутъ, то имѣютъ оныя содержаны быть по апробованному проекту и по даннымъ инструкциямъ.

Переводчики должны все то переводить, что имъ изъ канцелярiи прислано будетъ.

Также должны художники, мастеровые и ремесленные люди по употребленiю ихъ художества и ремесла, также по даннымъ имъ инструкциямъ въ ихъ дѣла поступать и то дѣлать, что имъ приказано будетъ. А ежели они не прилежны или упрямы явятся, то имѣютъ они безъ всякаго изъятiя изъ жалованья выключены быть.

3.

Вѣдомость о книгахъ, имѣвшихся на лицо въ Академической книжной палатѣ къ 1733 году.

1. Комментарiевъ Академическихъ, 3 части, каждая по 2 р.
2. Россiйскiй переводъ, 1 часть, по 1 р.
3. Буксбаумова описанiя травъ не весьма знаемыхъ, 3 части, по 1 р. 16 к.
4. Сокращенiе математическое, 3 части, цѣною 3 р.
5. Переводъ онаго сокращенiя на русскою языкъ.
6. Сокращенiе древней статской исторiи на нѣмецкомъ языкъ, по 60 к.
7. Россiйскiй вексельный уставъ, по 20 к.
8. Морской пошлинный уставъ, по 25 к.
9. Пошлинный тарифъ, по 25 к.
10. Нѣмецкая грамматика для русскихъ, по 60 к.
11. Байера Музеумъ Сникъ, по 2 р.

12. Россійскій и нѣмецкій лексиконъ, на обыкновен. бумагѣ, во 2 р. 50 к.
На писчей б. въ листъ, по 4 р.
На печатной б. большой руки въ четверть листа, по 2 р. 80 к.
13. Рѣчи академическія, на первомъ собраніи говоренныя, на лат. яз., по 40 к.
14. Рѣчи, на 2 собраніи говоренныя, на лат. яз., по 60 к.
15. Рѣчи, 1732 г. мая 6 говоренныя, по 50 к.
16. Разговоръ о движеніи земли, на франц. языкѣ, по 10 к.
17. Мирный трактатъ между Россійскою Имперіей и Персіей, по 5 к.
18. Расположеніе о ученіи Е. И. В. Петра Второго, на нѣмецк. языкѣ, по 15 к.
19. Русскій переводъ онаго, по 15 к.
20. Ъзда въ островъ любви, на русскомъ языкѣ, по 50 к.
21. Бекенштейнова геральдика, 2 части, 2 р.
22. Исторія о Японіи на русскомъ языкѣ, по 40 к.
23. Описаніе коронаціи Ея И. В. на нѣмецкомъ языкѣ, по 4 р.
24. Шрейберово разсужденіе о тѣлѣ и о движеніи, по 15 к.
25. Азбуки нѣмецкія и латинскія, по 4 к.
26. Трефуртово поученіе на день коронованія Ея И. В., на нѣмецкомъ языкѣ, по 22 к.
27. Вѣдомости и примѣчаніе 1729, 1730 и 1731 годовъ.

Въ этой вѣдомости, подписанной контролеромъ Гоффманномъ, значится всего 16,220 экземпляровъ академическихъ изданій, цѣною на 20,550 р. 66 к.

4.

Резстръ съ явнымъ описаніемъ должности и дѣйствительной каждой работы, трудовъ и исправленія академическихъ профессоровъ и прочихъ чиновъ служителей на 1737 годъ.

Профессоры: Советникъ Юстицкій *Гольдбахъ* — секретаремъ при конференціяхъ, имѣетъ надзираніе надъ Архивомъ, сочиняетъ всякіе до академической корреспонденціи съ чужестранными учеными людьми касающіяся письма на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ, онъ же самъ издаетъ математическія и другія до наукъ касающіяся дѣла и писма, и кроиъ академическихъ дѣлъ въ другія комисіи употребляется.

Демидъ, первый профессоръ астрономіи, имѣеть въ своемъ правленіи Обсерваторію, днемъ и ночью трудится въ астрономическихъ обсерваціяхъ и надъ генеральною картою Россійскаго государства, а нынѣ старлетца, чтобъ свой 21 генваря 1737 года поданной прожектъ о измѣреніи земли и поправленіи картъ Россійской Имперіи въ дѣйство произвести, и когда сіе начнется, то онъ потребныя къ его намѣренію астрономическія приръчанія въ Россійскихъ провинціяхъ дѣлать будетъ.

Байеръ — профессоръ антиквитетовъ (древнихъ вещей); его должность въ томъ состоитъ, чтобъ греческія, римскія, а особливо оріентальныя древнія вещи и языки исправлять, трудится надъ исторією Его Величества блаженныя памяти царя Алексія Михайловича, а по окончаніи оныя исторію протчихъ государей царей и великихъ князей Россійскихъ равнымъ образомъ сочинить будетъ, а, окончавши, Ея Императорскаго Величества въ кабинетъ для опробаціи подастъ, сверхъ академическихъ коментаріевъ дѣлаетъ нынѣ диссертацию о ....., начатой китайской Лексиконоу будетъ продолжать; сверхъ того имѣеть смотрѣніе надъ гимназією, а въ наступающемъ году имѣеть публичныя лекціи давать.

Дювернуа, профессоръ анатоміи, дѣлаетъ анатомію надъ человѣческими тѣлами и звѣрами, разсматриваетъ ихъ составы и тѣла, и, что найдетъ, о томъ дѣлаетъ описаніе и читаетъ въ собраніяхъ. Нынѣ пишетъ исторію о слонѣ, моржѣ и китѣ, на будущее лѣто тоже продолжать будетъ.

Графъ, профессоръ физики и экспериментальной теоретикки, разсматриваетъ натуру размышленіями и частыми экспериментами, а дѣлаетъ на всякой день метеорологическія обсерваціи, вписываетъ въ книгу, а по учиненномъ собраніи—географіи математики и физики, также по совершеніи математики намѣренъ онъ и другія части физики, то есть: гидростатику, гидравлику, оптику и катоптрику такимъ образомъ дѣлать, и со временемъ совершенную систему о физическихъ экспериментахъ писать; въ настоящемъ году имѣеть на всякой день по цѣлому часу публично о физикѣ читать и надъ приръчаніями трудится.

Эйлеръ, профессоръ вышней математики, сочиняетъ высочія и остроумныя математическія вещи, которыя, по прочтеніи въ конференціи, издаются въ печать; трудится съ другими въ сочиненіи географіи Россійскаго государства и дѣлаетъ партикулярныя карты, какія только нынѣ по тому примѣру сдѣлать можно, пишетъ вторую часть арифметики для гимназіи, а начатыя свои труды о статикѣ и анализѣ Инфин уповаетъ на будущей годъ совѣсть окончать, потому

имѣть давать публичныя лекціи о вышней математикѣ и надъ примѣчаніями трудится.

Вейбрехтъ, профессоръ физиологій такъ же какъ и анатомикъ, различаеъ человѣческія и звѣринныя тѣла, всѣ ихъ части смотритъ и старается, какъ бы употребленіе ихъ смсать, начатую свою десмологию, или описаніе о всѣхъ донныхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ лигаментахъ, въ скоромъ времени окончить надѣется, въ будущемъ году намѣренъ публичныя лекціи давать и надъ примѣчаніями трудится.

Аммонъ, профессоръ ботаники и историки, разсматриваеъ и описуетъ все, что въ трехъ частяхъ натуры случается, вимянно: звѣрей, травы, камни, минералы и всѣ Остъ-Индскія и Вестъ-Индскія семена, а которыя изъ Сибири, и Астрахани, и Казани присылаются, тѣ садитъ, а травамъ дѣлаеъ описаніе и рисунки. Нынѣ сочиняеъ книгу о 200 разныхъ травахъ, которыя въ Сибири, Астрахани и около тѣхъ мѣстъ растутъ, и сія книга началомъ травной исторіи всея Россійскія Имперіи будетъ; онъ имѣетъ сію работу на будущій годъ продолжать, и притомъ публичныя лекціи давать и примѣчанія писать.

Юнкеръ — былъ профессоръ политки, а 26 числа августа сего 1737 года отъ Академіи взятъ и употребленъ къ солянымъ дѣламъ.

Лоттеръ — былъ профессоръ элоквенціи. умръ 1 апрѣля 1737 года.

Винцгеймъ, второй профессоръ астрономіи, повѣряетъ на шестъ всѣ изъ чужихъ краевъ присылаемыя сюда астрономическія обсерваціи, и дѣлаеъ потребныя при обсерваторіи таблицы, сочиняеъ С.-Петербурхскія календари, пишетъ политическую географію и капитуль Россійскаго государства, на будущій годъ имѣетъ тоже дѣлать и притомъ съ другими будетъ стараться о приведеніи въ совершенство Россійскаго географическаго Лексикона, диктовать публичныя лекціи и надъ примѣчаніями трудится.

Гроссъ, профессоръ исторіи, исправляеъ исторію среднихъ и новѣйшихъ временъ, въ географическомъ департаментѣ содержитъ протоколъ, переводитъ съ французскаго на нѣмецкой и съ нѣмецкаго на французской языкъ, а особливо всякія до Россійской исторіи касающіяся писма на французской языкъ переводитъ; впредь будетъ тоже дѣлать, и притомъ съ другими надъ російскимъ географическимъ лексикономъ трудится, въ гимназіи по французски учитъ, и для оныя французскую граматку пишетъ.

Гензіусъ, третій профессоръ астрономіи, въ обсерваторіи тѣже обсерваціи, которыя и господинъ Делиль, дѣлаеъ, и одинъ другому взаимно помогаетъ, а когда первой въ ночи, то другой днемъ астрономическія обсерваціи отправляеъ для того, что одному чловѣку

сего дѣла исправить не возможно; впредь имѣть тоже дѣлать, а нынѣ пишетъ краткое собраніе астрономическихъ наукъ, на будущей годъ будетъ давать публичныя лекціи, и съ другими надъ примѣчаніями трудится.

Тидеманъ, нотаріусъ, содержитъ подъ дирекцію Юстицкаго Совѣтника господина Гольдбаха въ конференціяхъ протоколъ, имѣетъ въ своемъ храненіи все до наукъ касающіяся писма и диссертациі, сочиняетъ изъ нихъ экстракты и коиіи пишетъ, а временемъ при учрежденныхъ отъ Правительствующаго Сената комисіяхъ за секретаря употребляется, и впредь ту же должность отправлять будетъ.

<i>Мессеръ</i> — канцеляристъ	} ишутъ на бѣло все входящія и исходящія диссертациі и писма, и сверхъ того означенный канцеляристъ учитъ въ гимназіи по французски.
<i>Иберкамфъ</i> — коиіистъ	

Федоръ Герасимовъ — сторожъ, топить печи въ конференціи и въ Архивъ и на посылку къ профессорамъ употребляется.

Андрей Туповъ — сторожъ, топить печи въ экспериментальной полати и въ двѣ подъ оныя обрѣтающихся каморахъ, помогаетъ профессору физики пневматическую антлією воздухъ вытягивать, содержитъ сей инструментъ въ чистотѣ и употребляется на посылки.

Почетные члены: *Вольфъ* — профессоръ математики въ Марбургѣ.

Билфингеръ — тайный совѣтникъ въ службѣ Герцога Винтембергскаго.

Киль — профессоръ математики въ Данцигѣ.

Беркулія — профессоръ анатоміи въ Базелѣ.

Все тѣ почетные члены Академіи имѣютъ съ нею къ большому приращенію наукъ всегдашнюю корреспонденцію, сообщаютъ ей все свои въ наукахъ учиненныя новыя изобрѣтенія, присылаютъ разныя книги и всякія до наукъ касающіяся вещи, которыя напередъ въ конференціяхъ читаютъ, а потомъ въ комментаріи печатаютъ.

Адъюнкты и студенты: *Адодурова* — адъюнктъ профессора физики; его главное намѣреніе физикѣ доканчивать, дабы со временемъ самому профессорскаго чина удостоится; для того онъ нынѣ въ сей наукѣ со всякимъ прилежаніемъ обучается и помогаетъ профессору Крафту въ экспериментахъ, перевелъ сокращенную механику на Россійской языкъ, а нынѣ переводитъ математику, сочиненную профессоромъ Эйлеромъ; свои труды читаетъ въ російскомъ собраніи, а притомъ слушаетъ всякихъ переводовъ, которыя другія читаютъ, и старается, чтобъ оныя переводы на російскомъ языкѣ исправно въ печать выходили; впредь будетъ всякія выходящія математическія и

физическія книги и вещи по руски переводить, и притомъ возможное тщаніе прилагать, дабы въ физической наукѣ въ болшее совершенство притти, обрѣтающихся при Правительствующемъ Сенатѣ языковъ обучаетъ по дважды въ недѣль въ чтеніи и писаніи російскаго діалекта.

Вильде, докторъ медицины, адъюнктъ или помощникъ профессора анатоміи, обучается анатоміи, дѣлаетъ секціи надъ человѣческими тѣлами и звѣрскими трупами, такъ какъ настоящей профессоръ приготовляетъ всякія къ тому вещи, а инаиначе въ остеологіи трудится, впредь будетъ публичныя лекціи давать.

Мишинъ — былъ адъюнктъ химіи, отошелъ отъ Академіи 10 іюня 1737 г.

Мулльсъ, адъюнктъ профессора вышней математики, овъ себя по своей должности въ сей наукѣ въ совершенство производитъ, и для того къ профессорамъ часто ходитъ и съ ними надъ разными диссертациями трудится, впредь будетъ тоже дѣлать, и сверхъ того въ гимназіи геометрію учить.

Штелинь — упражняется по должности своей во всемъ, что касается до реторики, до стихотворной науки, до правильнаго писанія и до прочихъ къ тому надлежащихъ наукъ; нынѣ переводитъ овъ съ италіанскаго на нѣмецкой языкъ Марселіево: Военное состояніе Оттоманскія Порты, а впредь будетъ писать примѣчанія на вѣдомости.

Таубертъ, студентъ, опредѣленъ къ тому, чтобъ злоквенціи и лутчему стилю писемъ учиться; для того приказано ему къ профессору злоквенціи часто ходитъ и съ нимъ трудится; содержитъ въ російскомъ собраніи протоколъ, читаетъ въ ономъ свои собственные переводы, и въ исправленіи отъ другихъ предлагаемыхъ переводовъ свое мнѣніе объявляетъ. Перевелъ древнюю Азовскую исторію на російской языкъ, а нынѣ переводитъ Жизнь и дѣла принца Евгенія; впредь будетъ всякія до его знанія и науки касающіяся вещи и примѣчанія переводить.

Клейнфельтъ, студентъ, учится анатоміи, и для того на всякихъ секціяхъ присутствуетъ, профессору и адъюнкту анатоміи помогаетъ, и своимъ прилежаніемъ въ такое себя совершенство приподитъ, чтобъ со временемъ на мѣсто одного изъ оныхъ употребленъ быть могъ.

Бремъ — обращается больше въ наукахъ, украшающихъ разумъ, и въ письменной исторіи, трудится въ библіотекѣ и сочиняетъ каталоги, содержитъ журналъ книгамъ, которыми овъ же раздаетъ и назадъ получаетъ, правитъ притомъ должность корректора, и въ настоящемъ году будетъ примѣчанія писать.

Рикманъ, студентъ, учится математическимъ наукамъ, а особливо механикѣ и физикѣ и ходитъ того ради на лекціи у профессора физики, помогаетъ ему при дѣланіи экспериментовъ, также и самъ разныя до оныхъ наукъ надлежащія опыты дѣлаетъ, кромѣ оныхъ диссертациі, которыя онъ Академіи подавать имѣетъ, будетъ онъ еще и примѣчанія на вѣдомости писать.

Россійское собраніе: Каморъ Конторы совѣтника *Эмме* — упражняется въ переводахъ, и бываетъ трижды въ недѣлѣ въ російскомъ собраніи, читаетъ свои труды, или чтенія другихъ переводовъ слушаетъ и въ поправленіи оныхъ помогаетъ; перевелъ математическую и физическую географію и Шрейдерову шаць-камору, а нынѣ переводитъ военную книгу, называемую Флеминговъ совершенный солдатъ, которую книгу всѣ въ военныхъ дѣлахъ искусные люди весьма апробуютъ; какъ скоро указы напечатаются, то онъ сдѣлаетъ полной имъ реестръ и будетъ трудиться надъ примѣчаніями.

Тредіаковскій, секретарь, его должность также въ переводахъ и въ присутствіи при російскомъ собраніи состоитъ, при чемъ онъ свои труды читаетъ и другихъ переводы слушаетъ; онъ перевелъ съ французскаго языка Марсидіеву книгу: О военномъ состояніи Порты Оттоманской; нынѣ оканчиваетъ переводъ татарской исторіи, а впредь во всякихъ переводахъ съ французскаго на російскій языкъ трудиться будетъ.

Беръ *)), профессоръ оріентальныхъ языковъ, при иностранной коллегіи, а въ Академіи всякія на помянутыхъ языкахъ случающіяся дѣла переводитъ, онъ же перевелъ исторію о Албухазинахъ съ татарскаго оригинала. Нынѣ трудится надъ другимъ изряднымъ татарскимъ манускриптомъ (рукописною книгою) Бабунайметъ, турецкую исторію, которой еще никогда въ печати не бывало, и оную на латинской языкъ переводитъ; что всѣмъ ученымъ и до оріентальныхъ древнихъ книгъ охоту имѣющимъ людямъ весьма пріятно будетъ; еще сочинилъ онъ каталогъ о 4000 древнихъ татарскихъ монетахъ, которыя изъ земли выкопаны, и нынѣ въ кунсть-каморѣ хранятся, а впредь тоже дѣлать и въ переводахъ трудится будетъ.

Горлеуцкій — переводитъ съ латинскаго и французскаго на російской, а съ русскаго на оба помянутыя языки, имѣетъ особливую работу при географическомъ департаментѣ, и сверхъ того перево-

---

*) По проекту новаго штата въ 1736 году предложено было къ 3-му классу Академіи прибавить профессора восточныхъ древностей. потому что «ради соедѣства и великаго союза восточныхъ народовъ съ ними, о семъ ученіи паче всѣхъ прочихъ стварится задежить».

дять нинѣ весьма старую хроникку російской исторіи, которая при другихъ русскихъ книгахъ приобщена будетъ.

Шльинскій — былъ переводчикомъ. Умеръ 20 марта 1737 году.

Толмачевъ — переводчикъ; всякіи изъ Сибири, Казани, Астрахани и другихъ дальнихъ мѣстъ присылаемые сюда метеорологическія observations на латинской языкъ переводить; онъ же перевелъ Россійскую старую хроникку по латыни, и впредь такимъ же образомъ трудиться будетъ.

Волчковъ, секретарь, употребляется въ переводахъ, бываетъ съ вышеозначенными въ Россійскомъ собраніи; по переводъ Скиенской исторіи, трудится нинѣ надъ древнею хрониккою, которая къ Россійскимъ книгамъ впредь присовокуплена бытъ имѣеть. Онъ же переводить русскія вѣдомости, впредь будетъ тоже дѣлать, и надъ пріимчаниями трудится.

Коновъ Даниловъ — сторожъ, топить печь въ Россійскомъ собраніи, употребляется на посылки.

Гимназія: *) *Шмитъ*, танцмейстеръ, поѣхалъ въ свое отечество въ Прусію, на его мѣсто принятъ Христіанъ Ландъ, которой при гимназіи обрѣтаются молодыхъ людей шесть часовъ въ недѣль танцовать учить.

Фишеръ, ректоръ латинской гимназіи, его должность состоитъ въ надзираніи за учителями латинскихъ классовъ, дабы отъ нихъ чего упущено не было, самъ онъ учить молодыхъ людей перваго класса въ стилѣ и реторикѣ, толкуеть имъ нанируднѣйшихъ авторовъ, а именно Іулія Цесаря, Светога, Цицероновы писма и ораціи, Овидіевы метаморфозы и Вергиліевы дѣла, изъясняетъ имъ греческія и римскія древнія вещи, учить ихъ поэзіи, политической исторіи и ге-

*) Въ 1733 году показывались при гимназіи: Фишеръ — проректоромъ; Миллеръ. Швенницъ, Шмитъ, — учителями (тѣхъ же предчеговъ что и въ 1737 году); Георгъ Стихсъ названный *подмастеремъ* нѣмецкаго языка; Деконбель — учитель франц. языка; Лурскиусъ — шрейбейстеръ. По новому академическому штату при гимназіи предполагалось имѣть: ректора въ классѣ латинскомъ, нѣмецкаго ректора и вице-инспектора надъ семинаріей, проректора, конректора, двухъ учителей латинскаго языка, одного — нѣмецкаго, шпранхейстера французскаго и итальянскаго, *шпранхейстера* Россійскаго языка, танцмейстера, рисовальщиковъ и 4 префектовъ; «иногда въ проектѣ, — при впаденіи семинаріи учреждается, въ которой юношество по наилучшимъ средствамъ такъ обучено бытъ имѣеть, что оно оттуда до вышнихъ наукъ произойти можетъ. того ради академія принуждена число бывшихъ по нинѣ при гимназіи учениковъ нѣсколькими персонами приумножить.» Число учениковъ при гимназіи не означено въ штатѣ, — въ наличности показанъ только одинъ Кейсеръ при гимназіи дисциплинъ. Въ 1741 году показано было двое семинаристовъ и пятеро солдатскихъ дѣтей въ обученіи при гимназіи.

ографіи. Кромѣ своей школьной должности переводить съ русскаго на нѣмецкой и латинской языкъ разныя къ русскому собранію принадлежащія вещи. А нынѣ профессоромъ Керомъ переведенную Татарскую Исторію въ чистой нѣмецкой стилъ приводить, впредь будетъ школьную свою должность исправлять и при другихъ переводахъ надъ примѣчаніями трудится.

Мерлинъ, проректоръ, учитъ молодыхъ людей стилю, толкуеть имъ латинскихъ авторовъ простою и связною рѣчью, обучаетъ исторіи и географіи и приготовляетъ своихъ учениковъ къ вышнимъ классамъ, кромѣ школьной должности обязанъ онъ переводить съ швецкого и финского на нѣмецкой или латинской языкъ, а ежели что на швецкомъ или финскомъ языкъ печатается, то онъ дѣлаетъ корректуру, нынѣ переводитъ новой, апробованной швецкой уставъ, которую работу и впредь продолжать будетъ.

Геллертъ, конректоръ, его должность такъ же какъ предыдущаго въ томъ состоитъ, чтобъ исторіи, географіи и сверхъ того логику учить и такъ своихъ учениковъ въ наукахъ приготовить, что ежели они въ профекторской классъ произведены будутъ, то бы большую пользу отъ него получать могли, кромѣ школьной должности повиненъ онъ изъ старыхъ книгъ экстракты дѣлать, и оныя Академіи предлагать, а впредь будетъ надъ примѣчаніями трудиться.

Миллеръ, учитель, обрѣтающимся у него латинскаго языка ученикамъ толкуеть легкаго латинскаго автора, приказываетъ и дѣлать эксерциціи, показываетъ имъ начальныя регулы въ исторіи и географіи, а и впредь тоже продолжать будетъ, притомъ еще долженъ онъ все то исправлять, что ему приказано будетъ.

Шванвицъ, ректоръ нѣмецкой гимназій, имѣетъ надзираніе надъ учениками нѣмецкаго языка, и самъ какъ по нѣмецки такъ и по руски ихъ учить, кромѣ своей школьной должности и къ переводамъ употребляется; по переведеніи Ланговыхъ разговоровъ трудится нынѣ надъ переводомъ школьной книги Сейболди, читаетъ свои дѣла въ Россійскомъ собраніи, а притомъ и другихъ чтенія слушаетъ; впредь будетъ тоже продолжать и надъ семинарією, которая со временемъ постронится, смотрѣніе имѣть.

Германъ, учитель въ нѣмецкомъ классѣ, учитъ своихъ учениковъ фундаментнымъ регуламъ латинскаго языка, велитъ имъ съ латинскаго на нѣмецкій и съ нѣмецкаго на латинскій языкъ переводить, обучаетъ правописанію, арифметикѣ, кромѣ своей ординарной работы учить изъ Москвы прибывшихъ сюда учениковъ по нѣмецки, всѣ ему отъ Академіи присылаемыя вещи на бѣло переписывать.

Потанскій, учитель въ нѣмецкомъ классѣ, обучаетъ учениковъ средняго и нижняго класса въ латинскомъ чтеніи, а съ обрѣтающимися въ вышнемъ классѣ повторяетъ нѣмецкую грамматику, твердить географію и правописанію учить, а впредь тоже дѣлать будетъ.

Ланъ, учитель въ нѣмецкомъ классѣ, уволенъ отъ Академіи 22 августа 1737 года.

Эстерманъ — четвертой учитель въ нѣмецкой гимназіи; его должность новопришедшихъ учениковъ писать, читать и арифметику учить, съ чужестранными катехизизмъ читать, а впредь тоже дѣлать будетъ.

Рудманъ — учитель, обучаетъ учениковъ французскому языку, а впредь тоже продолжать будетъ.

Степанъ Шишковъ

Михайла Машаровъ

} сторожами при гимназіи, содержатъ гимназію въ чистотѣ и каждой изъ нихъ по три печи топить.

Шварцъ — сторожъ при гимназіи относитъ приказъ обрѣтающагося при гимназіи директора къ ректорамъ и учителямъ, а отъ нихъ репорты къ помянутому директору носить.

Нѣмецкая Типографія: *Кебицъ* — наборщикъ, отшелъ отъ Академіи 24 мая 1737 года.

Розе — наборщикъ, нынѣшній годъ набиралъ Военной Регламентъ, нѣмецкой календарь, стихи иллюминаціямъ и фейверкамъ и всякія вѣдомости военныя.

Герасимъ Ивановъ

Михайла Кондаровъ

Степанъ Воротниковъ

Петръ Гавриловъ

Никита Поляновъ

Яковъ Морозовъ

Никита Савиновъ

} У становъ початныхъ поставленныя батырщики и терегорщики.

Русская Типографія: *Федоръ Степановъ* — корректоръ; его должность набирать, исправлять; только онъ нынѣ за старостію худо видитъ и для того ничего больше дѣлать не можетъ кромѣ того, что за тередорщиками, наборщиками смотреть, ихъ къ работѣ принуждать.

Иванъ Сидоровъ — наборщикъ, набираетъ нынѣ книгу Истинную Политику знатныхъ и благородныхъ особъ.

Козма Маламатовъ — набираетъ Марселеву книгу о Военномъ состояніи Порты Оттоманской.

Леонтей Васильевъ — наборщикъ, набиралъ Флориннову генеральную экономію.

Андрей Бондаловъ — былъ тередорщикъ, а нынѣ употребляется на посылку ко всѣмъ художникамъ, ремесленнымъ и мастеровымъ людямъ для спрашиванія, какъ называютъ ихъ инструменты и прочіе въ ихъ ремеслахъ употребляемая вещи, и ради увѣдомленія о ихъ всякихъ художествамъ свойственнымъ рѣчамъ и именованіямъ, которые онъ всё записываетъ, также изъ нѣкоторыхъ напечатанныхъ книгъ выбираетъ техническіе термины и другія разнымъ ремесламъ свойственныя имена, дабы оныя въ переводахъ и въ русскомъ лексиконѣ, который со временемъ напечатается, съ пользою употребить.

Яковъ Михайловъ — батырщикъ.

Галактионъ Чижевъ — наборщикъ, собираетъ указы съ 1722 года.

Петръ Степановъ — наборщикъ отпущенъ нынѣшняго году.

Лука Духановъ

Миронъ Ороловъ

Сергій Луковниковъ

} Батырщики при станахъ.

Въ нынѣшнемъ году въ обѣихъ типографіяхъ набрано и печатано кромѣ вѣдомостей.

Уложеніе	»	»	»	4000 экземпляровъ
Исторія Азовская	»	»	»	500 экземпляровъ
Военный Регламентъ	»	»	»	1200 экземпляровъ
Замлукъ, Собраніе всякихъ до Россійской исторіи принадлежащихъ извѣстій	»	»	»	1200 экземпляровъ
Зигизбекъ программа медико-ботаническая	»	»	»	225 »
Опера на русскомъ и итальянскомъ діалектахъ	»	»	»	400 экземпляровъ
Нѣмецкой календарь	»	»	»	2200 экземпляровъ
Руской календарь	»	»	»	5200 »

Стихи пльюминаціямъ и фейерверкамъ, всякія вѣдомости военныя.

Нынѣ печатается:

Академическихъ комментаріевъ часть 5.

Зигизбекъ Синографія (иконографія?) ботаническая.

Безръ Гисторія Бактріана.

Арифметика на русскомъ діалектѣ.

Разговоры на латинскомъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ діалектахъ.

Механика въ русскомъ діалектѣ.

Марселиево описаніе о состояніи Оттоманской Имперіи.

Указы отъ 1722 года.

Гисторія Азовская на русскомъ и нѣмецкомъ.

Флорнинова генеральная экономія.

Книжная лавка: *Кланкэръ*—факторъ, его должность чтобъ книжную лавку въ добромъ порядкѣ содержать исправно, реестръ о получаемыхъ изъ чужихъ краевъ и здѣшняго выходу книгахъ имѣть о исходящихъ и исходящихъ книгахъ, по данной ему формѣ вѣрный щетъ содержать, съ чужестранными книгопродавцами корреспондовать, листы изъ Типографіи принимать и приказывать, чтобы оныя порядочно собраны и въ укладку положены были.

Предсеръ—бухгалтеръ, въ несбытность фактора всю его должность отправляетъ, а особливо содержитъ слѣдующія книги: 1) главную, 2) расходную, 3) купеческую, 4) и черную журнальную книгу.

Сер. велицъ—служитель книжной лавки, обрѣтается у принимающаго листы изъ друкарень, складываетъ ихъ въ мѣсто, здѣшняго выходу книги для отправления въ чужіе края относить въ Тиможню, а сюда приходившія чужестранныя книги приносить изъ Тиможи въ книжную лавку, помогаетъ шоты и другія случашіяся дѣла на бѣло писать.

Герbstъ былъ при Академіи купчиною, умеръ.

Нынѣ въ книжной лавкѣ чужестранныхъ книгъ на 8320 р.

Здѣшняго выходу на " " " 33,958.

Словолитня: *Купидъ*,—медальеръ, дѣлаетъ понсы и контра-понсы на слова, рѣжетъ математическія и другія фигуры, также виньеты, узлы и протчія къ печатанію книгъ потребныя вещи на мѣди и деревѣ дѣлаетъ, переплетчику стемпели, а постороннимъ людямъ рѣжетъ печати, и за то получаетъ отъ нихъ особливую плату; а нынѣ имѣетъ на рукахъ академическую работу.

Битнеръ—мастеръ всѣ отъ вышеозначеннаго Купидъ заготовляемые понсы въ матрицы передѣлываетъ и формы въ такое состояніе приводитъ, чтобъ выливаемые слова ровны и гладки были; при чемъ онъ самъ льетъ и шлейфуетъ, а другіе словолитцовъ и шлейфовальщикоу къ работѣ принуждаетъ.

Максимъ Зараевъ
Иванъ Гагриловъ
Гаврила Рудаковъ
Иванъ Дмитриевъ } Словолитцы.

Въ нынѣшнемъ году сдѣлано:

понсы	»	»	»	179	} штукъ.
печатей рѣзано	»	»	»	7	
мѣдныхъ узловъ	»	»	»	45	
литеръ изъ дерева	»	»	»	174	
разныхъ литеръ литыхъ	»	»	»	2506 ³ / ₄ ф.	
матрицъ	»	»	»	221	

Переплетная палата: *Крипендорфа* переплетного дѣла мастеръ, его должность не токии надъ учениками смотрѣть, но и самому работать.

Браунсъ
Пасторъ
Венкебуриъ } подмастерья, и притомъ все то дѣлають, что имъ отъ мастера дано и приказано бываетъ.

въ нынѣшномъ году переплетено:

въ французскомъ переплетѣ	»	»	1036	} книга
въ италянскомъ переплетѣ	»	»	371	
въ простомъ переплетѣ	»	»	5209	
въ золотомъ морѣ и тавтѣ	»	»	132	
въ футлярахъ	»	»	12	
круговъ изъ золотой бумаги для стрѣляяя при дворцѣ	»	»	»	97

Двѣ ландкарты большихъ положены на полотнѣ.

Фигурная палата: *Кейлеръ* — подмастерье, имѣеть смотрѣніе надъ работниками; приготовляетъ краску на портреты; когда на пресахъ печатають, то онъ при томъ бываетъ, а въ свободные часы долженъ рисоовать или грядоровать, смотри по времени, что нужное.

Петръ Герасимовъ

Иванъ Тихомовъ

Родионъ Козминъ

Карлъ Сергеевъ

Козма Семеновъ

Дорофей Петровъ

Федоръ Кириловъ

Сергій Петровъ

Федоръ Погребовъ

Алексій Васильевъ

Алексій Артемьевъ

Сава Васильевъ

Григорій Матвеевъ

Иванъ Семеновъ

Осипъ Семеновъ

Въ нынѣшнемъ году печатано при фигурной

палатѣ—портретовъ и протчаго	»	27297	} штукъ.
Доски въ разныхъ форматахъ шлифовано	»	192	

Художники и мастерские люди:

Шеслеръ — архитекторъ, отпущенъ въ нынѣшнемъ году.

Гельъ — съ женою — оба живописному мастерству искусны, мужъ рисуеть и всякія даяныя ему живописныя вещи на маслѣ и на водѣ растворенными красками пишеть и учениковъ въ гимназіи рисоовать учить.

А жены его должность въ томъ состоитъ, чтобъ всякія въ кунстъ-каморѣ обрѣтающіяся самородныя и куріозныя вещи водяными красками списывать, которую работу оба они нынѣ исправляютъ и впредь тожъ дѣлать будутъ. Гдѣль за старостію отъ гимназіи уволенъ, а тамошнюю его должность отправляютъ обрѣтающіеся при гимназіи ученики.

Унформагтъ — гравировальный мастеръ, по силѣ своего обязательства, рѣжетъ на мѣдныхъ доскахъ и инструментахъ всякія потребныя слова и письма, а особливо ландкарты, нынѣ гравировать на мѣди придворной пѣмецкой календарь, а по окончаніи оного будетъ форширфты (прописи) и ландкарты на мѣди рѣзать.

Коровакъ — слѣсарь, куётъ гравировальныя доски, дѣлаетъ литейныя формы, желѣзо на понсы и мѣдъ на матрицы, готовитъ жестыныя лншіи и всякую починку у пресовъ исправляетъ.

Вортманъ — гравировальный мастеръ, онъ по своей должности надъ протчными гравировальщиками надзираніе имѣетъ, также портреты, проспекты ландшафты и анатомическія фигуры на мѣди рѣжетъ, а необходимо заглаживаетъ и вычищаетъ; нынѣ гравировать портретъ Вл Императорскаго Величества вышиною въ 1 аршинъ, а шириною въ полъаршина.

Бруннеръ, механикъ, вымѣшляетъ и дѣлаетъ всякія модѣли, машины и инструменты, ландкарты и глобусы, рѣжетъ на камнѣ, и учениковъ тому же обучаетъ, нынѣ имѣетъ надзираніе надъ шлейфовальною мельницею въ Петербургѣ, и старается, чтобъ оную въ доброе состояніе привести.

Фричь, столяръ, дѣлаетъ въ типографіи пресы, ящики, изъ слова доски, задвижки и другія вещи, а ежели ему свободное время есть, то и въ кунстъ-каморѣ всякую нужную работу исправляетъ; нынѣ дѣлаетъ печатной пресъ и къ тремъ палатамъ кунстъ-каморѣ панель, а зимою будетъ работать достальныя въ кунстъ-каморѣ поставцы.

Гановеръ — подмастерье при ономъ столярѣ, и дѣлаетъ все то, что ему приказано будетъ.

Неэръ — часового дѣла мастеръ, работаетъ въ инструментальной палатѣ все, что до его профессіи принадлежитъ, а особливо колесы и шурупы, починиваетъ часы, квадранты и другія астрономическія инструменты; нынѣ работаетъ на обсерваторіи при астрономическихъ часахъ.

Ведэръ — циркульной мастеръ дѣлаетъ футлары съ математическими инструментами, и въ мастерскихъ палатахъ потребныя инструменты и другія вещи; нынѣ отдѣлываетъ математическій футраль по присланному изъ Англіи модѣли.

Тебинъ — часовой мастеръ, отпушенъ октября 31 числа 1737 года.

Федоръ Самойловъ } Столярные ученики помогаютъ своему мастеру
Федоръ Григорьевъ } всякую работу дѣлать.

Ученики: *Матисъ-Андрисъ* — при механикѣ шлейфуетъ стекла и почииваетъ математическіе инструменты, а нынѣ надъ сниманіемъ С.-Петербургскаго плана трудится.

Грыдоровальныя ученики: *Матерновій* — ученикъ при грыдоровальщикѣ *Вортманъ* рѣжетъ, выглаживаетъ на мѣди всякую работу, а имено, портреты, ланшавты и другія вещи, кромѣ литеръ, нынѣ отдѣлываетъ портретъ блаженной памяти Его Величества царя Іоанна Алексѣевича, ввечеру рисовываетъ древнія медали и монеты изъ кунсть-камеры и по порядку учениковъ въ гимназій обучаетъ.

Григорій Качаловъ — тоже дѣлаетъ; и нынѣ трудится надъ портретомъ блаженной памяти царя *Феодора Алексѣевича*.

Иванъ Соколовъ — тоже дѣлаетъ, а нынѣ трудится новый портретъ блаженной памяти государя царя *Алексія Михайловича*, понеже первымъ печатать уже невозможно.

Француз Беренцъ — все тоже дѣлаетъ, что и вышеписанныя только кромѣ портретовъ, вмѣсто которыхъ грыдоруетъ ландкарты, а по вечерамъ рисуетъ.

Григорей Абумовъ — дѣлаетъ ланшавты, механическія и анатомическія фигуры и трапы, рѣжетъ слова, а нынѣ трудится надъ букв. Б. центурія V.

Андрей Поляковъ — тоже дѣлаетъ.

Друкаря: *Авонасій Кошаровъ*, наборной ученикъ, набираетъ по русски, по нѣмецки, по латыни и по французски, а нынѣ трудится при наборѣ Россійской механики.

Михайла Кошаровъ — тоже умѣетъ, набираетъ нѣмецкія вѣдомости, также латинскія, русскія, нѣмецкія и французскія разговоры.

Михайла Яковлевъ — ученикъ при наборѣ книгъ на російскомъ и чужестранныхъ языкахъ, а нынѣ набираетъ ардеметяку для гимназій.

Семень Горловъ — набираетъ нѣмецкія вѣдомости и вышепомянутые разговоры.

Артемей Остафьевъ — тоже дѣлаетъ.

Тимофей Петровъ — кромѣ ординарныхъ вѣдомостей всѣ на російскомъ языкѣ одинъ набираетъ, а нынѣ помогаетъ набирать указы 1722 года.

Михайла Ананинъ, при вѣдомостной работѣ, набираетъ, указы 1714 года.

Переплетяго дѣла: *Василей Куликовъ* — отпушенъ отъ Академіи въ нынѣшнемъ году.

Паладій Ивановъ } Ученики планируютъ, то есть намочиваютъ печатные листы съ клѣвомъ вареною водою, згибаютъ по нумерамъ, уколачиваютъ, сшиваютъ, обрѣзываютъ и дѣлаютъ связки.

Егоръ Моклевъ }

Инструментальная палата: *Василей Ивановъ*, дѣлаетъ геометрическія и физикальные инструменты,—а именно: остролябія, циркули, линіалы, транспотирь, компасы, солнечныя часы, насосныя трубы, дѣлаетъ нынѣ съ другими для отправленія къ тайному совѣтнику господину Татищеву въ Катеринбургъ геометрическія и протчія инструменты.

Семенъ Суворовъ — былъ прежде сего у инструментальнаго мастера, а понеже понятія и охоты къ тому не имѣлъ, то отдалъ въ словолитню, гдѣ онъ нынѣ вылитыя слова шлейфуетъ.

Петръ Балынинъ — дѣлаетъ всякія геометрическія инструменты, а именно: квадранты, астролябія, транспотирь, пропорціоналы, циркули, притомъ знаетъ и раздѣлять.

Александръ Овслинниковъ — изъ молодыхъ, учится часы и принадлежащія къ тому колеса дѣлать, линіалы, компасы и другія вещи.

Якимъ Терентіевъ — недавно началъ учиться, дѣлаетъ циркули.

Михайла Махаевъ — рѣжетъ на мѣди и инструментахъ всякія слова, нынѣ дѣлаетъ Россійской придворной календарь, и гридоруетъ на мѣдной доскѣ къ Марсиаевой книгѣ принадлежащія слова и надписи.

Иванъ Бллевъ — стеклянныхъ дѣлъ шлейфовальщикъ, шлейфуетъ всякія оптическія и катоптрическія стекла, а именно: очки, зрительныя трубки, микроскопіи, барометры, термометры, в все, что до экспериментовъ физическаго профессора и метеорологическихъ обсервацій касается; нынѣ дѣлаетъ микроскопіи, барометры и термометры для Камчатской экспедиціи.

Андрей Бллевъ, шлейфовальный ученикъ, искія стекла какъ и прежней шлейфуетъ.

Словолитня: *Авонасіи Власовъ* ученикъ, слова льетъ, греннруетъ и шлейфуетъ.

Александръ Ивановъ — учится словолитному и кузнечному, рѣжетъ большія и начальныя слова на деревѣ.

Федоръ Поляновъ — рѣжетъ и греннруетъ.

Матвѣй Ивановъ — тому же имѣеть.

Мартинъ Купидъ — рѣжетъ слова, узлы и виньеты на деревѣ, на зеленой мѣди, дѣлаетъ поисы и контрапоисы.

Николай Купидъ — рѣжетъ слова на мѣди и на деревѣ.

При гимназіи ученики: *Пештъ*—ученикъ, учится латинскому, російскому и нѣмецкому языку, дабы могъ со временемъ въ переводѣ употребленъ быть.

Козь—отошелъ отъ Академіи въ нынѣшнемъ году.

Родионъ Борелинъ — по желанію и склонности своей отдавъ учиться переплету книгъ.

Александръ Каламаровъ — отпущенъ отъ Академіи въ нынѣшнемъ году.

Андрей Нестеровъ — нынѣ обрѣтается въ русской Типографіи.

Иванъ Барышниковъ — у рисованія, имѣеть къ сему дѣлу изрядную способность, понятіе и охоту, а нынѣ опредѣленъ къ рѣзанію на камнѣ.

Степанъ Сорокинъ — также у рисованія.

Яковъ Треусовъ — учится книжной комерціи.

Иванъ Васильевъ — въ словолитнѣ.

Алексій Грековъ — у рисованія, а нынѣ учится гравировать.

Иванъ Лебедевъ — учится книжной комерціи.

Андрей Комбаровъ — при словолитнѣ.

Яковъ Печасовъ — при живописномъ дѣлѣ.

Библіотека, канцелярія и кунстъ-камера:

Шумагеръ, библіотекаръ, имѣеть смотрѣніе надъ библіотекою и кунстъ-камерою и всему, что во оныхъ находится, содержитъ обстоятельную роспись, также и о томъ старается, чтобъ небреженіемъ какими что испорчено не было; показываетъ тѣмъ, которые хотятъ кунстъ-камеру видѣть, все, что находится въ ней примѣчанія достойнаго, изъясняетъ въкратцѣ оныя вещи; теперь готовитъ онъ къ печати особливый катологи, а кромѣ того имѣеть еще въ канцеляріи надзираніе и помогаетъ во всемъ президенту.

Медеръ, секретарь, при отправленіи своей должности имѣеть надзираніе надъ приходомъ и расходомъ денежной казны, и смотритъ, чтобъ шеты порядочно и исправно ведены были.

Гофманъ, актуаріусъ, содержитъ нѣмецкую канцелярію, протоколъ въ порядкѣ, а въ отсутствіи секретаря отправляетъ его должность.

Киснеръ, лекаръ, пользуется больныхъ академическихъ служителей, иногда самъ, а временемъ подъ дирекціею другаго доктора или лекаря, а сверхъ того при случающихся анатоміяхъ и секціяхъ присутствуетъ.

Фелтинъ — экономъ, содержитъ у себя столъ для обрѣтающихся при Академіи холостыхъ профессоровъ, Адъюнктовъ и студентовъ и сверхъ того имѣеть надзираніе надъ магазиномъ.

Соколовъ, канцеляристъ, у прихода и расхода денежной казны и у сочиненія шетовъ.

Паули — канцеляристъ у нѣмецкихъ дѣлъ, а притомъ журналъ содержитъ.

Грековъ — канцеляристъ при Россійскихъ дѣлахъ.

Михайло Лебедевъ — подканцеляристъ при русскихъ дѣлахъ.

Иванъ Сухоруковъ — копистъ у русскихъ дѣлъ.

Федоръ Лебедевъ — копистъ при Россійской экспедиціи у шетовъ.

Тимофей Федоровъ — копистъ у шетовъ и употребляется къ докупкѣ разныхъ вещей, и содержитъ журналъ.

Томсонъ — копистъ при нѣмецкой экспедиціи, пишетъ копии съ каталоговъ въ Библіотеку.

Бессоновъ — писарь у русскихъ дѣлъ при Географическомъ Департаментѣ.

Крайюжинъ — у рисованія грядоруетъ литеры и ландъкарты.

Брызгаловъ — писарь при русскихъ дѣлахъ.

Пухортъ — переводитъ въ книжной палатѣ реестры, книги и щеты на русской языкъ, и употребляется для перевода на словакъ.

Дмитрій Тимофьевъ — копистъ при русскихъ дѣлахъ.

Станевскій — списываетъ переводы и другія до наукъ касающія дѣла.

Линдорфъ — канцеляристъ при магазинѣ, содержитъ магазинныя книги, употребляется на посылку и для собираніи долговъ.

Альбомъ — копистъ, копируетъ всё входящія и исходящія писма, нѣмецкіе, указы и журналъ.

Андрей Грековъ — обрѣтается при кунсть-каморѣ и дѣлаетъ на насекомыя и другія вещи потребно спирту, а на досуги срисовываетъ анатомическія вещи.

Иванъ Федоровъ — содержитъ нижнюю и среднюю книжную палату въ чистотѣ, обметаетъ книги и притомъ на посылку и для нужныхъ дѣлъ употребляется.

Матрена Иванова придана въ помощь госпоже Гзельшѣ для содержанія въ чистотѣ насекомыхъ, а особливо папилюоновъ, бабочекъ разныхъ родовъ, къ чему особливаго искусства и великаго прилежанія потребно.

Семень Семеновъ дѣлаетъ спиртусъ, и наливаетъ въ кунсть-камерскія вещи.

Ларіонъ Глуховъ — сторожъ при канцеляріи.

6 человекъ гребцовъ — по прошествіи лѣта употребляются во всякую при Академіи потребную работу.

Сухановъ — квартирмейстеръ, кромѣ сей должности стороженъ при академической канцеляріи служить.

4 работника при кунсть-каморѣ — содержатъ кабинетъ и галерію въ чистотѣ, а особливо употребляются на посылку и для показанія привѣжающему кунсть-камеры.

Никита Афонасьевъ — работникъ при анатоміи, содержитъ покровы въ чистотѣ, грѣетъ воду для мертвыхъ тѣлъ.

Исай Зотовъ — истопникъ при обсерваторіи.

Петръ Андреевъ сынъ Душечкинъ — топить четыре печи: одну въ Географическомъ Департаментѣ, а три въ рисовальныхъ каморахъ.

Василій Родіоновъ — топить пять печей и въ инструментальныхъ палатахъ и въ токарнѣ.

Антонъ Спиридоновъ — истопникъ, топить пять печей: 1 въ книжной лавкѣ, 1 у циркульнаго кузнеца, а три въ столярныхъ палатахъ.

Токарня: *Нартовъ* — ассессоръ; ему поручено на время надзираше надъ инструментальными палатами, а нынѣ трудится въ исправленіи вѣсовъ и мѣры, иногда самъ точить, а впредь будетъ триумфальной столпъ доканчивать.

Иванъ Леонтьевъ — точить всякія вещи на и лутчихъ и простыхъ станкахъ, на деревѣ, на кости, на серебрѣ и металахъ.

Андрей Боровинъ — вертитъ колесо, содержитъ машину въ чистотѣ, а временемъ и самъ простыя вещи точить.

Петръ Дмитриевъ — слѣсарь — дѣлаетъ всякіе замки, содержитъ машины въ чистотѣ, попорченное или сломаное прибавляетъ; а нынѣ дѣлаетъ желѣзныя вещи къ мѣднымъ пресамъ.

Григорій Бондарацкій — тоже дѣлаетъ.

Никита Колпаковъ — бывший столяръ при токарныхъ станкахъ, а по смерти опредѣленъ на сіе мѣсто сынъ его, который всякую при означенныхъ станкахъ потребную работу отдѣлаетъ.

Петръ Ермолаевъ } Илѣ должность машины срисовывать и
Михайло Семеновъ } описывать, а впредь токарной работѣ учиться
 будутъ.

Петръ Бондарацкій } Замочнаго дѣла ученики дѣлаютъ и пи-
Семень Бондарацкій } лютъ замки; а нынѣ работаютъ у печат-
 ныхъ пресовъ.

Иванъ Филиповъ токарный ученикъ, точить на деревѣ, на зеленой мѣди и на кости на ординарныхъ станкахъ, а нынѣ дѣлаетъ компасъ для отправления въ Катеринбургъ.

Андрей Спиридоновъ — ученикъ, живетъ въ Петергофѣ, учится на каменъ рѣзать.

Максимъ Никитинъ }
Семень Никитинъ } точильщики на шлейфовальной мельницѣ
Сидоръ Бабаевъ } въ Петергофѣ.
Божья Плотииковъ }

ЭЛЕГИЯ ТЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА И ОТВѢТЪ НА НЕЕ
АНТЮХА КАНТЕМИРА *).

Теофанъ, архіепископъ Новгородскій.

Плачетъ пастушокъ въ долинохъ немощи.

Когда дождусь я весела ведра
И дней красныхъ?
Когда явится милость прешедра
Небесъ ясныхъ?
Ни съ какихъ сторонъ свѣта не видно,—
Все немоще;
Нѣтъ и надежды. О многобѣдно
Мое счастье!
Хотяжъ малую явить отраду
И помянуть
И будто польготить стаду,
Да обманеть.
Дрожу подъ дубомъ, и крайнимъ голодомъ
Овцы тають
И уже весьма мокротнымъ голодомъ
Исчезають.
Прошелъ день пятый, а водъ дождевыхъ
Нѣтъ отъѣны,
Нѣтъ же и конца воплей плачевныхъ
И кручины.
Потщися, Боже! насъ свободити
Отъ печали,—
Наши насъ дѣды къ Тебѣ вопити
Научали.

*) Изъ рукописи прошлаго вѣка Императорской Публичной Библиотеки, Отд.
XIV, Q, № 6.

Князь Антиохъ Каптемиръ.

*Epodos consolatoria ad oden pastoris Pimini, sortem gregis sub
tempestatem deplorantis.*

На горахъ нашихъ, Пимине славный
 Съдинами!
 Ни свръхаю тебѣ кто равный,
 Ни стадами.
 На рожку ль поешь или на софлѣ
 Хвалу Богу,
 Стихомъ ли днешь промежду дѣлы
 Радость многу:—
 Забывши травы, къ нейже излада
 Научены,
 Стоять и овцы, и козлищъ стада
 Удивлены.
 Сенька и Федька *), когда пѣснь пѣли
 Предъ тобою,
 Какъ немазанны двери скрипѣли
 Ветчиною.
 Славному млека и вслы зѣло
 Когдась бору
 Лошадей столько въ мысли не было
 И Егору,
 Сколько есть овецъ въ твоей оградѣ
 Въ лѣтнемъ зною!
 Молоко свѣжо при твоёмъ стадѣ,
 И зимою,
 Тыже былъ гораздъ и волковъ бити
 Изъ пищали;
 Бѣда не могла тебѣ вредити
 И печали,
 И еще сѣна у тебя много
 Вмѣсто травы,
 Есть и хлѣвина для дождю злаго,
 Ту исправи.—
 Сиѣ запасы—твоему стаду
 Въ зиму люту

*) Каптемиръ разумѣетъ здѣсь Сисеона Полоцкаго и Федора Поликарпова.

И въ осень мокру дадутъ отраду
     И пріюту.
 А ты самъ, въ теплой сиди хижинѣ,
     Можешь съти
 Вязать, или что плести при лучинѣ,
     Или пѣти,
 Или, милую созвавъ дружину,
     Промежь дѣлы
 Бражку и вино подносить *) по чину,
     Не улымый.
 Они ти за то будутъ при дѣлахъ
     Помогати,
 Масло и творогъ жирный въ творилахъ
     Истискати.
 Для чегожь плачешь, чрезъ нять дней было
     Что неистье?
 На дождь и стужу смотришь улымо,
     За несчастье,
 Что мокра осень слѣдуетъ лѣту,
     Той противо
 Отъемлетъ зима останокъ свѣту?
     То не диво.
 Послыша весну, ужъ ластовицы
     Появились;
 Уже журавли и ныи птицы
     Возвратились;
 Солнце съ барашка ужъ на близията
     Преступило:
 Съ матерни юны въ поляхъ игнята
     Блеваютъ мило,
 И славна въ горахъ нашихъ Діана
     Благодатна,
 Весны дарами—цвѣты вѣнчана,
     Всѣмъ пріятна,
 Оставя горы, въ лѣса приходитъ
     Съ дружиною
 И знатно красныхъ нимѣъ превосходить
     Лишь главою;
 За ней черкесскій въ тулѣ сіяетъ
     Лукъ; страшливыхъ,

*) Въ рук.: подносъ

Готова на довь, ужъ приивчаетъ
 Звѣрей дивныхъ:
 Въ конхъ вертепахъ щенковъ выводятъ
 Львы ужасны,
 Лютый бобръ и барсъ гдѣ дѣтей плодять,
 Патножь красны.
 Вскорѣ ловитвы будетъ корысти
 Раздѣляти,
 Сихъ звѣрей кожи вмѣсто монисты
 Раздавати.
 Она и тебе и твое стадо
 Охраняетъ,
 Да не вась льстивыхъ волковъ зло чадо
 Повреждаетъ.
 Ты бо ей главу шипковымъ вѣнцомъ
 Вѣнчалъ красно,
 Да, въ ликѣ богинь, Россіи концемъ
 Свѣтитъ ясно.
 Ты въ Ея праздникъ въ жертву приносишь
 Аглицевъ бѣлыхъ,
 Сыченый брати медокъ подносишь
 Съ сотовъ зрѣлыхъ
 И Ея похвалъ ты пѣвецъ славный,
 На сопѣли:
 Такъ пѣтъ Амфіонъ и Орфей дивный
 Не утѣли.
 Для чегожь плачешь, чрезъ пять дней было
 Что ненастье?
 Уже сіяетъ шестой день мило
 Въ твое счастье!
 Сияъ нынѣ ведромъ буди довольный:
 Послѣ зноя
 Седьмый наступитъ любого полный
 День покоя.
 Тогда, богатый Пиянке, сидя
 Безопасный
 Подъ дубомъ или подъ кленомъ, видя
 Стада красны,
 Висящи отъ горъ, и овецъ кущи
 Исполненны,
 Вымена млекожь тяжки имущи

И раздѣлимъ:

Не забудь и намъ, пастушкамъ нашимъ,

Помогати;

Не дай Егора другомъ на халмъ

Нападати.

У меня было много козлятокъ,—

Ты извѣстенъ,—

Сей былъ моя пастыи начатокъ

Некорыстенъ;

Но и сихъ Егоръ и его други

Отогнали,

Млеко и волну вороги туги

Всю раскрали.

Ужъ трижды солнце вокругъ обѣжало

Путь свой бѣлый,

Я не имѣю льготы ни мало

Весь унылый;

Лишенъ и стада, лишенъ хижинъ,

Лишенъ нивы

Межъ пастушками брожу единый

Несчастливый.

Ниже въ наймиты кто нанимаетъ,

Ни козлятемъ

На заводъ бѣду кто помогаетъ,

Ни ягнATEMъ.

То правдѣннше, нежели въ неастье,

Я скучаю,

Плачушь тяжкаго сего неастья

И случаю.

Никто не счастливъ, развѣ сравнится

Съ тресчастливымъ,

Или безчастнымъ, когда дивится

И плачливымъ:

Присмотрись токмо моему лиху

И неастью,

Будешь въ печали имѣть утѣху

И въ неастью.

РАСКОЛЬНИЧЬЯ САТИРА ПРОШЛАГО ВѢКА *).

Пышность нынѣшняго время
Оставляетъ при крещеніи данное человѣку бремя;
Днесь исполняется пророческое прореченіе
И философское разсужденіе:
Нынѣ мало кто тщится Богу угодить,
А болѣе любятъ въ весельѣ пожить.
А особливо на держащихся новой вѣры
Могу показать многіе примѣры:
Потому что молодой человѣкъ тщится шепетко ходить
И одежду по нѣмецки носить:
На шеѣ чтобъ были подвижны косынка или платокъ,
И на головѣ чтобъ былъ зачесанъ хохолокъ на одинъ бокъ;
Еще чтобъ были панталоны, вапоть, жилетъ и сапоги смазные,
Пуховая шляпа, фракъ, сертукъ и перчатки бѣлые.
Если же еще положить въ карманъ часы,
То какой еще лутче этой красы?
А совершеннѣйшій старается чище бороду обрить,
И еще тутъ жь многіе любятъ табакомъ носъ набить.
Да говорятъ, что табакъ употреблять грѣшно,
А у насъ давно въ моду взошло.
Если жь сбросить дѣдность, что не хочется писать,
То еще можно нѣсколько о духовномъ дѣлѣ показать:
Во первыхъ пѣвчіе имѣютъ за службою камартоу
Для того, что онъ съ него берутъ заглавительный тонъ;
Ежели жь поютъ, то руками махаютъ,
Потому что чрезъ сіе тактъ пѣнія наблюдаютъ;
И каждый изъ нихъ притопываетъ ногою,
Якоже Исаакій Даматскій предъ сатаню;

*.) Изъ раскольничьей тетрадки настоящаго столѣтія.

За обѣдней напередѣ женщины или дѣвушки стоятъ,
 На которыхъ больше иконъ люди глядятъ,
 Ибо у нихъ груди почти совсѣмъ наружъ;
 Но что сего Богу противнѣе и хуже?
 Потому что ихъ больше Бога почитаютъ
 А именно, котормо съ вождельніемъ прплежно взирають.
 Но какія жь тутъ Богу воздается честь?
 Ей ей, друзья, поистину нѣсть!
 Теперь посмотрижъ на ихъ молитву,
 Или, лучше сказать, на удобную ко грѣху ловитву:
 Ибо онѣ стоятъ, оттопыря ногу,
 И не по подобію молятся Богу:
 Крестятся—около рта мотають,
 На подобіе какъ на балалайкѣ играютъ;
 Еслижъ которая вздумаетъ пониже поклониться,
 И опять раздумаетъ, чтобы чрезъ сіе не посрамиться
 И не уподобиться бы деревенскому мужику,
 Неученому дураку.
 Случается кто кого спросить: «что-то я васъ за обѣдней не видѣлъ?»
 На что и отвѣтствуетъ: «да я и не бывалъ,
 Потому что мнѣ полнѣмахера не пришлось у себя застать,
 И такъ не кому было голову убирать.»
 Если же кто божественную книгу имѣетъ,
 Станетъ читать и въ ней мило разумѣетъ:
 Сейчасъ ее сложить
 И на свое мѣсто положить,
 Скажетъ про себя:
 «О! мнѣ не до тебя;
 Я вѣдь не монахъ,
 Живу въ мірскихъ суетахъ;
 У меня есть Альская Почта, исторіи и Арабскія Сказки,
 Которыя научатъ, какъ показать обхожденіи и ласки.»
 Словомъ сказать, что не имѣють въ домѣ ладана и каддила,
 А имѣють табашныя курла,
 И все утверждаютъ,
 Будто бы отъ ладана кинарейки умирають,
 А отъ табаку весело воспитываютъ;
 И говорятъ, что академисты все табакъ употребляютъ
 И намъ не возбраняють.
 Изъ такихъ многіе говорятъ: «какъ придутъ въ намъ послѣдніе вѣки,
 Будутъ жить въ расгнѣнномъ житіи человекъ.»

ИЗВѢСТІЕ О ПРОФЕССОРѢ МЕЛЬМАНѢ *).

(Сообщено Д. П. Пловайскимъ).

Высокоблагородный коллежскій ассессоръ.

Милостивый мой Государь!

Хотя я не имѣю чести васъ знать, однако чрезвычайно печальный для меня случай принуждаетъ меня васъ обезпечить моимъ письмомъ. Всячески стараясь я послѣ отъезда моего любезнаго зятя, профес. Мельмана изъ Москвы узнать о его пребываніи, и не могъ понять, по какой причинѣ не получилъ ни малѣйшаго извѣстія; теперь уведомляетъ меня одинъ г. Фонтъ-Дершаву, что мой несчастный родственникъ, отправленъ будучи изъ Россіи съ провожатыми, ему отданъ былъ 28 марта (н. ст.) въ польскомъ городкѣ Старополь, но въ печальнѣйшемъ состояніи, въ ужаснѣйшей меланхоліи и въ величайшей слабости. Сей благородный, почтенный человекъ, весьма сожалѣя о печальной участи моего несчастнаго любезнаго зятя, все сдѣлалъ, что только въ маломъ городкѣ возможно было, чтобъ возвратитъ ему здоровье и, думая, что онъ въ рукахъ искуснаго врача, можетъ быть, поправится, отправилъ его подъ самымъ лучшимъ присмотромъ въ Кенигсбергъ; но сожалѣнія достойный зять мой умеръ въ гор. Георгенбургъ въ 10 миляхъ отъ Кенигсберга.

Ахъ какого сожалѣнія достойны мы, лишившись сего любезнаго брата, который конечно никого не обидѣлъ, развѣ то было совершенно безъ намѣренія! Моя жена, которая любила его болѣе всѣхъ братьевъ, теперь неутѣшна. Я не знаю точныхъ причинъ сего приключенія, но Богъ да проститъ тѣмъ, которые виновны его смерти. Добродушный г. Фонтъ-Дершаву мнѣ прислалъ списокъ всѣмъ вещамъ,

---

*.) Любопытныя подробности о Мельманѣ напечаталъ С. М. Соловьевъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей. 1861, Кн. 4.

неходившимся у покойнаго. Но теперь не знаю я, какія учрежденія зять мой предъ отъѣздомъ сдѣлалъ въ разсужденіи своихъ вещей я имѣнія. Я вась, какъ друга несчастнаго моего зятя, прошу меня увѣдомить, сколько вамъ о томъ извѣстно, что я признаю съ величайшею благодарностію.

Имѣю честь быть,
Милостивый мой государь,
вашимъ покорнымъ слугою.
Грубе.

Въ Любекѣ
6 Мая
1795

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ МАРИНА *).

(Сообщены А. Н. Аванасьевымъ).

1.

На рожденіе Геракова.

Въ бѣломъ платьѣ полотняномъ,
Пукъ цвѣтовъ держа въ рукахъ,
Подъ филейнымъ покрываломъ
Вдругъ весна въ нашихъ странахъ
Показалась — и воды
Потекли опять въ рѣкахъ;
Сани бросили народы
И стучать на колесахъ:
Горы Охтенски пропали,
Коньки надо покидать;
Чистить улицы ужь стали

*) Маринъ извѣстенъ своими сатирическими произведеніями, изъ которыхъ весьма немногія попали въ печать. Краткія свѣдѣнія о немъ сообщены г. Леонтиевымъ въ «Современникѣ» 1856 г., № XI, Сизь, стр. 42—46. Гераковъ былъ учителемъ въ кадетскомъ корпусѣ и авторомъ многихъ плохихъ выносокъ: *О дугѣ россіянъ*, *Меншиковъ*, *Совѣты офицерамъ* и пр. Ода Марина на его рожденіе есть пародія извѣстнаго стихотворенія Державина:

Съ бѣлыми Борей власами.

А. А.

И Пвановъ *) не видать;
 Полицейски офицеры
 Не пускають по рѣкѣ;
 Не взявъ кто у насъ квартиры,
 Тотъ живеть какъ вдалекѣ.
 Въ сіе время солнце красно
 Стало ярче ужъ свѣтить,
 Родилось дитя прекрасно,
 Свѣтъ которо удивить.
 Не родился онъ въ рубашкѣ;
 Нѣтъ, онъ болѣе блаженъ:
 Весь обернутый въ бумажкѣ
 Въ свѣтъ онъ матерью рожденъ!
 Родился и раскричался,
 Голосъ преужасный былъ:
 Въ страну мертвыхъ онъ домчался,
 Древнихъ грековъ восторжшиаъ.
 Взбунтовалися ихъ души,
 Видѣть всѣ дитя хотять;
 Крылья подвязавъ подъ туши,
 Въ страну русскую летять.
 Всѣ къ ребенку прилетяють,
 Видъ его ихъ всѣхъ дивить!
 Колыбель всѣ окружають
 И хотять его дарить.
 Долго, долго говорили:
 Чтѣ-бъ ему въ подарокъ дать?
 Напоследокъ положили
 Одному за всѣхъ вѣщать.
 Жребій Біасу достался,
 И совѣтъ то подтвердилъ;
 Старецъ кашляя, оправляясь,
 Такъ ребенку говориаъ:
 «Будешь, будешь сочинитель
 И читателей тиранъ;
 Будешь въ корпусѣ учитель,
 Будешь вѣчно капитанъ.
 Будешь — и судьбы гласили —
 Ростома двухъ аршинъ съ вершкомъ.»

*) т. е. Ванекъ — зинникъ извожиковъ.

И всѣ старцы подтвердили:
 «Будешь вѣкъ ходить пѣшкомъ!»
 Совершилось предсказанье,
 Свѣтъ въ тебѣ поэта зрять.
 О ушей нашихъ терзанье!
 Долголь будешь насъ морить?
 Ты престань марать бумагу,
 Голову престань ломить;
 Нѣтъ тебѣ къ Парнасу шагу!
 Когда-жъ будешь продолжать,
 То напрасно ты порыщешь,
 Съ рукъ товаръ твой не сойдесть;
 Добрыхъ ¹⁾ больше ты не сыщешь,
 А весь трудъ твой пропадетъ ²⁾.

2.

Посланіе къ другу.

Служи отечеству, твердятъ намъ съ юныхъ лѣтъ;
Люби отечество, твердитъ весь бѣлой свѣтъ.
 Да только на словахъ твѣ рѣчи исполняютъ
 И со вредомъ его счастливо поживаютъ;
 А службой вѣрною, любовью къ нему
 Что можемъ мы найдтить? Найдемъ костыль, суму,
 Съ которыми пойдемъ по улицѣ шататься,
 И, именежъ Христа прося свой хлѣбъ, питаться.

¹⁾ Намекъ на изданную Гераковичъ книгу «Для добрыхъ».

²⁾ Пародія Марина вызвала подражателей; никто Пилговъ надумалъ ту же сиюю оду Державина передѣлать на свой ладъ, воспѣвая рожденіе Геракова, но его передѣлка болѣе длинна, нежели остроумна. Она начинается стили стихами:

Съ рыжины Чухня власами
 И съ небритой бородой,
 Устрашенный небесами
 Скачетъ безъ ума домой.

У комбелли будущаго писателя собираются черные думы и надѣляютъ его всѣми возможными несовершенствами;

Но послѣдній, зла реннителъ,
 Ежъ окончаніи нарекъъ:
 «Будь ты въ корпусѣ учитель,
 Будь пѣшивой человекъ!»

«Какъ можетъ это быть?» — Что жъ дѣлать? Свѣтъ таковъ:
 Онъ бѣдныхъ почитать привыкъ за дураковъ.
 Будь честенъ, будь уменъ, да денегъ нѣтъ въ карманѣ
 И ходишь ты всегда въ заношенномъ кафтанѣ —
 Не можешь никогда ты царству нужнымъ быть!
 Ну можно ли тебя куда опредѣлить?
 Въ Сенатъ бы напримѣръ: тамъ люди для наряда,
 Расшить чтобъ былъ кафтанъ, а голова не нада,
 И безъ нее дѣла донныя тамъ рѣшать;
 На чтобъ секретарей туда опредѣлять?
 Они бы вовсе тамъ безъ дѣла оставались,
 Когдабы сенаторы дѣлами занимались.
 А если плутни всё и взятки истребить,
 То родъ подъяческой лъзя-лъ въ бѣдность погрузить?
 Такъ честность тутъ твои, мой другъ, и не годится!
 Куда же бы теперь хотѣлъ опредѣлиться,
 Отечеству чтобъ быть полезну своему?
 Въ совѣтъ заседать ты могъ бы по уму,
 Да умъ не надобенъ въ верховномъ семъ совѣтѣ,
 А надо прѣзжать въ двухтысячной каретѣ
 И цугомъ правилъ чтобъ съ уснщами нѣмчинь,
 Лакей въ баснахъ весь чтобъ означалъ твой чинъ,
 Чтобъ были у тебя гайдуки, скороходы
 И разные къ тому подобныя народы;
 А еслибы ты нѣшкомъ въ собраніе пришелъ,
 Тебѣ умный твой совѣтъ въ немъ мѣста не нашель.
 Двѣ службы не по насъ. — Ты мѣтнись въ прокуроры,
 Такъ будутъ у тебя въ командѣ сенаторы;
 По дудочкѣ своей заставишь ихъ плясать
 И станутъ всякой день въ Сенатѣ работать,
 Не станутъ взятокъ брать, дѣла пойдутъ въ порядкѣ —
 Да мигомъ голову свернуть такому дядкѣ!
 А если хочешь ты на мѣстѣ этомъ быть,
 То долженъ всѣхъ своихъ пріятелей забыть,
 Поклонами никакъ не долженъ унижаться,
 Считать грѣхомъ большимъ дѣлами заниматься;
 Къ тебѣ кто съ просьбою, того не принимай,
 Слова ты всё забудь, лишь *завтра* повтори;
 Такъ тотчасъ награждать казною, деревнями,
 Обвѣщаютъ тебя портретами, крестами.
 А если иначе ты станешь поступать,

Въ отставку выгонять и вѣкъ велеть молчать.
Такъ видишь ли, мой другъ, чтобъ обществу годиться,
Богатымъ дуракомъ въ свѣтъ надобно родиться,
Или къ отечеству любовь всю истреби
И только лишь себя единого любя,
На счетъ жить ближняго, и честность презирая,
На счетъ его же жить, народъ весь разоряя.
Т... чтобъ служить, карманъ свой набивай
И подати ему и для себя собирай;
Бывъ страшенъ ты для всѣхъ, окончивъ дни спокойно,
И скажутъ «награжденъ за службу ты достойно!»
А съ честностью своею ты бѣдно кончишь вѣкъ,
И скажутъ о тебѣ: «онъ глупый человекъ!»
Имѣлъ случивъ тѣму, гдѣ могъ бы понажитья,
Да не имѣлъ ума отъ ближняго живитья!»
Вотъ что наградою получишь ты себя.
Послушай же совѣтъ мой искренній тебѣ:
Покойную ты жизнь всему предпочитаю,
Живи для дружества. Обязанность свята!
Почтеніе ты мнѣ и лентъ всѣхъ, и крестовъ.
Вѣрь, счастье не живетъ возлѣ большихъ чиновъ:
Съ чинами искренность изъ сердца исчезаетъ
И честолюбіе всю душу занимаетъ.
Ты въ бѣдности своей будь добрый гражданинъ,
Будь вѣрный своего отечества ты сынъ:
Оплакивай его, не говоря ни слова!
Коль слово скажешь ты, награда въ мигъ готова:
За честность за твою, за вздохъ объ ономъ твой,
Квартира въ крѣпости и черный хлѣбъ съ водой.

ОПИСЬ БИБЛИОТЕКИ ІЕРОМОНАХА ЕВѢМІЯ.*)

Сообщена А. Е. Викторовымъ.

1705 г. іунія въ 8 день по указу Великаго Государя и по приказу боярина Іоанна Алексіевича Мусина—Пушкина, Дьякъ Іванъ Вишняковъ въ Патріаршей Ризницѣ, принесенные изъ Чюдова монастыря изъ кельи монаха Евѡмія послѣ смерти ево въ трехъ сундукахъ да въ коробкѣ книги печатныя и письменныя Греческія и Греколатинскія и Польскія и Русскія и тетради письменныя переписалъ, Патріарша Дому при Ризничемъ Філаретѣ, да Чюдова монастыря при діаконѣ Димскѣ, да печатнаго двора при чтецѣ монахѣ Германѣ. А что тѣхъ книгъ по разбору ихъ и по перепискѣ явилось, и то писано ниже сего:

Греческихъ въ десть печатныя въ переплетѣ.

Книга Библія въ бумажныхъ доскахъ, переплету Греческаго, безъ застежекъ.

К. Симеона Тессалонитскаго на ереси и о православной вѣрѣ, и о церковныхъ таинствахъ, въ доскахъ бумажныхъ, обложена кожею, по обрѣзу золоту, застежки мѣдныя, а на верхней доскѣ наклеено и подписано: «книга сія блаженнаго Симеона Тессалоникійскаго, дана изъ кельи Святѣйшаго Іоакима Патріарха Чюдова монастыря монаху Евѡмію ради преведенія на Славенскій діалектъ, яже Божіею помощію и преведеса, и молит-

вами Пресвятыя Богородицы, и положися — въ книгохранильницѣ Святѣйшія Патріархіи Всероссійскія».

К. Каталагіи противу Латинъ, въ доскахъ бумажныхъ ветхихъ безъ обложки.

К. Нектарія Патріарха Іерусалимскаго противу Латинъ, въ доскахъ бумажныхъ, держаная, по обрѣзу краснымъ напыскана.

К. Мелетія Сирига и Досіея Патріарха Іерусалимскаго изъ Кальвины и Лютеры.

Греческихъ въ поддестъ.

Псалтирь, въ переплетѣ въ доскахъ, по обрѣзу красной сурикъ, застежки мѣдныя; держаная.

*) Изъ описи Патр. Ризницы 1722 г., хранящейся въ Архивѣ Моск. Оружейной Палаты подъ № 123.

К. Исторія церковная и гражданскія въ паргаментѣ, держаная.

К. Егхиридіонъ сирѣчь съчиво противу Латинъ, въ доскахъ бумажныхъ.

К. Григорія Архіепископа Солунскаго, въ паргаментѣ, ветхая.

Евхологіонъ, въ доскахъ и въ коже красной, по обрѣзу золото, застежки мѣдныя, въ малую дестъ.

Евангеліе харатейное въ малую дестъ.

Греческія же въ четверть.

К. Псалтырь толковая, въ доскахъ бумажныхъ, прикрыта черною кожею, по обрѣзу киноварь.

К. Грамматика, въ доскахъ паргаментныхъ, безъ застежекъ.

К. Октоихъ, сирѣчь осмогласникъ въ доскахъ Русскаго переплету, по обрѣзу золото, безъ застежекъ.

Греческія жъ въ малую четверть.

2 книги орологіи, сирѣчь часословы, въ доскахъ, Русскаго переплету, по обрѣзу позолочены, держаные.

Книгъ греколатинскихъ въ дестъ.

К. Томъ Златоустаго въ доскахъ бумажныхъ, облоченъ кожею, по обрѣзу золоченъ.

К. Святаго Діонисія Ареопагита, дѣлъ его всѣхъ, переплетъ паргаментной.

Книга Теофилактово толкованіе на Евангелія, въ доскахъ, облоченъ

ихъ кожею, по верхъ паргаментъ, по обрѣзу было прикрыто киноварь, безъ застежекъ, держаная.

Греколатинскихъ же въ четверть.

К. Латинская Хронологія, сирѣчь лѣтописецъ, въ доскахъ бумажныхъ прикрыта кожею, по обрѣзу зелень.

К. Латинская въ паргаментѣ, по обрѣзу зелень.

Польскихъ книгъ въ дестъ печатныхъ.

К. Библия переводу Іеронимова, въ доскахъ Русскаго переплету облочена черною кожею, по обрѣзу киноварь, безъ застежекъ.

К. Библия Іакова Вуйки, въ доскахъ ветхихъ, прикрыта кожей, по обрѣзу зелень.

К. Лѣтописецъ Бароніевъ на 1200 лѣтъ, въ доскахъ, прикрытъ бѣлою кожею, по обрѣзу киноварь, ветхъ.

К. Житія Святыхъ различныхъ, въ доскахъ, облочена бѣлою кожей, одна застежка мѣдная.

К. Зерцало великое, въ доскахъ, прикрыта бѣлою кожей, застежки мѣдныя, по обрѣзу киноварь.

К. Разглагольство Любелское о согласіи и несогласіи народа Русскаго, переплетъ бумажный, доски красныя, безъ застежекъ.

Библия Немѣцкая въ доскахъ, кожа спрыскъ, обрѣзъ киноварь спрыскомъ же, застежки мѣдныя.

Польскія же полудестовыя.

К. Новый завѣтъ, въ доскахъ, покрыта кожей черною, застежки мѣдныя, по обрѣзу зелень.

К. Лѣвось, сирѣчь камень, доски бумажныя, покрыта кожей, завязки ремешные.

К. Рыцарь Православнокаѳолицкой, переплетъ бумажный черный, ветха.

К. Алкоранъ МахOMETовъ, доски облочены хоземъ зеленымъ, по обрѣзу золото.

Польскія жъ въ четверть.

К. Молитвенникъ въ доскахъ черныхъ, ветхъ.

К. Зодіакъ, и Путь къ вѣчности въ доскахъ черныхъ по обрѣзу киноварь, ветха, застежки мѣдныя, изъ переплету вышла.

К. О отступленіи Грековъ отъ церкви божія, въ доскахъ бумажныхъ, по обрѣзу зелень.

К. Собраніе краткое ученія о членахъ вѣры, облочена бумагою, ветха.

Книжка Сумаріумъ, сирѣчь ученіе науки христіанскія, въ черной кожѣ.

К. Польскія съ Лат., въ бумажныхъ доскахъ, кожа красная, безъ застежекъ, по обрѣзу киноварь спрыскомъ.

Книги Лексиконы въ дестъ.

К. Печатная, Лексиконъ Польско - Латино - Грецкой Григорія Кнапіа томъ 1-й, въ доскахъ, облоченъ кожей, одна застежка мѣдная, по обрѣзу зелень.

Того жъ Григорія Кнапіа томъ 2-й въ поддестъ Латинopolскій Лексиконъ, въ доскахъ, облоченъ кожей, по обрѣзу киноварь, держанъ, ветхъ, корень оклещъ ірхою бѣлою.

К. Лексиконъ Грекославенской списанъ съ Епифаніева Лексикона жъ, въ доскахъ, прикрыты кожей, по обрѣзу киноварь, держанъ, корень ветхъ, безъ застежекъ.

Книги рукописныя въ дестъ.

К. Григорія Богослова, писана полууставомъ, приираливана и приписывана межъ строкъ, и по полямъ рукою монаха Евѳимія правлена съ Грецескихъ, а та де книга была Чудовская, въ доскахъ, старого перешета, ветха, застежки и жучки мѣдныя.

К. Григорія Богослова съ той же вышешанной книги списанная, въ перешетъ, доски бумажныя, въ ней же въ концѣ писаны и ныне повѣсти.

К. Діонисія Ареопагита чернена и по полямъ приписывана *ево жъ Евѳиміевою рукою*, въ доскахъ облочены бѣлою кожей, по обрѣзу спрыскъ, застежки мѣдныя.

К. Симеона Ѳессалонитскаго писана уставомъ, по полямъ приписана *ево жъ Евѳиміевою рукою*, была переплетена, а нынѣ расплетена, въ черной кожѣ.

К. Зачиненіе Святыхъ Апостолъ, списана Климентомъ Епископомъ Римскимъ, въ доскахъ, облочены черною кожей, по

обръзу спрыскъ красной, застежки мѣдныя.

К. А въ ней сначала написано: Святое Евангеліе и Дѣяніе святыхъ апостолъ, переведена съ Греческихъ книгъ Космою Іеродіакономъ Грекомъ, по полямъ приписывано *Евѣмиевою же рукою*, переплетена въ доскахъ бумажныхъ.

К. *Ніла Кавасіла архіепископа* Селунскаго о Святѣмъ Дусѣ, 36 тетрадей безъ переплета.

К. На ней на верхней доскѣ бумажной написано: *Кирилла Іерусалимскаго* 18 оглашеній и 5 словесъ тайновожественныхъ, въ переплетѣ въ бумажныхъ доскахъ.

К. Въ ней написано сначала катихисисъ іера, въ доскахъ бумажныхъ.

К. Мелетія Сиріа и Досіея Патріарха Іерусалимскаго на Лютери и Кальвини, черная и приписываная, въ доскахъ бумажныхъ.

К. А въ ней написано Нікона Черногорскаго, правлена межъ строкъ и по полямъ кінваремъ, въ доскахъ бумажныхъ.

К. Преподобнаго Нікона нареченнаго тактіконъ, сирѣчь чиновная, писана на паргамиинѣ на два параграфя, въ доскахъ, обложена кожею, застежки мѣдныя, по обрѣзу краскою желтою.

К. Ісаака Сиріна, въ доскахъ, облочены была черною кожею, ветха, писана полууставомъ, застежка мѣдная одна.

К. Въ переплетѣ безъ досокъ, а въ ней сначала написано 30-

лжомъ Андріантісъ Іоанна Златоустаго: черная и приписывана рукою монаха Евѣміа.

К. Каталагъ Досіея Патріарха Іерусалимскаго, писана метнымъ писмомъ, безъ досокъ и безъ обложки.

К. Пинакъ сирѣчь оглавленіе на три части исповѣданія православныя вѣры, въ доскахъ бумажныхъ.

Да славенскихъ же писменныхъ полудестовыхъ:

К. А въ ней сначала написано сказаніе о священныхъ и божественныхъ канонѣхъ святыхъ Апостолъ и вселенскихъ помѣстныхъ синодовъ, въ доскахъ бумажныхъ, корень заклеенъ, а ничемъ доски и корень не облочены, яже называется кормчая.

К. А на ней подписано на верхней доскѣ, лѣтописецъ, переведенный изъ иныхъ лѣтописцевъ многихъ выписки, а въ книгѣ сначала написано лѣтописаніе православныхъ митрополитовъ Россійскихъ, въ доскахъ бумажныхъ, корень заклеенъ, доски и корень не облочены, писана метнымъ писмомъ.

К. А на ней на верхней доскѣ написано: Симеона Фессалонікскаго самосушая, преводная съ греческаго діалекта, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, доски и корень не облочены, писана метнымъ писмомъ. Межъ строкъ и по полямъ справа Евѣміяна.

К. На ней на верхней доскѣ

подписано: Зонара четвертая часть правильныхъ книгъ, вся писана Евѳиміевы руки, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, доски и корень не облоченъ.

К. А на ней на верхней доскѣ подписано: Властара пятая часть правильныхъ книгъ; писана рукою Евѳиміевою, въ доскахъ бумажныхъ, корень зиклсенъ, доски и корень не облоченъ.

К. А на ней на верхней доскѣ написано: 1-я часть правильныхъ книгъ, а въ книгѣ написано: завѣщаніе святыхъ Апостолъ чрезъ Климента Римскаго Епископа, чернение и приписка монаха Евѳиміа, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, доски и корень не облоченъ.

Второй части правильныхъ книгъ въ тетрадахъ.

К. А въ ней рукою монаха Евѳиміа написано: книга сія православное исповѣданіе канолическія и Апостольскія церкви и издадена типографскимъ тисненіемъ лѣта 7202-го, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, доски и корень не облоченъ.

Другая книжица ево же Евѳиміевы руки письмо, — черная.

К. А въ ней сначала написано: діалоги или мечаць духовный іеромонаховъ учителей Іоаннікія и Софроніа Лихудіевыхъ къ защищенію восточныя церкви; писано 1610-го году, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклсенъ, доски и корень не облоченъ.

Другая черная, а въ ней под-

писано: діалоги, сирѣчь разглагоство, безъ досокъ, корень оклеенъ.

К. А въ ней написано: Акость, или врачеванія, протпвополагаема ядовитымъ узрызеніемъ змиевымъ, сочиненіе пжже учителей Іоаннікія и Софроніа іеромонаховъ Лихудовъ, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, не облоченъ.

К. Другая и. такая жъ, скорописью черненная, въ такихъ же доскахъ.

К. Въ ней написано: книжица глаголемая съчивцо, сложенная отъ іеромонаха Максима Пелопонискаго, ученика Папы Алексиндрійскаго Мелетія, чернена и приписывана, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, не облочена.

К. Остевъ, состроенный изъ духовъщанія святыхъ отцевъ, низвергающій, отрѣяющій и прободающій напирющіася къ нему, въ доскахъ бумажныхъ, не облочена.

К. Литургія святаго Апостола Іакова брата Божія, писана уставомъ, а при ней о отрастехъ Господнихъ, писано скорописью, въ доскахъ, облочена зеленою кожею, по обрѣзу спрыскъ, застежки мѣдныя.

К. Преподобнаго Θεодора Студита оглашеніе о еже въ подвижѣ совершити наше житіе, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклсенъ, не облочена.

К. писана уставомъ, а въ ней сначала слово на бывшее чудо въ Хонѣхъ отъ Архістратіга Михаила, и слово о житіи Алексія Митро-

полѣта, и нѣмѣ слова написаны, перевязана, в корень не заклеенъ.

К. на оглаголющая священную біблію, писана полууставомъ, въ доскахъ бумажныхъ, корень заклеенъ, не обложена.

К. А на верхней доскѣ написано: Нила Сорскаго, писано метнымъ писмомъ, а въ ней 125 листовъ, въ бумажныхъ доскахъ, корень заклеенъ, нѣмѣ не обложенъ.

К. во умиленіе и изъясненіе хиротонисуемаго, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, не обложенъ.

К. Радивилово странство, а въ книгѣ сначала написано: путешествіе, или нахожденіе въ землю святую Николая Радивила; писана метнымъ писмомъ; при немъ же изъятіе изъ просклинитаріевъ монаха Арсенія Суханова, ходившаго въ Палестину; писано метью, и собранное описаніе о градѣ Іерусалимѣ; доски бумажные, корень, ирхою бѣлою обложенъ, завязки шелковые.

Въ тетратехъ 147 листовъ, вынато изъ переплету, Василія Великаго 11 бесѣдъ на шестодневъ, по обрѣзу было книоваремъ.

К. Лавсаикъ превожена съ греческихъ, черная, въ переплетъ корень заклеенъ, безъ досокъ.

Тетради переплетены въ синей бумагѣ, черная, *Евѣмиевы* руки писмо; на ней подписано: краткое собраніе святѣйшаго Адриана Патриарха о пресуществленіи святыхъ тайнъ Евхаристіи.

Тетради переплетены въ синей бумагѣ, не заклеены, житіа Ерема Сиріина, слово Григорія Нисскаго, завітѣ умиряющаго Ерема.

Тетрадки въ сѣрой бумагѣ 33 страницы изъ діалоговъ Грека учителя со Ісуситами о первородномъ грѣхѣ.

К. въ доскахъ бумажныхъ красныхъ, сначала писано житіе милостиваго мужа Θεодора, званіемъ Ртищева, и о милостивии и о иныхъ.

О діаконѣ Петрѣ, что служилъ у Адриана и Натазіи въ мшанской, отступившемъ отъ благочестія, въ трехъ книжицахъ, одна въ синей бумагѣ, другая писана уставомъ, третья обличеніе на него Петра, письма руки Николая Сумеонова.

Тетради переплетены, корень клеенъ заклеенъ, безъ досокъ и обложки, сначала символъ православныхъ вѣри, преведенный іеромонахомъ Еписаніемъ съ греческаго, и нѣмѣ разные символы и многіе вещи писаны.

Тетради блаженнѣйшаго и мудрѣйшаго Нектарія патриарха Іерусалимскаго о началствѣ Папы, безъ досокъ.

К. Во святыхъ отца нашего а исповѣдника Германа Патриарха Константинопольскаго толкованіе на священную литургію и житіе его вкратцѣ собранное.

Книжица о зачатіи Пресвятыи Богородицы грека учителя съ Ісупитомъ писана бѣлоруски, переплетена въ бумажныхъ ветхихъ доскахъ.

К. Писана уставомъ, по ключевымъ и врудѣлѣтнимъ словамъ, ведѣли, гласы евангельскіе, стихиры утреннія, Апостолы и Евангелія на указъ, въ бумажныхъ доскахъ, кожа оболочена.

Тетради не оболочены на чинъ Божественныя литургія, Іоанна Златоустаго наблюденіе.

Тетради о святѣмъ градѣ Іерусалимѣ, ничѣмъ не оболочены.

Тетради о семи тайнахъ церковныхъ полууставомъ писаны.

Тетради о семи вселенскихъ соборахъ метное писмо; въ концы гречески, римски и славенски приписано.

Тетради соборъ Никейскій 1, писмо полууставъ, въ концѣ приписано Гречески и Римски.

Тетради Блаженнаго Іоанна Дамаскина изданіе опасное православныя вѣры, яко непостижно Божество, писмо метное.

Тетради Аванасія, архіепископа Александрійскаго, посланія окружная на Аріаны, писмо метное.

Тетради связны, слова на праздники разные.

Тетради житіе Епифанія, епископа Кипрскаго, писмо метное.

А досталныя тетради и всякіе писма, которые переиѣтшаны, собраныи положены съ теми жъ книгами, въ бѣлой поставѣ.

Книги славенскіе въ десть.

К. Уставъ харатейной, безъ начала въ доскахъ, переплетъ ветхъ въ красной коже сысподи 2 жучка, объ одной застежкѣ.

Въ полдесть.

К. Требникъ печатный, изъ переплету вывалился, кожа желтая, въ доскахъ объ одной застежкѣ.

Чиновникъ о благовѣствѣ и звонѣ, въ кожѣ, безъ досокъ.

Служебникъ писанъ на бумагѣ безъ начала, ветхъ велми, верхней полудоски нѣтъ, въ красной ветхой кожѣ.

К. Писменная полууставомъ, за рукою святѣйшаго Никона Патриарха подписана, Воскресенскаго монастыря, въ доскахъ, въ коже красной, безъ застежекъ.

Служебникъ харатейной безъ начала и конца, въ доскахъ, кожа красная, корень ветхъ, по обрѣзу зелье.

К. Симеона Новаго Богослова, писана метью, въ доскахъ, кожа черная съ застежки мѣдными.

Катихисисъ, спрѣчь православное исповѣданіе святыхъ вѣры, Киевской печати, въ доскахъ въ коже красной, по обрѣзу спрыскъ, застежки мѣдные.

К. Писана полууставомъ, служба пятидесятницы, въ доскахъ, въ коже красной, застежка одна мѣдная.

К. Требникъ Молдовлахійской въ бумажныхъ слнихъ доскахъ, корень не оклесьнъ.

Чиновникъ писменной, въ коже красной.

К. Отъ лѣтописца собраніе, скоропись, въ доскахъ харатейныхъ.

Въ четверть.

Книжица скорописная, ветха, въ ней писано пути на Флоренской соборъ.

ОПИСЬ БИБЛИОТЕКИ ГР. АНДРЕЯ АРТАМОНОВИЧА МАТВЪЕВА И ГРАФИНИ МАТВЪЕВОЙ.

Книги, принятыя отъ графа Андрея Артемонавича Матвѣва.

Латинскихъ въ листъ:

№№ книгъ.

1. Святаго Аеоносія, архиепископа Александринаго, твореніе въ дву книгахъ.
2. Такая жъ книга другаго изда- ния, въ дву книгахъ.
3. Библия з греческимъ языкомъ две книги.
4. Сократа схоластика и Гермиа Созомена история церковная.
5. Иоанна Златауста твореніе и беседы, въ шести книгахъ.
6. Новы заветъ на двенатцати языкахъ, вторая книга, первой нетъ.
7. Епифаніево твореніе з греческимъ языкомъ, въ дву книгахъ.
8. Библия з греческимъ языкомъ книга третья, двухъ нетъ.
9. Деонисія Арсеплагита твореніе книга вторая, первой нетъ.
10. Климентя Александрискаго твореніе з греческимъ языкомъ.
11. Филипа Лимбурха история инквизиціи Толосанскихъ.
12. Самуила Беснагна, погодное описаніе палитико-церковное, 3 книги.
13. Юнна святая Библия съ толкованіемъ.
14. Святаго Иустина твореніе з греческимъ языкомъ.
15. Тестаментъ по седиидесятному толкованію з греческимъ.
16. Флывія Иосифа о древностяхъ Иудейскихъ.
17. Цесаря Боронія погодное описаніе церковное, книга шестая.
18. Фр. Рибера толкованіе на книгу дванадесять пророковъ.
19. Служебникъ римской.
20. Шерлоговы расмышленія на песни песней, одна книга.
21. Библия на аглинскомъ языке въ лицахъ.
22. Калидра книга благословеніи.
23. Марпана о делахъ Гишпанскихъ.
24. Тита Лувія Грютера история римская.
25. Демостена о литарахъ греческихъ з греческимъ языкомъ.
26. Гогоня Гроцція Епистоліи.
27. Гастеліи триктатъ публичной Европы.
28. Кромера о делахъ полскихъ.
29. Плютарха Херонескаго твореніе з греческимъ, въ дву книгахъ.
30. Устиніина история о делахъ венецкихъ.

31. Мавриция история Бразильская. 51. Гоэмана лексиконъ, всехъ
 32. Гагенна погодное описаніе о словахъ, надлежащихъ до исторіи
 делахъ Французскихъ. священной и сведкой, въ четы-
 33. Скотовъ курсъ оплозовской. рехъ книгахъ.
 34. Плиния исторя натуральная 52. Театръ человеческой жизни,
 всего света. въ 6 книгахъ, протчихъ нетъ.
 35. Туана исторя своихъ вре- 53. Франциски Камарелать о по-
 мянъ, въ четырехъ книгахъ. слахъ и протчихъ делахъ.
 36. Регламенты королей Францу- 54. Венценция Короция юрис-
 скихъ, две книги. кая о награжденияхъ, платахъ
 37. Писатели о делахъ Брюнсвиц- и протчаго.
 кихъ. 55. Корпусъ правъ гражданскихъ
 38. Гроция погодное описаніе о Иустиниановыхъ, две книги.
 делахъ Галанскихъ. 56. Иосепа Маскарда, права ду-
 39. Старья писатели о исторіи ховная и гражданская сараза-
 Аглинской въ дву книгахъ. нетская, две книги, вторая и
 40. Анне Сенекитворенисоть Юста третья, первой нетъ.
 Липсия. 57. Зегея правы церковныя общия.
 41. Аристотелевы творения з гре- 58. Бегера сокровище Брандебур-
 ческимъ, книга вторая, первой ское о медаляхъ съ энгурами.
 нетъ. 59. Кодексъ правъ народныхъ.
 42. Коховского погодное описа- 60. Гандреха Пандекты Брандебур-
 ние о Полше, две книги. ския.
 43. Албърта Кранца о делахъ не- 61. Брокели шестая книга сокро-
 мецкой земли. вища правъ.
 44. Дидация Коваррувиасъ творе- 62. Устинианова кодекса 12 книгъ
 ния. въ одной книгѣ.
 45. Локция исторя отъ начала 63. Кирхерова великое художе-
 света. ство света и тьмы.
 46. Нонтопия о дѣлахъ Британ- 64. Шкотовъ курсъ математиче-
 скихъ. ской.
 47. Самула Пуендорѣа о делахъ, 65. Якова Грановия сокровище
 чинившихся отъ Карлуса Гу- древностей греческихъ 13
 става. книгъ.
 48. Того же толкованіе о делахъ 66. Иованна Вальнта о греческихъ
 швецкихъ. медаляхъ.
 49. Того же о делахъ чинившихся 67. Буцелина о наследствахъ дому
 Эрндерика Вилгелма, въ дву Лустринского.
 книгахъ. 68. Виллягбѣи исторя о рыбахъ
 50. Векна мѣясненіе о школахъ, съ энгурами.
 две книги. 69. Спиглизева анатомія.

70. Археология о законниках Оенискихъ.
71. Представление Императорское о правахъ и дѣйствахъ публичныхъ о войне и прочаго.
72. Бегера сокровище Бранденбургское о медаляхъ греческихъ.
73. Моверста театръ о несекомыхъ въ лицахъ.
74. Виллонта история о Птоломѣяхъ.
75. Иоанна Блива театръ всего света съ картами, 6-ть книгъ.
76. Англинской домъ Оксония енгурга означенная.
77. Сарниция погодное списание о дѣлахъ Полскихъ.
78. Лебеница театръ о кометахъ съ енгургами.
79. Изобрание святыхъ греческихъ і московскихъ.
80. Буцелина топографическая Германни въ четырехъ книгахъ.
81. Виргилия Марона творение.
82. Гроцкуюсъ о войне и мире, третия книга, прочихъ нетъ.
83. Гелмонда хроника погодная словенская.
84. История о помоществихъ божественной благодати.
85. Плютина о жизни и дѣйствахъ папезскихъ.
86. Гретана хронология.
87. Книга математическая старая безъ автора.
88. Хроникъ Полской.
89. Ариана история индская из греческимъ.
90. Невговия посольство Батовинское съ енгургами.
91. Спенера история о санахъ славныхъ людей
92. Орнольда таблицы географическая.
93. Похвала надгробная Вилгельма третяго і Марні второи.
94. Кромера о дѣлахъ Полскихъ.
95. Хроника Полская.
96. Якова Тригланда собрание о Додоне.
97. Каземира Демоневистъ артилерия.
98. Гелвеция театръ исторической и хронологической.
99. История о делахъ и городе Амстердаме.
100. Мозолей о короляхъ и князьяхъ венгерскихъ.
101. Гвангина описание о сармацкой земли.
102. Претории о земле готтичской.
103. Гамана отласъ Каршиберской.
104. Гревия слово надгробное Вилгельма третяго Короля Британскаго.
105. Книга уставъ кодекса Юстинианава.

въ четверть.

106. Туллия Цицерона творение.
107. Германа Витсия собрание расная из священного писания.
108. Иякова Девиць о древнихъ медаляхъ.
109. История о законехъ древнихъ персиянъ и ихъ волхвахъ.
110. Петра Полина история о тридетинскомъ соборе.
111. Петра Пуерета о научении воспитания закона христинского.

- авского и таняъ богословскихъ.
112. Иоанна Генденггера Тумулба о тридентинскомъ соборе две книги.
113. Давида Деродона творения епизодическая.
114. Новый заветъ з греческимъ.
115. Рениъ Геднлъ зеркало веры политической.
116. Урлика Губора (или Губера) Уставленне исторіи гражданской.
117. Филиппа Лимбурха о истиннѣ Христианского закона.
118. Система о верахъ еврейскихъ две книги.
119. Другая такая жъ въ дву книгахъ.
120. Бекню хрониковъ съ переводомъ халдейскимъ две книги.
121. Витриариа Уложенье правъ народныхъ, римскихъ і немецкихъ, книга первая.
122. Августа Оеивера метафизическая, книга первая.
123. Герарда Деоклитианъ і Максимианъ.
124. Мозиса Монимонда предложение о началехъ божественного устава.
125. Облеженне честной горы Ченстоховской.
126. Иоанна Гордвинъ о высочайшей Пасхѣ.
127. О согласіи мѣстъ священного писания.
128. Спангемиль о земли Римской.
129. Устиниана всенородныи правы гражданскии.
130. Гугена Диоптрика съ енгурями.
131. Иоанна Бѣклера толкования академическая.
132. Липтя, права всенородная римская і немецкая, 5 книгъ.
133. Лебница разныи писатели о делахъ немецкихъ, въ дву книгахъ.
134. Дополнения къ таблицамъ Ривсвицкого миру.
135. Камерарія Эмблемы.
136. Леона императора о делахъ воинскихъ з греческимъ.
137. Кандида Курцъ Олюша казанне академическая.
138. Евожъ история политическая.
139. Оиль Клювера Геогравиа.
140. Иоанна Люнигия о публичныхъ негоцѣицѣяхъ всей Европы отъ 1674 по 1702 годъ.
141. Регенвоица система история хронологическая церкви славенской.
142. Шкота маханическая книга съ енгурями.
143. Метафизика рукописная.
144. Скендорѣа толковании о люгътранстве.
145. Собрания италианская о разныхъ вещахъ ученыхъ людей, 4 книги.
146. Казании объ Божественной литургіи и пощеніи.
147. Тучана оглавление собственныхъ імянь мужескихъ і женскихъ.
148. Изречение Королей Полскихъ.
149. Княпюсъ лексиконъ с полскимъ.

150. Христиана Гугена околичности о земляхъ і небесныхъ.
151. Иоаннъ Антония Выперана о державнѣ Португали отъ короля Филиппа история.
152. Разсужденія богословская, книга старая.
153. Концея дискурсы о правахъ.
154. Петра Кунеа о республике Еврейской.
154. Часы Еврейския на посланіе первое хъ Коринѳеянамъ.
155. Петра Либремберка травникъ въ лицахъ.
156. Салмагия о делахъ воинскихъ Римскихъ.
157. Роберта Поркѣя о политѣе Домжковской.
158. Повесть о странахъ Индейскихъ отъ Гишпанцовъ разоренныхъ.
159. Диспутация школьная о божественномъ сиотреннѣ.
160. Два поученія о царствѣ божіи, въ одной книгѣ.
161. Символы и съ энгуръ священнаго писанія въ лицахъ.
162. Гендана о началѣ преступленія.
163. Антона Фондала о началѣ идолатри и суперстициеръ правого и ложнаго пророчества.
164. Павла Сарпа история Тридентинская.
165. Корнигия о рубежахъ Германской земли, 2 книги.
166. Библиа.
167. Горация Олякція Эпистолы.
168. Книга Алаебетъ для обученія писма.
169. Права Князя Гвастини французскимъ языкомъ.
- латышскія въ осмушкѣ:
170. Гриотера Лампада свободныхъ художествъ 5 книгъ. Тома 1, 3, 4, 5, 7, прочіихъ нетъ.
171. Плиния Эпистолы.
172. Юста Липсия творенія 4 книги.
173. Горстия Раи духовный.
174. Библиа Венецкой печати.
175. Люциана творенія з греческимъ языкомъ 2 книги.
176. Арната о истинномъ христіанствѣ 2 книги.
177. Вилмота о разныхъ случаяхъ Европскихъ.
178. Макариа Египецкого книга з греческимъ языкомъ.
179. Коменія Дверъ языкомъ латышского и голанского.
180. Наставленіе Еврейского языка.
181. Житіе Мартина Лютера.
182. Станигурста о бесмертныхъ исторіяхъ, нравоучительная.
183. Грамматика руская Лондонской печати.
184. Дапъ Еремита о жизни придворной.
185. Лексиконъ съ немецкимъ языкомъ.
186. Лексиконъ триязычный зъ греческимъ и галланскимъ.
187. Светонія история Римская, 2 книги.
188. Альденбурха сокровище о республикахъ, часть 2, 3, 4, три книги, первой нетъ.
189. Лексиконъ зъ Галланскимъ языкомъ.

190. Воссия реторика.	215. Дверь языковъ съ англискимъ.
191. Гроция правы натуральныя и народныя.	216. Кюверна Геограона.
192. Служебникъ Римской.	217. Петра Франка о красноречіи.
193. Другой такой же.	218. Горна о уликѣ.
194. Погодное описание о делахъ Англискихъ въ королевство Елисабеты.	219. Ренегадограеъ о органахъ женскихъ.
195. Ф. Аквината теологичъ часть 3-я.	220. Мавритиусъ о войнѣ Галанской.
196. Читанія Академіи Кадмелианской.	221. Горна политик исторіи Географическая.
197. Стевана Меночца гирополитика.	222. Краткое изъясненіе греческия церкви.
198. Приветства посправительная на рождение, браки, прочія.	223. Бетига дискурсы академическия.
199. Пляута комедіи.	224. Саведра Символы политическия.
200. Аристотеля риторика.	225. Королевы Христианнестей о правахъ Брабанскихъ.
201. Альтинга краткое собраніе исторіи священнои и светской.	226. Изрядства Португальския и Гишпанския.
202. Лексиконъ Еврейской съ халдейскимъ.	227. Пуэндореа дискурсы о союзе Шведовъ съ французами.
203. Венделика Институціи политическая.	228. Аристотеля реторика.
204. История о бичеване.	229. Клерика Философия восточная, книга вторая, первой нетъ.
205. Аннъ Люкана о войнѣ Цесаря.	230. Бархугена Сентенціи физикохимическия.
206. Иоаннъ Клерика Философия.	231. Алетоенля науки езуитския.
207. Дискурсъ о правахъ преценціи.	232. История епископовъ и Декановъ Ланъдонскихъ.
208. Житіе Сканденберха.	233. Геллядия о нынѣшнемъ состояніи Греческия церкви.
209. Поученіе на празники.	234. Цицероновы ораціи.
210. Люля Лактянцусъ Богословная.	235. Аннея Флора о делахъ римскихъ.
211. Ганелія о короляхъ Европскихъ и о ихъ статутахъ.	236. Гревия письма сладкоречія.
212. Крагия о республике Лакедмонской.	237. Фирстенерія о правѣ и посылствѣ князей немецкихъ.
213. Книга Публя Овидія.	238. Еразмья глупости хваза.
214. Конрингия дискурсъ академическомъ.	239. История устоновленіи твореніе отъ 1708 до 1713 году.

240. Липсия исторія Веллея Патеркула. книги: 1, 4, 6, второй и пятой нетъ.
241. Арндта примечанія о истинномъ христіанствѣ. 265. Кепиа о храмѣ Соломоновѣ.
242. Палмерия апологія налпана. 266. Другая такая жъ.
243. Институты катихизическія. 267. Горна исторія универсальная.
244. Анны Маріи Шурманъ епископні и поемы. 268. Кароля Дредлиннурта о зачатіи и рожденіи человека.
245. Манестрерия Филозофия. 269. Голтерия нравоченія сладкоречія.
246. Киноны о Тридентискомъ соборѣ. 270. Описаніе греческой жалости.
247. Пуендореа дискурсы obligationи интересахъ, республикахъ и прочія политическая. 271. О пещерахъ Киевскихъ.
248. Горація Флакція поэма. 272. Криспа Силустія о войнѣ.
249. Норманіе православное исповѣданіе восточна церкви з греческимъ. 273. О старомъ правѣ пресвитеровъ.
250. Грановія о делахъ римскихъ. 274. Оунони Ідъа всей исторіи.
251. Известіе о венгерской землѣ. 275. Устіна Исторія о Помпѣѣ.
252. Тита Ливія о началѣ Іудейскомъ. 276. Петавія расположенія времянъ.
253. Сононита сполскимъ языкомъ. 277. Гарткноха о республике польской.
254. Флбулы Езоповы греческимъ. 278. Книга псалмовъ соевремскимъ.
255. Иоаннъ Бони Гисторія сибирическая или согласія пеняцерковного, въ трехъ книгахъ. 279. Пророчества.
256. Клерика Физика 2 книги. 280. Псалтырь съ Евангелиемъ избраннымъ.
257. Гроция погодное описаніе, исторія Галанді. 281. Списокъ Хранологіи.
258. Петронія Сатирикъ. 282. Сионсисъ въ ной исторіи.
259. Браеція хроникъ обще. 283. Короля Пасхала посольство.
260. Изъявленіе князя святого Никіеора. 284. Каталогъ книгамъ Всесениновымъ.
261. О соединеніи до утесненія дому Левино Голстиного. 285. Демокритъ смеющейся.
262. Шамбормера политика. 286. О премененіи складу.
263. Горна политика. 287. Лебенталь собраніе политическое.
264. Погодное описаніе света три 288. Мартетра Географія.
290. Театръ изъясненны о Мессіи истинномъ.
291. Горна исторія Орбисъ имверисъ.
292. Иоаннъ Геронима.

293. Тлука Епиграммы.
294. О скончаніи жизни.
295. Неугаза писма дружеслюбныя.
296. Собрании мѣсть теологическихъ.
297. Разговоръ о вере каталической.
298. Ляктандыя о смерти гонителей.
- Латынскіе въ пользосмуху:**
299. Омы Аквинатись о регуле князей.
300. О республике Намурской.
301. Бузбыка эпистоли.
302. Геллиса о Костентинной поллицатахъ.
303. О республике Боемской.
304. Валериушь Максимушь.
305. Босеоръ о устье традискомъ.
306. Венденагера о генеральной республике.
307. Светониушь история.
308. Политика генеральная.
309. О республике Венецкой две бивги.
310. Разсуждения священная.
311. Описание о Галандіи.
312. Книга Овидіева.
313. О княжестве во Италиі.
314. Списание о Венгерской землі.
315. Кемписъ последование Иисуса.
316. Описание Швеціи.
317. Еликтета списокъ.
318. Разсужденіе святаго Августина.
319. О монархе еврейской.
320. Старой и новой заветъ две книги.
321. Гороры и обычай восточныхъ.
322. Магния натуральная о сокре-тахъ.
323. Размышление о вечности.
324. Гроция о лиаріи свободномъ.
325. Тайности разума гражданская.
326. О республике греческой.
327. Психология немецкая.
328. Олая Мегия Готты о дивныхъ вещахъ натуры.
329. Гроция эпистоли.
- Французскіе въ листъ:**
1. Лексиконъ Рожертовъ на французскомъ языке.
2. Лексиконъ исторической Моррерневъ четыре тома, въ дву книгахъ.
3. Лексиконъ Универсальной, названной трезоръ, въ трехъ книгахъ.
4. Лексиконъ критической Бълевъ, въ трехъ книгахъ.
5. Иссерсефа Инвентаръ генеральной на историю французскую.
6. Бърнардова история о короле Людовике третьемъ на десять.
8. Театръ исторической въ дву книгахъ въ лицахъ.
9. О начале Французского дому.
10. Доматовъ уставъ гражданской по чину натуральному, две книги.
11. Рикарда о диспозицияхъ завещательныхъ.
12. Трактаты мирные, четыре книги.
13. Церемоніи Французской две книги.
14. О медаляхъ Ладовика четвертого на десять съ энгурами.

15. Реляція путешествія короля Английскаго въ Галандію.
16. Описание инвалида дому больныхъ солдатъ въ лицахъ.
18. Первые пять книгъ Полибихъ о разныхъ государствахъ, переведенные съ греческаго въ одной книгѣ.
19. Географія Оурникера гидрографія и навигаціи.
20. Путешествіе Лебруново въ Персію съ вигурами.
21. Собрание для украшенія домовъ.
22. Паула Гости описание о коробляхъ.
23. Негоціанца президента Аннина писанія грамотками.
24. Уставъ о полиціи книга первая, протчихъ нѣтъ.
25. Николая Шевалиера изысканіе о древностяхъ въ лицахъ.
26. Даррея исторія о Англіи.
27. Журналъ посольства Грава Портлака во Франціи, рукописная.
28. Новое изложеніе о географіи исторично.
29. Планы и лицо ратуши амстердамской.
30. Планы и фасады домовъ королевскихъ въ Париже и около.
31. Отласъ Сампсоновъ большой бумаги въ двухъ книгахъ.
32. Собрание картъ географическихъ Деллевыхъ.
33. Годевилляотласъ исторической, вторая и третья книга.
34. Коронелля книга корабельная сътолкованіемъ частей на итальянскомъ языкѣ.
35. Карусельская книга.
- Французскіе въ четверть:
37. Энкеорта должности полской.
38. Лока Философия о разсужденіи человеческомъ.
39. Трактаты мирныя, въ семи книгахъ.
40. Письма Кардинала Доссата, две книги.
41. Кузина исторія римская.
42. Собрание панегриковъ академи Французской.
43. Лянга новая зорія по новымъ указомъ.
44. Кузина исторія, четыре книги.
45. Рикарда о промене по завещанію или договору.
46. Помея лексиконъ тразымной, две книги.
47. Кузина исторія костентинпольская семь книгъ, второй нѣтъ.
48. Паравицна девизи и эмблемы любовныя на семи языкахъ.
49. Ослибена начала архитектурная, резныя и живописныя.
50. Описание о дворѣ французскомъ рукописная.
51. Сентевремонта о разныхъ вещахъ, две книги.
52. Политика дому англискаго.
53. Домъ королевской версальской.
54. Такой же поменше.
- Французскіе въ осьмушку:
55. Уведомленіе негоціантеромъ.
56. О революціи полской.
57. О государстве великобританскомъ книга вторая.

58. О государство аглискомъ кни- га вторая.
59. Регламентъ генеральной во- семь книгъ, а четырехъ пер- выхъ нетъ.
60. Указы военные, книги три: первая, вторая и четвертая.
61. Воишь Европской три книги: 6, 7, 8, прочихъ нетъ.
62. О мастерствахъ живопис- цовъ три книги: 2, 4, 5.
63. Наука людей придворныхъ, при- казныхъ, военныхъ, две книги.
64. О архитектурѣ военной, кни- га вторая.
65. Септврежонта о разныхъ ве- щахъ книга вторая.
66. История о бунтованіи аглинс- комъ две книги 1, 6-я.
67. Случен Розелля, книга вторая, первой нетъ.
68. Баркляя апология въ истинной теологін христианской.
69. Фигуры версальскіе.
70. Лабринтъ версальской.
71. Шонейбърга История о закон- никахъ въ лицахъ.
72. Евожь о всехъ ордынахъ ко- валерскихъ, две книги.
73. О войне Гишпанской.
74. Нодота мемориалы и описани Італіи, две книги.
75. Ферриера уложение правъ Фран- цускихъ две книги.
76. Поученне Флетъводовы.
77. Письма графа Естрады три книги: 1, 4, 5.
78. О государстве Францускомъ книги 1, 3, второй нетъ.
79. Мембурха Історія о схисме грековъ, книга первая.
80. Садовникъ Француской две книги.
81. Поученіе Сорпионовы.
82. О княжествахъ Флоренскомъ, Молоденскомъ и Мантуанскомъ.
83. Домъ регулярной.
84. Новыхъ трактатовъ две книги.
85. Письма любовные.
86. Шапуда космогравія история, книга первая.
87. История о дворе римскомъ.
88. Уставы морскія короля Людо- вика четвертогонадесять.
89. Собраніе разныхъ трактатовъ мирныхъ, две книги.
90. Межа о государстве велико- британскомъ.
91. История Корнелля Иоаннъ Де- вить.
92. Письма Гилтавила, книга вто- рая.
93. Мемориалъ маркиза Гилькар- да.
94. Комедіи. Шелетълевы, книга вторая, первой нетъ.
95. Примъчаніе о нидерлянской земле.
96. Мемориалы о Полше, две книги.
97. Сентреалъ о пощахъ разныхъ критическихъ.
98. Девера совершенной посолъ, книга вторая.
99. Адвокады для Шеверелля и противъ евожь.
100. Манерь, какъ письма писать.
101. Дѣйства жалостные любви, книга первая.
102. Житие Буелоново.
103. О иктересахъ аглинскихъ.
104. Наука, какъ говорить.

105. Проектъ о десятии королев-
ской.
106. Сокровище о молитве душев-
ной съ полскимъ языкомъ.
107. Корднера разгоноры съ латын-
скимъ.
108. Реляция географическая о Мо-
скве на итальянскомъ языке.
109. Клеопатра часть третья.
110. Секретарь кабинетной.
111. Защищеніе вышнихъ альма-
товъ, вторая часть.
112. Изрядства испанскія две кни-
ги, первая и третья.
113. О государстве еранцузскомъ.
114. Книга о канетахъ и протчихъ
приправахъ.
115. Походы Карлуса второго на-
десять, короля швецкого.
116. Новая грамматика еранцуз-
ская съ латынскимъ.
117. Краткое описаніе о вере ка-
толической съ полскимъ.
118. Жадра история Людовика, ко-
роля еранцузского.
119. Разобраніе света со тмоу.
120. О владеніи папешкомъ, книга
первая.
121. Кабинетъ княжской.
122. Грацыана человекъ придвор-
ной.
123. Мемориалъ госпожи Х-Х-Х.
124. Гринарета о походахъ Коро-
люса двенадцатого, короля
Сведского, книга четвертая,
первыхъ нетъ.
125. О делахъ Европскихъ 1709
году.
126. Дискурсъ о скоте учиненномъ
въ машину.
127. О житье грава Дегаллова.
128. Введеніе для обученія языка
латынского въ лицахъ.
129. О государстве выношной ш-
періи Морока.
130. Мемориалъ Иоаннъ Девида.
131. Блдегардъ реелскіа мораль-
ныя, забавныя.
132. Описаніе двора римского.
- Разныхъ языковъ книгъ:**
133. Пашквилъ Галанской на Оран-
цузъ въ лицахъ, въ листъ,
134. Книга домъ галанской Клинед-
далъ планы и сады, въ листъ.
135. Атласъ морской галанской.
136. Книга псалмовъ и стиховъ
полской.
- въ осмушку.**
137. Псалтырь съ нотами на галан-
скомъ языке.
138. Известія о древней церкви за-
падной, Полская.
139. Книга Турецкая или Персид-
ская въ четверть.
- Резстръ Полскимъ книгамъ.**
1. Книга история риторова о мо-
нархи Турецкой въ десть.
2. Книга издание Вакладова о за-
чатіи гербовъ шляхтъ полской
и великого княжества литов-
ского, вришани въ десть.
3. Книга поученіе ксенза Тома-
ша Млодяновского въ десть.
4. Книга Экономика земская Ка-
зимера Гавра, въ десть.
5. Кроникъ полской отъ 1198
году, аче издание неизвѣстно,
начального листа не имѣется,
въ десть.

6. Книга поучение о пришествіи антихриста, а чье издание неизвестно, начальныхъ листовъ нетъ.
7. Хроникъ полской Мартина Бѣскаго въ десть.
8. Книга житіе святыхъ ксенза Петра Скарги, въ десть.
9. Книжки годовые деяни церковныя отъ рождества Христова ксенза Петра Скарги, въ десть.
10. Лексиконъ на латынскомъ, немецкомъ и полскомъ языке, а чье издание, не извѣстно начальныхъ словъ не имѣетца, въ четверть.
11. Книга называемая ноги и пятранъ Христовы Черниговского архіепископа Лазаря Барановича въ четверть.
12. Книга, называемая Люстия Ополонова полскими виршами въ четверть.
13. Книшка жарты дворские, въ четверть.
14. Книга изданіе ксенза Бѣнедикта Павла Болка о древней вере, въ четверть.
15. Книшка названа политика божия или дѣяніе Христова, издание Францушка Виллегаса въ четверть.
16. Книга peregrinacia князя Миколая Криштофа Радивила къ святой земле изданіе ксенза Андречей Варгонского въ четверть.
17. Книга гисторія о чудотворномъ образе пресвѣтѣя Богородицы Честоховской, въ четверть.
18. Книшка при всякихъ случаяхъ различныхъ пришествіе, въ четверть.
19. Книшка, названа смерти или креста Христова, издание архіепископа Черниговского Лазаря Барановича, въ четверть.
20. Книшка Страсти Господни, изданіе Веспѣзана Кохановскаго, виршами, въ четверть.
21. Книга исправленіе обычаевъ полскихъ, въ четверть.
23. Книга названа алаобѣтомъ о научени и навручени геретиковъ къ вере, въ четверть.
24. Книга житіе святыхъ вкратце, виршами, въ четверть.
25. Алкоранъ противъ Махометовыхъ наукъ изданъ въ Чернигове, въ четверть.
26. Книшка присловіемъ полскимъ, въ четверть.
27. Книшка собраніе краткое ествъ, въ четверть.
28. Тетрадь Економія крестьянская на четыре части года, въ четверть.
29. Книга о уставахъ русскихъ и отпоръ на ошшныя вопросы, на латынскомъ и полскомъ языке, начальныхъ листовъ нетъ, въ четверть.
30. Книшка, письма и церемонналыныя разговоры, издание ксенза Войцела Тылковского, въ осмушку.
31. Книга, называемая Гарѣа духовная, молитвенникъ, въ осмушку.
32. Книшка духовная ежедневного размышленія, изданія ксенза полскаго, въ осмушку.

33. Книга гистория о Мелюзине, въ осмушку.
34. Книшка воинского благочестия въ которой науки, молитвы и приклады воинскому чину принадлежащие, издание ксенза Петра Скарги, въ осмушку.
35. Книшка, наука о исповеди, въ осмушку.
36. Книшка Псалимовъ полскихъ виршамп, въ полъосмушку.
37. Книшка синонима или днцыонарь на латынскомъ и полскомъ диалекте въ осмуху.
38. Книга апология, разсуждение Римской церкви о вере, на латынскомъ и полскомъ языке, въ четверть.
8. Книга новы тестаментъ Армянского языка, въ осмушку.
9. Книга автора Лети, житие Филипа втораго Короля Гншпанского на немецкомъ языке, въ осмушку.
10. Книга Якова Котса змблемы съ вигурами на галаскомъ языкѣ, въ десть.
11. Книга Христооора Мебо практика конская на аглинскомъ языке, въ десть.
12. Книга Корнелия Дебруна путешествие Московского, Персицкого и Индин, на голанскомъ диалекте, въ десть.
13. Дикционарь аглинской зъ галанскимъ Севейся въ четверть.
14. Книга навигацкая на аглинскомъ диалекте, въ четверть.
15. Книга трактаты галанские съ разными потентами, на галаскомъ языкѣ.
16. Книга путешествие Кондронта Фонклека, чрезъвычайного посланника къ его Императорскому Величеству всероссійскому, на галанскомъ диалекте, въ четверть.
17. Книга о правахъ морскихъ и корабльныхъ на аглинскомъ, въ четверть.
18. Книга трехъ-лѣтнее путешествие Избранта въ Хиу съ Москвы, на галанскомъ языке, въ четверть.
19. Книга история о состояни армянскаго народа, на армянскомъ языке, въ осмушку.
20. Книга, называемая комедия Гварика постуверныо на га-
- Книги немецкого языка и на протчихъ диалектахъ:**
1. Книга, называемая театрумъ Пресценце, одна часть о вражде, вторая о учрежденіи снательныхъ ранговъ, издание Еремгарта Цвейбурха, въ десть.
2. Книга магдебурскихъ учреждений и особливыхъ приказаний, издание Магдебурского управителя книзи Августа, въ четверть.
3. Книга житие и чудеса святаго Николая Мирликийского, въ четверть.
6. Книга, описание что имѣетца въ саксонскихъ каморахъ вещей курнозныхъ, на латынскомъ и немецкомъ языке, въ осмушку.
7. Книга Януа на трехъ языкахъ латынского, греческого и немецкого, въ осмушку.

- ланскомъ, виршами, въ осмушку.
21. Книга церкви армянской стиховъ, на армянскомъ языке, въ осмушку.
22. Книга разговоры ученья на галанскомъ и еранцускомъ диалекте, въ осмуху.
23. Книга Гистория о великой Британіи, на галанскомъ диалекте, въ осмуху.
24. Книга генеологическая, политическая разныхъ властелиновъ, вторая часть, на галанскомъ языке въ осмуху.
25. Книга такая жъ генеологическая, третья часть, на галанскомъ языке, въ осмуху.
26. Книга возжъ Ниестадовъ съ Польша въ Москву на галанскомъ языке, въ осмушку.
27. Книга новой заветъ на греческомъ диалекте, въ осмушку.
11. Регламентъ о управленіи адмиралтейства, Санктъ-Петербургской печати.
12. Трєодъ постная Киевской печати.
13. Разсужденіе о войнѣ шведкой, Санктъ-Петербургской печати.
14. Ариметика твореніе Магницкого, Московской печати.
15. Уставъ военной, Санктъ-Петербургской печати.
16. Введеніе въ исторію чрезъ Самуила Пуєндорѳа, Санктъ-Петербургской печати.
17. Ученія и практика артилеріи.
18. Требникъ Петра Могилы, Киевской печати.
19. Книга географія генеральная, Московской печати.
20. Евангеліе Кирилла Транквилона.
21. Кирилла архиепископа Перусалимского, Московской печати.

Книги русскіе.

1. Собрание картъ географическихъ и прочихъ творенію Курьянововъ большихъ листахъ.
2. Евангеліе Московской печати.
3. Снявонія Псалмовъ.
4. Служба и житіе чудотворца Сергія.
5. Артикулъ и уставъ военной старой, Московской печати.
6. Другой такой же.
7. Катихисисъ.
8. Православное исповѣданіе веры восточныя церкви.
9. Земноводного круга краткое описаніе.
10. Варлаама и Писѳа царевича.
22. Венець христовъ, Киевской печати.
- Книги писменныя въ листъ.
23. Глаголемая Козмы, нарицаемого Индивоплона.
24. Нравоученіе святаго Антиоха.
25. Житіе и подвизи преподобного отца нашего Никиты Столпника, переславского чудотворца.
26. Житіе блаженного Петра царевича и британца царя Беркъ.
27. Большая козмографія славянского языка, древняго писма.
28. Книга глаголемая Деонисія Ореопагита.

29. Семнова блаженного архиепископа Фессалонийского.
30. Служба святаго великомученика Андрѣя Стратилата.
31. Книга списковъ германскихъ на имя Артемона Сергѣевича Матвѣева.
32. Венцъ веры коволическе на основаніи символа святихъ Апостолъ.
33. Регламентъ генеральной.
34. Алкоранъ Магметовъ учениемъ жидовскимъ исполненный.
35. Преподобного отца нашего Дмитрея Вологодскаго чудотворца и служба ему.
36. Книга правльная священника Матвѣя.
37. Юлія Фрунтинна сенатора римскаго о случаяхъ военныхъ, на четыре части разделенныя.
38. Хранографъ.
39. Святаго Василия Амасійскаго.
40. Книга, глаголемая судопрениа святаго Аванасія.
41. Собрание обучательное складамъ и писемъ съ латинскимъ и полскимъ языкомъ.
42. О разныхъ вещахъ правоучительная.
43. Усталенія времянь венца, писано летописцемъ.
44. Костентина Арменопола.
45. Книга записная Юстиць—Коллежская, получасымъ узаконъ 1720 году изъ сената.
48. Дионтра зеркало живота челоическаго, Киевской печати.
49. Другая таква жъ.
50. Служба Иоанна войственника, Московской печати.
51. Следованная псалтырь съ канунами, Киевской печати.
52. Новой заветъ, Киевской печати.
53. О житіи святаго Юрена Сирия и протчихъ, Московской печати.
54. Синописисъ, Киевской печати.
55. Лексиконъ триязычны зъ греческимъ и латынскимъ, Московской печати.

Книги писменныя въ четверть листа.

56. Козмографія малая.
57. Епистоли Цицерона.
58. Житіе Никона Патрарха Московскаго.
59. Всяческаго рода предначиваніе.
60. Мееодия Епископа Памендскаго.
61. Брашно действъ различныхъ.
62. Приклады, выписано изъ житія святаго отца нашего Григорія Назіанзинна.
63. Житіе и страдалчество святи великомученицы Екатерины.
64. Служба и чудеса блаженнаго Нсандора юродиваго, ростовскаго чудотворца.
65. О крещеніи и о кропленіи.
66. Служба и чудеса пресвятыя Богородицы, именуема Толска.
- Книги печатныя въ четверть.**
46. Мессия, Киево-печерской печати.
47. Апология, Могилевской печати.
67. Поученіе Иоанна Златоустого, архиепископа Костентина града.

68. Зерцало богословія, отъ многихъ книгъ богословскихъ избранное.
69. Пякова жидовина, списано Понсвою новокрещенымъ.
70. Летописецъ вкратце списано о двинскихъ жителяхъ, и о наследникахъ и о судяхъ и воеводскихъ и дьячихъ приездахъ.
71. Другой такой же.
72. Чиловникъ.
73. Служба пресвятыя Богородицы и приснодевы Маріи Тихвинские и чудеса.
74. Служба и чудеса святаго Филиппа митрополита.
75. Житіе и подвизи преподобнаго мученика Никиты Столпника Переславскаго чудотворца.
76. Служба и житіе благовернаго князя Глеба Владимерскаго.
77. Изображеніе Кириллово Пушлана.
78. Троицникъ.
79. Толкованіе на некоторы Евангели.
80. Приклады правоучительныя.
81. Судище отъ Еврей надъ Христомъ отъ иудейскаго Пилата.
82. Θεοφιλαкта архиепископа Болгарскаго предисловіе.
83. Беседа Белоцерковная.
84. Святаго Иоанна Домаскина.
85. Поминаніе прежде отшедшихъ душъ къ Богу.
86. Оглавленіе повестей, обретающихся въ гранограе.
87. Служба преподобнаго и богопоснаго отца нашего Михаила Клопскаго, Новгородскаго чудотворца.
88. Житіе Езопы Оригискаго.
89. Оглавленіе статей зъ государева указу.
90. Святаго Θεοδора Λευκα, бывшаго епископа Карискаго.
91. Службы и чудеса отъ образа пресвятыя Богородицы въ великомъ Нове граде.
92. Чинъ на патриаршески престолъ.
93. Ермология на старыхъ нотахъ.
94. Приклады изъ пророковъ.
95. Книга хлебъ животны.
96. Святыхъ отецъ писаніе полскаго немецкаго языка.
97. Житіе и чудеса святаго праведнаго и блаженнаго Проконія иже Христа ради юродиваго, Устюжскаго новаго чудотворца.
98. Врачеваніе полагаемое противъ ядовитыхъ угрызеніевъ.
99. Святаго Иоанна Домаскина.
100. Житіе преподобныхъ Зосима и Саватія Соловецкихъ.
101. Проблемы геометрическия.
102. О записяхъ и тайнахъ, выписано изъ книгъ разныхъ.
103. Сборникъ, потому что изъ многихъ книгъ выписана.
104. О двою во Христе естеству и единой ипостаси толкованіе.
105. Описаніе церкви Совискаго.
106. О разбойническомъ Флоренскомъ соборнице.
107. Патерикъ Печерской.
108. Сборникъ малой.
109. Описаніе воротъ чести въ Га-

гоучивенныхъ копрнезду Вилгелму Аглинскому, Скотскому, Французскому и переводъ исповеданія веры ихъ.

КНИГИ ПЕЧАТНЫЯ ПОЛЧЕТВЕРТНЫЯ.

- 110. Грамматика.
- 111. Геометрія.
- 112. Логоріема.

КНИГИ ПИСМЕННЫЯ ПОЛУЧЕТВЕРТНЫЯ:

- 113. Деолектика о послани Иоанина Домаскина.
- 114. Слово на погребеніе Христово и о иныхъ вещахъ.
- 115. О сотворени мира зъ беседами.
- 116. Книга Григорія Богослова.

Противъ присланнаго рѣзстру явилось сверхъ во издѣшестве.

Книга Фигуры оптическии въ ней девять листовъ.

Книшка Валерія Максима, приклады иривоучительныя, въ четверть.

Книшки Хвальковскаго некоторыя полскіе описаніе, въ четверть.

Книшка Полская, наука о исповеди покоянна, въ осмуху.

Книжки, которые приняты отъ Графини Матвѣевой.

Русскіе въ листъ.

- 1. Книга Вечери душевныя.
- 2. Книга Обедъ душевны.
- 2. Псалтырь виршевая.

Въ четверть листа.

- 4. Книга Слово благодарственное Господу Богу.

5. Книга Лексиконъ инии толковая.

6. Книжки Лексиконъ триназичный.

7. Книга службы мученице Варваре.

8. Книга testamentъ, въ полчетверти листа.

Въ листъ именованныя:

- 9. Книга венець веры.
- 10. Книга Беседословіе.
- 11. Книга о разнстве.
- 12. Книга Святаго Антониа Сійскаго.
- 13. Книга псалтырь толковая.
- 14. Книга святаго Максима Грека.
- 15. Книга, глаголемая Богословія.
- 16. Книга святаго Иоанна Златоустаго.
- 17. Книга святаго Козмы пресвитера.
- 18. Книга святаго Григорія Беседовника.
- 19. Книга святаго Иоанна Златоуста.
- 20. Книга Хризмолога.
- 21. Книга Исака Спринна.
- 22. Книга зеркало Богословіи.
- 23. Книга святаго Кирила Исусалимскаго.

Въ четверть листа.

- 25. Книга службы Богородицы Феодоровской.
- 26. Книга толкованія на соборное посланіе Никовля.
- 27. Книга святаго Юродиваго Андрея.
- 28. Книга служба Флпину истрополиту.
- 29. Книга аподегматы или извѣщаніе.

30. Книга служба Александру Свирскому.

31. Книга приклады духовныя.

Иностранныя въ листъ.

1. Земляная и морскіе карты о ponte Евксинскомъ въ большомъ листу.
2. Новой большой атласъ на большомъ листу.
3. Постия опера архитектоника Хагеномичнива втукта (?), на большомъ листу.
4. Посца архитектора, томисъ I.
5. Юсти Липса все опера тому 2, 4, две книги.
6. Посольства Орндереци Демарселерь.
7. Спанхеми де Нумисъматибусъ, томи.
8. Упгани десурдно милитарні также олюрумъ Пера, страница.
9. Леунклавні Гистория Мусулмана.
10. Посевини Московия Этъ алия опера.
11. Берниги Флорусъ данкусъ.
12. Мерси Гисторика данука етъ бельгика.
13. Спесънери Театрумъ нобилитатисъ Европе.
14. Магнуса Гистория Государствъ русскихъ и швецкихъ.
15. Региструмъ хронологикумъ и протчие древние печати, на большомъ листу.
16. Менбома Германскихъ дель Пасцы, волумень I. I.
17. Витрувля архитектора.
18. Маурацелли Гистория венецкая.

19. Адагии, то есть пословицы собранные.

20. Инвортнатумъ сен Банденгарумъ гражданскихъ правъ томусъ (?)

21. Ригаеэка региумского.

22. Девисъ лесъ Фортпоикационъ.

23. Волумень Легумъ парвамъ.

24. Эгвинити Баронисъ вирпугумъ квестпонуъ юрисъ, волумень (?)

25. Белумъ доместикумъ косокосъ интересъ тартаросъ, такожъ Московъ соекокосъ Гунтатовъ Полоиние.

26. Венеронисъ Лексиконъ на полскомъ языкъ.

27. Вигелин дигесторумъ опера.

Въ четверть.

28. Ключери Епитомъ гисторiarумъ о всемъ свете.

29. Емануилисъ Сашанния въ Евангели (?)

30. Аонандріи четыре Евангелия.

31. Бекманисъ систагматисъ дигнитатумъ парсъ.

32. Аонандри которые части второго завета (?)

33. Смети антиквитатесъ Исомагессесъ (?)

34. Вите селъ игнуромъ аликвотъ вирорумъ.

35. Диниъ авдичюнесъ адъ юсъ публикумъ.

36. Завадски Гистория аркана сенъ анналиумъ Полоникорумъ, либри VII.

37. Сегнетти хою хрстианусъ.

38. Фрптъсени паксъ русвикенсисъ.

39. Табула Хранология севе дукумъ лотхаригея Брабантне.
40. Мансигерисъ обсервацумъ юрисъ Кунтурне.
41. Тарновусъ нинъ понамъ проетамаъ.
42. Брини Коллегиумъ политико-юридикумъ.
43. Описание разныхъ городовъ.
44. Гартиана и прочее квестонумъ юрисъ либеръ I. I. Инкантику.
45. Арданансъ Ледовиса XIV.
46. Гарати опера.
47. Вехенъменеръ казаннѣ.
48. Пруская Омаъ.
49. Есаи дас диктионари контентъ и онной Санне Ди монде.
50. Лезусъ этъ коутумесъ де ла меръ.
51. Штило Уневерзалде тутесъ Деламеръ лесъ курсесъ парме Гауретъ, томи I. I. вторая книга.
52. Престанциумъ Ерудиторумъ вирорумъ Елпстола.
53. Грутери тесаурусъ критикусъ.
54. Унгерская и турецкая кроника.
55. Годвинъ Монсем Ионрона.
56. Мигестатской презентъ дела Гринтъ бретанин томъ I. I.
57. Аулусъ Геллиусъ.
58. Марендонн комитисъ Гистория дела лебелномъ Англинской тере томусъ I. I. IV. V.
59. Кресси Гистория Герреорумъ.
60. Марлианнѣ тааструмъ политика.
61. Нердени Инитно Академни Ореверенъсисъ.
62. Вестери казаннѣ о страстахъ Христовыхъ.
63. Летресъ меморесъ реденать де коръ тадеестрадесъ, томиусъ I. I. I. I. I. две книги.
64. Мигри Психология.
65. Вите етъ мортисъ Франтуде вить Гистория Галлице.
66. Реляция Купанисъ де аиво 1710 г.
67. Трактатусъ догматикусъ де вокационе Гентриумъ.
68. Оаутесъ десъ денксе коедере.
69. Антони Девера лагатусъ паректусъ Галлице.
70. Лесъ Консенсъ етъ летъ наксинисъ де Писпасъ.
71. Алхенбулгери тесаурусъ рерумъ публикарумъ.
72. Дескрипционъ ноувеллъ де ла виллъ де Пари томулусъ. I.
73. Статъ Француской I. I. III. две книги.
74. Летресъ ди нисюри де хевалесъ Гуртемпае.
75. Летръ де парлесъ аллемандъ, томулусъ. I. томъ 10. две книги.
76. Регламентъ ардонансесъ дуронде еомулусъ.
77. Лесъ делачесъ дель Еспагне этъ ду Португаль томулусъ. III. XIII. XIV.
78. Акта регисъ Турниенсисъ в стривингенъсисъ Галлице.
79. Лексиконъ новой съ францускаго зъ греческимъ.
80. Коде милитанре репаръ деставде.
81. Ла гверре де Италие.
82. Статера белли Парижская, парсъ прима.

Въ осмуху.

52. Престанциумъ Ерудиторумъ вирорумъ Елпстола.
53. Грутери тесаурусъ критикусъ.
54. Унгерская и турецкая кроника.
55. Годвинъ Монсем Ионрона.
56. Мигестатской презентъ дела Гринтъ бретанин томъ I. I.
57. Аулусъ Геллиусъ.
58. Марендонн комитисъ Гистория дела лебелномъ Англинской тере томусъ I. I. IV. V.
59. Кресси Гистория Герреорумъ.
60. Марлианнѣ тааструмъ политика.
61. Нердени Инитно Академни Ореверенъсисъ.
75. Летръ де парлесъ аллемандъ, томулусъ. I. томъ 10. две книги.
76. Регламентъ ардонансесъ дуронде еомулусъ.
77. Лесъ делачесъ дель Еспагне этъ ду Португаль томулусъ. III. XIII. XIV.
78. Акта регисъ Турниенсисъ в стривингенъсисъ Галлице.
79. Лексиконъ новой съ францускаго зъ греческимъ.
80. Коде милитанре репаръ деставде.
81. Ла гверре де Италие.
82. Статера белли Парижская, парсъ прима.

83. Шурманъ меліорисъ партисъ ельксно.
84. Лебле трактатусъ де Инструкци Ѳутири Консплари.
85. Лаутербахи компендумъ юрисъ имперіи.
86. Кулписъ де легацыонибусъ статусъ.
87. Новообъявльнннй Европскогo Стата титулаѡ.
88. Актесъ книга меморесъ реконъсервантъ ла папксъ ут-реръ, томудусъ III.
89. Тимилумъ пацусъ допосци-ценътнумъ.
90. Француской Целларнумъ.
91. Помея индикудусъ универзал-лсхъ латино-галликумъ.
92. Вердъ Миллеръ бекомпедп-ажское зеркало.
93. Новы заветъ на полскомъ языкѡ.
94. Меркуре гисторикве опуску-лумъ. I.
95. Псалтырь Давыдовъ.
96. Эспригъ дес курсъ де Евро-по влужина II. две книги.
97. Ла клевъ ду кабинетъ принца Европскаго.
98. Милъринъ летресъ ѡампли-аресъ.
99. Рена дунатъ, латынскои съне-мецкннмъ.
100. Меморесъ дела пуръ девп-нне.
101. Гистория о князе Рагоцкомъ.
102. Агриппе девини Тити Сен-теаражъ.
103. Клеопатре парти преинтъ.
104. Табетесъ Гисторивесъ и прочѡе.
105. Комъни янъие лннъгварумъ вистубулумъ.
106. Цецеронисъ Ѳизолоогкорумъ, волуменъ.
107. Буксторіи лексиконъ на ев-ренскомъ языкѡ.
108. Сибири компентарнумъ, въ махъ.
109. Кондради лаги медодусъ псалюрисъ.
110. Гвадзи конверъзасцион цы-вили.
111. Приме роси деву пилъ Ерло-сиусъ вмедичинъ (?)
112. О мъсеки медитида конкор-дия (?)
113. Стерлингесъ медитетоне въ скалигере (?)
114. Моравски деспозиция армор-темъ полонице.
115. Светоннумъ.
116. Градусъ делинационумъ ге-огравнкнрумъ Галанской.
117. Сермонесъ инъ анни доин-никасъ анонимн.
118. Горатонисъ Икраѡтеинмъ кон-силнорумъ в еспистоларумъ мюдианалнумъ либеръ тер-тнусъ.
119. Томасъ Кежпятъ де имита-ционъ кристи.
120. Касели Епистоларумъ ке-турія.
121. Веслери Грамматика Грече-ская.
122. Келлери новая королевская Полская и немецкая Грамма-тика.
123. Пилать асекретари новаго.
124. Сулпитія Северія гисторія.
125. Горати пемата.

126. Тесаурусъ проскумъ петикурумъ Булери. чихъ Философовъ разныхъ собраніи, въ осмуху; псалтырь на немецкомъ языкѣ, въ осмуху; Европскія увѣдомленія 709 году на Францускомъ языкѣ, въ осмуху.
127. Ротеродами Эрасми Либелусъ ауренсъ де сивилитате морумъ ювенилиумъ. Въ 1735 году, въ вѣденіи Камеръ-цалмейстерскаго помощника Слизова, хранились слѣдующія книги:
128. Луканусъ. Въ 5 ящикѣ 13 книгъ немѣцкихъ.
129. Книга Юлиусъ де bello галлико. Книга русская скорописная съ персоною Ея Императорскаго Величества Блаженныя памяти Екатерины Алексѣевны, ва на верху написано: *слово пошвальное*.
130. Цицеронисъ Епистоле адъ амилпаресъ. Три книги нотныя.
131. Псирбихромъ Антиквитатесъ анонимы. Книга рисовальная (въ 6-мъ ящикѣ).
132. Миrowsки пастрестра Пититисъ. Книга немѣцкая.
133. Рацио дискенди лингвамъ латинамъ адмодумъ компендиоса. 1. Книга новый завѣтъ въ полчетверти листа, печати Кіевской.
134. Сентенция аповегмата сине иницио, немецкая и латинская словесная книга. 2. Акаонсть, въ полчетверти, печатной.
135. Пемата галлика инкомпатиусъ. 3. Молитвенникъ такой же, письменный.
136. Либерь амплионкацыонесъ вери манусъскриптусъ. 4. Псалтырь маленькая, Кіевской печати, въ полчетверти, въ серебряной кожѣ.
137. Либерь клеснастикусъ или Исуса Сирихова. 5. Молитвенникъ, Кіевской печати, маленькой, въ чохлѣ красномъ.
138. Лоси сума китехотка. 6. Кононникъ Богоматери Тольской.
139. Де конскрыбендисъ эпистолисъ синтаксиса институтыонесъ, анонимы. 7. Синопсисъ, въ четверть листа, въ красной кожѣ.
140. Арсъ диалектика. 8. Псалтырь, Московской печати, ветхая, въ полчетверти.
141. Прецесъ Полонико девиетъ санктосъ. 9. Лексиконъ Кіевской печати, въ четверть листа, ветхой.
142. Пепаирсъ Граматика лингвотолисъ.
143. Лесъ клеменсъ Геометрия минскриптусъ.
144. Летре суръ энтусиме.
- Остальныя за росписью приняты: Кома риторская рукописная, въ четверть, Цицерономъ и прот-

10. Книга письменная о взятіи Сибири, въ четверть листа.
11. Книга письменная объ копахъ, въ четверть листа.
12. Синопись печатной въ полчетверти.
13. Книжка Архитектурная, печатная, въ полчетверти.
14. Книжка печатная, водохожденіе, въ полчетверть.
15. Книжка печатная, иравоучительная, въ четверть листа.
16. Книжки немецкая, ветхая.
17. Книжка письменная, чертежъ всего свѣта, въ четвертьлиста.
18. Книжка печатная Троянской исторіи, въ полчетверти.
19. Книга Театронъ, по краямъ золочена, печати Кіевской, въ четверть.
20. Книга Театрумъ, такой же печати, въ четверть, кожа себременая.
21. Лексиконъ трехъязычный, печатной, въ четверть.
22. Книга Кіевской печати, житіе преподобнаго Дороея, въ четверть листа.
23. Псалтырь учебная, въ четверть листа, въ красной кожѣ.
24. Апостолъ, края золочены, въ красной кожѣ.
25. 13-ть книгъ Минеи мѣсячныхъ.
26. Книга Григорія Назіанзина, по краямъ золочена, ветхая.
27. Патерикъ Печерской.
28. Книга о дворяннѣхъ добронравномъ, письменная.
29. Книга должность человека и гражданина, письменная, по краямъ золочена.
30. Ареомстикъ печатной.
31. Еограсія печатная.
32. Хрисмологія о пророчествѣ Даниловъ, письменная.
33. Полидара Виргилія, печатная.
34. Архитектурная, всемецкая, ветхая.
35. Книга древняго Словенскаго народа, письменная, края золочены.
36. Книга письменная о поколзніи и о истовданіи.
37. Книга о Китаѣ, печатная, ветхая.
38. Книга прахтика алтедерная, печатная.
39. Книга Герба, т. е. травникъ, письменная ветхая.
40. Псалтырь, ветхая, печатная.
41. Книга родословная, письменная.
42. Книга о старинныхъ вещахъ и челобитьяхъ, письменная.
43. Псалтырь толковая.
44. Книжка о вертементяхъ, си-речь предосторожностяхъ, въ четверть листа, письменная.
45. Двъ тетради въ золоченой бумагѣ, немецкіи, печатныи.
46. Книга въ дестъ, на Александровской бумагѣ, о коронахъ иностранныхъ, печатная въ бѣлой кожѣ и два листа письменные поздравительные, съ золотомъ.
47. Книга оклѣена бирхатомъ зеленымъ и облажена сѣткою золотою, печатная немецкая, въ ней писменовъ на 2-хъ

Книги въ дестъ:

- листахъ, немецкая и русская, да 2 листа счетовъ письменныхъ русскихъ.
48. Книга оклѣна бархатомъ малиновымъ, письменная немецкая; въ одной же книгѣ листъ немецкой печатной, два листа письменные.
- О коронаціи Ея Императорскаго Величества Анны Иоанновны, оклѣна бархатомъ зеленымъ, съ сѣтною золотою.
- Другая оклѣна бархатомъ малиновымъ.
- Книгъ большихъ и малыхъ немецкихъ разныхъ 370 книгъ.
- Русскихъ книгъ (въ листъ).
1. Окта четырехъ гласовъ 5, 6, 7, 8, повседневная.
  2. Окта старой письменной: часословъ старой печати съ мѣсяцесловомъ.
  3. Минея праздничная сентября мѣсяца.
  4. Минея общая годовая.
  5. Артикулъ военной, старой, Московской печати.
  6. Служба преподобному Александру челоуѣку Божію.
  7. Псалтырь учебная, ветхая.
  8. Часословъ ветхой.
  9. Бесѣды Апостольскіе голубиными, посланіе къ Коринѳянамъ.
  10. Житіе преподобнаго Корнилія Комелскаго чудотворца.
  11. Двѣ книги: грамматики печатныя.
  12. Соборныхъ на 12 мѣсяцевъ, въ немъ же указываетъ Евангелии, Апостолы и прокниимы.
  13. Служба и житіе чудотворца Николая, письменная.
  14. Служба ризъ Господнихъ, письменная; служба святой мученицы Евдокии, письменная.
  15. Артикулъ краткій, военный, Князя Александра Меншикова.
  16. Книга перло многоцвѣтное, печатное.
  17. Книга житіе Зосимы и Саватія Соловецкихъ.
  18. Въ двухъ ящикахъ книгъ немецкихъ, разбитыхъ въ переплетахъ.
  19. Въ двухъ ящикахъ 18-ть тетрадей, обогнуты въ золото и красныхъ бумагахъ.

Всѣ эти книги были спасены во время бывшаго въ Москвѣ, въ 1737 году пожара, ибо изъ описи 1738 года видно, что перныя 19 книгъ хранились въ 1-й палатѣ, идучи съ Кормоваго Дворца на Потѣшной дворъ, на лѣвой рукѣ изъ приходныхъ сеней съ приходу, что называлась Оружейная; а послѣднія 48 книгъ во 2-й палатѣ; гдѣ же хранились остальныя не обозначено.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ РАСКОЛЬНИКОВЪ.

Сообщены А. С. Павловымъ.

I.

Стихъ св. Ефрема Сирина.

На послѣднее сіе время,
Какъ попустить нашъ Владыка
За умноженіе злобы нашей,
Народится сынъ нечистый,
Какъ по имени антихристъ.
Онъ распуститъ свою прелесть
Онъ по городамъ, по уѣздамъ,
Онъ по селамъ, по деревнямъ.
Ужъ какъ пишетъ сынъ Васильевъ,
Преподобный отецъ Ефремей:
«Вы бѣжите, мои свѣты,
Вы во темные во лѣсы,
Вы скрывайтесь, мои свѣты,
Вы во горы, во вертепы;
Вы вселяйтесь, мои свѣты,
Вы во пропасти земныя;
Засыпайтесь, мои свѣты,
Вы песками, пещелами;
Облизайтесь, мои свѣты,
Вы горячими слезами;
Пребывайте, мои свѣты,
Во постѣ и во молитвахъ,
Во всеобщномъ чюдѣ стояньи:
Тако избудите отъ антихриста».

II.

Стихъ Іоанна Предтечи.

Мы проспали, пролежали,
Проходили, прогуляли;

Мы ни въ чемъ вѣкъ проводили,
 Христовскую заутреню просыпали,
 Воскресенскую обѣдню продали.
 Сослалъ Господь Богъ три дара:
 Ужъ какъ первый даръ — крестъ и молитву,
 Второй даръ — любовь и милостыню,
 Третій даръ — ночное моленье,
 Четвертую заповѣдь — читательную книгу.
 Читаетъ Ювинъ Предотечъ,
 Самъ слезно плачетъ:
 «Вы рабы мои и рабыни,
 Вы рабы мои, христолюбцы;
 Вы постойте, пострадайте
 За истинную вѣру,
 За крестъ, за молитву;
 Приходитъ на насъ послѣднее время:
 Народился антихристъ,
 Народился, воцарился.
 Не долго свѣту свѣтить,
 Не долго солнцу сиять, —
 Послѣднее пришло время!
 Убирайтесь, мои свѣты,
 Во дальныя пустыни,
 Во пропасти во земныя,
 Засыпайтесь, мои свѣты,
 Вы хрещами, пепелами,
 Пребывайте, мои свѣты,
 Во постъ и во молитвѣ,
 Во всеночномъ частомъ моленьи:
 Тако избудете отъ антихриста».

III.

Стихъ о послѣднемъ времени.

При концѣ-то жизни вѣку,
 Будутъ трусы и иятежи,
 Будутъ лживые пророки.
 Кто бы, кто бы намъ построилъ
 Келью милу, невелику
 Не на житейскомъ бы мѣстѣ,
 Гдѣ бы Ему, свѣту, угодно,

Гдѣ душамъ нашимъ на пользу,
 Гдѣ бы, гдѣ бы я не видѣлъ
 Всего всемірнаго соблазну,
 Гдѣ бы, гдѣ бы я не слышалъ
 Человѣческаго гласу?
 Самъ Господь Богъ проричаетъ:
 «Вы рабы-ли мои, рабыни,
 Правотѣрніи христіане!
 Вы не весело живите,
 Вы боясь Бога ходите!
 Уже антихристъ народился,
 Змій-собака воцарился;
 Онъ разсѣялъ свою прелесть
 По всей матери-вселенній;
 Разметалъ онъ свои сѣти
 По всему своему царству;
 Онъ и станетъ всѣхъ прельщати,
 Въ свои сѣти уволити:
 Кто вы сильніи, боритесь,
 А немощніи убирайтесь.
 И не будетъ вамъ уходу
 Ни во градахъ, ни въ заводахъ,
 Вамъ не въ селахъ, и не въ весяхъ,
 Не въ лѣсахъ самъ, не въ пустыняхъ,
 Не въ горахъ и не въ вертепахъ.
 Уходите вы, мои рабыни,
 Во пропасти во земныя
 Отъ той прелести отъ злыя.
 Засыпайтесь, мои свѣты,
 Вы песками, пепелами,
 Еще мелкими камнями.
 Вы постоите, мои рабыни,
 Вы за крестъ и за молитву,
 Вы за истинную вѣру;
 Умирайте, мои рабыни,
 Вы голодною смертію.
 Азъ прикрою васъ, рабыни,
 Своею рукою христовой,
 И подарю Азъ васъ, рабыни,
 Своими златыми вѣнцами».

IV.

Убойся Бога, человекъ,
 Уже смерть за тобою стоять,
 Она вострѣтъ на тебя криву косу,
 Она ждетъ повелѣній божіа:
 Егда повелитъ Господь,
 Во единый часъ подкоситъ твои ноженьки
 И разслабитъ твои рученьки,
 И языкъ твой приумолкнетъ,
 И глазыньки твои закроются;
 И придутъ къ тебѣ посланники божіа:
 Они вынутъ изъ тебя душеньку безъ милости
 И понесутъ ее къ мытарству страшному.
 И увидитъ душенька мытаревъ — испугается,
 И возмолится къ божіимъ ангеламъ:
 «О ангели божіи! Отпустите вы меня
 Покаянца во грѣхахъ моихъ тяжкихъ!»
 Отвѣщаютъ душеньки снѣтымъ ангели:
 «Опоздала ты, душа, каютца:
 Топерича торгъ разъяхался
 И двери затворилися,
 Здѣсь нѣту покаянія,
 Ни грѣхамъ твоимъ прощенія».
 И приступать къ душѣ страшными мытари
 И отнять душу отъ рукъ ангельскихъ,
 Понесутъ ее въ мѣсто темное,
 И посадятъ душу въ муку вѣчную.
 И тогда душа горько всплачется:
 «На што-та мени отецъ мать породили?
 Горѣ мнѣ во огни горѣтъ,
 Горче того во смола кипѣтъ!»
 (Изъ раскольникчей рукописи).

V.

А вы гой еси, ангеля крылаты!
 Вы небесной рай намъ отвержайте,
 А вы праведныя души пропускайте,
 А вы грѣшныя души задержайте!
 А котора душа тяжко согрѣшила —

Въ утробѣ младенца погубила:
 Ея не будетъ во вѣкъ прошенья,
 На второмъ суду не бывати,
 Саково Христа въ очи не видати ¹⁾!

VI.

Что есть у насъ три печали великія,
 Какъ-та намъ тѣ печали миновать будетъ?
 Первая печаль: какъ умереть будетъ?
 А вторая печаль: не вѣмъ когда?
 А третья печаль, что не вѣмъ гдѣ на томъ свѣтѣ обратиться?
 И гдѣ я тамъ жить буду?
 И кто мнѣ домъ созиждетъ?
 Что нѣтъ у меня добрыхъ дѣлъ и покаянія,
 И нѣтъ у меня чистоты тѣлесныя и душевныя:
 Осквернилъ я свое тѣло и душу беззаконіемъ.
 Какія мнѣ туда Богу дары принести будетъ?
 Принести бы должно три дары великія:
 Постъ и молитву и святую милостыню, —
 Приметь Господь паче злата и сребра
 И введетъ тебя въ царство небесное
 И будеши со Ангелы во вѣки радоватися.
 Господи І. Х. С. Б. помилуй насъ!

ДЛЯ ОПРЕДѢЛЕНІЯ ИНОСТРАННЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ ПОВѢСТИ О МУТЪЯНСКОМЪ ВОЕВОДѢ ДРАКУЛѢ.

Повѣсть о Дракулѣ, бывшемъ воеводѣ въ Валахіи въ первой половинѣ XV столѣтія, была составлена вскорѣ по смерти этого жестокаго воеводы, тогда же перешла въ переводѣ къ намъ на Русь и доселѣ сохранилась въ рукописи того же XV столѣтія (См. въ моей Христоматіи столб. 700 и слѣд.). Вѣроятно, повѣсть эта въ свое время была очень известна; потому что Себастіанъ Мюнстеръ въ своей знаменитой Космографіи, приводя ее въ сокращеніи, свидѣтельствуетъ о своемъ

¹⁾ Стихи подъ №№ 1, 2, 3 и 5 получены мною въ подлинникахъ изъ Сибири, отъ учителя Томской гимназіи Д. А. Кузнецова.

источникъ слѣдующими словами: «Man lizt wunderbarliche ding von seiner Tyrannischen gerechtigkeit.» Безъ сомнѣнiя, это читалось въ той самой повѣсти, которая известна была нашимъ предкамъ въ упомянутомъ переводѣ, какъ это можно видѣть изъ сокращенiя у Себастьяна Мюнстера, которое привожу здѣсь сполна. «Zu den zeiten Königs Matthias von Ungern, ist Weywoden in dieser Welachey gewesen, d' streng ja Tyrannisch Mann Dracula, den König Matthias sieng und 10 jar in der Gefengknusz hielt. Man lizt wunderbarliche ding von seiner Tyrannischen gerechtigkeit. Alsz auff ein zeit der Türck hett ein Botschaftl verordnet zu diesem Dracula, und sie vor ihm stunden, und nach gewohnheit die Schlappen nicht abzugon von dem Haupt. bestetiget d' Dracula ihnen ihren Brauch und liesz ihnen mit dreyn Neglen die Schlappen auff den Kopff naglen, damit sie ihre Hüttlein nimmer dörfsten abziehen. Zu einer andern zeit als er viel Türcken hett in Spisz gesteckt, liesz er und' die Spisz zurichten ein wolbereiten Tisch, lebt wol mit seinen Freunden under den armen sterbenden Menschen. Zu einer andern zeit versamlet er alle armutselige Bettler, und liesz ihnen zurichten ein gut Maal, und alsz sie wol gessen und getrunken hettten, zündt er das Hausz an und verbrennt sie alle. Item wann er Türcken gefangen hatt, liesz er ihnen die Haut abschinden under den Füßen, und ströich Saltz dareyn, und liesz Geissen herzu führen, die mit ihren rauhen Zungen dz Saltz ableckten, mehret also den arbeitseiligen Leuten ihre Marter. Zu einer andern zeit kam ein Kauffmann von Florenz in sein Herlichkeit, der hat viel Gelts, und wuzt nicht wem er es solt vertragen, da gebote ihm Dracula dasz er es zehlt, und legt es ubernacht auff die Gassen, fand es auch am Morgen ohnversehret. Da ward Wald so ungehewr, es macht ihn jederman mit Gelt und Gut durch wandlen. Alsz nun dieser Dracula zehen jar in der Gefengknusz gewesen, unnd wider in sein Herrschafft ward gelassen, ward er endtlich in einem Türkischen Krieg erschlagen, und sein Haupt für ein Schenke dem Türkischen Keyser gebracht.» Cosmogr. Ku. 4, gl. 82. При этомъ повѣствованiи полнѣе, изображающiй троякъ Турокъ, проткнутыхъ кольями.

Судя по теченiю разсказа, надобно полагать, что авторъ Космографiи имѣлъ подъ руками источникъ, состоящiй изъ отдѣльных эпизодовъ о жестокостяхъ Дракулы, то есть, въ такомъ же видѣ, какъ и известныя въ древней Руси повѣсти. Нѣкоторые варианты, предлагаемые въ Космографiи, могутъ навести на ближайшiе слѣда источника нашей повѣсти; но, судя по древнѣйшей ея редакцiи, сохранившейся у насъ, надобно полагать, что это редакцiя первоначаль-

ная. Себастьянъ Мюнстеръ могъ заимствовать свой рассказъ изъ какой-нибудь Венгерской хроники, куда вошла повѣсть уже въ сокращеніи, и, можетъ быть, съ опущеніемъ намека на борьбу православнаго исповѣданія съ католическимъ, между тѣмъ какъ въ редакціи русскаго перевода отступничество Дракулы отъ православія имѣло для нашихъ предковъ интересъ національный. Мутьянскій воевода, прославившійся своимъ тиранствомъ, заключаетъ свои звѣрскіе подвиги отступничествомъ отъ православія. Сверхъ того, эпизодъ о наказанной лести хитраго латинскаго монаха былъ совершенно во вкусъ древне-русскихъ православныхъ читателей. Со времени Ивана Грознаго, повѣсть о Дракулѣ получила для нашихъ предковъ новый интересъ по сближенію, которое дѣлали между жестокостями обояхъ этихъ правителей. Такъ эпизодъ о пригвожденныхъ къ головамъ шапкахъ иностранныхъ пословъ приписывался Ивану Грозному. Замѣчательно, что Мюнстеръ называетъ Валашскихъ правителей по славянски *воеводами* (*Weuoden od' Weuodeni*); и на оборотъ, въ нашемъ переводѣ встрѣчаются иностранныя слова западнаго происхожденія, именно *дукать*, *миля* (смотри въ мсѣи Христоматиі столб. 704 и 705).

Θ. Буславъ.

ПОВѢСТИ О МУДРЫХЪ ЖЕНАХЪ *).

Сообщены А. Н. Аванасьевымъ.

1. Повѣсть о премудрыхъ женахъ, которая жена медвѣдя грамотъ научила. Глава 5-я **).

Нѣкій благоплеменный и честный человекъ, имѣя въ селѣ своемъ пона, и по нѣкоему облеветанію разгнѣваясь на него и великую пеню возложи на пона. Понъ милый бѣше челоуѣкъ, да отпуститъ ему вину; господинъ же ре(че) ему: «Аще не хоцеша виновенъ (быти) предо мною, то изучи мед(вѣдя гра)моте». Пришедъ убо ми(лдый) попь въ д(о)мъ свой зило печа(ленъ). Жена же) вопроси его о прилучившейся нашедшія печали; онъ же сказа и ей, како господинъ вину возло-

*) Изъ полууставной рукописи прошлаго вѣка.

***) Заключенное въ скобки поставлено по догадкѣ; въ рукописи эти мѣста вырванны. Рукопись начинается 5-ю главой; предидущія, по видимому, утрачены.

жилъ: «даде ми во двоємъ на волю или вину дати или медвѣда грамотѣ изучити; но обое тяжко и неудобно, паче же звѣря грамотѣ учити». Слыша сіе попадьвѣ рече ему: «Господине, мужу! паче удобите грамотѣ звѣря учити, нежели толку скорбь приняти, сирѣчь наглаголу быти; и азъ ти, сыне, сотворю не во многое время медвѣда грамотѣ изучити». Попъ бѣдный весьма радъ бы(сть, слы)ша такыя глаголы отъ (жены) и вземъ у господина (медвѣда), приведе въ домъ (свой. Жена) бѣдная прикормила прежде медвѣда хлѣбомъ и приучила къ себѣ и, пріемъ книгу, прокладывала между листовъ писаныхъ блинами и изучила медвѣда блиновъ искати и листы превращати и мормкотати: и тако его за хлѣбомъ выучила книгу держати и листы превращати. Попъ, видѣвъ сію хитрость жены своей, подивися и приведе медвѣда къ господину своему и показуя учение, посадивши медвѣда, даде ему книгу. Медвѣдъ, яко обычаенъ хлѣба искати, нача листы обращати и говорилъ по книгѣ по своему языку: «мру, мру, мру». Господнякъ зѣло увеселися о семъ и вину попову остави. Того ради можеша молвити смѣльце: «жена хитрое зелье, злѣе мужа своего» *).

2. Како жена мужа прелукавила. Глава 6.

Нѣкая жена, ииуща мужа своего, и подѣладе себя иному. Прилучися же мужу ея узрѣти и, егда чужій мужъ обня оную жену и поцѣлова; и отъ сего въ сердцѣ его вселися болѣзнь немалая. И въ скоромъ домышленіи родъ женскій, жена, хотя сію скорбь изцѣлвити и отвести мужа отъ печали и гнѣва, нача поститися и молитися и исправися, пойде каятися предъ нѣкоего священника; исповѣдася, извести, яко, отъ мужа своего согрѣшаючи, прижила съ чужимъ сына себѣ. Священникъ, хотя то покаяніе будетъ таинственно, повелѣлъ ей вѣсто всякаго исправленія сказати сіе мужу и просити прощение о своемъ нечестіи. Жена съ радостію заповѣдь прія и доблетвореніе таинству сипцевымъ образомъ показа: нача хвалити своя дѣти, и мужу глаголати: «Како бы имъ боязнь дати и плача уняти?» И сіе изглаголавъ пойде испроси у нѣкоего мошкору, а по нашему харю, съ великою сѣлоу брандоу и паки раздразя, егда начаша дитя плакати, рече мужу: «Вздѣи мужъ, харю на ся и пострашай дитя, да и впредь боитися будутъ». Мужъ, послуша, харю на себя вздѣлъ; она же, пріемъ дѣтища, принесе близъ мужа, стришая: «Иди прочь, дѣдъ; не дамъ тебѣ, не дамъ: не твое, дѣдушка, дитя, но ниаго отца». И тако дитя ухранила, и покаяніе добрт

*) Рассказъ подобнаго содержания въ Pfaffe Amis V, 181—315; въ Eulenspiegel, cap. XXIX и у Поджіо въ его Facetiis. См. Dr. Thomas Murners Ueberspiel. herausgegeben von Lappenberg, p. 246.

сохраняла и мужа отъ великіа бѣдѣни избавила и таинственно показала веліе и дивное потреба науки.

3. Како баба дѣвола обманула. Глава 7-я.

Нская жена вдова не въ горѣ жила, имѣя домъ богатъ. Въ лѣто же едино бысть умноженіе веліе плодовъ земныхъ и толико у той умножися, — невозможно убити наемники своими домовыми; и хотя еще приняти, что не возможе убити наемниками домовыми, и хотя еще приняти не возможе. О семъ вдова оная впаде въ велию печаль и тако ходя и стѣя. По случаю же сретѣ ю дьяволъ, вопроси: «О чесомъ жено печалѣши?» Она же вопроси: «Кто еси ты?» Онъ же отвѣща: «Азъ есмь дьяволъ.» Прече ему жена: «Воистину, дьяволе, въ пользу сретѣся ты со мною, ибо имамъ на поля добра многа и хочу то управити, да все сіе будетъ въ гумнѣ моемъ; но наемниковъ приняти не обретохъ. Прощу тя: помози ты мнѣ и все ми сіе въ гумно мое свози.» Отвѣща ей демонъ рече: «Аще весьма предаши себе мнѣ, то ни единъ работникъ будетъ ти потребенъ; единъ все сіе и, что восхошеша, сотворю тебѣ.» Жена отвѣща: «Добре глаголеши; на пользу мнѣ отдамъ тебѣ, точію сотвори ми три вещи, ихъже ти повелю: первое съ поля безъ убытка пристрой хлѣбъ мой въ гумно мое, и второе грамаду дровъ перенеси и переруби и, си сотворшы, прійди: что третіе повелю сотворити, — повѣмъ.» Дьяволъ, слыша отъ жены, сіе все исполни и той имать бо кони вертки и сеkerу остру: на годъ дровъ великую грамаду переруби и перенеси. «И сіе сотворишы, прійди и что третіе творити повелю.» Дьяволъ слыша отъ жены сіе все исполни: навозилъ хлѣбъ въ гумно весь свозилъ и прійде къ женѣ вопросити ея, что третіе повелитъ творити. Жена окаянная зѣло громко п...еть и рече демону: «Поймай тотъ часъ п...ень мой и своей ужище, еще мнѣ съ поля во ометъ сѣно возить; и аще ли сего не сотворишы, то безъ вины я есмь, въ чесомъ тебѣ обѣщася: се мое третіе слово исполни.» Дьяволъ же весьма опечалился и въ той школѣ не бывалъ, гдѣ бы учили п...ѣнье собирать и ловить и веревки изъ него вить. Думавъ много, отыде отъ бабы со стыдомъ. Такова то хитрость женѣ! ибо самъ дьяволъ посрамленъ отъ злой жены: чего демонъ не разумѣетъ, тожъ женская плоть умѣетъ.

4. Какъ жена мужа поминала. Глава 8-я.

Веси единымъ жителъ умрая и завѣща женѣ своей продати вола по смерти своей и, еже за него возьметъ что, раздати во имя божіе за душу его. Жена, видя кончину мужа своего, и зело плакася о немъ

и обѣщавшася сіе сотворити: «и не точію сіе сотворю, но еще отъ своихъ утварей продамъ и дамъ о душѣ твоей.» И тогда умре мужъ и погребъ его, привеле быка продати во градъ, взяже и съ собою и kota домоваго продати. И приде рѣзчикъ, сирѣчь мясникъ, и нача воля торговати и вопросы: «Что дати?» Отвѣща жена: «Дай ми за него, господине, единъ грошъ за вола.» Удивися сему рѣзчикъ онъ; прилежно смотря на ню, вопросы: «Продаеши или глумишися?» Она же паки рече: «Истинно отдамъ за единъ грошъ; точію безъ kota не продамъ его, понеже положихъ слоно кунно сихъ обоихъ продати во едино время.» И рѣзчикъ вопросы: «Что жъ за kota дати?» Отвѣща жена: «Четыре златыхъ, меньше отнюдь не возьму.» Мясникъ размысли: «и аще котъ и дорогъ, но ради вола купити»,—и тако даде за вола грошъ, а за kota четыре златыхъ. Жени, пріемши цѣну, приде въ весъ, идѣже живаше; и еже взя за kota, во удивленіе положи, а грошъ, иже взя за вола, по завѣщанію мужа отдаде во ния божіе за душу его.

ПОВѢСТЬ О СКВЕРНОМЪ БѢСѢ *).

Сообщена А. С. Павловымъ.

Повѣдаше намъ нѣкій старецъ, яко онъ отъ святыхъ отецъ слыша, глаголющихъ о нѣкоемъ отцѣ велицѣмъ, яко нѣкогда, ходящу ему по пустыни, видѣ бѣса, идуща мимо его, всего окалана гноемъ сквернымъ отъ главы и до ногу. И рече ему старецъ: «Гдѣ былъ еси, діаволе, и чего ради окалянъ гноемъ?» Отвѣща діаволъ: «На блудномъ дворѣ былъ и осквернихся отъ блудныхъ женъ». И рече ему старецъ: «Да почто не омылся еси въ рѣцѣ, или въ источницѣ?» Онъ же рече: «Не велитъ ми вышній Богъ». И паки рече ему старецъ: «Да поне бы въ блатѣ измылся?» Онъ же рече ему: «Запрещаетъ ми Богъ вашъ измытися въ немъ». Глагола старецъ: «Да поне бы въ колесницѣ?» **) Не велитъ намъ сквернати, понеже христіане піють;

*) Изъ раскольничьей рукописи.

**) Въ колѣв послѣ дождя.

повелѣваетъ вигелу водному (Апокал. 16, 5) отогнати насъ; онъ же оружіемъ огненнымъ прогоняя насъ». Старецъ рече ему: «Да гдѣ можешь измытися?» Бѣсъ рече: «Понду въ христіанскію дому, и гдѣ обрящу сосуды непокровенны, ту вниду и измыюся. Они же послѣ мене пріимуть болѣзни тяжки и кашлеви и трясавицы и иныя скорби». И сія рекъ, невидимъ бысть.

ПЯТЬ ДРЕВНЕРУССКИХЪ ПОУЧЕНІЙ *).

1. Повесть глаголетъ отъ избранныхъ словъ о праведномъ солнцѣ і не внимающихъ божіихъ заповѣдей, иже людие друзь друга зовуще солнцемъ праведнымъ, льстящи себе.

Невѣденіе бо чловѣку бываетъ злое несогрѣшеніе, понежъ явленъ грѣхъ маду вину творить; невѣденіеже отъ покаянія отлучаетъ: отъ невѣденія жъ у чловѣка ражається непослушаніе, отъ непослушаніяже исходитъ непокореніе, отъ непокоренія же бываетъ невниманіе; непослушаніежъ и прекословіе во глубину ада низводитъ; послушаніежъ ізъ глубины возводитъ; покореніежъ со вниманіемъ близъ Бога поставляетъ. Невниманіежъ божіаго словеси во многія

*) Предлагаемая поученія напечатаны по скорописной рукописи XVII вѣка, находящейся въ моей бібліотекѣ. Въ они писаны, судя по одинаковости преобладающихъ въ нихъ литературныхъ приемовъ, по манеру изложенія, однимъ лицомъ и, вѣроятно, въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка. На это указываютъ и содержаніе, и некоторыя отдѣльныя мѣста поученій. Во второй половинѣ XVI вѣка латинскія новизны съ замѣтной силой вторгаются въ русскую жизнь, литературу, искусство и вызываютъ энергическое противодѣйствіе въ приверженцахъ православія старини. Въра въ звѣздованіе, планеты особенно развилась на Руси со второй половини XVI вѣка; тогда-то появились въ нашей литературѣ и планидики, и альманахи, и звѣздохотцы и другія гадительныя книги астрологическаго содержанія. Въ первомъ поученіи попадаетея фраза Стоглава (изъ гл. 2-й); въ последнемъ поученіи есть мѣсто, буквально сходное съ словами статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ. Мы напе итали его курсивомъ. Ред.

пути грѣховныя приводятъ и въ законныя неподобное устремляютъ; снисканіе же божественнаго писанія на пути божественныя возводитъ і самую истинну показуетъ и беззаконныхъ путей отлучаетъ і отъ неведения къ богоразумію привлекаетъ. Мнози бо въ невѣденіи, аки во тме, шатаются, отъ невѣдѣній не могутъ разумѣти грѣховныя совести. На всѣ же грѣховныя сѣти далъ намъ Богъ разумѣти божественнымъ писаніемъ; отъ сего же божественнаго писанія показали намъ путь милосердый Богъ уклонитися во спасенную благодать. Въ настоящихъ же ролахъ отъ невѣденія мнози отъ чловѣкъ правду на лжу сводятъ и истину беззаконіемъ совокупляютъ і благочестіе съ нечестіемъ слагаютъ і многожды прилагаютъ свѣтъ ко тмѣ, понеже бо невѣденіемъ и неразуміемъ мнози чловѣцы благодатное слово въ ласкательныхъ словесехъ возлагаютъ на тѣннаго чловѣка. О сихъ же скажу вамъ, братіе; понеже бо глаголютъ чловѣцы во истиныхъ и въ ласкательныхъ словесехъ и во ономъ и некоторомъ прошеніи единъ ко другому глаголетъ: «солнце праведное!» Отъ сего же чловѣческаго неразумія велии ужасается душа моя и трепещетъ во мнѣ духъ мой. И наки о семъ же глаголю вамъ, братія, и молю послушати сего со вниманіемъ, да скажу вамъ о семъ извѣстно: понеже бо солнце праведное именуется божіе имя. О семъ же имени пророцы провозвѣстнши, праведное солнце Христа, Сына божія, прознаменоваша, і многіе отцы святіи въ дохматехъ въ сляву и хвалу именууютъ быти солнце праведное Христа Бога нашего: понеже бо самъ Господь о семъ глаголетъ пророкомъ Малахіемъ свце: «возсияетъ вамъ, боящимся имени Моего, солнце праведное». О семъ же Златоустъ глаголетъ во своихъ толкованіихъ: «взыде бо намъ, — рече, — солнце праведное, Христосъ отъ Марія по плоти: востокъ имя ему». Тожъ въ тропари глаголетъ: «Звѣздою поучахуся тебе кланятися, солнцу праведному». И во инохъ пишеть: «Солнце праведное ста въ чину своемъ». І инде глаголетъ: «Иже во тѣбѣ сѣдѣщимъ явился, солнце смъ праведное, просвѣтити хотя». Индѣ пишеть: «Вместо столпа огненнаго праведное возсія солнце». Тяжъ Ивѣнъ Дамаскинъ глаголетъ: «Понеже бо Богъ есть разумный свѣтъ, солнце праведное и востокъ въ писаніи именовася Христосъ». О томъ же толкуеть въ евангеліи и въ неделю пятнадцатую глаголетъ: «Богъ есть солнце праведное, якоже пишеть, всѣмъ просто сияя, зряя благодости». И что много о семъ глаголати? Понеже бо во всѣхъ дохматехъ божественнаго писанія глаголетъ солнца праведнаго Христа, Сына божія, и кроме того праведнаго солнца Христа, истиннаго Бога, не описуетъ быти праведнымъ солнцемъ никоего святаго, но токмо единаго Бога именуеть быти праведное солнце. Въ настоя-

щемъ же времени мнози тлѣнии і скаредни чловѣцы въ ласкателныхъ и во лстивыхъ словесехъ нарицають другъ друга праведнымъ солнцемъ. Озе, озе таковое неудобное неразумие, и превозношенне исчезающее и леть непотребна! Како бо о такомъ словеси возможно помыслити? Или како вместитися нарещи тлѣнаго і скареднаго и грѣшнаго чловѣка праведнымъ солнцемъ? Понежь бо такового словеси никоимъ святымъ не прилагаетъ быти. О семъ же самъ Господь глаголетъ Псаемъ пророкомъ: «Во онны дни взыдетъ солнце и будетъ бо Господь тебѣ свѣтъ вѣчный: иному никому славы моя не дамъ». Внимайтежь, любимицы, о семъ: како бо чловѣцы скаредни і смертни славу Божию на ся возлагають и христовымъ именемъ, рекше праведнымъ солнцемъ, другъ друга нарицають, или рабъ господина молятъ въ ласкателныхъ словесехъ, въ нихъ же глаголетъ его праведнаго солнца. О Владыко! пощади душа наша за таковое невѣденне і не предаждь насъ окаяныхъ невѣрнымъ на поруганне, такового ради словеснаго неизправленна! Буди же намъ, Господи, славити Тебе, единаго праведнаго солнца, Христа Бога нашего: Ты бо еси Богъ нашъ, мыжь людие твои, Тебѣ, единому солнцу праведному, слава въ вѣки аминь.

По семъ же возвратимся на предняя. Понежь бо мнози въ чловѣцехъ, отъ неразсуженна і невѣденна именують быти солнце праведное нами видимо, стоящее на крузѣ небеснемъ; азъ же вамъ глаголю о семъ: то бо есть никако не праведное солнце, понежь бо есть бездушно и безсловесно: огнено то бо есть существо отъ самаго Бога сотворенно бысть въ невещественномъ огни и наречено бысть самѣмъ же Богомъ свѣтило дневное; понежь сотвори его Богъ и постави его на тверди небесней и повелѣ ему свѣтити во дни на землю. Наричаютъ же иѣщѣ то свѣтило дневное чювственнымъ солнцемъ. Чювственное бо праведное солнце ко свѣту прилагають по сему: понеже бо чюемъ и видимъ, еже во свѣте дѣется или что сотворится. О семъ бо Списъ нашъ глаголетъ: «аще кто ходитъ во свѣте, не подкнется; аще кто ходитъ во тмѣ, подкнется». Посему же свѣтило дневное сотвори Богъ и постави его на тверди небесней на просвѣщенне дни, чловѣческаго ради устройства; понежь чловѣцы сами творятъ и видятъ и по тому всякое земное дѣло устрояють, ношь же чловѣку на покой сотворена бысть. Солнцемъ праведнымъ свѣтила дневнаго никако не именують быти; то бо есть именовано отъ некихъ солнцемъ чювственнымъ, и никакожь праведнымъ. Праведное же солнце по истиннѣ именую быти самаго истиннаго свѣта Христа, Сына Божия: понежь самъ свѣтъ истинный, Христосъ, Богъ нашъ, праведный, на землю, възскати заблудившихъ і спасти погибшихъ, отъ

высокихъ небесныхъ и свѣтлыхъ круговъ пришелъ есть, праведное солнце по истинѣ: свѣтъ бо еси немерцающій самъ Христосъ, истинный Богъ нашъ. О семъ же самъ глаголетъ: «Азъ есмь свѣтъ миру всему», отъ негоже источникъ исходитъ свѣту, і отъ того сотворяется всякая благостыня. Разумейтежъ о семъ, любовнии братія; никакоже не нарицайте другъ друга праведнымъ солнцемъ, ниже самого царя земнаго, никогожъ отъ влстелей земныхъ не мозите нарицати праведнымъ солнцемъ: то бо есть божіе имя, а не тѣннаго чловѣка. Царемъ же і всѣмъ влстелемъ земнымъ дана бысть отъ Господа держава и сила отъ Вышняго, отъ самого Свѣта истиннаго, Праведнаго Солнца, Христа, Бога нашего. Выжь, земныя власти, на кажитеся отъ Господа и работайте Господеви со страхомъ, примѣтежъ наказанье о такомъ словеси и велии храните себѣ отъ нарицання праведнаго солнца и простое чади не повелевайте себѣ нарицати праведнымъ солнцемъ, да не сведѣте себѣ гнѣвомъ отъ Господа. Воспомянитежъ прежнихъ царей погибель, како страдали отъ Господа: за превозношенне велию казнь отъ Господа воспріалъ Новаходносоръ царь, понежъ отъ чловѣкъ отгнася и со звѣрми дивными живяше и траву, аки волъ, ядыше и отъ росы тѣло его обросте и власи ему, аки лву, возвеличаше; и ногти ему, аки птицамъ, возрастоша и изменися сердце его и сердце звѣриво дадесе ему, дождежъ позна, яко владѣеть Вышній царствомъ чловѣческимъ и, емужъ хоцетъ, тому и дасть и вся ходящая со превозношеннемъ можетъ смирити. Но семъ же мнози і иніи цари различными казнями за превозношенне такоже отъ Бога пострадаша. Выжь, благочестивии власти, смирите душа своя и телеса предъ Господемъ нашимъ, Ісусъ Христомъ, емужъ слава во веки, аминь.

2. Поучение сказуетъ о златицахъ и сребреницахъ, иже бывають у святыхъ иконъ въ приклады.

Мнози бо во чловѣцехъ тшатся святыя иконы украшати овимъ златомъ, овимъ драгимъ каменемъ, инимъ жемчугомъ. І всѣ чловѣцы, любящии Бога, такое дѣло творять въ честь и во славу Богу и пречистой его Матери і всѣмъ святымъ Его угодиномъ. Мнозижъ чловѣцы отъ неразумия прикладывають ко святымъ иконамъ златицы, а нихъже бывають латынскихъ королей воображеніе; а на иныхъ златицахъ бывають написаны імена бусорманскихъ царей. Такихъ же златиць съ латынскимъ воображеніемъ и съ бусорманскими имены прикладывати ко святымъ иконамъ и образомъ никакоже не достоинъ; понежъ святая соборная и апостольская церковь латыни и бусорманни

отлучаетъ, занежь Латыни бывають отметники образа христова, бусорманыжь бывають враги креста христова. Разумейтежь сие, како возможно вместити въ церковь господню латынское воображенне и отреченное бусорманское имя. О семъ же пишеть божественно писанне, понежь не поведаетъ случати честнаго съ недостойными. Глаголетъ бо Господь Пережтомъ пророкомъ: «Аще отлучиши честнаго отъ недостойнаго, будеши бо, яко уста моя і устроятся въ любимыхъ моихъ». Виджь, любимице, разумей по сей повести. По сему же и образъ господень и пречистые Богородицы, святъ бо есть и честенъ и прочихъ угодниковъ господнихъ; такожь и каноны по Бозе святѣ и честни бысть. А латынское воображенне и бусорманское имя отречено есть и проклято. А на златицахъ тѣ отреченныя имена многажды бывають отъ неразумныхъ чловѣкъ въ прикладе у святыхъ иконъ, въ почтение. Како бо возможно такія златицы присовокупяти ко святымъ иконамъ въ почестъ и случати честная съ недостойнымъ? Никако не подобаетъ. Въ настоящихъ же родехъ множество случаютъ недостойныя златицы съ честными иконами. О семъ же приведу вамъ свидѣтели апостола Павла, глаголюща: «кое бо причастие правде и беззаконію или кое общенне свѣту ко тмѣ?» кое согласне Христови и Велнару или кая часть вѣрну съ невѣрными? или кое сложенне церкви божіи со идолы? О семъ же непшую быти, понежь съ латынскимъ воображеннемъ златицы подобни судъ идоломъ: понежь въ древнихъ родехъ такожь храбрыхъ чловѣкъ и богатырей дѣлавали воображенне златые и серебряные,—и то убо суть идоли; нареченижь по сему идолюскому воображенію златицы съ латынскимъ воображеніемъ и з бусорманскими имены отнюдь не подобаетъ прикладывати у святыхъ иконъ. О семъ же Спасъ нашъ показалъ во своемъ вочеловчєніи. Егда принесоша къ нему златицу нѣцыи данную и рече къ нимъ: «Покажите ми златицу, чїи образъ есть и надпись?» О нѣкъ рекоша: «Кесаревъ». Онъ же рече имъ: «Воздадите кесарева кесареви, а яже божіе Богови». О томъ же пишеть въ паторице видѣние отца Евлогія: «понежь ангели господни подаяху исходящимъ изъ церкви мнохомъ отъ нѣнии молитвеннаго овымъ златицы, на нихже воображенъ образъ владыки нашего Христа, на нѣхже крестъ господень». По сему же и намъ, братіе, подобаетъ творити. Ащели кому благовоитъ Богъ принести въ церковь господню златицу или серебряницу въ честь и въ славу божію ко образу господню, или богородицину, или коему святому или святей, подобаетъ же на ней вообразити образъ господень или пречистые Богородицы или крестъ господень, по евлогіеву видѣнію. Съ таковымъ бо спасовымъ воображеннемъ довлѣтъ златицы или

сребреницы прикладывати ко святымъ образомъ во украшеніе. О семъ же пространнее выше рекохомъ и положихомъ писаніе о томъ отъ различныхъ главъ въ разсужденіе и пользу христонменитымъ людемъ.

3. *Отъ избранныхъ словъ о крестномъ знаменіи.*

Возлюбленніи! не будемъ враги креста Христова, не попреемъ крестнаго знаменія ногами своими: і многожды бо по путемъ лежить на крестъ древо или иная которая вещь, крестомъ назнаменуется и по земли лежитъ. О семъ бо человекомъ много извѣстно и сея же заповѣди человекъ отнюдь не тшатся исправить. О семъ же отческая правила велии претятъ, еже чрезъ крестнаго знаменія ходити или буди на чемъ кресты нашиты, отнюдь на томъ не повелевають сидѣти, или крестомъ какія вещи дѣлати во древехъ, или въ лычкахъ, или въ чемъ ни буди, вязати на крестъ и метати простоты ради на землю. О семъ же велии запрещаютъ правила 6-го собора глава 73, глаголетъ бо сице: «Иже крестъ на земли написанъ будетъ или сложенъ, да погребенъ будетъ или разверженъ.» Внимайте же о семъ, любимицы, і не уклонитесь на такую простоту, еже ходити кому чрезъ крестное знаменіе: аще бо видите,—на пути лежить древо на крестъ или какая иная вещь, выжь, избранныи божіи, всѣ православніи христіане, потшитесь исправляти по правиломъ святыхъ отецъ, якожь выше писахомъ вамъ. Понежь бо, аще на земли кая вещь на крестъ лежитъ назнаменованна, и то бо мѣсто заглядити; аще ли въ простоте что на крестъ лежитъ, ту бо вещь развергни; и не можете мимо проходить, не исправъ такия либо вещи на земли, на крестъ лежащія, да не будетъ крестное знаменіе неразумнымъ человекомъ въ попрание и скоту въ поруганіе. Молюжь васъ, любимицы, и колѣномъ вашимъ касаюся: Господа ради потшитесь такую вещь исправляти, все бо творимъ божіи ради любви и страха ради господня. Аще ли кто учнетъ тако творити и исправляти во истину, таковой наречется истинный христіанинъ и за такое исправленіе велию себѣ изду воспріиметь отъ Бога. Аще кто видитъ на которомъ неудобномъ мѣсте крестъ начертанъ, или древо на крестъ лежитъ, или какія иная вещь крестна: за мѣномъ на земли явится воображена,—и кто будетъ чрезъ таковое крестное воображеніе ходитъ и того крестнаго знаменія не исправляеть, якожь выше писахомъ, таковой убо уподобися невѣрнымъ обычаю и наречется таковой рагатель крестному знаменію. Вѣсте ли, братіе: понеже крестнаго знаменія бѣси трепещуть и таковы мѣста велии отбегаютъ: понеже гдѣ бываеть мѣсто, крестомъ назнаменовано; о семъ же въ

паторице пишетъ. Глаголетъ бо сице: «Нѣкии жидовинѣ идаше путемъ и нача обнощевати во идолскомъ требищи. I въ то время помысли въру хрестиянскую и, отъ бесовскаго мечтания прекрести себя крестнымъ знаменнемъ. Въ тужь ношь во идолское сошедшеся множество бесовъ, и узрѣша жидовина лежаща, и приступиша къ нему бѣсове, глаголюще о немъ: «сей бо сосудъ нечистъ лежитъ да крестомъ покровенъ». Сегожь ради крестного знамення не могуще ему бѣсове никаковы пакости сотворити. О семъ же во утреннии день самъ жидовинѣ вся подробну сказаъ и сея*) ради вины крестися во имя господне». Выжь, любимицы, разумеите крестную силу и честь, такія жь ради вины не можете наступати на пути на таковую вещь, что любо крестнымъ воображеннемъ на земля лежаше; i въ томъ да не будемъ въ приобщение языкомъ, незнающимъ Бога; и тшитесь всею душею о томъ исправлати, якожь выше рекохомъ. Богу нашему, на крестѣ распятому и воскресшему изъ мертвыхъ, слава во вѣки. Аминь.

4. Слово учително наказуетъ о впровавшихъ азъ стрѣчю и азъ чехъ**).

Подобаеть же намъ, братие, на всякомъ мѣсте молитву творити; аще ли въ путь идемъ или на мѣстѣ сидимъ, имаяжь господне всегда да не исходитъ изъ устъ твоихъ. Глаголи же сице: «Господи Исусе Христе, Сыне божии! помилуй мя грѣшнаго». Писано бо есть: «Прокляти суть уклоняющенся отъ заповедей господнихъ». О сихъ же апостолъ пишетъ: «Не любите мира и яже неподобная въ мире: аще кто неподобная въ мире любитъ, врагъ бываетъ Богу». Сеже и меню быти неподобная въ мире вѣрованіе въ стрѣчю и въ чехъ и во птичей грай. О томъ же апостолъ глаголетъ «О братие! блюдитесь, да никтожь вистъ будетъ прелшая хитростію и тшетною лестію по преданиемъ чловѣческимъ, по стихнемъ мира сего, а не по Христе Исусе; никтожь бо себѣ да прелщаетъ, аще кто мнится мудръ быти, тако бо въ вѣце семъ буй да бываеть. Тѣмъ же да никтожь хвалится въ чловѣцехъ: Господь бо гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать. И не бывайте удоумъ предложени ко иному ярму, якожь невѣрнии; никтоже васъ лѣститъ суетными словесы, сихъ бо ради приходитъ гнѣвъ божии на сыны непокоривыи.» Мыжь, любимицы, покоримся Богу и поидемъ въ саъдъ святии его заповеди, отже-

*) Въ рук.: сил.

**) Это слово находится также въ полууставной рукописи Новгородской Софійской библиотекѣ № 1428, л. 520.

немъ отъ себе богомерзкия помыслы; понежь бо есть лучши Бога истиннаго познати и ния святое Яго прославляти, нежели въ стрѣчу и въ чехъ вѣровати: сиа бо есть прелестъ, а не божие преданіе, ниже святыхъ отецъ повелѣніе. Мнози бо чловѣцы тшетною прелестію вѣруютъ во стрѣчи, и въ чехъ, и во птичей грай и во всякая мечты бесовския,— и тѣ послѣдуютъ обычаю невѣрныхъ языкъ, не знающихъ Бога, отъ нихже такая прелестъ во православіе преселися. О любимицы! вземлите себѣ о семъ прилѣжно, понеже подобаетъ просити совести благи у Бога, аще хоцетъ воля божия быти во всемъ, нежели злотворящимъ совестемъ послѣдовати и вѣровати во стрѣчу и въ чехъ и во птичей грай. Таковажь прелестъ и такое неподобное вѣрваніе никакожь во христіанехъ именуется быти. Довлѣетъ же намъ быти по апостолу, — волю невѣрныхъ языкъ отложить: понежь встрѣчная и чеховная прелестъ невѣрныхъ языкъ увѣреніе, вѣркимъ жѣ о семъ божественная писанія нигдѣ не описуетъ быти. Въ такихъ же прелестехъ невѣрніи языцы ходятъ и симъ же неподобнымъ похотѣнъ мнози вѣрніи прилепляются; понежь осуетишася помысленни своими и омрачиси неразумное ихъ сердце. Чловѣче! потшися по апостолу себѣ искусна во всемъ поставити предъ Богомъ дѣлателя непостыдна, правище слово истинное; бунхъ же и ненаказанныхъ стязаніи отридайся. Мнози бо неразумніи и ненаказанніи *) чловѣцы увѣряютъ себе въ стрѣчу и въ чехъ и тѣмъ же бесовскимъ помысломъ повинуются; симижь помыслы явстезнее босове отводятъ насъ отъ Бога и Духа Святаго отъ насъ удаляютъ, понежь Духъ Святой дѣйствуетъ во священницехъ и въ дьяконехъ и во мнишескомъ чину и во братіи христове, рѣкше въ нищихъ: такіи бо чини отъ Бога всѣ благословени суть. Мыже тѣхъ всѣхъ чиновъ на встрѣче гнушаемса, и отвращаемса отъ нихъ, и укоряемъ ихъ на первой встрѣче и поносимъ ихъ въ то время на пути многимъ поношеніемъ. О окаянніи чловѣцы! разумеите о сихъ благословенныхъ чинехъ; азъ вамъ о тѣхъ чинехъ отъ апостола покажу, понежь буяя мира, и немощная, и худородная и уничиженная мира избра Богъ, а крѣпкия, и премудрыя и сильныя посрами и упраздни и уничижи Богъ, да не похвалится всаа плоть предъ Богомъ. О священницехъ же апостолъ глаголетъ сице: «Прилежащая помы добре сугубыя чести да сподобляются отъ Бога, отъ някше по благодати Святаго Духа мы приемлемъ тѣло и кровь христову и поканинемъ разрѣшеніе грехомъ нашимъ приемлемъ, отъ някше обновляемса». Апостолъ же глаголетъ: «Старцу не твори пакости, но утешай, яко

*) Въ рукъ: *несказанніи*.

отца; старица, яко матере». Разумейже, человекѣ, о такихъ чинехъ: козь велицы именуются у Бога! Мыжь, окаянствомъ своимъ и встрѣчною прелестію, такихъ чиновъ на первой стрѣчѣ гнушаемся, и отвращаемся, и унижаемъ и укоряемъ ихъ, язь самъ Богъ возлюби. Мнози же отъ человекъ сему встрѣчному помыслу и прелестному повинуются. Разумей же о сихъ: понежь бо аще кто на первой стрѣче гнушается священническаго чина, той бо божия служителя гнушается, понежь бо переи образъ господень носить въ службѣ; нарицають же ся переи плотнии серафими, понежь Господа на главѣ своей носить: по сему же переискаа почестъ къ Богу восходить. По сихъ же аще ли кто въ первое стрѣтенье смрадитъ мническаго чина и образа, той бо посмракаетъ инока, плотнаго ангела божия, понежь мниси подобие носить ангелскаго образа. По сихъ же аще кто укоряетъ на первое встрѣтенье нищая и худородная, то Бога укоряетъ и братію христову, ихъже самъ Господь нарицаетъ нищихъ—меншую свою братію. По сихъ же всѣхъ аще ли кто первая ради встрѣчи укоряетъ какова либо богоугодника человекѣ, той убо укоряетъ образъ подобия божия, понежь самъ Господь о человекѣ глаголетъ: «Сотворишь человекѣ по образу нашему и по подобію». Внимайтежь, любимицы, о сихъ всѣхъ и не бывайте мудри о себѣ и не прилепляйтесь лукавому и прелестному бѣсу: той бо всѣваетъ въ человекѣ на уверение встрѣчныя и чиховныя и всякия злыя помыслы. Тыжь, рабе христовъ, въ то время вооружайся крестнымъ знаменіемъ и призывай имя господне и рцы сице: «Господи Исусе Христе, Сыне божіи! помилуй насъ». Глаголетъ бо апостолъ: «Всякъ, иже призоветъ въ кое аще время имя господне, спасется». По сихъ же молю насъ, любовныя братія, блюдитесь творящихъ распря и раздоры, понеже въ тѣхъ неподобная совершается. Посемужь встрѣчныхъ и чиховныхъ и всякихъ злыхъ помыслъ возненавидимъ всякимъ нравомъ,—молюся,—угодимъ же Богу правую вѣрою и чистымъ житіемъ, славяще святую Троицу, Отца и Сына і Святаго Духа ныне и присно и во веки вѣкомъ. Аминь.

5. Поучение къ впрующимъ отъ прелестнаго разума въ рождение мѣсяца, и въ наполнение, и въ ветость и въ переходя звѣзды, и во злые дни и часы.

Многажь милость и неизреченны щедроты и человекѣлюбие явися на насъ великаго Бога и Спаса нашего Исуса Христа, понежь бо свыше отъ небеснаго востока осия насъ Солнце Праведное и показа намъ пресвѣтлую лучу, обоженную плоть, еже есть Сынъ божіи. И родися безъ смяени отъ пречистыя матере своя зачатіемъ Святаго

Духа и со чловѣки на земли помнве и снабди весь родъ чловѣчскій своимъ животочнымъ источникомъ, животворящею кровію и водою, и омыи преступление адале, и насъ избавитъ отъ неправеднаго греха и свободи насъ отъ насилья дьявола. Насилливемъ дьявола сотворится отторгновеніемъ отъ Бога и склоненіемъ во злочестивыя и богонегудныя дѣла, еже и бысть во древнихъ родехъ чловѣкомъ, по своимъ водемъ ходящимъ и вниающимъ бесовскимъ прелестемъ, — еже бо кумиролуженію работашу и тварь паче творца почиташу и служаху небесному двизанію и поклоняющеся ови солнцу, инии мѣсяцу, инииже звездамъ вниаху, инииже каменемъ жруще, инии ко источникамъ и ко прочимъ водамъ приходща и жертву бсомъ творяху. Таковаго же неистоваго дѣла не терпяще зрѣти Неусыпающее Око и вспомнну дѣла руку свою и своего созданиа, еже чловѣческаго существа не остави во грѣсѣхъ погибающаго и возрѣ на насъ грѣшныхъ своимъ пресвѣтлымъ солнцемъ, и сииде отъ небесныхъ круговъ къ намъ на землю немерцающее Праведное Солнце и показа намъ пресвѣтлую спюю лучу, еже есть обоженую и нетлѣнную плоть, и тѣмъ обнови отъ прежняго греха и преступления прадеда нашего Адама и насъ избавляетъ отъ смерти грехопаденія и животь вѣчный инии даруетъ. И сотре Христосъ Богъ нашъ насилья дьяволе и вся сосуды его лукавыя и свѣти неприязненны сокруши и себе великаго Бога и единого Творца во всю вселению показа Христосъ, истинный Богъ иишъ. Мы видѣхомъ свѣтъ истинный небесный, еже есть, отъ небесъ Бога въ плоть пришедшаго; и родися отъ Духа Свята отъ пресвѣтлыя и браконенскыиыя чыстыя Дѣвы, отъ негоже мы обретохомъ вѣру истинну: та бо насъ спасаетъ. По семъ же отъ писанна скизую и предлагаю вамъ, любимаа братія, неразумныхъ чловѣкъ прелестъ, понеже воспоминаю древнее чловѣческое злоуправіе, о нихъ же выше рекохомъ. Посемужь и въ нынешнихъ родехъ неистовыа чловѣцы забываютъ Бога, спасающаго насъ, и оставляютъ Творца своего помощь и послѣдуютъ прежнему еллинскому и еретическому злоуправному обычаю, понеже иишъ, въ настоящемъ времени, мнози неразумни чловѣцы оплазвивымъ своимъ разумомъ вѣруютъ въ небесное двизаніе, рекше во звѣзды и въ мѣсяцъ, и разчитаютъ гаданіемъ, потребныхъ ради и миролюбивыхъ дѣлъ, роженіе мѣсяцу, рекше, молоду; инииже усмотріютъ полнаго мѣсяца и въ то время потребная своя сотворіютъ; инииже изжидаютъ ветхого мѣсяца; инииже ушерба, сирѣчь перекроя; инииже ходятъ по звѣздному хоженію, такоже гаданіемъ исчитаютъ добрыа часы и злыа. И мнози неразумни чловѣцы увѣряютъ себѣ тшетною прелестію и облачаютъ себѣ неистиннымъ разумомъ: понеже бо ови дворы строятъ въ нароженіе

мѣсяца, и ниже храмины создати начинаютъ въ наполнение мѣсяца; и ни бо въ таже времена женитвы и посиганія учреждаютъ. И мнози баснословнемъ своимъ, по тому же мѣсячному гаданію, уверяючи себя неистовымъ разумомъ, и земная сѣмена насаждаютъ и многія плоды земныя устрояютъ. И тако неразумніи челоувѣцы несвершенымъ своимъ разумомъ увѣряютъ себе въ переходныя звѣзды, рекше въ зодейныя, и въ томъ звѣздномъ хоженніи мятутся и гаданіе творять по сему, понеже безумніи людие вѣруютъ въ дванадесять переходныхъ звѣздъ и семь звѣздъ болшихъ планидъ, въ нихъ же невѣгласи вѣруютъ и волхвуютъ, понеже *ищутъ дней рожении своихъ и саковъ получениа, въ нихъ же ищутъ рока житию и блдныхъ напастей и различныхъ смертей и вазней *) въ службахъ и въ куплехъ, и въ ремеслахъ и выныхъ строеніихъ. Симъ же дѣломъ безумный челоувѣцы, оставя божію помощь, и уклоняются въ развращенная, а не въдуще, яко кѣсть се божіе повелѣніе, ни святыхъ апостолъ, ни святыхъ отецъ преданіе, но боленавистно и мерзко бысть Богу такое окаянное дѣло, второе бо идоловрие именуется **), занеже еретицы отъ бѣсовъ такіи плевель всѣяща невѣгласомъ и неразумнымъ и бунемъ душамъ на пагубу. По семуже окаянному лѣзу безумніи уклоняются на греховную себѣ спону, понеже добрыя дни и злыя часы исчисляють по семужь мѣсячному хоженію и звѣздному. Сія же челоувѣцы тѣмъ умъ свой погубиша и въ таковыя прелести себѣ погрузиша и осуетишася умы свои и не познаша истиннымъ разумомъ божественнаго писаніа; понеже неизреченная мудрость Сынъ и Слово божіе самъ проповѣдуетъ ученикомъ своимъ и глаголетъ: «Нѣсть ваше разумети времена и лѣта, яже Отець положи своею областію». О томъ же благовѣщанная уста и Богомъ избранный сосудъ, апостолъ Павелъ вопиеть и глаголетъ сице: «Тако вы возвращаетеся пакы на немощныя и худыя стихія, имъ же пакы свыше служити хотите, дни смотряще, мѣсяцы и времена и лѣта». Внимайте же, о вселюбовнии братія, колико намъ заповѣдуетъ Духъ Святый не уповати на немощныя и худыя стихія и не повелеваетъ вѣры прилагати къ худымъ и немощнымъ стихіямъ, рекше небесному движанію. Небесное же движаніе именуется солнце и мѣсяцъ и звѣзды: движими суть отъ ангелъ божіимъ повелѣніемъ за челоувѣческое спасеніе, а не сами о себѣ движутся. О семъ же обновляетъ свидѣтель небесному движанію, иже до третинго небеси*

*) Въ рук: *каменей*.

**) Курсивомъ напечатанное сходно съ однимъ мѣстомъ статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ.

восхищенъ бысть, апостолъ Павелъ и нарицаетъ по своему свидѣтельству солнце и мѣсяцъ, луны и звѣзды худую и немощную тварь. Мыжь да глаголемъ: «по истинне бо есть такъ», и о семъ по благодати Святаго Духа явственне известимъ и въ разумное сказаніе положимъ: понеже бо солнце и мѣсяцъ и звѣзды бездушныи и безсловесныи суть и помощи и власти отнюдь никакия не имѣють и явля никакова не творять ни добраго, ни злаго, понеже бо не воздаютъ добрымъ добраго, ни злымъ злаго. Сотвореныжь бысть солнца и мѣсяцъ и звѣзды великимъ Богомъ отъ невещественаго огня, рече отъ негасимаго, понеже бо негасимый, рекше невещественный огонь, по божию створенію горитъ самъ себя, бѣзо всякия вещи и бестъ прикладу: отъ сегожь огня сотвори Богъ солнце и мѣсяцъ и звѣзды и постави ихъ на тверди небесней своимъ великимъ божимъ промысломъ и повелѣ имъ свѣтити по земли, солнцемъ постави на просвещеніе дню, мѣсяцъ же и звѣзды постави на просвещеніе нощи. І ныне солнце и мѣсяцъ и звѣзды по створенію создателеву изначала и до сего времени во единомъ огненемъ существѣ пребываютъ, и ничтожь ино светится въ солнце и въ мѣсяце и во звѣздахъ, токмо огонь единый; горитъ же и свѣтитъ надъ земнымъ лицемъ беспрестачно божимъ повелѣніемъ. О семъ же во псаломнице глаголетъ: «Ты соверши зря и солнце, луну и звѣзды, язь ты основа; яко той рече и быша, той повелѣ и создашася». Безумныи же чловѣци осуетишася умы своимъ и не познаша твари божия истиннымъ разумомъ, понеже вѣрують волхвованію и еретическому обычаю и нечестію а прилагають вѣру къ бездушному и къ бесловесному огню, занеже смотрять на мѣсячная времена и звѣздное хоженіе потребныхъ ради миролюбныхъ дѣлъ. О семъ же явственне выше рекохомъ. Сегожь божия зданіи не разумѣша бун чловѣци, о нихже въ подобу пратча глаголетъ: «понеже въ лукаву душу не видеть премудрость». Слышитежь и ужасайтеса, ангели бо, бесплотнаго словеснаго естества суще, божественными просвещении и осиннии богатѣи всего наслаждаются, но і ти бо ничтожь боле свѣдуше отъ будущихъ, развѣ елико открыеть имъ Духъ Святой. И како бо звѣзды, бездушнаго естества и неразумнаго и глухаго суще, предувѣдателныи силы ѣкия сущи причинаются и власти таковыя, яко бо и житія наша жеребствовати і силою влещи къ добродѣтелямъ и къ злостямъ? Но во истину глухи и неразумны отнюдь исповѣдавшаго и приемлюще горшему ослеплению. О томъ же бо глаголетъ отъ соборнаго посланія Петра «апостола: «Понеже приидеть день господень, яко тать въ нощи», вонже убо небеса мимо идутъ съ шумомъ, стихія же сожигаемы разорятса, земляжь и вся, аже на ней, дѣла згорятъ; снѣгъ убо всѣмъ разорлемо

чающе быти пришествіа божіаго дне, егоже ради небеса жегома разорятся и стихія опалима растають. Внимайтеже о семъ: понеже небеса и свѣтила, рекше солнце и мѣсяць и звѣзды, гдѣ тогда обращутся? Нынеже невѣгласи укоряють себѣ отъ такихъ престестей восприяти велие приобретение по вѣшней хитрости, за такую жь престель сами геоньскіи огнень осудятся. О нихъ же: кня, рече, звѣзды соблюдающе и мѣсяцы нечитающе, і се быша яко стебли: огонь сожже ихъ и не избавитъ души своєю отъ пламени огненнаго. О силъ же Григоріи Богословъ глаголетъ, яко непотребни суть звѣздная плетения і образы, иже губятся промыслы рожденія, и рождение и мна таковая вся оплева. Внимайте, братіе, о семъ, понеже намъ престестнаго разума отнюдь довлѣтъ всякимъ нравомъ удалитися; подобаетъ же намъ, братіе, своєю петинною и зъ горящею любовію божіаго помощи къ себѣ искати во всякихъ дѣлахъ, нежели безсловесному и бездушному огню вѣровати. Творитиже намъ и строити полезно есть и спасено всякое дѣло во имя господне, силенъ бо есть Богъ во всяческихъ и дивенъ Господь во всѣхъ дѣлахъ своихъ и преподобенъ во всѣхъ чудесехъ своихъ и близъ Господь всѣмъ, призывающимъ Его. По семужь, любимицы, намъ всемъ сердцемъ Бога славити и благодарити во всякомъ дѣле и призвати на помощь Творца нашего, Бога и Господа Исуса Христа; понеже бо велии Господь нашъ и велиа крѣпость Его и разумъ Его несть числа. Всяже тварь небесная и земная трепещетъ единому владыкѣ Творца небеснаго, Бога Господа нашего Исуса Христа. Намъ же, братіе, не буди упование имѣти на немощныя и худыя стихія, ниже имаямъ вѣру прилагати бездушному и безсловесному огню, рекше солнцу и мѣсяцу и звездамъ, понеже бо они въ существѣ огненномъ пребываютъ, о нихже яснѣ выше писахомъ. Буди же начъ, братіе, во всякомъ дѣле славити и величати утро и вечеръ, и въ полудне и во всяко время Творца нашего, въ Троицы единого Бога, Отца и Сына и Святаго Духа. А о днехъ и часехъ злыхъ гдѣ въ которыхъ книгахъ обретается или каа святая повесть о томъ явственно глаголетъ? Псаломницаже глаголетъ силе: «Твой есть день и твоя есть ночь», дни же злаго и часа ни единого не сказуетъ. Такожъ и иная святая писания глаголетъ: «На всякъ день благословлю тя, Господи; и день пребывъ, благодарю тя, Господи!» О зломъ же днѣ и часѣ ни единыя повѣсти не дѣтъ. По семужь мнози святіи отцы на соборехъ кругъ годовой изъяснили, злагоже дни и часа ни единого не показали. Такожъ и Иванъ, златоглаголивая уста, духомъ святымъ состави молитвы по часомъ дневныя и ношныя, і въ тѣхъ молитвахъ не рекъ злаго ни единого дне, ни часа. Потомуже святый ангель предаде молитвы святому Пахомяю

і повелѣ ему творити молитвы на книжедо часъ и на рече злаго ни единого часа. По семужь и во многихъ гранесахъ пишеть і глаголетъ сице: «на всякъ часъ благодарю тя, Господи!» Злагожь часа нигдѣ не обретаю въ божественныхъ писаниихъ; но токмо баснословцы укоряють быти днемъ и числомъ злымъ и добрымъ; насъ же, милосердый. Боже, избави отъ толикия прелести и научи насъ во всякий день и часъ творити волю Твою! Посемъ же молю васъ, любовная братие: бежимъ и возненавидимъ неудобныя и отреченныя прелести и отвратимся вѣрванныя въ небесная движанія, рекше азъ мѣсяць и звѣзды, и угодимъ Богу чистою и несумненною вѣрю, и дѣлы добрыми и благоудными обрищемъ себѣ вѣчную жизнь и наслѣдие царства небеснаго, егожь буди всѣмъ намъ получить о Христвѣ, Бозе *нашемъ, ему-же глава и держава во вѣки векомъ. Аминь* *).

ПУТЕШЕСТВІЕ ИНОКА МИХАИЛА ВО СВ. МѢСТА **).

Сообщено А. С. Павловымъ.

«Путешествіе инока Михаила во св. мѣста, гдѣ святые отеческіе монастыри, патриархи и митрополиты, по Христову словеси: се изъ съ вами есмь до скончанія вѣка. — Ходъ: Отъ Москвы на Казань, на Екатеринбургъ, на Тюмень, на Камскій (?) ¹⁾, на Бирягуль ²⁾, на Небожской верхъ, по рѣкѣ ³⁾ Катунѣ, на Красноярскъ. Тутъ деревня Ай и тутъ часовня ⁴⁾. И деревня Устюба къ рѣкѣ, и тутъ въ Устюбѣ спросить страннопримца Петра Кирилова. И пещерь тутъ множество; отъ пещерь сѣговая гора на триста верстъ: отъ Адама ледъ стоитъ въ своемъ виду и никогда не таетъ. За го-

* Слова, напечатанныя курсивомъ, приписаны позитившею рукою, такъ какъ значительная строка этого поученія была утрачена.

** Въ статьѣ П. И. Мельникова *Расколыническіе архіереи* (Русскій Вѣстникъ, 1863 г., № 4, стр. 624) напечатано это произведение подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Путешественникъ, сиречь маршрутъ въ Опольское царство, писанъ дѣйствительнымъ самоубицею инокомъ Маркомъ Топозерской обители, бывшемъ въ Опольскомъ царствѣ.» Списокъ, нами напечатанный, короче списка г. Мельникова и авторомъ путешествія называется не Марка, а Михаила. Баріанты, относящіеся къ именамъ мѣстъ, заимствованы изъ списка г. Мельникова.

Ред.

¹⁾ Каменогорскъ.

²⁾ Выбернуль деревню.

³⁾ На Избенскъ вверхъ.

⁴⁾ Этой фразы нѣтъ.

рою деревни Димонская ¹⁾, въ той деревнѣ часовня и обитель, а настоятель инокъ схимникъ Юсифъ. Отъ той обители есть ходъ сорокъ дней со отдыхомъ чрезъ китайскую землю и четыре дни (чрезъ) Кукаию ²⁾, потомъ въ Японское царство. Живуть въ губѣ окіана-моря, мѣсто, называемое Бѣловодье, и озеровъ много и семдесятъ острововъ. Острова есть по шести сотъ черствъ, и между ихъ горы. — О Христвѣ подражатели соборной Апостольской церкви! Прошу правымъ образомъ, безо всякой лести: тако антихриствѣ не можетъ быть и не будетъ. А лѣса темныя, горы высокія, разстѣлныя каменные. А народъ отъ Россіи особенной, а воровства нѣкогда не бываетъ. Аще китайцы были бы все христіане, то ни единая бы душа не погибла. Вѣру и имате, любители христовы: грядите; повѣрьте Іоанну Богослову: За женою змій испусти воду, и разстѣся земля и пожре воду, а женѣ Богъ помогъ: дадеся два крыла и парить въ пустыню, и препитана будетъ время и времена и полвремени, то есть 42 мѣсяца, — вѣдомо есть, — толкують еретицы, но противно Христу. Ассиріане отъ павы римскаго гонимы были и изъ своей отлучились пять сотъ лѣтъ, а приисковали мѣста два старца. Церквей христіанскихъ ассирійскихъ до сту, а патриархъ антиохійскій и 4 митрополита и все особы духовныя существуютъ неизмѣнно и нерушимо, а русскіихъ 40 церквей и 4 митрополита занялись отъ патриарха ассирійскаго, отлучились отъ своихъ мѣствъ отъ лѣтъ Никона патриарха. А проходъ ихъ былъ отъ Изосима и Савватія соловецкихъ кораблями чрезъ ледовитое море. Такимъ же образомъ отцы посылали изъ монастыря Зосимы и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ. А сей памятникъ писанъ тѣмъ самымъ, который тамъ самъ былъ, а имя мое многогрѣшный инокъ Михаилъ. Аминь.

---

¹⁾ Ульиенска.

²⁾ 44 дни ходу чрезъ Губань.

ЗАГОВОРЪ ОТЪ УКУШЕНІЯ ЗМѢИ.

Сообщена П. П. Барсовымъ ¹⁾.

Святый Боже! бѣсловъ! ²⁾ Святый Боже! бѣсловъ! Въ чистомъ полѣ, въ темномъ лѣсѣ, на крутомъ рѣни, на морѣ-окіанѣ, тамъ стоитъ игрушка; на той грушѣ 700 дубцевъ, 700 кокотовъ ³⁾, на тѣхъ кокотахъ змѣиное гнѣздо, а въ томъ гнѣздѣ змѣя-змѣица, всѣмъ змѣямъ царица, Катерина-Ригатуха. Прихожу я рабъ божій, *имрекъ*, къ тобѣ-змѣѣ, Катеринѣ-Ригатухѣ, отъ Господа Бога, отъ большого брата, отъ большей сестры: «Собери ты весь свой гадъ змѣй, что въ тебѣ есть въ свѣтѣ тридевать покрасы, и вынимай ты съ *такого-то* раба свой златъ зубъ маковымъ зерномъ, ховиннымъ ⁴⁾ перомъ. Коли соберешь ты весь свой гадъ змѣй, что въ тебѣ есть въ свѣтѣ тридевать покрасы, и вынешь ты свой златъ зубъ съ *такого-то* раба: то я прощу тобѣ со всѣми твоими змѣями, что въ тебѣ есть въ свѣтѣ тридевать покрасть; а не вынешь ты своего злата зуба, то а тебя заклянѣю со всѣми твоими змѣями, что есть у тебя въ свѣтѣ тридевать покрагы; а не а тебе заклянѣю, заклянѣтъ тебя Господь Богъ и Михаилъ архангелъ животворящимъ крестомъ. Собирай рѣчныхъ рѣчницъ, озерныхъ озерницъ, земляныхъ землиницъ, травяныхъ травяницъ, борovýchъ боровницъ, лѣсовыхъ лѣсовицъ, кустовыхъ кустовицъ, полевыхъ полевицъ, конныхъ конницъ, ежевыхъ ежевицъ, дворовыхъ дворовицъ, варковыхъ варковицъ, гноевыхъ гноевицъ и ползучую, и бѣгучую, и летучую, и ярую, и переярую и веретеницу и сереновицу. Святый Боже! бѣсловъ! Мать Пречистая! ходи ко мнѣ на помѣчь. Ангелъ на радощахъ!» Выползала змѣя съ болѣдня, съ лукоморья, съ зеленой и съ сырой земли и укусила змѣя *такого-то* раба за бѣлое тѣло. Идетъ Мать Пречистая, сверь качаетъ; изъ этого раба змѣинные зубы выбираетъ: «Выпадыте зубы изъ *такого-то* раба изъ бѣлаго тѣла, и утихни есель ⁵⁾; а я, Мать Пречистая, стала на помѣчь и *такого-то* раба ангелъ на радощахъ!»

¹⁾ Записанъ орловской губ. трубчевскаго уѣзда въ селѣ Котовѣ. ²⁾ Благослови.

³⁾ Сучьевъ. ⁴⁾ Совинимъ. ⁵⁾ Оухоль.

ДВА РАСКОЛЬНИЧЬИ СТИХА. ¹⁾

Сообщены Н. Н. С-нымъ.

1. Пѣснь умильна Лаврентьева монастыря.

Боже! придоша времена до насъ,
О нихъ проречеша еще прежде насъ.
Пустыня была вѣкъ приближица;
Пыль ужь тамъ итъ приближица.
Разсылають насъ, разлучають насъ...
Ради бѣ неразлучно идти за Кавказъ.

---

¹⁾ Первый изъ напечатанныхъ здѣсь стиховъ взятъ изъ раскольниковьяго сборника Моск. Д. Акад. № 431. Лаврентьевъ монастырь принадлежалъ къ числу обширѣйшихъ раскольниковыхъ монастырей. Онъ находился въ ягилевской губерніи, въ близкомъ (нынѣ гожевскомъ) уездѣ, неподалеку отъ Гомеля, въ имѣніи князя Паскевича. Уничтоженъ въ сороковыхъ годахъ, при настоятелѣ игуменѣ Аркадіѣ. По разореніи монастыря Аркадій ушелъ за границу и тамъ бѣловришчанскій митрополитомъ Кирилломъ произведенъ въ епископы, съ названіемъ брачловскаго. Ему приписываютъ и сочиненіе стиха о разореніи Лаврентьева монастыря. Стихъ этотъ, положенный на голосъ, составляетъ доселѣ любимую капту у раскольниковъ. Другой стихъ взятъ также изъ раскольниковьяго сборника Моск. Дух. Акад., который носитъ курьозное названіе «собранія разныхъ свѣтскихъ нравственностей». Подъ именемъ этихъ нравственностей внесены въ рукопись частію стихотворенія и изреченія сочинителей-нераскольниковъ, — изъ нихъ нѣкоторыя не цензурнаго содержанія и притомъ далеко не нравственнаго, — частію стихотворенія же произведенія раскольниковьяго пера. Оныя раскольниковьяго виршотворенія, какъ можно догадываться, принадлежатъ одному автору — нѣкоему мѣщанину Святославскому. На оберткѣ рукописи есть между прочимъ слѣдующая надпись: «1842 года 31 генвара завинался»

Въ сей книгѣ чтеніемъ московской мѣщанинъ,
И за написаніе Святославскаго хвалилъ,
За то, что много рижѣ (sic) въ ней написалъ
И любителей сатиры показалъ.
Читатели! стихи и эпиграфы прочтите,
А за написаніе Матвѣя Святославскаго хвалите.⁴

Къ сожалѣнію «критика» на табакъ не окончена; подъ нею есть приписка: «въ критикѣ еще половини не написано.»

Не противимся божіей воли,
 Идемъ по своя мы по неволи.
 Оставляемъ храмы, пречудно созданны,
 Златомъ и серебромъ богато убранны.
 За царя молять и въ поля будемъ,
 Про житье свое въ вѣкъ не забудимъ.
 Пущай владѣютъ чужимъ насильно;
 Скоро Судія воздастъ обильно:
 Рапелъ у него и царь и воинъ,
 Богату и нищу судія единъ.
 Иргизскія воды въ море утекли;
 Его жителей вонъ вытиснили.
 Поселили ихъ близъ Ленкорана,
 Имъ свобода тамъ вся вполнѣ дана.
 Араратъ гора и Араксъ рѣка
 Въ соудствѣ у нихъ въ послѣднѣ вѣка;
 Каспійское море ихъ обливаеъ,
 Песчаная степь ихъ обливаеъ;
 Ситѣговья горы покрывають ихъ,
 И рѣка Евратъ недалече ихъ.
 Дождались и мы жестокой зимы,
 Выслали вѣхъ насъ безъ всякой вины.
 Мы во всемъ власти повинuemся,
 За обидящихъ насъ Богу молимся.
 Построимъ мы кущи вмѣсто свѣтлыхъ келій,
 Мы будемъ въ молчаніи, вмѣсто громящихъ пѣній.
 Поминать мы будемъ про житье свое,
 Жили при рѣкѣ, при быстрой Уатъ.
 Но время быстрѣе сей нашей рѣки;
 Оно унесло молодые вѣки.
 Цвѣла обитель боліе ста лѣтъ;
 Нишъ опустѣла, уже ея нѣтъ.
 Звонъ былъ удивленный, аки громъ гремѣлъ;
 Соборъ разныхъ птицъ громко пѣсни пѣлъ.
 Теперь все замолкло и нѣтъ ничего;
 Погибло, потлѣло, травой заросло.
 Перестаньте пѣть, веселыя птицы,
 Скоро улетайте за море отъ насъ,
 Скажите за моремъ, что ужъ насъ тутъ нѣту,
 Къ намъ не прилетайте къ будущему лѣту.
 Пущай распѣваетъ здѣсь одна сова,

Летучія мыши, воробьесъ стада.
 Прохожій не можетъ безъ слезъ проити,
 Разматривая разны предметы.
 Никого не видитъ, никто не встрѣчаетъ;
 Онъ, все обзирая, главою качаетъ.
 Гдѣ праведный судъ? — Его не стало,
 Какъ превратное время настало.

II. Справедливая критика на табакъ.

Враждебникъ нашихъ душъ и жи отецъ
 Предвидѣлъ вѣка близкій конецъ.
 Страшась горѣть въ геенѣ безконечной,
 Умыслилъ грѣхъ ввести безчеловѣчной
 И въ тартаръ зубами закрипѣлъ,
 Какъ левъ, разверзши челюсти, взревѣлъ:
 «Коль горестно душа моя томится,
 «Что «пиміамъ Месіи лишь курится!
 «Почто распятыи Маріинъ сынъ
 «Пріемлетъ днесъ почтеніе одинъ?
 «Я зрю: хотя уже развратенъ свѣтъ,
 «Но мнѣ благоуханной жертвы нѣтъ.
 «Уже я скверны моды выдавалъ,
 «Училъ пїанству, драки воздвигалъ;
 «Еще душа моя не насытилась,
 «И новое желаніе явилось.
 «Еще вновь сердце во мнѣ горитъ;
 «Я тѣми жертвами весьма не сытъ.
 «Пушайздамъ на свѣтъ отличну моду;
 «Дай отъижу молитвенну свободу.
 «Презлестно ремесло подать хочу,
 «Чѣмъ рану нестерпиму залѣчу.
 «Пизать что, на Голгофѣ водрузилъ,
 «Тѣмъ древомъ сердце мое пронзилъ.
 «Страдалъ ей тысящу и больше лѣтъ,
 «Погибъ мой умъ, къ лѣчбѣ надежды нѣтъ».
 Пзрекъ сіе и безъ вѣсти пропалъ,
 Какъ въ адъ томъ онъ вѣчно не бывалъ.
 Въ бездонный тартаръ съ шумомъ опустился,
 И въ размысленье злое погрузился.
 И долго думалъ тамъ, какой бы грѣхъ

Поспѣшнѣй могъ прогнѣвать Бога всѣхъ.
 Оттолъ долго бѣси ожидали;
 Почто же скрылся, всѣ того не знали.
 И выдумалъ премерзко утѣшенье
 На нераскаянное прегрѣшенье.
 И вдругъ изъ тартара какъ огонь явился,
 И съ радостью на тронѣ очутился.
 Немедля онъ начальства тѣмъ собралъ
 И планъ обдуманнѣй имъ расказалъ.
 Ура! кричали всѣ, тѣмъ честь явили,
 И всѣ полки знамена приклонили.
 Тутъ князю тѣмъ далъ строго приказанье,
 Достать травы чтобъ приложилъ старанье,
 Послать за табакомъ, гдѣ бралъ Веспуднѣй.
 «Сейчасъ!» И полетѣлъ туда бѣсъ куднѣй,
 Слуга на зло послушный и ретивнѣй.
 И хватъ, къ дѣламъ не промахъ торопливнѣй:
 Какъ молнѣя въ Америку слеталъ,
 Съ папушами діаволу предсталъ.

А онъ его велѣлъ смолотъ, подправить,
 Но, чтобъ покрѣпче былъ, велѣлъ золы подбавить.
 Когда же бѣсъ молотъ, и въ тотъ горшокъ
 Подсыпалъ діаволъ идской порошокъ
 Разъемистѣй, прижачивнѣй, куражнѣй,
 На вѣкъ волшебной силою преважнѣй.
 Князь тѣмъ сперва отпробовалъ самъ,
 Потомъ начальникамъ и всѣмъ бѣсамъ.
 И коль съ него тогда развеселились!
 Играли, прыгали, какъ всѣ взбѣснѣлись.
 Тутъ громко всѣ: «взвать! ура!» кричали,
 За выдумку почтенье отдавали.

Тутъ новостію Веелзеулъ занялся,
 Всей силою зло вымыслить старался,
 Желаснѣй успѣхъ чтобъ получить,
 Бѣсовской прихоти всѣхъ обучить:
 Послалъ бѣсовъ къ разпратному народу,
 Чтобъ научить и выкинуть всѣмъ моду:
 Какъ нюхать въ носъ, и въ чемъ его хранить,
 Какъ трубки работать, и какъ курить.
 Вдругъ табакерки выдумать не могъ,
 То сатана велѣлъ насыпать въ рогъ.

И чтобъ скорѣй табакъ всѣ полюбили,
 Отвергли Божій страхъ, и адъ забыли,
 Важнѣй всего къ концу привести успѣхъ,
 И не былъ бы порожнѣй носъ у всѣхъ,
 И чтобъ нельзя молитвы сотворить: —
 Всѣхъ научили трубки ртомъ курить.
 И для такой бѣсовской моды новой
 Во адъ трубки не было готовой;
 Діаволъ далъ на вѣчную посмѣшку:
 Изъ ада вытащилъ горящу головешку,
 Сперва чубукъ съ аршинъ къ ней прикрѣпилъ,
 Потомъ и табакомъ всю начинилъ.
 Велѣлъ, чтобъ бѣсъ большимъ весь притворился
 И хитростью обманщикомъ явился,
 И, взявши въ ротъ, по улицѣ ходилъ, —
 Держа кисетъ въ рукахъ, ее курилъ.
 Кто спроситъ: «что ты дѣлаешь такое?»
 — «Лѣчусь! се есть лекарство дорогое.»
 «Но гдѣ ты взялъ толь чудное лекарство?»
 — «Скажи, ходилъ за море въ дальне царство,
 «Божусь, царемъ кой миръ весь покоряетъ,
 «Его держава царства устрашаетъ;
 «Клянусь! берусь я крѣпко за него,
 «Куря! ты здоровой будешь отъ него.
 «Его курить и нюхать въ носъ способно,
 «Всегда оно для всякаго пригодно,
 «Табакъ тебѣ сложный исцѣлитель,
 «А я наставникъ твой и покровитель;
 «Кто нюхаетъ, хоть юнъ или во сто лѣтъ, —
 «Бываетъ здоровъ, умнѣе и скуки нѣтъ.
 «И въ горѣ кто, онъ тѣхъ увеселяетъ,
 «И боленъ чѣмъ, все вскорѣ исцѣляетъ.»
 Вотъ такъ князь тьмы, правитель всей гесной,
 Пустилъ се ремесло по всей вселенной.
 Коль злой обманъ выдумалъ сатана!
 Всѣхъ мнитъ, — потѣха отъ Бога дана.
 Опомнись ты, табашникъ грѣховодникъ:
 Неужели нашъ Богъ — грѣху виновникъ?
 Во дни міроздавнѣ создатель всѣхъ
 Ничто не сотворилъ для злыхъ потѣхъ;
 Хотя и произвелъ сіе творенье,
 Ужель на грѣхъ и скверно утѣшенье?

Увы! вездѣ умножился табакъ,
 И безъ него не могутъ жить никакъ.
 Друзья! воззрите въ путь протекшихъ лѣтъ:
 Стоялъ и безъ забавъ бѣсовскихъ свѣтъ;
 Бывали въ старь военны полководцы,
 Судьи, князья и мудры мореходцы,
 Тогда бывали крезы — патриоты,
 Любили пить и къ роскошамъ охоты,
 Бывали пресвященные владыки
 И силою ума зѣло вѣлики.

Изъ тѣхъ, хотъ и грѣшникъ кто бывалъ,
 Но табакъ никто и не знавалъ.

Вотъ такъ премерзкая вошла забива,
 Пгрушка дявольска, душамъ отравя.
 Какъ море разлилась сія чума;
 Лишился міръ духовнаго ума.
 Въ немъ кроется магическая сила,
 Какъ талисманомъ миръ обворожила,
 Какъ злой халдѣйскій хитрый чародѣй
 Вовлекъ и приучилъ къ себѣ людей.

Волшебно дѣйствіе въ себѣ являетъ;
 Понюхай, какъ магнитомъ приискаетъ.
 Только протекло ужъ тысящъ лѣтъ,
 И наконецъ бѣсъ прихотъ издалъ въ свѣтъ. ...

НѢСКОЛЬКО НАРОДНЫХЪ ЗАГОВОРОВЪ ¹⁾.

Молитва 1-я.

1. Матушка, пресвятая Богородица! преложи моленія и попеченія рабу божіему, имркъ, по рабу божіему, имркъ; чтобы рабъ божій, имркъ, не накла на рукъ и не на ноги и не отверзалъ языка своего до шайт и до вѣку. Аминь.

2. На мори на княитъ, на островъ на Буяитъ, тамъ стоятъ 12 дубовъ, у каждова дуба 12 корней; подъ этѣми корнями лежитъ чугунная доска, подъ той доской лежитъ имрекова тоска. И подоидите 12 братовъ и выкиньте тую доску на востокъ солнушка и выкиньте

¹⁾ Изъ раскольничьей тетрадки новаго письма.

нирекову тоску и вложите таконому человѣку нирека тоску, чтобы рабъ божій нирекъ I по рабу божіиу нирекъ II тосковалъ и горевалъ, сухотился и печалился, въ никакихъ помыслахъ не замышлялъ въ пиру и въ бесѣдѣ любить донинѣ и до вѣка. Аминь.

3. На морѣ на кіявѣ, на островѣ на Буянѣ, тамъ стоитъ зеленой садъ, въ томъ саду стоитъ столбъ, въ томъ столбѣ самъ Господь разсылаетъ ангелей и архангелей: «Пойдите вы въ расійскую землю, таконою губѣрни и уѣзда и сельца и найдите такоитаго раба нирека I, и разслабите его жилы и мозгъ въ головѣ разрейте по-неже, чтобы рабъ божій нирекъ I тосковалъ и горевалъ, печалился и сухотился, ни въ какихъ помыслахъ не замышлялъ и въ пиру и въ бесѣдѣ отнынѣ и до вѣка. Аминь.

4. Есть у Господа Бога на сотвореніе на свѣти 77 земель, 77 птицъ, 77 звѣрей, 77 скорбей, 77 травъ, 77 рыбъ; рыбы же—земныя, въ небуже стоитъ старой Іерусалимъ Христовъ по предельнїю Господа душамъ хрїстіанскимъ *отнынѣ и до* ¹⁾ вѣка. Аминь. Закрѣплена слава рабу божіиу нирекъ по рабу божіиу нирекъ, на 40 дней; не на 40 дней, но на 40 лѣтъ; не на сорокъ лѣтъ, но на весь вѣкъ. Донинѣ и до вѣку. Аминь.

5. Царскія двери растворяются, судія царской къ рабу божіиу нирекъ приклоняется. Матушка, воску яроваго свѣча и богоявленская вода! утоли раба божіева нирекъ отъ всякаго злодѣйскаго сунустата и отъ лихова человѣка 77 именъ отъ (в)сего миру православноаго хрїстіанскаго *отнынѣ и до* ²⁾ вѣка. Аминь.

Молитва 2-я.

6. Есть у насъ отъ діавола или отъ лихова человѣка три листа и три писанныхъ: первой листъ—мать пресвятая Богородица, второй листъ—Іоаннъ Креститель, третій листъ—самъ Ісусъ Христовъ. Чтобы тебѣ, діаволу и лихому человѣку, не вязаться и не касаться: нѣтъ тебѣ тутъ тѣхи и веселія, не радость и не корысть, а вонь тебѣ тѣха и радость и корысть—у стараго хозяина. Кто тебе посылаетъ и кто каряжаетъ, тамъ ты тѣшься и веселися, радулся и корыстуйся, и ты его домай на вѣчную могилу, на третью кадилу. Вѣка. Аминь.

Когда хочешь итти къ кому о чемъ просить, то три раза прочитай.

Или читать три раза надъ водою крещенской и также единаково свѣчу богоявленскою и подати ту воду, на казо читаешь.

¹⁾ Эти три слова въ рук. пропущены. ²⁾ Тоже.

О НАПАСТВОВАНІИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА ¹⁾.

О напаствованіи і терпѣніи новыхъ страдалецъ священнопротопопа Аввакума, священнопротопопа Никифора, священноіерѣя Лазаря і инока Епифанія, и како Лазарю со Епифаніемъ языки отрѣзаны и въ заточеніе посланы.

Лѣта 7172-го году августа въ 24 день сосланъ былъ въ Пустозерской острогъ протопопъ Аввакумъ, и во 174-мъ году марта въ 1 день привезли съ Мезени къ Москвѣ, марта въ 9 день послали подъ началъ въ Паөнутневъ монастырь и держали на чѣпи. Тогоже лѣта мѣся въ 13 день привезли изъ монастыря и преклинали і остригли, мая же въ 15 день послали въ Угрѣшской монастырь съ полуголовою и со стрелцами. І во 175-мъ году сентября въ 5 день взяли съ Угрѣши и перевезли въ Паөнутневъ монастырь и держали скована, сентября въ 12-й день взялъ въ Паөнутневъ дьяконъ вдовой уговаривать и приносилъ выписки въ тетрадѣхъ отъ властей пѣзъ пушкарей Василей Васильевъ. Тотъ же дьяконъ приѣждаль генваря въ 30 день отъ Павла и отъ Лариона і приходилъ къ нему пьянъ ночью, хотѣлъ извести ево. Декабря въ 4 день приѣждаль съ Москвы игуменъ Паөнутневской Парвоней и морилъ ево три дни і въ студеной тюрьмѣ держалъ ево. Апрѣля въ 30 день привезли изъ Паөнутнева къ Москвѣ и держали скована. Мая въ 3 день ѣхали къ Чюдовъ монастырь по приказу государеву архимаритъ чюдовской Иоакимъ да Спаса изъ Ярославля Сергій Волкъ уговаривали и прелшали ево. Тогоже мѣсяца въ 11 день по государеву указу і вселенскихъ патриарховъ тѣже архимариты ѣхали уговаривать же. Іюня въ 17 день ѣхали на соборъ сребролюбныя патриархи въ крестовую соблажнати і отъ вѣры отвращати и, уговаривая, не одоули: послали на Воробьены горы, предивъ воинномъ полуголовъ да тридесатимъ стрелцомъ, твердо стренци заповѣданъ. ІІ того же мѣсяца въ 26 день посланъ отъ царя дьякъ конюшенного приказу Тимофей Семеновъ да старецъ Григорий Нероновъ уговаривать же. Въ 30 день перевезли во Андрѣевской монастырь на Конюшенной дворъ. Іюля въ 4 день по указу цареву приѣждаль отъ тайныхъ дѣлъ дьякъ Дементей Баш-

¹⁾ Пѣзъ раскольничьяго сборника XVII вѣка.

маковъ уговаривати и въ 20 день перевезли на Угрѣшу къ Николѣ чудотворцу; въ 22 день прїѣзжалъ голова Юрїи Лутохинъ уговариватиже по государеву указу. Со Аввакумомъ же и инни 4 страдалцы: Никиѳоръ протопопъ, Лазарь перей, Епифанїи инокъ, Феодоръ дяконъ. И, яко не возмогоша прелстити ихъ, двема повелѣша, срамоты ради своєю, языки урѣзати: Лазарю до вилокъ языкъ отрѣзаша, Епифанїю такожь, августа въ 27 день. И егда Лазарю языкъ вырезали, явился ему пророкъ божїи Плія и повелѣ ему о истиннѣ свидѣлствовати. Онъ же, выплюнувъ кровь изъ рта, и начать глаголати ясно и чисто. Но прежде убо, егда провождаху ихъ, коегождо разными необычными съ Москвы дорогами,—у Лазари, яко глаголютъ, рука десная вся отъ языка обагрена кровию, онъ же благословляше люди, егда его везоша около Москвы въ Калужскїя ворота, черезъ реку, по Даниловскому мосту, по за Симонову монастырю и Спаса Новаго монастыря и Андроникова по за слободамъ, по полямъ, зъ дороги на дорогу перенимаяся, якоже кто есть не благо, паче зло сотворилъ,—укриваяся, бѣгаетъ. Доправився на Переяславку по Троїцкой дороге, въ Братовшню всѣхъ направили кромѣ Феодора, иже подъ церковию въ Богоявленскомъ вселенъ есть. Лазарь же, егда достигъ Аввакума и братїю его, улыкаяся сказывалъ имъ свою побѣду и коварство ихъ мучительское: какъ ихъ казнили, и что имъ выговоръ былъ: «были, де, двѣ плахи да два топора и, посадя на скамьи, языки наши вырезали; но ничто,—рече,—насъ отлучитъ отъ любви христовы.» У Лазаря кровь единымъ временемъ вся и много истече; у Епифанїяже не по многу доволны дни капаше. Сего ради не яше пребыша, молящися, яко Епифанїи не глаголетъ, плакахуся, Богу тако изволившу. Аввакумъ писаше къ своимъ: «Азъ, грѣшный Аввакумъ, не сподобихся таковаго дара: поплакавъ надъ ними, перещеловавъ ихъ кровавыя уста, благодаривъ Бога, яко сподобихся видѣти мученики въ наша лѣта и зѣло утѣшихся радостію великою о неизглаголемѣмъ дарѣ, яко Лазарь свѣтло глаголаше и яко отцы и братїи моя пострадали Христа ради и церкви ради. Хорошо такъ и добръ запечатали со исповѣданіемъ кровію церковную истину! Благословель Богъ, изволивый тако! Ну, свѣты! молитѣ о насъ, а мы, елико можемъ, о васъ. По семъ отъ насъ вамъ миръ и благословеніе и мученики вамъ, миръ давъ и благословеніе, челомъ бьютъ. Егда сїю грамоту писалъ, въ то время старецъ ко мнѣ прислалъ изъ инныя избы стрелца съ радостію: «Не кручинися, деї, обо мнѣ: и мнѣ, де, дала языкъ пресвятая Богородица; говорю, де, и азъ благодатію божїею.» И я, Аввакумъ, збродилъ къ нему самъ вѣтащася. И егда въ избу къ нему иду, и онъ ясно возопилъ: «Слава Отцу и

Сыну і Святому Духу» и прочая, тако ясно во услышаніе всѣмъ, якоже и прежде. Азъ же возрадовахся, начель *достойно* говорить. Онъ же у меня перехватилъ со усердіемъ великимъ и тако кончаша отпустъ. И порадовахся; говоря кое что, разыдохомся; сказывая мнѣ, какъ проглаголахъ и какъ его казнили: «Мнѣ, де, образъ пречистыя Богородицы и мыслию помысливъ, чтобъ мнѣ глаголати и держати о имени Ісусъ Христовѣ; таже мнѣ отверзла уста и языкъ даде и учаль говорить ясно.» А до того я у него былъ, онъ же мнѣ ничто не могъ промолвити, токмо, запечатлѣвъ уста, седѣлъ весь слезенъ: кровлю оба изошли, понеже жилы вырезанны. О великое божіе милосердіе! не вѣмъ, что реши, но токмо: *Господи помилуй*. И Дамаскину Иоанну по трехъ днехъ рука приросла, а новымъ силъ мученикамъ христовымъ Лазарю въ той же день языкъ Богъ даровалъ, а старцу во второй день.» Доздѣ Аввакумъ.

Притижесение. Вы же, христолюбцы, судите: Прошали сїи страдалцы суда праведнаго о церковныхъ догматахъ, чтобъ всѣмъ собраномъ быти расточеннымъ со всѣхъ странъ и судитися съ еретикомъ Никономъ, или свитки написавъ или книгу старую и новую положить къ которому чудотворцу въ раку, постъ людемъ заповѣдавъ, молити Бога, да явитъ знаменіе и помилуетъ люди и раздоръ утигитъ. Но любители новыхъ сего не восхотѣша сотворити, ослѣвивъ бо ихъ злоба ихъ; или огнемъ искусити писаніе, но ни сего помыслиша отнюдь суетиноумудренні архперее, боящися своеса ихъ плотской мудрости не твердой, начель рещи — бѣсовской. По ругахуса окланиніи, глаголюще: «Что родъ сей знаменіи просить? Ащо дастся ему знаменіе въ послѣднихъ лѣтахъ сихъ?» Се Христосъ далъ есть знаменіе рабы своимъ — вѣрнымъ на подверженіи, невѣрнымъ же ваяъ на обличеніи; не мало знаменіе — до плоти языкомъ вырѣзаномъ свѣтло глаголати. По еще и чудитъ творитъ Богъ знаменіа, обличая вашу злобу и жестосердіе: человекъ бо нѣкому отъ Никоновой ереси наченшейся дважды отрѣзанъ языкъ за церковь христову, — и до днесь свѣтло глаголетъ, обличая вы, якоже предтеча Иовакъ Прода; имя же человекъ тому — Стефанъ, по прозвищу Черной, а седѣлъ дякомъ въ Нижнемъ. Желѣ же нѣкоторой, Пустиннѣименемъ, чудотворецъ Игнатіи Вологодской ризслабленной и слепой исцѣлѣние гѣла и свѣтъ очию даровалъ и заповѣдалъ вамъ лукавое свое начинаніе еретическое оставити, яко непотребно и недостойно: повелѣ новой да старой служебники положить въ руку Алексѣю вятрополиту: «ужь, де, людъ безъ причастіа, какъ есть скоть, гинеть.» Сего являючися ей засвидѣтельствоваше. И государь благочестивой ужь тому другое лѣто какъ вамъ отдалъ на соборъ челобитную и до сего

времени ни отказу, ни приказу, христову же рабу саму третью за приставомъ морите голодною смертию и мразомъ. О лицемерства вашего! охъ увы мучительству вашему! Который градъ или страну не зацеписте? Или которую пустыню не исполните кровью? или село? или погостъ? Горы бо и дубравы і дѣбри и холми плача исполните, убиваючи чада свѣтлообразная церковная. Благовременно убо псаломски рещи во истину о спсєвыхъ: *«Положиша трупи рабъ твоихъ злрємъ земнымъ и пролиша кровь ихъ, яко воду, окрєств вселєнныя и не бѣ погрєбавяи.»* И быхомъ поношенне сосѣдомъ нашимъ зѣло и страхъ знасимъ, яко по двухъ и третїи уже Римъ падаетъ начальными, ополчиша бо ся на истину, уготоваша стрѣлы въ тулѣ сострѣляти убога и нища, заклати правыя сердцемъ, сынове Еорємля, наляцающе и спѣюще луки: не сохраниша завѣта божия и въ законъ Его не изволиша ходити и забыша благодѣянии его и чудєсь Его, ихъже яви пяъ предъ отцы ихъ, — яже сотвори чудєса пѣ земли грєчєстїйже и русьстїй несповѣдимаже и неизслѣдома, и напита ихъ отъ тука пшєннична і вина и еєя. И яде и улы утолстѣ и разшири и остави Бога отецъ своихъ и не вѣрова і не упова на спасєние Его і не вѣроваша чудєсемъ Его и исчезоша въ суетѣ днєє ихъ и лѣта ихъ, со тшаннемъ въ пьянєстїѣ і въ козногласїи неподобномъ и неспєподобномъ, мускинскомъ и арганскомъ согласїи, отъ Бога удаленомъ и отъ святыхъ возненавидѣномъ: возлюбиша бо Бога усты своимъ и языкомъ своимъ солгаша Ему: сердце ихъ не бѣ право съ нимъ, ни увѣришася въ завѣте Его и отвратншася и отвергошася, превратншася въ лукъ развращєнъ. Сєго ради удєржа ихъ гордыни до конца; одѣяшася неправдою и нечєстїємъ своимъ. Изыдетъ, яко неъ тука, неправда ихъ; прєидоша въ любовь сердца, помыслиша: и глаголаша въ лукавствѣ неправду, въ высоту глаголаша, положиша на небєси уста своя, и языкъ ихъ прєйде по земли. Вєкую шаташася языци и людєє поучишася тшєтнымъ? Предєсташа царєє земєтїи и князи собращася вкупѣ.

О прїѣзде страдалцєвъ накіє къ Москвѣ. Юля въ 5 день прїєвєзли въ нощи отъ Николы съ Угрѣши и прїѣзжали 3 архимарита 2-жды уговаривать и въ 8 день прїѣздалъ въ нощи Дементей Башмаковъ уговариватиже. И въ 10 день въ нощи прїѣздалъ Артамонъ да архимаритъ уговариватижъ; тогожъ дни имали въ Чудовъ монастырь прєшати і уговаривати митрополитъ Крутицкой Павелъ да архієпископъ Физанской Іларїонъ, і въ 11 день прїєздалъ архимаритъ чудовской. И августа въ 22 день пѣ въ 24 день Артемонъ былъ отъ цєря съ єпѣлосєвомъ съ Симєономъ чернїомъ и зѣло было стязанїє много: разошлїєся яко пьяни; не могъ и поѣсть послѣ крику. Старєць

миѣ говорилъ: «Острота, острота тѣлеснаго ума да лихо укрѣпство; а се не умѣть науки.» И я въ то время плюнулъ, глагола: «Сердять я осмѣ на диявола, воющаго въ вастъ, понеже со дияволонъ исповѣдуши едину вѣру и глаголеши, яко Христосъ царствуетъ несовершенно; равно со дияволонъ и со Еллипы исповѣдуши во своей вѣре. И Артемонъ, говоря много, учнетъ грозить смертию; і я говорилъ: «Смерть—мужу покой есть, и смерть грѣхонъ опова; не грози миѣ смертию; не боюсь тѣлесна смерти, но развѣ грѣховна.» И паки подпадетъ лестию и, пошедъ, спросилъ: «Что, старъ, сказать государю?» І я ему: «Скажи ему миръ и спасение и тѣлесное здравие». А въ 22 день одинъ былъ; такъ говорилъ мягче отъ царя со слезами, а иное приграживалъ, и я въ тѣ поры смѣюся. И много того было: много и Богъ посрамилъ отъ нишей худости, да что съ ними дѣлаешъ? А пошедъ Артемонъ одинъ, кланяется низенко и прощается умилно въ правду; Аввакумъ же говорилъ: «Ты ищешь въ словопрѣпни высокии науки, а я прошу у Христа моего поклонани и слезами, и миѣ кое обшение? яко свѣту со тмою или Христу съ Велиаромъ!» І ему стыдно стало і противъ тово всъявозъ зубогъ молвилъ: «Намъ, де, съ тобою не сообшно.»

О ЗАТОЧЕНИИ ДЯКОНА ТЕОДОРА ¹⁾.

О посланніи въ заточение и о нестерпимомъ мученіи дякона Теодора за святую церковь і о еже како Іскуснѣи властей предестныхъ.

Возвѣщу вамъ, возлюбленнии мои отцы и матери и братия о Христѣ, да познаете, како ма грѣшнаго дякона Теодора покарали къ новому нечестию на Угрѣше и чего ради азъ въ нагѣ посходилъ имъ, тамо седа въ темницѣ. Егда изгнаша насъ архiereе изъ сомнища своего и священнии самъ содраша съ насъ, съ священниимъ протопопомъ Аввакумомъ во единъ день, и егда изведоша ма изъ церкви: і азъ грѣшный и ту, людемъ безчисленнымъ стоящимъ, свѣтлымъ гласомъ проповѣдахъ истинну, сложа въ рукѣ своей (христово) крестной знамение и горѣ то воздвигъ и возопилъ къ народу: «За сию истинну стражду и умираю, братия, и за прочия догматы церковныи!»

¹⁾ Изъ раскольничьяго сборника XVII вѣка.

I въ ту пору, отведше, посадиша мя пѣ холодной чюланѣ на патриаршѣ дворѣ и тутѣ сидѣлъ два дни за сторожами. И на третей по утру за три часа пришедше отъ царя воини взявше і ведоша мя ко красному крылцу. И сверху сошелъ голова и спросилъ: «То ли дьякопѣ благовѣщенской?» И они сказаша: «Тотъ.» I повелѣлъ голова (воиномъ) стрелцомъ взявше и посадити за караулъ у каменнова мосту. И егда стало свитать, тогда пришелъ полуголова и велѣлъ за собою вестн стрелцомъ безоружнымъ ко Тресвитиному мосту и тутѣ прѣхалъ думной Дементей и сказалъ мнѣ: «Потѣдъ, куды повезутъ, и не кручинися: сердце цареве въ руцѣ божній.» Азъ мнѣлъ, яко царь въ Коломенскомъ и къ нему везутъ мя на распросъ, понеже подалъ въ церкви тогда челобитную за печатью,—великия дѣла божній писаны,—и чаялъ, самъ царь тамъ распрашивать станеть: и ево дѣла были тутѣ писаны. Егда выде за городъ, появились извошники и стрелцы со оруженемъ и, посадивше на телѣгу, повезли мимо Коломенского, не вѣмъ, куды, страннымъ путемъ по берегу Москвы реки да по болотамъ, а не прямою дорогою ко Угрѣшескому монастырю, чтобъ никто не видалъ знакомой, куды посадить. И по семъ, уѣхавши, азъ огланулся и увидѣхъ: идалъ мене отца Аввакума везутъ. Отъ Москвы повезли на свѣту, а на Угрѣшу привезли въ осмомъ часу. I какъ привезли къ монастырю насъ, і взяли отца Аввакума два стрелца подъ руки и обвиниша главу его япанчею и повели на монастырь сторонними приты, что отъ роши. И азъ, необычное зря, ужасомъ одержимъ, стахъ, помнѣхъ въ себѣ: въ пропасть глубокую хотягъ насъ сажать на смерть; начахъ прощатися со женою и чады и со всѣми вами вѣрными. И отведше Аввакума, не вѣдалъ, камо его дѣша. И пришедъ полуголова и велѣлъ стрелцомъ взяти мя такоже, а главу мою со очима рогожею покрыть и до ногъ. II, приведше, посадиша мя въ башню пустую, а бойницы замазали и двери заключили. И по малѣхъ дшехъ сталъ полуголовъ бить челомъ, чтобъ въску подалъ женѣ моей, гдѣ сосланы, чтобъ жена моя, безвѣстнаго ради сослання, напрасной смерти не предала себе и души своея не погубила мене ради грѣшнаго: и посулъ давалъ ему, онъ же не восхотѣлъ отнюдъ послати вѣсти: «Царя де не смѣю.» II по триехъ недѣляхъ помысли окаянный молити всещедраго Бога, дабы известилъ сердцу моему Христось: аще неправо что старое наше благочестие и новое что добро. И три дни грѣшный не ѣлъ и ни пилъ и не спалъ, токмо плача милости просилъ у Творца своего. II Христось, Спасъ мой, наче еще сердце мое утвердилъ, яко умрети за всѣ старые, а новаго совѣсть моя сложилася сердцу отнюдъ ни во что не приняти: «все лукавствомъ составлено» — глагола во мнѣ совѣсть.

И не ядши, изнемогъ. И караулишки, видѣвше мя изнемогна, сказали полуголоу; и онъ, пришедъ, воспросилъ мя: «Что, де, дякоу старъ, не ѡшъ?» И азъ рекъ: «Изнемогаю.»—«Ино, де, бы призвати отца духовнаго.» И азъ ему рекъ: «Порадѣй, пожалуй.» А исповѣдятся подумихъ: либо какову смерть ношью внезапно сотворятъ и отецъ, реку, духовной скажетъ вѣстку женѣ, гдѣ мы. И пакы азъ сталъ просити духовнаго отца и полуголоу: «не смѣю, рекъ, безъ царева вѣдома дать.» І о томъ отписалъ къ думному Дементію. И Дементей царя доложилъ, и царь его ко властемъ послалъ, и власти пѣ монастырь Павелъ съ товарищи грамоту прислали по государеву указу: «Тако, де, покаряется намъ, повелеваемъ его исповѣдати и причастить.» И допрашивалъ меня игуменъ монастыря того: «Покаряешися церкви і собору нынѣшнему?» І азъ сказалъ противу: «Покаряюся святой соборной церкви восточной, что прила дравле и держитъ догматы.» И написавши они скаску мою, велѣли руку приложить. І въ полночь прислали ко мнѣ слугу съ нею; и азъ прочелъ и увидѣлъ: у нихъ написано, чтобъ мнѣ на предняя слова не обращатися. И не хотѣлъ руки такъ приложить. «У меня, рекъ, словъ никакихъ худыхъ не бывало.» И слуга мнѣ рекъ: «Да ужъ, де, скижутъ они.» И азъ подумалъ: «Ушто, реку, — въ чемъ азъ промолвился гдѣ?» И приложилъ руку, постоявъ. А тово не вѣдихъ, что въ дому моемъ все перепечатали і слова многия собираны были у мене отъ божественныхъ писаній и старца Спиридонна на ихъ отступление и на лукавыя догматы ихъ: и то все у меня безъ насъ взяли и нынѣ, не вѣмъ, гдѣ ихъ девали. И после скаски сталъ азъ просити отца духовнаго добраго старца у игумена и полуголовы, и они сказали мнѣ: «Какъ, де, станешь умирать, тогда дадимъ отца духовнаго.» И азъ восталъ здравъ о Христвѣ: «Челомъ, реку, бью на милости вашей.» И пакы писалъ азъ имъ, что святой соборной и апостольской восточной церкви ны въ чемъ не противлюся. И послѣ того вскорѣ далъ Богъ царю Государю сына Ивана, царевича, и той ради радости царь насъ изъ темницы спободилъ и взяли къ Москвѣ. И опять дяки разспрашивали меня въ приказе патриаршѣ и азъ тѣ же слова говорилъ, что восточной церкви и догматомъ ея *древнимъ* ¹⁾ не противлюся. И отдали Павлу краснощокому подъ началъ на дворъ; тотъ врагъ лукавой много надо мною казняствовалъ і всѣмъ, стоящимъ въ вѣре, рыеть яму и царевымъ сердцемъ мутить. И егда стали священнику Никитѣ ругатися, будто онъ за неправду стоялъ, а онъ, не претерпя ихъ томления, далъ повинную и, по площади ходя, про-

¹⁾ Это слово приписано позднѣе.

щася, не согрѣшивъ предъ народомъ: и азъ слышахъ, — такоє лукавство надъ нами творити начинаютъ, — мѣсто гнѣву ихъ далъ: взявши жену и чадъ, убѣжавши, скрылся, рекъ въ себѣ: «лучше ми умрети, нежели соблазнити единого отъ малыхъ, вѣрующихъ правѣ.» И егда услышалъ, яко шцуть мя прилѣжно и грамоты посылають по градомъ и друговъ моихъ по Христѣ стали истязовати, приводя въ приказъ, и крѣпити во мнѣ: тогда азъ пакы пришелъ самъ свою душу за нихъ положить, а ихъ чтобы свободили пожаловали. Снажетовалъ азъ Спаса своего слово, еже рече: *Болши сѣя любве никтоже имать, еже кто душу свою положитъ за други своя.* То мое, свѣты, все повинование.

ЗАМѢТКА ДЛЯ БЮГРАФИИ СИЛЬВЕСТРА МЕДВѢДЕВА.

Извѣстно, что Семенъ Медвѣдевъ, въ монашествѣ Сильвестръ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ личностей второй половины XVII ст., былъ сначала подъячимъ. Родился онъ въ Курскѣ, — но тамъ ли поступилъ въ это званіе или же подъяческая служба его началась въ Москвѣ, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній. Современники его засвидѣтельствовали только, что «родомъ бѣ отъ града Курска и первѣе бѣ писецъ гражданскихъ дѣлъ, рекше подъячій;» что служилъ онъ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ (свѣдов. въ Москвѣ) вмѣстѣ съ Федоромъ Шакловитымъ, въ одномъ чинѣ и имени. Но когда все это было, въ какихъ именно годахъ, современники не упоминаютъ, по простой и очень понятной причинѣ, потому что для нихъ дѣлей вовсе не были важны и даже нужны такія подробности. Изъ необходимо было только обличить его въ отступничество отъ православія и въ еретичество.

Позднѣйшіе описатели его жизни, затрудняясь скудостью свѣдѣній, вдавались по необходимости въ предположенія, не всегда вѣрныя. Митр. Евгеній говоритъ, что Медвѣдевъ сначала служилъ подъячимъ въ Курскѣ, а потомъ уже въ Москвѣ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ. Г. Сахаровъ свидѣтельствуетъ, что онъ «служилъ подъячимъ въ Губной избѣ, въ Курскѣ, состоявшей тогда въ вѣдомствѣ Приказа Тайныхъ Дѣлъ.» Преосв. Филаретъ Харьковскій, Курскую и Московскую службу Медвѣдсва совокупляетъ въ одно, говоря, что Медвѣдевъ «вмѣстѣ съ извѣстнымъ Шакловитымъ былъ *Курскій подъячій* (?) въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ.»

Изъ предположеній позднѣйшихъ биографовъ выясняется также и то, что Медвѣдевъ, весьма наклонный къ книжному ученію, чтобы сво-

бодѣе заниматься книгами, перемѣнилъ мірское званіе подъячаго на монашество. М. Евгений замѣчаетъ между прочимъ: «одаренъ будучи острою ума и отъ природы даромъ краснорѣчія, притомъ кичившійся разныхъ книгъ, онъ почувствовалъ въ себѣ склонность къ духовному званію и постригся въ монашество, а наконецъ былъ строителемъ и настоятелемъ московскаго Законоспасскаго монастыря. Въ Москвѣ онъ познакомился съ извѣстнымъ ученымъ іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ и былъ его въ словесности ученикомъ.» Самый осторожный и внимательный изслѣдователь жизни Медвѣдева и первый цѣнитель его ученыхъ трудовъ, г. Ундольскій говоритъ: «Должность и занятія подъячаго въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ видно не нравились Медвѣдеву. Полюбивъ науки, онъ пожелалъ—«устраниться міра и его молвы.» Въ 1670 годахъ, еще бывши бѣльцомъ, Медвѣдевъ съ Молченскимъ игуменомъ Софроніемъ былъ въ Москвѣ, познакомился съ тамошними учеными и въ особенности съ Симеономъ Петровскимъ Ситіановичемъ Полоцкимъ.» Вотъ тѣ соображенія, какія могли явиться сами собою при голомъ сказаніи о подъячествѣ Медвѣдева.

Для пополненія скудныхъ свѣдѣній о жизни этого замѣчательнаго и несчастнаго лица, сообщаемъ здѣсь нѣсколько данныхъ, случайно намъ встрѣтившихся при пересмотрѣ приходо-расходныхъ книгъ Тайнаго Приказа. Свѣдѣнія эти официальные и потому несомнѣнные. Открывается, что въ 1665 году Медвѣдевъ находился уже въ числѣ подъячихъ Тайнаго Приказа и по случаю рожденія царенича Симона Алексѣевича получилъ 5 апрѣля денежное награжденіе 12 рублей вмѣстѣ съ прочими своими товарищами, такими же подъячими *). Необходимо замѣтить, что соотвѣтственно значенію этого Приказа, какъ собственной, кабинетной канцеляріи Государя, въ подъячіе въ эту канцелярію выбирались люди способные и, главное, испытанной честности и преданности, ибо тѣмъ же подъячимъ очень часто поручалось отъ царя исполненіе самыхъ близкихъ ему дѣлъ,—его тайныхъ дѣлъ, исполняемыхъ помимо опубликованія ихъ въ думѣ, каковы напр. была его переписка съ воеводами, съ послами, Ордыномъ Нащокинымъ и другими близкими лицами, къ которымъ грамоты царя возили обыкновенно подъячіе этого Приказа. Затѣмъ на нихъ же возлагалось исполненію разныхъ порученій по домашнимъ дѣламъ, такъ

*) Въ это время въ Приказѣ подъячими были Юрій Никифоровъ, Федоръ Кавалецъ, Авдрей Черново, получавшіе по 16 руб.; Григорій Ключаревъ, Артеміи Степановъ, Семенъ Медвѣдевъ, Петръ Кудрявцовъ, по 12 руб.; Иванъ Полянскій, Маркелъ Виталинъ по 10 р.—Жени подъячихъ, втроемъ бывшихъ въ посылѣ, Кирилъ Демидовъ, Порфиръ Олованиковъ, тогда же получили по 15 р.

что она по необходимости становилась ближайшими наблюдателями всѣхъ, такъ сказать, кабинетныхъ отношеній государя. Все это, разумется, требовало значительной осторожности въ выборѣ молодыхъ людей на службу въ Тайный Приказъ и, если молодой Медвѣдевъ попадетъ въ число подъячихъ къ тайнымъ дѣламъ царя, то одно уже это обстоятельство служить достаточнымъ удостовѣреніемъ, что если не особня дарованія, то испытанный нравъ его вполне оправдывалъ такой выборъ. Но мы сейчасъ увидимъ, что и умственные дарованія отличили его даже отъ товарищей.

Въ томъ же 1665 году онъ поступаетъ въ школу, учинися по латинскъ и грамматики, школу, которая, можетъ быть, и основывается при мысли, что есть способные и даровитые ученики, готовые съ особенною охотою отдаться наукѣ.

Въ расходныхъ запискахъ Тайнаго Приказа за этотъ годъ находимъ слѣдующую любопытную статью расхода: 5 іюля подъячому Приказа Тайныхъ Дѣлъ Федору Казинцу по указу государеву выдано изъ суммъ Приказа *сто рублей* «къ хорошему строенію, что въ Спасскомъ монастырѣ за Иконнымъ рядомъ, въ которыхъ (хоромахъ) *учитца по латинскъ* подъячимъ: Приказа Тайныхъ Дѣлъ *Семену Медвѣдеву* да *дворцовымъ Семену* да *Шль Казанцамъ.*» 30 іюня выдано еще 70 рублей къ тому же хорошему строенію, при чемъ замѣчено, что *жить* въ этихъ хоромахъ *для наученія подъячому Приказа Тайныхъ Дѣлъ*, слѣдов. тому же Медвѣдеву. Хоромы, безъ сомнѣнія, къ осени были построены и Медвѣдевъ поселился въ новой школѣ. Очень вѣроятно, что онъ же былъ и старостою въ новозаведенной школѣ, ибо съ того времени изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ ему выдавались постоянно деньги на отопленіе и освѣщеніе школы.

Такъ 7 декабря онъ получилъ *для ученія грамматики* на покупку сильныхъ свѣчъ 20 алтынъ; декабря 19, *для грамматическаго ученія* на покупку дровъ 2 рубля. Черезъ мѣсяць, 14 января 1666 года, онъ получилъ для того же *грамматическаго* ученія на свѣчи полтину, 19 февраля выдано опять на покупку дровъ 2 рубля, 14 марта на свѣчи 20. алтынъ. Далѣе, въ 1667 г. октября 13, Медвѣдеву *въ школу* выдано на покупку дровъ и свѣчъ 2 рубля съ полтиною. Въ 1668 г., января 21 снова выдано ему же *въ школу* на дрова и свѣчи 3 рубля 20 алтынъ.

Затѣмъ мы уже не встречаемъ записокъ о подобныхъ выдачахъ. Онъ могли прекратиться по случаю перенесенія этихъ расходовъ на другой какой-либо источникъ или даже въ другое звѣдманіе. Между тѣмъ Медвѣдевъ все-таки числился подъячимъ Тайнаго Приказа, и слѣдов. оставался еще ученикомъ школы. 2 февраля 1670 года

онъ находится еще въ числѣ подъячичъ; въ это число ему выданъ былъ годовой окладъ жалованья на 178 годъ всего 22 рубль *).

Теперь о знакомствѣ Медвѣдева съ Полоцкимъ. Мы уже знаемъ, что по крайней мѣрѣ осенью 1665 г. онъ поступилъ въ школу учиться по латинякъ и граматки, что школа была вновь построена въ Заиконоспасскомъ монастырѣ по царскому повелѣнію, на деньги Тайнаго Приказа, т. е. на собственные кабинетныя деньги государя. Кто жь былъ учителемъ въ этой школѣ, латинской, какъ видно? Хотя и нѣтъ прямыхъ положительныхъ указаній на то, что учителемъ въ этой школѣ былъ знаменитый Полоцкій, однако по нѣкоторымъ соображеніямъ почти нельзя пѣ томъ сомнѣваться. Полоцкій, по собственному его свидѣтельству, прибылъ въ Москву въ 1664 г. т. е., незадолго до учрежденіи школы*). Онъ прибылъ, по всему вѣроятію, по вызову самаго царя, узнававшаго его лично, еще во время своихъ бѣлорусскихъ походовъ. Много вѣроятнаго, что сначала онъ поступилъ учителемъ къ десятилѣтнему царевичу Алексію Алексѣевичу, котораго ученію впервые въ Московскомъ дворцѣ было введено по системѣ тогдашней школьной науки, именно путемъ *ученія граматическаго*, какъ на славянскомъ, такъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ. Для *ученія латинякъ*, можетъ быть, и избранъ къ царевичу іеромонахъ Симеонъ Полоцкій. По прибытіи въ Москву, Полоцкій поступаетъ прямо въ Верхъ, т. е. во Дворецъ и содержится съ своими челядинцами и даже съ собственными лошадьми на *дворцовый* счетъ. Вся остальная жизнь его въ Москвѣ проходитъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ ко дворцу и къ царскому семейству. Можно сказать, что онъ былъ придворнымъ ученымъ и первымъ у насъ придворнымъ стихотворцемъ.

Вѣроятность же, что онъ былъ учителемъ царевича Алексія Алексѣевича (а потомъ уже и Ѳедора) можетъ раскрываться въ слѣдующемъ обстоятельстве.

Въ 1667 году царевичу Алексію исполнилось 13 лѣтъ, онъ былъ всенародно и торжественно *объявленъ* наследникомъ престола. Когда въ честь этого радостнаго всенароднаго событія царь давалъ во дворцѣ, 7 сентября, почетный торжественный столъ, то на обѣдѣ въ числѣ другихъ официальныхъ лицъ находился и *учитель старецъ*

*) Въ 1666 г. онъ получалъ 20 р. Тогда въ Приказѣ подъячичи были Юрій Никифоровъ, Ѳедоръ Казанскій, Андрей Черново, получавшіе по 25 р.; Григорій Ключаревъ, Кирила Демидовъ, Артеміи Степановъ, Семенъ Медвѣдевъ, Артеміи Левицкеевъ по 20 р.; Иванъ Полянскій, Перфірій Оловяниковъ, Петръ Кудряковъ по 15 р., Маркель Ватилинъ 12 р. — Въ 1670 г. въ этия ижеванъ прибылъ Ермей Полянскій, самый младшій по воярдаку, поступившій вѣроятно на мѣсто выбывшаго Кирила Демидова, котораго въ спискѣ уже не значится.

Симеонъ, какъ отмѣчено въ современной запискѣ *), сидѣвшій даже въ особомъ столѣ въ близости отъ государя, по лѣвую сторону государева мѣста или трона. Этотъ старецъ Симеонъ былъ никто другой, какъ іеромонахъ Симеонъ Полоцкій; и можно догадываться, что потому онъ и удостоенъ былъ чести сидѣть на обѣдѣ объявляемаго всенародно царепляча, за особымъ столомъ и притомъ съ именемъ *учителя*, что въ дѣйствительности былъ его учителемъ и призванъ былъ оффиціально торжествовать государственный праздникъ своего ученика. Послѣ стола Полоцкій говорилъ государю рѣчь, сочиненную, вѣроятно, на прославленіе и поучительное изъясненіе этого случая, за что 16 сентября получилъ въ награду атласную соболью шубу. Въ расходной книгѣ Казеннаго Приказа подъ этимъ числомъ 1667 года записано между прочимъ: «Учителю старцу Семіону Полоцкому 10 аршинъ отласу зеленого по двадцати по шести алтынъ по 4 денги аршинъ; да емужъ велѣно дать исподъ собелей въ 60 рублевъ, и ему данъ сорокъ собелей въ 60 рублевъ; а пожаловалъ государь его по своему государеву пмянному указу для того, въ нынѣшнемъ во 176 году сентября въ 7 день, былъ у великаго государя у стола въ Гранопитой Полатѣ и великому государю говорилъ рѣчь» **). Награда въ 67 рублей за одну только рѣчь слишкомъ значительна по тому времени и по сравненію съ другими подобными наградами. Безъ сомнѣнія, сюда же входило и вознагражденіе за труды по учительству, по крайней мѣрѣ другіе учителя при началѣ или въ концѣ ученья получали всегда точно такія же награды.

Такъ *учителю* царевича Федора Алексѣевича *Афонасію Федослеву* дано 3 мая 1667 года, когда царевичу было шесть лѣтъ и, вѣроятно, онъ только что выучился грамотѣ, а, можетъ быть, только еще садился учиться, сорокъ собелей въ 50 рублевъ да камки вишневой травной 10 аршинъ. Ему же въ 1669 году іюля 1, сорокъ собелей въ ту же цѣну и 10 аршинъ камки таусинной хрущатой травы куфтерныя. Другому учителю царевича Федора, Посольскаго Приказа подъячму Панфілу Тимофееву ***) государь пожаловалъ въ 1670 г. ноября 21, какъ *царевича посадили учить писать*,—сорокъ собелей въ 60 рублевъ да камку кармазинъ зеленой мѣрою 10 аршинъ.

Какъ бы то ни было, мы теперь знаемъ, что Полоцкій во дворцѣ въ 1667 году носилъ титулъ *учителя*.—Царевичъ Федоръ, какъ видно изъ приведенныхъ сейчасъ записокъ, имѣлъ уже учителя Афонасія Федослѣва, учившаго его, вѣроятно, грамотѣ, такъ какъ другой учи-

*) Записка дневанью, 176 года, въ государственномъ архивѣ М. И. Д.

***) Въ Архивъ Оруж. Палаты, № 384.

***) По фамиліи *Бяляниновъ*. Исторія Россіи, г. Соловьева, Т. XIII, стр. 187.

тель Панфілъ Бѣляниновъ училъ его только писать, для чего и взятъ былъ изъ Посольскаго Приказа, гдѣ старинная каллиграфія представляла, какъ необходимая потребность службы въ этомъ Приказѣ. Притомъ, какъ мы замѣтили, въ 1667 г. царевичу Ѳедору было всего только шесть лѣтъ. Едва ли начальное ученіе грамотъ могло быть поручено ученому старцу Симеону, который съ большою пользою могъ заниматься *по латинскому* и другими науками съ старшимъ царевичемъ Алексѣемъ, разстроившимъ даже свое здоровье отъ прележнаго ученія, такъ что самая смерть его, какъ думали лѣкаря, послѣдовала отъ сидячей жизни. Можетъ быть, Полоцкій поступилъ въ учителя къ царевичу Ѳедору по смерти царевича Алексѣя, въ 1670 году, когда Ѳедору исполнилось 9 лѣтъ—возрастъ, съ котораго грамматичное обученіе началось и для царевича Алексѣя.

По всему вѣроятію Полоцкому же принадлежитъ первая мысль завести латинскую школу для дворцовыхъ подъячихъ. Время устройства этой школы почти совпадаетъ со временемъ его пріѣзда въ Москву. Мы допускаемъ даже, что хоромы, выстроенные для школы въ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ какъ извѣстно жилъ и Полоцкій, строены были столько же и для ея учителя, т. е. для самого Полоцкаго. Патріархъ Іоаннъ въ своемъ поучительномъ словѣ свидѣтельствуетъ: «Симіона Полоцкаго ученикъ, его наследникъ монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, прельстившійся отъ книгъ и писаній и словесъ устатоголаннхъ учителя своего, онаго Полоцкаго Симеона, *купко бо съ нимъ въ единой келліи живаше...*» Эта единая келлія и должна быть упомянутая *школа*, общая для учителя и учениковъ, и если не для всѣхъ, то для одного изъ нихъ подъячаго Приказа Тайныхъ Дѣлъ—Медвѣдева, какъ и отмѣчено въ современной запискѣ (см. выше). Что келлія достаточна была для такого именно помѣщенія, — въ этомъ можетъ удостовѣрить выданная на ея постройку сумма 170 рублей, на которые по тогдашнимъ цѣнамъ можно было выстроить очень помѣстительные хоромы, какъ на самомъ дѣлѣ эта постройка и названа въ оффиціальныхъ запискахъ. Оставаясь подъячимъ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ, Медвѣдевъ жилъ въ школѣ съ своимъ учителемъ Полоцкимъ, получа изъ своего же Приказа необходимую сумму на отопленіе и освѣщеніе школьныхъ хоромъ. Безъ сомнѣнія въ этой же школѣ, или вообщо при посредствѣ учителя впервые завязано было и близкое знакомство Медвѣдева съ другимъ ученикомъ Полоцкаго, царемъ Ѳедоромъ, который очень расположенъ былъ къ своему товарищу по наукѣ, какъ это видно изъ собственныхъ его писемъ *).

*) Что касается *Ѳедора Шаковскаго*, то онъ былъ взятъ въ подъячіе Тайнаго Приказа въ 1673 году, когда уже Медвѣдева тамъ не было. Подъячимъ въ

Окончивъ ученіе, Медвѣдевъ тогда только и почувствовалъ необходимость перейти въ монашество, ибо, какъ умный и дальновидный человекъ, очень хорошо понималъ, что такое удаленіе отъ міра и его молвы гораздо вѣрнѣе и скорѣе можетъ приблизить его къ тому независимому положенію въ мірѣ, каковаго по справедливости искала его ученость и требовали его дарованія.

Ив. Завьялинъ.

КЪ МАТЕРІАЛАМЪ ДЛЯ ИСТОРІИ СТОГЛАВА II ЕГО ВРЕМЕНИ.

Можно надѣяться, что по поводу изданій Стоглава въ нашей литературѣ явится не мало замѣчавій, толковъ, а можетъ быть и цѣлыхъ изслѣдованій и о Стоглавѣ и о временахъ Стоглава. Надобно желать только, чтобъ изслѣдованія и разсужденія нашихъ ученыхъ и литераторовъ о Стоглавѣ отличались той серіозностью и обстоятельностью, каковыхъ именно заслуживаетъ этотъ замѣчательный памятникъ старины, а не походили, напр., на то безобразное и жалкое фразерство, которымъ въ видѣ предисловія г. Кожанчиковъ украсилъ свое не менѣе жалкое, хотя очень благообразное изданіе Стоглава. Говоря же о Стоглавѣ, нельзя будетъ не обратить особеннаго вниманія и на предѣателя Стоглавнаго собора митрополита Макарія. Опять нельзя не пожелать, чтобъ было сказано основательное слово о дѣятельности этого знаменитаго пастыря древней Руси. Макарій ждетъ своего историка, которому, нельзя не сознаться, предстоитъ трудъ обширный и нелегкій, потому что дѣятельность Макарія обнимаетъ собою цѣлую эпоху, весьма замѣчательную, особенно въ исторіи русской церкви и духовнаго развитія русскаго народа. Имѣя въ виду эти будущіе труды, какъ любопытный матеріалъ для нихъ, печата-

этомъ году были: Гарасимъ Бовыкинъ, Михаилъ Вонновъ, Артемій Волковъ, Назаръ Шишкинъ, Андрей Озеровъ, Гаврила Деревнинъ; взяты вновь: Федоръ Шокловитой, Гарасимъ Протасовъ, Иванъ Невъжинъ, Григорій Гавриловъ. Въ томъ же 1673 году 4 октября государь оказалъ оклады нмъ учинить, между прочимъ, Шокловитому: денегъ въ годъ 22 р., хлѣба 22 чети ржи, овса тожъ. Семенъ Медвѣдевъ, какъ выше заявлено, получалъ тожъ 22 р.; это ведетъ въ предположенію, не поступилъ ли Шокловитый на мѣсто вышедшаго тогда Медвѣдева, почему и былъ верстанъ его же окладомъ?

снъ ниже одинъ памятникъ литературной и пастырской дѣятельности митрополита Макарія, памятникъ доселѣ неизвѣстный, — по крайней мѣрѣ намъ не случилось встрѣтить нигдѣ на него указаній. Это—«отвѣтъ» м. Макарія, въ видѣ посланія къ царю Ивану Васильевичу, «о недвижныхъ вещахъ церковныхъ».

Когда и по какому поводу писанъ былъ этотъ «отвѣтъ», какихъ указаній ни въ самой статьѣ, ни въ рукописи, изъ которой ее заимствуемъ (быв. Волон. библ. № 522), не находится. Можно предполагать, что составленіе его было въ связи съ занятіями Стоглавнаго собора. Въ предварительныхъ бесѣдахъ съ м. Макаріемъ о разныхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ «поизштатившихся», о различныхъ чинахъ «порушенныхъ» и требовавшихъ исправленія, или утвержденія, царь Иванъ Васильевичъ, быть можетъ, выразилъ ему мысль и объ отобраніи отъ монастырей имѣній, на дурное управленіе которыми онъ жаловался и на соборѣ. Мысль же о непріличіи монастырямъ владѣть имѣніями была не новою во времена Грознаго. Послѣ Нила Сорскаго и Іосифа Волоколамскаго, вопросъ о имѣніяхъ монастырскихъ поднятъ былъ и рѣшенъ не въ пользу монастырей знаменитымъ Максимомъ Грекомъ, который во время Стоглавнаго собора былъ еще живъ и съ сочиненіями котораго Иванъ Васильевичъ, безъ сомнѣнія, былъ знакомъ хорошо. Митрополитъ Макарій со всею силою пастырской ревности возсталъ противъ мысли Ивана Васильевича о лишніи монастырей и церквей жалованныхъ имъ разными благотворителями имѣній. Мнѣніе свое онъ изложилъ въ особомъ посланіи къ царю. Быть можетъ, это рѣшительно и твердо выраженное мнѣніе и было причиною, что на соборѣ вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ предложень былъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ иной, смягченной формѣ. Объ отобраніи церковныхъ имуществъ въ немъ нѣтъ и рѣчи; царь поставляетъ на видъ собору только дурное управленіе монастырскими имуществами, да неутиренную заботливостъ монастырей объ умноженіи имуществъ, чѣмъ докучали и ему (См. въ 5 гл. Стогл. 15 цар. вопр.). Въ отвѣтъ «о вотчинахъ и купляхъ, которыя боголюбивыи давали святымъ церквамъ» соборъ сдѣлалъ постановленіе о прекращеніи беспорядковъ въ управленіи имѣніями и о томъ, чтобъ монастыри, достаточно обеспеченные, «впредь благочестивому царю не стужали и излишнего не просили и угодій не припршивали: и такъ де у меня царя понмали много по всемъ монастырямъ, а братіи во всѣхъ монастырехъ по старому, а нидѣ и стараго менши», и проч. (Стогл. 75 гл.)¹⁾. Но достойно замѣчанія, что, сдѣлавъ такіа распо-

¹⁾ Приводимъ эти слова по рукописи (быв. Волон. № 517), о которой считаемъ не лишнимъ сдѣлать замѣчаніе для заключающихся исследованій о Стоглавѣ

риженіи, прямо соответствовавшія царскому вопросу, соборъ въ томъ же смысле отвѣтъ гораздо полнѣе и съ особенной силой раскрываетъ мысль о неприкосновенности данныхъ церквамъ и монастырямъ имѣній, за отнятіе и расхищеніе которыхъ угрожается страшнымъ прещеніемъ не только духовнымъ и мирянамъ простымъ, но и *самымъ царемъ и вельможамъ*; еще полнѣе и рѣшительнѣе, съ указаніями церковныхъ правилъ и постановленій, раскрывается та же мысль въ отвѣтъ «о святительскомъ судѣ», хотя ни здѣсь ни тамъ вопросы царя къ тому не вызывали. Не было ли все это направлено именно противъ прежде выраженной Иваномъ Васильевичемъ мысли объ отобраніи имуществъ отъ монастырей, хотя на соборѣ онъ уже не дѣлалъ объ ней никакого напоминанія. Предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что въ томъ и другомъ отвѣтѣ соборномъ приводятся тѣ же самые доводы въ защиту неприкосновенности церковныхъ имуществъ, тѣ же соборныя правила, тѣ же заповѣди царскія, и встрѣчаются тѣ же самыя выраженія, что и въ посланіи м. Макарія къ царю Ивану Васильевичу «о недвижимыхъ вещехъ, владимыхъ Богови». Да и самое заглавіе посланія: «*отвѣтъ* отъ божественныхъ правилъ» и проч., не указываетъ ли именно на связь этого памятника съ дѣяніями Стоглавнаго собора, на которомъ были предложены царемъ вопросы и даны святителями отвѣты о многообразныхъ церковныхъ чинѣхъ?

Но предлагаемый «отвѣтъ» м. Макарія заслуживаетъ вниманія и самъ по себѣ, независимо отъ отношенія его къ Стоглавному собору. Въ «Днѣ» былъ поднятъ вопросъ о церковныхъ имуществѣхъ, по поводу пресловутой статьи г. Чистовича о митрополитѣ ростовскомъ Арсеніѣ. Для тѣхъ, кто пожелалъ бы исторически прослѣдить,

---

Это сборникъ in 4°, несомненно принадлежащій къ XVI в. Кроме характера письма, въ этомъ удостовѣряетъ надпись: «книга черница Васыля Фатѣва ученика, отъ правилъ избраніе»: а Фотій былъ ученикъ Касьяна Босова, современника и сподвижника пр. Іосифа. Последніе листы сборника (187—219) запяты выписками изъ Стоглава,— именно выписаны: гл. 49, 50, 51, 52, 75, 76, 66, 67, 68 и изъ 41 гл. 31 пар. в. Такой выборъ не лишенья значенія. Въ Казанскомъ изд. Стоглава на стр. 258 помѣщена весьма любопытная грамота м. Макарія въ Симоновъ монастырь, отъ юля 1551 г., извѣщающая о опредѣленіяхъ Стоглавнаго собора. У грамоты приписка: «да съ тою же грамотой послати по монастыремъ поученіе главы истов же соборныя книги выписати, главъ 49, гл. 50»... словомъ, тѣ самыя главы, которыя помѣщены въ Волокол. сборникѣ. Надобно думать, что современный Стоглавному собору писецъ внесъ ихъ въ свой сборникъ именно тогда, когда онъ съ подобной же грамотой м. Макарія были присланы и въ Волоколавскій монастырь. Вотъ новое свидѣтельство о подлинности Стоглава, если только есть еще нужда въ такихъ свидѣтельствахъ.

какъ смотрѣла на этотъ вопросъ русская церковь и какъ рѣшали его въ разное время, и нѣмнѣе столь знаменитаго святаго, какъ м. Макарій, составить, безъ сомнѣнiя, весьма важный матеріалъ, который между прочимъ показываетъ и то, отступилъ ли Арсеній Мацѣевичъ въ своемъ протестѣ отъ исконнаго взгляда православной русской церкви на исприкосновенность монастырскихъ и церковныхъ имѣнiй.

Н. С—нъ.

Июль 1863 г.

Отвѣтъ Макарія митрополита всея Росiи отъ божественныхъ правилъ святыхъ апостоловъ, и святыхъ отецъ седми соборовъ, и помѣстныхъ, и особосущихъ святыхъ отецъ, и отъ заповѣдей святыхъ православныхъ царей, къ благодѣтельному и христіанскому и боголюбивому и боюотчичанному царю, великому князю Ивану Васильевичу, всея Русiи самодержцу, о недвижимыхъ вещехъ, вѣданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ.

Слыши и вѣрни, о боголюбивый и премудрый царю, и разсуди царскы, душеполезная и вѣчная избери; а тѣнная и мимотекущая мира сего ни въ чтожь, царю, полагай; зане преходна суть; но едина добродѣтель и правда пребываетъ въ вѣкъ.

Отъ прваго благочестиваго и ранноапостольнаго святаго царя Константина греческаго, и всѣхъ благочестивыхъ царей греческихъ, и до послѣдняго благочестиваго царя Константина греческаго, ни единъ отъ нихъ не смѣлъ дрзнути, или динуть, или взати отъ святыхъ церквей и монастырей вѣданныхъ и вложеноныхъ Богови и пречистой Богородици, въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, церковнаго имѣнiя недвижимыхъ вещей, завѣсь, и съсудъ, и книгъ, и непродавасиныхъ вещей, рекше: села, нивы, земли, винограды, сѣнокити, лѣсъ, борти, воды, езеро, источници, пажити и прочая вѣданныя Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, бояся отъ Бога осуженiя и отъ св. апостоловъ, и отъ св. отецъ седми соборовъ, и св. отецъ помѣстныхъ и особъ сущихъ страшныхъ и грозныхъ и великихъ ради заповѣди. Тамо бо святымъ Духомъ възгласиша святiи отци: аще кiй царь, или князь, или инъ, въ каковомъ сану ни буди, всхититъ или взметъ отъ святыхъ церквей, или отъ святыхъ монастырей вложеноныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, отъ недвижимыхъ вещей, таковiн бо по божественнымъ правиламъ отъ Бога аки святотатцы осуждаются, а отъ святыхъ отецъ подъ вѣчною клятвою да суть. И того ради всѣ пра-

вославныя цари, бояся Бога и св. отецъ заповѣди, не смѣли двинути отъ святыхъ церквей и отъ святыхъ монастырей недвижимыхъ вещей, вѣданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ. И не токмо не взимаша, но и сами благочестивыя цари святымъ церквамъ и монастыремъ села, и винограды, и прочая недвижныя вещи подаваху въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ съ писаніемъ и съ великимъ утврженіемъ и съ золотыми печатями царства своего, бояся Бога и заповѣди святаго и равноапостольнаго прваго благочестиваго великаго цря Константина. Тамо бо оиъ, святымъ Духомъ просвѣщенъ и наставленъ, духовную заповѣдь, царскою своею рукою подписавъ и страшными и вельзѣпными клятвами утвердивъ, въ раку святаго врховнаго апостола Петра положивъ, и тамо взгляси всему тому непоколебиму и недвижиму быти отъ всѣхъ православныхъ царей и отъ всѣхъ князей и вельможъ по всей вселенній и до скончанія міру. И толико почте блаженнаго папу Селивестра и по немъ всѣхъ святителей почитати по всей вселенній повелѣ.

Попеже бо той блаженный папа на вѣнци главнаго постриженія знаменіе створи, егоже чести ради блаженнаго Петра имѣеть, не всхотѣ златымъ вѣнцемъ носити; мы же покрывалу его главному о семъ блымъ видомъ свѣтлоо воскресеніе господіе начертавше, на честную главу его своимъ руками положихомъ; браздѣ коня его своимъ руками держаще ради чести блаженнаго Петра конюшьскимъ саномъ дахомъ ему. Повелѣваемъ того же чина и обычая всѣмъ, иже по немъ, святителямъ всегда творити въ поѣздѣхъ своихъ по подобію царства нашего. Тѣмже ради сего постриженнаго знаменія врховнаго святительская главы, да не мнѣтъ кто се постриженіе худо быти и безчестно. Но паче земнаго царства саномъ, и словои, и силою украшати подобнеть. Но и Рымскаго града, и всей Итали, и западныя власти и мѣста и земли и грады сему же, иже многожды предреченному, блаженному отцу нашему Селивестру, сборному папѣ предающе и отступающеся ему и всѣмъ иже по немъ бываемымъ святителямъ, и въ всей вселенній, идѣже правослазная наша вѣри обдержитъ, владѣніе и сулъ держитъ, ради божественнаго и нашего сего сдѣланнаго утврженія повелѣваемъ устроить правду святой сей церкви Рымской подлежащей пребываема подаваемъ бывати. Тѣмже пригодно судихомъ, нашего царства причетъ къ восточнымъ странамъ премѣстити града Византійскаго, чуднаго и красивѣйшаго мѣста, въ свое имя градъ сздати и тако царство свое вдрузити. Идѣже бо священническое начало и власть.... (и т. д. до конца, какъ приводится въ Стогл. гл. 60., по казан. изд., стр. 270—274).

И того ради всѣ православныя цари, бояся Бога и св. отецъ заповѣди и заповѣди великаго царя Константина, не смѣли двинути отъ святыхъ церквей и отъ святыхъ монастырей недвижимыхъ вещей, вѣданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ; и не токмо не взиаша, но и сами благочестивіи цари святымъ церквамъ и монастыремъ сола и винограды и прочія недвижимыя вещи подаваху въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, съ писаніемъ и съ великимъ утверженіемъ и съ златыми печатями царства своего. И всѣ тѣ православныя цари и до скончаніи греческаго царства съ святѣйшими папами и съ пресвятѣйшими патриархи и съ пресвященными интрополиты и съ всѣми святители и съ святыми отцы на всѣхъ седми сборѣхъ сами быша и божественными правилами и царскими законы утвердиша и страшными и веледѣльными клятвами семью сборы запечатлѣша, съ царскимъ подписаніемъ, и уставивша всему тому ни отъ когоже неподвижно быти и до скончанія вѣка; и на обидѣвшихъ святыхъ церкви и святыхъ монастыри всѣ православныя цари съ святители крѣпко стояху и побораху царскы и мужскы, и никому же попустиша вѣданныхъ Богови и пречистой Богородици и великимъ чудотворцемъ, освященныхъ и вѣданныхъ въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, прикасатися, или поколебати недвижимыхъ вещей и до скончанія міру.

Такоже и въ нашемъ благочестивомъ и христілюбивомъ російскомъ царствіи, отъ прваго благочестиваго и равноапостольнаго святаго прадѣда твоего, великаго князя Владиміра кіевскаго и всеа Русіи, и сына его благочестиваго великаго князя Ярослава и всѣхъ твоихъ святыхъ прародителей и до твоего христілюбиваго царства, ни одинъ же отъ нихъ не смѣлъ дрзнути или двинути, или взяти отъ святыхъ церквей и монастырей вѣданныхъ и взоженныхъ Богови и пречистой Богородици и великимъ чудотворцемъ въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ церковнаго имѣнія недвижимыхъ вещей, потому же, якоже и прочія православныя цари греческыя, бояся отъ Бога осужденія и отъ св. апостолъ и св. отецъ седми сборовъ, помѣстныхъ и особъ сущихъ, страшныя и грозныя и великыя предреченныя заповѣди и клятвы. Тамо бо ози святымъ Духомъ возгласиша святіи отцы: аще кій царь, или князь, или инъ, въ какомъ сану ни буди, всхытитъ или взметъ отъ святыхъ церквей или отъ святыхъ монастырей взоженныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ отъ недвижимыхъ вещей, таковыи по божественнымъ правиломъ отъ Бога аки святотатци осуждаются, а отъ святыхъ отецъ подѣ вѣчною клятвою да суть ¹⁾. И того ради всѣ православныи цари гречестіи и русскыя цари, прародители твои, бояся

¹⁾ Правило это буквально приводится въ 63 гл. Стоглава, въ концѣ завіщанія в. к. Владиміра. См. по Казан. изд. стр. 285—286.

отъ Бога и отъ св. отецъ заповѣди, не смѣли двигнути отъ святыхъ церквей и отъ св. монастырей недвижныхъ вещей, вѣданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, и до днешняго дни; не токмо отъ св. церквей вѣданныхъ Богови не взимати, но и сами святымъ церквамъ и монастыремъ недвижныя вещи, села, и винограды и прочія недвижныя вещи безчисленно подаваху въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ. Якоже и прадѣдъ твой, святой и равноапостольный князь великій Владимиръ кievскій и всеа Русіи толику вѣру къ Богу показа и къ святымъ церквамъ велие тщаніе, изъ всего царства своего по всей русской земли десятую часть даде святей церкви и отдѣли святѣйшимъ митрополитомъ кievскимъ и всеа Русіи. Тамо бо въ своемъ царскомъ завѣщаніи и законоположеніи написа сице: (Слѣдуетъ завѣщаніе Владиміра, составляющее 63 гл. Стоглава, по Казан. изд. стр. 280—285; но здѣсь оно приводится все до конца)... Да будутъ прокляты въ сей вѣкъ и въ будущій отъ седми сборовъ святыхъ отецъ вселенскихъ. А се о десятинахъ. Отъ всего княжа суда десятая вѣкша, и съ торгу десятая недѣля, и отъ даней, отъ виру и изъ всего схода и прибытка, и отъ лова княжа и отъ всякаго стада, и отъ всякаго жита десятое въ соборную церковь епископу. Царь или князь въ десятихъ частѣхъ, а церкви соборная въ десятой части. Основанія же много никтожь можетъ положить, паче лежащаго сего, и да вси сужаютъ на семъ основаніи. Иже кто разсыплетъ храмъ божій, разсыплетъ того Богъ, церкви бо божія свята есть. И еще кто измѣнитъ святый сей уставъ отчскій, грѣхъ и горе себѣ наслѣдуетъ. Аще пообидитъ судъ церковный, платити ему собою, а предъ Богомъ тому же отвѣтъ вздати на страшнемъ судѣ предъ тмами ангель, и тѣже кождо дѣла открываются явѣ, благая или злая, и тѣже не поможетъ никтоже никому же, но токмо правда и добрая дѣла; тѣмъ избавитися вторыи смерти, рекше вѣчныя муки и прещонія неспасеннаго геоньскаго огня. Сдржаше истину въ неправдѣ, о тѣхъ глаголетъ Господь: огонь ихъ не угаснетъ и червь ихъ не умретъ. Створимъ же благая жизнь вѣчная и радость неизреченная; а створшимъ злая, рекше неправедно судившимъ и лукавно, неизмолимъ судъ обрѣсти. Аще кто уставленіе мое порушастъ, или сынови мои, или внуци мои, или отъ рода моего, или отъ князь, или отъ бояръ кто еще порушатъ мой рядъ и вступятся въ суды митрополичіи, что если далъ митрополиту отцу своему и епископомъ по правиломъ св. отецъ и по первымъ православныхъ царей управленію, судивше того казнить по закону. Аще кто иметъ судити, преслушавъ насъ, церковныя суды, что преданы митрополиту отцу нашему, той станеть со мною предъ Богомъ на страшномъ судѣ и да будетъ на немъ клятва святыхъ отецъ.

Такоже и прародитель твой, благочестивый и христоролюбивый князь великій Андрей Юрьевичъ Боголюбскій заложилъ въ Володимери и поставилъ церковь Успеніе пресвятыя Богородица о единомъ врсѣ, и владѣ пресвятой Богородици и отпу своему Константину, митрополиту всеа Русіи, и иже по немъ митрополитомъ до вѣка многы мѣства и слободы и з даньми (съ даями), и села лучшая и дани, и десятину во всемъ, и въ стадѣхъ своихъ, и торгъ десятый во всемъ своемъ царствѣ по тому же, якожъ и правдѣ твой святой и равноапостольный князь великій Владиміръ кievскій и всеа Русіи. И Божіимъ милосердіемъ, и пречистыя Богородица и великихъ чудотворцовъ молитвами и святыхъ царей рускихъ, прародителей твоихъ и царскихъ родителей твоихъ святыхъ молитвами и бреженіемъ и твоимъ царскимъ жалованьемъ и бреженіемъ, тѣ всѣ села и слободы и земли съ всеми угоды по старинѣ въ дому пречистыя Богородица и великихъ чудотворцевъ въ святѣйшей митрополїи рускѣй и до днешняго дни никимъ же недвижими и невредими бывають; аще и на время отъ злыхъ человекъ оскорбляются, но божіимъ милосердіемъ и Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ молитвами и вашими царскими жалованьемъ и заступленіемъ, по святыхъ церквахъ поборающихъ, паки наполняются и николиже истощеваются, занежъ вся сія Богови освященна суть и никтожъ можетъ церкви божіа оскорбити, или поколебати, или недвижимая отъ церкви божіа двинута, понеже бо церкви божіа небесъ вышше и твердѣйше и земли ширѣше и моря глубочайше и солнца свѣтлѣйши и никтоже можетъ ея поколебати, основана бо бѣ на камени, сирѣчь на вѣрѣ христова закона. Аще и мнози невѣрніи покусишася поколебати, то вси погыбше и ни въ что же быша; а и ниин же мнози и отъ нечестивыхъ царей въ своихъ царствахъ отъ святыхъ церквей и отъ святыхъ монастырей ничтожъ взимаху и недвижимыхъ вещей не смѣли двинуть, или поколебати, бояся Бога и заповѣди святыхъ отецъ и царскихъ уставовъ древнихъ законоположительныхъ, но и зѣло по святыхъ церквахъ побораху. Не токмо въ своихъ странахъ, но и въ русскомъ гашемъ царствѣи некогда быша сіа, въ лѣта великихъ чудотворцевъ Петра, и Алексѣя, и въ лѣта Михаила, и Ивана, Феогнаста, русскихъ митрополитовъ; но и ярлыкы свои тѣмъ святымъ митрополитомъ подаваху на утверженіе святымъ церквамъ и святымъ монастыремъ съ великимъ запрещеніемъ, чтобы ни отъ кого не обидимы и не движимы быти до скончанія царства ихъ. И донинѣ въ руской митрополїи тѣхъ святыхъ митрополитъ семь ярлыковъ написаны пребывають, отъ нихъ же одинъ нынѣ написаномъ, великаго чудотворца Петра, митрополита кievскаго и всеа Русіи, имуща сице (приводится вполнѣ ярлыкъ хана Узбека, данный святителю Петру).

Коль же паче тебѣ подобаетъ, благочестивый и боговѣщанный царю, свою царскую вѣру къ Богу показать и велие тщаніе ко святымъ божіимъ церквамъ и къ святымъ монастыремъ, — не токмо недвижимая взимати, но и самому ти подобаетъ подивати. Якожь и вси святіи царскыи твои прародители и родители подиваху Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, сице и тебѣ, царю, подобаетъ творити царства ради небеснаго, сущу благочестивому и христіюлюбивому и всеумному царю, великому князю Ивану Васильевичу, всея Русіи самодержцу, пачежъ всѣхъ царей въ вашемъ російскомъ царствіи тебѣ, царю, отъ Бога нынѣ взвышенному и почтенному, единовластному царю, въ всемъ великомъ російскомъ царствіи самодержцу сущу, и вконецъ свѣдущему христовъ законъ евангельскаго ученія и святыхъ отецъ заповѣди и вся тебѣ божественная писанія въ конецъ вѣдущу и на языкъ носящу, — не человѣческимъ бо ученіемъ, но данною ти отъ Бога премудростію. И сего ради, благочестивый царю, подобаетъ тебѣ разсудивъ смотрити и творити полезная и богоугодная. Якожь и прочіи благочестивіи цари блюди и храни свою царскую душу и свое христіюлюбивое царство отъ всѣхъ враговъ видныхъ и невидныхъ. А милость божіи и пречистая Богородица и великихъ чудотворцевъ молитва и благословеніе, да и нашего смиренія благословеніе да есть съ твоимъ христіюлюбивымъ царствомъ въ вѣки аминь.

Такожь и вси святѣйшіи паны, и пресвятѣйшіи вселенстїи патриарси, и пресвященніи митрополити и боголюбивіи архієпископи и епископы, снастолиници и спрестолиници святыхъ апостолъ, и честная архимандриты, и богобоязливіи игумены, и смиреніи мниси, и мнози отъ тѣхъ великіи чудотворци быша, и никтожь отъ тѣхъ створи, или попусти взложенныхъ Богови и вданныхъ святымъ церквамъ и святымъ монастыремъ въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ недвижимыхъ вещей отдати, или продати. И на всѣхъ святыхъ седми сборѣхъ и помѣстныхъ и особосущихъ святыхъ отецъ, Святымъ Духомъ наставляемїи св. отци утвердиша и заповѣдаша, и грозными и страшными и великими клятвами о томъ зѣло взглясиша и запечатлѣша седмью сборы, по даннѣй намъ благодати отъ сятаго и животворящаго Духа, и грому подобно возгласиша сице: аще кто отъ церковнаго имѣнія святыхъ заветъ, или святыхъ сосудъ, или святыхъ книгъ, или отъ иныхъ вещей, ихже не подобаетъ продати, или отдати, взложенныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, недвижимыя вещи, рекше села, нивы, винограды, сѣнокаты, лѣсъ, борти, воды, езера, источници, пажити и прочая, вданная Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, аще кій епископъ, или игумень отъ церковныхъ недвижимыхъ вещей продасть, или отдасть князю земли тоя или инымъ вельможамъ, не

тверду быти проданію, но пакы проданная или отданная святѣй держави въ епископію, или въ монастырь да взвратятъ; епископъ же той, или игуменъ, се творя, да изгнанъ будетъ изъ епископїи, а игуменъ изъ монастыря, ако расточивъ злѣ, иже не сбра; аще ли что инъ отъ священническаго чина суще такосам створитъ, да извругутся; и ниси же, или мїрстїи человекъ суще, осуждены отъ Отца и Сына и Св. Духа, да устроены будутъ, идѣже червь не умираетъ и огонь не угасаетъ, яко гласу господню противятъ, глаголющему: не творите Отца моего дому купленаго моего.

Тѣмже и вси пресвященнїи митрополити русстїи, отъ прваго пресвященнаго митрополита Леона кїевского и всоа Русїи и до великихъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя и Іоанна, и прочїи митрополити русстїи и до твоего христіюлюбиваго царства и до нашего смиренїа, всѣ боголюбивїи архїепископи и епископи и честнїи архимандрити и богобоязливїи игумени, великіе чудотворцы Сергїй, и Кириллъ, и Варлаамъ, и Паенутїй и прочїи святїи русстїи чудотворцы и смиренїи мниси святыхъ монастырей,—и никтожь отъ тѣхъ створи или попусти взложенныхъ Богови и вданныхъ святымъ церквамъ и святымъ монастыремъ въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ недвижимыхъ вещей отдати, или продати, по тѣмъ же божественнымъ святымъ правиламъ и по заповѣди всѣхъ святыхъ отецъ семь сборовъ и помѣстныхъ и особующихъ святыхъ отецъ.

Коль же паче не подобаетъ мнѣ смиренному, аще и грѣшну и вѣсьмъ достоинъ учительства слову, такого святительскаго сану; но по даннѣй намъ благодати отъ Святаго и животворящаго Духа митрополитъ нарицаюся; той же о мнѣ смиреннѣмъ и недостойнѣмъ всещедрый и человекълюбивый Богъ обычнымъ своимъ человекълюбїемъ устрои, и ниже судьбами вѣсть самъ, дарова и вручи истинное слово правити ми ради пречистыя матере своея, Богородица моя. И сего ради не могу таковая страшная дрзати, или помыслити отъ взложенныхъ Богови и пречистой Богородици и великимъ чудотворцемъ вданныхъ недвижимыхъ вещей въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, изъ дому пречистыя Богородици и великихъ чудотворцевъ таковая дати, или продати; не буди того и до послѣдняго нашего издыханїа, и избви всѣхъ насъ всесильный Боже и схрани насъ отъ таковаго законопреступленїа, и не попусти тому быти нетокомо при насъ, но и по насъ, до скончанїа вѣка, за молитвъ пречистыя твоея Матере, нашея Богородица, и великихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ, аминь,

И сего ради не всхитись удивленїемъ о томъ, о боголюбивый царю, ниже ласканїа вещь помысли. Якожь бо святїи отци Святымъ Духомъ уставшиа и заповѣдаша и семью сборки запечатлѣша намъ

хранити, сице и мы мдрствуемъ и хранимъ и до послѣдняго своего издыханія. Человѣцы бо есмы; плаваемъ въ многомлвенномъ семъ мори; впрѣдъ что будетъ намъ, не вѣмы; зане хотящая быти не явлено всѣмъ чолвѣкомъ: но токмо бояться намъ подобаетъ небеснаго серпя, егоже видѣ Захаріа пророкъ сходяща съ небесе, в долготу двадесять сажень, а в широту десять сажень, на обидящихъ и неправеднѣ судящихъ и кленущихся именемъ Божиимъ во лжу. И сего ради боюся. Егда рукополагахся, сирѣчь поставляхся въ свѣтительскій санъ, и тогда погрѣди священнаго сбора въ свѣтѣй сборнѣй и апостольстѣй церкви предъ Богомъ, и предъ всѣми небесными силами, и предъ всѣми святыми, и предъ тобою благочестивымъ царемъ, и предъ всѣмъ синклитомъ, и предъ всѣмъ народомъ кляхся судамъ и законамъ и оправданіе наше хранити, елика наша сила, и предъ цари за правду не стыдиться; аще и нужа будетъ ми отъ самаго царя, или отъ вельможъ его, что повелѣтъ ми говорити кромѣ божественныхъ правилъ, не послушати ми ихъ, но аще и смертию претятъ, то никакожъ ни послушати ихъ. И сего ради бояхся, глаголю ти, благочестивый царю, и молю твое царское величество, останиси, государь, и не створи такова начинанія, егоже Богъ не повелѣваетъ вамъ, православнымъ царемъ, таковая творити, но и вси святіа его взбраниша вамъ, православнымъ царемъ, и намъ архіереемъ священными правилами зѣло запретиша и запечатлѣша седмью сборы по даннѣй имъ благодати отъ святаго и животворящаго Духа. И того ради молимъ твое царское величество и много съ слезами челоуъ біемъ, чтобы еси, царь и государь князь великій Иванъ Васильевичъ, вся Русія самодержецъ, по тѣмъ божественнымъ правиламъ у пречистой Богородици и у великихъ чудотворцевъ изъ дому тѣхъ недвижимыхъ вещей, в данныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, не велѣлъ взяти. А милость божіа и пречистыя Богородица и великихъ чудотворцевъ молитва и благословеніе да и нашего смиренія благословеніе да есть всегда съ твоимъ христолюбивымъ царствомъ, въ многие роды и на вѣкы, аминь.

ЗАМѢТКА - ДЛЯ ИСТОРИИ СТОГЛАВА.

Въ полуустановномъ сборникѣ XVI вѣка, принадлежавшемъ Волоколамскому монастырю (№ 566, л. 218 — 219 об.), а теперь хранящемся въ библиотекѣ Московской Духовной Академіи, находится небольшая статья, въ которой неизвестный русскій архимандритъ намѣтилъ нѣсколько церковныхъ «неисправленій», ставшихъ впоследствии однимъ изъ предметовъ обсуждения на Стоглавомъ соборѣ 1551 года. Статья называется 16 «неисправленій» и притомъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя ясно указываютъ, что составитель ея участвовалъ въ Стоглавомъ соборѣ и предложилъ на его усмотрѣніе замѣченные имъ безпорядки. Чтобы видѣть отношеніе этой статьи къ Стоглаву, мы печатаемъ ее буквально и указываемъ въ выноскахъ параллельныя ей мѣста въ Стоглавѣ ¹. Статья не имѣетъ заглавія и читается такимъ образомъ:

Бжѣюу крѣтнѣю и прѣтнѣю вѣдѣи поможію. шѣрѣтѣ ко истинѣи шѣлѣти мнѣга неисправленіа. иже і нечюгѣно вѣдѣю и исползѣно дшѣи и крѣбоѣ къ пракселавнѣи крѣре, крѣтнѣи целоканіе на крѣбѣ и на пракѣ². вѣторѣи и вѣ шѣткѣ крѣноуѣи и мѣнѣи крѣтнѣи³. трѣи шѣбразы бжѣи мастѣры иконныи⁴ не по шѣбразѣи пишюу и поклоняютѣи и. а на соборѣи не приносѣи⁵. а і мастѣры книжныи написѣи книгѣи не исправленяютѣи и ілсчюуѣи по ии⁶. і і вѣ к-

¹ Не придавая никакого ученаго значенія Петербургскому изданію Стоглава, переполненному самыми грубыми ошибками, мы будемъ приводить выдержки изъ Стоглава по изданію Казанской Духовной Академіи.

² «Также бы есте своихъ дѣтей духовныхъ поучали.... чтобы.... и криве бы креста не цѣловали и божіимъ именемъ во лжи не ротилися и не клялися.» гл. 37, стр. 154.

³ «Кленутся именемъ божіимъ во лжу всякими клятвами.» гл. 5, стр. 66.

⁴ Въ рук. иконное.

⁵ «А святыя и честныя иконы.... по образу и по подобію.... образъ божій написати.» гл. 3, стр. 31.

⁶ «Божественныя книги писцы пишутъ съ исправленныхъ переводовъ, и написавъ не правятъ же.... и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ божіимъ чтутъ и поютъ, Гл. 5, стр. 32.

ликий по. и къ аплыкій по заповѣданіе егда. ѿ.і хслоньство рожь вѣс
 конины и погм жнота іксіго дѣта іксі даю а дхунены припис-
 байю. ѿ.і дѣти крѣта до шти нидѣ после роженьа до штищень мѣрна.
 и крѣщныи чѣми младенецъ. нечѣтѣю мѣрѣ ісѣтъ. и.і многоі кѣмове и кѣ-
 мы ідного младенца крѣта мѣм ра. а.і матерны лю нежѣвранно ко
 ібарѣ и в шѣка. і.і доіго не женѣта а жыкоу влоуно. а.і корды
 крѣю и дѣм рѣкоу те шѣрѣзъ вѣню порѣглаюм и вѣре сѣпротивлаітѣ к жѣ-
 кыи шѣрѣ прѣвращаітѣ. кѣ шѣнники многоі ш цркви ка мнѣгы црква
 прѣхѣдѣ и сѣжѣ нежѣвранно. г.і. шѣнники екон прѣтлы шѣстаклаю. а на-
 и.і.іютѣ ѣ нны прѣтолѣ сѣжѣ а шѣнникѣ нѣвѣ іднѣи нежѣвѣте шѣрѣучи-
 нѣи мѣжеи быти. д.і. шаматы и таблѣіми и ликлии играю. е.і. екавы
 тѣкора и на вѣрны призываю ірѣи со крѣты а ікомороход ѣ доудам.
 и хжмѣі к кѣшѣ шѣрѣ прикрѣишѣа. и вѣчлаютѣ кѣ вѣрнѣи а не поі-
 тѣтѣа. е.і. попы вѣдѣци и дрѣгма жны дѣржа а сѣжѣ. а нныа поны
 вѣдѣци пострѣгютѣ ко ннѣчѣскыи чѣ да ісѣужатѣ а кѣи то сѣтлыи
 шѣи заповѣданѣ и проклѣтѣ шѣо и пакѣ зѣкнѣдѣтѣсѣзѣ. проклѣтѣ кѣа шѣе
 не прѣждѣ ко кѣшѣ писанѣи ко кнѣзи законѣи. і.і творѣти и прѣкѣ вѣ.і.і-

¹ Съ этия пунктомъ можно сблизить 2-й вопросъ 43-й главы: «Дѣти ро-
 дается въ сорочкахъ и тѣ сорочки приносятъ къ попомъ и велятъ ихъ
 власти на престолъ до шти педѣль». стр. 166.

² «А кума была бы одинъ любо мужескій полъ, а любо женскій; а по
 два бы кума и мнози кумове не были, какъ у насъ преже сего было». гл. 17, стр. 110.

³ .... «И лаются безъ зазору всегда всякими укоризнами и богомерзкими
 рѣчьми.» гл. 5, стр. 68.

⁴ «А которыхъ ваши дѣти духовные не возмогутъ чистоты хранити, и они
 бы женилися и бракомъ сочталися». гл. 36, стр. 152. Ср. гл. 33.

⁵ Знаменитое заблужденіе Стоглава. «.... Въ тридцать лѣтъ и старыя
 главы брѣютъ и брады и усы (подкусываютъ)». стр. 67. «Не пострѣжай-
 те брады вашихъ, се бо женамъ лѣно.... Вы же, се творяще, ... про-
 тивляющеся законучѣ, ненавидямы отъ Бога будете, создавашаго васъ по
 образу своему.» стр. 161.

⁶ Въ рук. ликлии.

⁷ Ср. 20-й вопросъ 41-й главы.

⁸ «Въ жирскыхъ свѣдѣхъ играютъ глумотворцы и органички и смѣхо-
 творцы и гусельники и бѣсовскіе шѣни поютъ, и какъ къ церкви вѣн-
 чатися пойдутъ, священникъ со крестомъ влѣтъ, а передъ нимъ со
 всѣми тѣми играми бѣсовскими рыщутъ». стр. 178.

⁹ См. гл. 73 — 81.

си проклати оублоудитица ѿ злоудені твоемъ и ниде пише. злочево-
прістѣупници потрѣкаѣтса кѣзѣ. и ѿтанци нечитники потрѣатса. ѿтѣмъ
ікоима іастранимъ. и коздімъ грѣшникѣ оубраши. аще мло и не боу-
детъ грѣшника. кзышени мѣсто іго и не обрашени. ико гла гь рече.

Статья написана, очевидно, до Стоглаваго собора: иначе зачѣмъ было бы автору ея записывать «неисправленія», противъ которыхъ были уже приняты мѣры соборомъ? Самый сборникъ, изъ котораго заимствована эта статья о церковныхъ «неисправленіяхъ», составленъ былъ въ первой половинѣ XVI вѣка, потому что въ 1576 году онъ отъ употребленія такъ заносился, что потребовалъ передѣлки, какъ видно изъ слѣдующей приписки на послѣднемъ листѣ рукописи: сѣи со-
корникъ. кѣки лѣонидъ. рсхліскаго и шромъскаго; исредчалъ лтъ
ѣдъ мѣа іюна. и».

Кто былъ составителемъ вышеприведенной замѣтки, рѣшить не беремся. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что сборникъ, въ которомъ помѣщена замѣтка, принадлежалъ одному изъ вліятельныхъ членовъ Стоглаваго собора. Въ сборникѣ находится нѣсколько другихъ статей, которыя цѣлкомъ или въ извлеченіи вошли въ Стоглавъ. На л. 1 об. н. помѣчено слово сѣго ѣсрѣтѣ, внесенное въ Стоглавъ (стр. 135), какъ одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ въ пользу двуперстнаго сложенія крестнаго знаменія. На л. 311 и слѣд. читается Никейскаго ѣсора прѣкло ѣрѣемъ. иже не ѡблудѣтса въ сѣишии ризы. или не рздѡуитице. или гордѡстѣю. или лѣвѡстѣю, помѣщенное въ Стоглавъ (стр. 102) безъ приписанія правила Никейскому собору. На л. 311 об. вписано прѣкло іѡдъ маткѣ о томъ же предметѣ, и въ Стоглавъ (стр. 103) слѣдующее за предъидущимъ правиломъ. На л. 436 находимъ слово ѡ крѣпѣнѣ, вставленное и въ Стоглавъ (стр. 136). На Стоглавомъ соборѣ возникло сомнѣніе такого рода: «Что въ уставѣ приписано на усѣкиновенне честныя главы воздержатися въ той день отъ мяса и рыбы повелѣваетъ и всю седмицу поститися, *невѣдомо отколе взято?»* (Стогл. стр. 192). Въ сборникѣ, л. 151, читаемъ объясненіе этого поста обычаемъ, заимствованнымъ у Грековъ: «и на оубиснѣ сѣмѣ бѣдъ. и на положенѣ поѣса. и на ѡбратенѣ глѣкы и на усѣкиовскыѣ глѣкы мѣ не іѣсти тоже ѡ ѣрскъ пошло лѣ оубкого глѣкѣ болити и ѡумъ. и нѣиі іѣдѣти іѣче не въ срѣ боудѣти и нѣ. ікоже ѡ .іѣ. іѣдѣтса маса іѣсти. Наконецъ на 283 л.

сборника вписаны въ ѿмыа кннги, истра и пацкал здеца-
нѣа о ирдѣноклнн, отрывокъ изъ концѣ есть въ Стоглавъ (стр.
270). Составитель замѣтки о церковныхъ несправленіяхъ былъ,
вѣроятно, и владѣльцомъ сборника, по крайней мѣрѣ замѣтка
пользуется нѣкоторыми статьями и указаніями сборника, какъ
ими пользовался и Стоглавый соборъ. Въ замѣткѣ указано,
что «многіе кумове и кѣхы единаго младенца крестятъ мзды ради»,
и на 5 л. сборника читаемъ: Сего ради коучиомъ нешиюгннхъ до-
стойтъ кнн. ннже коучиомъ и коучн. ико хъсе кнншенъ землі творнмо ѿ.

Въ 1577 году сборникъ, о которомъ мы говоримъ, при-
надлежалъ рязанскому владыкѣ Леониду и, вѣроятно, достался
ему отъ члена Стоглаваго собора Касьяна, предметника его
на рязанской каедрѣ. Какъ бы то ни было, особенно досто-
пно вниманія то обстоятельство, что этотъ сборникъ, въ который
внесенъ наскоро наброганный планъ нѣкоторыхъ частей Стогла-
ва и которымъ несомнѣнно обусловились нѣкоторыя главы она-
го, заключаетъ въ себѣ между прочимъ и Кормчую, составлен-
ную Вассіаномъ Патрикѣевымъ ¹. Эта Кормчая осуждена была
на соборѣ 1531 года, потому что въ ней приводились доказа-
тельства противъ права монастырей владѣть отчинами. Въ раз-
сматриваемомъ сборникѣ это мѣсто Вассіановской Кормчей
читается такъ: ² Аще ли кто възгласъ, прѣ сего монастыри
земляши жнли, но нѣ тако но прѣ сего кси ѿри мууллини. селъ
оу монастырей не держали, ни пахомси вслнннн. ни лриѡнъ вслн-
кнн. ни сонншн вслнннн. ни селъ ѡснѣнннн ни ѡсснн вслнннн, ни
лнтомнн вслнннн. ни смнсѡ уютворецъ, нже изъ днѣзнн горъ. ни лфо-
мнснн лѡомскнн. ни ѡсръ стоудннскнн. ни ннмъ прснннн муулли-
ннн. селъ оу монастырей. не ннлн. лѣгвста нервннн ѡ семъ
же трн пѡоуснннн. Аще кто и днлалъ и селъ, ннн не ннлн. но
жнли есзымсннно по сѣллню. и по скосмъ ѡбъщлнню. Тнкоже и
роусьскнмъ землн хдешнннн мууллинннн и уюторннн, лнтомнн и ѡсдо-
сннн несурсьскнн нже въ кннвѣ уюторннн. и ссрлгнн рѣмнжскннн. и кн-
рнлъ еслозсрсьскннн и влрлцъ новогорѡскннн. и пацкелъ комельскнн селъ
къ грчннмъ мнлнстнрѣ не ннлн. но сконхъ оуунокъ оуунали по
сѣллню жнть. и по нноусьскомоу ѡбъщлнню. нонннн запрннлн и ѡ
сс сконнхъ ннслнннннн, ни въ мнрсьскннн ни въ кнннѣ вѣстнлннннн
всннно. ѡ горе оуки. прѣстнлннннн хдноклннннннн, и ѡнн

¹ Описание рукописей Толстова. Отд. I, № 169. Прибавленія къ Творен-
св. отцовъ, X, 515.

² Ср. Палеограф. свѣдѣннн къ описанію рукоп. Толстова, № 4.

скою оуцениа. села и монастырѣ сѣлають и поноушаютъ. и владычю ими. и вса хлаа соделають ѿ нихъ. инокѣ спротивѣма и заповедаемъ ежнѣ. ѿхъ что воудеть къ дѣи судимѣ. единоу заповѣдъ престоупити уленъ. мѣши парѣса изъ цркви неки; а мнѣи. инокѣ мѣто мѣта ктѣма и геѣна ѿгиснаѣ. А къ айна и къ стѣм ѿцѣ писанимъ многаѣ такокаѣ заповѣди не храмаѣи заповѣди ежнѣ (л. 210 об. 211). Затѣмъ слѣдуютъ перечепь и мѣста изъ писаній противъ владычю монастырей отчинами. Постриженникъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, Вассианъ не любилъ старцевъ Иосифова монастыря. Иосифъ, какъ извѣстно, отстаивалъ права монастырей на владычю отчинами. Касьянъ, епископъ рязанскій, также неблагоклонно смотрѣлъ на Иосифа Волоколамскаго. На соборѣ 1551 года Касьянъ снача хуити книгу прендобнаго Иосифа, еже сеи прендобныйи снса на ересъ новгородскихъ еретиковъ. ¹ Возаршию Иосифа Волоцкаго и его послѣдователей на вопросъ о монастырскихъ имуществѣхъ одержало верхъ и на Стоглавомъ соборѣ, хотя, конечно, находило сопротивление въ нѣкоторыхъ членахъ собора. ² Авторъ замѣтки (кто бы онъ ни былъ) успѣлъ обратить вниманіе членовъ собора почти на всѣ замѣченныя имъ въ православнои вѣрѣ несправленія и выставить противъ нихъ заповѣди собора Стоглаваго; но въ Стоглавѣ нѣтъ ничего противъ важнаго пункта, указанаго въ замѣткѣ: *холоуствома робляма безъ кончки* и послѣ живота своего дѣтямъ своимъ дають, а архиепископы приписываютъ. На Стоглавомъ соборѣ получила перевѣсъ партія митрополита Макарія, проводившая убѣжденія Иосифа Волоцкаго о владычю монастырей отчинами. Не лишено интереса и то обстоятельство, что престарѣлый Иосафъ, митрополитъ ростовскій, въ своихъ замѣчаніяхъ на статьи Стоглаваго собора проситъ уничтожить новый налогъ на крестьянъ, который установленъ былъ соборомъ для искушенія пѣлѣныхъ. Этотъ окупъ Иосафъ совѣтуетъ брать не съ сохъ, а «изъ митрополитчи и изъ архиепископчи и изо всѣхъ владычюныхъ казнь и съ монастырей со всѣхъ, кто чего достоинъ». «Крестьяномъ, государь царь, (объясняетъ Иосафъ) и такъ твоеи много тягли, въ своихъ податехъ, государь, покажи имъ милость». Печалуюсь за крестьянъ и переводя съ нихъ налогъ на монастырь и казну владыкъ, Иосафъ даетъ проскользнуть

¹ Московскіе соборы на еретиковъ XVI вѣка въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и древн. IX, отд. IV, стр. 1.

² Смотрѣ любопытный отвѣтъ митр. Макарія въ предъидущ. статьѣ.

въ своихъ замѣткахъ недоброжелательству на Іосифа Волоколамскаго. Написано, государь, въ твоихъ спискахъ: у дѣда твоего, государя нашего, у великаго князя Ивана Васильевича на соборѣ быль игуменъ Іосифъ Волоцкой, какъ государь соборовалъ дѣдъ твоѣй и государь нашъ о вдовыхъ священникахъ. *И на томъ соборѣ у дѣда твоего были мноихъ монастырей честныхъ архимандриты и игумены и старцы многіе, тѣхъ же монастырей пустышники, которые житиелъ были Богу угодны и святое писаніе изъяснимо разумѣли, потому же, государь, какъ нынѣ у тебя, государя, на соборѣ многіе архимандриты і игумены і многіе старцы изъ всѣхъ монастырей. И опричь, государь, игумена Іосифа никто не написанъ, кто у дѣда твоего быль на томъ соборѣ. И будетъ, государь, тебѣ угодно дѣда твоего, государя нашего, тотъ соборъ, и ты бы, государь, Бога ради и тѣхъ честныхъ монастырей архимандритовъ и игуменовъ і старцовъ велѣлъ написать въ той статьи во своемъ спискѣ.* (Стоглавъ, стр. 429).

Рязанскій епископъ Касьянъ, противникъ Іосифа Волоцкаго, въ 1551 году лишился былъ епископской кафедръ, которую получилъ Леонидъ, владѣлецъ сборника, изъ котораго замѣтована нами замѣтка о церковныхъ несправленіяхъ. Касьянъ лишился сана, между прочимъ, за хулу на книгу Іосифа Волоцкаго. Новый рязанскій епископъ Леонидъ былъ постриженникомъ Іосифова монастыря и горячимъ приверженцемъ его основателя. Это видно изъ слѣдующей челобитной Леонида: «Богомъ вѣнчанному и христонюбивому государю царю великому князю Федору Ивановичю всеа Русіи бнеть челоюмъ богомолецъ твоѣй государевъ епископъ Леонидъ Рязанской и Муромской. Пожаловалъ еси, государь, меня богомольца своего, велѣлъ мнѣ быти у себя, государь, за столомъ на Рождество Христово. И архиепископъ Государь Ростовской Евѣимей мнѣ, богомолицу твоему, съ собою ести зъ блюда не дагъ и меня, богомолица твоего, конечно позоровалъ. А прежь того, государь, при отце твоемъ при нашемъ государи при цари великомъ князе Иване Васильевиче всея Русіи и язъ, богомолецъ твоѣй, едалъ со архиепископомъ съ новгородскимъ с одново блюда, а въ томъ, государь, дѣле воленъ ты, государь, какъ тебѣ, го-

¹ Изъ рукописнаго сборника, принадлежавшаго Волоколамскому монастырю (нынѣ Московской Духовной Академіи), № 564, л. 74—об.—75 об., XVI вѣка. Ср. Акты Исторч. I, 410.

сударю, Богъ известить. А о томъ тебѣ, государю, молю и челоуъ бню, что, государь, насъ богомолцовъ твоихъ оснеовскихъ постриженниковъ называетъ всехъ не оснеовныи, но жидовляныи. И преподобнаго, государь, Носноа постригъ Паѣнутаей чудотворецъ Боровской своимъ руками, а Паѣнута, государь, постригъ старецъ Иикита, ученикъ Сергѣя чудотворца, Носнеу, государь, преподобному свидѣтель житию; преподобнаго Паѣнута чудотворца по прошенью его и по моленью дагъ Богъ дѣду твоему наслѣдника царствю вашему отца твоего, нашего государя царя, великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии, а приемникъ его былъ во святѣи купели Касьянъ Босоу, ученикъ Паѣнута чудотворца и собеседникъ старцу Носнеу преподобному, да Данилъ архимандритъ Малоу Переславской, ученикъ Паѣнута чудотворца. И къ тому тебѣ, государя, молю, что, государь, прежь сего при правде из Осифова монастыря ¹ были богомолцы ваши власти больше. Изъ Осифова монастыря при твоемъ государе, при правде и при дѣде на Москвѣ былъ Данилъ митрополитъ всеа Русии, въ Ростове на архиепископѣ Касьянъ, братъ Носнеу чудотворцу, а въ Смоленску Сава Сленушкинъ, а на Коложне Васьянъ Топорковъ, а при отцѣ при твоемъ, при нашемъ государе, въ Новгородѣ на архиепископствѣ былъ Феодосѣи, Носнеовъ же постриженникъ, да во Твѣри епископъ Окакѣи, да на Крутицахъ Сава черной, да Шоантъ, да Галактонъ, да въ Смоленску епископъ Гурей Заболоцкой, да въ новомъ просвѣщенномъ царствѣ Казани былъ архиепископъ первой Гурей да Германъ да Лаврентей да Тихонъ да Ерѣмѣя, да на Крутицахъ Семюнъ, да въ Полоцку Трионъ архиепископъ. И при твоемъ, государь, при отцѣ, при благовѣрномъ царя, великомъ Князи Иванѣ Васильевичѣ тѣхъ архиепископовъ и епископовъ укоризны никакой не бывало и такова неподобнаго слова, еже и мирскимъ челоуѣкомъ гнуса. Милостивый царь государь! покажи милость, вступиися; оборони пречистая доу отъ такова наветнаго и поноснаго слова. Милостивый царь государь! смилуйся».

Мѣсто противника Юсифова Касьяна рязанскаго запягъ такимъ образомъ Юсифляниинъ Леонидъ, какъ видно, пользовавшийся покровительствомъ Макарія, вдавшивъ съ нимъ съ одного блюда. Въ вопросѣ о монастырскихъ отчинахъ Макарія

¹ Это слово въ рукописи пропущено.

держался взгляда Іосифа Волоцкаго и этотъ взглядъ восторжествовалъ на Стоглавомъ соборѣ, благодаря съ одной стороны вліянію Макарія, съ другой вліянію другихъ членовъ собора, бывшихъ постриженниковъ Іосифова монастыря: къ послѣднимъ, по свидѣтельству челобитной Леониды, принадлежали изъ засѣдавшихъ на Стоглавомъ соборѣ: Феодосій, архіепископъ великаго Новаграда и Пскова, Гурій, епископъ смоленскій и брянскій, Акакіи, епископъ тверской и каминскій.

И. Тихомировъ.

Слово о злыхъ женахъ¹.

Слово свѣтъ шѣ. на соуесловесниковъ. и глѣть по
своѣмъ мнѣселемъ. на непочинающе стго писаниа.
и не приичиюще въ бгдохновенныи книги. ги
блгви шче.

Горе члвкъу тмоу. иже бгакъ злѣи створении приложитъ къ бгю.
а бгъ злѣ ничѣмъ не створи. ни шврѣтѣа лѣтъ ко оуѣтѣа ѿго. аще кто
обрѣте что рече злѣи ми даахъ. а не разумѣючи яко днѣбомъ исть де-
ло. а бгъ ни смрти не створи. ни рауѣтѣа ш погнѣан грѣшныи члвкъу.
ни на члвкъа мѣнии не створи. но створена въ моука на днѣкола. аще
кто днѣкола запсѣди творитъ. съ днѣколомъ въ моукоу шсудитѣа.
аще кто гнѣ запсѣди творитъ то съ гмѣ црѣвѣитъ въ бѣки. мы же
есмы въ кнѣвѣ прѣ бгомъ. и злѣ ш на ражѣтѣа ш нашего же злѣ стѣан
ишудити ишсудити телѣснаго. к на же исть зима и шкрѣтитъ зсѣкъ. в на же
зими и черки а кроучины въ члвцѣ .г. желта. зелена. черна. ш жел-
тыи ишудитъ сгнѣныи волѣзнь. ш зеленыи ишхотѣ ишутрѣныи волѣзнь.
а ш черныи смртъ. а кроучины идѣкаютѣа ш лишныи приичѣтѣа и спа-
нии. и женеложнии великаго. аще въ члвкъа пѣахъ иахъ въ мѣроу спѣхъ въ

¹ Изъ полѣуставн. сборника первой половины XVI в., принадлежавшаго Юсифову Волоколам. мон., № 566, л. 528 об.—531 об. Ред.

КЛЫКЪ И ДОГОЛѢТИНЪ БѢКЪ ЕГО. БѢКЪ КО ИТЬ КОРОТКОТЪ ГРѢШНИКОМЪ. А МОУКА
 КѢЧИМЪ ВѢ КОНЦА. ЕСУДИ ЖЕ БѢЖЕ ЧЛѢКЪ ИКОРЪ НА ПОСЛОУШАНИИ А ЛѢНИКЪ
 НА ГЛАННІ. ДА ПРИИМЕТЪ ЖИЗНЬ КѢЧНОУЮ. Ш ГЛ ПО ДѢЛОМЪ ИКОМЪ. ПЧЕЛ
 ЛЕТИТЬ НА ЗВОНЪ. А МОУДРЫИ НА ПОЛЕЗНОЕ СЛОВО ИДЕТЬ. ДОБРЪ ЧЛѢКЪ
 ОУХО ПРИКЛОНЯЕТЪ КАКО ШПТИСА. А ЛУХВА ОУКЛОНЯЕТСА. ОУТЛА СОУНА НЕ
 МОЧИ ИЛИТИ. А БЕЗОУМАГО НЕ МОЧИ ИЛОУЧИТИ. КАКО КО ОУТЛАБЕ СОУНѢ ИЗ-
 ДИТИ. ТАКОЖЕ БЕЗОУМАИ ИЛОУЧИТИ. КАКЪ СОУДИО РАЗЛОМЛЕКО СЪТЛАБЛЕДИТИ.
 ТАКО И БЕЗОУМАИИ ЧЛѢКЪ БЪ АДЪ НАКЛЖИТСА. ДА НЕ ВОУДЕ ИМОУ ПОЛЫЗ
 КЪ БѢКЪ. ИГДА ЗАГОРИТСА ХРАМИНА. ЧИМЪ ГЛСИТИ; ВОДОЮ. ЧТШ ВОЛѢ КОДЫ;
 БѢТРА. ЧТО ГОРБѢ КѢТРА; ГОРА БѢТРА НЕ РАДИТЬ. ЧТО СИЛНІЕ ГОРЫ; ЧЛѢКЪ
 КЪ ГОРОУ ККСПИТСА. И БИЩЕТЬ КЪ НЮ И ПОХОДИТЬ. ЧТО БОЛЕ МОЖЕТЪ ЧЛѢКЪ
 ХМЕЛЬ. ТОИ ШИИЕТЪ РОУКА И НОГА. ЧТО ЗЛѢБѢ ХМЕЛЮ СОНЪ; ЧТО ЛЮТБѢ
 СМЪ; ЖЕНА ЗЛЪ. НА МОУЖА. ЧТО ПРОТИВНО ЖЕНѢ РАЗБѢ ДРЕВА БЕЗДЪШНАГО;
 ЧРЕДИ. ЕРО: АЩЕ ВОУДЕТЬ ДОБРА ИНА ВОИТСА И ПОСЛОУШАЕТЪ. АЩЕ ВОУДЕТЬ
 ЛЮТА И НЕ ВОИТСА НИ МОУЖА НИ ДРЕВА ЖЕНА ЗЛЪ НЕ СТЫДИТСА НИКОГОЖЕ НИ
 СТЛА ЖЕ СРАЖАИТСА НИ ШИНО КЪ БГОУ КОЗКХОДИТЬ. НИ ЗАКОНА ЗНАИТЬ.
 КЪ БСА ШОУЖИТЬ. ИБЪ ЗЛОБЫ ПЪ СМІИНЫ ЗЛОБЫ РАЗБѢ ЖЕНЬСКИИ. ЕРЕ-
 ТИЦА СМІИ. И ИКОРОПИИ. ИУДИИ. ТОГО ЗЛѢБѢ ЖЕНА ЗЛЪ. СМІИ ОУБЪ ИДЕТЬ
 КЪ ЧЛѢКОУ ИИЪ ВОИТСА ИИ. БѢЖИТЬ Ш НИИ. А ЖЕНА ЗЛЪ БОЗЛѢ МОУЖА
 ЛЕЖИТЬ. ДЫШЕТЪ ЗМІЕНЫМЪ ДУХОМЪ. ЧЕРБЪ ДРЕВО ИКОУШИТЬ. А ЖЕНА ЗЛЪ МОУ-
 ЖА ПОГОУБИТЬ. КАКО КО ОУТЛАБЕ ЛОДЪИ ИЗДИТИ. ТАКО І БЕЗОУМАНОЮ ЖЕНОЮ ЖИ-
 ТИ. МОУЖЕ ЖИТИ СО ЛКОМЪ И ЗМІЕМЪ Е ПОУСЪТЫИИ. НИЖЕЛИ І ЖЕНОЮ ЛУХОЮ.
 СОУПСІТАЛНКОЮ. І ПРОКСУДИЛНКОЮ. ПЕРЕСЕ АДАМА ЖЕНА ПОГОУБИЛА. ИЛИИ ПРКА
 ЖЕНА Е ПОУСЪТИИЮ ЗАГНЛА. ИШ КРТАЛЪ ЗКЪРН Е ПОУСЪТИИ ВОСЛІИИ. ЖЕНА
 ЗЛЪ ГЛАБОУ ЕГО ОУСЕКНОУЛА. ИШЪ ЗЛЛОУИТЪ РЧЕ. ИЗЪ БИДѢ КРОТИМЫ
 БОБЕ МІДЪБЪДИ НОГОБЕ. А ЖЕНА ЗЛЪ НЕКРОГІИМИИ ЗВѢРЪ ИТЬ. САМГО
 ШЪ ЗЛЛОУИТАГО ЖЕНА ЗАГОНЛА КЪ ПОУСЪТИИЮ. СОЛОМОНА ПРЕМОУРЪИ ИБЪ НА
 ЗЕМЛИ. И ТОГО ЖЕНА ПРЕЛЪСТИЛА. ИДОЛОМЪ ЕА ПОКЛОННА. А ЖЕНЫ ПОСЛОУ-
 ШЛЪ. ШЦЪ МЕНЕДРЪ РЧЕ. АЩЕ ЛИ ХОЩЕШИ БѢ ПЕЧАЛИ ЖИТИ НЕ ЖЕНИСА. ЕЛИ-
 КО ТИ ИТЬ ТРЕБѢ ІДЕРЖАТИ ПЛОТЬ ИКОЮ. Ш ПОХОТѢНИИ ЖЕНЬСКАГО. АЩЕ
 КТО ХОЩЕТЪ СЕБЕ НЕ МОГА ОУНАТИ ЖИИТИСА ПРІТѢРПѢХ ДО КОНЦА. ЧТО
 ЖИКОУЩЕ ШПТИСА А ПОДАВЪ СЕБЕ БОЛЮ ПОГОУБИТСА. АЩЕ ТИ ЕА ПОИМЕТЪ

ЖЕНА ДОБРА ТО ОУМЕ ТВОЕ НЕ СТРОИТІА НИКОУДА. ИДИШИ АН ГРАѢ ПЛАКА-
 ШИ АН. К ПОУТЬ ПСИТЕОУШИ. Ш ДОМОУ СА НЕ ПРИШИ. ОУМЕ ТВОЕ ЦЕЛЪ.
 НЕ ЗАБОУДИТІА НИ КЪ ЧЕЛЪ. А КОЛИ ДОМА БОУДИШИ ШЕРЛОУИШИА О ДСЕРѢ
 ЖИНѢ И О ДѢТЕ СЕОН. НА ЧИЖОУ РАДОУТЬ НЕ ХОДА. РАТЪ ТВОЕ ДОМА
 ІІТЬ. АЩЕ АН КОМОУ ЖЕНА ДАТІА ЗА ГРѢ. ЧТО ТИ ИТИ НА МѢТЦА ПЛА-
 КАТІА. А ТЫ ДОМА ПЛАЧЕШИА ПО ВСА ДНИ. АЩЕ ТИ СЛЕЗЫ НЕ ЛЕТАТЬ.
 НО ГРЦЕ ПЛАЧЕТЪ. А К ЛЮ ШЕ ОУНЫЕДИШЪ. АНДИ ЕКІЛАТІА. А ТОЕЪ ГРЦЕ
 ПІЛЧЕТЪ. Ш ДОМОУ ІКОЕМЪ ПІЧАЛОУИШИ. НО ПРОЛЫІЕЪ БОДЫ НЕ ІГРЕНТЬ.
 ВЕСОУМНЫМЪ РЧИ. ВГОУ НАШЕМЪ СЛАКА. ВЕСГА И НИѢ И ПНО.

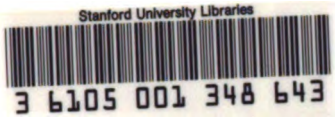

PG
3200
T544
V.5

DATE DUE			
~~AUG 30 1976~~			
~~OCT 13 1976~~			

